Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Соловенко Игорь Сергеевич

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ШАХТЁРОВ РОССИИ В 1992–1999 гг.

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
Зиновьев Василий Павлович

Томск – 2017

Оглавление

Введение ……..……..……..…..... 4
ГЛАВА 1 ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧИХ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В 1990-е гг. …….. 85
1.1 Политические причины и факторы протестной активности шахтёров России …… 85
1.2 Проблемы угольной промышленности России во время перехода к рынку …….……... 126
1.3 Социальные проблемы населения углепромышленных городов и посёлков ……. 192
ГЛАВА 2 ПОДЪЁМ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ШАХТЁРОВ РОССИИ (1992–1997 гг.) ……. 223
2.1 Формирование новой стратегии и тактики борьбы ……..……. 223
2.2 Динамика протестного движения ……... 267
2.3 Отношение к акциям протеста шахтёров в обществе …… 308
2.4 Основные направления нейтрализации протестного движения …… 320
2.5 Результаты и значение протестного движения шахтёров России в 1992–1997 гг. ……..... 348
ГЛАВА 3. ПИК ШАХТЁРСКИХ ПРОТЕСТОВ (ЯНВАРЬ–ИЮЛЬ 1998 г.) ……..……..…….. 356
3.1 Радикализация стратегии и тактики борьбы ……..… 356
3.2 Усиление динамики протестного движения ……..….. 381
3.3 Изменение общественного мнения в оценке шахтёрских акций протеста ……..……..…… 421
3.4 Повышение значения основных направлений нейтрализации

протестного движения …….. 438
3.5 Результаты и значение протестного движения шахтёров России
в январе–июле 1998 г. …… 467
ГЛАВА 4 СПАД ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ РАБОЧИХ
УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (АВГУСТ 1998 г. – 1999 г.) … 479
4.1 Противоречия стратегии и тактики борьбы …… 479
4.2 Ослабление динамики протестного движения …….. 492
4.3 Снижение внимания россиян к акциям протеста горняков ……. 506
4.4 Изменения приоритетов в основных направлениях
нейтрализации протестного движения …….. 511
4.5 Результаты и значение протестного движения шахтёров России
в августе 1998 г. – 1999 г. ……. 531
Заключение ……..…….. 538
Список использованных источников и литературы ……...… 546

ВВЕДЕНИЕ

Научная проблема исследования. Кризисное положение постсоветской России разделило позиции экспертов в вопросе рационального развития общества. Одной из центральных проблем в общественных и научных дискуссиях стало отношение к акциям протеста трудящихся. Одни учёные увидели в этом угрозу либерально-демократическому развитию страны, другие – фактор перемен, способных сохранить не только экономику, но и государственность. Вслед за социологами и политологами историки стали изучать движущие силы, цели, задачи, формы и методы борьбы трудящихся современной России. В центре их внимания оказались рабочие угольной промышленности, которые, начиная с 1989 г., были в авангарде противостояния с властью. Однако комплексный анализ протестного движения российских шахтёров во время перехода к либерально-рыночным отношениям представителями исторической науки пока не осуществлён.

Актуальность научной проблемы. В исторической науке имеются противоположные точки зрения на место и роль шахтёрской борьбы в общественно-политической жизни нашей страны в конце 1980-х – начале 2000-х гг. Результаты протестного движения советских и российских шахтёров были весьма противоречивы и до сих пор требуют глубокого осмысления историками. Уменьшение внимания россиян к акциям протеста угледобытчиков во время либеральных реформ стало показателем потери их места и роли в общественно-политической жизни страны, хотя по своим масштабам протестное движение шахтёров в годы «шоковой терапии» не уступало, а порой и превосходило период «перестройки». Серьёзным изменениям подверглись стратегия и тактика шахтёрской борьбы. Протестные действия представителей одной из самых тяжёлых и опасных профессий в то время уже не соответствовали парадигме идеологов рабочего движения конца 1980-х – начала 1990-х гг. Вопрос: «Почему шахтёрам постсоветской России в ходе упорной борьбы не удалось добиться тех

политических результатов, каких они достигли в “перестроечный” период?», остаётся открытым.

Шахтёрская борьба 1990-х гг. стало «неудобной» темой для представителей разных полюсов исторической науки современной России. Представители либерального лагеря до сих пор не скрывают своего неприятия перемен в общественно-политическом сознании горняков того времени, изменения целей и задач их борьбы, требований и т.д. В свою очередь, многие сторонники левых взглядов считают шахтёров «предателями», не заслуживающими особого внимания. Смысл их публикаций сводится к показу «позорного» положения горняков в годы рыночных преобразований, главной причиной которого стали «продажные» цели их забастовочного движения 1989–1991 гг.

Немаловажным является и то, что трансформационные процессы рассматриваемого периода снизили исследовательский интерес к рабочим, к их жизни и деятельности. Вопросы развития рабочего класса довольно быстро уступили доминирующие позиции новым темам – предпринимательской, религиозной и т.д. Существенное изменение тематического вектора исторических исследований оставило в тени многие вопросы рабочего движения, которое в 1990-е гг. продолжало играть значимую роль в общественно-политических процессах.

Тесно связано с этим и преобладание в исторической и краеведческой литературе на уровне не только шахтёрских городов и посёлков, но и регионов сюжетов, прославляющих героический труд горняков. В то же время, полностью, либо почти полностью на местном и региональном уровнях отсутствуют работы, в которых подвергается критическому анализу информация об акциях протеста рабочих угольной промышленности.

Это определило «умолчание» в отечественной исторической науке и краеведении многих вопросов истории протестного движения шахтёров постсоветской России.

Степень изученности проблемы. Литература изучаемой темы вследствие актуальности чрезвычайно разнородна и обширна, что затрудняет ее классификацию. В нашем случае наиболее оптимальным критерием деления литературы является хронологический принцип. Все исследования условно делятся на две группы. В первую включены труды современников событий (1992–1999 гг.), во вторую – сочинения с 2000-го года. В количественном отношении вторая группа ненамного превосходит первую. Однако если учитывать то, что работы некоторых авторов второй группы являлись продолжением исследований, начатых в 1990-е гг. (порой повторяя идеи и факты), то, в общем, получается примерное равенство в этой позиции.

Объективным отличием выделенных групп литературы является восприятие событий. Для первой группы характерен описательный стиль, наличие прогнозов, ярко выраженная эмоциональность и т.д. Здесь больше работ социологических, философских, экономических и политологических, меньше исторических. Вторая группа исследований характеризуется высоким уровнем анализа, в котором меньше эмоций, больше идейной борьбы и научного осмысления событий. В ней исторические труды занимают важное место и отражают многие стороны протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг.

Первая группа литературы. Первоочередной причиной внимания к акциям протеста рабочих угольной промышленности в начале 1990-х гг. стали серьёзные результаты их забастовочной борьбы в последние годы СССР. Слом советской системы и курс на построение новой российской государственности во главе с Президентом Б. Ельциным объективно стимулировали «воспевание» в этом заслуг горняков. В 1990-е гг. идеологи забастовочного движения быстро превратились в летописцев шахтёрской борьбы «перестроечной» эпохи, а также стали претендовать на роль «объективного судьи» протестного поведения горняков постсоветской России.

Новый формат политико-экономических отношений российского государства внёс серьёзные коррективы в изучение протестного движения шахтёров.

Вчерашние борцы в течение нескольких месяцев 1991 г. превратились в «победителей», изменив, таким образом, свой статус и роль. Соответственно, у исследователей в 1992 г. возник вопрос о будущем протестного движения рабочих угольной промышленности, которое, в общем, не стихало. Однако такого концентрированного внимания к ним со стороны учёных не было в силу слабости и разрозненности шахтёрских выступлений. Это стало причиной того, что акции протеста горняков чаще всего (а в серьёзной литературе абсолютно), рассматривались в контексте анализа рабочего и профсоюзного движения. Причём рабочее протестное движение входило в полосу идейного и структурного кризиса, а профсоюзное уже выходило из него. Это и определило преобладание в исследовательской литературе начала 1990-х гг. трудов по рабочему движению.

Особую обеспокоенность о будущем рабочего движения в постсоветской России высказывали его главные идеологи «перестроечной» поры. В реальности здесь выделяются две серьёзные фигуры исследователей – Л.А. Гордон и Л.Н. Лопатин. По их же мнению, забастовочное движение 1989–1991 гг., тем более его результаты, не встретили широкой и однозначной поддержки среди учёных-гуманитариев[1], поэтому круг представителей либерального лагеря в историографии поднимаемого вопроса весьма узок.

Работы Л.А. Гордона и Л.Н. Лопатина о рабочем движении шахтёров того времени в силу объективных причин были ближе к социологическим исследованиям. Однако фактически в каждой из них присутствует исторический взгляд, который нацелен на сравнительный анализ рабочего движения до 1992 г. и после. Идеализация ими шахтёрских выступлений эпохи «перестройки», по сути, задавала общей тренд оценки акций протеста постсоветской России.

На федеральном уровне самыми авторитетными стали работы профессора Л.А. Гордона. Оппоненты, небезосновательно, называли его главным идеологом

[1] Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Антилиберализм и либерализм в Кузбассе. М., 2003. С. 88.

Независимого профсоюза горняков России[1], что напрямую отразилось фактически во всех работах этого учёного. Инерция мощи забастовок 1989–1991 гг., новый демократический курс, с одной стороны, и резкое усиление негативных последствий «шоковой терапии», с другой, определили главную проблему его исследований – выбор оптимального пути развития рабочего движения в постсоветской России[2]. Известный историк и социолог подчёркивает важность дальнейшей эволюции институтов рабочего движения. Вполне оправданным оказался его прогноз о сложности их взаимодействия с органами исполнительной власти в новых политико-экономических условиях.

Горячим последователем идей Л.А. Гордона являлся кузбасский историк Л.Н. Лопатин, который во многом повторил профессиональный путь своего московского наставника. Он сыграл не последнюю роль в проведении шахтёрских забастовок в последние годы советской власти, что позволило ему уверенно ориентироваться во всех вопросах жизни и деятельности угледобытчиков. Л.Н. Лопатин весьма жёстко отстаивал взгляды либерально ориентированных горняков. С их лидерами он порой вместе и публиковался[3].

В первые годы постсоветской России, также, как и Л.А. Гордон, Л.Н. Лопатин был озадачен проблемами развития рабочего движения, особенно в Кузбассе. Высокую озабоченность у Л.Н. Лопатина вызывало падение авторитета рабочих комитетов[4], ударной силы забастовочного движения 1989–1991 гг. Поэтому главной целью его научных сочинений стала популяризация демократических заслуг шахтёров, определение способов выхода рабочкомов из

---

[1] Будько В. Так какие же профсоюзы «государственные»? // Горняцкая солидарность (Газета профсоюза работников угольной промышленности). 1992. 30 июля. С. 2.

[2] Гордон Л., Темкина А. Рабочее движение в постсоциалистической России // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 31–44; Гордон Л.А. Очерки рабочего движения в послесоциалистической России : Субъективные наблюдения, соединённые с попыткой объективного анализа промежуточных результатов исследования. М., 1993. 76 с.

[3] Лопатин Л.Н., Голиков В.М., Асланиди А.В., Кислюк М.Б. Несколько тезисов о рабочем движении Кузбасса // Наша газета. 1991. 5 июня. С. 9.

[4] Лопатин Л. Дубина – инструмент не строительный. Рейтинг рабочих комитетов падает. Почему? // Наша газета. 1992. 12 июня. С. 5.

кризисной ситуации[1]. Будущее рабочих угольной промышленности он видел в совместной с Президентом Б.Н. Ельциным деятельности, прежде всего, в создании новой российской государственности и противостоянии «сторонникам госсоциализма». Любые политические действия горняков, в том числе акции протеста, которые не соответствовали либеральным ориентирам, подвергались им резкой критике.

Несмотря на некоторый субъективизм, присутствующий в рассмотренных трудах Л.Н. Гордона и Л.Н. Лопатина, они дают возможность сравнить многие явления и процессы, которые происходили в протестном движении шахтёров в период «перестройки» и постсоветские годы. Их исследования, безусловно, стимулировали рост внимания учёных-обществоведов к проблемам угледобытчиков.

В начале 1990-х гг. вопросы шахтёрской борьбы затрагивались отдельными авторами и в контексте тех или иных проблем. Наиболее значимыми для нас являются аналитические статьи в которых анализируется профсоюзная деятельность[2], в том числе от первого лица[3]. Центральной темой публикаций являлась борьба между ведущими шахтёрскими профсоюзными организациями – Росуглепрофом и Независимым профсоюзом горняков России[4]. Соответственно и защита интересов угледобытчиков представлялась сквозь призму достижений того или иного профсоюза. Главное, что показывают нам аналитические статьи – это готовность горняков к сотрудничеству с новой властью, отсутствие каких-либо принципиальных недовольств угольной политикой.

Таким образом, в первые годы рыночных реформ в исследованиях господствовал либеральный взгляд на протестное движение шахтёров постсоветской России.

---

[1] Рабочее движение Кузбасса. Сборник документов и материалов (апрель 1989 – март 1992) // Составитель Лопатин Л.Н. Кемерово, 1993. 622 с.

[2] Карзова В. Шахтерская карта пока в руках … шахтеров // Наша газета. 1993. 20 марта. С. 1.

[3] Будько В. Так какие же профсоюзы «государственные»? // Горняцкая солидарность. 1992. 30 июля. С. 2.

[4] Там же.

На развитие научных взглядов влияли не только политические и экономические факторы. Начало 1990-х гг. – это время динамичного и плодотворного развития в России такой науки, как социология. Одним из ведущих направлений данной науки стало исследование трудовых конфликтов, которые активно развивались на фоне резкого экономического спада и снижения уровня жизни населения. Шахтёры и их профсоюзы были зачинателями многих новых явлений в социально-трудовой сфере (например, заключение отраслевого тарифного соглашения) и инициаторами резонансных акций протеста, поэтому они сразу оказались в фокусе многих социологических обследований.

При этом попытки Л.А. Гордона сформировать либеральное направление в изучении социальной сферы российских шахтёров не принесли заметных результатов. Он так и не стал высоко цитируемым автором в области социологических исследований. Чрезмерная политизация и оторванность его трудов от реальной жизни рабочих только усилили появление альтернативных подходов учёных-социологов в анализе протестного поведения шахтёров.

Первый заметный сигнал на научном уровне о динамичном ухудшении социально-экономического положения горняков и их готовности к решительным действиям появился в 1994 г. Им стала брошюра, в будущем широко известных, социологов П.В. Бизюкова и Е.Я. Варшавской «История закрытия двух шахт в Кузбассе, поучительная прежде всего тем, что подобное может повториться в других городах и отраслях»[1]. Авторы не только дали анализ причин и характера закрытия конкретных угледобывающих предприятий края в начале 1990-х гг., но и во многом, верно, спрогнозировали неминуемость роста шахтёрских выступлений в Кузбассе и других углепромышленных регионах страны.

До 1995 г. фактически отсутствовали труды, в которых бы детально рассматривались конкретные формы и методы борьбы шахтёров. Однако с этого года всё меняется, так как в стране развернулось мощное стачечное движение как

[1] Бизюков П.В., Варшавская Е.Я. История закрытия двух шахт в Кузбассе, поучительная прежде всего тем, что подобное может повториться в других городах и отраслях. М., 1994. 16 с.

горняков, так и рабочих других отраслей. В силу малой результативности забастовок, набирали популярность другие формы протеста – подземные «забастовки», митинги, пикеты, демонстрации, голодовки, «рельсовые войны» и др. Не замечать этого было невозможно.

Весьма резонансной в стране стала акция протеста горняков г. Анжеро-Судженска в октябре 1994 г., когда были перекрыты рельсы Транссиба, важной транспортной магистрали страны. Анализ социально-трудового конфликта на шахте «Судженская» и других вопросов кризисной ситуации в угольной отрасли получили отражение в статьях В. Борисова, В. Бизюкова и К. Бурнышева, вышедших в 1995 г.[1] Как верно потом заметил А.Л. Темницкий, основным лейтмотивом содержания их статей стало «просто выживание коллектива», а не какие-то величественные идеи, как это было в 1989 г.[2] С этого момента возрастает внимание научного сообщества к насущным проблемам горняков, а также способам отстаивания ими своих интересов.

Большой интерес представляет детальный анализ такой новоиспечённой формы борьбы как подземные «забастовки» представленный П.В. Бизюковым[3]. Именно на шахтах Кемеровской области эта форма протеста получила тогда высокую популярность. Кузбасский социолог показал её сильные и слабые стороны в сравнении с другими формами борьбы, подчеркнул высокий уровень её демонстрационности. П.В. Бизюков не идеализирует шахтёров и подземные «забастовки», но в то же время и весьма критично высказывается в адрес руководства предприятий и отрасли в целом.

В середине 1990-х гг. для многих были очевидны слабости забастовки как формы протеста в новых либерально-рыночных условиях. Однако, в силу разных причин, она продолжала доминировать среди других способов отстаивания

---

[1] Борисов В., Бизюкова В., Бурнышев К. Горняки на рельсах. Что заставило судженцев перекрыть Транссиб? // На-гора! 1995. № 5–6, январь. С. 5; Борисов В.А., Бизюкова В.А., Бурнышев К.В. Конфликт на угледобывающем предприятии // Социс. 1995. № 3. С. 57–68.

[2] Темницкий А.Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // Мир России. 2006. № 2. С. 87.

[3] Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка. М., 1995. 53 с.

трудовых прав. Поэтому внимание многих исследователей шахтёрской борьбы было приковано именно к остановкам трудовой деятельности.

Тема не только стачечного, но и в целом шахтёрского движения стала набирать обороты. При этом дальнейшие попытки сохранения либерального взгляда на данные процессы по-прежнему не вызывали адекватной реакции со стороны научного сообщества. Такие упрёки либеральных идеологов как, например: «К 1995 г. шахтёрское движение сошло на уровень качества даже не июля 1989 г., а апреля–марта 1989 г. – за требование одноразового значения: выдачу заработной платы»[1], не воспринимались большинством исследователей всерьёз, так как все знали нищенское положение подавляющей части рабочих угольной промышленности. Даже те учёные, которые признавали потребность в демократических институтах «снизу», отмечали отсутствие позитивного восприятия демократии и рынка в шахтёрской среде (А.Н. Олейник)[2].

Существенное отличие забастовок, да и самого шахтёрского движения периода «шоковой терапии» от времён «перестройки» требовало новых подходов в анализе данного явления. Такая позиция впервые прозвучала в статье К.А. Кравченко – «Шахтерские забастовки: проблемы исследования»[3]. В содержании статьи автор поднимает ряд актуальных и малоизученных проблем в исследовании шахтёрских забастовок, которые стали ориентиром для других учёных: интерпретация форм протестных действий, факторы социального и политического воздействия шахтёров на властные структуры и др. Однако надо признать, что прогнозируемой реакции со стороны исследователей, вплоть до наших дней, так и не последовало. Важно и то, что в массовых забастовках горняков, начиная с 1993 г., К.А. Кравченко увидел первые ростки их нового классового самосознания.

---

[1] Лопатин Л.Н. История рабочего движения Кузбасса (1989–1991 гг.). Кемерово, 1995. С. 294.

[2] Олейник А.Н. Есть ли перспектива у социальных движений в России: анализ развития шахтерского движения, 1989–1995. [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Oleynik_1996_3.pdf (дата обращения: 13.04.2016 г.).

[3] Кравченко К.А. Шахтерские забастовки: проблемы исследования // Социс. 1995. № 10. С. 59–62.

Вскоре стали очевидны перемены и во взглядах на остановки шахтёрами трудовой деятельности. По мнению К. Букетова, несмотря на оборонительный характер забастовок, они быстро разрастались до региональных масштабов и становились угрозой стабильности. В этих условиях, замечает исследователь, возросла организаторская роль отраслевых профсоюзов[1].

Несколько дальше во взглядах на борьбу рабочих угольной промышленности пошёл тогда В.А. Борисов. В 1996 г. он не только пришёл к осознанию наличия огромного багажа проблем угольной промышленности и распространению безысходности среди горняков[2]. В росте забастовочного движения шахтёров В.А. Борисов увидел их потенциальные возможности укрепления места и роли в рабочем движении[3]. В середине 1990-х гг. он поднял очень актуальную для шахтёрского сообщества тему – это проблема солидарности. Известный социолог не останавливается на анализе дефицита внутриотраслевой солидарности, а идёт дальше других экспертов. Он обращает внимание на отказ шахтёров от совместных выступлений с трудящимися других отраслей и организаций. Тем более тогда в российском обществе рабочих угольной промышленности уже рассматривали как один из ключевых субъектов массового протеста[4].

В целом 1996 г. оказался весьма противоречивым в жизни и борьбе горняков. Два года реструктуризации не повысили эффективности угольной промышленности. Мало того, серьёзным образом усугубились их социальные проблемы. Не помогли им в том году ни переизбрание Б.Н. Ельцина Президентом России, ни небывалой мощности региональные и всероссийские стачки. Это внесло коррективы в стратегию и тактику протестного движения горняков. В 1997

---

[1] Букетов К. Коллективные действия профсоюзов и стачечное движение в России в 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libelli.ru/magazine/96_1/1_96_2_7.htm (дата обращения: 24.09.2015 г.).

[2] Борисов В.А. Чем заняться за Полярным кругом? Начало реформ в Воркуте // Социс. 1996. № 10. С. 22–35; Чуланов В.А., Бурьянов О.В. Реформы и социальная позиция шахтеров. Шахты, 1996. 46 с.

[3] Борисов В. Шахтёры в рабочем движении // Российский независимый профсоюз угольщиков – организованные действия в условиях реструктуризации угольной промышленности. М., 1996. С. 91–110.

[4] Андреенкова Н.В., Г.А. Воронченкова. Развитее трудовых конфликтов в России в период перехода к рыночной экономике // Социс. 1996. № 1. С. 24–31; Егорова Е. Красный уголёк. Почему Кузбасс за Зюганова // На-гора! 1996. № 19–20, август. С. 7.

г. заметно снизилась их забастовочная активность, но резко усилилось использование ими радикальных методов борьбы. Также наблюдалось расширение совместных действий шахтёрскими профсоюзами, актуализировались политические лозунги горняков. Это усилило внимание исследователей к двум проблемам: во-первых, к причинам кризиса в угольной промышленности; во-вторых, к радикальным способам отстаивания шахтёрских интересов.

В основе кризисного положения угольной промышленности авторитетные эксперты видели просчёты и ошибки в механизме реструктуризации отрасли. Наиболее важная из них состояла в неподготовленности как управленцев, так и работников угледобывающей промышленности к труду в новых рыночных условиях (П. Бизюков, К. Бурнышев)[1].

Существенно отличаются взгляды исследователей того времени на борьбу шахтёров. Так, например, В. Борисов и К. Бурнышев высказывали опасение по поводу её радикализации[2].

Вполне оправданными считали такие действия Б.В. Ракитский и Г.Я. Ракитская[3]. Они критиковали шахтёрское движение, имевшее политический вес и общественный авторитет в 1989–1991 гг., за то, что оно «выродилось в узкоотраслевые протестно-оборонительные кампании за свои, исключительно шахтёрские интересы»[4].

Пик протестного движения шахтёров, который приходится на январь–июль 1998 г., положительно отразился на сохранении фокуса исследовательских работ 1997 г. Однако произошли и определённые изменения в оценке как кризиса угольной промышленности, так и радикальных способов отстаивания шахтёрских интересов.

---

[1] Бизюков П., Бурнышев К. Реформой – по углю! // ЭКО. 1997. № 2. С. 87–99; Бизюков П. Управленческие ошибки как угроза государственной безопасности (Мониторинг трудовых конфликтов в угольной отрасли) // ЭКО. 1997. № 9. С. 131–141.

[2] Борисов В., Бурнышев К. Кузбасс: дым перед большим огнем // ЭКО. 1997. № 9. С. 115–129.

[3] Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. От массового недовольства, жалобных протестов и выклянчивания соблюдения законов – к солидарному массовому политическому давлению и конструктивному политическому действию // Перспективы и проблемы России. М., февраль 1997. С. 72–87.

[4] Там же. С. 73.

Если социологи продолжили активную критику методов реструктуризации угольной промышленности (П. Бизюков, В.И. Ильин)[1], то экономисты стали более взвешенно оценивать её проведение и причины кризисных явлений в отрасли (В.Н. Попов, А.А. Рожков)[2]. Однако следует подчеркнуть, что эти учёные-экономисты являлись специалистами правительственных структур Российской Федерации, то есть выражали официальную позицию. Вместе с тем, из монографии В.Н. Попова и А.А. Рожкова «Социальные проблемы в угледобывающих регионах при структурной перестройке угольной промышленности России» можно получить уникальную информацию по таким важным вопросам, как: действия Правительства РФ по выводу из кризиса важной отрасли народного хозяйства и решению социальных проблем шахтёрских семей во всех без исключения углепромышленных территориях страны, причины неоднородной динамики протестного движения, международный опыт решения шахтёрских проблем и др.

Несколько парадоксально в 1998 г. сложилась ситуация с исследовательской оценкой радикальных способов отстаивания шахтёрских интересов. Несмотря на резонансные в том году акции протеста горняков (всероссийские «рельсовые войны», продолжительный пикет перед Домом Правительства РФ и др.), особой поддержки со стороны учёных-обществоведов они не получили. В лучшем случае встречалось сочувствие по отношению к данным выступлениям.

Такой подход, например, наблюдается в объёмной историко-социологической монографии В.И. Ильина «Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы)»[3]. В данной работе хорошо заметно влияние географического фактора на радикальные способы борьбы. Для шахтёров Воркуты железнодорожные блокады оказались весьма невыгодной формой

---

[1] Бизюков П. Цели у «команд» разные, средства – те же // Кузнецкий край. 1998. 4 июля; Ильин В.И. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998. 270 с.

[2] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах при структурной перестройке угольной промышленности России. М., 1998. 256 с.

[3] Ильин В.И. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998. 270 с.

протеста. Лучшим образом им подходил пикет перед Домом Правительства РФ. В.И. Ильин верно замечает, что экономико-географические условия стали серьёзным фактором, снижавшим накал шахтёрской борьбы.

Радикальные способы решения шахтёрских вопросов в то время не воспринимались как необходимость только либеральными идеологами. Они всегда находили моменты подчеркнуть разрушительный характер экстремальных акций протеста в 1990-е гг. типа «рельсовых войн»[1].

Ещё дальше в оценке радикальных форм и методов протеста рабочих угольной промышленности пошли некоторые публицисты. Пользуясь общественной поддержкой некоторой части россиян, они усилили информационное давление на шахтёров и их профсоюзы. Ярким примером такого нажима является статья А. Водолазова, название которой говорит само за себя – «Угольный шантаж. Шахтеры как зеркало русского лоббизма»[2]. Автор статьи жёстко критикует рабочих угольной промышленности и их профсоюзы за их «излишнее иждивенчество», подчёркивает важность неуступчивости Правительства РФ.

Реальной альтернативой радикальным методам протеста всегда была забастовка. Поэтому исследовательский интерес к ней постоянно сохранялся. Относительная успешность всероссийских «рельсовых войн» и пикета перед Домом Правительства РФ только усилили внимание к изучению забастовок. В 1998 г. вышла в свет коллективная монография «Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт», авторами которой являются А.Н. Крестьянинов, О.М. Кукса, Р.И. Лаврентьева и Н.М. Маслова[3]. Это была первая крупная работа, где рассматривались многие вопросы эволюции протестного движения шахтёров России 1990-х гг. В ней даётся межотраслевой, региональный, общероссийский и

---

[1] Лопатин Л.Н., Гордон Л.А., Куделин А.А. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. М., 1998. 617 с.

[2] Водолазов А. Угольный шантаж. Шахтеры как зеркало русского лоббизма // Новое время. 1998. № 21 (31 мая). С. 9.

[3] Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт / Ю.Н. Миловидова, А.Н. Крестьянинова. М., 1998. 208 с.

международный сравнительный анализ динамики забастовок рабочих угольной промышленности. Авторы выделяют важную особенность протестных выступлений российских горняков – широкую поддержку их требований представителями других социально-профессиональных групп углепромышленных территорий.

Таким образом, в 1998 г. научная общественность оказалась в замешательстве. Либеральные идеологи так и не смогли дать полноценный ответ на вопрос: «Почему в демократически-рыночной России жизнь шахтёров становится всё хуже?». «Молчали» и их идейные противники.

Исследовательский вакуум довольно быстро заполнился в 1999 г. В этом году появился широкий перечень трудов учёных разных направлений (социологов, философов, экономистов, историков, политологов и др.) о шахтёрах России. Каждое направление рассматривало протестное движение шахтёров в контексте определённых научных целей и задач. Однако очевидным фактом этого времени стало жёсткое столкновение позиций тех, кто воспринял борьбу как нормальную реакцию на резкое ухудшение условий труда и жизни шахтёров, и тех, кто видел в ней, в основном разрушительный характер.

Формирование нормальной, терпимой реакции на борьбу шахтёров вследствие резкого ухудшения условий их труда и жизни происходило, благодаря воздействию ряда трудов, в том числе и зарубежных исследователей. В них анализировалось существенное падение угледобычи к 1999 г. и серьёзные социально-экономические проблемы шахтёрских городов и посёлков России (Е.Л. Калтырина, К.А. Заболотская, H. Pleines)[1].

В этой связи многими исследователями вполне закономерно воспринимались

---

[1] Калтырина Е.Л. Рабочий класс современной России: структурные и статусные изменения (на примере угледобывающих предприятий депрессивного региона). Дисс. … канд. социол. наук. Новочеркасск, 1999. 143 с.; Pleines H. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien (Ed.): Die postsowjetische Strukturkrise der russischen Kohleindustrie. Köln, 1999 (Berichte / BIOst 19-1999). URN: http://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/4404 (дата обращения: 14.04.2016 г.); Заболотская К.А. Нарастание кризиса в угольной промышленности Кузбасса во второй половине 70-х – 90-е годы // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории. Кемерово, 1999. С. 64–76.

масштабные, а порой и радикальные протесты российских горняков. На фоне других работ данной группы исследователей[1] высокой степенью сочувствия и солидарности с шахтёрами выделяются труды Б.В. Ракитского[2], Б.И. Максимова[3] и П.М. Леня[4]. Они открыто поддерживают решительные действия рабочих угольной промышленности и видят в этом единственное средство решения их социально-экономических проблем.

Отчасти к этой группе работ можно отнести и статью известных кемеровских историков – К.А. Заболотской и Г.С. Некрасовой: «Рабочее движение и реформационные процессы в Кузбассе (конец 80-х – конец 90-х гг.)»[5]. В ней показана логическая связь роста протестной активности горняков края в годы «шоковой терапии» с забастовочным движением «перестроечного» периода, что не совсем соответствовало взглядам их земляка – профессора Л.Н. Лопатина.

Ответом либерально ориентированных исследователей на явное полевение политических настроений в научной среде стала объёмная работа Л.А. Гордона и его коллег – «Крутой пласт: Шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен»[6]. Появление «Крутого пласта…» после резонансных общероссийских «рельсовых войн» шахтёров в 1998 г., а также их неоднократное упоминание в содержании работы свидетельствует о беспокойстве учёных-либералов результатами и перспективами реформ, следствием чего стал, по их мнению, иррациональный характер протестного движения. Признавая серьёзное ухудшение социально-экономического положения рабочих угольной промышленности, авторы всё-таки пытаются подчеркнуть и позитивные

---

[1] Климов И. Протестное движение в России: взаимная обусловленность стратегий сторон // Полис. 1999. № 1. С. 148–162; Он же. Шахтёры в «рельсовой войне»: субъект социального действия или объект манипуляции? // Мир России. 1999. Т. VIII. № 3. С. 133–152; Bergbauproteste im Kuzbass. Das Jahr des Schienenkrieges in Fallstudien Petr Bizyukov / Inna Donova / Konstantin Burnyshev / Olga Vinokurova // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Köln, 1999. № 36. S. 5–31.

[2] Трудовая демократия. Выпуск 25. М., Ноябрь 1999 г. 40 с.

[3] Максимов Б.И. Шахтёры, власть, народ // Социс. 1999. № 4. С. 101–109.

[4] Лень П.М. Горбатый мост или Прозрение в преисподней. М., 1999. 291 с.

[5] Заболотская К.А., Некрасова Г.С. Рабочее движение и реформационные процессы в Кузбассе (конец 80-х – конец 90-х гг.) // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории. Кемерово, 1999. С. 76–92.

[6] Гордон Л.А. Крутой пласт: Шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен. М., 1999. 352 с.

изменения в жизни шахтёрских городов и посёлков 1990-х гг. Не всегда это выглядит убедительно, но соответствует приверженности Л.А. Гордона и его коллег либерально-демократическим ценностям.

Конец 1990-х гг. стал временем роста внимания к протестному движению как социальному феномену. В этой связи большое теоретическое и практическое значение для раскрытия темы исследования имеет статья И. Задорина и Д. Стребкова «Массовый протест в России во второй половине 1990-х годов: влияние экономических факторов»[1]. Авторы убедительно показали отсутствие корреляции между публичными формами протеста (митинги, манифестации, пикетирования, голодовки) и забастовками. Соответственно, стала очевидна несостоятельность анализа борьбы шахтёров только на основе фактов их забастовочного движения.

Итак, анализ первой группы работ позволяет сделать вывод, что важными для них вопросами были: ситуация в угольной промышленности, забастовка как форма протеста, использование радикальных методов борьбы. Многие исследования характеризуются подробным анализом социально-экономических проблем горняков и их предприятий. Получили детальное отражение в литературе и некоторые формы шахтёрской борьбы. Однако крупных трудов, посвящённых исследуемым в диссертации вопросам, оказалось не так много, фактически только две – «Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы)»[2], а также «Крутой пласт: Шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен»[3]. Они обладали такими сильными позициями, как: высокая степень репрезентативности источниковой базы, широкий спектр рассматриваемых вопросов, активное использование сравнительного анализа и др. Этот период отличается и слабым вниманием учёных-историков к проблемам рабочих угольной промышленности.

---

[1] Задорин И.В., Стребков Д.О. Массовый протест в России во второй половине 1990-х годов: влияние экономических факторов // Полития. 1999. № 4. С. 64–78.

[2] Ильин В.И. Указ. соч.

[3] Гордон Л.А. Крутой пласт ...

Вторая группа литературы. Постепенно положение в научной среде стало меняться, несмотря на то, что стабилизация ситуации в угольной промышленности и экономике страны в целом на рубеже XX–XXI вв. способствовали динамичному спаду протестного движения шахтёров во всех углепромышленных регионах страны. Наоборот, этот спад вызывал противоречивые мнения, так как к тому времени шахтёрское сообщество заметно изменилось в количественном и качественном измерении. За время рыночных преобразований угольная промышленность снизила свою роль в топливно-энергетическом комплексе страны, в несколько раз стало меньше работников отрасли, понизилось их влияние на общественно-политические процессы в России.

На исследовательский интерес влияли продолжение активной борьбы рабочих других отраслей, передел собственности и многие другие актуальные моменты общественно-политической жизни страны. Это инициировало анализ богатого опыта протестного движения шахтёров России в 1990-е гг. В качестве примера можно привести статью А. Дегтярева и Л. Жигунова «Политическая идентичность шахтеров Восточного Донбасса: перспективы рабочего движения в России», опубликованную в 2000 г. в широко известном журнале «Власть»[1]. Они отрицательно оценили результаты реструктуризации угольной промышленности и обстановку в социальной сфере шахтёрских городов и посёлков[2]. Учёные критиковали власть, отраслевое руководство, профсоюзы и самих рабочих угольной промышленности. В своей диссертации Л.Э. Жигунов подчёркивает отсутствие у горняков политической организации, благодаря которой они могли бы оказывать значительно большее давление на власть.

Иной взгляд на реструктуризацию угольной отрасли и шахтёрские проблемы представили в тот момент Л.А. Гордон и Э.В. Клопов в своём двухтомном труде

---

[1] Дегтярев А., Жигунов Л. Политическая идентичность шахтеров Восточного Донбасса: перспективы рабочего движения в России // Власть. 2000. № 12. С. 9–15.

[2] Там же; Жигунов Л.Э. Солидарное поведение как характеристика политической субъектности российских шахтёров. Дисс. … док. полит. наук. Новочеркасск. 2000. 253 с.

«Потери и обретения в России девяностых»[1]. Рассматривая жизнь и деятельность россиян в 1990-е гг., авторы показали их социально-экономические достижения и потери. По мнению Л.А. Гордона и Э.В. Клопова, рабочие угольной промышленности всё-таки больше приобрели, нежели потеряли. Это, в целом, противоречит выводам диссертации Л.Э. Жигунова. В основе данного противоречия, на наш взгляд, географические рамки исследования. В масштабах России, который представляют Л.А. Гордон и Э.В. Клопов, трансформационные проблемы горняков, конечно же, не выглядели столь печально, как у Л.Э. Жигунова, который акцентирует внимание на отдельных, депрессивных территориях страны.

На протяжении всего трансформационного периода, особенно в конце 1990-х гг., актуальной проблемой в угольной промышленности являлся передел собственности. Между тем акцентированное внимание к ней со стороны исследователей, тем более в контексте рабочего движения, фактически отсутствовало. В 2000-м г. вышла коллективная работа «Рабочий протест в России: опыт и проблемы»[2], где раскрываются многие аспекты передела собственности на угледобывающих предприятиях России. Её авторы (Э.Н. Рудык, Я.Н. Керемецкий, Л.А. Булавка) не скрывают своих симпатий к смелым протестным действиям трудового коллектива разреза «Черниговец» (Кемеровская область). «Рабочий протест…» даёт хорошие знания о некоторых формах и методах нейтрализации шахтёрского недовольства в моменты активного передела собственности.

То, что интерес к шахтёрской борьбе в начале 2000-х гг. не угас, подтверждают труды многих исследователей, которые стали заниматься этой проблематикой в 1990-е гг. Центральное место здесь занимает монография В.А. Борисова с близкой к нашей теме названием «Забастовки в угольной

---

[1] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 1. М., 2000. 304 с.; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2. М., 2001. 512 с.

[2] Рудык Э.Н., Керемецкий Я.Н., Булавка Л.А. Рабочий протест в России: опыт и проблемы. М, 2000. 124 с.

промышленности (анализ шахтёрского движения за 1989–99 гг.)»[1]. Масштабный и глубокий анализ ведущей формы протестного движения рабочих угольной промышленности оказался чрезвычайно полезен для автора диссертации. Поэтому по степени цитируемости в тексте диссертации данная работа В.А. Борисов является безусловным лидером.

Монография В.А. Борисова в совокупности с другими исследовательскими работами[2] актуализировала такие важные темы как место и роль профсоюзов в трудовых отношениях, а также задолженность по оплате труда.

Особого внимания заслуживает тема задолженности по оплате труда, которая была главной причиной выступлений шахтёров в годы «шоковой терапии», да и в начале 2000-х гг. сохраняла злободневность для многих из них. Комплексный анализ данной проблемы представлен в сборнике трудов российских и зарубежных экспертов «Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда»[3]. Использование макроэкономического подхода позволило объективно представить политические и социально-экономические причины и факторы задержек заработной платы во всех отраслях народного хозяйства России.

В своих статьях эксперты часто упоминают рабочих угольной промышленности, которые не только имели высокие объёмы задолженности, но и в течение 1990-х гг. активно боролись за её сокращение. До появления материалов сборника в литературе наблюдался процесс перекладывания основной вины за задержку зарплаты то на одного, то на другого субъекта хозяйственных и политических отношений. Данное противоречие встречается и в документальной базе исследования, особенно среди архивных источников за 1990-е гг. Из официальных материалов органов власти, как правило, исходит информация о том, что зарплатный кризис – это результат безответственных действий

---

[1] Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтёрского движения за 1989–99 гг.). М., 2001. 416 с.

[2] Бизюков П. Российские профсоюзы в 1990-е годы: траектория развития // Профсоюзное пространство современной России. М., 2001. С. 19–43; Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда / Под ред. Т. Малевой. М., 2001. 216 с.

[3] Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда / Под ред. Т. Малевой. М., 2001. 216 с.

потребителей и посредников. Убедительные выводы авторов публикаций доказывают полную ответственность государства за задержку зарплаты, которое где-то не смогло решить данную проблему, а где-то и умышленно её замораживало.

Важнее всего то, что эти выводы в дальнейшем никто не пытался оспорить. Да, справедливая критика недобросовестных действий посредников и потребителей фрагментарно звучала в литературе ещё не раз[1]. Между тем, появилось немало работ, идейно близких по существу данного вопроса. Критика безответственного реформирования угольной промышленности государством, которая сопровождалась многомесячными задолженностями по зарплате рабочим, была продолжена в трудах П.В. Бизюкова[2], С.П. Поцелуева[3], Е.А. Юрина[4] и других авторитетных исследователей.

Имеется она и в трудах А.М. Кацвы[5]. Известный российский социолог и политолог внёс серьёзный вклад в исследование вопросов протестного движения трудящихся России. Рассматривая его массовые проявления, он анализирует не только забастовки, но и многие другие формы борьбы, в которых активно участвовали шахтёры – демонстрации, блокады транспортных магистралей, «захват заложников» и др. Всё это подкрепляется богатым приложением ценных документов (резолюции, постановления, заявления, обращения, соглашения и т.д.). Характеризуя крупномасштабные выступления рабочих, имевшие место в 1990-е гг., А.М. Кацва приходит к выводу о том, что они располагали достаточно

---

[1] Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России. Дисс. … канд. экон. наук. М., 2003. 198 с.; Рожков А.А. Социально-экономические последствия реструктуризации угольной отрасли России. Избранные труды. М., 2003. 480 с.; День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов). М., 2004. 132 с.; Лопатников Л.И. Перевал: Из истории рыночных реформ в России. М.-СПб., 2006. 392 с. и др.

[2] Бизюков П. Реструктуризация закончена. А была ли она? // Кузбасс. 2002. 12 марта.

[3] Поцелуев С.П. Ритуализация конфликта (По материалам «рельсовой войны» 1998 г.) // Полис. 2004. № 3. С. 83–94.

[4] Юрин Е.А. Социальная деконструкция профессиональных шахтёрских сообществ в процессе реструктуризации угольной отрасли. Дисс. … канд. социол. наук. Новочеркасск, 2005. 129 с.

[5] Кацва А.М. Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наемных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности. М.; СПб., 2002. 200 с.; Он же. Россия 1990-х: протестное движение // Отечественные записки. 2003. № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://www.strana-oz.ru/2003/3/rossiya-1990-h-protestnoe-dvizhenie (дата обращения: 26.12.2016 г.).

мощным потенциалом, способным заставить власти идти на определенные изменения своей социально-экономической политики.

Учёный убедительно показывает в этом процессе важные место и роль шахтёров страны. Несмотря на идейную близость с такими либеральными исследователями как Л.А. Гордон и Л.Н. Лопатин, он не считает протестные действия горняков преимущественно деструктивными и разрушительными. Между тем, на этапе весна–лето 1998 г., когда разгорелись всероссийские «рельсовые войны», А.М. Кацва оценил это как наступление на демократические реформы в стране[1]. К сожалению, главную причину рельсовых войн он увидел не в обострении социально-экономической ситуации в углепромышленных территориях, а в подстрекательских действиях КПРФ, других левых партий и общественно-политических организаций[2]. Эта позиция очень созвучна с мнением Л.А. Гордона и Л.Н. Лопатина. Однако не все её разделяют даже в среде либерально ориентированных исследователей. Например, учёный-экономист, сторонник радикальных рыночных преобразований Л.И. Лопатников ключевую роль в этих событиях отводит олигархам[3], социальной группе далёкой от идейных воззрений КПРФ.

Не всегда объективный, несколько политизированный характер взглядов А.М. Кацвы проявляется в конкретном описании исторических событий. Так, например, он связывает возобновление «рельсовой войны» в Кузбассе третьего июля 1998 г. с невыполнением главного политического требования: отставки Президента Б. Ельцина[4]. Между тем многие документы и публикации опровергают данное утверждение и свидетельствуют о том, что основная причина, породившая новый виток напряжённости, заключалась в существенном срыве графика погашения задолженности по зарплате[5].

---

[1] Кацва А.М. Массовый протест ... С. 107.
[2] Там же. С. 105.
[3] Лопатников Л.И. Перевал: Из истории рыночных реформ в России. М.-СПб., 2006. С. 323.
[4] Кацва А.М. Массовый протест ... С. 104.
[5] См. например: Багаев Е. Тулеев разблокировал Транссиб. На неделю? // Кузнецкий край. 1998. 21 июля.

В целом, работы А.М. Кацвы показывают «смягчение» позиции либерально ориентированных учёных-социологов в описании протестного движения шахтёров постсоветской России.

Капиталистическое будущее оказалось не столь прекрасным, какое всем рисовали либеральные идеологи в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Поэтому в научном мире России возрос спрос на новые подходы к анализу общественно-политического и протестного движения рабочих. Заметнее других в ответе на подобную постановку проблемы оказались учёные-марксисты. Показательным примером является статья доктора философских наук В.В. Трушкова «Современный рабочий класс России в зеркале статистики»[1]. В статье подчёркивается низкая классовая солидарность рабочих в 1990-е гг., важнейшей причиной которой стала «диктатура голода». В.В. Трушков доказывает необходимость активной борьбы рабочих за свои права и интересы, что могло бы позитивно отразится на общей обстановке в стране. Очень редкое упоминание шахтёров в данной работе, по сути, показывает утрату ими лидерских позиций в рабочем движении России на рубеже XX–XXI вв.

Появление статьи В.В. Трушкова хронологически совпало с чётко обозначившимся в том году альтернативным взглядом на шахтёрскую борьбу. Впервые он прозвучал в колыбели забастовочного движения – Кузбассе. В исследовательских работах С.Л. Сергачева[2], Д.В. Воронина и В.П. Андреева[3] просматривается дальнейшее полевение во взглядах на сущность протестного движения рабочих угольной промышленности.

Ярким примером альтернативного взгляда на забастовочное движение

---

[1] Трушков В.В. Современный рабочий класс России в зеркале статистики // Социс. 2002. № 2. С. 45–51.

[2] Сергачев С.Л. Необходимость новых подходов к анализу общественно-политического движения в Кузбассе 1989–1993 годов // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2002. С. 193–194.

[3] Воронин Д.В. Протестные выступления в Кузбассе в 90-х гг.: смена парадигм // Проблемы истории Кузбасса. Прокопьевск, 2002. С. 91–98; Андреев В.П., Воронин Д.В. Шахтёры и шахтёрское движение в Кузбассе в 1989–1991 гг. Кемерово, 2002. 160 с.

шахтёров 1989–1991 гг. является статья Д.А. Левчика[1]. Борьба рабочих угольной промышленности в ней не выглядит однозначно положительно (как например у Л.А. Гордона и Л.Н. Лопатина), а её результатами, по мнению автора, воспользовалась часть номенклатуры. Новый взгляд авторитетного учёного на протестное движение горняков периода «перестройки» (который во многом совпал с мнением В.П. Андреева и Д.В. Воронина[2]), безусловно, повлиял и на «корректировку» исследований, посвящённых шахтёрской тематике. Чаще стала звучать критика шахтёрских стачек 1989–1991 гг. В то же время борьба рабочих угольной промышленности в годы «шоковой терапии» большинством отечественных исследователей уже рассматривалась как реализация естественного права на выживание.

Примерно такой же позиции придерживались и зарубежные учёные[3], хотя они порой и подчёркивали примитивный характер реализации российскими горняками своих интересов. Например, вместо того, чтобы разработать в 1990-е гг. всеобъемлющую программу реформирования угольной промышленности, они «увлекались» забастовками и другими акциями протеста[4]. Таким образом, зарубежные учёные ещё раз подчеркнули инертность российских профсоюзов в отстаивании интересов трудящихся.

Рост внимания к рассматриваемой в диссертации проблеме обозначился в 2004–2005 гг. Определённую роль в этом сыграли три важные причины. Первая – завершился второй этап реструктуризации угольной промышленности[5], что провоцировало дополнительный интерес к ситуации в шахтёрской отрасли. Вторая – в те годы по всей стране вновь активизировалось протестное движение трудящихся. Третья – стал наблюдаться некоторый рост исследовательского

---

[1] Левчик Д.А. Забастовочное движение шахтеров 1988–1991 гг. // Социс. 2003. № 10. С. 111–119.

[2] Андреев В.П., Воронин Д.В. Указ. соч.

[3] Harte S., Grävingholt J., Pleines H., Schröder H-H. Geschäfte mit der Macht. Bremen, 2003. 383 s.; Pleines H. Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine. Eine vergleichende Politikfeldanalyse. Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa, Bremen. Nr. 80. 2006. 57 p.

[4] Harte S., Grävingholt J., Pleines H., Schröder H-H. Geschäfte mit der Macht. Bremen, 2003. S. 218.

[5] Рожков А.А., Анистратов М.К., Фролов А.А. Трансформация социально-экономических механизмов структурных преобразований в угольной промышленности России // Горная промышленность. 2015. № 5. С. 36.

внимания к рабочим и рабочему движению царской России, что во многом было связано со столетием первой русской революции[1].

Связь с первой причиной появления анализируемых работ чётко прослеживается в книге «День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов)»[2]. Либеральная по своему характеру, она представляет основные этапы реформирования шахтёрской отрасли и те сложности, которые возникли в ходе её реализации. Однако здесь отраслевые проблемы не выглядят системными. Посредством ярких положительных примеров авторы доказывают идею о приоритете субъективного фактора в разрешении кризисных ситуаций.

Несколько иной взгляд на реформирование угольной промышленности присутствует в книге В.Д. Катальникова и А.А. Кобякова «Уголь и шахтеры в Государстве Российском. Экономический и социально-исторический аспекты»[3]. Авторы хорошо показали важность системных мер в решении экономических проблем шахтёрских городов и посёлков в 1990-е гг. Наиболее ценным материалом книги явился тот, что показывает комплексные действия всех сил, заинтересованных в сохранении угольной отрасли и повышении её конкурентоспособности. Авторы верно замечают: «Шахтёр остаётся наёмным работником, ещё более нищим и, главное, более бесправным, чем раньше»[4].

В условиях активизации протестного движения трудящихся России весьма востребованными оказались труды, где анализировалась борьба шахтёров в 1990-е гг. Появились работы, в которых рассматривались выступления горняков как в рамках самостоятельных акций протеста, так и в контексте общей борьбы

---

[1] См. например: Скубневский В.А. О взаимоотношениях предпринимателей и рабочих Сибири. Вторая половина XIX – начало XX века // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX веков. Барнаул, 2005. С. 243–256; Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Материалы Всероссийской научной конференции / Под ред. д-ра ист. наук В.П. Зиновьева. Томск, 2007. 304 с.; Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. 258 с.

[2] День шахтера ... 132 с.

[3] Катальников В.Д., Кобяков А.А. Уголь и шахтеры в Государстве Российском. Экономический и социально-исторический аспекты. М., 2004. 392 с.

[4] Там же. С. 193.

рабочих. Причём последних появилось больше, и были они более объёмны. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, утратой шахтёрами лидерских позиций в протестном движении страны. Во-вторых, возросшим вниманием к рабочему классу страны в целом. Наряду с новыми работами сторонников активной самозащиты трудящихся (Г.Я. Ракитская)[1], которые стали публиковаться ещё в 1990-е гг., появился широкий перечень методологически близких к ним социологических и политологических исследований.

Яркий пример изменения ситуации – это рост публикационной активности в рамках общественно-политического журнала «Альтернативы», где основной тон стали задавать учёные-марксисты. По их мнению, только общий натиск рабочих мог стать гарантом защиты их прав. Поэтому и протестное прошлое шахтёров они старались анализировать в контексте общей борьбы рабочего класса, извлекая из этого определённые уроки.

Высокой публикационной активностью в журнале «Альтернативы» выделяется доктор философских наук Л.А. Булавка. Её научные сочинения – это гимн человеку труда. В рамках исследовательского интереса обращает на себя внимание её монография: «Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в современной России»[2], в которой использовано немало сюжетов из жизни и деятельности шахтёрских семей. Оригинальную по содержанию работу отличает жёсткая оценка «рыночных реформ», а шахтёрский протест оценивается логическим ответом на ухудшение жизни большей части населения России. Примечательно, что протестное движение Л.А. Булавка характеризует в первую очередь с культурной и лишь потом – с социальной ипостаси современной российской реальности. В отличие от других исследователей, причины роста недовольства она совершенно верно видела и в отсутствии элементарной

---

[1] Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (Общая характеристика и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). М.: 2003. 480 с.; Ракитская Г.Я. Проблематика социально-трудовых конфликтов в контексте реального состояния и социально-групповой структуры российского общества // Трудовые отношения и социальные конфликты в современной России. М., 2004. С. 118–125.

[2] Булавка Л.А. Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в современной России. М., 2004. 176 с.

культуры общения среди ключевых контрагентов рабочих угольной промышленности.

Марксистские взгляды на борьбу рабочего класса наблюдаются и в объёмной монографии известного петербургского философа и социолога Б.И. Максимова «Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000-х годов»[1]. В ней с чувством сожаления оцениваются социально-экономические условия, в которых оказались как горняки, так и в целом рабочий класс России. Б.И. Максимов поддерживает решительные политические лозунги рабочих и их попытки объединить усилия в отстаивании своих трудовых прав. Выявляя те или иные противоречия и парадоксы в протестном поведении шахтёров, он показывает их беспомощность в новых политико-экономических условиях. В то же время, по мнению учёного, в 1990-е гг. отсутствовали и политические институты, способные их защитить. Не случайно он акцентирует внимание на политической беспомощности тех из них (например, НПГ России), которые родились в ходе либерального этапа забастовочного движения (1989–1991 гг.). Время политических иллюзий для шахтёров, по мнению Б.И. Максимова, прошло. После ознакомления с его монографией сложно представлять шахтёров рвачами и реваншистами.

Важнейшим вопросом для учёных-марксистов являлся дефицит рабочей солидарности. Ценный ответ на него в своих трудах даёт доктор экономических наук, профессор М.И. Воейков[2]. Оперируя конкретными финансово-экономическими показателями заработной платы рабочих разных отраслей, он доказывает невозможность достижения ими высокой степени солидарности в связи с сильной дифференциацией оплаты труда. Это объясняет более низкую степень поддержки акций протеста шахтёров со стороны рабочих других отраслей, чем, например, трудящихся бюджетных организаций.

---

[1] Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000-х годов. СПб., 2004. 277 с.

[2] Воейков М.И. Рабочий вопрос в России // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004. С. 13–18. Его же. Проблема дифференциации рабочего класса в постсоветской России // Кузбасс на рубеже веков : экономика, политика. Томск, 2008. С. 28–41.

Тема рабочей солидарности присутствует и в очень важной для автора диссертации статье С.П. Поцелуева «Ритуализация конфликта (По материалам “рельсовой войны” 1998 г.)»[1]. Здесь непосредственно рассматривается феномен шахтёрской солидарности. Её дефицит объясняется двойственным поведением рабочих угольной промышленности. Во время «стояния» на рельсах они не могли определиться в том, какие интересы для них важнее: политические или экономические. Умелая и быстрая «ритуализация» конфликта представителями Правительства РФ показала, что шахтёров нельзя было считать самостоятельным политическим субъектом.

Идеи отстаивания шахтёрских интересов в рамках активной классовой борьбы разделяли далеко не все исследователи. Укрепление во второй половине 1998 г. – 1999 г. представительских функций отраслевыми профсоюзами инициировало рост внимания к деятельности данных организаций, особенно со стороны социологов. Среди авторов работ, которые отразили деятельность профессиональных союзов, были уже упомянутые исследователи проблем рабочих угольной промышленности – П.В. Бизюков, В.А. Бизюкова, К.В. Бурнышев, И.В. Донова, В.А. Борисов, С. Кларк, С.Г. Климова и другие[2]. Будущее профсоюзов, в том числе и шахтёрских, они рассматривают сквозь призму проблем, появившихся в 1990-е гг. Неслучайно среди прочих вопросов центральное место в этих исследованиях занимает анализ механизма разрешения социально-трудовых конфликтов, который в силу своего несовершенства стимулировал высокий накал борьбы между трудящимися и работодателями в

---

[1] Поцелуев С.П. Ритуализация конфликта (По материалам «рельсовой войны» 1998 г.) // Полис. 2004. № 3. С. 83–94.

[2] Профсоюзы Кузбасса между прошлым и будущим / Под общ. ред. Скотникова В.Ю. Кемерово, 2003. 124 с.; Место профсоюзов в системе регулирования трудовых отношений / П.В. Бизюков, В.А. Бизюкова, К.В. Бурнышев, И.В. Донова. М., 2004. 146 с.; Кузнецов А. Первичная организация: проблемы встраивания в профсоюзную структуру // Профсоюзы России: организация или пространство? / Под ред. В. Борисова, С. Кларка. М., 2004. С. 35–81; Плотникова Е. Отраслевые профсоюзы: практика колдоговорной работы // Отраслевые профсоюзы: практика колдоговорной работы // Профсоюзы России: организация или пространство? / Под ред. В. Борисова, С. Кларка. М., 2004. С. 82–104; Климова С.Г. Профсоюзы в поисках влияния / Россия реформирующаяся: Ежегодник–2005 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Profsoyzi%20v%20poiskah%20vliyaniya.pdf (дата обращения: 12.04.2016 г.).

период радикальных либеральных преобразований.

Взгляды учёных-социологов XXI в. на многие проблемы реструктуризации угольной промышленности России и борьбу горняков в годы «шоковой терапии» отличаются большей взвешенностью в оценках. Между тем, в силу особенностей социологии как науки, интерес к протестному движению шахтёров 1990-х гг. со стороны её представителей стал угасать. Шахтёрские выступления сошли почти к нулю, соответственно особого внимания учёных-социологов они не привлекали.

Количественный анализ показывает, что с 2006 по 2009 гг. вышло всего шесть социологических работ четырёх авторов[1], которые заслуживают нашего внимания. Но даже они, в контексте рассматриваемых в диссертации проблем, характеризуются рядом ограничений. Во-первых, в научных сочинениях раскрываются вопросы протестного движения рабочих всех отраслей. Шахтёрам уделяется немало внимания, но оно не является доминирующим в описываемых событиях. Во-вторых, почти все исследования имеют незначительный объём. Единственная крупная работа – «Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России: Документы, статистика, библиография», в большей мере обогащает наши знания как сборник важных документов и материалов. В-третьих, двое из авторов – Б.И. Максимов и А.М. Кацва являются уже известными нам исследователями. Несмотря на некоторую новизну их трудов, в общем, они продолжили (а где-то и повторили) анализ наработанных направлений, научных проблем и трактовок. Таким образом, наиболее важными, с точки зрения развития анализа рассматриваемой тематики, выглядят труды таких авторов как А.Л. Темницкий и И.М. Козина.

Более ранней является статья А.Л. Темницкого «Рабочие реформируемой

---

[1] Максимов Б.И. Рабочие как акторы процесса трансформаций // Социс. 2008. № 3. С. 29–33; Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России: Документы, статистика, библиография / Отв. ред. А.М. Кацва. М., 2006. 400 с.; Темницкий А.Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // Мир России. 2006. № 2. С. 79–107; Кацва А.М. Протестное движение рабочего класса // Социс. 2008. № 3. С. 38–42; Максимов Б.И. Рабочие как объект и субъект радикальных трансформаций // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века. Томск, 2009. С. 18–32; Козина И.М. Забастовки в современной России // Социс. 2009. № 9. С. 13–24.

России как объект социологических исследований». Автор провёл огромную аналитическую деятельность, изучив ведущие работы отечественных и зарубежных социологов о развитии рабочего движения в современной России. В результате он пришёл к важному для диссертанта выводу: социологи 1990-х гг. больше внимания уделяли социально-экономическому положению рабочих, меньше – их протестному поведению. В рамках научной статьи, он показывает причины нового всплеска рабочего движения в постсоветской России (в том числе психологического характера), подчёркивает важность политических требований и формы их реализации, указывает на лидирующие позиции шахтёров в контексте общей борьбы рабочего класса и т.д.

Научная статья А.Л. Темницкого послужила ориентиром в исследовательской деятельности других учёных. Свежий и весьма критический взгляд на забастовочную активность шахтёров в 1990-е гг. в рамках общероссийского стачечного движения был представлен И.М. Козиной в статье «Забастовки в современной России». Соглашаясь с зарубежными коллегами в том, что забастовки являлись действенным средством давления на власть в 1990-е гг.[1], она подчёркивает в этом важную заслугу шахтёрских профсоюзов. Последние, по справедливому мнению И.М. Козиной, отличались решительным характером действий на фоне других профсоюзных организаций.

Однако после выхода в свет вышеуказанной статьи И.М. Козиной каких-либо важных для нас выводов со стороны учёных-социологов по рассматриваемой проблеме не было выявлено, что, в общем, не выглядит странно. К тому времени внимание к данной проблематике уже динамично возрастало со стороны учёных-историков.

Особенностью рассматриваемых работ стало то, что фактически лидирующие позиции здесь заняли кузбасские историки. В качестве аргументов в пользу такого положения можно выделить следующее. Во-первых, шахтёры

[1] Harte S., Grävingholt J., Pleines H., Schröder H-H. Geschäfte mit der Macht. Bremen, 2003. S. 218.

Кузнецкого края показывали высокую политическую и протестную активность, начиная с 1989 г. и до конца 1990-х гг. Во-вторых, как это ни парадоксально, но в годы либеральных реформ Кузбасс только усилил свою угольную значимость в экономике страны на фоне других углепромышленных территорий. Это до сих пор привлекает к нему внимание со стороны специалистов различных отраслей знания, интересующихся угольной тематикой. В таких, некогда важных углепромышленных территориях, как: Приморье, Российский Донбасс и Печорский угольный бассейн, на рубеже 1990-х – 2000-х гг. заметно снизилась роль угля в экономической деятельности. Соответственно, со стороны местных исследователей снизилось и внимание к вопросам истории и развития угольной промышленности, жизнедеятельности шахтёрского сообщества и т.д. В-третьих, Кемеровская область являлась одним из центров либерального направления историографии (Л.Н. Лопатин), что только прибавляло дискуссионность в ходе обсуждения местными историками вопросов прошлого в жизни и деятельности горняков. В-четвёртых, в 1990-е гг. здесь усилились политические позиции компартии РФ и других лево-патриотических организаций. Это явно стимулировало резкую критику социально-экономической политики Президента и Правительства РФ со стороны историков, разделявших левые взгляды.

Сложившаяся в Кузбассе историографическая ситуация закономерно породила острую дискуссию между учёными либерального и марксистского направления о сущности протестного движения шахтёров России, начиная с 1989 г. и до конца 1990-х гг. Главными оппонентами являлись Л.Н. Лопатин (как представитель либерального крыла) и Д.В. Воронин (сторонник марксистских взглядов). В общем, они, как идейные противники, выступали и ранее. Достаточно вспомнить их предыдущие работы, важнейшими из которых были – «История рабочего движения Кузбасса (1989–1991 гг.)» (Л.Н. Лопатин)[1] и «Шахтёры и шахтёрское движение в Кузбассе в 1989–1991 гг.» (Д.В. Воронин и

[1] Лопатин Л.Н. История рабочего движения Кузбасса (1989–1991 гг.). Кемерово, 1995. С. 294.

В.П. Андреев)[1], где часто представлены разные взгляды на одни и те же процессы. Однако (это видно даже из названия), до начала 2000-х гг. в центре внимания противоборствующих сторон были вопросы протестного движения горняков «перестроечной» эпохи.

В XXI в. их идейная борьба стала больше проецироваться на шахтёрскую борьбу в 1990-е гг. Однако для таких либерально ориентированных исследователей как, например, Л.Н. Лопатин время «шоковой терапии» не являлось выгодной темой, так как ситуация в угольной промышленности и социальной сфере была не в пользу тех ожиданий, которые виделись в ходе забастовочного движения 1989–1991 гг. Подобная попытка идейных соратников Л.Н. Лопатина – Л.А. Гордона и Э.В. Клопова[2], о которой говорилось чуть выше, выглядела не всегда убедительно. Тем более авторы сами не смогли сказать точно: «Конкретно шахтёры больше потеряли в 1990-е гг. или приобрели?». Поэтому Л.Н. Лопатин старался «обойти» стороной тяготы населения шахтёрских городов и посёлков в постсоветское время, акцентируя свой взгляд на выгодных, как правило, политических моментах[3].

Между тем, отстаивая идеалы свободы как основополагающей ценности, он видимо «забыл» свои слова, сказанные в первый год радикальных реформ: «Летом 1989 г. шахтёры начали с колбасы и мыла, к лету 1992 г. вернулись к колбасе и мылу»[4]. Действительно ценностные ориентиры рабочих угольной промышленности серьёзно деформировались. Концентрируясь на «великом», известный либерал не хотел замечать базовых потребностей не только шахтёров, но и других не менее пострадавших социально-профессиональных групп.

---

[1] Андреев В.П., Воронин Д.В. Указ. соч.

[2] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 1. М., 2000. 304 с.; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2. М., 2001. 512 с.

[3] Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Антилиберализм и либерализм в Кузбассе. М., 2003. 104 с.; Лопатин, Л.Н. Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения. Кемерово, 2009. 224 с.; Лопатин Л.Н. Политические уроки рабочего движения Кузбасса. К 20-летию шахтерской забастовки [Электронный ресурс]. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/New_electr/Lopatin_2010_Uroki_Kuzbassa.pdf (дата обращения: 11.04.2016 г.).

[4] Лопатин Л. Дубина – инструмент не строительный ... С. 5.

Упорствуя, Л.Н. Лопатин всё чаще обвинял в дестабилизации общественно-политической обстановки левую оппозицию, которая, по его мнению, воспользовалась временными трудностями. А причины кризисных явлений в постсоветской экономике страны и Кузнецкого края исследователь связал с отсутствием сильных общественных структур, способных, как они это делали в 1989–1991 гг., контролировать социально-экономическую ситуацию «снизу». Однако данный вывод весьма сомнителен. Достаточно вспомнить результаты социально-экономического развития периода 1989–1991 гг. как в Кузбассе, так и в стране.

Символичным является то, что Л.Н. Лопатин не воспринял акции протеста рабочих периода «шоковой терапии» как рабочее движение. По его мнению, с осени 1993 г. рабочее движение вступает в полосу кризиса, из которого оно так и не выбралось вплоть до конца 1990-х гг.[1] Хотя данный подход в то время не разделяли даже либерально мыслящие авторы (А.М. Кацва[2]).

Таким образом, в лагере либеральных историков только утвердилось мнение о том, что протестное движение шахтёров России в 1990-е гг. в большей мере носило иррациональный, а порой и разрушительный характер.

Большую научную и организационную деятельность по «разоблачению» взглядов либеральных учёных усиленно продолжал историк из шахтёрского города Прокопьевск – Д.В. Воронин. Причём хронологические рамки его исследований, наоборот, свелись к времени радикальных рыночных преобразований[3]. Именно преобразований, а не реформ, так как жизнь шахтёрских семей, по мнению учёного, существенно ухудшилась в данный

---

[1] Лопатин Л.Н. Шахтёры и «начальство» ... С. 23.

[2] Кацва А.М. Протестное движение рабочего класса // Социс. 2008. № 3. С. 39.

[3] Воронин Д.В. От рабочих комитетов – к комитетам спасения // Бюллетень центра изучения протестного движения в Кузбассе. Материалы круглого стола г. Прокопьевск. Прокопьевск, 2005. С. 12–18; Воронин Д.В. Кузбасс в период радикальных рыночных реформ: экономический и социально-политический аспекты // Кузбасс на рубеже веков: экономика, политика, культура. Томск, 2008. С. 69–88; Воронин Д.В. Влияние реструктуризации угольной промышленности на социально-политические процессы в Кузбассе в 1990-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3 (4). С. 74–80.

период. В этих условиях вполне логичным выглядело активное сопротивление горняков.

В своей последней работе Д.В. Воронин расширил географию изучения борьбы шахтёров[1]. Кроме Кузбасса в ней подробно рассматриваются акции протеста в других регионах, прежде всего в Москве.

Активная научная деятельность Д.В. Воронина позволила привлечь к проблемам рабочих угольной промышленности внимание исследователей других регионов. Рост интереса к этой теме был особенно заметен среди томских исследователей. Прежде всего, нужно назвать В.П. Андреева и Т.В. Кисельникову. Их работы стали жёстким ответом на «зашкаливающие своим либерализмом» идейные воззрения Л.Н. Лопатина и Л.А. Гордона[2].

В конце первого десятилетия XXI в. к научным конференциям, организованным Д.В. Ворониным, были привлечены многие другие учёные-марксисты из разных уголков как России, так и ближнего зарубежья. Среди них были и такие авторитетные, как: Т.В. Кисельникова, Б.И. Максимов, М.И. Воейков и др. Объединяющей идеей их трудов является то, что рабочий класс и его борьба в России не ушли в прошлое[3].

Таким образом, лагерь критиков либеральных концепций в анализе протестного движения шахтёров России в 1990-е гг. заметно увеличился.

---

[1] Воронин Д.В., Воронина Н.В. Голоса шахтёров 90-х. Томск, 2013. 110 с.

[2] Андреев В.П. От «шокотерапии» к «рельсовой войне» // Бюллетень центра изучения протестного движения в Кузбассе. Прокопьевск, 2005. С. 9–12; Он же. Ремесло историка или синдром перестроечной публицистики // Бюллетень центра изучения протестного движения в Кузбассе. Прокопьевск, 2005. С. 68–76; Андреев В.П. Лопатин Л.Н. Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения. Кемерово, 2009 // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 133–135; Кисельникова Т.В. Трудно ли быть историком? (О книге Л. и Н. Лопатиных «Антилиберализм и либерализм в Кузбассе» - М., 2003) // Бюллетень центра изучения протестного движения в Кузбассе. Прокопьевск, 2005. С. 60–68; Кисельникова Т.В. Историком быть все-таки трудно (Рец. Лопатин Л.Н. Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения. Кемерово, 2009) // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 129–132.

[3] Кисельникова Т.В. Класс: проблемы методологии определения // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века. Томск, 2009. С. 10; Максимов Б.И. Рабочие как объект и субъект радикальных трансформаций // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века. Томск, 2009. С. 22, 30; Воейков М.И. Рабочее движение в системе общественных отношений постсоветской России // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века. Томск, 2009. С. 32.

Шахтёрская борьба рассматривается ими как закономерный процесс, который позволил купировать проблемы в угольной промышленности и привлечь внимание органов власти к их решению. Вместе с тем, учёные-марксисты часто «уходили» от анализа политических причин снижения протестной активности горняков России, таких, например, как эффективные действия Президента и Правительства РФ.

В острых дискуссиях о характере протестного движения шахтёров Кузбасса и всей страны в конце 1980-х – 1990-е гг. участвовали далеко не все исследователи. Однако это не умаляет их значения в оценке прошлого. Динамичное возрастание внимания к шахтёрским проблемам среди учёных Кемеровской области отразилось в содержании как коллективных, так и отдельных работ. Несмотря на определённое сохранение в фокусе исследований протестного движения «перестроечного» периода[1], большая часть их трудов посвящена малоизученным 1990-м гг.

Из коллективных сочинений выделяется книга «Угольный Кузбасс: страницы истории»[2]. В ней отражены многие вопросы развития угольной промышленности Кузнецкого края в 1990-е гг., а также представлены отдельные сюжеты социально-политической активности шахтёров. Авторы справедливо отмечают многочисленные ошибки в реструктуризации угольной отрасли края, высокий накал борьбы рабочих, смену губернатором А.Г. Тулеевым политико-экономического курса и др. Вместе с тем в книге кузбасских историков нет акцентированного внимания на стратегию и тактику борьбы шахтёров, присутствуют отдельные хронологические неточности.

В последние годы значительное количество работ, посвящённых вопросам

---

[1] Девяткин Г.Т. Участие рабочего класса Кузбасса в преобразованиях в обществе на рубеже 80–90-х гг. XX века // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2003. С. 217–219; Упоров Д.А. Изменение качественного состава шахтёрских кадров юга Кузбасса в 1950–1980-е гг. // Актуальные проблемы отечественной истории XX века. Кемерово, 2005. С. 137–141; Казьмин В.Н. Идейно-политическая ситуация в России в 1971–1991 гг.: центр и регионы Западной Сибири. Автореферат дис. ... док. ист. наук. Кемерово, 2010. 45 с. Казьмин В.Н. Рабочее движение в 1989–1990 годы. (К двадцатилетию шахтерских забастовок в СССР) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 4. С. 45–52.

[2] Угольный Кузбасс: страницы истории. Кемерово, 2005. 428 с.

реструктуризации угольной промышленности Кузбасса, опубликовано О.В. Бирюковой[1]. Она в той или иной мере затрагивает многие социально-экономические проблемы горняков, их реакцию на происходившие процессы и т.д., что имеет существенное значение для выяснения обстоятельств рабочего движения в Кузбассе. Вместе с тем не со всеми выводами автора можно согласиться. Например, О.В. Бирюкова заявляет следующее: «На втором этапе реформирования (с 1998 г. – прим. авт.) положение горняков резко изменилось. Начались выплаты заработной платы и компенсаций. Стали появляться рабочие места, в том числе и в угольной отрасли»[2]. На наш взгляд, говорить о «резком» изменении ситуации в социальном положении горняков, в том числе и Кузбасса, в 1998 г. преждевременно. Реально ситуация стала меняться только в 1999 г. и протекало это достаточно плавно.

Анализ базовых изменений в угольной промышленности Кузбасса в 1990-х гг. был продолжен профессором К.А. Заболотской[3]. Она убедительно показала важность политико-экономических перемен в отрасли, произошедших в результате смены руководства Кемеровской области.

В контексте анализа степени изученности вопроса очень важной является ещё одна работа, подготовленная К.А. Заболотской в соавторстве с Г.С. Некрасовой – «Проблемы источниковедения и историографии протестного движения в Кузбассе в конце XX – начале XXI вв.»[4]. В ней авторы делают значимый для нас вывод: «проблемы протестного движения в постперестроечной России требуют дальнейшего изучения, привлечения новых источников и

---

[1] Бирюкова О.В. История реструктуризации угольной промышленности Кузбасса (середина 80-х гг. – начало XXI в.). Автореферат … канд. ист. наук. Кемерово. 2005. 26 с. Она же. Реструктуризация угольной промышленности Кузбасса в середине 1980-х – начале 2000-х гг. (на примере г. Кемерово) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2012. С. 217–222 и др.

[2] Бирюкова О.В. Реструктуризация угольной промышленности Кузбасса ... С. 221.

[3] Заболотская К.А. Угольная промышленность Кузбасса в условиях постсоветской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Том 9, выпуск 1: История. С. 227–233.

[4] Заболотская К.А., Некрасова Г.С. Проблемы источниковедения и историографии протестного движения в Кузбассе в конце XX – начале XXI вв. // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века. Томск, 2009. С. 47–54.

выработки новых концептуальных подходов»[1].

Важным вопросом исторических исследований является выяснение отношений между центром и углепромышленными регионами. В его контексте является важной информация, почерпнутая из работ А.Г. Тулеева, который был непосредственным участником разрешения социально-трудовых конфликтов на шахтах Кузбасса в 1990-е гг. Ему приходилось решать жизненно важные вопросы горняков в различном политическом статусе, в том числе и губернатора. Заметный след в его воспоминаниях оставили «рельсовые войны» 1998 г. А.Г. Тулеев неоднократно высказывал своё мнение по поводу данной акции протеста. При этом в каждой последующей работе объём материала, посвященный разблокированию Транссиба в мае и июле 1998 г., всегда увеличивался. В своей последней книге «Преодоление»[2] доктор политических наук, профессор А.Г. Тулеев 12 страниц посвятил кузбасской акции протеста. В работе отражена позиция губернатора по отношению к пикетчикам, Правительству и Президенту РФ. По его мнению, органы федеральной власти не проявили мобильности в сложившейся ситуации, а разрешать конфликт пришлось региональной исполнительной власти. Сочувствуя трудящимся и пенсионерам, губернатор Кемеровской области всё-таки подчёркивает разрушительный характер «рельсовых войн».

В последнее время наблюдается рост исследовательского интереса к проблемам горняков в таких углепромышленных регионах Российской Федерации, как Ростовская область и Республика Коми. Своей значимостью выделяется книга В. Сумарокова и В. Шахова «Коми на переломе. 10 лет, которые потрясли республику»[3]. В ней, на основе многочисленных фактов, показывается как в течение 1990-х гг. рабочие Печорского угольного бассейна больше потеряли, чем приобрели. Закономерным выглядит здесь и шахтёрское

---

[1] Заболотская К.А., Некрасова Г.С. Проблемы источниковедения и историографии ... С. 53.

[2] Тулеев А. Преодоление. Кемерово, 2009. 583 с.

[3] Сумароков В., Шахов В. Коми на переломе. 10 лет, которые потрясли республику. Сыктывкар, 2013. 352 с.

сопротивление.

В последние годы последовательную работу по сбору, обработке и анализу акций протеста шахтёров Ростовской области (конец 1980-х – начало 2000-х гг.) проделал К.С. Карпенко[1]. Особого внимания заслуживает его диссертационное исследование, в котором сквозь призму общественно-политической деятельности регионального отделения Росуглепрофа рассматриваются многие акции протеста рабочих. Таким образом, имеется возможность более чёткого определения места, роли и особенностей протестного движения шахтёров Ростовской области в общероссийском масштабе. Однако некоторые выводы К.С. Карпенко являются дискуссионными. Например, о том, что «в 1994 г. горняки Ростовской области перехватили инициативу в протестной активности и заняли ключевую позицию в движении шахтёров России»[2]. Серьёзные доказательства данному аргументу в диссертации К.С. Карпенко не прозвучали. В то же время, проведённый комплексный анализ данного вопроса показал, что в других ведущих углепромышленных территориях в это время происходили не менее значимые события (в том числе акции протеста), определявшие место и роль шахтёров в общественно-политических процессах страны.

На основании имеющейся информации, в других (даже крупных) углепромышленных территориях тема протестного движения шахтёров в 1990-е гг. так и не получила должного развития, что дополняет актуальность диссертационного исследования.

Позитивным явлением, обозначившимся в последнее время, считаем появление работ профессора С.А. Красильникова, где, в рамках 1920-х гг., рассматриваются такие важные проблемы, как: формы протестного движения

---

[1] Карпенко К.С. Шахтерское забастовочное движение в 1989–1991 годах: роль в политическом процессе // История современной России: проблемы, документы, факты (1985–1999). Т. 1. М., 2011. С. 380–390; Его же. Исторический опыт социальных движений в России в конце 1980-х – начале 2000-х годов: на материалах шахтерского движения в Ростовской области. Дисс. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2017. 192 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/disser_Karpenko.pdf (дата обращения: 05.04.2017 г.).

[2] Карпенко К.С. Исторический опыт социальных движений ... С. 162.

рабочих и механизмы разрешения трудовых конфликтов[1]. Они позволяют осуществить сравнительный анализ не только по аналогичным, но и многим другим ключевым вопросам нашей диссертации.

Таким образом, анализ второй группы использованной литературы показывает рост исследовательского интереса к протестному движению шахтёров постсоветской России. Это выразилось в появлении многих объёмных трудов, расширении спектра поднимаемых авторами вопросов, усилении идейной борьбы между учёными, активном подключении историков и т.д. Центральными вопросами в исследованиях стали: результаты реструктуризации, место и роль рабочих угольной промышленности в межотраслевых выступлениях, характер протестного движения шахтёров и степень влияния на него оппозиционных сил, реакция на него органов власти и управления, а также солидарное поведение.

Вместе с тем заметна регионализация научной деятельности, которая не позволила комплексно рассматривать отдельные явления во всероссийском масштабе, особенно парадоксального характера.

Подводя общий итог анализа изученности проблемы, отметим следующее.

1. Долгое время ключевым фактором, стимулировавшим рост внимания к протестному поведению горняков, была идейная борьба между сторонниками правых и левых взглядов. Несмотря на определённую политизацию отдельных работ, все они имеют важное научное значение.

2. Наиболее высокое идейное противостояние между сторонниками правых и левых взглядов просматривается в вопросе характера протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг. Если либералы, в целом, считали его иррациональным, то учёные-марксисты с этим полностью не согласны. Подавляющая часть работ социологов, экономистов, философов, политологов и историков (среди которых не только марксисты) связывает высокий уровень

---

[1] Красильников С.А. Механизмы разрешения трудовых конфликтов в Сибири 1920-х годов // ЭКО. 2015. № 4. С. 161–176; Его же. От забастовок к «волынкам»: рабочие протесты в советской стране 1920-х годов // ЭКО. 2017. № 1. С. 176–189.

политической активности горняков России с существенными ошибками, допущенными Президентом и Правительством РФ в процессе реализации политики «шоковой терапии» и реструктуризации угольной промышленности. По мнению сторонников данной позиции, внутриполитический курс руководства нашего государства в 1990-е гг. мало соответствовал принципам демократического строительства, отсутствовал эффективный механизм разрешения социально-трудовых конфликтов. Протестное движение они считают инструментом, который сдерживал «антинародные» преобразования, привлекал внимание государства к участию в регулировании социально-экономических отношений.

3. Преобладание забастовки как формы борьбы в анализе протестного движения шахтёров. С одной стороны, это вполне логично вписывается в общую картину протестного поведения. С другой – не позволяет иметь более широкое и объективное представление всех аспектов шахтёрской борьбы в Российской Федерации.

4. Доминирование социологических работ определило тщательный анализ социально-экономического положения населения шахтёрских городов и посёлков. Вместе с тем, присутствует дефицит исследовательской информации о влиянии общественно-политических институтов на рассматриваемые события, а также в описании деталей взаимодействия шахтёров с оппозицией.

5. Рознятся оценки результатов реструктуризации угольной промышленности в 1990-е гг. У подавляющей части экономистов они выглядят оптимистично. Большая часть социологов, философов, политологов и историков воспринимают их негативно.

6. Результаты, проведённых в 1990-е гг. социологами, политологами, философами и экономистами, исследований часто подтверждаются информацией архивных источников.

7. Развитие научных исследований часто предстаёт как оперативное реагирование на текущие события в стране.

8. Противоречивые взгляды исследователей на место и роль шахтёров в протестном движении рабочих постсоветской России продолжают стимулировать интерес к данной научной проблеме.

9. Отсутствие комплексного анализа протестного движения шахтёров России привело к упрощённой трактовке многих процессов и явлений, имевших прямую и косвенную связь с данным историческим явлением.

На сегодняшний день в отечественной историографии отсутствует целостная картина протестного движения шахтёров в 1992–1999 гг., его влияния на рабочее движение, а также общественно-политические и социально-экономические процессы в России.

Объектом исследования является рабочий класс и рабочее движение в постсоветской России.

Предмет исследования – протестное движение рабочих угольной промышленности России как активная форма отстаивания их социально-экономических, политических и гражданских интересов, прав и свобод.

Цель исследования – определить степень влияния протестного движения шахтёров на общественно-политические и социально-экономические процессы в постсоветской России.

Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих **задач**: 1) представить политические и социально-экономические причины и факторы, определявшие динамику протестного движения шахтёров России в 1990-е гг.; 2) выявить стратегию и тактику шахтёрской борьбы; 3) показать динамику протестного движения горняков; 4) определить отношение общества к акциям протеста рабочих угольной промышленности; 5) выявить основные направления нейтрализации протестного движения шахтёров; 6) определить результаты борьбы горняков.

Территориальные рамки исследования охватывают углепромышленные территории Российской Федерации. Особое внимание отводится тем субъектам федерации, которые выделялись регулярными, динамичными и массовыми

протестами: Кемеровская и Ростовская области, Республика Коми и Приморский край. Вместе с тем, в диссертации рассматриваются и акции протеста шахтёров, которые проводились за пределами углепромышленных агломераций, например, в Москве.

Хронологические рамки исследования включают период с 1992 по 1999 гг., то есть постсоветское время, когда страной руководил президент России Б.Н. Ельцин. Тогда были осуществлены ключевые меры по переходу современной России к демократическим и либерально-рыночным отношениям. Особенно болезненно протекали преобразования в экономике страны, в том числе и в угольной промышленности. Исследование показало, что динамика протестного движения шахтёров была напрямую связана с реформами в угледобывающей отрасли. 1999-й стал переломным годом, позитивные процессы приобрели устойчивый характер. В том году заканчивается период отечественной истории, когда шахтёры пытались «приспособиться к рыночным реформам»[1], а также перестали «играть особую социально-политическую роль в российском обществе»[2].

Дальнейший ход истории показал, что с приходом к власти В.В. Путина начинается новая фаза рыночных реформ в экономике[3], а в целом «постпереходная эпоха»[4]. Меняются в то время и контуры общественно-политической и социально-экономической жизни шахтёров, которые уже имели мало общего с их протестным движением в 1992–1999 гг.

1990-е гг. – это период быстрых и радикальных трансформаций во всех сферах российского общества. Данное обстоятельство отразилось на исходных позициях **теоретической и методологической базы исследования.** Сложно опереться на какую-либо одну теорию в анализе такого неоднозначного и весьма

---

[1] Темницкий А.Л. Указ. соч. С. 85.

[2] Кожуховский И. Реформа угольной промышленности: как это было, как это будет… Бывший замминистра Минтопэнерго о перспективах преобразования в Кузбассе и России // Наша газета. 1999. 22 июля. С. 1.

[3] Лопатников Л.И. Указ. соч. С. 275.

[4] Бызов Л.Г. Первые контуры «постпереходной эпохи» // Социс. 2001. № 4. С. 3.

противоречивого исторического явления как движение шахтёров. Поэтому автор диссертации ориентировался на те концепции, которые в наибольшей мере способствуют достижению поставленной цели – цивилизационный, модернизационный и формационный подходы. По мнению многих авторитетных специалистов, их значимость в оценке событий истории современной России особенно велика[1]. Важным является вывод профессора В.В. Согрина: «Если формационный и еще в большей мере модернизационный подходы позволяют в первую очередь уяснить причины радикальной российской трансформации, то цивилизационный подход помогает глубже понять её драматические перипетии и следствия»[2].

В основе любого социального движения лежат глубинные процессы, которые формируются под воздействием таких *цивилизационных* факторов, как: система политических и экономических отношений, социокультурные особенности, духовно-нравственные ориентиры и т.д. Поэтому автор диссертационного исследования отразил влияние на борьбу рабочих угольной промышленности широкого перечня причин и факторов. Несмотря на свою разнородность, все они были тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Генезис некоторых из них имел глубинные исторические, характерные для российской цивилизации, корни.

Влияние цивилизационных факторов особенно было заметно по мировосприятию и поведению российских шахтёров. В своих действиях они ориентировались на такие общечеловеческие ценности, как: свобода, равенство, справедливость, достойное существование и т.д. В условиях открытого, информационного пространства они получали дополнительную общественную поддержку на уровне международного сообщества. В то же время они проявляли и типичные черты русской традиции – коллективизм и долготерпение.

---

[1] Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm (дата обращения: 18.05.2016 г.); Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 124–134; Зиновьев В.П. Классики марксизма о характере рабочего движения в России // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 57–65.

[2] Согрин В.В. Теоретические подходы ... С. 134.

Анализ протестного движения шахтёров России показал тесную связь цивилизационного подхода с *теорией модернизации,* которая активно используется при изучении макросоциальных процессов и деятельностных практик[1].

Начиная с XVIII в., вплоть до рассматриваемых событий развитие российской цивилизации проходило в режиме «догоняющего развития». Экономический кризис конца 1980-х – начала 1990-х гг. показал отсутствие внутренних возможностей модернизации, необходимость большей ориентации на западные стандарты и помощь развитых стран мира. Господдержка таких неконкурентоспособных отраслей как угольная промышленность выглядела фактором экономического сдерживания «догоняющего» развития[2].

Либеральная трансформация протекала с большими трудностями, социально-экономические проблемы серьёзно деформировали социально-профессиональные группы. Однако в наиболее сложном положении оказался рабочий класс, не сумевший адекватно среагировать на вызовы новой, постиндустриальной волны, которая охватила передовые страны Запада. Перестроиться из одного формата политико-экономических отношений в другой труднее всего оказалось шахтёрам, «избалованному» в советское время «передовому отряду рабочего класса». Кризис перехода российского общества от индустриального к постиндустриальному типу стал основополагающим в ситуации конфронтации между шахтёрами и властью.

По мнению Н.И. Чувашовой, количество и масштабы социальных конфликтов неизбежно возрастают в периоды сложных социальных трансформаций. Это связано с изменением статуса социальных групп, появлением новых социальных и политических субъектов, претендующих на усиление своего

---

[1] Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 238.

[2] Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000. С. 261.

влияния в обществе[1]. Проведённое исследование полностью подтверждает данный вывод.

Теория модернизации позволила раскрыть такие важные проблемы исследования, как: невозможность слепого перенесения опыта зарубежных стран в проведении экономических реформ, неравномерность протестного движения горняков по географическому и другим критериям, высокая степень противоречивости результатов шахтёрской борьбы и др.

Рабочий вопрос и рабочее движение как факторы модернизации оказались в 1990-е гг. заблокированы. Постепенно рабочие угольной промышленности ушли от роли инициатора и носителя модернизационных процессов, что обусловило не только потерю места и роли в общественно-политической жизни, но стало и основополагающей причиной социально-профессиональной деконструкции шахтёрского сообщества.

Использование *формационного* подхода даёт ответ на ряд важных для нас вопросов. Во-первых, показывает ключевые моменты реставрации капиталистических отношений. Это выразилось в анализе изменений экономической системы постсоветской России, где важное место занимало реформирование отраслей промышленности. Угольная отрасль оказалась одной из немногих, где осуществлялась полная и динамичная приватизация. Во-вторых, высокая степень противоречий между интересами рабочих и собственниками предприятий породила небывалую конфронтацию, превратившись, по сути, в классовую борьбу. Шахтёры пытались стать «авангардом борьбы рабочего класса» и им многое в этом удалось.

В целом, комплексное использование достижений данных теорий позволило всесторонне раскрыть тенденции, закономерности и особенности протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг.

---

[1] Чувашова Н.И. Социально-политические конфликты в российском обществе. Архангельск, 2005. С. 3.

Теоретическая и методологическая база исследования опирается на принципы научной объективности, системности и историзма, позволяющие видеть исторические процессы во взаимосвязи. *Принцип объективности* отражён в исследовании конкретных событий и закономерностей, которые определили вектор трансформации протестного движения шахтёров постсоветской России. Это отразилось в исторических фактах, собранных автором диссертации. Немаловажен и учёт различных точек зрения на анализируемые события, что способствует формированию рационального взгляда на сущность борьбы горняков за свои экономические и социальные права.

Принцип системности заключается в том, что шахтёрская борьба рассматривается в диссертации как неотъемлемая часть рабочего движения, с одной стороны, с другой – как часть общественных, политических, экономических и культурных процессов, происходивших стране.

Принцип историзма отражён в анализе причин и факторов появления и развития протестного движения шахтёров в 1990-е гг., влиянии его на социально-политические и экономические процессы в России.

В ходе исследования использовались две группы методов: общенаучные, и специально-исторические.

Из *общенаучных* были использованы такие, как: классификации, анализ, синтез и метод статистической обработки материала. Метод классификации использован для характеристики однородных объектов и субъектов исследования. Анализ позволил определить динамику и ключевые аспекты развития протестного движения шахтёров России. Благодаря синтезу мы имеем общую картину рассматриваемого явления, несмотря на региональные особенности борьбы рабочих угольной промышленности. Метод статистической обработки материалов сделал возможным выявление социально-экономических факторов динамики протестного движения шахтёров России, а также количественных и качественных изменений в анализе таких легальных форм борьбы, как, например,

забастовка. Соотношение их с показателями представителей других рабочих профессий позволяет провести сравнительный анализ.

Из *специально-исторических методов* исследования широкое применение получили такие, как: сравнительно-сопоставительный метод, историко-типологический анализ, сравнительно-исторический, историко-системный, проблемно-хронологический и исторического моделирования.

Историко-типологический анализ отразил последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой исторической реальности в процессе её эволюции, что приближает исследование к воспроизведению подлинной истории объекта.

Сравнительно-сопоставительный метод помог определить общее и отличное в природе как источников, так и изучаемых явлений.

Сравнительно-исторический метод позволил выявить общее и особенное между отдельными этапами эволюции протестного движения шахтёров России в рассматриваемый период.

Историко-системный метод помог лучше показать место и роль шахтёрских протестов в общественно-политической жизни страны, конкретно в угольной политике Правительства РФ.

Проблемно-хронологический метод сделал возможным анализ проблем шахтёрской борьбы в хронологической последовательности.

Метод исторического моделирования позволил произвести реконструкцию протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг. на основе литературных и архивных источников, а также воспоминаний участников и свидетелей акций протеста.

Использование принципов системности, историзма и объективности, а также общенаучных и специально-исторических методов изучения позволило полноценно решить поставленные в исследовании цель и задачи.

Теория изучения рабочего движения долгое время разрабатывалась в советское время и за рубежом, поэтому нет необходимости особо останавливаться

на этом. В индустриально развитых странах мира существуют институты рабочего движения, финансируемые профессиональными союзами и государственными ведомствами. Для нашей страны такое отношение к рабочему движению, к сожалению, в советском прошлом. Во многом диссертант воспользовался теоретическими разработками анализа различных форм и методов рабочего движения в отечественной историографии – стачки, баррикады, митинги, демонстрации и др.[1]

То, что борьба российских шахтёров в последнее десятилетие XX в. имела неразрывную связь с историей и теорией международного рабочего движения подтверждается многими фактами. Например, использованием одних и тех же форм и методов протеста, требований и т.д.; преобладание стачки как формы протеста; идентичные тенденции стачечного движения (тесное переплетение экономических и политических требований, перерастание отдельных забастовок под экономическими лозунгами в массовое движение за преобразования общегосударственного значения и др.).

Определённые изменения форм и методов борьбы имеют внешний характер. Их суть, содержание, степень демонстрационности и т.п. оставались прежними, что было подчёркнуто исследователями 1990-х гг., например Б.В. Ракитским и Г.Я. Ракитской[2].

Из новых форм протеста рабочих в 1990-е гг. выделяются две – голодовки (добровольный отказ от приёма пищи) и самоубийства (сознательное лишение себя жизни). Несмотря на редкость их использования в практике борьбы, данное

---

[1] Стачки: история и современность. М., 1978. 344 с.; Блинов Н.В., Желтова В.П., Иванова Н.А., Кирьянов Ю.И., Пушкарева И.М. О методике составления хроники и статистики рабочего движения в России периода капитализма (1861 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории. 1984. № 11. С. 59–78; Международное рабочее движение. Т. 1. М., 1976. 668 с.; То же. Т. 8. М., 1985. 686 с.; Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика в трех томах. Том первый. XVII в. – 1904 г. / Под ред. Н.В. Блинова и В.П. Зиновьева. Томск, 1988. С. 52–68; Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. I. 1895 год. М., 1992. С. 12–18.

[2] Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Указ. соч.; Трудовая демократия. Выпуск 25. Ракитский Б.В. Самозащита трудящихся в обществе. М. 1999. 40 с. и др.

явление указывает на широко распространённое среди российских шахтёров чувство безысходности.

Анализ протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг. показал, что за это время оно стремительно прошло стадии борьбы, характерные для многовековой истории международного рабочего движения: от стихийного бунта до превращения его в организованное движение тред-юнионистского типа.

В целом характеристики рабочего движения продолжают действовать. Сохраняется наёмное положение рабочего, а также его право на выдвижение условий для продажи своей рабочей силы.

Источниковая база исследования и методы её анализа. В процессе изучения протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг. использовались различные группы источников. Все их можно разделить по типо-видовой классификации на нормативно-правовые, делопроизводственную документацию, периодику, статистические и справочно-статистические материалы, источники личного происхождения, видеоисточники.

Нормативно-правовые источники представлены законами СССР, Конституцией РФ, федеральными законами, Указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ. Наибольшую значимость представляет законодательная база, которая показывает рамки социально-трудовых конфликтов, в которых должны были действовать не только шахтёры, но и представители органов власти и управления[1]. Анализ действовавших законов

[1] Закон Союза Советских Социалистических Республик «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» (ст. 654) от 20 мая 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991, 5 июня. № 23. С. 908–912; Конституция Российской Федерации. М., 2000. 80 с.; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_37.html#p4478 (дата обращения: 05.04.2016 г.); Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями на 1 февраля 1999 г.). М., 1999. 160 с.; Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями на 15 сентября 1999 г.). М., 1999. 160 с.; Федеральный закон об общественных объединениях : Принят Государственной Думой 14 апреля 1995 года. М. б. и., 1995. – 27 с.; Федеральный закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» от 20 октября 1995 года (ст. 4557) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995, 27 ноября. № 48. С. 8525–8534; Федеральный закон № 81-ФЗ от 20 июня 1996 г. «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=10849&req=doc#0 (дата обращения: 19.02.2017 г.).

показывает эволюцию правовой системы в сторону ограничения возможностей легальных выступлений рабочих, а также ужесточения наказания за их незаконный характер.

Подавляющая часть информации нормативно-правового блока всё-таки исходит из Указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ. В них отражены основные направления реформирования угольной промышленности России[1], а также действия по нейтрализации протестного движения рабочих[2].

Анализ нормативно-правовых источников показал, что в рассматриваемое время существовал серьёзный разрыв между правовыми нормами и реальным поведением конфликтующих сторон. Стабильность подчас достигалась вопреки действовавшим законам, но в интересах всех сторон, вовлечённых в конфликт.

Центральное место в источниковой базе занимает группа *делопроизводственной документации*, которая делится на опубликованную и неопубликованную.

Подавляющая часть опубликованной делопроизводственной документации получила отражение в периодических изданиях и официальных сайтах сети Интернет. К источникам данной группы относятся и две крупные работы, которые содержат документы разного типа. Одна включает источники по шахтёрскому движению Кузбасса (апрель 1989 – март 1992)[3]. Вторая охватывает важные

---

[1] Указ Президента Российской Федерации № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» (01 июля 1992 г.) // Уголь. 1992. № 9. С. 3; Указ Президента Российской Федерации № 1702 «О преобразовании в акционерные общества и приватизации объединений, предприятий, организаций угольной промышленности» (30 декабря 1992 г.) // Уголь. 1993. № 2. С. 3–4; Указ Президента Российской Федерации № 168 «О мерах по дальнейшему совершенствованию структуры угольной промышленности» (9 февраля 1996 г.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/8868 (дата обращения: 21.04.2016 г.).

[2] Указ Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах по снятию социальной напряжённости в Печорском угольном бассейне», Москва, Кремль, 25 мая 1996 г., № 777 // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 6708. Л. 46–47; Указ Президента Российской Федерации от 08.05.1998 г. № 499 «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах». [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/12357 (дата обращения: 20.10.2015 г.); Постановление Правительства РФ № 451 «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах» от 16 мая 1998 г., г. Москва // Уголь. 1998. № 6. С. 4–6.

[3] Рабочее движение Кузбасса. Сборник документов и материалов (апрель 1989 – март 1992). Кемерово, 1993. 622 с.

документы шахтёрского движения России 1990-х гг.[1] Оба сборника затрагивают различные аспекты протестного движения горняков в 1990-е гг., дают информацию о взаимосвязи «перестроечного» и постсоветского периодов борьбы рабочих. Вместе с тем они имеют некоторые недостатки, которые ограничивают степень их использования. Если в первом случае – это узкие территориальные и хронологические рамки, то во втором – малый набор документов с информацией о протестах конкретно шахтёров, обусловленный более широким предметом исследования автора.

Несмотря на временную близость, рассматриваемых в диссертации событий, в архивах отложился большой пласт документации, который информативно значительно превосходит группу опубликованных документов. Неопубликованные делопроизводственные документы использованы из фондов государственных архивов всех уровней, текущих архивов общественных и коммерческих организаций, а также личных архивов.

Особую значимость имеют те, что извлечены из федеральных архивов – Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), так как позволяют рассмотреть все процессы и явления во всероссийском масштабе, использовать в анализе информацию не только углепромышленных территорий.

Наиболее информативными являются документы ГАРФ, которые, хоть и в разной степени, содержат сведения по всем вопросам рассматриваемой темы. Самыми важными в формировании представления о происходивших событиях стали фонды Правительства Российской Федерации (Ф. 10200) и Министерства экономики Российской Федерации (Ф. 10128). Из содержания архивных дел данных фондов вытекает концепция реформирования угольной промышленности. В них показаны наиболее острые социально-экономические проблемы шахтёрских городов и посёлков, а также механизмы взаимодействия органов

[1] Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России: Документы, статистика, библиография. М., 2006. 400 с.

исполнительной власти в вопросе нейтрализации протестного движения и т.д.

Между тем, в силу своей специфики, документы фондов госархива РФ недостаточно ёмко отражают содержание такого важного для нас вопроса как влияние политических сил страны на протестное движение шахтёров страны. Многие аспекты данного вопроса получили отражение в документах РГАСПИ. Несмотря на то, что фонды этого архива только начали комплектоваться документами общественно-политических организаций современной России, содержание использованных дел позволяет иметь представление о тех трудностях, которые возникли в отношениях между шахтёрами и властью в постсоветское время, а также о попытках общественно-политических сил оказать влияние на протестное поведение горняков. Это, прежде всего, документы из таких фондов, как: Демократическая партия России (Ф. 661) и Коллекция документов политических партий и общественных движений России (конец XX – начало XXI вв.), Ф. 662.

Документальная база других фондов РГАСПИ позволяет сравнить мотивы общественно-политического поведения шахтёров в 1992–1999 гг. с теми, что были накануне рассматриваемого периода, то есть в 1989–1991 гг. Это делают возможным документы фонда ЦК КПСС (Ф. 17). Также мы можем сравнить ситуацию с периодом нэпа, который был содержательно близок с трансформационными процессами 1990-х гг. Это документы фонда номер 98, его название: «Фракция РКП(б), ВКП(б) в ЦК Профессионального союза горнорабочих (1920–1931)».

Шахтёрская борьба развивалась неоднородно. Она имела географические центры, которые, в свою очередь, определяли региональные особенности протестного поведения рабочих угольной промышленности. Без изучения регионального среза архивных документов невозможно понять многие детали стратегии и тактики борьбы, её динамики, разные примеры солидарности и общественной поддержки и т.д. Поэтому автор диссертационного исследования изучил документы таких важных региональных архивов, как: Государственный

архив Кемеровской области (ГАКО), Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке (ГАКО в г. Новокузнецке), Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области (ЦХАД в г. Шахты Ростовской области), Национальный архив Республики Коми (НАРК), Государственный архив Приморского края (ГАПК), Государственный архив Томской области (ГАТО). Таким образом, у нас есть возможность более подробно проанализировать протестное движение шахтёров России в его региональных центрах, а также иметь представление о реакции органов власти в соседних субъектах Российской Федерации.

Фонды региональных архивов содержат документы, которые фактически отсутствуют на федеральном уровне, и без которых сложно представить картину анализируемого прошлого. Это, например, фонды угольных компаний, отдельных предприятий, органов власти субъектов РФ, отраслевых профсоюзов и др.

Региональный уровень являлся центром пересечения действий всех органов власти и управления, шахтёрских организаций, а также общественно-политических сил. Именно из документов архивов субъектов РФ чётко вырисовывается механизм нейтрализации недовольства трудящихся шахтёрских городов и посёлков, а также выработка новых подходов в решении проблем угольной промышленности, как в рамках отдельных территорий, так и всей России.

Главной слабостью источников региональных госархивов является дефицит информации о конкретных акциях протеста горняков. Данную проблему во многом решили документы таких муниципальных архивов, как: Архивный отдел администрации г. Берёзовского, Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска, Архивный отдел администрации г. Прокопьевска, Муниципальное учреждение «Управление городского архива» г. Киселёвска, Архивный отдел администрации г. Ленинск-Кузнецкого, Архивный отдел администрации г. Междуреченска, Муниципальный архив Юргинского

городского округа, Муниципальный архив администрации муниципального образования городского округа «Инта», Муниципальное бюджетное учреждение «Городской архив» г. Кемерово, Архивный отдел администрации Артёмовского городского округа, Архив Партизанского городского округа, Муниципальное бюджетное учреждение «Воркутинский муниципальный архив».

Благодаря архивным документам данной группы, была смоделирована картина возникновения и развития многих акций протеста горняков, что сыграло большую роль в определении характера и динамики их борьбы в 1992–1999 гг. Кроме того, содержание этих документов помогло пролить свет по таким важным вопросам, как: социально-экономическая ситуация в шахтёрских городах и посёлках, формы и методы борьбы горняков, реакция общества и власти на выступления рабочих угольной промышленности и др.

На фоне других выделяются документы из фондов Архивного отдела администрации г. Прокопьевска. Фонд Прокопьевского теркома Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности (Ф. 31) существенно обогатил знаниями о действиях отраслевых профсоюзов (в основном Росуглепрофа) в таком важном углепромышленном районе как Прокопьевско-Киселёвский.

Некоторые муниципальные архивы содержат важную информацию о забастовочном движении шахтёров в 1989–1991 гг. (гг. Берёзовский, Киселёвск, Кемерово), что позволяет провести сравнительный анализ в контексте рассматриваемых событий.

В целом, документы муниципальных архивов являются одними из самых информативных. Их анализ показал не только территориальные особенности протестного движения рабочих, но и системный характер проблем в угольной промышленности России в 1990-е гг.

Рубеж XX–XXI вв. – это время активного развития в стране краеведения и музейного дела. Широкое забастовочное движение шахтёров в годы «перестройки» не могло не привлечь своим вниманием многих (хотя и не всех)

работников краеведческих музеев углепромышленных городов и посёлков. Поэтому в ходе исследовательской деятельности были изучены фонды тех краеведческих музеев, которые имеют коллекции документальных материалов о шахтёрском движении, начиная с 1989 г. Фактически все они находятся в тех городах и посёлках, где был высок градус протестной активности – это Текущий архив краеведческого музея г. Берёзовского, Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска, Текущий архив муниципального учреждения культуры «Краеведческий музей» г. Ленинск-Кузнецкого, Муниципальное автономное учреждение культуры «Новокузнецкий краеведческий музей», Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Междуреченска.

Наиболее богаты фонды Текущего архива муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска, так как этот город являлся «столицей» протестного движения шахтёров Кузбасса в 1992–1999 гг. Здесь сосредоточено большое количество документов и фотографий, в том числе и по предыдущему, забастовочному периоду – 1989–1991 гг.

Главными выразителями социально-экономических и политических интересов шахтёров в 1990-е гг. стали их профсоюзы – Росуглепроф и Независимый профсоюз горняков России. Если деятельность Росуглепрофа нашла своё отражение в ряде фондов государственных архивов, то информация о действиях НПГ России не имеет системного характера, в госархивах отсутствуют какие-либо его специальные фонды. Поэтому важным элементом исследовательской деятельности явилось привлечение в корпус использованных источников тех документов, которые хранятся в текущих архивах Росуглепрофа и НПГ России (в том числе её Кузбасской региональной организации). Текущий архив Росуглепрофа позволил использовать ценный материал его общероссийской газеты – «На-гора!».

Так как протестное движение шахтёров России было во многом инициировано проблемами угольной промышленности, автор диссертации

задействовал материалы текущего архива АО «Росинформуголь». Начиная с 1990-х гг. и до наших дней эта организация занимается мониторингом и аналитикой фактически всех процессов, которые влияют на развитие угольной промышленности России и мира. Документы текущего архива АО «Росинформуголь» являются основой многих таблиц и рисунков диссертации, которые отражают широкий спектр вопросов социально-экономического положения рабочих угольной промышленности и их протестной активности.

Таким образом, источниковая база делопроизводственной документации весьма обширна, что позволило иметь широкий круг использованных документов, большая часть которых принадлежит к группе неопубликованных.

Делопроизводственная документация классифицируется по следующим, распространённым в отечественном источниковедении[1], видам: 1) *стенограммы* и *протоколы* конференций, собраний, сходов и т.п., как особый вид организационно-распорядительной документации; 2) *распорядительные* документы, которые использовались для реализации управленческой деятельности; 3) *текущая переписка* учреждений и предприятий, а также письма граждан в государственные и общественные органы; 4) *отчёты*, в том числе неопубликованная статистическая документация.

Центральное место в использованной делопроизводственной документации занимают *стенограммы* и *протоколы*. Они как составная часть официальной документации встречаются в делопроизводстве фактически всех организаций, подвергшихся исследовательскому анализу. Кроме того, в числе использованных протоколов имеются и те, которые имеют общественный характер происхождения, например, протоколы сходов жителей посёлка Углекаменск Приморского края[2].

Семь протоколов (ксерокопии) использовано из личных архивов участников и свидетелей рассматриваемых событий. Их содержание не вызывает сомнений в

---

[1] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 572.
[2] Архив Партизанского городского округа. Ф. 35. Оп. 1. Д. 353, 357, 362.

подлинности, так как подтверждается информацией из других источников и литературой. Часть протоколов (как и других делопроизводственных документов) опубликована в монографиях автора диссертации[1] и их подлинность до сих пор ни у кого не вызывала сомнение.

Стенограммы и протоколы отличаются строгим стилем изложения информации, имеют важные элементы делопроизводственной документации: номер, число, фамилии участников выступлений, подписи и т.д. Часто стенограммы и протоколы сопровождаются другими официальными документами – решениями, постановлениями и др. Всё это позволяет хорошо ориентироваться в хронологии событий, лучше выявлять причинно-следственные связи, определять реакцию органов власти и управления.

Многочисленные ссылки на стенограммы и протоколы в содержании диссертации объясняется высокой степенью объективности данных документов. Важной особенностью их содержания является то, что они представляют нам официальную и неискажённую позицию как высокопоставленных чиновников, так и рядовых шахтёров, показывают конкретные действия органов власти и общественно-политических сил по решению шахтёрских проблем[2].

Стенограммы и протоколы профсоюзов и рабочкомов, в сравнении с другими источниками, имеют непревзойдённое преимущество: они содержат сведения, которые отражают анализ собственных протестных действий[3]. Наиболее ценные сведения почерпнуты из протоколов и стенограмм территориальных комитетов самого многочисленного отраслевого профсоюза – Росуглепрофа, к действиям

---

[1] Соловенко И.С., Епифанцев К.В. «Рельсовая война» в Юрге в 1998 году. Томск, 2009. С. 43; Соловенко И.С. «Рельсовые войны» в России в 1998 году. Томск, 2011. 209 с.; Соловенко И.С. Протестное движение шахтёров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям (1992–1999 гг.). Томск, 2012. 227 с.

[2] Из стенограммы встречи Президента РСФСР Ельцина Б.Н. с делегацией Кузбасса. Москва, не позднее 25 января 1992 г. // Рабочее движение Кузбасса. Сборник документов и материалов (апрель 1989 – март 1992). Кемерово, 1993. С. 555–558.

[3] Протокол № 17 Новокузнецкого Городского Рабочего Комитета от 04.01.92 г. // Муниципальное учреждение культуры «Краеведческий музей» г. Новокузнецка; Протокол № 1 профсоюзной конференции коллектива шахты «Интинская» от 5 июня 1992 года // НАРК. Ф.Р-2082. Оп. 1. Д. 667. Л 2; Стенограмма III пленума Кузбасского теркома профсоюза рабочих угольной промышленности (15.5.1990 г.) // Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 405. Л. 8; Протокол XXVII Ростовской областной партийной конференции КП РФ от 10 декабря 1994 года // ЦДНИРО. Ф. 3703. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.

которого часто подключались трудящиеся других социально-профессиональных групп. В них отражена эволюция взглядов и требований шахтёров по отстаиванию своих социально-трудовых прав и интересов, показан механизм подготовки и проведения профсоюзами различных по форме акций протеста и т.д.[1]

Аналогичную особенность имеют стенограммы и протоколы органов власти и управления, где по многим важным вопросам от первого лица представлены позиции госчиновников всех уровней[2]. Их содержание показывает оперативный характер заседаний и решений по резко обострившимся вопросам состояния и развития угольной промышленности[3].

Редко, но всё-таки встречаются стенограммы и протоколы совместных заседаний шахтёров (и/или их представительных органов) с их контрагентами. В них, как правило, содержится материал консенсусного типа, например, имеются такие строки «Минфин России… предусматривает дополнительное финансирование погашения части задолженности по заработной плате шахтерам… Независимый профсоюз горняков России принимает на себя обязательства (при выполнении положений настоящего Протокола) воздерживаться от проведения незаконных и наносящих экономический ущерб государству и предприятиям угольной отрасли акции протеста»[4]. Редкость подобных документов объясняется долгим нежеланием органов власти и управления идти на полноценный диалог с шахтёрами и их профсоюзами. Только масштабные и радикальные акции протеста рабочих угольной промышленности весной–летом 1998 г. заставили власть услышать их голос.

---

[1] Протокол конференции трудовых коллективов угольных предприятий г. Прокопьевска, 19 мая 1998 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 340. Л. 1–13.

[2] Протокол № 12 Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов, 21 октября 1995 года, г. Кемерово // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1965. Л. 103.

[3] Протокол оперативного совещания при генеральном директоре от 6 мая 1992 г. // НАРК. Ф.Р-1675. Оп. 1. Д. 6380. Л. 24.

[4] Протокол совещания у Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации с представителями шахтеров, пикетирующих здание Правительства Российской Федерации, г. Москва, 30 сентября 1998 г. // Текущий архив Независимого профсоюза горняков России. Л. 2, 4.

Протоколы, имевшие чрезвычайную важность не только для шахтёрского сообщества, но и конкретных территорий, публиковались на страницах газет. Таким, например, является протокол, опубликованный на страницах интинской газеты «Искра»[1]. Его появление было связано с небывалым накалом борьбы в мае 1998 г. и широким общественным резонансом в г. Инте, откуда стали распространяться всероссийские «рельсовые войны». На данном примере можно утверждать, что местная печать отражала каждый шаг Правительства РФ, направленный на стабилизацию обстановки в шахтёрском городе.

В общем, содержание стенограмм и протоколов показывает неоднородность взглядов как на процесс реформирования угольной промышленности, так и формы и методы отстаивания интересов трудовыми коллективами.

После текста фактически всех протоколов и стенограмм присутствуют постановления, решения и резолюции, которые относятся к группе *распорядительной документации*. Встречаются они и как независимые документы. В отличие от стенограмм и протоколов, постановления, решения и резолюции, как правило, выражают позицию какой-либо одной стороны – профсоюза, забастовщиков, органа исполнительной власти и т.д.

Суть данных документов во многом зависит от принявших их организаций. Органы власти и управления вкладывали в их содержание определённый алгоритм экономических антикризисных действий[2]. В свою очередь профсоюзы, трудовые коллективы и оппозиционные партии, чаще всего, посредством таких документов показывали отношение к «реформам» в угольной промышленности, определяли стратегию и тактику борьбы и др.[3] Причём степень политизации и

---

[1] Протокол совещания о мерах по стабилизации социально-экономического положения на предприятиях ОАО «Интауголь», ОАО «Шахта «Западная» и г. Инты // Искра. 1998. 30 мая.

[2] Постановление краевой межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих районов (г. Артём, 11 декабря 1997 г.) // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 178. Л. 41.

[3] О коллективных действиях. Постановление Совета представителей НПГ России. Москва, 16 февраля 1994 г. // Социальные проблемы ... С. 70; О коллективных действиях Росуглепрофа. Постановление президиума Росуглепрофа. Москва, 20 мая 1998 г. // Социальные проблемы ... С. 133; Постановление конференции представителей трудовых коллективов угольной компании «Кузнецкуголь» // Горняцкая солидарность (газета совета представителей независимого углепрофсоюза юга Кузбасса, Новокузнецк). 1994. 4 марта; Постановление

радикальности, принимавшихся ими постановлений, решений и резолюций, с каждым годом возрастала[1].

Важно отметить, что некоторые планировавшиеся горняками действия протестного характера так и остались на бумаге, несмотря на отсутствие каких-либо видимых причин. Их основные требования, как правило, не выполнялись. Наличие подобных явлений связано не только с реальной политической слабостью шахтёрского сообщества, но и с ярко выраженным популистским и декларативным характером их многих постановлений, решений и резолюций, которые изначально были трудновыполнимы. К примеру, в январе 1998 г. горняки совместно с другими трудящимися Партизанска требовали отставки Президента и Правительства РФ. В противном случае они намеревались «рассмотреть вопрос о взятии власти в городе координационным комитетом»[2].

К распорядительной документации относится и такой важный источник как приказы. Всё-таки, в силу своей специфики, они встречаются в фондах, которые отражают деятельность органов управления – госкомпании «Росуголь», а также добывавших уголь компаний и предприятий[3]. Отличаются приказы и тем, что они, как правило, кратки по объёму содержания и представляют информацию по одному вопросу. Хотя, надо признать, порой один приказ охватывает ряд, интересующих диссертанта проблем. Например, из приказа генерального директора АООТ «Северокузбассуголь» Е.В. Кухаренко «О причинах кризисного

Независимого профсоюза горняков Воркуты, Воркутинской организации Росуглепрофсоюза и Воркутинского профсоюза горных инженеров // Заполярье. 1998. 4 августа.

[1] Решение Совета представителей Независимого профсоюза горняков Кузбасса и Совета рабочих комитетов Кузбасса, 17 марта 1993 г., г. Прокопьевск // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5666. Л. 50; Постановление Совета представителей независимого профсоюза горняков России: «О позиции НПГ России по проблемам реструктуризации угольной отрасли России» (21 – 22 июня 1997 г., г. Подольск) // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска; Постановление заседания VII пленума Коми рескома КПРФ от 12 сентября 1998 г. // НАРК. Ф. 3791. Оп. 1. Д. 31. Л. 37; Решение Берёзовского городского Совета «Об акции протеста в г. Анжеро-Судженске», 17.07.1998 г. // Архивный отдел администрации г. Берёзовского Кемеровской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 7. Л. 138.

[2] Резолюция общего митинга – акции протеста, состоящего на пикетировании железнодорожной магистрали Находка–Хабаровск трудовыми коллективами города Партизанска (27 января 1998 г.) // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 5–6.

[3] Приказ генерального директора АООТ «Северокузбассуголь» № 25 от 16.08.1994 г. «О грубых нарушениях в использовании средств господдержки и финансово-хозяйственной деятельности предприятий» // ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 26. Д. 1. Л. 90; Приказ «О повышении трудовой и исполнительной дисциплины руководителей» от 10.10.93 № 50, г. Москва // ГАПК. Ф.Р-498. Оп. 7. Д. 307. Л. 23.

состояния с выплатой заработной платы» от первого апреля 1997 г.[1] можно узнать динамику роста задолженности по зарплате как, в целом, по объединению, так и по шахтам, её основные причины и последствия, а также административные меры, направленные на снятие напряжённости в трудовых коллективах.

Для диссертанта наиболее значимой информацией приказов стала та, что отразила причины и масштабы проблем в угольной промышленности, а также позволила определить степень эффективности действий органов управления по их разрешению.

В содержании диссертации присутствуют ссылки и на такой значимый документ, относящийся к группе распорядительных, как соглашения. Они довольно редко встречаются в источниковой базе, что показывает не только слабый диалог между горняками и властью, но и отсутствие стабильного взаимодействия шахтёрского сообщества с общественно-политическими силами. Данный вид документа чаще всего использовался в деятельности забастовочных и профсоюзных комитетов[2].

Консенсусный характер соглашений отражает многие аспекты затянувшегося противостояния. Их содержание полезно дополняет представления о стратегии и тактике борьбы рабочих угольной промышленности.

В целом, распорядительные документы значительным образом расширили представление по многочисленным аспектам протестного движения шахтёров рассматриваемого времени. Вместе с тем наибольшая часть использованных источников данной группы концентрируется на решении конкретных проблем угольной промышленности. Обширный видовой арсенал и разная природа происхождения данных документов позволили усилить объективный характер исследования.

Текущая переписка представлена такими видами документов, как: письма,

---

[1] ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 26. Д. 103. Л. 125–128.

[2] Соглашение между Независимым профсоюзом горняков России (НПГР) и Объединением профсоюзов России СОЦПРОФ. Москва, 17 апреля 1995 г. // Социальные проблемы ... С. 73.

телеграммы, заявления, обращения, сообщения, донесения и т.п. Многие из них имеют официальное происхождение и были использованы в решении вопросов угольщиков на межведомственном уровне. Выделяется текущая переписка между органами власти и управления[1], а также письма, обращения и т.п., направленные в их адрес самими шахтёрами, а чаще представительными органами рабочих[2].

Текущую переписку отличает от других видов делопроизводственной документации наличие источников неформального происхождения, то есть тех, которые появились в результате прямой инициативы и непосредственного участия самих шахтёров. Это подтверждает частую хаотичность и не подконтрольность акций протеста. Некоторые документы данной группы рождались прямо на «полях сражения». Поэтому многие из них зафиксированы в прессе[3], а также отложились в фондах краеведческих музеев[4], личных архивах участников акций протеста[5], реже – в муниципальных архивах[6], крайне мало, но всё-таки имеются – в региональных и федеральных госархивах[7].

Чаще всего письма, телеграммы, заявления, обращения, сообщения и т.п., исходившие от шахтёрского сообщества, имели открытый характер, то есть публиковались в газетах, распространялись в форме листовок и т.д.[8], так как

---

[1] Срочное донесение министра топлива и энергетики Ю.К. Шафраника Председателю Правительства РФ Черномырдину В.С. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5680. Л. 18.

[2] Председатель теркома углепрофсоюза П.Т. Кирясов и Председатель Совета по коллективным действиям В.М. Егоров Губернатору Приморского края Е.И. Наздратенко, 28 апреля 1997 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 179. Л. 61 (об.); Требование Независимого профсоюза горняков г. Воркуты от 15 ноября 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3526. Л. 46; Обращение председателя исполкома движения «Трудовая Россия» В.И. Анпилова к шахтерам, рабочим, крестьянам, военнослужащим, молодежи и трудовой интеллигенции, июль 1998 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.-662. Оп. 3. Д. 173. Л. 101.

[3] Обращение горняков ш. «Судженская» к жителям города // Наш город. 1994. 14 октября.

[4] Главе Администрации области Тулееву Аману Гумировичу (г. Анжеро-Судженск, 22.07.97 г.) // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

[5] Заявление Представителей координационных советов городов Кузбасса (29.07.98 г.) // Личный архив В.Д. Кохно.

[6] Письмо–Обращение к директорам предприятий и организаций // Муниципальное бюджетное учреждение «Городской архив» г. Кемерово. Ф. 108. Оп. 1. Д. 25. Л. 10–12.

[7] Заявление участников пикетирования здания администрации «Ростовуголь», 15 августа 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3524. Л. 59.

[8] Обращение рабочего комитета г. Анжеро-Судженска к солдатам и офицерам войск МВД и ОМОНа // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска; Заявление совместного заседания СРК и СП НПГ Кузбасса // Наша газета (Кемерово). 1993. 6 марта. С. 1; Открытое письмо шахтеров РУ «Павловское», жителей п. Новошахтинский // Красное знамя (Владивосток). 1998. 12 марта. С. 1.

реакция со стороны органов власти и управления на них имела не всегда адекватную реакцию. Таким образом, создавались дополнительные условия демонстрационного характера борьбы. Во многом это позволило данным документам дойти до исследователя.

Вместе с тем, имелись открытые обращения и со стороны представителей власти[1], которые позволяли оказывать влияние на степень и содержание протестного недовольства не только шахтёров, но и жителей конкретной территории.

В целом, использование документов текущей переписки позволило иметь детальную информацию не только о протестном движении шахтёров в общероссийском масштабе, но и на уровне конкретных шахтёрских территорий.

Неотъемлемой частью источниковой базы делопроизводства стали *отчёты, в том числе неопубликованная статистическая документация*. Информация данного вида делопроизводственной документации содержится как непосредственно в отчётах, так и в его разновидностях: выступлениях, докладах, заключениях, справках, докладных записках, информационно-аналитических обзорах и др. Как правило, все они доносят до нас сведения конкретного характера. Особенно это относится к неопубликованным отчётам. Здесь встречаются сведения местного значения, которые сложно обнаружить в других источниках. Например, об экономическом положении конкретных предприятий угольной промышленности какого-либо города[2]. Сильной стороной этих документов является возможность увидеть аналитический взгляд на исследуемую проблему из первоисточника[3], выяснить меры оперативного решения вопросов

---

[1] Кислюк М. Мы можем спасти страну или погубить её. Обращение к кузбассовцам // Кузбасс. 1994. 10 февраля.

[2] Сводные статистические материалы по затратам за 1994 год // Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Ф. 45. Оп. 1. Д. 71; О финансовом состоянии организаций за 1998 год // Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Ф. 45. Оп. 1. Д. 115.

[3] Аналитическая справка Ростовского регионального отделения ЛДПР // ЦДНИРО. Ф.Р-3700. Оп. 1. Д. 58. Л. 11; Краткая информация по вопросам угольной промышленности на территории Красноярского края, 13.09.1993 г. // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1241. Л. 1 и др.

угледобытчиков[1].

Опубликованные документы и материалы отчётного характера дают нам информацию более широкого плана. Они получили отражение в периодической печати и делятся на две группы. Первая включает материалы, где сосредоточена информация заимствованная прессой из отраслевой отчётности[2]. Сюда относятся и документы, авторами которых являются непосредственные участники рассматриваемых событий. В основном это те, которые были в центре внимания средств массовой информации – должностные лица из числа представителей органов исполнительной власти, профсоюзных и политических деятелей[3]. В их докладах содержится информация о проделанной работе, тех задачах, которые необходимо было решать и т.п.

Вторая группа опубликованных отчётов представлена социологическими опросами, проведёнными в 1990-е гг. Важные цифры, отражающие отношение россиян к шахтёрским выступлениям, в совокупности с подробным анализом авторов социологических обследований по разным шахтёрским проблемам представлены в отчётах Фонда общественного мнения[4]. Материал базы данных этого Фонда подтверждает многие выводы, использованных в диссертации,

---

[1] Справка от 12 апреля 1995 г. и.о. руководителя госинспекции труда по Ростовской области В. Пашкова, представленная Главному государственному инспектору труда Российской Федерации Варову В.К. «Об обобщённых материалах проверок о просроченной задолженности по выдаче средств на потребление по основным отраслям промышленности» // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-4457. Оп. 1. Д. 10. Л. 12; Заключение по результатам проверки полноты и своевременности выделения средств из федерального бюджета и их использования Государственной угольной компанией «Росуголь» на государственную поддержку угольной промышленности, 5.12.1995 г. // ГАРФ. Ф. 10251. Оп. 1. Д. 151. Л. 9; Представление прокурора Октябрьского района Приморского края Е.В. Ничипорука «Об устранении нарушений трудового законодательства», 10.07.1998 г. // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 176. Л. 10; Докладная записка «О результатах проверки разрешения материалов, расследования уголовных дел по фактам нецелевого использования бюджетных средств, невыплаты заработной платы, пенсий и пособий» (13.03.1999 г.) // НАРК. Ф.Р-1307. Оп. 1. Д. 1880. Л. 87 и др.

[2] О ходе переселения шахтерских семей из районов Крайнего севера и приравненных к ним местностей, а также их шахтерских городов Кизеловского угольного бассейна за 1998–2003 гг. // Уголь. 2003. № 12. С. 62–63; Краткие итоги работы угольной промышленности России за 1999 г. // Уголь. 2000. № 2. С. 41–50.

[3] Действовать продуманно (Из доклада председателя РК углепрофсоюза В.И. Будько) // Горняцкая солидарность (Новокузнецк). 1992. 2 апреля; Выступление первого заместителя председателя правительства Российской Федерации Н.Е. Аксененко на Съезде работников угольной промышленности 17 ноября 1999 г. // Уголь. 1999. № 12. С. 11–14.

[4] Петрова А. Россияне об акциях протеста. [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/of19981603. (дата обращения: 13.02.2015); Климов И. «Рельсовая война» шахтёров в мае 1998 г.: мобилизационный потенциал (отчёт). [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/map/o901320 (дата обращения: 16.10.2015 г.).

социологических работ. В том числе и то, что внимание россиян особо возрастало к действиям шахтёров в моменты активного использования ими радикальных форм и методов борьбы.

Разное происхождение и видовые особенности отчётов и неопубликованной статистики позволяют сравнить многие аспекты протестного движения шахтёров России по таким важным критериям как: география событий, степень участия в разрешении социально-трудовых конфликтов различных общественно-политических сил, общественный резонанс и др.

Итак, делопроизводственные источники являются одними из самых разнообразных и информативных. Их содержание использовано во всех главах и параграфах диссертации, а также стало важным критерием на объективность в анализе многих других источников, тем более литературы. Сравнительный анализ документов данной группы позволяет сделать вывод о том, что шахтёры России и их профсоюзы были всегда готовы к диалогу со своими контрагентами, а акции протеста рассматривали как крайнее средство отстаивания своих интересов.

Одним из самых содержательных и многогранных источников является *периодика* – журналы и газеты. Большой массив использованной диссертантом периодики и её весомая исследовательская значимость является следствием таких исторических особенностей рассматриваемого периода, как: либерализация издательского дела, динамичное увеличение количества журналов и газет в постсоветское время, а также их активное использование в роли политической трибуны всеми сторонами противостояния. Телевидение имело ограниченный ресурс, а Интернет тогда был фактически недоступен для большинства населения страны. При этом автор диссертационного исследования постарался избежать в использовании того материала периодических изданий, которые вызывали сомнение. В тех случаях, когда он всё-таки присутствует, даётся критический анализ.

Если сравнивать журналы и газеты, они имеют много общего: актуальный и оперативный характер информации, приоритет первоисточникам и др. Между

тем, каждый из двух видов периодических изданий обладает своими достоинствами и недостатками.

Преимуществом журнальных полос является преобладание научного стиля, который придаёт их содержанию аналитическую ценность и объективность. Часто в журналах можно встречается информация как общероссийского, так и регионального масштаба, которая фактически отсутствует в газетах. Особенно это относится к материалам статистико-справочного характера, выступлениям руководителей угольной отрасли и профсоюзов, официальным документам и т.п.

Главной слабостью журналов в сравнении с газетами является их весьма ограниченный ресурс. Большинство материала взято из одного, хоть и важного, журнала – «Уголь». Другие отраслевые журналы (например, «Горная промышленность»), за редким исключением[1], содержат материал фактически только прикладного использования (технико-экономические новинки и достижения, изобретения в сфере угольной промышленности и т.п.). В меньшей мере задействована источниковая база других, «не угольных» журналов: «Человек и труд», «Профсоюзы и экономика», «Регион» (Республика Коми). Серьёзным недостатком является и то, что в содержании журнальной аналитики малозначительное место отводится как самой возможности высказаться рабочим, так и наблюдается дефицит информации о них.

Почти все недостатки журнальной периодики компенсируют газеты. Их большое множество и все они отражают разные срезы исторических событий: жизнь шахтёрских городов и посёлков, профсоюзную деятельность, действия оппозиции, общественный резонанс, требования рабочих и т.д. В силу объективных причин их материал является более мобильным и разносторонним. Фактически нет ни одного проанализированного в диссертации вопроса, который бы не опирался на газетные источники. В них представлена позиция как властных

[1] Рожков А.А., Анистратов М.К., Фролов А.А. Указ. соч. С 36–42.

структур (важно отметить их региональный и местный уровень), так и органов управления.

Значительный срез информации имеет прямое отношение непосредственно к рабочим. На местном и региональном уровне часто встречается мнение шахтёров по тем или иным вопросам. Газетный материал очень хорошо отражает степень демонстрационности форм и методов протеста горняков. Широкое привлечение к обсуждению проблем угольной промышленности представителей разных сторон позволяет объективно формировать знания по большому кругу вопросов развития протестного движения рабочих.

К слабым сторонам газетного материала (в сравнении с журнальным) можно отнести следующие моменты. Во-первых, ангажированный характер подачи некоторого материала, в зависимости от права обладания на конкретную газету и других причин, во-вторых, дефицит официальных документов, имеющих отношение к рабочим угольной промышленности, неточность их передачи, в-третьих, ограниченный объём информационно-справочного материала.

Невозможно иметь полноценное представление об источниковой базе использованных журналов и газет без анализа их разновидностей, информационной направленности, видов подаваемой информации и удельного веса использованных сведений.

Сложней сравнивать журналы, так как они имеют специфическую, отраслевую принадлежность и, соответственно, узкий характер подачи материала. Только журнал «Уголь» даёт нам широкое представление по самым разным вопросам состояния и развития угольной промышленности России[1]. Значительно меньше материала об угольной промышленности в других журналах – «Профсоюзы и экономика», «Человек и труд», «Регион». Между тем, в них

[1] Экгардт В.И., Рыбкин В.К., Смирнов М.И. Печорский угольный бассейн – проблемы и перспективы // Уголь. 1999. № 8. С. 54–57; Ротин В.Г. Основные проблемы шахтерских городов и пути их решения на втором этапе реструктуризации угольной промышленности // Уголь. 2000. № 3. С. 5–8; Мохначук И.И. Охрана труда и промышленная безопасность в угольной промышленности России // Уголь. 2003. № 8. С. 35–38.

значительно чаще можно встретить информацию, имеющую связь с протестными действиями шахтёров[1].

Сравнивая содержание материала всех журналов можно выделить некоторые принципиальные отличия в подаче тех или иных фактов, процессов и явлений, которые опять же связаны со специфической, отраслевой принадлежностью. Так, например, журнал «Уголь» в целом представляет спокойную атмосферу реформирования угольной промышленности России, объективный характер необходимости её реструктуризации[2]. В других журналах преобладает несколько иной взгляд. Чаще всего реструктуризация угольной промышленности показывается как процесс недостаточно продуманный и даже разрушительный[3].

Журналы включали нормативно-правовые акты (Указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и т.д.), официальную информацию, статистику, интервью, информационные обзоры, фотодокументы. Сложно выделить наиболее полезный из них, так как каждый обладает своими преимуществами. Хотя интервью и аналитические статьи чаще используются в анализе тех или иных вопросов диссертации, большую ценность всё-таки представляют сведения, почерпнутые из блоков официальной информации[4], так как фактически они больше почти нигде не встречаются.

Несмотря на разные по форме и содержанию сведения, источниковая база журналов позволяет вывить наиболее острые вопросы развития угольной промышленности, а также действия официальных лиц и организаций в решении

---

[1] Чекис А. Когда в товарищах согласья нет… // Профсоюзы и экономика. 1992. № 5. С. 37–40; Игорь Кожуховский: «Государство должно выполнять обещанное, а шахтерские требования и действия должны вписываться в рамки закона» // Человек и труд. 1998. № 8. С. 5–11.

[2] Угольная промышленность России на пути реформ // Уголь. 1995. № 1. С. 4–5; Богопольский И.Е., Климов С.Л., Проскуряков В.В. Угольная промышленность и рыночные отношения: предварительные результаты реструктуризации // Уголь. 1999. № 12. С. 31–36.

[3] Будько В. Наша задача – сохранить угольную промышленность и защитить шахтеров от безработицы // Человек и труд. 1994. № 2. С. 99–102; Угольная промышленность: неплатежи растут, но реструктуризация отрасли продолжается // Человек и труд. 1996. № 5. С. 65–68; Экгардт В. Работать с федеральным правительством становится все сложнее // Регион. 1998. № 3. С. 34 и др.

[4] Карагодин Л.Н. О выездном заседании правления Российской угольной компании и заседании Совета директоров угольной промышленности России // Уголь. 1994. № 4. С. 3–4; О ходе переселения шахтерских семей из районов Крайнего севера и приравненных к ним местностей, а также их шахтерских городов Кизеловского угольного бассейна за 1998–2003 гг. // Уголь. 2003. № 12. С. 62–63.

шахтёрских проблем[1]. Наиболее важная и интересная информация журналов перепечатывалась в газетах[2], что подчёркивает её высокую значимость.

В целом, информация со страниц журналов является одним из ключевых критериев на правдоподобность других источников и литературных сведений.

Важным источником стали газеты. Одним из главных преимуществ перед журналами является их большое количество (61 наименование). Широкое многообразие газет обязывает дать развёрнутую классификацию. В большинстве научных сочинений наблюдается деление газет по географическому уровню, то есть на: центральные, региональные и местные. В нашем случае невозможно обойти и малотиражные («шахтовые»). Большинство использованных газет – это местные и региональные, так как для их потенциальных читателей шахтёрские проблемы были ближе и важнее, чем для подписчиков центральных газет. Поэтому источниковый материал местных и региональных газет более разнообразен и масштабен.

В этом контексте несколько своеобразно выглядят малотиражные газеты, которые издавались на базе угледобывающих предприятий и компаний – «Огни “Распадской”» (ЗАО «Распадская»), «Шахтер» (шахта «Байдаевская»), «Южный Кузбасс» (акционерная компания «Кузнецкуголь»), «Огни Воргашора» (ОАО шахта «Воргашорская») и др. С одной стороны, все они шахтёрские. С другой – их источниковая база редко выходила за рамки производственно-технических вопросов. Информация об акциях протеста рабочих подавалась редко, и она, как правило, имела узкий масштаб, то есть в основном относилась к ситуации вокруг собственного трудового коллектива. Думается в основе такого явления лежит административный контроль над газетой и нежелание директорского корпуса подрывать стабильность предприятий.

---

[1] Бернштейн А. Печорский угольный бассейн: итоги, планы, проблемы // Регион. 1998. № 3. С. 32–33; Зайденварг В., Ковальчук А., Сараев В., Золотарев В., Чудинов А. Реинжиниринг экономики угледобывающих городов. Социальный аспект структурных преобразований // Человек и труд. 1998. № 5. С. 32–36; Яновский А.Б., Скрыль А.И. Реструктуризация угольной промышленности России: предпосылки, опыт, проблемы, перспективы // Уголь. 1999. № 7. С. 14–18.

[2] Гордиев узел шахтерских проблем // Искра. 1998. 31 октября.

Газеты наиболее ярко представляют многогранную картину протестного движения российских шахтёров, но они рознятся по характеру подачи информации о протестных действиях горняков. Выделяются три группы газет, которые с небольшой погрешностью можно разделить на: поддерживавшие протесты, относительно поддерживавшие и осуждавшие их.

К первой группе, например, относятся такие газеты, как: «Советская Россия», «Правда», «Московские новости», «Кузбасс» (Кемерово), «Кузнецкий край» (Кемерово), Владивостокское время (Владивосток), Красное знамя (Сыктывкар), «Вечерний Красноярск» (Красноярск), «Заполярье» (Воркута), «Искра» (Инта), «Наш город» (Анжеро-Судженск), «Шахтёрская правда» (Прокопьевск), «Мой город» (Берёзовский), «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк), «Выбор» (Артём, Приморский край) и др. В своих информационных блоках они в большей мере выражали озабоченность проблемами в угольной промышленности страны и поддержку протестующим рабочим[1].

Вторая группа газет не столь значительна. Это такие как, например, «Аргументы и факты», «Труд», «Молодежь Севера» (Сыктывкар), «Наше время» (Ростов-на-Дону) и др. Подачу информации с их стороны можно охарактеризовать как в целом нейтральную. В ходе подъёма протестного движения данные газеты, как правило, были на стороне протестующих, а в моменты спада борьбы «подсчитывали убытки» от радикальных действий горняков[2].

Третья группа газет самая малочисленная. Это «Российская газета», «Известия», «Наша газета» (Кемерово). Они в целом осуждали масштабные и радикальные действия горняков, критиковали «деструктивные» действия

---

[1] Михайлова Н. Раскачали лодку. Приступил к работе комитет спасения при городском профцентре // Шахтерская правда. 1996. 25 сентября; Депутаты не захотели помочь шахтерам // Искра. 1998. 10 февраля; Маурин В. Москва обещания не выполняет, штаб снова стягивает рабочих к Транссибу // Кузбасс. 1998. 27 июня.

[2] Емченко Ф., Косвинцев А. Шахтеры на рельсах // Труд. 1998. 21 мая. С. 1.

шахтёрских профсоюзов и т.д.[1] Лидерами информационной критики акций протеста рабочих являлись правительственные газеты.

Таким образом, данная классификация показывает информационное противостояние между центром и регионами, имевшее место в рассматриваемое время. Несмотря на доминирование в шахтёрских городах и посёлках сведений региональных и местных газет, в которых выражалась поддержка горнякам, в общем, они проигрывали информационное противостояние такому популярному ресурсу как телевидение. Особенно это проявилось весной–летом 1998 г., то есть в момент наивысшего подъёма протестного движения российских горняков, что также подчёркивается в региональных и местных газетах[2].

Источники газетной информации весьма обширны. Их можно разделить на две группы: официальные и неофициальные.

К официальным источникам информации относятся такие, как: документы (выступления, доклады, заявления, резолюции, обращения, постановления, протоколы, указы и др.), статистика, информация авторитетных пресс-служб (Администраций субъектов и Президента РФ, МВД и УВД регионов) и информагентств. Главная ценность их в том, что они показывают официальные позиции противоборствовавших сторон: планы, действия, социально-политическую опору и т.п.[3] Высокая степень объективности и широкое многообразие официальных источников газетной информации позволили чаще использовать сравнительно-исторический метод исследования.

Наибольший удельный вес использованной в диссертации газетной информации всё-таки имеет неофициальный характер. К её видам относятся

---

[1] Голяев А. Не подмешивать уголь в политику // Известия. 1993. 9 декабря. С. 1; Водолазов А. Угольный шантаж // Известия. 1998. 10 июля. С. 5; Асланиди А. О критическом положении в Кемеровской области // Наша газета. 1998. 10 июля.

[2] Яковенко Р. СМИ о нас лгут // Заполярье. 1998. 1 июля; НПГ собирается судиться с НТВ // Заполярье. 1998. 15 июля.

[3] Наступит ли перелом в 95-м? Пресс-конференция в ГП «Росуголь» // На-гора! 1995. № 5–6, январь. С. 1; Как расходовались деньги 1-го «угольного» займа // На-гора! 1997. № 13–14, сентябрь. С. 8; Кобяков А. Надо входить во власть // На-гора! 1997. № 13–14, сентябрь. С. 8; И.Л. Шпектор: «Реструктуризация без денег – пустая болтовня» // Искра. 1998. 19 марта.

такие, как: очерки, интервью, комментарии, мнения, хроника событий, а также материалы, опубликованные из других источников (не считая официальных документов). Их преимуществом является отражение влияния на борьбу шахтёров неформальных факторов (например, общественного мнения), возможность изучить разные точки зрения на одну и ту же проблему, показ конкретных деталей акций протеста (например, живую картину морально-психологического состояния участников, механизм взаимодействия шахтёров и органов власти, проявления солидарности и т.п.) и многое другое[1].

Таким образом, документы и материалы газет в значительной степени обогатили наше представление фактически по всем вопросам диссертации. Их широкий спектр позволил лучше отразить развитие протестного движения шахтёров как на локальном, так и всероссийском уровне. Большим достоинством газетных полос является яркий показ морально-психологического состояния рабочих, его связь с выбором стратегии и тактики борьбы.

В целом, периодика стала наиболее информативным историческим источником, где анализу подвергались все интересующие нас вопросы эволюции протестного движения шахтёров Российской Федерации в 1990-е гг. Не вызывает сомнения официальная информация журналов и газет. Их материалы оказывали наибольшее воздействие на формирование общественного мнения. При анализе публицистики активно использовался сравнительно-сопоставительный метод исследования, что позволило избежать каких-либо ошибок.

Из опубликованных источников важное для нас значение имеют *статистические и справочно-статистические материалы*. В процессе исследовательской деятельности были изучены федеральные, территориальные и отраслевые статистические сборники и материалы.

---

[1] Мохначук И. Забастовкой проблем не решить // На-гора! 1993. № 6, март. С. 2; Качаев А. Сорок смен под землей. Такова цена обещаний Бориса Ельцина // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 30 марта. С. 1; Акция протеста в Воркуте // Заполярье. 1998. 10 апреля; Морозова Е. Отношение кузбассовцев к «железнодорожному бунту» // Кузнецкий край. 1998. 2 июня.

Большая часть сведений почерпнута из федеральных сборников[1]. Благодаря их информации, имеется возможность комплексного анализа социально-экономических показателей развития угольной отрасли шахтёрских территорий.

Территориальные сборники дают возможность более подробного анализа экономических и социальных показателей отдельных углепромышленных регионов, а также шахтёрских городов и посёлков. Наибольший интерес представляют статистические данные по тем территориям, где происходили самые заметные акции протеста[2], так как позволяют понять мотивы недовольства рабочих угольной промышленности.

Отраслевые издания справочно-статистического характера дают нам полезную информацию о развитии угольной промышленности и социальном положении населения шахтёрских городов и посёлков, а именно: динамика угледобычи и её проблемы (в том числе по видам и территориям), переселении шахтёрских семей из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, номинальной заработной плате рабочих угольной промышленности и т.д.[3]

На фоне других сведений информация статистических и справочно-

---

[1] Труд и занятость в России: Стат. сб. М., 1996. 422 с.; Россия в цифрах: Крат. стат. сб. М., 2000. 396 с.; Российский статистический ежегодник : Стат.сб. М., 2000. 643 с.; Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls (дата обращения: 02.04.2016 г.); Инвестиции в России: Стат.сб. М., 2001. 198 с.; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003: Стат.сб. М., 2003. 463 с.; Труд и занятость в России. 2003: Стат.сб. М., 2003. 638 с.; Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.1. М., 2001. 615 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. М., 2002. 863 с.; Российский статистический ежегодник : стат. сб. М., 2003. 709 с.; Российский статистический ежегодник. 2004: Стат. сб./Росстат. М., 2004. 725 с.; Экспорт важнейших видов промышленных товаров из Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B02_48/IssWWW.exe/Stg/d020/i020780r.htm (дата обращения: 15.04.2016 г.).

[2] Ростовская область. Статистический ежегодник 1998. Стат. сб. Ростов-на-Дону, 1999. 757 с.; Статистический ежегодник Республики Коми : Стат. сб. Сыктывкар, 2001. 323 с.; Междуреченск 1955–2005: Стат. сб. Кемерово, 2005. 144 с.

[3] Сборник информационно-аналитических обзоров «Угольная промышленность в России». М.: Росинформуголь, 1999. 184 с.; Сборник основных статистических данных о деятельности Федерального государственного учреждения «Соцуголь» за период 1998–2010 годы. М., 2010; Угольная промышленность Российской Федерации за 1992 год. Том II. М., 1993. 283 с.; Угольная промышленность Российской Федерации за 1994 год. Том II. М., 1995. 238 с.; Угольная промышленность Российской Федерации за 1996 год. Том II. М., 1997. 213 с.; Угольная промышленность Российской Федерации за 1999 год. Том III. М., 2000. 135 с.; Проблемы и перспективы развития угольной промышленности. Федеральный справочник. Топливно-энергетический комплекс России. [Электронный ресурс]. URL: http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemi%20i%20perspektivi.pdf (дата обращения: 02.02.2017 г.).

статистических изданий является конкретной и разнообразной. Она служит основой многих сравнений, часто используется в содержании таблиц и рисунков. Наиболее ценной для нас информацией статсборников является та, что способствовала формированию представлений о динамике забастовочного движения в ведущих углепромышленных регионах.

Вместе с тем, нельзя забывать об определённых особенностях формирования статистических данных, которые, по мнению многих специалистов, привели к некоторому разрыву в оценке реальной ситуации. В диссертации обращается внимание на дискуссионность таких официальных показателей как безработица, инфляция и количество забастовок[1]. Однако это не помешало определить общую динамику и тенденции, рассматриваемых в диссертации, явлений и процессов.

На основании изученной статистики можно утверждать о стабильном ухудшении социально-экономического положения в углепромышленных территориях России в 1992–1999 гг. по многим показателям. Особенно ситуация ухудшалась по таким параметрам, как среднегодовая численность занятых в экономике, общая численность безработных, реальная заработная плата, индекс потребительских цен на товары и услуги, прибыль (убыток) в экономике, инвестиции в основной капитал, ввод общей площади жилых домов, добыча угля, потребление мяса и мясопродуктов, естественная убыль населения и др. Исследование показало, что динамика социально-экономических показателей была обратно пропорциональна динамике стачечного движения шахтёров России.

В целом, знания, почерпнутые из статистики, позволили автору диссертации максимально убедительно формулировать умозаключения и выводы.

Особое место в источниковедческой базе диссертации занимают *источники личного происхождения*. Они имеют уникальный характер, порой позволяют дополнить содержание исследования нигде более не встречающейся

---

[1] Пяткин А.М. Социальная напряженность в углепромышленных регионах: социальный феномен, реальность и перспектива // Уголь. 2005. № 9. С. 73–79; Кларк С. Профсоюзы и неплатежи заработной платы в России // Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда. М., 2001. С. 189–210.

информацией. Данный ресурс источниковедческой базы представлен воспоминаниями участников и свидетелей рассматриваемых событий, информацией частной переписки, а также одним документом, который предоставил известный российский социолог П.В. Бизюков.

Особую значимость представляет объёмный (112 страниц) рукописный «Аналитический доклад “Социальные проблемы угольной промышленности Кузбасса в 1995 г.”» П.В. Бизюкова, Е.Я. Варшавской, И.В. Доновой и А.А. Никишова[1]. В нём даётся весьма критический анализ ситуации в угольной промышленности Кузбасса, показаны многие социальные проблемы шахтёрских семей, даются неутешительные прогнозы социально-экономического характера, которые, в общем, сбылись.

Несколько дискуссионной, но весьма значимой информацией является та, что почерпнута из воспоминаний В.Г. Потапочкина, В.Д. Лобова, В.С. Цыбо, Н.И. Ситниковой, Л.А. Совальсковой, Ю.А. Каунова. Это шахтёры, профсоюзные работники, а также другие участники и свидетели коллективных акций протеста. В процессе изучения «устной истории» были использованы два наиболее эффективных метода сбора исторической информации[2]: интервьюирование (устная форма) и анкетирование (письменная форма общения с респондентом).

По общему мнению респондентов, в течение 1990-х гг. в стране складывалась напряжённая морально-психологическая обстановка, назревал взрыв. Главной причиной своих проблем озлобленные рабочие считали политику Президента и Правительства России. Трудящиеся были уверены, что эту политику необходимо менять, в том числе и радикальными способами. Они были уверены в своей правоте, возможностях и силе. Важно отметить, что рабочие, участвовавшие в акциях протеста (в том числе радикального характера), остались верны своим мыслям и действиям рассматриваемого периода.

---

[1] Бизюков П.В., Варшавская Е.Я., Донова И.В., Никишов А.А. Аналитический доклад «Социальные проблемы угольной промышленности Кузбасса в 1995 г.» (рукопись) // Личный архив П.В. Бизюкова.

[2] Новиков С.В. Материалы «устной истории» как источник к изучению политической жизни Сибири 1985–2000 гг. // Омский научный вестник. 2015. № 5. С. 9.

Заметной фигурой во время протестного движения шахтёров, начиная с 1989 г. и заканчивая 1999 г., был лидер Независимого профсоюза горняков России Александр Андреевич Сергеев. Благодаря частной переписке с ним удалось дополнить содержание диссертации уточняющей информацией, а также скорректировать некоторые представления автора диссертации[1] (не в ущерб позициям других субъектов рассматриваемого явления).

В общем, источники личного происхождения заметно «оживили» текст диссертации, способствовали формированию полноценной картины шахтёрской борьбы. Их содержание не противоречит сведениям других документов и материалов и ценно дополняет источниковую базу.

В диссертации использован и *видеоисточник*. Высокую степень объективности и ценности представляет видеофильм, предоставленный одним из лидеров Росуглепрофа – Ю.А. Кауновым. В нём отражены события «рельсовой войны» в г. Шахты Ростовской области в мае 1998 г. В содержании фильма говорится не только о той кризисной ситуации, которая сложилась в то время, но и затрагиваются вопросы развития протестного движения в предыдущее месяцы.

Использованный автором комплекс источников позволяет проанализировать и полно оценить основные вопросы протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг.

Основные научные положения, сформулированные автором на основании проведённых исследований:

1. Выделен и обоснован отдельный период протестного движения шахтёров постсоветской России – 1992–1999 гг. Протестное движение шахтёров России в период президентства Б.Н. Ельцина делится на три этапа. Первый (1992–1997 гг.) – подъём протестной активности шахтёров. Второй (январь–июль 1998 г.) – пик шахтёрских протестов. Третий (август 1998 г. – 1999 г.) – спад протестного движения рабочих угольной промышленности. Конец каждого этапа являлся

[1] Частная переписка с А.А. Сергеевым от 10.10.2015 г.

временем формирования новой стратегии реформ в угольной промышленности, что подчёркивает взаимосвязь протестного движения и макроэкономических процессов в стране.

2. «Экспериментальный» характер реформ в угольной промышленности не подкреплялся дополнительными политическими и экономическими полномочиями руководителей шахтёрских территорий, что порождало ситуацию хронического отставания политики от экономики и социальной сферы горняков.

3. Ключевыми проблемами шахтёров являлись бедность и безработица. С одной стороны, они стимулировали рост протестной активности. С другой – сдерживали её, так как рабочие угольной промышленности и их семьи были подвержены высокому уровню риска остаться один на один со своими социально-экономическими проблемами.

4. Подъём протестного движения шахтёров стимулировал рост антиправительственных и антипрезидентских настроений среди россиян и существенно усиливал общественно-политическую нестабильность в стране. Это позволило оппозиционным политическим партиям и организациям расширить своё влияние на электорат углепромышленных территорий. Акции протеста горняков нанесли серьёзный удар по идеологии экономического либерализма.

5. Только в середине 1990-х гг. стала возрастать политическая мощь горняков, расширились их возможности солидарной борьбы. Несмотря на имевшиеся внутренние проблемы, они сумели мобилизовать свои силы, и вновь стать угрозой политическому порядку в стране. Пик протестного движения горняков привёл к переформатированию не только направлений политического и социально-экономического курса, но и ментальности участников разрешения социально-трудовых конфликтов. Заметно повысилось чувство ответственности за судьбу страны и у шахтёров, и у представителей власти.

6. Обратная связь между шахтёрами и властью в большей мере носила эфемерный характер. Она ориентировалась на удовлетворение элементарных социально-экономических требований, а не на системные изменения, которые

были не под силу правящей элите. Это стало ключевым фактором медленного снижения протестной активности. Отсутствие массовой и непосредственной поддержки протестов со стороны россиян также стало важным фактором снижения уровня противостояния между рабочими угольной промышленности и властью.

7. Под влиянием шахтёрских протестов федеральный центр пошёл на новое перераспределение полномочий в пользу региональной власти. Последняя укрепила контроль над угледобычей. Там, где это произошло раньше – в Кемеровской области, довольно быстро обозначился рост всех технико-экономических показателей в отрасли, а в конечном итоге и угледобычи. Одним из важных результатов реструктуризации стал уход государства от прямой конфронтации с шахтёрами посредством приватизации.

8. Протестное движение шахтёров усилило динамику рыночных преобразований не только в угольной промышленности, но и других отраслях экономики Российской Федерации. Пройденный путь имел ценное значение для всех отраслей российской экономики, так как позволил избежать многих ошибок, допущенных в ходе реформирования угольной промышленности. Протестное движение рабочих не решило всех вопросов угольной промышленности, что поставило под сомнение перспективы её развития.

9. Шахтёрская борьба позволила смягчить наиболее сложные социально-экономические проблемы и противоречия, возникшие в процессе реформирования как угольной промышленности, так и всего народного хозяйства, способствовала укреплению стабильности и сохранению либерально-демократического пути развития, создала условия для появления новых, более дееспособных политических сил (В.В. Путин, «Единая Россия», «Справедливая Россия» и др.).

Степень достоверности результатов проведенных исследований. Достоверность сформулированных в диссертационной работе основных выводов подтверждается опорой на репрезентативный круг источников, применением соответствующих теме диссертации общенаучных и специально-исторических

методов исследования, современных теорий рабочего движения, изучением научной литературы по теме диссертации. Источниковую базу исследования составили законодательные, нормативные и делопроизводственные документы, статистические материалы, источники личного происхождения и периодическая печать.

Методологическую основу исследования составили теория модернизации, цивилизационный и формационный подходы, принципы системности, историзма и объективности.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что автором введён в научный оборот значительный комплекс новых источников, а также впервые в исторической науке на основе современной методологии:

– осуществлён всесторонний обобщающий анализ протестного движения наиболее активного отряда рабочего класса постсоветской России;

– проанализирован комплекс политических, социальных и экономических причин и факторов протестной активности рабочих угольной промышленности России в 1990-е гг., на основе которых выделены и обоснованы три этапа борьбы шахтёров: 1992–1997 гг. – подъём протестного движения, январь–июль 1998 г. – пик движения, август 1998 г. – 1999 г. – спад движения;

– представлен анализ динамики количественных показателей, форм, стратегии и тактики борьбы шахтёров, реакции общества и властей;

– сделан важный вывод о том, что протестное движение шахтёров позволило смягчить наиболее сложные социально-экономические проблемы и противоречия, возникшие в процессе реформирования как угольной промышленности, так и всего народного хозяйства, сохранить стабильность и либерально-демократический путь развития, создать условия для утверждения в стране дееспособных политических сил;

– утверждается то, что в течение рассматриваемого времени произошла трансформация шахтёрского движения из политического в экономическое, а

рабочего класса страны в целом из ведущего класса в аутсайдера общественно-политической жизни.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в диссертации на примере наиболее активного отряда рабочего класса России – шахтёров угольной промышленности показан процесс утраты рабочим классом страны ведущей политической роли, при сохранении экономической значимости. Причиной этого стала потеря идейной и организационной консолидации рабочего класса России, в том числе и отдельных его отраслевых отрядов. Политические лозунги выдвигались при отстаивании сугубо экономических интересов. Шахтёры в социально-экономической борьбе не опирались на постоянных политических партнёров, используя временные союзы с партиями и региональными властями в своих целях. В результате, главные выразители шахтёрских интересов – отраслевые профсоюзы, перешли на позиции тред-юнионизма.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы при разработке отдельных направлений государственной социальной политики, например, в разрешении социально-трудовых конфликтов, выстраивании взаимоотношений между властью и профсоюзами и т.д. Они будут полезны при подготовке обобщающих исследований по истории России, учебников и учебных пособий по Отечественной истории.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры Отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета. Содержание научных работ автора подвергалось критическому анализу на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях в Кемерово, Прокопьевске и Юрге (Кемеровская область).

Научная деятельность диссертанта была поддержана грантами авторитетных организаций. В 2009–2011 гг., благодаря финансовой поддержке Федерального агентства по образованию (в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы»), была

проведена научно-исследовательская работа по теме «Исследование радикальной формы протеста трудящихся и пенсионеров». Главным результатом работы по данному проекту стало издание монографии «“Рельсовые войны” в России в 1998 году»[1]. В ней анализируется кризисная ситуация, сложившаяся в угольной промышленности России в 1998 г., а также рассматривается ставшая в то время популярной радикальная форма протеста шахтёров – блокады важных железнодорожных путей России. Данная монография имеет положительную рецензию в отечественной историографии[2].

В течение 2011–2012 гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда осуществлялась исследовательская деятельность по теме: «Протестное движение шахтёров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям (1992–1999 гг.)». Главным результатом работы по этому проекту явилось издание монографии «Протестное движение шахтёров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям (1992–1999 гг.)»[3]. В ней рассматриваются причины, сущность и результаты протестного движения шахтеров Кузбасса во время либеральных реформ.

Диссертационное исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки РФ образовательных организаций по проекту 33.1687.2017/ПЧ «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности».

Публикации по теме диссертации. Результаты исследования нашли отражение в 50 публикациях автора, в том числе в трёх монографиях, в 19 статьях, опубликованных в изданиях из перечня Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации.

---

[1] Соловенко И.С. «Рельсовые войны» в России в 1998 году. Томск, 2011. 209 с.

[2] Першиков А.Н. Рец.: Соловенко И.С. «Рельсовые войны» в России в 1998 году: монография / И.С. Соловенко; Юргинский технологический институт. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2011. 209 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 3. С. 183–185.

[3] Соловенко И.С. Протестное движение шахтёров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям (1992–1999 гг.). Томск, 2012. 227 с.

Структура диссертации (600 л.) включает введение, четыре главы (разделённые на 18 параграфов), заключение, список использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1 ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧИХ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В 1990-е гг.

Несмотря на общий характер социально-экономических проблем, которые затронули абсолютное большинство социально-профессиональных групп, такого мощного и продолжительного сопротивления «шоковой терапии» как горняки не оказал никто. В его основе имелся ряд объективных и субъективных причин. Определяющее воздействие на него оказали системные проблемы в политической сфере страны, угольной политике Правительства РФ и в социальной сфере шахтёрских городов и посёлков.

1.1 Политические причины и факторы протестной активности шахтёров России

Имеющаяся в распоряжении автора диссертации информация показывает, что в основе большинства социально-экономических проблем горняков и их семей коренились политические ошибки и упущения, которые проявились на всех уровнях власти. Некоторые из них имели прямое отношение к советскому прошлому. Известные специалисты в области угольной политики – В. Попов и А. Рожков, убеждены в том, что принятые Правительством СССР по результатам шахтёрских забастовок 1989 г. постановления «не решили важнейших проблем угольной промышленности, которые определяли масштабы и глубину её кризисного состояния»[1]. Вместе с тем многие факты указывают на то, что в годы либеральных преобразований вопросы угольной промышленности в экономической стратегии Правительства РФ заняли строчки ниже в общем перечне задач, чем в советское время.

[1] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 26.

Кризисные явления в общественно-политической жизни, жертвами которых были и шахтёры, стали очевидны с первых дней государственного строительства суверенной России. Политическое руководство страны в своей экономической стратегии питало чрезмерные надежды на помощь со стороны международных финансово-экономических организаций и США[1] и не сумело в полной мере воспользоваться положительным опытом рыночных реформ ряда восточноевропейских государств[2]. Оно явно недооценивало собственный исторический опыт проведения рыночных преобразований[3], а также специфические особенности российской реальности: отсутствие у трудоспособного населения опыта рыночных отношений, недостаточная нормативно-правовая база реформ, патерналистские настроения среди россиян и др. По яркому выражению лидера Росуглепрофа В. Будько, Кремлю было важно «показать заморским партнёрам, что страна движется к рынку»[4].

Поэтому многие результаты либеральных преобразований не имели столь позитивного характера, который мог быть. К этому прибавились острые проблемы внутреннего и внешнего характера: противостояние между Президентом РФ и Верховным Советом РСФСР, центробежные тенденции в государственном строительстве, вывод ядерного оружия с территории сопредельных стран, обстановка на Балканах и др. Они ещё дальше отодвигали решение шахтёрских вопросов на задний план. В то же время система взаимодействий продолжала тяготеть к традиционному формату конфликта, то есть между Правительством и всеми остальными[5].

---

[1] Голанд Ю. Сравнение реформ периода нэпа и постсоветской России // Вопросы экономики. 2010. № 4. С. 89.

[2] См. например: Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда. М., 2001. 216 с.

[3] См. например: Баринова В.И. Консенсус как одно из главных условий разрешения политических конфликтов // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 215; Демчик Е.В. Частный капитал и государственная власть в Сибири: диалог середины 1920-х гг. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул, 2001. С. 91–104.

[4] Будько В. Так какие же профсоюзы теперь «государственные»? // На-гора! 1992. № 24, июль. С. 2.

[5] Гордон Л., Темкина А. Указ. соч. С. 33.

Первые годы суверенной России являются самым противоречивым временем с точки зрения политических взаимоотношений между шахтёрами и властью. Это отразилось на длительном характере формирования недовольства рабочих угольной промышленности социально-экономическим и политическим курсом Кремля. Плавный характер роста протестной активности шахтёров в рассматриваемое время во многом стал следствием их иллюзий, связанных с реализацией властью тех либеральных реформ, на которых настаивали забастовщики в 1989–1991 гг. Однако многие надежды рабочих развеялись уже в первый год рыночных преобразований. Программа «шоковой терапии» реализовывалась не так, как планировал глава государства и, тем более, не так, как надеялись миллионы россиян. Отсутствие у Правительства РФ чёткого плана по выходу из социально-экономического тупика стало очевидным признаком низкой эффективности политического руководства страны.

Шахтёры в 1992 г. экономически и социально были более защищены в сравнении с другими социально-профессиональными группами, а вера в Президента Б. Ельцина являлась доминирующей среди них. Между тем динамично формировалась база протестных настроений трудящихся углепромышленных регионов. В её основе были такие ключевые политические причины и факторы, как: борьба за сохранение места и роли горняков в общественно-политических процессах, которые они занимали с конца 1980-х гг.; противостояние отраслевых профсоюзов; борьба законодательной и исполнительной власти; рост влияния левых партий и движений в углепромышленных территориях; слабость вертикали власти; отставание правовой сферы от уровня политических и социально-экономических отношений; неэффективная деятельность региональных и местных органов власти и управления; правительственные кризисы.

В начале либеральных преобразований рабочие углепромышленных регионов стремились *сохранить важные место и роль в общественно-политических процессах*, которые они занимали, начиная с 1989 г. С того времени

они неоднократно оказывали давление на власть. Забастовочное движение советских шахтёров в конце 1980-х – начале 1990-х гг., по мнению большинства историков, способствовало укреплению позиций сторонников Б. Ельцина и разрушению советской государственности. В свою очередь это повлияло на рост политического потенциала горняков. Вполне закономерно, что в последние годы советской власти шахтёры являлись одним из главных субъектов общественно-политической жизни страны, а углепромышленные регионы стали отличаться высокой степенью политизированности и оппозиционности.

Развал СССР и строительство новой российской государственности изменили политический статус и роль шахтёрского сообщества, оно превратилось в ключевого проводника реформаторских идей Б. Ельцина среди трудового народа. Данная позиция особенно была заметна во взаимоотношениях между Президентом РФ и руководством рабочих комитетов – представительных органов шахтёрских коллективов. Рабочкомы, появившиеся в 1989 г. под лозунгами борьбы за социально-экономические интересы трудящихся, в начале 1990-х гг. быстро «ушли в политику»[1]. Их руководители не только словами, но и конкретными действиями поддерживали новую власть, организовывали митинги солидарности с Президентом РФ, в том числе и в Москве. Поступательное ослабление авторитета Б. Ельцина в шахтёрской среде только усилило роль рабочих комитетов в реализации политического курса Президента страны.

Неудивительно, что на этом фоне шахтёры стали претендовать на более высокое положение во вновь созданной системе общественно-политических отношений. Однако их претензии на особое место и важную роль в политических процессах не только страны, но даже углепромышленных регионов оказались беспочвенными. Новая власть строила стратегию развития страны, в которой рабочим, в том числе шахтёрам, не было того важного места, которое они занимали на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Шахтёры оказались хорошими

[1] Протокол № 17 Новокузнецкого Городского Рабочего Комитета от 04.01.92 г. // Муниципальное автономное учреждение культуры «Новокузнецкий краеведческий музей».

разрушителями советской системы, но никто в них не видел созидателей либеральных политических и экономических отношений. В новых демократических условиях Б. Ельцину требовались только голоса рабочих на президентских и парламентских выборах. Об этом власть открыто не заявляла, но такой подход неоднократно проявлялся в политике главы государства.

Кризис в отношениях между российским Президентом и шахтёрами стал заметен по снижению политического потенциала рабочкомов. Их открыто и всё чаще обвиняли в потере представительских функций[1]. Рабочее движение в постсоветской России активно развивалось только в угольной промышленности. Оно не получило широкой поддержки в других отраслях и неугольных регионах страны[2].

Один из авторитетных исследователей деятельности рабочих комитетов – профессор Л. Лопатин, сводит потерю их популярности к действиям случайно примкнувших лиц, скомпрометировавших данный институт[3]. На наш взгляд, кризис рабочкомов становился неизбежным по мере разочарования трудящихся либеральными идеями, на которых так настаивали лидеры забастовочного движения в годы «перестройки», а в рассматриваемое время – руководители шахтёрских территорий. Последние открыто использовали рабочкомы как инструмент давления на директорский корпус, на что указывали ещё современники описываемых событий[4].

Горняки не желали мириться с потерей социально-экономического и политического статуса. Начиная с 1989 г., для них стала нормой реакция не только местного и регионального, но и союзного начальства даже на мелкий бытовой конфликт на шахте[5]. В начале 1990-х гг. многие шахтёры ещё считали

---

[1] Чекис А. Когда в товарищах согласья нет… // Профсоюзы и экономика. 1992. № 5. С. 37; Постановление конференции представителей трудовых коллективов угольной компании «Кузнецкуголь» // Горняцкая солидарность. 1994. 4 марта.

[2] Гордон Л., Темкина А. Указ. соч. С. 31–32.

[3] Лопатин Л.Н. Шахтёры и «начальство» ... С. 65.

[4] Бизюков П. Цели у «команд» разные, средства – те же // Кузнецкий край. 1998. 4 июля.

[5] Ильин В.И. Указ. соч. С. 151.

себя силой, способной влиять на политику не только своего региона, но и страны[1]. Успешный опыт слома советской системы был совсем свеж и это вселяло надежду на быстрый успех в случае давления на власть. Тем более авторитет шахтёров не только в углепромышленных районах, но и в целом по стране на тот момент был весьма высок. Не было в стране других социально-профессиональных групп, сравнимых по уровню общественно-политической популярности с ними. Их смелую позицию усиливало ухудшение социально-экономической ситуации в стране, которая была не лучше, чем в конце 1980-х гг. В первые годы либеральных реформ протестные настроения рабочих угледобывающих предприятий приобретали радикальный характер под воздействием как объективных, так и субъективных факторов.

В силу профессиональных особенностей шахтёры всегда отличались высоким уровнем смелости и стойкости. К тому же, Кузбасс, Печорский угольный бассейн и многие другие углепромышленные территории, начиная с 1930-х гг., являлись центрами исправительно-трудовой системы страны и важным каналом формирования рабочих шахтёрских профессий. Вполне закономерно, что в 1990-е гг. в их политической культуре имели ярко выраженный характер такие черты, как: недоверие, конфликтность, радикализм, низкий уровень законопослушания и т.д. Это не только провоцировало самостоятельную борьбу, но и сближало с оппозиционными общественно-политическими силами.

В свою очередь Кремль ограничился сотрудничеством только с рабочкомами и НПГ России, терявшими свою популярность. В 1995 г. лидер Росуглепрофа В. Будько отмечал, что к Б. Ельцину «уже никого не пускали»[2]. В итоге рабочие угольной промышленности за короткий промежуток времени потеряли обратную связь с Кремлём, которой они подчёркнуто гордились после прихода к власти Б. Ельцина.

---

[1] Бизюков П.В., Варшавская Е.Я. Указ. соч. С. 14.

[2] Виталий Будько: «Забастовка – требование наших первичек» // На-гора! 1995. № 7–8, февраль. С. 1.

Возможно, они не реагировали бы на это так болезненно, если бы не произошли стремительная потеря жизненного уровня, снижение степени безопасности в быту и на производстве, а также не развивались другие негативные социально-экономические процессы и явления. Растущую бедность горняки напрямую связывали с потерей прежнего взаимодействия с Кремлём. Им нужен был «свой» Президент, который бы сохранил за ними статус «рабочей элиты». В итоге шахтёры весьма быстро превратились из горячих сторонников Б. Ельцина в его активных противников. В середине 1990-х гг. росли оппозиционные настроения даже среди руководителей рабочкомов и НПГ России[1].

Рост шахтёрского недовольства и противостояния с органами власти и управления подрывал общественно-политическую стабильность. Инерция высокой политизированности шахтёрских коллективов, героизация их забастовочного прошлого и т.п. провоцировали новые массовые акции протеста, подрывали дисциплину и порядок, оказывали разрушающее воздействие на управление производством. Как и в годы «перестройки», борьба рабочих угольной отрасли, порой напоминала «соревнование» между собой в том, кто сильнее окажет давление на центральную власть. Это особенно было заметно на уровне углепромышленных регионов. Активная борьба за лидерство в шахтёрском движении развернулась ещё в 1990 г. между Печорским угольным бассейном и Кузбассом[2] и не прекращалась вплоть до конца XX в. В рассматриваемое время возрастала роль и таких центров шахтёрские борьбы как Российский Донбасс и Приморье.

Отсутствие эффективного механизма решения социально-трудовых конфликтов в стране озлобляло шахтёров, заставляло воспринимать Президента и членов Правительства РФ враждебно. Тон взаимоотношений шахтёров и

---

[1] Анализ результатов выборов Президента Российской Федерации в 1996 году по Кемеровской области // ГАКО. Ф.Р.-1363. Оп. 1. Д. 9. Л. 12; Ильин В.И. Указ. соч. С. 156.

[2] Стенограмма III пленума Кузбасского теркома профсоюза рабочих угольной промышленности (15.5.1990 г.) // ГАКО. Ф. Р-1179. Оп. 1. Д. 405. Л. 8.

министров в сравнении с «перестроечным» периодом в корне изменился. Во время забастовок 1989–1991 гг. рабочие могли общаться с членами Правительства СССР напрямую, без вмешательства охраны и милиции. Даже в ходе жарких дебатов большинство из них сохраняли спокойствие и доброжелательное выражение лица. Это хорошо отражено в фотодокументах, в том числе и в работах таких известных критиков советской системы, как например, профессор Л. Лопатин[1]. В мае 1998 г. они уже не могли себе этого позволить. Члены Правительства РФ избегали прямых контактов с протестующими горняками, их встречи сопровождались кордонами милиции. Неспособность власти контролировать ситуацию было особенно заметно по фактам «братающихся» на рельсах шахтёров и милиционеров[2].

Протестный потенциал горняков подогревался не только внутренними проблемами, но и внешними факторами. Среди последних выделяются проявления солидарности со стороны международных профсоюзных организаций, а также существенные результаты борьбы шахтёров Украины, Румынии и других стран.

Таким образом, попытки горняков сохранить своё влияние на общественно-политические процессы в России часто приобретали острый, порой деструктивный характер. Это подрывало стабильность в углепромышленных территориях и часто выражалось в незаконных акциях протеста.

Инструментом, смягчающим социальные конфронтации, могли стать профсоюзы. Однако исполнительная власть существенно ограничила их роль в найме и увольнении, в социальном страховании и других привычных для данного института функциях[3]. Поэтому профсоюзные организации в большей мере заняли

---

[1] Рабочее движение Кузбасса. Сборник ...

[2] Лысенко В. «Рельсовая война» // Вечерняя Москва. 1998. 11 августа.

[3] Дмитриев А.В. Е.И. Степанов, А.Н. Чумиков. Российский социум в 1995 году: конфликтологическая экспертиза (первое полугодие) // Социс. 1996. № 1. С. 12.

место стороннего наблюдателя в социально-трудовых конфликтах[1], стали больше акцентировать своё внимание на политических вопросах, используя при этом методы протестного давления. Не вызывает сомнения, что на высокий уровень политизированности и протестной активности шахтёров, положительную динамику их борьбы влияло *противостояние отраслевых профсоюзов* – Независимого профсоюза горняков России (НПГР) и Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности (РНПРУП или Росуглепроф). Они имели разную природу происхождения, политические ориентиры, а порой цели и задачи.

Независимый профсоюз горняков появился в 1990 г. на волне забастовочного движения. Изначально одной из главных задач нового профсоюза являлась поддержка оппозиционных политических сил во главе с Б. Ельциным. Строительство новой российской государственности изменило политическое положение НПГ России, он стал проводником демократических и рыночных реформ. До конца 1993 г. Независимый профсоюз горняков России оказывал безусловную и безоговорочную поддержку исполнительной власти как в государственном масштабе, так и на уровне регионов[2]. Федеральная и региональная власти в свою очередь поддерживали его.

Росуглепроф был создан на обломках советской «школы коммунизма» и в начале 1990-х гг. не имел таких тесных отношений с властью. Он был гораздо ближе к отраслевому руководству и директорскому корпусу, а в середине 1990-х гг. к КПРФ. Изначально руководители Росуглепрофа выступали против поспешных методов «шоковой терапии», что неизбежно привело к политическому противостоянию с властью. Рост критики социально-экономического курса Кремля способствовал наращиванию политического авторитета Росуглепрофа среди трудящихся угольной отрасли. Это выразилось и в увеличении удельного

---

[1] Бизюков П.В., Варшавская Е.Я., Донова И.В., Никишов А.А. Аналитический доклад «Социальные проблемы угольной промышленности Кузбасса в 1995 г.» (рукопись) // Личный архив П.В. Бизюкова.

[2] Лопатин Л.Н. Шахтёры и «начальство» ... С. 32.

веса сторонников Росуглепрофа в общей численности членов профсоюзов на угледобывающих предприятиях. В 1995 г. в его составе было 95% работавших в отрасли[1]. Поэтому федеральному Правительству всё чаще приходилось считаться с позицией Росуглепрофа, в том числе и при заключении таких важных документов по угольной промышленности как, например, отраслевого тарифного соглашения (ОТС).

Характеризуя ситуацию в шахтёрском движении, доктор политических наук Л. Жигунов считает, что НПГ России представлял его либерально-демократическое направление, а Росуглепроф – умеренно-социалистическое[2]. Если с первой частью его вывода мы согласны, то вторая выглядит не совсем убедительно, хоть и близка к правде. В середине 1990-х гг. со стороны некоторых территориальных организаций Росуглепрофа (например, Приморской) встречались факты «всецелой поддержки линии, проводимой движением “Наш дом – Россия”»[3]. Однако, надо признать, в реальности это мало отражало взгляды рядовых рабочих.

Между руководством НПГ России и Росуглепрофа развернулось ожесточённое противостояние за количественные показатели своих организаций и право представлять интересы угледобытчиков везде, где это было необходимо. В основном борьба происходила на уровне трудовых коллективов, которые всё чаще для этого использовали средства массовой информации[4].

В первый год либеральных реформ более предпочтительно выглядели позиции НПГ России. Политическая близость с Президентом и Правительством РФ позволяли ему участвовать в принятии важных для угольной промышленности решений, например, разработке программы реструктуризации[5],

---

[1] Виталий Будько: «Забастовка – требование наших первичек» // На-гора! 1995. № 7–8, февраль. С. 1.

[2] Жигунов Л.Э. Солидарное поведение ... С. 216.

[3] Письмо Председателю Всероссийского общественно-политического движения «Наш Дом Россия» Черномырдину В.С., 11 ноября 1995 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 163. Л. 28.

[4] Протокол конференции трудовых коллективов угольных предприятий г. Прокопьевска (02.04.1992 г.) // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 315. Л. 2–23.

[5] Луцкий Ю. Реструктуризация по-Российски // Горняцкая солидарность. 1998. 29 мая.

подписании ОТС и т.д. Также его преимущества выражались в таких значимых явлениях и процессах, как: серьёзное влияние на шахтёрские настроения в очень важных регионах – Печорском угольном бассейне и Кузбассе, некоторый рост численного состава, хорошая идеологическая поддержка его действий, участие в популярной тогда борьбе с «опасностью большевистского реваншизма», сотрудничество с зарубежными профсоюзными организациями и использование их опыта на российской почве. На уровне предприятий ячейки НПГ России чаще выполняли функции представления интересов всего коллектива в отношениях с администрацией[1] и др.

Особая сила и авторитет НПГ России состояли в том, что он объединял только рабочих. Причём большинство из них занимали ключевые позиции в процессе добычи угля. От их протестных действий в любой момент мог остановиться производственный цикл. Поэтому в руках этого профсоюза часто находились «ключи» от акций протеста разнообразных форм, прежде всего, такой как подземная «забастовка».

Очевидным барьером, сдерживавшим влияние НПГ России на рабочих, являлась его безоговорочная вера в «шоковую терапию». Стремительное ухудшение социально-экономического положения в стране, а также отсутствие реальных реформ в угольной промышленности вызывало всё большее недоумение у шахтёров, ориентировала их на идейное пространство Росуглепрофа.

Позиции Росуглепрофа стремительно укреплялись не только в силу увеличения удельного веса в общей массе работников угольной отрасли, но и потому, что расширялась география его первичных организаций, имелась централизованная структура управления и жёсткая дисциплина. Данный профсоюз не отождествлял себя с какой-либо политической силой, участвовал в подписании ОТС и т.д. В 1993 г. Росуглепроф вошёл в состав Международной

---

[1] Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка // Социс. 1995. № 10. С. 50; Место профсоюзов в системе регулирования трудовых отношений / П.В. Бизюков, В.А. Бизюкова, К.В. Бурнышев, И.В. Донова. М, 2004. С. 28; Костюковский В. Тулеев, Кислюк и другие // Наша газета. 1992. 4 апреля. С. 11; Бизюков П.В., Варшавская Е.Я., Донова И.В., Никишов А.А. Указ. соч.

организации горняков, между тем НПГ России было в этом отказано[1]. Возможности Росуглепрофа особенно были сильны в таких важных углепромышленных территориях страны как Кузбасс, Российский Донбасс, Приморье, г. Инта и др. Часто именно его теркомы становились забастовочными комитетами.

Отсутствие в первые годы рыночных преобразований продуктивного сотрудничества между Росуглепрофом и НПГ России объясняется разными ответами на вопрос: «Кто виноват?». Долгое время члены НПГ России считали, что в шахтёрских бедах надо винить не Правительство РФ, а руководство госкомпании «Росуголь», конкретных предприятий и местных органов власти ввиду их некомпетентности[2]. В самом начале рассматриваемых событий руководство территориальных организаций Росуглепрофа соглашалось с таким подходом[3]. Однако от этой позиции лидеры Росуглепрофа вскоре почти полностью отказались. Главную вину за проблемы в угольной отрасли они стало перекладывать на федеральное Правительство, не соглашаясь с избранным курсом реформ в топливно-энергетической промышленности.

Успехи социально-экономической политики Кремля укрепляли авторитет НПГ России, а неудачи – Росуглепрофа. Так как реформирование угольной промышленности и решение социальных вопросов рабочих имело неоднозначный характер, то и политическая база обоих профсоюзов всегда пополнялась фактами достаточными для пропаганды своих преимуществ. Прав Е. Юрин, что в начале рассматриваемого времени руководители шахтёрских профсоюзов

---

[1] Карпенко К.С. Исторический опыт социальных движений ... С. 72.

[2] Телеграмма Председателя Законодательного Собрания Кемеровской области А. Тулеева Председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину, 12.09.1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3524. Л. 96; Протокол конференции трудовых коллективов угольных предприятий г. Прокопьевска, 02.04.1992 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 315. Л. 11.

[3] Постановление президиума Новокузнецкого территориального совета первичных организаций Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Горняцкая солидарность. 1992. 23 января.

придерживались «тактики выживания в одиночку»[1], несмотря на готовность многих рядовых членов к совместной работе[2].

В условиях экономического спада и роста социальных проблем в шахтёрских городах и посёлках организация массовых акций протеста Росуглепрофом оказывала деморализующие воздействие на членов НПГ России. Последним пришлось менять свою тактику отстаивания интересов рабочих. Поддерживая демократические и рыночные реформы Президента РФ, НПГ России стал чаще критиковать конкретные действия Кабинета министров и активнее призывать своих сторонников к акциям протеста.

Лидеры НПГ России и Росуглепрофа осознавали слабость разрозненных выступлений и, не позднее чем с ноября 1993 г., пытались скоординировать совместную работу[3]. Однако такие попытки в большей мере носили декларативный, тактический, а не стратегический характер. Поэтому, как и ранее, в борьбе за лидерство данные организации устраивали показательные акции протеста, в том числе и радикального характера. Особенно это было заметно в 1998 г., когда заметно возросло давление рабочих угольной промышленности на Кремль. Если всероссийские «рельсовые войны» в том году были во многом результатом действий теркомов Росуглепрофа, то пикет у Дома Правительства РФ в июне–октябре 1998 г. стал заметной акцией протеста, которую организовало, возглавило и проводило руководство НПГ России.

Даже укрепление политического альянса отраслевых профсоюзов с новым Правительством Е. Примакова осенью 1998 г. не мешало время от времени делать им заявления о готовности организовать шахтёров на борьбу. Продолжая «соревноваться» между собой, НПГ России и Росуглепроф, безусловно, подталкивали горняков к участию в новых акциях протеста.

---

[1] Юрин Е.А. Социальная деконструкция ... С. 69.

[2] Протокол № 1 профсоюзной конференции коллектива шахты «Интинская» от 5 июня 1992 года // НАРК. Ф.Р-2082. Оп. 1. Д. 667. Л 2.

[3] Ильясова Г. Ситуацию надо переломить в корне // Заполярье. 1993. 16 ноября.

В итоге шахтёрское сообщество оказалось разделённым и разрозненным, что ослабляло единство стратегии и тактики борьбы. Порой это приводило к возникновению хаотичных и несанкционированных акций протеста, которые имели малопродуктивный характер и закономерно снижали политический авторитет горняков.

Уже в 1990-е г. многие учёные подчёркивали, что на природу конфликтов в России «огромное воздействие оказывает политическая власть»[1]. Тогда в стране резко снизилась роль тех политических институтов, которые были призваны институционализировать конфликты и разрешать их на правовой основе[2]. Центральным вопросом ведущих политических институтов стал передел власти, а не поиск общественного согласия.

В 1990-е гг. недовольство шахтёров подогревалось общей политической нестабильностью в стране и углепромышленных территориях, в основе которой была *борьба между исполнительной и законодательной ветвями власти*. Как правило, органы законодательной власти всех уровней выражали интересы широких народных масс несогласных с методами «шоковой терапии». Особенно острым выглядел политический конфликт между Президентом РФ и Верховным Советом РСФСР. Верно, в то время высказался один из лидеров Росуглепрофа И. Мохначук: «Ситуация вражды, противостояния законодательной и исполнительной властей объективно вынуждает многих “определяться” в своей политической преданности той или другой стороне»[3].

На стороне Президента Б. Ельцина в 1992–1993 гг. были рабочие комитеты и НПГ России. Они активно организовывали горняков на действия (в том числе и протестные акции) в поддержку экономических реформ Кремля, выступали

---

[1] Мнацаканян М.О. О природе социальных конфликтов в современной России // Социс. 1997. № 6. С. 85.
[2] Штанько М.А. Политический мир России. Томск, 2007. С. 35.
[3] Мохначук И. Власти приходят и уходят, а проблемы остаются // На-гора! 1993. № 36–37, сентябрь. С. 1.

против «консервативного» парламента, заявляли о необходимости «сильного Правительства и Президента», в противном случае угрожали забастовками[1].

Между тем даже в этом году шахтёрская солидарность с Б. Ельциным не выглядела столь массовой, как в 1989–1991 гг. Наоборот, в углепромышленных районах подобные кампании встречали непонимание не только среди других групп трудящихся, но и в шахтёрских коллективах. Росла напряжённость в отношениях между исполнительной и законодательной ветвями власти и на региональном уровне[2]. Главная причина состояла в том, что либеральные преобразования нанесли сокрушительный удар по жизненному уровню населения. Причём это происходило по формуле: «Чем дальше от Москвы, тем хуже». Почувствовав эту тенденцию, своё давление на рабочкомы усилили органы законодательной власти углепромышленных регионов, так как были недовольны деятельностью альтернативных органов управления.

Идеи «рынка, который всех накормит» и «демократии как основы социального прогресса» для большинства россиян оказались лозунгами, не подтвержденными ни политической волей, ни целенаправленной работой по решению важнейших социально-экономических задач, ни уважением прав граждан. Попытки законодательной власти страны скорректировать курс «шоковой терапии» привели к дополнительному хаосу и серьёзнейшему политическому кризису осенью 1993 г., который был разрешён принятием новой Конституции и выборами депутатов Государственной Думы.

По справедливому мнению многих экспертов, «ельцинская революция» 1993 г. прервала процесс поиска общественного согласия и усилила процесс

---

[1] Решение Совета представителей Независимого профсоюза горняков Кузбасса и Совета рабочих комитетов Кузбасса, 17 марта 1993 г., г. Прокопьевск // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5666. Л. 50.

[2] Протокол заседаний Постоянной комиссии № 20 Ростовского областного Совета народных депутатов по региональной экономике и финансам от 9 октября 1992 г. о рассмотрении вопроса о ходе выполнения постановления Президиума ВС РФ «О политическом и социально-экономическом положении в Ростовской области» // ГАРО. Ф. Р. 3737. Оп. 16. Д. 154. Л. 36.

отчуждения власти от общества[1]. Шахтёры быстро осознали, что новая Конституция России предоставила Б. Ельцину широкие полномочия, сделав его фактически неуязвимым для политической оппозиции. Все цивилизованные попытки со стороны оппонентов Президента РФ изменить курс либеральных реформ, придать им социально-ориентированный характер оказывались тщетными. Отсутствие на высшем уровне политической системы реальных противовесов непопулярным преобразованиям Кремля провоцировало рост протестных настроений среди трудящихся. Ярким подтверждением шахтёрских настроений явился рост критики социально-экономической политики со стороны органов законодательной власти углепромышленных регионов[2].

Политическая поддержка протестных действий шахтёров Верховным Советом РСФСР оказалась кратковременной в связи с его разгоном осенью 1993 г. После чего Кремль перестал учитывать альтернативные точки зрения[3] и, таким образом, пытался сохранить стабильность. Однако в регионах борьбу шахтёров за трудовые права и социальные гарантии активно поддерживали местные органы законодательной власти, фактически неподконтрольные Президенту РФ. Попытки исполнительной ветви власти углепромышленных регионов получить «послушных» депутатов провалились.

Наиболее очевидным в начале 1990-х гг. был конфликт политических интересов в ведущем угольном бассейне между главой администрации Кемеровской области М. Кислюком и председателем Законодательного собрания Кемеровской области А. Тулеевым. Глава администрации Кемеровской области был полностью зависим от действий Б. Ельцина, поэтому он не поддерживал выступления горняков против федерального Правительства, и часто уклонялся от

---

[1] Чекменёва Т.Г. Политический консенсус в трансформирующемся обществе: механизмы формирования и условия сохранения. Дисс. … канд. полит. наук. Воронеж, 2001. С. 132; Левада Ю. Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения № 6 (44) ноябрь–декабрь 1999. С. 7–8.

[2] Коновалов А.Б. Кемеровский областной Совет депутатов в период становления институтов представительной демократии (1990–1993 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2013. С. 257.

[3] Голанд Ю. Сравнение реформ ... С. 98.

прямого контакта с протестующими шахтёрами[1]. Парадокс поведения М. Кислюка состоял в том, что его позиция в 1992 г. в корне отличалась от той, которая была ещё в 1991 г. Тогда он не соглашался с мнениями, что «забастовки мало что дают»[2]. К тому же пропрезидентская позиция руководителя администрации порой сопровождалась информационным обманом[3], что вызывало дополнительную социальную агрессию не только шахтёров, но и большинства трудящихся края.

Председатель Законодательного собрания Кемеровской области А. Тулеев, наоборот, часто показывал свою солидарность с горняками, которые оказались в трудном материальном положении в связи с постоянными нарушениями их трудовых прав и сложной социально-экономической обстановкой в углепромышленных городах и посёлках. Взаимные обвинения представителей двух ветвей власти в дестабилизации ситуации в регионе снижали степень эффективного выполнения совместно принятых решений[4]. Неудивительно, что Кузбасс на фоне других шахтёрских регионов выделялся высоким уровнем общественно-политической нестабильности и ростом протестных настроений трудящихся.

«Двоевластие» в стране, хоть и в ослабленной форме, продолжилось и после принятия новой Конституции РФ. Это выражалось в постоянных взаимных обвинениях Президента Б. Ельцина и оппозиционных депутатов Государственной Думы, принятии нереалистичных бюджетов и т.д. Главное – срывались попытки принятия очень важных для рабочих законов, например, о разрешении трудовых конфликтов, региональных особенностях приватизации, регулировании фонда оплаты труда, уголовной ответственности за задержку зарплаты и т.д. Следствием

---

[1] Борисов В.А. Ночное домино на Октябрьской площади: Социологические заметки о забастовке в Донбассе (7–20 июня 1993 года). М., 1999. С. 256.

[2] Учредительная конференция Независимого профсоюза Кузбасса // Наша газета (Кемерово). 1991. 18 июня. С. 4.

[3] Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка. М., 1995. С. 37.

[4] Шатская Т. От Кузбасса бастующего к Кузбассу созидающему // Кузбасс. 1994. 20 апреля.

чего являлся дальнейший рост социальной напряжённости в углепромышленных районах[1].

Острая борьба между исполнительной и законодательной ветвями власти сохраняла ситуацию политического хаоса в стране, и инициировала рост влияния оппозиционных сил. Об этом говорили и руководители углепромышленных регионов, например, М. Кислюк[2].

Ситуация противостояния двух ветвей власти была в первую очередь выгодна ведущей оппозиционной партии – КПРФ. Доминирование с 1995 г. её фракции в Государственной Думе позволяло коммунистам оказывать постоянное давление на Президента и Правительство РФ, принимать дефицитный госбюджет и другие неоднозначные решения. Осенью 1997 г. они полностью отказались от сотрудничества с Кабинетом министров «молодых реформаторов»[3], что приблизило страну к правительственному кризису.

Противостояние между двумя ветвями власти в некоторых территориях дополнялось другими политическими противоборствами. Например, между руководителями регионов и главами муниципальных образований. Подобное противостояние было наиболее заметно в Приморском крае между губернатором Е. Наздратенко и мэром г. Владивостока В. Черепковым. В одном из своих писем руководителям Приморского края председатель теркома Росуглепрофа П. Кирясов и председатель Совета по коллективным действиям В. Егоров весной 1997 г. констатировали: «Шахтёры отмечают, что решением топливно-энергетических проблем администрация края не занимается. Всё переведено в область политической борьбы администрации края с руководством г.

---

[1] Краткая информация по вопросам угольной промышленности на территории Красноярского края, 13.09.1993 г. // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1241. Л. 1; Андреенкова Н.В., Г.А. Воронченкова. Развитие трудовых конфликтов в России в период перехода к рыночной экономике // Социс. 1996. № 1. С. 31.

[2] Кислюк М. Мы можем спасти страну или погубить её. Обращение к кузбассовцам // Кузбасс. 1994. 10 февраля.

[3] Ясин Е. Поражение или отступление? (российские реформы и финансовый кризис) // Вопросы экономики. 1999. № 2. С. 8.

Владивостока»[1]. При этом как решить проблему неплатежей руководители Приморского края «не знали» и уповали только на помощь из центра[2].

Отсутствие консолидированного подхода не только снижало возможности проведения эффективной экономической политики, но и являлось одной из причин безнаказанности за создание конфликтных ситуаций на предприятиях угольной промышленности, на что неоднократно указывали тогдашние социологи[3].

Борьба между исполнительной и законодательными ветвями власти усилилась в начале 1998 г. Она не являлась столь явной и бескомпромиссной как в 1993 г., но всё-таки была, а в отдельные моменты достигала высокого уровня конфликтности. Среди её объективных причин выделялись такие, как: снижение макроэкономических показателей и прогрессировавшая бедность большей части населения России. В этом вопросе Государственную Думу активно поддерживали органы законодательной власти шахтёрских регионов, что добавляло смелости её депутатам в противостоянии с Президентом. Активная критика социально-экономического курса Кремля в нижней палате парламента страны прибавляла популярности оппозиционным партиям. Между тем имелось немало фактов, свидетельствовавших о недостаточной результативности законодательной власти в решении жизненно важных вопросов населения шахтёрских городов и посёлков. По заявлению вице-премьера Б. Немцова, «ни один документ по повышению ассигнований на угольную отрасль через Государственную Думу либо Совет Федерации не прошёл»[4].

Наиболее заметное противостояние между Президентом и Государственной

---

[1] Председатель теркома углепрофсоюза П.Т. Кирясов и Председатель Совета по коллективным действиям В.М. Егоров Губернатору Приморского края Е.И. Наздратенко, 28 апреля 1997 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп.1. Д. 179. Л. 61 (об.).

[2] Губернатор Приморского края Наздратенко Е.И. Председателю Правительства РФ Черномырдину В.С. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 163. Л. 18; Там же. Л. 119.

[3] Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка // Социс. 1995. № 10. С. 53.

[4] Зыков М. Противостояние // Искра. 1998. 10 февраля; Депутаты не захотели помочь шахтерам // Искра. 1998. 10 февраля; Горбанева С. Борис Немцов в Шахтах: взгляд из 1998-го… // Пласт. 2015. 15 марта. С. 4; Климов И. «Рельсовая война» шахтёров в мае 1998 г.: мобилизационный потенциал (отчёт). [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/map/o901320 (дата обращения: 16.10.2015 г.).

Думой происходило по вопросу формирования нового состава Кабинета министров в марте 1998 г. Результатом данного противостояния явился долговременный правительственный кризис. Отсутствие главного исполнительного органа усугубляло и без того сложную обстановку в экономике и социальной сфере страны, в том числе в решении таких злободневных проблем как выплата задолженности по зарплате и пенсиям. Ещё более показательной акцией стала попытка объявления импичмента Президенту, инициированная фракцией КПРФ в Государственной Думе в мае 1998 г. Через месяц нижняя палата парламента заблокировала проведение антикризисной программы, которую предложил Б. Ельцин.

Противоборство двух ветвей власти не позволяло своевременно принимать меры по выводу из кризиса как всего народного хозяйства, так и угольной отрасли в частности. Популизм стал главным средством «укрепления» стабильности в то время. Зыбкость ситуации была очевидна даже для многих современников анализируемых событий. Банкротство популистских лозунгов власти (причём как исполнительной, так и законодательной) в мае–июле 1998 г. привело к массовым, радикальным, антизаконным, но, в то же время, весьма легитимным акциям протеста трудящихся, где ключевую роль сыграли шахтёры страны.

В 1998 г. в ещё большей степени, чем нижняя палата парламента страны, борьбу горняков поддерживали Законодательные собрания субъектов федерации. Политическая активность депутатов наиболее заметна была в Кемеровской области, так как здесь протестное движение шахтёров развивались наиболее драматично. Во время блокады Транссиба в мае 1998 г. Законодательное Собрание Кемеровской области ограничилось только обвинениями в адрес Президента и Правительства РФ. В июле, когда губернатор А. Тулеев занял жёсткую позицию в отношении продолжения «рельсовой войны», региональный законодательный орган власти более решительно поддержал действия

пикетчиков[1].

Во второй половине 1998 г. – 1999 г. степень противостояния органов исполнительной и законодательной власти пошла на убыль, в том числе и в связи с созданием в сентябре 1998 г. коалиционного Правительства РФ. Вместе с тем, отдельные эпизоды противоборства между ними возникали вплоть до конца рассматриваемого периода.

Таким образом, в условиях серьёзных противоречий между органами государственной власти было сложно выстроить целенаправленную и эффективную политику в решении шахтёрских вопросов. Решение острых социально-экономических проблем горняцких семей приобрело догоняющий характер, а ключевым импульсом этого процесса стали массовые и радикальные акции протеста.

Радикальные реформы породили радикальную оппозицию. С середины 1990-х гг. на рост протестных настроений горняков стали серьёзно *влиять левые партии и движения*. Распространение лево-патриотических настроений в шахтёрской среде происходило не так успешно, как в других рабочих коллективах, но они стали неизбежными в силу политической слабости Кремля, несправедливого характера реформ (особенно приватизации), расползания коррупции и т.д. За исключением кратковременных эпизодов авторитет Президента и Правительства РФ стабильно снижался. Для всё более значительной части населения ценности демократических реформ превратились в негативные символы[2].

Благодаря средствам массовой информации, всё чаще появлялись факты из деятельности шахт и разрезов, которые указывали на отсутствие реального государственного контроля в области угольной политики. Среди шахтёров

---

[1] Обращение Законодательного Собрания Кемеровской области к администрации Кемеровской области и руководителям правоохранительных органов // Резонанс. 1998. 11 июля.

[2] Дмитриев А.В., Степанов Е.И., Чумиков А.Н. Российский социум в 1995 году: конфликтологическая экспертиза (первое полугодие) // Социс. 1996. № 1. С. 7.

складывалось впечатление, что их судьба «никого не волнует»[1]. Это меняло их политические настроения, подталкивало в лагерь противников «реформ».

После разгона Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин уже не мог перекладывать вину за ошибки и просчёты «шоковой терапии» на другие политические институты. Вполне закономерно, что, начиная с 1994 г., перед рабочими угольной отрасли встал вопрос о смысле их забастовок в советское время. Политические взгляды шахтёров стали меняться, несмотря на разнообразие их палитры. Определились и основные тенденции трансформации их политического сознания. Во-первых, стало очевидным разочарование неумелыми действиями федеральной власти, которое олицетворяло всё демократическое крыло политической системы. Во-вторых, быстрый рост интереса к лозунгам ЛДПР (1992–1993 гг.), сменился стремительным разочарованием действиями этой партии, в связи с её соглашательской политикой и отсутствием какого-либо исторического опыта в отстаивании социально-экономических прав трудящихся. На этом фоне ведущей тенденцией в развитии политических приоритетов рабочих угольной отрасли становится их союз с лево-патриотическими силами, где ключевую роль играли Коммунистическая партия Российской Федерации, Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) и общественно-политическое движение «Трудовая Россия».

Следует отметить, что антикоммунизм как идеология не пользовался большой популярностью среди горняков даже в годы развала КПСС[2]. Ещё меньше противников социалистического пути было в шахтёрских городах с революционными традициями прошлого, к примеру, в Анжеро-Судженске (Кемеровская область). Кризисные явления начала 1990-х гг. только усиливали недоверие «демократам», многие из которых в реальности оказались

---

[1] Здравомыслов А.Г. Проблемы организации труда и динамика конфликтных ситуаций // Трудовые отношения и социальные конфликты в современной России. М., 2004. С. 110; Пирожников В. Шахты контролируют преступники? // Наша газета. 1994. 2 июня. С. 2; Борисов В., Бизюкова В., Бурнышев К. Горняки на рельсах. Что заставило судженцев перекрыть Транссиб? // На-гора! 1995. № 5–6, январь. С. 5.

[2] Лопатин Л.Н., Голиков В.М., Асланиди А.В., Кислюк М.Б. Несколько тезисов о рабочем движении Кузбасса // Наша газета. 1991. 5 июня. С. 9.

элементарными жуликами и приспособленцами. Уже тогда для всех стало очевидным фактом, что та западная модель демократии, о которой так часто говорили лидеры шахтёрского движения эпохи «перестройки», является не меньшим мифом, чем когда-то была мечта о коммунизме. Чувство обмана, а где-то и стыда горняков за разрушение советской системы становилось очевидным.

Немаловажным фактором была поддержка коммунистических сил со стороны авторитетных горняков. Социологические опросы, проведённые в рассматриваемое время, показали, что сочувствовали коммунистам те, которых с уверенностью можно было назвать элитой. Это были рабочие в возрасте более 40 лет, с высоким уровнем квалификации и большим стажем работы на шахте[1]. Как верно заметил С. Сергачев, «с 1992 г. антикоммунизм остаётся уделом руководителей рабочих комитетов»[2], но не трудящихся.

Социально-экономические и политические лозунги социалистически ориентированных организаций и горняков стали постепенно совпадать. Они убедились в том, что, как заметил Р. Дарендорф, демократия не делает автоматически людей богатыми[3]. Тем более социологические обследования, проведённые в середине 1990-х гг., показали, что 86,2% работников угольной промышленности (большинство из которых были шахтёры) чувствовали себя несвободными[4].

На этом фоне происходило сближение шахтёров и лево-патриотических сил. Установление связей шло медленно и неравномерно, так как первые с настороженностью относились к КПРФ, «Трудовой России», РКРП и другим представителям левых сил, против которых они несколько лет назад так энергично боролись. Вторые же до 1995 г. были слабо организованы и не выступали единым фронтом. Новые левые часто обрушивались с взаимной критикой, обличая друг друга в «предательстве». В начале 1990-х гг. рабочие

---

[1] Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка. М., 1995. С. 36.
[2] Сергачев С.Л. Необходимость новых подходов ... С. 194.
[3] Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002. С. 29.
[4] Чуланов В.А., Бурьянов О.В. Реформы и социальная позиция шахтеров. Шахты, 1996. С. 41.

шахт и разрезов для них не являлись потенциальным союзником в силу «обид» за участие в сломе советской системы. Однако новая политическая реальность, отсутствие должной опоры среди рабочих, а также высокий протестный потенциал шахтёров объективно связывали левых и трудящихся угольной промышленности. В середине 1990-х гг. КПРФ, «Трудовая Россия» и РКРП проводили активную и успешную пропагандистскую деятельность в шахтёрских городах и посёлках[1].

Провалы «шоковой терапии», критика и самокритика забастовочного движения 1989–1991 гг. привели к тому, что они стали высказывать «идеи покаяния и необходимости вернуть всё на свои места»[2]. Показательными фактами был переход некоторых бывших активистов и даже лидеров рабочего движения советской эпохи (например, Т. Авалиани) в лагерь российских коммунистов.

В углепромышленных регионах росла популярность оппозиционно настроенных политиков, открыто вступавших в конфликт с органами исполнительной власти и не скрывавших своих левых взглядов, например, А. Тулеева. Ярким примером изменения политических предпочтений шахтёров с 1993 по 1995 гг. стали взгляды воркутинцев, которые заметно сдвинулись с правого фланга в левоцентристскую позицию[3], несмотря на высокую популярность среди них «пропрезидентского» НПГ России.

Влияние левых организаций на шахтёров значительно усилилось после победы КПРФ на выборах в Государственную Думу в 1995 г. Коммунисты в разных формах поддерживали борьбу горняков за свои социально-экономические права, требовали отставки Правительства России, поддерживали в системе политической власти углепромышленных регионов кандидатов от левых сил и т.д.

---

[1] Протокол XXVII Ростовской областной партийной конференции КП РФ от 10 декабря 1994 года // ЦДНИРО. Ф. 3703. Оп. 1. Д. 9. Л. 20; Протокол заседания Президиума (бюро) Ростовского областного комитета КПРФ // ЦДНИРО. Ф. 3703. Оп. 1. Д. 25. Л. 33.

[2] Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка. М., 1995. С. 38.

[3] Жигунов Л.Э. Указ. соч. С. 218–219.

Имелись конкретные факты помощи Г. Зюганова рабочим угледобывающих предприятий в давлении на Правительство РФ и региональные власти[1].

Бескомпромиссная позиция компартии в вопросе методов реализации рыночных преобразований сделала её весьма популярной среди трудового народа. Коммунистические силы стали побеждать на выборах в городские собрания и глав городских администраций шахтёрских поселений. Представители КПРФ часто доминировали в Законодательных собраниях и городских Советах, что отразилось на безусловной поддержке с их стороны протестных действий угледобытчиков[2].

В итоге в углепромышленных регионах стала расти численность членов КПРФ и других лево-патриотических организаций, заметно усилилась их социалистическая агитация и пропаганда. Напрямую или через своих представителей коммунисты принимали участие в организации и проведении массовых и радикальных акций протеста шахтёров. Под их диктовку составлялись многие требования протестующих, прежде всего, политического характера. В случаях преследования активистов со стороны правоохранительных органов КПРФ открыто вставала на их защиту, тем самым прибавляла себе дополнительный политический вес и влияние среди трудящихся.

Далеко не все рабочие угольной промышленности были за реставрацию социалистических отношений. Между тем существенная их часть не только сожалела о потерянном статусе, но и своей борьбой подчёркивала готовность возвратиться под покровительство государства. Из уст шахтёров подчас звучало: «мне нужна не свобода, мне нужна зарплата»[3].

Прошедшие в 1996 г. президентские выборы показали, что среди шахтёров гораздо меньше сторонников Б. Ельцина, чем это себе представляли в Кремле. В Кемеровской и Ростовской областях имелись низкие показатели голосования за

---

[1] Жигунов Л.Э. Указ. соч. С. 70.

[2] Решение Берёзовского городского Совета «Об акции протеста в г. Анжеро-Судженске», 17.07.1998 г. // Архивный отдел администрации г. Берёзовского Кемеровской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 7. Л. 138.

[3] Егорова Е. Красный уголёк. Почему Кузбасс за Зюганова // На-гора! 1996. № 19–20, август. С. 7.

него. В Кузбассе социально-экономическое недовольство трудящихся дополнялось активной оппозиционной деятельностью А. Тулеева, который накануне выборов объехал почти все кузбасские шахты с агитацией за Г. Зюганова[1].

Высокая степень популярности А. Тулеева среди шахтёров объясняется многими причинами. Во-первых, он с первых дней осуждал «шоковую терапию» за её антисоциальный характер, что встречало широкую поддержку всех трудящихся края. Во-вторых, оппозиционная суть его политической деятельности соответствовала новой парадигме рабочего движения. Они имели общие цели и задачи. Ошибки и неудачи Правительства и Президента РФ добавляли популярности критическим высказываниям А. Тулеева в адрес Кремля. Он приезжал и поддерживал шахтёров, когда губернатор М. Кислюк отказывался встречаться с забастовщиками[2]. Поэтому уже в 1994 г. некоторые из горняков заявляли: «Аман Гумирович, для нас зарплата уже не основное. Мы пойдём за Вами до конца и готовы на самопожертвование»[3]. Резкая критика А. Тулеевым действий Кабинета министров РФ и госкомпании «Росуголь» встречала широкую поддержку не только среди угледобытчиков, но и всех социально-профессиональных групп далеко за пределами Кемеровской области[4]. В-третьих, начиная с советских времён, он жёстко критиковал рабочие комитеты[5], которые в рассматриваемое время быстро теряли доверие большинства шахтёров. Наибольшей популярностью оппозиционный политик пользовался на юге Кузбасса, где он начинал свою трудовую деятельность, особенно в

---

[1] Анализ результатов выборов Президента Российской Федерации в 1996 году по Кемеровской области // ГАКО. Ф.Р.-1363. Оп. 1. Д. 9. Л. 12, 14; Карпенко К.С. Исторический опыт социальных движений ... С. 116; Егорова Е. Красный уголёк. Почему Кузбасс за Зюганова // На-гора! 1996. № 19–20, август. С. 7; Новиков В.С., Новиков С.В. Региональные отделения политических партий и печатные СМИ в процессе формирования предпочтений избирателя, 1992–2000 гг. На материалах Западной Сибири. Омск, 2011. С. 118.

[2] Ушакова И. «Я – против», говорит А. Тулеев // Наш город. 1994. 11 февраля.

[3] Борисов В.А. Забастовки … С. 246–247.

[4] Заявление участников пикетирования здания администрации «Ростовуголь», 15 августа 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3524. Л. 59.

[5] Исковое заявление // Текущий архив Муниципального учреждения культуры «Краеведческий музей» г. Ленинск-Кузнецкого.

Междуреченске и Новокузнецке. Это стало дополнительным ударом по центру рабочих комитетов, который находился в этом районе края.

Назначение летом 1997 г. А. Тулеева главой администрации Кемеровской области и его уверенная победа на губернаторских выборах осенью того года прибавили авторитета и влияния КПРФ в ведущем углепромышленном регионе России.

Наиболее выгодно для левой оппозиции складывалась обстановка весной 1998 г. Слабость вертикали власти быстро почувствовали оппозиционные политические силы, причём разных оттенков. Они в разных формах усилили свой натиск на политический режим. Олигархи делали это посредством пропаганды в СМИ[1], левые же усилили «хождение в народ».

Симпатии россиян тогда были больше на стороне левого фланга, что выразилось в широкой моральной (и не только) поддержке их действий. Явным признаком обострения классовой борьбы стала активная деятельность в шахтёрских территориях общественно-политического движения «Трудовая Россия»[2]. Оно выступало с более радикальными лозунгами, чем КПРФ, что, несомненно, сыграло свою роль в росте непримиримости во взаимоотношениях между горняками и их политическими оппонентами. Рост политических симпатий к левым особенно был заметен в Российском Донбассе[3].

Члены КПРФ, РКРП, «Трудовой Россия» и других лево-патриотических организаций принимали непосредственное участие в организации массовых акций протестов. Своей политической активностью выделялся депутат Государственной Думы от Кемеровской области Ю. Чуньков (фракция КПРФ)[4]. По мнению некоторых журналистов, его пропагандистские способности во время «рельсовых войн» в мае 1998 г. оказались более мощным протестным фактором, чем

---

[1] Катальников В.Д., Кобяков А.А. Указ. соч. С. 159.

[2] Письмо Председателя исполкома ОД «Трудовое Приморье» главе администрации г. Артема Терентьеву А.Е. // Архивный отдел администрации Артемовского городского округа. Ф. 1. Оп. 2. Д. 578. Л. 68.

[3] Козлов А.И., Козлов А.А., Кислицын С.А., Попова Н.А. Власть на Дону. От первого атамана до первого губернатора (Краткие исторические очерки). Ростов н/Д. 1999. С. 109.

[4] Костры на Транссибе // Наш город. 1998. 19 мая.

социально-экономические проблемы г. Анжеро-Судженска. Летом 1998 г. он уже энергично призывал кузбасских шахтёров к участию во всероссийском пикете перед Домом Правительства РФ[1] и т.д.

Союзник КПРФ – В. Анпилов, в июле ставил ещё более далеко идущие задачи. Он призывал трудящихся страны поддержать шахтерский плацдарм на «Горбатом мосту» до «Похода трудящихся СССР» на Москву во второй половине августа 1998 г.[2]

КПРФ в то время придерживалась другой, но не менее наступательной, стратегии борьбы. Она взяла курс на проведение в сентябре 1998 г. массовых протестных действий в стране, осуществляла деятельность по сбору средств в поддержку выступления шахтёров в г. Москве, организовывала подготовку всеобщей политической стачки[3] и т.д.

Конец 1998 г. – начало 1999 г. стало временем появления новых, радикально настроенных и действующих от имени рабочего класса общественно-политических организаций. Их действия были направлены на объединение рабочих разных профессий для отстаивания классовых интересов[4]. Это стало дополнительным импульсом нагнетания общественно-политической напряжённости, в том числе и в шахтёрских городах и посёлках.

Неудачи попыток левых «поднять народ» во второй половине 1998 г. привели к изменению их тактики. В 1999 г. в ходе предвыборной борьбы за кресла депутатов Государственной Думы КПРФ пыталась расширить своё влияние, в первую очередь, за счёт привлечения голосов избирателей из числа населения углепромышленных территорий. Поэтому они не только активно критиковали Президента и Правительство РФ, но и обещали шахтёрским семьям

---

[1] Пьяных Г. Заговор пикетных жилетов // Коммерсантъ-Власть. 1998. 14 июля. С. 11.

[2] Обращение председателя исполкома движения «Трудовая Россия» В.И. Анпилова к шахтерам, рабочим, крестьянам, военнослужащим, молодежи и трудовой интеллигенции, июль 1998 г. // РГАСПИ. Ф.-662. Оп. 3. Д. 173. Л. 101.

[3] Постановление заседания VII пленума Коми рескома КПРФ от 12 сентября 1998 г. // НАРК. Ф. П-3791. Оп. 1. Д. 31. Л. 37.

[4] Михайлов Ю. Доклад съезду рабочих Сибири 23 января 1999 г. // Текущий архив краеведческого музея г. Берёзовского Кемеровской области.

улучшить их социально-экономическое положение в случае победы на парламентских выборах. В ходе своих выступлений перед избирателями коммунисты морально поддерживали акции протеста горняков, их радикальные лозунги, использовали популистские идеи и т.д.[1] Таким образом, подрывался авторитет российского Президента, вера в его социально-экономический курс.

В целом, сближение шахтёров и лево-патриотических сил всегда держало Кремль в напряжении.

Одной из наиболее значимых причин всплеска недовольства шахтёров явилась *слабость вертикали власти*, точнее – отсутствие единой политической позиции исполнительной власти на всех её уровнях. Кремль не сумел создать достаточно эффективного механизма взаимодействия с администрациями субъектов РФ. Органы власти углепромышленных регионов не являлись самыми несговорчивыми по сравнению с руководством, например, Чечни, Татарстана и некоторых других субъектов РФ, но и здесь имелось немало противоречий во взаимоотношениях с федеральным центром. Действия, предпринимаемые для урегулирования социально-трудовых конфликтов, были не согласованы, порой противоречивы и производили обратный эффект.

Кремль не имел достаточного представления о кризисных явлениях в экономике страны, особенно в депрессивных территориях. Вина за многие социально-экономические проблемы возлагалась им на руководителей субъектов федерации, а реальная помощь из центра приходила в чрезвычайные моменты. Как правило, накануне акций протеста федеральное Правительство направляло во взрывоопасный регион какую-нибудь «подачку». Это объективно подрывало веру рабочих в законы и порядок, а также ориентировало руководителей субъектов

[1] См. например: Токарев В. Народ валом валил в театр. На Зюганова // Шахтерская правда. 1999. 19 января.

Российской Федерации на скрытую, а в некоторых случаях и открытую, оппозицию Кремлю[1].

Изменение избирательной системы в пользу выборов руководителей субъектов федерации только усугубило противоречия между Кремлём и главами шахтёрских регионов. Своей негативной оценкой топливно-энергетической политики Президента и Правительства РФ особенно выделялся губернатор Кемеровской области А. Тулеев. Весной 1998 г., наряду с другими руководителями субъектов РФ, он открыто выступил за отставку Б. Ельцина с поста главы государства[2]. Недовольство политикой исполнительной власти России выражал и руководитель самого благополучного субъекта федерации – мэр Москвы Ю. Лужков. Во время пикетирования Дома Правительства РФ он «неоднократно говорил, что шахтёры правы, так как они борются за свои права»[3].

Руководители регионов были уверены в том, что многих проблем в угольной промышленности и социальной сфере трудящихся можно было избежать, если бы Москва предоставила для них больше полномочий в решении ключевых политических и экономических вопросов. Они предлагали заключить соглашения о разграничении полномочий с федеральным центром, снизить железнодорожные тарифы, добиться выделения средств на техническое перевооружение ведущих отраслей хозяйства и т.д. Данные требования активно поддерживали горняки и их профсоюзы, но достаточной реакции со стороны Президента и Правительства РФ не следовало. На фоне других, не менее острых внутренних и внешнеполитических проблем (отношения с высшим законодательным органом страны, ситуация в Чечне, разгул терроризма, обстановка на Балканах, переговоры с МВФ и т.д.) вопросы шахтёрских городов и посёлков оказались для федеральной власти весьма далёкими.

---

[1] Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996 // Кемерово, 1997. С. 215–216; Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999. С. 374–375.

[2] Чекалкин В.И. Кризис в России: участники, итоги и перспективы // Власть. 1998. № 10–11. С. 22–23.

[3] Лень П.М. Горбатый мост или Прозрение в преисподней. М., 1999. С. 235.

Наиболее ярким показателем паралича органов власти являлась их неспособность проводить ответственную макроэкономическую (прежде всего бюджетную) политику[1]. Отказ Правительства РФ от активного вмешательства в промышленную деятельность, принятый не без давления ведущих международных финансово-экономических организаций[2], не соответствовал историческим особенностям экономической политики российского государства. Исторический опыт реформирования индустриального сектора в рыночных условиях, в том числе и такой «свежий», как новая экономическая политика 1920-х гг., оказался невостребованным[3].

Усилия руководителей шахтёрских регионов обратить внимание Кремля на ухудшение положения в угледобывающей отрасли тонули в многочисленных обещаниях. «Выбивание денег из Москвы» посредством забастовок и других форм протеста для рабочих угледобывающих предприятий стало системой. Руководители шахтёрских регионов (особенно А. Тулеев) всё чаще критиковали Кремль и нередко выражали сочувствие шахтёрам[4]. Однако не всегда это имело конструктивный характер при разрешении конфликтных ситуаций.

Негативно отнеслись региональные органы власти, в том числе даже те, которые показывали лояльность федеральному центру (например, Республика Коми[5], Томская область[6] и др.), к антикризисной программе Президента и Правительства России, представленной в июне 1998 г. Суть этой программы заключалась в снижении государственных расходов и повышении собираемости средств в бюджет страны. Антикризисная программа инициировалась и активно

---

[1] Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2. С. 5.

[2] Автономов В. Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 19–20.

[3] Селезнев Ф. Промышленная политика государства: исторический опыт России // Вопросы экономики. 2011. № 4. С 153; Голанд Ю. Опыт индустриализации при нэпе и его использование в современных условиях // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 109–153.

[4] Яковенко Р. СМИ о нас лгут // Заполярье. 1998. 1 июля.

[5] Антикризисная программа федерального Правительства направлена на окончательный развал экономики территорий // Заполярье. 1998. 27 июня.

[6] Выступление на парламентских слушаниях (16.09.1998 г.) // ГАТО. Ф.Р-1958. Оп. 1. Д. 1460. Л. 22.

поддерживалась Международным валютным фондом, который в случае принятия положительного решения обещал многомиллиардные средства для России. Однако даже на Западе была распространена точка зрения о том, что систематическое подпитывание России долларами только консервировало глубокий политический и экономический кризис и препятствовало подлинным реформам в экономике[1].

Кремль адекватно не реагировал на обострение общественно-политической напряженности в углепромышленных территориях даже в ходе всероссийских «рельсовых войн» в мае 1998 г. Так, например, 20 мая российский Президент призвал «не нагнетать обстановку вокруг шахтёрской проблемы». Новый премьер-министр С. Кириенко события в угледобывающих регионах охарактеризовал как «краткосрочный пожар» и заявил, что Правительство не должно поддаваться на шантаж горняков[2]. Вице-премьер Б. Немцов, объясняясь с парламентариями, заявил, что Правительство «беспрецедентно выполняет свои обязательства перед шахтёрами»[3] и т.д. Между тем, обстановка в стране накалилась до такой степени, что угрожала её экономической и национальной безопасности. При этом действия пикетчиков морально поддерживались законодательными органами углепромышленных регионов[4].

Осенью 1998 г. против Б. Ельцина уже выступали 79 руководителей регионов (по результатам голосования в Совете Федерации)[5]. Таким образом, сформировалась устойчивая региональная антипрезидентская коалиция, которая в конце рассматриваемого периода серьёзно подпитывалась сохранением высокой степени недоверия Президенту Б. Ельцину[6].

---

[1] Независимая газета (Москва). 1998. 23 июля.

[2] Профсоюзы Кузбасса между прошлым и будущим. Кемерово, 2003. С. 71; Аргументы и Факты. 1998. 22 мая.

[3] Андреев В.П., Соловенко И.С. Проблемы власти в русской ментальности. Томск, 2011. С. 84.

[4] Одиннадцатая сессия Государственного Совета Республики Коми (27 мая 1998 г.) // НАРК. Ф.Р-2467. Оп. 1. Д. 122. Л. 2–3.

[5] Чекалкин В.И. Кризис в России: участники, итоги и перспективы // Власть. 1998. № 10–11. С. 22–23.

[6] Левада Ю. Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения № 6 (44) ноябрь–декабрь 1999. С. 10.

В целом слабая вертикаль власти оказывала дестабилизирующее воздействие на решение важных и актуальных вопросов горняков, порождала кризисные явления и политический хаос. Отсутствие мобильного и эффективного механизма решения социально-трудовых конфликтов порождало непримиримые политические требования шахтёров и серьёзную поддержку со стороны лево-патриотических и других оппозиционных организаций.

Одним из факторов всплеска борьбы шахтёров являлось серьёзное *отставание правовой сферы от уровня политических и социально-экономических отношений*. Даже там, где защита экономических прав трудящихся предполагала серьезные рычаги воздействия на виновных в задержке заработной платы, механизм не срабатывал[1]. Виной тому были три причины: отсутствие нормативной базы расследования экономических преступлений, незрелость правовой культуры граждан и неэффективная деятельность правоохранительных органов.

В рассматриваемое время отсутствовали какие-либо нормативные документы и методики расследования преступлений в сфере хозяйственного права, которые бы соответствовали новым рыночным условиям[2]. Всевозможные «дыры» российского законодательства позволяли легко уходить от ответственности коррумпированным директорам предприятий, недобросовестным посредникам и другим «партнерам» трудящихся. Законодательный и исполнительный органы страны не только не успевали дополнять правовую сферу новыми законами и нормативно-правовыми актами, но и порой показывали отсутствие такого желания.

Слабая правовая культура самих граждан выражалась в недостаточном знании своих возможностей по отстаиванию экономических прав и интересов.

---

[1] Борисов В., Бизюкова В., Бурнышев К. Горняки на рельсах. Что заставило судженцев перекрыть Транссиб? // На-гора! 1995. № 5–6, январь. С. 5.

[2] Докладная записка «О результатах проверки разрешения материалов, расследования уголовных дел по фактам нецелевого использования бюджетных средств, невыплаты заработной платы, пенсий и пособий» (13.03.1999 г.) // НАРК. Ф.Р-1307. Оп. 1. Д. 1880. Л. 87.

Несмотря на их полное отражение в законодательных актах, права рабочих и представителей бюджетных организаций реализовывались недостаточно или прямо нарушались. Однако мало кто из них обращался с заявлением в правоохранительные органы, тем более в шахтёрских территориях. С одной стороны, это было следствием недоверия правоохранительным органам, нежелания «ввязываться» в долгие и неприятные тяжбы; с другой – считалось, что использование радикальных форм протеста позволит быстрее вернуть задержанную зарплату, лучше отстаивать другие права и интересы.

Недостаточный уровень оперативности, эффективности и самостоятельности правоохранительных органов, а также рост коррупции среди их сотрудников стали очевидны всем. Обыденным явлением в жизни многих шахтёрских городов и посёлков стало сращивание криминальных интересов отдельных работников правоохранительных органов, чиновников и членов организованных преступных групп[1].

Объективной основой неэффективной деятельности правоохранительных органов стало нивелирование профессии милиционера. Она являлась мало оплачиваемой, но при этом требующей высокого физического и морального напряжения. В углепромышленных регионах отмечался некомплект сотрудников криминальной милиции, который порой достигал трети штата[2]. В 1998 г. О. Султанов, член Союза журналистов России, отмечал, что «ТЭКом в ОБЭП МВД Республики Коми занимается… один сотрудник. По экономическим преступлениям дела объемные и сложные, поэтому следствие старалось их “успешно похоронить”»[3]. Уровнем расследования уголовных дел в хозяйственной деятельности угледобывающих предприятий были недовольны даже члены российского Правительства[4].

---

[1] Попок В. Анжерские хроники // Огни Кузбасса. 2004. № 1. С. 139–140.
[2] А министром МВД делают пожарного // Вечерний Ростов. 1998. 21 мая.
[3] Султанов О. Реальность особого рода // Искра. 1998. 2 июля.
[4] Кочетков А. В Шахты прибыл вице-премьер Б. Е. Немцов // Пласт. 1998. № 33 (50), август. С. 1.

Граждане редко обращались в правоохранительные органы, в том числе из-за недостаточного уровня их оперативности, эффективности и самостоятельности. Вплоть до начала «рельсовых войн» в мае 1998 г. существенные меры по наведению порядка органами прокуратуры не предпринимались, административные и уголовные дела почти не возбуждались, хотя все знали о многомесячных задержках зарплат и пенсий. Соответственно, для многих шахтёров была очевидна неспособность правоохранительных органов предотвращать трудовые конфликты, динамика которых набирала обороты.

Горняки начинали с обычных стачек, потом перешли к голодовкам, забастовкам под землёй и «рельсовым войнам». Незаконные акции протеста должны были вести к остановке работы шахты, но начальство научилось этого не замечать. Происходило постепенное замещение правовых норм моральными. К тому же после массовых и продолжительных забастовок и голодовок Правительство РФ принимало решение о закрытии конкретного угольного предприятия, что не отвечало ожиданиям горняков.

В целом, хроническая неспособность правовой системы решать трудовые конфликты нормальным, цивилизованным путём провоцировала незаконные формы и методы протеста горняков.

Очевидной причиной радикализации протестных настроений шахтёров являлась *неэффективная деятельность региональных и местных органов власти и управления*, особенно в решении социальных и экономических вопросов. На слабость органов власти шахтёрских территорий в рассматриваемое время указывают многие факты. Это значительный спад производства, высокая степень безработицы, нецелевое использование бюджетных средств, низкий уровень налоговых поступлений, увеличение количества преступлений, рост коррупции, неуверенные и противоречивые действия правоохранительных органов[1] и др.

[1] Протокол заседания Правительства Российской Федерации от 21 августа 1998 г. № 33 // ГАРФ. Ф.-10104. Оп. 1. Д. 3. Л. 6; Аналитическая справка Ростовского регионального отделения ЛДПР // ЦДНИРО. Ф.Р-3700. Оп. 1. Д. 58. Л. 11; Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.1/Госкомстат России. М., 2000. С. 432; Общественная палата

Особую угрозу общественно-политической стабильности несли финансовые нарушения в действиях администраций шахтёрских регионов, прежде всего в сфере бюджетной политики. Нецелевое использование бюджетных средств, не только подрывало хозяйственную деятельность угледобывающих предприятий, но и фактически представляла директора «болтуном»[1], что сеяло недоверие к органам управления.

Исследование показало, что малопродуктивная работа администраций шахтёрских территорий была обусловлена многими причинами и факторами, в том числе и политического характера. В начале 1990-х гг., по признанию членов МВК, происходило «растаскивание региональной социально-экономической политики по отдельным ведомствам»[2]. Руководители шахтёрских регионов испытывали дефицит полномочий для решения ключевых вопросов угольной промышленности и, соответственно, не могли полностью локализовать общественно-политическую напряжённость. Тем более требования рабочих в основном были направлены в адрес Правительства и Президента РФ.

В работах отечественных экспертов встречаются мнения о том, что массовые и радикальные акции протеста были в определенной мере выгодны руководителям углепромышленных регионов, так как способствовали привлечению дополнительных средств под новые рабочие места. Прямо об этом они не говорили, но проговаривали с работодателями. С переходом угольных компаний в частные руки данные руководители теряли дотации, следовательно, рычаги управления регионами, то есть власть[3]. Администрации шахтёрских территорий часто пытались переадресовать протест центральным правительственным органам и директорскому корпусу, поддерживая, таким

Кемеровской области: десятилетний опыт формирования гражданского общества. Кемерово. 2004. С. 73; Конец весны и начало надежд? // Искра. 1998. 14 мая; Miners Block Trans-Siberian Railway: Encyclopedia.com. [Electronic resource]. URL: http://www.encyclopedia.com/doc/1P2-678155.html (дата обращения: 23.12.2017 г.) и др.

[1] Бизюков П. Управленческие ошибки ... С. 136.

[2] О ходе работы над программой реструктуризации и реформирования угольной промышленности России, 1993 г. // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1237. Л. 8.

[3] Булавка Л.А. Указ. соч. С. 63; Водолазов А. Угольный шантаж. Шахтеры как зеркало русского лоббизма // Новое время. 1998. № 21 (31 мая). С. 9.

образом, акции протеста. Критикуя Кремль, руководители регионов часто выражали сочувствие горнякам, выступали против политики приватизации[1] и т.п. Однако не всегда это имело конструктивный характер при разрешении конфликтных ситуаций.

Весной 1998 г. исполнительная власть в углепромышленных регионах оказалась в очень непростой ситуации. Ещё недавно её представители призывали трудящихся к прекращению каких-либо забастовок. В мае того года им пришлось лавировать между экономическими интересами регионов и радикальными требованиями рабочих, бюджетников и пенсионеров. Соответственно, региональные власти оказались под двойным ударом: народного гнева, с одной стороны, и санкций федеральной власти – с другой.

Слабость руководства углепромышленных регионов была вызвана не только отсутствием достаточной политической и экономической поддержки со стороны Кремля, но и неготовностью многих из оказавшихся у власти политиков к реализации своих, продекларированных в конце 1980-х – начале 1990-х гг., лозунгов. Критиковать советскую власть и обещать «рыночное благополучие» было намного легче, чем решать повседневные проблемы трудящихся. Оказавшись под мощными ударами критики шахтёров (а их критика являлась наиболее жёсткой), руководители углепромышленных территорий оказались в растерянности. Отдельные попытки руководителей регионов «надавить» на шахтёров заканчивались массовыми, порой экстремальными акциями протеста[2]. Для некоторых из них, например, М. Кислюка, такая растерянность стоила должности.

Низкая экономическая эффективность реформ, недостаточное финансирование и отсутствие сильной вертикали власти на протяжении всего периода 1990-х гг. ослабляли деятельность муниципальных органов управления.

---

[1] День шахтера ... С. 68.

[2] Открытое письмо шахтеров РУ «Павловское», жителей п. Новошахтинский // Красное Знамя (Владивосток). 1998. 12 марта. С. 1.

В очень сложном положении оказались руководители шахтёрских городов и посёлков, особенно небольших и монопрофильных. В то же время серьёзных рычагов воздействия на социально-экономическую обстановку в своём населенном пункте у них не было.

Не вызывает сомнения то, что местная власть допускала такие безответственные ошибки, как: слабую информированность населения о новых рабочих местах, декларирование невыполнимых обещаний, упование на помощь региональной и федеральной власти, неадекватные реакции на массовые нарушения трудового законодательства в отрасли и т.д. Неуверенная позиция местной администрации, её непоследовательность при контактах с участниками протестных акций (например, в ходе «рельсовых войн») укрепляли радикальные настроения недовольных горняков.

В целом, неэффективная деятельность региональных и местных органов власти и управления создавала представление о системном характере жизненно важных проблем населения. Это стало важной частью мотивации к действиям радикально настроенных горняков.

Весна 1998 г. ознаменовалась *правительственным кризисом,* что явилось дополнительным ударом по решению жизненно важных вопросов углепромышленных территорий. Главный исполнительный орган страны определял ключевые направления развития угольной промышленности, заключал с шахтёрами ОТС и другие договоры, являлся гарантом социальных обязательств со стороны государства, через своих представителей вёл переговоры с протестующими и т.д. Отставка в марте Правительства В. Черномырдина сильно дестабилизировала политическую ситуацию в стране, подорвала доверие иностранных инвесторов и международных финансово-экономических организаций[1]. Это заморозило реализацию многих экономических проектов и социальных программ в шахтёрских городах и посёлках.

---

[1] Голанд Ю. Сравнение реформ ... С. 89.

Отставка В. Черномырдина усилила безответственность государственных органов в отношениях с рабочими угольной промышленности. Последние были дезориентированы в адресности своих требований. Не показал достаточной эффективности в решении шахтёрских вопросов и такой важный правительственный орган как Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов, руководители которой постоянно менялись. Поэтому часто главный контрагент шахтёрских выступлений определялся в ходе переговоров, в соответствии с уровнем протестной активности. Представители Правительства РФ периодически устремлялись в тот или иной взрывоопасный регион огромной страны, а не занимались, по их же признанию, системным решением проблем трудящихся.

В главном исполнительном органе страны фактически было некому вести переговоры с горняками, так как многочисленные вопросы угольной сферы относились к разным департаментам Министерства топлива и энергетики. Не без давления ведущих международных финансово-экономических организаций произошла децентрализация угольной отрасли. Последней точкой в этом процессе стал роспуск госкомпании «Росуголь» в конце 1997 г. Однако это не улучшило положение в области добычи и реализации угля, тем более в решении важных социальных вопросов горняцких семей. Обращения руководителей крупных шахтёрских городов к только что назначенному премьеру С. Кириенко с просьбой о воссоздании Министерства угольной промышленности[1] «повисли в воздухе».

Попытки региональных лидеров обратить внимание Кабинета министров на ухудшение хозяйственной деятельности и жизни населения, как правило, тонули в многочисленных обещаниях. Так, например, в течение весны 1998 г. руководство Ростовской области неоднократно обращалось к председателю Правительства РФ и непосредственно федеральным министрам о необходимости их вмешательства для решения крайне тяжёлой социально-экономической ситуации в регионе,

[1] Шпектор И.Л. «Я хочу от российского Президента получить деньги на Воркуту» (Выступление мэра г. Воркуты на чрезвычайном съезде работников угольной промышленности) // Заполярье. 1998. 6 мая.

прежде всего в шахтёрских городах и посёлках[1]. Анализ источников и литературы показал, что каких-либо существенных мер для улучшения обстановки в Ростовской области со стороны Кабинета министров РФ, вплоть до блокады Северокавказской железной дороги в мае того года, не было предпринято. Похожая картина имелась в отношениях между российским Правительством и властями других шахтёрских регионов[2]. Нежелание федеральных чиновников реагировать на обращения граждан, происходившее на фоне «жирующей» Москвы, провоцировало сепаратистские настроения и борьбу с Центром[3].

Главный исполнительный орган страны зачастую нарушал ранее достигнутые договорённости и отступал от его же провозглашённой политики общественного согласия. Накануне «рельсовых войн» в мае Президент и Правительство РФ щедро раздавали обещания о дополнительном финансировании отрасли. Особенно это явствовало из результатов Всероссийского съезда работников угольной промышленности в апреле 1998 г. Уже через два месяца министры объявили шахтёров «захребетниками»[4], и слабо шли на диалог с ними. Они постоянно пытались переложить всю вину за случившееся на предприятия и региональную власть. Но это только усилило протестное движение в углепромышленных территориях, так как, по мнению горняков, многие реальные причины кризисных явлений коренились именно в политике Кремля.

---

[1] Письмо губернатора Ростовской области В.Ф. Чуба Президенту РФ Ельцину Б.Н. // ГАРО. Ф.Р-4495. Оп. 1. Д. 674. Л. 44.

[2] Майдаров В. Хотя политика реструктуризации признана ущербной, но «золотого дождя» госдотаций из Москвы не ожидается // Шахтерская правда. 1998. 30 января; Экгардт В. Работать с федеральным Правительством становится все сложнее // Регион. 1998. № 3. С. 34.

[3] Письмо Председателя Приморского теркома углепрофсоюза П.Т. Кирясова, Председателя КК профсоюза местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий Л.П. Островской, Председателя КК профсоюза культуры Л.А. Калининой Президенту РФ Б.Н. Ельцину, Председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 185. Л. 29; Лень П.М. Указ. соч. С. 283.

[4] Kust T.S., Solovenko I.S., Rumyantsev P.P. Political causes and factors influencing protests of miners in Russia (1992–1999) [Electronic resource] // SHS Web of Conferences, 2016. Vol. 28. P. 3. URL: http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20162801062 (дата обращения: 03.02.2017 г.).

.

Отсутствие должной реакции нового главы Кабинета министров С. Кириенко на обращения угледобытчиков показало несостоятельность шахтёрских разговоров о «хорошем» Президенте и «плохом» Правительстве. Иллюзии не только рабочих, но и значительной части трудящихся в вопросе политического потенциала Президента Б. Ельцина полностью развеялись. Противоречия между подавляющей частью шахтёрского сообщества и правительственными структурами переросли в отношения открытой враждебности.

Во время «рельсовых войн» в мае и июле шахтёры и другие трудящиеся угледобывающих территорий страны основные требования предъявляли Правительству и Президенту России[1]. С июня активизация протестных действий горняков наблюдалась фактически только в связи с невыполнением главным исполнительным органом страны своих обязательств по протоколам, подписанным в ходе майских «рельсовых войн»[2]. В реальности главный исполнительный орган страны не мог полностью сдержать данные когда-то им обещания.

Остро очередная смена федерального Правительства отразилась на жизни шахтёрских городов и посёлков в августе–сентябре 1998 г., когда страна находилась в условиях мирового финансово-экономического кризиса. После дефолта 17 августа 1998 г. и до формирования нового Правительства во главе с Е. Примаковым вопросами угледобывающей промышленности фактически никто не занимался. Отсутствие Кабинета министров усугубляло и без того сложную обстановку в экономике и социальной сфере страны, в том числе в решении таких важных проблем как выплата задолженности по зарплате и пенсиям.

Продолжение смены составов главного исполнительного органа страны в 1999 г. показывало отсутствие политической стабильности в высших эшелонах власти, что закономерно держало в напряжении шахтёров.

---

[1] Соловенко И.С. «Рельсовые войны» в России в 1998 году. Томск, 2011. С. 82–84.

[2] Обращение депутатов Междуреченского городского Совета к Правительству Российской Федерации, депутатам Государственной Думы Российской Федерации // Архивный отдел администрации г. Междуреченска. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1017. (без указания номера листа).

В целом, правительственные кризисы серьёзно подрывали социально-экономическую обстановку в углепромышленных регионах и провоцировали рост оппозиционных настроений.

Итак, анализ политических причин и факторов протестной активности шахтёров постсоветской России указывает на высокую степень зависимости общественно-политических и социально-экономических процессов в углепромышленных регионах от политики федерального центра. «Экспериментальный» характер реформ в угольной промышленности не подкреплялся дополнительными политическими и экономическими полномочиями руководителей шахтёрских территорий, что порождало ситуацию хронического отставания политики от экономики и социальной сферы горняков. Региональная и местная власть оказались в условиях естественного (рыночного) отбора, поэтому большую часть времени посвящала вопросам удержания любой ценой своих политических позиций, а не решению проблем шахтёрских городов и посёлков. Долгое время отсутствовали реальные попытки поиска консенсуса и политического урегулирования шахтёрского недовольства.

1.2 Проблемы угольной промышленности России во время перехода к рынку

Высокая степень протестной активности шахтёров страны во время перехода к рыночным отношениям стала следствием значительного осложнения условий развития угледобывающей отрасли. Кризисные явления в ней стали проявляться, начиная с 1960-х гг., когда топливно-энергетическая промышленность СССР начала структурный переход от угля к нефти и газу, а также использованию атомной энергетики. Нарастание негативных количественных и качественных тенденций в угольной промышленности сопровождалось ухудшением горногеологических условий работы в шахтах (уменьшением мощности разрабатываемых пластов и др.). При этом меры по вводу новых мощностей,

реструктуризации и модернизации угольной отрасли игнорировались[1]. Вместе с тем она хорошо субсидировалась, а шахтёры считались «рабочей элитой».

В процессе общего ухудшения экономической обстановки, начиная с середины 1980-х гг., ситуация в угледобывающей отрасли продолжала обостряться[2]. Только забастовки 1989–1991 гг. заставили власть обратить внимание на социально-экономическое положение горняков, но радикальных мер по выводу угольной промышленности из кризисного состояния так и не было принято. Кратковременное решение вопросов улучшения условий труда и повышения жизненного уровня шахтёров позволило погасить массовое недовольство. Между тем фундаментальные проблемы шахтёрской отрасли оставались в тени. Сокращались производственные мощности, а добыча угля в РСФСР в 1991 г. уменьшилась на 42,1 млн. т в сравнении с предыдущим годом[3].

После развала СССР уголь составлял только 15% от всех первичных энергоносителей страны. С уменьшением государственной поддержки в начале 1990-х гг. угольная промышленность России оказалась в тяжёлом структурном кризисе. Такой кризис переживала шахтёрская отрасль во многих индустриальных странах, например, в Великобритании, Германии и др. Однако в России кризис угольной отрасли, в силу внутренних и внешних факторов, оказался значительно мощнее. По сравнению с другими отраслями ТЭК угольная промышленность оказалась в самом тяжёлом положении с точки зрения состояния основных фондов, что обусловило крайнюю болезненность её реформирования[4]. Низкие производственные показатели и слабая

---

[1] Заболотская К.А. Нарастание кризиса в угольной промышленности Кузбасса ... С. 64, 68.

[2] Протокол № 13 заседания бюро Кемеровского обкома КПСС от 26 марта 1991 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 160. Д. 386. Л. 5.

[3] Сборник информационно-аналитических обзоров «Угольная промышленность в России». М., 1999. С. 23.

[4] Социально-экономический потенциал как основа поступательного развития постперестроечной России … / Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. М., 2015. С. 704.

конкурентоспособность предприятий требовали значительных государственных дотаций[1].

Это способствовало формированию негативного мнения об угольной промышленности не только в хозяйственных кругах России, но и за рубежом. Часто о ней отзывались как о неразворотливой, консервативной, инертной и т.п. Поэтому, в условиях неоднородного перехода промышленных предприятий на рыночные рельсы развития, угледобывающая отрасль оказалась в числе «экспериментальных». Это изначально поставило её в сложное социально-экономическое положение.

Исследование показало, что в 1992–1999 гг. развитие угольной промышленности России сдерживали такие проблемы, как: медленные темпы реформ, дефицит финансовых ресурсов, неподготовленность управленческих кадров, излишние преференции рабочим, взаимные неплатежи, диспропорции в ценовой политике, высокий уровень аварийности производства, массовые сокращения и увольнения горняков, снижение реальной заработной платой, а также её нерегулярные выплаты, борьба за передел собственности. Все эти проблемы являлись очень взаимосвязанными. Одни проявились сразу, другие несколько позже. Имелась и региональная специфика их проявления, что стало одним из признаков новых, рыночных условий функционирования шахтёрских предприятий.

Центральной проблемой реформирования угольной промышленности стали её *медленные темпы*. В общем эта ситуация была характерна и для других отраслей экономики России. Политические элиты боялись высокой безработицы, что стало одной из причин сдерживания глубоких структурных реформ. Дефицит

[1] О прогнозе развития угольной, нефтяной и газовой промышленности в 1992 году и во втором квартале 1992 г. // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 180. Л. 43.

госбюджета оставался значительным, а строгая финансовая дисциплина так и не была установлена[1].

В этих условиях перестроить огромный и нерентабельный сектор народного хозяйства оказалось для молодого российского государства сложной задачей. Однако альтернативы реформированию шахтёрской отрасли в новых рыночных условиях не было, в том числе и потому что финансовые возможности поддержания отрасли только ухудшались. На реализации комплексной программы реформирования угольной промышленности настаивали и сами рабочие[2], так как масштабные стачки 1989–1991 гг., в общем, не решили отраслевых проблем.

Трудноразрешимым вопросом реформирования угольной промышленности являлось определение её стратегии. Взгляды Кремля на процесс реформирования отрасли были противоречивы, так как в его осуществлении столкнулись две противоположные позиции госструктур, имевших поддержку российского Президента. С одной стороны, весьма либеральная, которую олицетворял блок федеральных министерств, отвечавших за макроэкономическую политику (например, Минэкономразвития). С другой – «консервативное», которую представлял отраслевой орган управления, госкомпания – «Уголь России», затем «Росуголь». Данное противостояние во многом было условным и малозаметным, но оно имелось и выглядело вполне закономерно.

Желание либеральных реформаторов, быстро и эффективно преобразовать угольную промышленность, не было подкреплено возможностями научной и финансовой базы российского государства. К тому же Правительство РФ отводило малопривлекательные для угольной отрасли место и роль в топливно-энергетической политике страны. В условиях сильного экономико-политического потенциала, которым угольщики обладали в первые годы строительства новой

---

[1] Гимпельсон В. Политическая экономия российского рынка труда // Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда. М., 2001. С. 48.

[2] Письмо председателя НПГР А.А. Сергеева Президенту России Ельцину Б.Н., Председателю Совета Министров–Правительства РФ Черномырдину В.С. и др., 4 ноября 1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5673. Л. 15.

государственности, такая позиция могла серьёзным образом дестабилизировать и так непростую обстановку в стране. Поэтому Президенту РФ пришлось считаться с доводами «консерваторов», которые выступали за поддержание высокого уровня угледобычи, медленные темпы приватизации, достойные для отрасли госдотации, глубоко продуманное закрытие предприятий, повышение зарплаты рабочим и т.д.

Изначально противоборство между Правительством РФ и отраслевыми госструктурами развернулось по вопросу финансирования угольной промышленности. Кабинет министров, ответственный за общую финансово-экономическую обстановку в стране, противился увеличению бюджетных дотаций отрасли, на чём всегда настаивал «Уголь России», затем «Росуголь». Первое время все стороны, отвечавшие за угольную промышленность, надеялись снизить финансовую нагрузку за счёт расширения экономической свободы предприятий. Особенно большие надежды на это возлагало Правительство РФ, так как появлялась возможность снизить ответственность за хозяйственную деятельность шахт и разрезов, а также сократить бюджетные расходы на отрасль. При этом отраслевые госструктуры сохраняли ключевые позиции в управлении угольной промышленностью, в их введении было 90% угольных предприятий и компаний России[1].

Идея хозяйственной свободы встречала широкую поддержку и среди трудящихся, особенно в Воркуте, где меньше всего боялись рыночных перемен. Социолог В. Ильин в то время, верно, определил суть модели шахтёрского либерализма, которая состояла в синтезе максимальной экономической свободы шахт с административно поддерживаемой системой цен на внутреннем рынке[2]. Возможность получения валютной прибыли за счёт экспорта угля, продажа угля по бартеру и решение благодаря этому ряда социальных вопросов сформировали в шахтёрской среде мнение о необходимости приватизации угледобывающих

[1] Катальников В.Д., Кобяков А.А. Указ. соч. С. 179.
[2] Ильин В.И. Указ. соч. С. 143–144, 153.

предприятий[1]. Таким образом, по замыслу работников отрасли, создавались благоприятные условия конкуренции отечественных угледобытчиков, укреплялись социальные гарантии.

Несколько сдержанно к либерализации и приватизации относились в Кузбассе. Результаты проведённого в 1992 г. социологического опроса среди работников шахт и разрезов ведущего угольного бассейна показали, что в тот момент их мнение было не в пользу частной собственности. Почти половина опрошенных рабочих и инженерно-технических служащих выступали за приватизацию в форме акционерного общества закрытого типа. Приобретение предприятия частным лицом поддерживали только 10% респондентов[2]. Идея «народной приватизации» выглядела более прогрессивно после неудачного строительства командно-административного типа экономики и соответствовала надеждам рабочих на справедливое распределение благ.

В начале 1990-х гг. властям новой России сложно было не учитывать любое мнение шахтёров, в том числе и по вопросу частной приватизации. Поэтому в угольной промышленности тогда преобладали акционерные предприятия. Однако они были не закрытого, а, по решению Президента РФ[3], открытого типа, что позволяло государству иметь контрольный пакет акций. Государство сохраняло не только высокую долю в собственности шахтёрских предприятий (60% акций), но и централизованную систему управления отраслью, а также основную финансовую нагрузку, подписывая с шахтёрами тарифное соглашение.

Вместе с тем, того государственного контроля, который был в советское время, над деятельностью директоров предприятий и вышестоящих чиновников уже не было. Шахтёры довольно быстро поняли, что собственниками они стали

---

[1] Борисов В.А. Чем заняться за Полярным кругом? Начало реформ в Воркуте // Социс. 1996. № 10. С. 22.

[2] Бизюков П. Шахтёры о себе: жить по-старому не хотим // Кузбасс. 1992. 28 января.

[3] Указ Президента Российской Федерации № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» (01 июля 1992 г.) // Уголь. 1992. № 9. С. 3.

«формально, на бумаге»[1]. В условиях несформированной правовой базы акционерной собственности руководители угольных предприятий фактически приватизировали государственное имущество. Решения по таким ключевым вопросам как, например, ликвидация шахты, в сущности, принимали директора, но не акционеры, как должно было быть по закону[2]. Это стало основной причиной многих злоупотреблений с их стороны, растаскивания бывшей государственной собственности, умышленного банкротства предприятий, нецелевого использования денежно-материальных средств[3] и т.д.

Те редкие предприятия, которые всё-таки показывали рентабельность, распоряжаться своей прибылью не могли, так как контрольный пакет акций принадлежал Минтопэнерго РФ[4]. Вполне закономерно, что столь притягательная прежде идея рабочих: «я – не наёмный работник, я – совладелец предприятия» – потерпела крах. В результате шахтёры стали искусственно тормозить процесс приватизации, в том числе из-за угрозы потери выплаты льгот[5].

Распад производственных объединений, образование акционерных обществ и получение большей самостоятельности позволило оживить угледобычу[6], но не повсеместно и кратковременно. В целом эффект экономической самостоятельности оказался низким. К этому добавился динамичный спад в народном хозяйстве страны. Главным потребителем угля были электростанции, а производство электроэнергии снизилось с 1990 по 1997 гг. на 20%. Второй

---

[1] Доклад отчётно-выборной конференции Прокопьевской территориальной организации «Росуглепроф» (1995 г.) // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 324. Л. 42.

[2] Урбан О.А. Формирование эффективного собственника в базовых отраслях промышленности Кузбасса [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/02/04/1214885993/Urban_04.pdf. С. 27 (дата обращения: 06.10.2015 г.); Сагара Д. Прокурор Кузбасса подал иск на Правительство // Кузнецкий край. 1998. 16 июля.

[3] Приказ генерального директора АООТ «Северокузбассуголь» № 25 от 16.08.1994 г. «О грубых нарушениях в использовании средств господдержки и финансово-хозяйственной деятельности предприятий» // ГАКО. Ф. Р-177. Оп. 26. Д. 1. Л. 90.

[4] Письмо В.И. Спицына (председателя трудового коллектива шахты «Зенковская») Президенту РФ Б.Н. Ельцину, Председателю Госкомимущества РФ Чубайсу А.Б., 1 декабря 1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5674. Л. 4.

[5] Ильин В.И. Указ. соч. С. 146.

[6] Маслова Е.С., Деденева Н.А., Чернобай И.И., Погребной Д.А. Богданов А.Н. Реструктуризация предприятий Печорского угольного бассейна // Технология горного производства и социально-экономические проблемы регионов Восточного Донбасса. Шахты, 1998. С. 63.

основной потребитель – металлургия, переживала сокращение производства на 40%[1] и т.д. В итоге с 1992 по 1997 гг. добыча угля в стране снизилась с 337 млн. т до 245 млн. т. Спад угледобычи произошёл во всех шахтёрских территориях (рисунок 1), что указывает на системные проблемы в отрасли. Соответственно, размышления лидеров забастовочного движения конца 1980-х гг. о радужных перспективах экономической самостоятельности предприятий угольной промышленности в 1990-е гг.[2] показали свою утопичность.

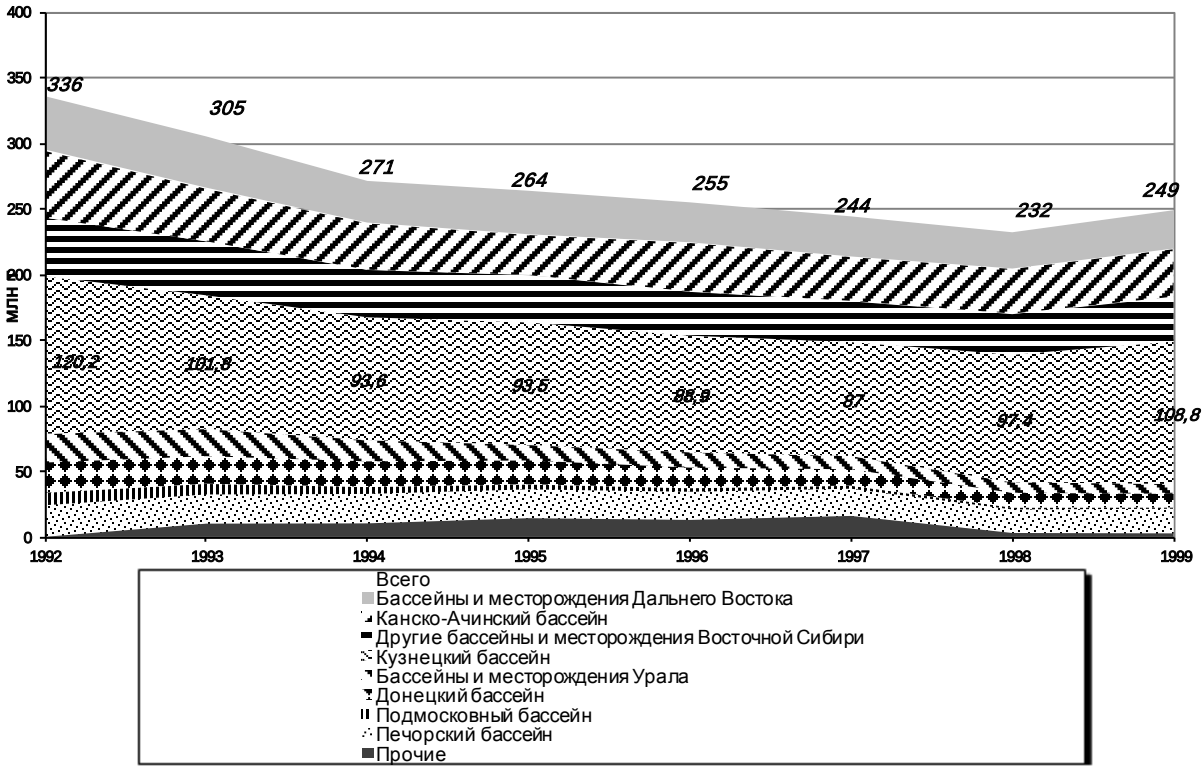

Рисунок 1 – Добыча угля в Российской Федерации (по бассейнам), 1992–1999 гг.[3]

Не выдерживают критики заявления некоторых министров Правительства РФ о «перепроизводстве угля», так как российский рынок довольно быстро

[1] Pleines H. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche ...

[2] Письмо–Обращение к директорам предприятий и организаций // Муниципальное бюджетное учреждение «Городской архив» г. Кемерово. Ф. 108. Оп. 1. Д. 25. Л. 10–12.

[3] Текущий архив АО «Росинформуголь».

осваивали угледобывающие компании Южной Африки, Польши, Китая, Казахстана[1] и других стран.

В основе падения угледобычи были как количественные, так и качественные деформации, охватившие отрасль. Это низкий уровень производительности труда, снижение управляемости производством на всех уровнях, ухудшение трудовой и производственной дисциплины, рост аварийности и травматизма, разрыв экономических связей, несоответствие качества угольной продукции требованиям зарубежных потребителей и др. В начале рыночных преобразований падение объёмов добычи угля наблюдалось даже на шахте «Распадской»[2], имевшей мировую известность. Серьёзно пострадали предприятия, ориентированные на добычу коксующихся марок угля.

Игравшие в 1992–1997 гг. ведущую роль в управлении угольной промышленностью госструктуры («Уголь России», «Росуголь») не были сторонниками активных либеральных реформ, продолжали политику советских времён, суть которой сводилась к добыче, а не успешной реализации угля. Это отчётливо проявилось в медленных темпах приватизации предприятий, запоздалой подготовке и проведении реструктуризации угольной промышленности, слабой заинтересованности в создании финансово-промышленных групп[3] и т.д. Огромные полномочия «Росугля» позволяли, в том числе посредством шахтёрских протестов, оказывать давление на Правительство РФ в вопросе финансирования отрасли, а также стратегии реализации реформ.

На слабую эффективность госкомпании «Росуголь» всегда обращали внимание эксперты международных финансово-экономических организаций. По

---

[1] Телеграмма представителей коллективов шахт г. Партизанска Президенту России Ельцину Борису Николаевичу, 18 января 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3528. Л. 94–95; Конев М. Забастовка: почему пошли на нее? // Южный Кузбасс (газета акционерной компании «Кузнецкуголь», Новокузнецк). 1996. 6 февраля.

[2] Аналитическая записка по итогам социально-экономического развития города Междуреченска за 1993 год // Архивный отдел администрации г. Междуреченска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 212. Л. 3; Аналитическая записка по итогам социально-экономического развития города Междуреченска за 1994 год // Архивный отдел администрации г. Междуреченска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 215. Л. 2.

[3] Ворошилова Н. Финансово-промышленная группа в роли спасательного круга // Кузбасс. 1994. 9 февраля.

их мнению, данная госструктура являлась не аудитопригодной и создавала условия для коррупции[1]. Поэтому объёмы столь важной финансовой поддержки реструктуризации шахтёрской отрасли России со стороны ведущих международных экономических организаций являлись запоздалыми и незначительными.

Высокая степень монополизации отрасли при разделении сфер деятельности между различными госучреждениями не позволяли выработать общий подход к решению шахтёрских вопросов. Российское государство не создавало условия поддержки отечественных предприятий на мировом рынке, очень медленно формировались институциональные основы функционирования угольной промышленности в условиях рынка. Большинство акционированных предприятий были убыточными[2]. Отечественные производители оказались не готовы к выходу на международные рынки угля, на внутреннем рынке их интересы ущемлялись более конкурентоспособными предприятиями нефте- и газодобывающей промышленности.

В данной обстановке удельный вес госрасходов на угольную промышленность не сокращался, а наоборот увеличивался. Это являлось прямым следствием снижения производительности труда и других технико-экономических показателей, которые вели к потере конкурентоспособности и соответственно повышению государственных расходов на поддержание предприятий. Бюджетные расходы возрастали также из-за увеличения техногенных катастроф, смертности, случаев травматизма и т.д. В то же время падение промышленного производства автоматически снизило поступления в госбюджет, благодаря которым финансировалась львиная доля расходов, предназначенных для предприятий угольной отрасли.

---

[1] Бальбуров Д. Куда уходят деньги // Московские новости. 1998. № 4 (1–8 февраля). С. 13; Борисов В.А. Забастовки ... С. 192; Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности ... С. 134.

[2] Астахов А.С., Климов С.Л. Преодолеть тенденцию свертывания отраслевой экономической науки // Уголь. 2000. № 4. С. 9.

Правительство РФ пыталось снизить госрасходы, а также степень доминирования отраслевых госструктур в вопросах развития угольной промышленности посредством активной приватизации. Это могло решить вопросы привлечения инвестиций и повышения рентабельности предприятий. К тому времени уже имелся положительный пример стран Восточной Европы, что упрощало выработку механизма перехода госсобственности в частные руки как важного элемента рыночной экономики. Большие надежды Правительством РФ связывались с тем, что процесс приватизации российской угольной отрасли официально начался уже в конце 1992 г.[1] Однако в тот момент изменилась позиция лидеров Росуглепрофа, крупнейшего отраслевого профсоюза. Они, будучи ранее сторонниками независимости предприятий, стали проводить линию на усиление государственного централизованного управления отраслью, что обещало гарантии необходимого объёма господдержки[2]. Такая позиция поддерживалась многими директорами предприятий и компаний. Это обусловило сохранение в отрасли низкой доли частных предприятий и компаний (рисунок 2).

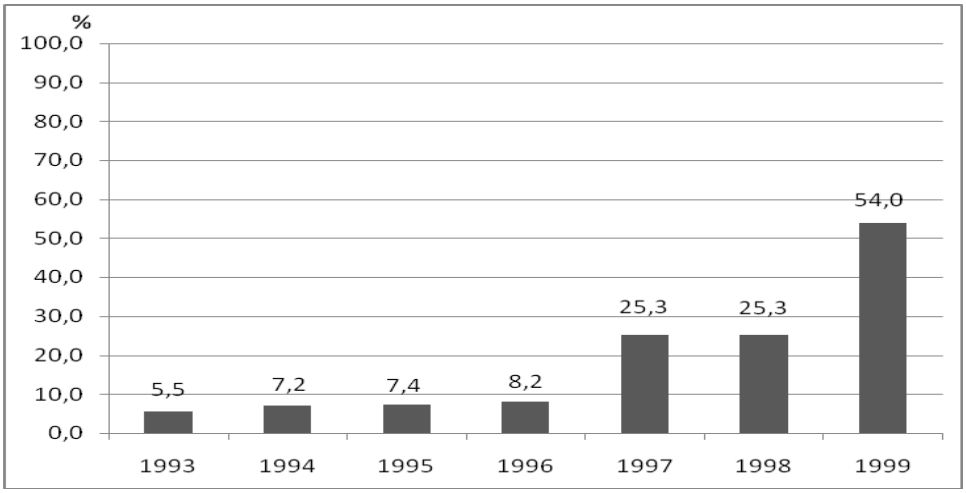

Рисунок 2 – Доля частных компаний в добыче российских углей, 1993–1999 гг.[3]

[1] Указ Президента Российской Федерации № 1702 «О преобразовании в акционерные общества и приватизации объединений, предприятий, организаций угольной промышленности» (30 декабря 1992 г.) // Уголь. 1993. № 2. С. 3–4.

[2] Катальников В.Д., Кобяков А.А. Указ. соч. С. 156.

[3] Текущий архив АО «Росинформуголь».

Параллельно с расширением экономической самостоятельности Правительство РФ разрабатывало программу реструктуризации отрасли, то есть переход на рентабельную работу угледобывающих компаний и отрасли в целом. В перспективе это обещало полное устранение государства от её финансирования, включая и социальную сферу шахтёрских городов и посёлков. Реструктуризация отрасли являлась для Кремля привлекательным курсом, но она требовала времени и существенных затрат на реализацию социально-экономических программ, без которых, как показывала мировая практика, было не обойтись. Её реализацию поддерживали и международные финансово-экономические институты, что, в общем, обещало материальную помощь с их стороны.

Первоначально суть проблемы осуществления реструктуризации состояла в двух вопросах: «По какому плану осуществлять проект?» и «Где взять деньги на социальные программы для шахтёров?». Довольно быстро Правительство РФ пришло к выводу, что страна не обладает достаточными научными и финансовыми возможностями для реализации действительно сложного проекта. Поэтому с небольшими поправками был принят план Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Для российского руководства наиболее важной стороной сотрудничества с этой организацией являлось привлечение кредитов. Углубленное исследование угольного сектора и его проблем, начавшееся в середине 1992 г. экспертами МБРР совместно с российскими специалистами, продлилось почти два года[1].

Тем временем ситуация в добыче, переработке и потреблении российского угля динамично менялась, причём в худшую сторону. К началу 1993 г. доля дотаций в объёме финансовых средств угольной промышленности превысила 70%. На угольное производство приходилось тратить 12–13% общей суммы

[1] День шахтера ... С. 40; Никитин А.И. Реструктуризация угольной промышленности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ru-90.ru/node/1318. (дата обращения: 08.01.2015 г.).

средств, которые удавалось выделить для господдержки всех отраслей народного хозяйства[1].

Стремительное падение в стране промышленного производства привело к значительному сокращению потребности в продукции угольной промышленности. Как результат, разработанная в 1994 г., Энергетическая стратегия России отводила углю ещё меньшую роль[2].

Таким образом, в течение трёх лет реформирование угольной промышленности проводилось без какой-либо опоры на федеральную или региональную программы. На практике это привело к тому, что в одинаковых экономических условиях оказались как перспективные, так и депрессивные предприятия, которым не оказывалась какая-либо заметная помощь. Вместе с предприятиями в условиях «естественного отбора» оказались и горняки. Трудящиеся отрасли, а также их профсоюзы к разработке программы реструктуризации привлекались «не всегда»[3]. Это изначально имело негативные последствия в восприятии рыночных преобразований со стороны рабочих шахт и разрезов. Нарушалась обратная связь между ними и Кабинетом министров РФ. Создавались условия для коррупции, воровства и местничества. Постепенно в сознании рабочих вопрос реформирования отрасли трансформировался из экономической плоскости в политическую.

Между тем недовольство горняков воспринималось как объективное следствие издержек переходного периода, поэтому особенной реакции на рост акций протеста в углепромышленных территориях не следовало. Отдельные меры, предпринятые Кабинетом министров РФ, например, создание в 1993 г. Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (МВК), имели формальный характер. В условиях

---

[1] Гордон Л.А. Крутой пласт ... С. 53.

[2] Грицко Г.И., Кочетков В.Н., Лазаренко С.Н. Угольная промышленность: состояние и перспективы развития // Уголь. 1999. № 4. С. 21.

[3] Постановление Совета представителей Независимого профсоюза горняков России: «О позиции НПГ России по проблемам реструктуризации угольной отрасли России» (21 – 22 июня 1997 г., г. Подольск) // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

отсутствия достаточных финансово-материальных средств и полномочий деятельность МВК изначально была сведена к роли органа, действующего в чрезвычайных обстоятельствах.

К моменту начала реструктуризации угольной отрасли бюджетный кризис в стране достиг наибольшей остроты. С целью привлечения дополнительных ресурсов для финансирования реструктуризации угольной отрасли Правительство РФ обратилось за помощью к МБРР. Данная просьба была удовлетворена. Однако МБРР выдвинул ряд условий, на которые Правительство РФ было вынуждено согласиться. В числе прочих они предусматривали закрытие убыточных шахт и увольнение примерно половины занятых в угольной промышленности России (среди них 250 тыс. горняков). Для того чтобы ослабить социальные последствия процесса реструктуризации, МБРР предложил кредит свыше 500 млн. долл. США, с помощью которого, прежде всего, должны были финансироваться переквалификация рабочих и создание новых рабочих мест. Ввиду безвыходного финансового положения, Россия приняла это предложение в 1995 г., а получила обещанный кредит только в 1996 г.[1]

Таким образом, объявленная в 1994 г., реструктуризация угольной промышленности России не имела национально ориентированной программы действий и даже минимально достаточного для этого финансирования.

Программа реструктуризации угольной промышленности России осуществлялась без какой-либо опоры на научную мысль, представляла поочерёдную реализацию запоздалых нормативно-правовых актов (в основном Указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ). Неоднократные изменения направлений реструктуризации (вплоть до 1997 г.)[2], в сущности, не меняли тяжёлое положение, сложившееся в угольной промышленности. Так и не был выработан новый, антикризисный подход в процессе реструктуризации

---

[1] Harte S., Grävingholt J., Pleiners H., Schröder H-H. Geschäfte mit der Macht ... S. 213.
[2] Золотых С.С. Кемеровская область – вчера, сегодня, завтра // Уголь. 2005. № 3. С. 14.

отрасли, хотя отечественные специалисты неоднократно поднимали этот вопрос, в том числе и в средствах массовой информации[1].

Игнорирование научного обеспечения производства привело не только к стратегическим промахам в области реформирования угольной промышленности, но и к фундаментальным перекосам в содержании отраслевой экономической науки. Многие проектные организации и научно-исследовательские институты, где опытные сотрудники готовили лучшие проекты строительства и развития угольных предприятий с точными расчетами содержания метана в пластах, согласно требованиям МБРР, были вынуждены переквалифицироваться и превратиться в «ликвидаторов»[2]. Началось безудержное акционирование и последующая продажа акций отраслевых научных учреждений в руки коммерсантов[3].

Сами шахтёры и их профсоюзы неоднократно высказывали обеспокоенность потерей связи угольной отрасли с наукой[4], но их голос так и не был услышан. На этом фоне вполне закономерно выглядит то, что некоторые положительные факты реструктуризации (например, консервация кузбасской шахты им. Вахрушева) не стали ориентиром для чиновников. В то же время имелось немало парадоксальных случаев бюрократического произвола, которые показывали отсутствие рациональных действий при ликвидации «неперспективных» шахт[5].

Процесс реструктуризации сдерживался негативной макроэкономической ситуацией, а также отсутствием необходимых рыночных институтов и инфраструктуры. Отсутствовала законодательная база, позволявшая вести приватизацию с учётом региональных особенностей и соблюдением при этом

---

[1] Лобанова М. Реструктуризация: возможен другой путь? // Кузбасс. 1997. 20 августа.

[2] На рельсы вышли не напрасно [Электронный ресурс]. URL: http://delkuz.ru/content/view/6842/ (дата обращения: 15.01.2011 г.).

[3] Грицко Г.И., Кочетков В.Н., Лазаренко С.Н. Указ. соч. С. 24.

[4] Протокол Пленума Прокопьевской территориальной профсоюзной организации (5 апреля 1995 г.) // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 325. Л. 5.

[5] Бизюков П. Реструктуризация закончена. А была ли она? // Кузбасс. 2002. 12 марта.

паритета интересов территории и России[1]. Отрасль оказалась сильно подвержена рискам неэффективной ценовой политики, монопольному влиянию «Росугля», политическому и региональному лоббированию[2] и т.д.

В первые годы реструктуризации немногие частные отечественные и зарубежные бизнесмены отважились стать хозяевами угледобывающих предприятий. Ещё меньше из них показали свою жизнеспособность, причём фактически во всех углепромышленных территориях. Имелись случаи сознательного банкротства новыми хозяевами угольных предприятий (шахты: «Обуховская» в Ростовской области, «Кузнецкая» в Кузбассе, «Воргашорская» в Воркуте)[3].

В условиях несформированной правовой базы акционерной собственности руководители угольных предприятий фактически приватизировали государственное имущество. Это, безусловно, подрывало веру горняков в частную собственность, негативно отражалось на темпах приватизации угольных предприятий и адаптации трудовых коллективов к работе в послеприватизационный период[4]. Неоднозначным, а где-то и неприемлемым, было отношение к приватизации со стороны таких важных игроков на шахтёрском поле, как угольные компании и руководители регионов.

Важно отметить, что аналогичные проблемы в ходе приватизации переживали другие отрасли промышленности, в частности такие смежные с угольной, как металлургическая и химическая. Одним из негативных результатов такой ситуации являлось отсутствие крепких хозяйственных связей данных отраслей между собой. Попытки ускорения темпов приватизации через образование финансово-промышленных групп пробуксовывали.

---

[1] Краткая информация по вопросам угольной промышленности на территории Красноярского края, 13.09.1993 г. // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1241. Л. 1.

[2] Протокол VI конференции Интинской ассоциации профсоюзных организаций работников угольной промышленности от 5 февраля 1996 года // НАРК. Ф.Р-1726. Оп. 1. Д. 893. Л. 4.

[3] Жигунов Л.Э. Указ. соч. С. 178.

[4] Постановление коллегии Государственного комитета РФ по промышленной политике «О процессе приватизации в промышленном комплексе и проекте государственной программы приватизации», 7 декабря 1993 г. // ГАРФ. Ф.Р-10066. Оп. 1. Д. 5. Л. 164.

Между тем, по данным Минтопэнерго РФ, экономическую неэффективность показывали именно те предприятия, которые были переданы в руки трудовых коллективов. Они и стали движущей силой шахтёрских протестов[1]. Только в конце 1997 г. на высшем государственном уровне было принято важное решение о прямой конкурсной продаже угольных предприятий. Однако к тому времени долги государства и потребителей угля (большая часть которых имела государственную принадлежность) выросли до гигантских размеров. В итоге продолжилось сокращение государственного финансирования жизненно важных для отрасли социально-экономических программ[2].

За 1996–1997 гг. отрасль получила 16,6 млрд. деноминированных рублей – около 20% всех дотаций, направленных на поддержку промышленности. Но они не улучшили положение на шахтах[3]. При этом идея приватизации угледобывающих предприятий серьёзно деформировалась в сознании шахтёров. В середине 1990-х гг. часть из них уже выступала за национализацию угольной промышленности, что дополнительно провоцировало социальную конфронтацию.

В первой половине 1998 г. Правительству РФ так и не удалось преодолеть медленные темпы реформ в угольной промышленности. Хотя определённые предпосылки для этого появились в предыдущем году: прекратила свою деятельность госкомпания «Росуголь», которая противостояла взглядам министров на идеологию реформ и считалась не аудитопригодной; произошли положительные сдвиги на макроэкономическом уровне, в том числе промышленном секторе; снизилась инфляция; резко возросла доля частных компаний в добыче российского угля, что позволяло повысить конкуренцию на угольном рынке и снизить уровень бюджетных дотаций; были закрыты наиболее депрессивные шахты, которые требовали высоких расходов государства на

---

[1] Водолазов А. Угольный шантаж. Шахтеры как зеркало русского лоббизма // Новое время. 1998. № 21 (31 мая). С. 9.

[2] Соловенко И.С. К вопросу о реструктуризации угольной промышленности Кузбасса // Инновационные технологии и экономика в машиностроении. Т. 2. Томск, 2012. С. 52.

[3] Игорь Кожуховский: «Государство должно выполнять обещанное, а шахтерские требования и действия должны вписываться в рамки закона» // Человек и труд. 1998. № 8. С. 5.

поддержание производственной деятельности и др. В том году дополнительно сдерживающими реформы факторами стали – влияние мирового экономического кризиса и правительственные кризисы. В итоге заниматься угольной промышленностью было некому и не на что.

Главным провалом угольной политики Правительства РФ в 1998 г. стала невозможность поддержки высоких темпов приватизации шахт и разрезов, которые проявились в предыдущем году (рисунок 2). К тому времени практика хозяйственной деятельности угледобывающих предприятий показала, что все опробованные меры господдержки, бюджетные вливания (госзаказ, госинвестиции, защитные пошлины, налоговые послабления, и др.) не решали системных проблем. Их экономический и социально-политический эффект имел краткосрочный и фрагментарный характер.

С большим трудом формировались рыночные институты и необходимая инфраструктура для эффективной добычи и реализации угля. Так, например, у российских угледобытчиков не было угольного терминала в акватории Балтийского моря, столь необходимого для продажи продукции на европейском рынке[1]. Сокращение рынка угля, его слабая экономическая эффективность, а также отставание правовой базы по банкротству и приватизации предприятий обусловили малую привлекательность угольной отрасли для инвесторов, лишив шахты и разрезы дополнительных средств на развитие[2].

Абсолютное большинство предприятий угольной промышленности России не могли выйти на уровень рентабельной работы и конкурировать с зарубежными поставщиками угля[3], поэтому сохраняли существенную зависимость от государственных и зарубежных источников поддержки. Продолжалось распространение коррупции, «теневой экономики», использование грабительских приёмов посреднических структур и т.д. В итоге продолжилось и падение

---

[1] День шахтера ... С. 72.

[2] Яновский А.Б., Скрыль А.И. Реструктуризация угольной промышленности России ... С. 18.

[3] Протокол схода жителей посёлка Углекаменск (03.03.98 г.) // Архив Партизанского городского округа. Ф. 35. Оп. 1. Д. 357. Л. 13.

угледобычи в стране (рисунок 1). При этом наибольший спад угледобычи наблюдался в Ростовской области и Республике Коми[1], что, несомненно, оказывало влияние на умонастроения работников угольной промышленности данных регионов.

Отсутствие реальных реформ проецировало решение отраслевых проблем в плоскость противостояния шахтёров с Кремлём. Резкий всплеск протестного движения шахтёров в мае–июле вынудил российское Правительство «перебросить» часть денег, предназначенных для реструктуризации отрасли, на выплаты задолженности по зарплате. Соответственно реформирование угольной промышленности России ещё более затягивалось.

Таким образом, весной 1998 г. во взаимоотношениях между федеральным Правительством и шахтёрами создалась патовая ситуация. С одной стороны, отсутствие реальных и быстрых реформ в угольной промышленности вызвало небывалый всплеск протестного движения шахтёров. С другой – мощное сопротивление рабочих ещё сильнее подрывало возможности отечественных шахт и разрезов, прежде всего, на мировом рынке угля.

В конце рассматриваемого периода на рентабельный уровень производственной деятельности не смогла выйти даже шахтёрская отрасль Кузбасса[2], которая с 1998 г. показывала ежегодный прирост объёмов добычи угля.

Таким образом, в основе медленных темпов реформирования угольной промышленности имелись как объективные, так и субъективные факторы. Президент Б. Ельцин оказался заложником прежних союзнических отношений с шахтёрами, что не позволяло выбрать наиболее экономически выверенный путь преобразований в одной из крупнейших отраслей народного хозяйства. Это привело к хаотичности многих социально-экономических процессов, которые снизили уровень жизни горняков. Важные решения по угольной отрасли принимались в кризисные моменты, когда рабочие уже выдвигали радикальные

---

[1] Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.2/ Госкомстат России. М., 2001. С. 399.
[2] Урбан О.А. Указ.соч. С. 32.

экономические и политические требования. Это подрывало веру горняков и их профсоюзов в успех проводимой Правительством РФ угольной политики.

Одним из ключевых факторов, сдерживавших темпы реформ в угольной промышленности России, являлся *дефицит финансовых ресурсов.* С каждым годом финансовые возможности государства истощались, а серьёзной помощи со стороны международных экономических организаций и частных инвесторов не наблюдалось. Большие надежды связывались с налом реструктуризации угольной промышленности, что обещало существенное сокращение госдотаций. Однако ситуация только ухудшалась.

В первый год реструктуризации на реализацию её целей уходили только 1,5% средств господдержки (рисунок 3). Через два года почти все бюджетные деньги уходили на зарплату[1]. Угледобывающие предприятия простаивали «из-за отсутствия леса, запасных частей, металла, вскрышных материалов»[2], то есть элементарных и первоочередных ресурсов.

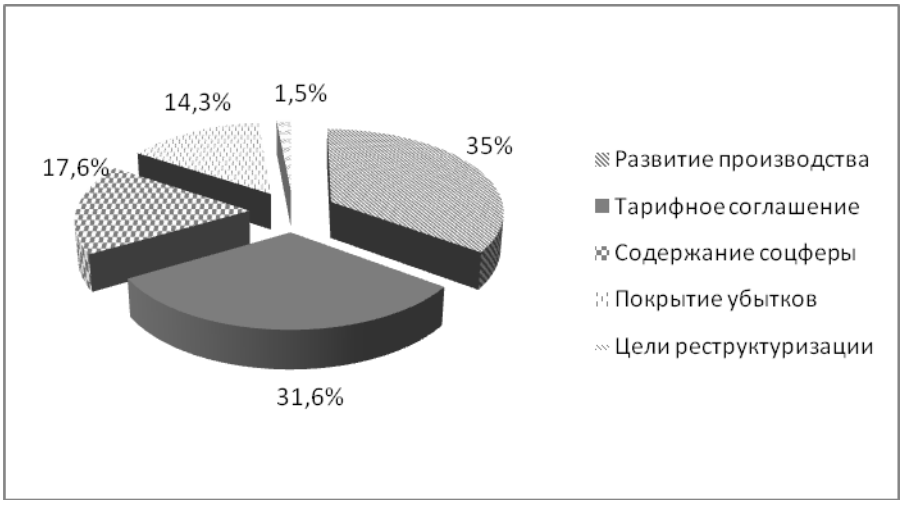

Рисунок 3 – Структура использования средств господдержки предприятиями угольной промышленности России в 1994 г.[3]

[1] Угольная промышленность: неплатежи растут, но реструктуризация отрасли продолжается // Человек и труд. 1996. № 5. С. 66.

[2] Стенографический отчёт II отчётно-выборной конференции Федерации профсоюзов Приморского края от 29 ноября 1995 г. // ГАПК. Ф.Р-1186. Оп. 3. Д. 396. Л. 52.

[3] Текущий архив АО «Росинформуголь».

Медленно в угольную промышленность России шли иностранные инвестиции. Несмотря на высокую оценку со стороны зарубежных предпринимателей отдельным месторождениям угля, в условиях политической и экономической нестабильности в России средствами рисковать они не хотели[1]. В такой ситуации Правительству РФ ничего не оставалось, как свести реформирование шахтёрской отрасли к «поддержанию перспективных и ликвидации убыточных предприятий и производств»[2]. Данную позицию поддерживал и Президент РФ[3]. Министерство экономики РФ посчитало перспективными в основном те, которые занимались открытой угледобычей. В то же время развитие инфраструктуры предприятий, возможности роста их технико-экономических показателей для этого министерства оставались в тени[4].

В течение первого этапа реструктуризации (1994–1997 гг.) в стране была прекращена добыча угля на 95 нерентабельных и с опасными условиями труда шахтах и одном разрезе[5]. С каждым годом количество закрываемых предприятий увеличивалось, так как из года в год росли убытки предприятий и компаний[6].

Данный процесс являлся очень болезненным, так как до октября 1996 г. отсутствовали основные принципы ликвидации неперспективных и особо убыточных шахт и разрезов угольной промышленности России: согласование с профсоюзами, определение источников финансирования из федерального бюджета, государственная программа занятости высвобождаемых работников и

---

[1] Протокол II Пленума Прокопьевской территориальной организации Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности (21 марта 1996 г.) // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 329. Л. 6.

[2] О прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на II квартал 1995 года и на 1995–1997 годы по отраслям топливной промышленности, 20.03.1995 г. // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1578. Л. 68.

[3] Указ Президента Российской Федерации № 168 «О мерах по дальнейшему совершенствованию структуры угольной промышленности» (9 февраля 1996 г.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/8868 (дата обращения: 21.04.2016 г.).

[44] Протокол № 12 Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов, 21 октября 1995 года, г. Кемерово // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1965. Л. 103.

[5] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... 246.

[6] Отчёт о прибылях и убытках ОАО «Ростовуголь» за 1997 г. // Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области (ЦХАД в г. Шахты Ростовской области). Ф.Р-1045. Оп. 4. Д. 194. Л. 52.

т.д.[1] Наиболее высокими темпами тогда закрывались предприятия в Российском Донбассе (15 из 29[2]), где были исчерпаны резервы экстенсивного развития, и имелась высокая стоимость добычи угля. Также в Кузбассе (40 из 97[3]), где многие шахты эксплуатировались давно. При этом даже разговоры о закрытии предприятия среди рабочих порождали пессимизм, снижение производительности труда и т.п.

По мнению некоторых авторитетных экспертов, закрывались не только неэффективные предприятия, но и жизнеспособные, которые ещё могли добывать уголь. Причём делалось это российскими специалистами умышленно[4]. Однако сложно эту причину считать ключевой, так как с момента начала реальных мер по реструктуризации (1995 г.) темпы снижения угледобычи являлись не столь высокими, как в первые годы перехода к рыночным отношениям. Приоритетная поддержка Правительством РФ разрезов не позволила уменьшить объёмы добычи угля открытым способом. В то же время снижение господдержки шахтам привело к существенному падению угледобычи подземным способом (таблица 1).

Таблица 1 – Добыча угля в РФ по способам добычи (млн. т)[5]

Способы	Годы					
	1990	1995	1996	1997	1998	1999
Подземный	176	111	101	93	82	89
Открытый	219	152	156	152	150	161
Всего	395	263	257	245	232	250

[1] Заявление Совета представителей Независимого профсоюза горняков России, Москва, 3 ноября 1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5673. Л. 16; Протокол Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов «Основные принципы ликвидации неперспективных и особо убыточных шахт и разрезов угольной промышленности России», от 9 октября 1996 г. № 16 // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1966. Л. 61.

[2] Обращение к жителям Ростовской области от 29 августа 1998 г. // ЦДНИРО. Ф.Р-3703. Оп. 1. Д. 33. Л. 87.

[3] Новости, цифры, факты, комментарии. Кузбасс: хроника событий 1997–2007. Кемерово, 2007. С. 24.

[4] Бизюков П. Реструктуризация закончена. А была ли она? // Кузбасс. 2002. 12 марта.

[5] Российский статистический ежегодник. 2003: Стат.сб./Госкомстат России. М., 2003. С. 362.

Соответственно рабочие шахт оказались в более сложных финансово-экономических условиях. Их в большей мере затронули такие проблемы, как: снижение заработной платы и задержка её выплаты, сокращения штата, увольнения и др. Поэтому они были в числе инициаторов и активных участников акций протеста, в том числе массовых и радикальных.

Угольщики неоднократно поднимали вопросы финансирования отрасли на уровне Президента и Правительства РФ, но ситуация только осложнялась. Несмотря на увеличение доли средств бюджетного финансирования угольной промышленности в ВВП страны (рисунок 4), количественные объёмы (за исключением 1996 г.) сокращались (рисунок 5).

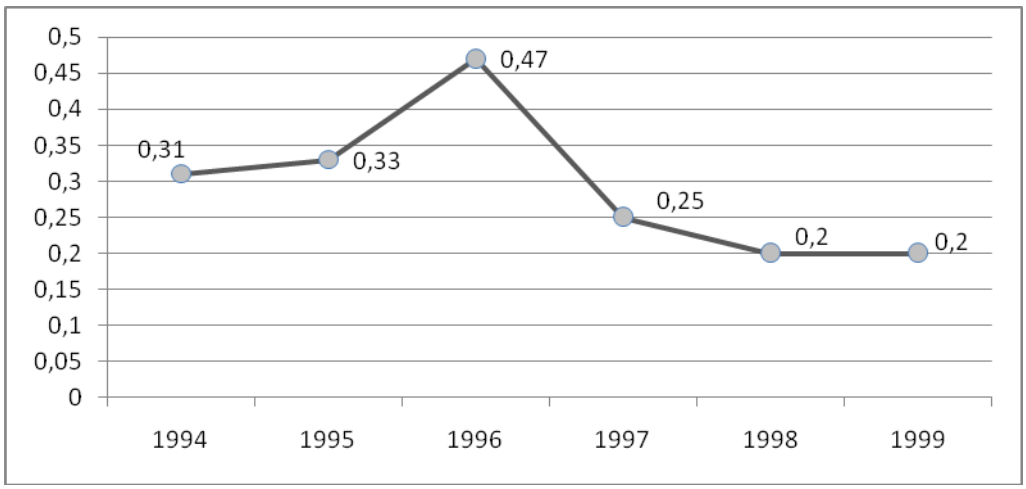

Рисунок 4 – Доля средств бюджетного финансирования угольной промышленности в ВВП России (1994–1999 гг.), %[1]

В 1997 г. уменьшилась и поддержка МБРР (рисунок 5), несмотря на все усилия Правительства РФ[2].

[1] Текущий архив АО «Росинформуголь».

[2] Письмо председателя Правительства РФ В. Черномырдина Президенту Международного банка реконструкции и развития г-ну Джеймсу Вулфенсону, 22 мая 1996 г. // Личный архив А.А. Рожкова.

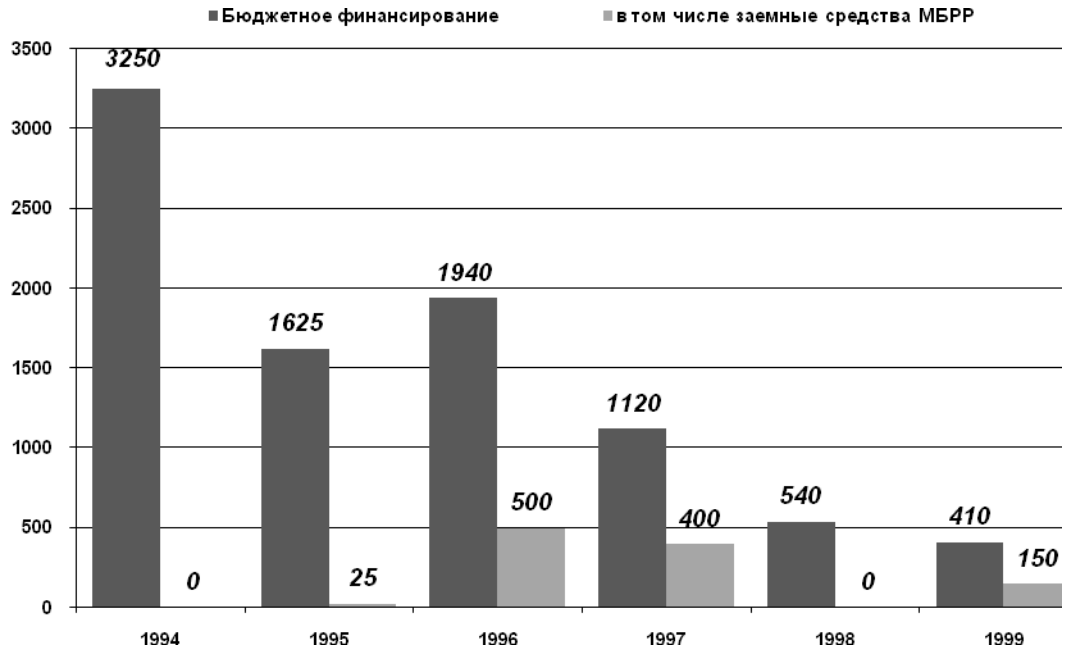

Рисунок 5 – Заемные средства МБРР в объемах бюджетного финансирования мероприятий по реструктуризации угольной промышленности России в 1994–1999 гг., млн. долл. США[1]

Таким образом, наиболее чувствительное падение финансовой поддержки угольной промышленности произошло в 1995 г., затем в 1997–1998 гг. По мнению профсоюзных лидеров, при данном уровне финансовой поддержки даже такие крупные компании, как например «Ростовуголь», существовать не могли[2].

Довольно убедительно на это указывают и показатели удельного объёма средств государственной поддержки угольной отрасли на 1 руб. товарной продукции (рисунок 6).

[1] Текущий архив АО «Росинформуголь».

[2] Протокол V Пленума Ростовского территориального комитета Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 17.11.1997 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 41. Л. 5.

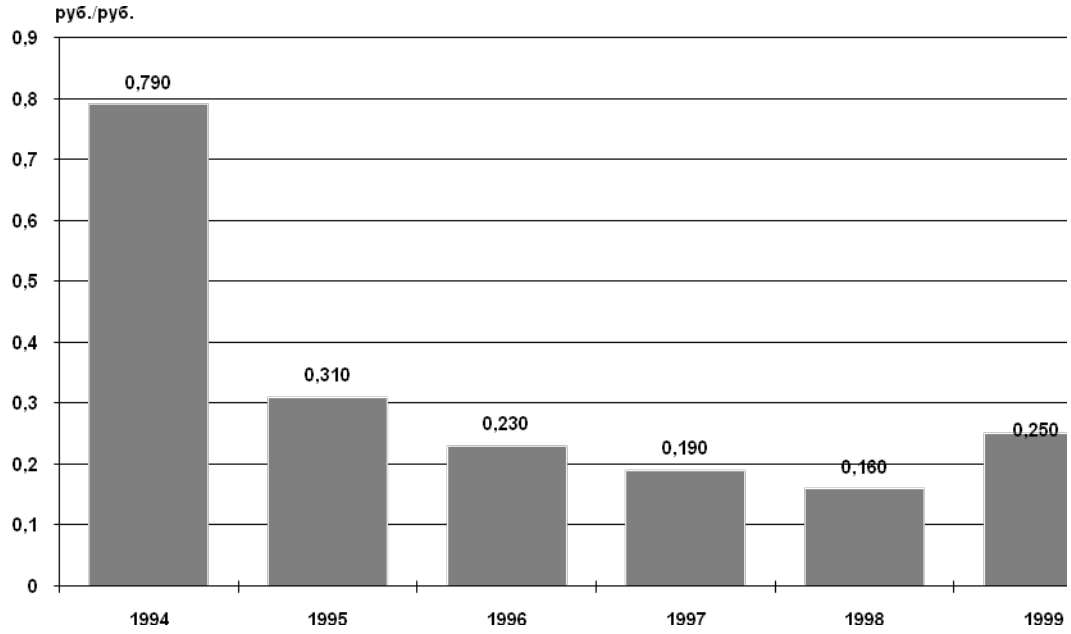

Рисунок 6 – Удельный объём средств государственной поддержки угольной отрасли на 1 руб. товарной продукции в 1994–1999 гг. (в текущих ценах)[1]

Таким образом, угольщики поневоле становились самостоятельными. Следствием нехватки денег и задержек зарплаты стало снижение материальных стимулов к труду.

Материальное положение угольных предприятий отягощали социальная сфера и убыточные подсобные хозяйства. Если нерентабельные подсобные хозяйства были ликвидированы быстро, то процесс передачи объектов социально-культурной сферы в собственность муниципалитетов приобрёл затяжной характер, так как финансовые возможности последних также были ограничены. Бюджеты шахтёрских городов и посёлков во многом формировались за счёт налоговых поступлений с предприятий угольной промышленности, которые лишились прежних финансовых возможностей и, соответственно, сокращали свои бюджетные отчисления. В итоге большинство объектов социально-культурной

[1] Текущий архив АО «Росинформуголь».

сферы оказались заброшены, что негативно отразилось на процессе подготовки и переподготовки квалифицированных рабочих.

При этом большая часть шахтёрских предприятий по-прежнему принадлежала государству. Оно как работодатель в лице Минтопэнерго участвовало в подписании тарифного соглашения. В условиях спада производства и ухудшения конъюнктуры мирового рынка энергоресурсов Правительству РФ негде было взять деньги для горняков. Отсутствие у государства каких-либо финансово-экономических возможностей поддержать шахтёрскую отрасль вынудило Президента РФ отменить весной 1998 г. Указ № 777[1], предполагавший дополнительную помощь угледобытчикам Республики Коми[2]. В итоге процент финансирования региона от запланированного перешёл в число рекордных – менее 0,1% (0,4 млн. руб.). Если учесть, что эта сумма являлась задолженностью за 1997 г.[3], то можно утверждать об отсутствии какого-либо финансирования предприятий Печорского угольного бассейна со стороны государства вообще.

При этом наибольшие потери понесли угледобывающие предприятия г. Инты[4], которые добывали энергетический уголь, не обладавший высокой конкурентоспособностью. Это не совсем соответствует выводам А. Кацвы, который в 2002 г. утверждал, что к маю 1998 г. угольщики были в целом профинансированы, а финансовые проблемы возникли из-за неэффективных трат[5]. Действительно угольщики получили деньги, но их объёмы явно не соответствовали необходимому уровню, тем более министерским обещаниям на съезде горняков.

---

[1] 12 мая: шахтеры взяли в плен своего генерального директора // Заполярье. 1998. 15 мая.

[2] Указ Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах по снятию социальной напряжённости в Печорском угольном бассейне», Москва, Кремль, 25 мая 1996 г., № 777 // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 6708. Л. 46–47.

[3] Давыдов В. Виктор Экгардт: «Основной целью 1999 года у угольщиков должен быть переход в устойчивый режим безубыточной работы» // Заполярье. 1998. 26 декабря.

[4] Кузнецов Н. Программы местного развития. Шахтерам – шахтерово // Наша газета. 1999. 5 июня. С. 1; Прудников В. В. Шахтин: «Будущее можно только заработать…» // Искра. 1998. 28 января; Прокуратура республики Коми анализирует причины кризиса в угольной отрасли // Искра. 1998. 2 июля.

[5] Кацва А.М. Массовый протест ... М.; СПб., 2002. С. 103.

В то время остро стоял вопрос о сохранении отрасли как таковой, а не о её реструктуризации. Почти половина средств господдержки шла на закрытие предприятий, оставшиеся деньги (по убыванию) направлялись на покрытие убытков, тарифное соглашение и социальную сферу[1]. Денег на реализацию важных мероприятий, направленных на увеличение количественных и качественных показателей угольной промышленности, фактически не оставалось. Почти полностью был блокирован процесс введения в эксплуатацию шахт и разрезов в положенные сроки[2]. Правительство РФ ожидало любой выгодный случай для закрытия конкретного предприятия, который вызывал сомнения в его перспективности. Так, например, 18 января 1998 г. произошла крупная авария на шахте «Центральная» (Печорский угольный бассейн), которая привела к человеческим жертвам. В итоге шахта мощностью 800 тыс. т в год была закрыта[3]. Форсированными темпами во втором квартале того года шло закрытие шахт в Приморском крае, где, доказано, имелись многомиллиардные запасы угля[4].

Серьёзной причиной дефицита финансовых ресурсов в угольной отрасли стало неэффективное использование бюджетных средств. Нормальная система финансирования структурной перестройки угольной отрасли так и не была создана. Первое решение Правительства РФ, которое определяло порядок финансирования проблем угольных территорий через муниципалитеты, а не через «Росуголь» и его представительства на местах, было принято только в конце 1997 г. В течение следующего года новая система только отрабатывалась.

Неэффективный характер использования шахтёрских денег проявлялся в двух основных формах: нецелевое использование и коррупция. Преобладало нецелевое использование бюджетных средств, которое в основном выражалось в

---

[1] Анализ финансового состояния (устойчивость) АО «УК “Кузнецкуголь”» на 01.01.1998 г. (промышленность) // ГАКО. Ф. Р-1149. Оп. 1. Д. 1740. Л. 64.

[2] Письмо начальника отдела В.М. Юдина Иванову Е.А., Федченко А.Е., Шамраеву Н.Г. // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 636. Л. 104.

[3] Экгардт В.И., Рыбкин В.К., Смирнов М.И. Печорский угольный бассейн – проблемы и перспективы // Уголь. 1999. № 8. С. 54.

[4] Буткин Н.А. Нужна ли Приморью своя угольная промышленность? // На-гора! 1995. № 19–20, май. С. 3.

превышении должностных полномочий отдельными директорами и их заместителями. Так как реструктуризация угольной отрасли имела федеральное финансирование, сформировалась благоприятная база слияния интересов менеджеров угольных компаний и государственных чиновников. Данная модель взаимодействия власти и бизнеса на фоне ослабленного государственного контроля, несформированной правовой базы, господства спекулятивных операций в деятельности руководства предприятий являлась ведущим фактором социальных издержек реформ[1].

Критикуя в 1995 г. деятельность «Приморскугля», губернатор Е. Наздратенко отмечал «целую систему нецелевого использования бюджетных средств» в этом акционерном обществе. С его слов, данная компания являлась соучредителем целого ряда коммерческих банков, которые никак не способствовали повышению эффективности угледобывающих предприятий[2]. Нецелевое использование средств имело место и в деятельности руководства головной компании – «Росугля»[3].

Выделенные деньги порой шли не на запланированные цели (модернизация оборудования, закрытие нерентабельной шахты и т.д.), а на погашение заработной платы работникам предприятия, приобретение дорогих автомобилей, увеличение окладов управленцам, оплату заграничных командировочных расходов, незапланированную оплату труда, приобретение квартир, постройку иногороднего жилья, благотворительные цели, оказание безвозмездной помощи, выплату премий профкому, погашение убытков от продажи векселей и др.[4] В 1998 г. особые злоупотребления в финансовой политике руководства были

---

[1] Урбан О.А. Указ.соч. С. 30.

[2] Евгений Наздратенко – губернатор Приморского края: Кому выгодно, чтобы шахтеры не получали зарплату? // Владивостокское время (Владивосток). 1995. 28 сентября. С. 1.

[3] Удостоверение на право проведения проверки, 8 ноября 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10251. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.

[4] Приказ генерального директора ОАО «Интауголь» № 74 от 14 мая 1998 г. «О результатах комплексной документальной проверки финансово-хозяйственной деятельности и целевого использования средств господдержки по ОАО “Шахта Интинская”» // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2588. Л. 129; Письмо заместителя министра финансов РФ А.А. Астахова Председателю Счетной палаты РФ Кармакову Х.М., 29.12.95 // ГАРФ. Ф. 10251. Оп. 1. Д. 146. Л. 81.

отмечены в компании «Интауголь», ЗАО «Малые разрезы» (Приморский край), объединении «Тулауголь»[1].

Большой урон финансовым возможностям шахтёрских предприятий наносила коррупция, которая только усиливалась. В 1998 г., характеризуя ситуацию в угледобывающей промышленности, отдельные эксперты отмечали, что «даже при минимальном государственном дотировании она могла бы выбраться из ямы собственными силами, если бы не коррупция, охватившая руководство угольных объединений и шахт»[2]. Механизмы увода денег из отрасли были отработаны до мелочей: ценовые манипуляции, невозврат выручки из заграничных банков, неоплата уже отгруженного угля, продажа через своего посредника и др.

Наиболее распространённой являлась следующая коррупционная схема. Руководители угледобывающих предприятий при совершении внешнеэкономических операций широко использовали фиктивные контракты. Для этого они включали в контракты подставные фирмы, в том числе и из оффшорных зон. Все расчёты велись через третьих лиц, а выручка шла на лицевые счета в зарубежные банки. Нередко продукция в нарушение действующего законодательства реализовывалась и за наличные деньги. В кассах предприятий она, разумеется, не приходовалась. Таким образом, создавалась искусственная дебиторская задолженность, которую и списывали на убытки. По заниженным ценам и в первоочередном порядке, несмотря на большую дебиторскую задолженность, продукцию отгружали исключительно подведомственным предприятиям и «проверенным» коммерческим партнёрам. За, естественно, определённое «вознаграждение» заинтересованным лицам[3].

Центральное место в коррупционной деятельности шахтёрского начальства занимали посреднические структуры, благодаря которым часто отмывались

---

[1] Бабаева С. «Генералы» угля живут отлично // Известия. 1998. 3 июля. С. 2.
[2] Бальбуров Д. Куда уходят деньги // Московские новости. 1998. № 4 (1–8 февраля). С. 13.
[3] Лень П.М. Указ. соч. С. 184.

бюджетные деньги. В 1998 г. в Кемеровской области их имелось 400, Ростовской области – 203, Республике Коми – 33, Приморском крае – 47, Тульской области – 8[1]. Большинство договоров с потребителями заключались через посредников, которые находились за пределами углепромышленных территорий. В Республике Коми, например, это составляло 80% от общего объёма[2].

Отсутствие чёткого механизма регулирования деятельности посреднических фирм, позволяло им игнорировать свои финансовые обязательства перед угольными компаниями. В рассматриваемое время основными должниками являлись не только потребители, но и посреднические структуры. Вокруг каждого предприятия угольной отрасли сформировалось большое число посреднических структур. 80% всех сделок угольщики заключали через посреднические компании[3]. В Кузбассе за посредниками числился долг в 26 млн. руб., в Российском Донбассе – 500 млн. руб. Невозврат валютной выручки из-за рубежа составлял по Кемеровской области более 320 млн. долл. США, Республике Коми – 51 млн. долл. США, Приморскому краю – 38 млн. долл. США, Ростовской области – 22 млн. долл. США[4].

Угольная промышленность являлась слабо проверяемой, поэтому оказалась в центре внимания преступников. Добычу, переработку и реализацию угля во многом контролировала организованная преступность. Наиболее масштабно угольная отрасль подверглась криминализации в Кузбассе. Здесь, по данным оперативников, в 1998 г. около половины всего сбыта угля контролировали 14 преступных группировок. Криминальные лидеры оказывали реальное влияние на выбор экспортеров, формирование отпускных цен, распределение полученных средств и т.д. В результате выручка за уголь прокручивалась в коммерческих структурах, вносилась в виде уставного капитала в частные предприятия или

---

[1] Стенограмма совещания по итогам работы правительственной комиссии, г. Кемерово, 25 июля 1998 г. // ГАКО. Ф.Р.-1345. Оп. 1. Д. 399. Л. 33; Бабаева С. Указ. соч.

[2] Батищев В. Эмоции не должны довлеть над разумом // Красное знамя (Сыктывкар). 1998. 16 мая.

[3] Так где же зарыты шахтерские деньги? // Невское время (Санкт-Петербург). 1998. 21 мая.

[4] Литвинов Ю., Петрович С. Вице-премьер включил «зелёный» // Молот (Ростовская область). 1998. 26 мая; Галкин А. Долгое эхо «рельсовой войны» // Финансовая Россия (Москва). 1998. 17 сентября. С. 1, 6.

просто расхищалась. Руководители шахт и разрезов боялись заключать прямые договоры, так как это угрожало их жизни. Правоохранительные органы не могли обеспечить им безопасность от постоянных посягательств членов организованной преступности. Количество убийств и покушений на убийства первых лиц угольных предприятий продолжало увеличиваться[1].

Многие факты указывают и на тесную связь отдельных руководителей шахт и разрезов с представителями криминальных структур, построенную на общих коммерческих интересах и обыкновенном разворовывании бюджетных средств[2]. Наиболее изворотливые руководители не только «прокручивали» деньги, но и умышленно банкротили предприятия. В этом им помогали несовершенство законодательной базы и слабая реакция прокуратуры. Попытки отдельных работников предприятий и организаций обратить внимание на злоупотребления руководителей часто для них заканчивались увольнениями[3]. Правительство РФ знало об этом[4], но недостаточно активно участвовало в исправлении ситуации.

Таким образом, «экономическая свобода» во многом стала средством личного обогащения большинства руководителей, а не инструментом повышения эффективности хозяйственной деятельности шахт и разрезов. Такое «реформирование» подогревало недовольство горняков политикой реструктуризации и порождало идею возвращения угольной отрасли под полный контроль государства.

Жёсткая бюджетная политика имела не только внутренние, но и внешние факторы воздействия. Среди них выделяется позиция международных финансовых институтов, которые требовали снижения государственной поддержки в отношении угольной отрасли России. Погашение долгов по зарплате шахтёров влекло нарушение условий угольных займов по распределению средств

---

[1] Овчинников В. Собирание земель. В АО «Интауголь» за три года сменилось три генерала. Почему? // Трибуна. 1998. 18 декабря. С. 3; Соловенко И.С. Протестное движение шахтёров Кузбасса ... С. 29; Мельников А. На кого работают шахтеры? // Искра. 1998. 21 мая.

[2] См. например: Мельников А. «Куда смотрит прокуратура?» // Искра. 1998. 7 июля.

[3] Воропаев Т. «Рельсовые войны» глазами регрессника // Кузнецкий край. 1998. 4 июня.

[4] Что сказал нам Я. Уринсон // Заполярье. 1998. 26 мая.

государственной поддержки, то есть тех условий, с которыми главный исполнительный орган согласился в конце 1997 г.[1] Решив одну проблему, он столкнулся с другой – конфликтом с международными финансово-экономическими организациями. В связи с нецелевыми тратами в первой половине 1998 г. шахты и разрезы России остались без какой-либо помощи со стороны международных финансово-экономических организаций (рисунок 5).

Шахтёрским предприятиям готовы были помочь региональная и местная власти. Однако ни экономических, ни политических возможностей они не имели. Недофинансирование угольной промышленности сопровождалось многократным сокращением государственной поддержки шахтёрским регионам[2]. Бюджеты фактически всех углепромышленных городов и посёлков имели дефицитный характер. В г. Партизанске он, например, составлял 38,5% от необходимого объёма[3].

В кризисные годы отчётливо проявились перекосы госбюджетной политики на региональном уровне. По мнению заместителя министра топлива и энергетики РФ И. Кожуховского, в 1998 г. бюджеты многих шахтёрских территорий были не сбалансированы, их дефицит составлял 40–50%. Это ограничивало финансовые возможности региональных бюджетов в реализации программы реструктуризации угледобывающей отрасли, поддержании социальной стабильности и, конечно же, сказывалось на увеличении задолженности по зарплате[4]. В то же время, по мнению Е. Гайдара, в открытом бюджете столицы имелось «в три раза больше средств, чем надо»[5]. Данный дисбаланс бюджетного финансирования ещё более обострял отношения между центром и регионами, ставил в тупик руководителей

---

[1] День шахтера ... С. 63.

[2] Тулеев А.Г. Кузбасс. Сибирь. Россия… Кемерово, 2002. С. 17.

[3] Бандюков В. Председателю Думы Приморского края Дуднику С.А. (16.06.98 г.) // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 34.

[4] Протокол № 7 правления АО «Интауголь» от 08 мая 1998 г. // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2591. Л. 26; Шадрин В. Гордиев узел шахтерских проблем // Искра. 1998. 31 октября.

[5] Гайдар Е.Т. Почему в Москве жить хорошо // Московские новости. 1998. № 7 (22 февраля – 1 марта). С. 17.

муниципальных образований, создавал негативный образ «Московии», порождал сепаратистские настроения.

Финансово-экономический кризис 1998 г. как никогда ранее ослабил другие сегменты народного хозяйства Российской Федерации, в числе которых оказались смежные с угольной промышленностью и, подчас, базовые отрасли экономики шахтёрских регионов: химическая промышленность, металлургия, энергетика, машиностроение и т.д.[1] Многие предприятия сворачивали производство либо вообще закрывались. Только в Кемеровской области в том году на 387 единиц уменьшилось количество промышленных предприятий[2], а число убыточных достигло 51% (по отдельным отраслям – 65–80%)[3]. Это снизило объёмы потребления угля, соответственно, и доходы угледобытчиков.

После финансового дефолта 17 августа 1998 г. массовый отток иностранных и отечественных капиталов из России усилился. Системный банковский и бюджетный кризис подорвали доверие к проводимой экономической политике, ухудшили инвестиционную привлекательность. Также дефолт осложнил расчёты предприятий по валютным кредитам (разница достигла четырёх раз). Ещё менее доступными стали новые кредиты, так как ставка рефинансирования в конце 1998 г. составляла 60%, что было выше на 32 пункта в сравнение с концом предыдущего года[4]. Материально-технические возможности предприятий подрывало удорожание импортной продукции.

В 1998 г. из 19 крупнейших угольных предприятий РФ только у трёх было достаточно средств для выполнения своих платёжных обязательств[5]. Там, где предприятиям удавалось достигнуть рентабельности, она была вызвана повышением цен и дефицитом угля. Коренные проблемы отрасли так и не были разрешены. В частности, не произошло ожидаемого кардинального обновления

---

[1] Игорь Кожуховский: «Государство должно выполнять обещанное, а шахтерские требования и действия должны вписываться в рамки закона» // Человек и труд. 1998. № 8. С. 5.

[2] Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.1/Госкомстат России. М., 2000. С. 430.

[3] Общественная палата Кемеровской области ... С. 73.

[4] Инвестиции в России: Стат.сб./ Госкомстат России. М., 2001. С. 14.

[5] Pleines H. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche ...

производственных фондов, внедрения инновационных технологий, без чего в долгосрочной перспективе невозможно было обеспечить конкурентоспособность отрасли[1].

Этим объясняется продолжение ликвидации «нерентабельных» шахт, в том числе и сверхплановая. Особенно пострадало в то время Приморье, где по решению федерального Правительства, в план на ликвидацию попало 60 шахт вместо 47, как предполагалось ранее[2]. Приморские шахтёры вынуждены были соглашаться на ликвидацию предприятий, так как не хотели «дальше работать на долги»[3].

Иной, наступательной реакцией на закрытие убыточных предприятий в 1998 г. была в Кузбассе. Его «столицей» стал г. Анжеро-Судженск, где в то время были закрыты три шахты из четырёх и одна из двух горно-обогатительных фабрик[4].

В результате хронического недофинансирования отрасли горное хозяйство страны разрушалось, шахтный фонд пришёл в неудовлетворительное состояние, а износ машин, оборудования и транспортных средств на многих угольных предприятиях достиг 80%[5]. Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций по добыче угля снизился с 86% в 1992 г. до 66% в 1998 г.[6] Тенденция снижения общих капитальных вложений в развитие добычи угля и его переработку сохранилась и в 1999 г. Даже в последний год рассматриваемого периода так и не была реализована одна из главных целей реструктуризации – сохранение и развитие перспективного шахтного фонда[7].

---

[1] Катальников В.Д., Кобяков А.А. Указ. соч. С. 206.

[2] Касецкий Ю. Последний праздник шахтеров в Артеме? На «Амурской» получают зарплату уже за октябрь. Правда, прошлого года… // Выбор (Артём). 1999. 27 августа.

[3] Бандюков В. Дополнение к информации о социально-экономическом положении в г. Партизанске // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 27.

[4] Поздняков Г.С. История города Анжеро-Судженска. Анжеро-Судженск, 2003. С. 167.

[5] Постановление президиума Ростовского теркома Росуглепрофсоюза // Знамя шахтера (Новошахтинск, Ростовская область). 1998. 21 мая.

[6] Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls. (дата обращения: 10.12.2016 г.).

[7] Богопольский И.Е., Климов С.Л., Проскуряков В.В. Указ. соч. С. 33; Краткие итоги работы угольной промышленности России за 1999 г. // Уголь. 2000. № 2. С. 50.

Финансово-экономические и производственные потери угледобывающих предприятий привели к негативным последствиям на энергетическом рынке страны. В начале 1999 г. доля угля в производстве энергоресурсов снизилась до самого низкого уровня – 11,8%, в потреблении – до 17,8%. По данным показателям Россия значительно уступала другим странам мира. Это нанесло удар по конкурентоспособности российского угля на внешнем и внутреннем рынках[1].

Таким образом, органы власти и управления не сумели решить проблему дефицита финансовых ресурсов угледобывающих предприятий цивилизованным путём. Это стало одной из ключевых причин выхода шахтёрского недовольства из правового русла.

Из субъективных причин медленных темпов реформирования угольной промышленности выделялась *неподготовленность управленческих кадров*. Руководители и инженерно-технические работники оказались не готовы к переходу на рыночные рельсы развития. Менеджмент шахт и разрезов в большей мере уповал на помощь центра, чем пытался найти решение проблем самостоятельно, как это было, например, в годы нэпа[2]. Подавляющее большинство из них умело добывать уголь, но, в силу отсутствия необходимых экономических знаний и конкретного опыта работы, слабо представляло особенности функционирования рыночного хозяйства. Похожие проблемы имелись в действиях менеджмента предприятий других отраслей. Однако руководители угледобывающих предприятий и компаний в силу значительной монополизации отрасли и медленности реформ показывали более высокую инертность.

Превращение государственных предприятий в акционерные общества при сохранении госдотаций привело к тому, что руководители предприятий оказались

---

[1] Постановление коллегии «Итоги работы предприятий нефтяной и угольной отрасли республики в первом полугодии и задачи на второе полугодие 1999 г.», от 15 июля 1999 года // НАРК. Ф.Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 (об.); Правительство – за угольную отрасль (Из выступления Председателя Правительства РФ Е.М. Примакова на съезде шахтеров 1 февраля 1999 г.) // Горняцкая солидарность. 1999. 29 января; Косвинцев А. Главную «занозу» угольщиков пока не вытащили // Кузнецкий край. 1999. 21 января.

[2] РГАСПИ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2.

по существу вне зоны контроля. По разным причинам государство оказалось не в состоянии управлять предприятиями, а среди директоров шахт было крайне мало квалифицированных организаторов, способных самостоятельно решать весь комплекс проблем «одиночного плавания» в новой экономической ситуации России. При таком положении дел действия директората целиком зависели от их моральных качеств и совершенно не сдерживались нормами законодательства, государственными и общественными механизмами. Для них стало нормой нецелевое использование средств, вседозволенность и игнорирование техники безопасности[1].

Правы те, которые утверждают, что сопротивление реформам со стороны рабочих являлось следствием слабой подготовленности управленцев в области практической психологии, конфликтологии и т.д. Грубость и некорректность были самыми ходовыми «приёмами» отечественной практики управления. Часто это становилось и причиной срыва переговоров с рабочими угольной промышленности[2].

Нельзя обойти стороной и специфические особенности негативных явлений в руководстве предприятиями. Сохранение традиционных методов управления имело прямую связь с монопрофильным характером населённых пунктов. В условиях отсутствия экономической конкуренции руководители шахт и разрезов не боялись потерять квалифицированную рабочую силу. Между тем эта позиция формировала среди молодёжи негативное восприятие будущего угольной промышленности.

По мнению руководителей профсоюзных теркомов, в большинстве угледобывающих предприятий России уже весной 1992 г. была развалена система

---

[1] Протокол оперативного совещания при генеральном директоре от 6 мая 1992 г. // НАРК. Ф.Р-1675. Оп. 1. Д. 6380. Л. 24; Доклад генерального директора объединения «Воркутауголь» Лобеса Ю.Р. на заседании совета директоров, 18.01.95 // НАРК. Ф.Р-1675. Оп. 1. Д. 6531. Л. 4; Катальников В.Д., Кобяков А.А. Указ. соч. С. 183; Как расходовались деньги 1-го «угольного» займа // На-гора! 1997. № 13–14, сентябрь. С. 8 и др.

[2] Бизюков П. Управленческие ошибки ... С. 134.

управления[1]. Вскоре примерно такой же позиции уже придерживались и специалисты Правительства РФ. Они отмечали, что руководство шахт и разрезов не проводило своевременных и эффективных мероприятий по улучшению технико-экономических показателей угольных предприятий, сопротивлялось приватизации и т.п., а весь негатив, как правило, ориентировало в сторону Правительства РФ. В итоге потеря управляемости шахт и разрезов продолжилась[2].

Отсутствие эффективного управления выразилось в снижении фактически всех показателей производственной деятельности, утрате стимулов к труду, распространении воровства и коррупции, падении трудовой дисциплины и т.д. В октябре 1993 г. гендиректор «Росугля» Ю. Малышев в своём приказе отмечал: «Самостоятельность предприятий угольной промышленности рядом руководителей шахт и разрезов воспринята превратно, в результате чего некоторые из них утратили чувство ответственности за порученное дело, снизили трудовую и исполнительскую дисциплину, требовательность к подчинённым, допускают нерациональное использование средств государственной поддержки, редко посещают горные работы, злоупотребляют служебным положением»[3].

На фоне ухудшения финансово-экономического положения шахт и разрезов парадоксальным выглядела разница в доходах между управленцами и рабочими. Если в «доперестроечные» времена разрыв в заработной плате директора шахты и рабочего основной профессии первого разряда был двукратным, то по данным 1995 г. он достиг уже десятикратного размера. Создание же и использование сети коммерческих фирм, выполнявших функции по сбыту угольной продукции и приобретению необходимых материалов, ещё больше увеличил разрыв в уровне

---

[1] Протокол конференции трудовых коллективов угольных предприятий г. Прокопьевска (02.04.1992 г.) // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 315. Л. 3.

[2] И.Х. Кивелиди (Председатель Совета по предпринимательству при Правительстве РФ), В.М. Ждамиров (Президент Российской фирмы «Уголь открытых работ»). Предложения по стабилизации в угольной отрасли (31.05.93г.) // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5672. Л. 9.

[3] Приказ «О повышении трудовой и исполнительной дисциплины руководителей» от 10.10.93 № 50, г. Москва // ГАПК. Ф.Р-498. Оп. 7. Д. 307. Л. 23.

жизни руководителей и рабочих. Деятельность менеджмента была направлена только на изменение и использование финансовых потоков. Зарплаты и премии от прибыли не были в основе материального благополучия руководителей, поэтому они не очень были заинтересованы в улучшении состояния предприятий и компаний[1].

Информация о высоких доходах управленцев доходила до рабочих. Это вызывало непонимание, которое перерастало в недоверие, а затем в обоюдную ненависть. Особенно остро горняки воспринимали слова – «не знаю, что делать», звучавшие из уст руководителей предприятий и компаний, когда дело касалось выплаты просроченной зарплаты[2]. Но самой невыносимой для рабочих была ситуация, когда руководители предприятий и компаний отказывались от прямого контакта с ними[3].

Главный исполнительный орган страны явно недооценил существование кадровой проблемы. Наиболее заметным шагом в решении данного вопроса стал Указ Президента РФ № 774 «О подготовке управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации», который появился только 23 июля 1997 г.[4], то есть был явно запоздалым. Неадекватной для такого индустриального региона как Кузбасс, где проживало три млн. человек, стала в 1998 г. квота по данной программе – 104 человека[5]. Кроме того, российские специалисты отмечают доминирование в программах обучения отечественных менеджеров иностранных образцов, отсутствие в них учёта достижений национальной управленческой науки и специфики переходного периода[6].

---

[1] Богопольский И.Е., Климов С.Л., Проскуряков В.В. Указ. соч. С. 32.

[2] Протокол заседания III пленума Ростовского теркома Росуглепрофсоюза, г. Шахты, 12 августа 1996 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 22. Л. 14.

[3] Заявление профсоюзного актива предприятий и организаций АО «Ростовуголь», г. Шахты, 12 августа 1996 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 33. Л. 2.

[4] Президентская программа подготовки управленческих кадров в Кузбассе. Кемерово, 2004. С. 16.

[5] Там же. С. 17.

[6] Кондратюков С.В., Никифоров О.А. История, теория и практика управления хозяйственными системами. Томск, 2010. С. 49.

Соответственно, подготовка эффективных управленческих кадров для отрасли в целом была провалена.

Таким образом, управленцы с трудом осваивали переход к рыночным отношениям. В совокупности с другими проблемами это снижало конкурентоспособность отрасли и вынуждало рабочих задумываться о её перспективах.

В рыночные рамки часто не вписывалось и трудовое поведение самих шахтёров. Уже в 1990-е гг. все исследователи, несмотря на различия во взглядах на сущность их протестного движения, отмечали такое негативное явление в деятельности предприятий угольной промышленности, как *излишние преференции рабочим*. Эта проблема являлась весьма «свежей» и отчётливо проявилась накануне рассматриваемых событий. Начавшийся во второй половине 1980-х гг., процесс гласности сопровождался ослаблением контроля на рабочих местах. Больших уступок со стороны Правительства СССР шахтёрам удалось достичь в ходе забастовок 1989–1991 гг. Они стали намного меньше работать под землёй и больше отдыхать, чем их зарубежные товарищи. Заметно вырос уровень заработной платы горняков.

Появились и региональные отличия в преференциальной политике. Высокая забастовочная активность горняков Кузбасса позволила иметь существенные преимущества в оплате труда (4–5 раз) по сравнению с их товарищами из других углепромышленных территорий[1].

Широкие права рабочих и ограниченные возможности администраций предприятий по привлечению их к ответственности часто приводили к вседозволенности во время производственной деятельности. В результате в трудовых коллективах наблюдалось прогрессирующее снижение трудовой и

[1] Попок В. Павлов: положение в Кузбассе взрывоопасно – шахтёры слишком много зарабатывают // Наша газета. 1991. 16 августа. С. 1.

производственной дисциплины[1]. Пьянство на рабочем месте стало одной из главных причин смертности и травматизма[2]. В этом отношении особенно выделялись шахтёры Крайнего Севера, например, Воркуты. Их меньше других беспокоило будущее предприятий, так как они объективно являлись «временщиками»[3].

Кроме того, возросли расходы государства по компенсации многочисленных шахтёрских льгот и т.п. В условиях плановой экономики и дотирования отрасли это не вызывало особого беспокойства Правительства и, тем более, угледобытчиков. Во время перехода к рыночным отношениям данные излишества стали очевидны.

Однако первое время, в благодарность за бывшие заслуги шахтёров в установлении новой власти, Президент и Правительство РФ продолжили по отношению к ним политику преференций. Их зарплата была несоразмерно поднята, льготы, включая различного рода денежные выплаты и отпуска, достигли чрезмерных масштабов. Ни в одной стране мира у угледобытчиков не было таких продолжительных отпусков – 90 дней. С учётом выходных и праздников они работали всего 160 дней в году. Это было в 1,7–2,5 раза выше, чем в основных углепромышленных странах. Несмотря на катастрофическое падение добычи угля у большинства трудящихся отрасли зарплата продолжала стабильно расти. Закономерным следствием данной ситуации стало резкое снижение производственной дисциплины, появление существенных проблем в организации труда и технике безопасности.

Серьёзные вопросы стала вызывать производительность труда, которая снижалась на 7% в год, скатившись к 1993 г. на уровень 1947 г., а на

---

[1] И.Х. Кивелиди (Председатель Совета по предпринимательству при Правительстве РФ), В.М. Ждамиров (Президент Российской фирмы «Уголь открытых работ»). Предложения по стабилизации в угольной отрасли (31.05.93г.) // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5672. Л. 9; О неотложных мерах функционирования топливно-энергетического комплекса Республики Коми (Протокол совещания у Председателя Совета Министров – Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдина от 25 сентября 1993г.) // НАРК. Ф.Р-1675. Оп. 1. Д. 6487. Л. 2; Климов В. Новый бунт – это старые грабли (интервью В.Л. Сороки) // Контакт. 1999. 10 июля.

[2] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2. М., 2001. С. 171.

[3] Борисов В.А. Чем заняться за Полярным кругом? Начало реформ в Воркуте // Социс. 1996. № 10. С. 33.

предприятиях подземного способа добычи – к 1940 г.[1] Даже крупнейшая шахта страны – «Распадская», по производительности труда существенно отставала от зарубежных конкурентов[2]. Конечно, падение производительности труда было связано не только с низкой дисциплиной. Тем не менее, это был заметный фактор.

Излишние преференции рабочим привели и к таким деструктивным фактам, как попытки вмешательства в процесс управления производством. В июле 1992 г. лидер Росуглепрофа В. Будько был вынужден признать: «Закон о госпредприятии сделал производственную администрацию выборной. Так вот это нас начисто разложило. Сегодня ни один начальник не станет “закручивать гайки”, даже если на производстве будет полный бардак, так как в этом случае коллектив его “съест”. Ну а рабочие, в свою очередь, предпочитают выбирать себе в начальники “своего парня”»[3]. Подобные ситуации усиливали конфликты шахтёров с руководством и инженерно-техническими работниками предприятий, которые порой разрешались на уровне судов[4].

В итоге угольная промышленность России теряла конкурентоспособность не только на мировом, но и отечественном рынке, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Желание горняков отстоять имевшиеся преференции (а таких было немало, особенно на крупных предприятиях[5]) являлось дополнительным стимулом к участию в акциях протеста.

Финансовое положение угледобывающих предприятий подрывали *взаимные неплатежи* между субъектами хозяйственной деятельности. Главная причина

---

[1] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 10; Борисов В., Бизюкова В., Бурнышев К. Горняки на рельсах. Что заставило судженцев перекрыть Транссиб? // На-гора! 1995. № 1–2, январь. С. 7; Не ждать указаний столицы // Шахтерское слово (орган трудового коллектива шахты «Нагорная»). 1992. 31 июля; Сорокин С. Шахтерский тупик // Молодежь севера (Сыктывкар). 1998. 28 мая. С. 5; Яновский А.Б., Скрыль А.И. Реструктуризация угольной промышленности России ... С. 14; Радчиков В. Рельсовое перемирие // Трибуна. 1998. 25 декабря. С. 3.

[2] Вилесова Л. О реорганизации шахты: мы будем менять не людей, а систему // Огни «Распадской» (газета ЗАО «Распадская»). 2000. 16 октября.

[3] Будько В. Так какие же профсоюзы теперь «государственные»? // На-гора! 1992. № 24, июль. С. 2.

[4] Обращение ИТР шахты «Воргашорская» ко всем инженерно-техническим работникам и специалистам угольной отрасли Российской Федерации, г. Воркута, 04.04.1992 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5666. Л. 121.

[5] Протокол Ростовской территориальной конференции Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 25 ноября 1996 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 32. Л. 33.

возникновения взаимных неплатежей в стране состояла в сохранении многих институтов, свойственных плановой экономике[1]. Высокая зависимость угольной промышленности от государства усиливала степень подверженности шахт и разрезов этой проблеме. Кроме того, в стране наблюдалось существенное падение платежеспособного спроса со стороны как населения, так и хозяйствующих субъектов[2]. Это подталкивало производителей угольной продукции идти на уступки потребителям в форме отсрочек платежей и бартера.

С декабря 1992 г. кризис неплатежей охватил все предприятия угольной промышленности страны, заметно ухудшил их финансовое положение, привёл к росту кредиторской задолженности[3]. Долги перед шахтами и разрезами имели многочисленные предприятия и организации фактически всех отраслей народного хозяйства. Главными потребителями угля и соответственно должниками шахтёров являлись энергетические компании, которым в свою очередь были должны металлурги, строители и т.д. Госдотации энергетики не получали[4], в то же время рассчитывать на прибыль в условиях падения промышленного производства им также не приходилось.

Критического уровня неплатежи достигли в середине 1990-х гг. В начале 1995 г. сумма неплатежей предприятиям угольной отрасли за отгруженный уголь достигла 2200 млрд. рублей, а задолженности федерального бюджета 1344,6 млрд. рублей[5]. Порой долги потребителей угля в несколько раз превышали месячную зарплату шахтёров[6].

---

[1] Тамбовцев В.Л. Институциональные изменения в российской экономике // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 49.

[2] Наступит ли перелом в 95-м? Пресс-конференция в ГП «Росуголь» // На-гора! 1995. № 5–6, январь. С. 1.

[3] Письмо председателя НПГР А.А. Сергеева Президенту России Ельцину Б.Н., Председателю Совета Министров–Правительства РФ Черномырдину В.С. и др., 4 ноября 1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5673. Л. 15; Елисеенко В. Забастовка: «за» или «против» // Наша газета. 1993. 25 февраля. С. 1.

[4] Семенов В. Лето красное пропели… Власти Приморья спровоцировали осенний бунт шахтеров и энергетиков // Красное Знамя (Владивосток). 1997. 18 сентября. С. 1.

[5] И вновь крайняя мера // Шахтерское слово. 1995. 15 февраля.

[6] Постановление президиума Приморского территориального комитета профсоюза работников угольной промышленности «О сложившейся ситуации в угольной отрасли Приморского и Хабаровского краёв из-за неплатежей за поставленный уголь и невыплаты заработной платы» (18.01.1996 г.) // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп.1. Д. 170. Л. 11; Михайлов Ю. Заменит ли налог дотацию? // Кузбасс. 1994. 28 января.

Удельный вес «живых» денег в товарообороте угольщиков, как правило, составлял 20–30%. Это провоцировало рост бартерного расчёта, который в свою очередь определял значительные закупочные цены на материалы, покупные и комплектующие изделия. Попытки решить эту проблему в начале рассматриваемого периода оказались безуспешными. На фоне снижения валютных поступлений в середине 1990-х гг. неплатежи потребителей угольной продукции усилили диспропорции цен и фактически поставили шахтёрскую отрасль на грань финансового выживания. В совокупности с резким уменьшением госдотаций, это привело к снижению возможностей поддержки технико-экономического потенциала шахт и разрезов, а также своевременной выплаты зарплаты рабочим.

Из-за неплатежей потребителей за отгруженный уголь и начисляемой пени шахтёрские предприятия также оказались в долгу как перед смежными предприятиями, так и бюджетами все уровней. Долги шахт и разрезов постоянно возрастали[1], что негативно отражалось на их технико-экономическом состоянии.

Наиболее драматично ситуация выглядела во второй половине 1990-х гг. Общая сумма задолженности потребителей за поставленный уголь возросла в 1997 г. по сравнению с 1996 г. на 21% и к концу 1997 г. она составила девять трлн. руб. При этом уровень оплаты за отгруженный уголь денежными средствами составил только 20% при минимально необходимом для обеспечения финансовой деятельности предприятий в пределах 40–50%[2].

Самая сложная обстановка с неплатежами имелась в Приморском крае. Причиной значительного спада в работе угледобывающей промышленности являлись систематические неплатежи энергетиков за поставленный уголь. На первое января 1995 г. они составляли 70,7 млрд. руб., ровно через год – 277 млрд. руб., через два года – 396 млрд. руб. В мае 1997 г. задолженность составляла уже

---

[1] Постановление краевой межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих районов (г. Артём, 11 декабря 1997 г.) // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 178. Л. 41.

[2] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 32.

более 600 млрд. руб., то есть за четыре месяца выросла на 204 млрд. руб. При этом долг по зарплате шахтёрам в то время был в размере 238 млрд. руб.[1] Между тем угольщикам сложно было винить энергетиков, так как в крае собиралось около 10% денежных средств от объёма реализованных потребителям тепла и электроэнергии[2]. Поэтому они всё чаще вместе участвовали в акциях протеста с общими требованиями, которые были адресованы органам власти и управления.

В 1998 г. возможности шахтёрской отрасли объективно снижали макроэкономические проблемы, вызванные влиянием мирового финансово-экономического кризиса. Падение объёмов промышленного производства в совокупности с ростом взаимных неплатежей уменьшали на внутреннем рынке платежеспособный спрос на уголь[3].

Снижение доходов госбюджета при отсутствии источников заёмных средств сделало неизбежным эмиссионное финансирование бюджетного дефицита, реальные доходы населения значительно сократились. События августа взвинтили потребительские цены. Снижение платежеспособного спроса явилось основным фактором спада производства всех субъектов хозяйственной деятельности страны[4]. В тяжёлом положении оказались как предприятия, ориентированные на добычу и переработку угля, так и потребители шахтёрской продукции. Оплата поставленной им угольной продукции в основном производилась в виде зачётов и бартера, а расчеты «живыми деньгами» составляли лишь 38%, в то время как для нормальной работы организаций

---

[1] Обращение участников митинга против развала угледобывающей отрасли Приморского края, 16 мая 1997 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 179. Л. 26.

[2] Обращение представителей шахтерских коллективов, участников митинга 30 октября 1997 г. к губернатору Приморского края Наздратенко Е.И., полномочному представителю Президента РФ по Приморскому краю Кондратову В.И., в судебные органы всех уровней, в средства массовой информации // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп.1. Д. 179. Л. 92.

[3] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 246.

[4] Илларионов А. Мифы и уроки августовского кризиса // Вопросы экономики. 1998. № 12. С. 12–22.

угольной промышленности и обеспечения простого воспроизводства было необходимо не менее 70%[1].

Продолжился рост неплатежей со стороны ключевых потребителей шахтёрской продукции, в первую очередь энергетиков. Сложнее всего было «выбить» долги с Министерства обороны РФ. Только приморским шахтёрам оно было должно более одного млрд. руб.[2] В свою очередь долги потребителей являлись одной из основных причин роста кредиторской задолженности угольных предприятий и компаний[3].

Таким образом, взаимные неплатежи показывали наличие системных проблем в экономике России, решить которые было возможно только на уровне федеральных органов власти.

Взаимные неплатежи были тесно связаны с таким негативным явлением как *диспропорции в ценовой политике* государства. В её основе коренились две проблемы – это инфляция и тарифная политика. В начале 1990-х гг. ценовой баланс был подвержен значительным перекосам вследствие высокой инфляции. Не только угледобытчики, все производственники попали в замкнутый инфляционный круг. Инфляционная спираль раскручивалась быстрее роста оборотных средств, получаемых в результате производственного цикла. Это привело к падению производства, его стагнации, отсутствию поступлений в бюджет запланированного объёма платежей, недостатку бюджетных ссуд и кредитов на пополнение оборотных средств[4]. В середине 1990-х гг. инфляция

---

[1] Проблемы и перспективы развития угольной промышленности. Федеральный справочник. Топливно-энергетический комплекс России. [Электронный ресурс]. URL: http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemi%20i%20perspektivi.pdf (дата обращения: 02.02.2017 г.).

[2] Акопов П., Виноградов З. «Вся власть – Совету Федерации». В Приморье требуют отставки Президента и выплаты долгов // Независимая газета (Москва). 1998. 24 июня. С. 2.

[3] Приказ генерального директора ОАО «Интауголь» «О результатах комплексной документальной проверки финансово-хозяйственной деятельности и целевого использования средств господдержки по ОАО “Шахта Интинская” (с учетом деноминации)» (14 мая 1998 г.) // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2588. Л. 130.

[4] Доклад Государственного комитета РФ по промышленной политике: «О предварительных итогах работы базовых отраслей промышленности в 1994 году и задачах на 1995 год», 18 января 1995 г. // ГАРФ. Ф.Р-10066. Оп. 1. Д. 203. Л. 7.

заметно снизилась, однако её неравномерное развитие складывалось не в пользу угольной промышленности.

Диспропорции цен во многом стали следствием непродуманных действий Правительства РФ при формировании тарифной политики. Стоимость шахтёрской продукции резко меняла свои параметры, не имея на то объективных причин. В начале «шоковой терапии» стоимость угля ещё регулировалась государством. Однако обесценивание рубля при директивных ценах на уголь сделало угледобычу заведомо нерентабельной. Угольные компании экспортировали свою продукцию, как правило, ниже себестоимости[1]. В мае 1992 г. Правительство РФ приняло решение поднять цену на уголь в пять раз, что заметно снизило его потребление на внутреннем рынке и стало одной из причин банкротства предприятий[2]. Убедившись в неэффективности таких мер, вскоре государство взяло курс на освобождение цен на уголь, на чём настаивали и международные финансово-экономические организации.

Руководство госкомпании «Уголь России» и менеджмент крупнейших угледобывающих компаний выступали против свободных цен на уголь, так как 90% шахтёрских предприятий являлись нерентабельными[3]. Накануне освобождения цен на уголь в среднем по отрасли за счёт средств потребителей покрывалось около 23%, а за счёт бюджетных дотаций – около 77% от расходов на его добычу[4]. Однако тарифное соглашение предусматривало выплату государством денег только за добытый уголь. Поэтому главным для руководства шахт и разрезов являлась не реализация угля, а его добыча, которая позволяла иметь гарантированные дотации и, соответственно, поддерживать финансово-хозяйственную стабильность предприятий.

---

[1] Тулеев А. Преодоление. Кемерово, 2009. С. 187.

[2] Письмо председателя НПГР А.А. Сергеева Президенту России Ельцину Б.Н., Председателю Совета Министров–Правительства РФ Черномырдину В.С. и др., 4 ноября 1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5673. Л. 15; Протокол конференции трудовых коллективов угольных предприятий г. Прокопьевска (28 мая 1992 г.) // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 315. Л. 33.

[3] Свободные цены на уголь – наша общая кабала. Открытое письмо заместителю председателя Правительства Российской Федерации Е.Т. Гайдару // Кузбасс. 1992. 27 марта.

[4] Кожуховский И. Реформа угольной промышленности: как это было ... С. 2.

Несмотря на осторожные оценки многих экспертов, Правительство РФ осуществило в июле 1993 г. переход на свободные цены[1]. Однако реальная выручка во втором полугодии 1993 г. оказалась даже ниже, чем в первом, когда цены ещё регулировались. Ещё более обострилось финансовое состояние всех предприятий, даже таких крупных как, например, объединение «Воркутауголь»[2].

Продавать уголь, в том числе за границу, стало невыгодно, так как резко возросли расходы на добычу и транспортировку угля вследствие роста цен на материально-технические ресурсы и железнодорожные тарифы. Возможности угледобывающих предприятий по повышению цен на свою продукцию сдерживало падение спроса в электроэнергетике и металлургии России и стран СНГ. В таких условиях угольщики стали отстаивать свои интересы, требуя увеличения госдотаций из бюджета[3].

В течение полутора лет российские предприятия ещё имели цену на уголь ниже мировой, что позволяло противостоять зарубежным конкурентам на внутреннем рынке и иметь высокий удельный вес в экспорте[4]. Этот резерв, по мнению руководства отраслевых профсоюзов и шахтёрских регионов[5], был исчерпан к концу 1995 г. В итоге в сложном положении оказались даже те предприятия, где производственные показатели имели положительную динамику. В сентябре 1996 г. С. Шахурдин, и.о. генерального директора АО «УК Прокопьевскуголь», отмечал: «Сегодня рыночная цена угля 130 тыс. рублей за тонну, а себестоимость 200–210 тыс., разница составляет 70 тыс., государство

---

[1] ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5681. Л. 3.

[2] О неотложных мерах функционирования топливно-энергетического комплекса Республики Коми (Протокол совещания у Председателя Совета Министров – Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдина от 25 сентября 1993г.) // НАРК. Ф.Р-1675. Оп. 1. Д. 6442. Л. 7.

[3] Катальников В.Д., Кобяков А.А. Указ соч. С. 153; Кладчихин В. С мирового рынка нас выгонят не конкуренты, а родное Правительство // Кузбасс. 1994. 6 января; День шахтера ... С. 31.

[4] Социально-экономическое положение России в первом полугодии 1994 года // Вопросы статистики. 1994. № 1. С. 57.

[5] Требование Независимого профсоюза горняков г. Воркуты от 15 ноября 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3526. Л. 46; Министру топлива и энергетики Российской Федерации Кириенко С.В. // ГАРО. Ф. Р-4495. Оп. 1. Д. 674. Л. 13.

погашает только 14 тыс. В результате этой разницы вырос дефицит»[1]. Увеличивая добычу, угольные предприятия ставили себя в ещё более худшее финансовое положение, так как убытки с каждой тонны увеличивались. После сокращения объёмов добычи и либерализации цен на продукцию производственно-технического назначения, а также отмены перераспределения прибыли между угольными предприятиями, которые стали самостоятельными субъектами рыночных отношений, убыточность отрасли возросла в 10 раз[2].

Угледобытчики ощутили влияние и межотраслевого дисбаланса цен. Они оказались в неравных конкурентных условиях в сравнении с работниками газовой промышленности. В условиях перехода к рынку регулируемая государством стоимость российского газа возрастала существенно медленнее свободных цен на уголь, а в 1996–1999 гг. цены на газ вообще были «заморожены». Соответственно искусственно созданная дешевизна газа вытеснила другие виды топлива, прежде всего уголь[3].

С апреля 1993 г. высокую обеспокоенность у угледобытчиков вызывал рост железнодорожных тарифов. Тогда он повысился в 2,2 раза[4], а уже через два месяца Правительство РФ констатировало: «Предприятия угольной промышленности находятся в тяжелейшем финансовом состоянии»[5]. Рост железнодорожных тарифов привёл к тому, что стоимость угля резко выросла, заявки на него упали. Почти повсеместно добыча угля сразу же стала убыточной, и приватизация в таких условиях стала для трудовых коллективов подобна самоубийству[6].

---

[1] Протокол чрезвычайной конференции коллективов города Прокопьевска от 11.09.1996 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 331. Л. 4.

[2] Мазикин В.П. Угольный Кузбасс: этапы развития // Уголь. 2003. № 3. С. 6.

[3] Щадов В.М. Угольная промышленность России: стратегия и потенциал будущего // Уголь. 2005. № 3. С. 4.

[4] Срочное донесение министра топлива и энергетики Ю.К. Шафраника Председателю Правительства РФ Черномырдину В.С. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5680. Л. 18.

[5] Протокол № ВЧ-П22-П14-183 рассмотрения неотложных вопросов финансирования угольной промышленности России, 21-23 июня 1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5670. Л. 20.

[6] Борисов В.А. Чем заняться за Полярным кругом? Начало реформ в Воркуте // Социс. 1996. № 10. С. 23.

Интересы угольщиков не получили должного отражения в экономической политике государства, динамичный рост транспортных тарифов продолжился. К февралю 1997 г. железнодорожный тариф возрос в 22000 раз, а уголь всего в 5400 раз[1]. В результате доля Республики Коми, например, в экспорте российского угля снизилась в 10 раз[2]. Из-за значительной удалённости от большинства рынков сбыта в наиболее трудной ситуации оказался Кузнецкий угольный бассейн[3]. Отсутствие национально ориентированной политики в области продажи угля привело не только к потере рынков сбыта своей продукции за рубежом, но и к укреплению позиций иностранных конкурентов на внутреннем рынке[4].

Дополнительную прибыль от экспорта угля не позволял иметь «валютный коридор». Угледобывающие предприятия несли как прямые, так и косвенные потери. Существенные потери со второй половины 1995 г., в связи с невыгодным для экспортёров курсом рубля, несли металлургические предприятия страны. Всё это привело к значительному снижению экспортного потенциала поставщиков угля[5].

Возможности самостоятельного увеличения капиталовложений угледобывающими предприятиями посредством кредитования подрывались высокой степенью инфляции. В конце 1990-х гг. положительная динамика цен на уголь по-прежнему отставала от темпов роста цен на потребляемую угледобывающими предприятиями продукцию (1,5–2%)[6].

Финансовый дефолт вызвал падение цен на уголь. Вновь обострилась проблема ценовой диспропорции. Оптовые цены, по которым отгружалась

---

[1] Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 334. Л. 10.

[2] История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар, 2004. С. 686.

[3] Протокол Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов от 2 июля 1997 г. № 19 // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 2472. Л. 30.

[4] Протокол заседания Правительства Российской Федерации от 21 августа 1998 г. № 33 // ГАРФ. Ф. 10104. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

[5] А.А. Каракчиев (Первый Заместитель Главы Республики Коми) Первому заместителю Председателя Правительства РФ Каданникову В.В. «Докладная записка о финансово-экономическом положении в Печорском угольном бассейне», 30.04.1996 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 5694. Л. 85; Конев М. Уголь добываем, продаем, но плохо живем. Почему? // Южный Кузбасс. 1995. 29 августа.

[6] Яновский А.Б., Скрыль А.И. Указ. соч. С. 18.

угольная продукция шахтами и разрезами, в целом были значительно ниже себестоимости. По мнению специалистов, это являлось «главным препятствием на пути повышения конкурентных преимуществ угледобывающих предприятий»[1].

Таким образом, диспропорции ценовой политики снижали конкурентоспособность российских угледобывающих предприятий и компаний. Это повышало их зависимость от дотаций из федерального бюджета, который в свою очередь почти всегда имел дефицитный характер. В итоге урезались все расходные статьи шахтёрских предприятий, в том числе и всевозможные выплаты рабочим. Сохранение такой ситуации в конце рассматриваемого периода объективно ориентировало недовольство горняков в адрес Правительства РФ.

Фактически сразу угольная промышленность постсоветской России оказалась подвержена *высокому уровню аварийности производства*. Его первопричинами явились реорганизация Минуглепрома СССР, которая привела к полной ликвидации службы охраны труда[2], а также слабые темпы и объёмы модернизации предприятий отрасли в предыдущие десятилетия. В 1993 г. руководители «Росугля» отмечали: «Современное положение в отрасли является глубоко кризисным. Из 238 шахт 60% имеют срок службы более 20 лет и за весь период эксплуатации не подвергались реконструкции. Две трети шахт относятся к опасным по газу и пыли, каждая вторая – опасна по самовозгоранию угля. На отдельных неперспективных шахтах производительность труда рабочих не превышает 20 т при средней по подземной добыче в отрасли 33 т в месяц»[3].

Отсутствие должного финансирования, нецелевое использование средств и коррупция не позволяли своевременно и в должном объёме проводить техническое перевооружение предприятий угольной промышленности России. Степень износа основных фондов предприятий угольной промышленности из

---

[1] Саламатин А.Г. Угольная промышленность России: проблемы и возможности устойчивого развития // Уголь. 1999. № 8. С. 5; Чалапко М. Рентабельной шахта быть не может // Шахтерская правда. 1999. 17 сентября.

[2] Протокол V конференции Интинской ассоциации профсоюзных организаций работников угольной промышленности от 1 декабря 1995 года // НАРК. Ф.Р-1726. Оп. 1. Д. 887. Л. 11.

[3] Протокол № 3 рассмотрения работы экономически неэффективных шахт отрасли (Москва, «Росуголь», 02 июля 1993 г.) // ГАПК. Ф.Р-498. Оп. 7. Д. 308. Л. 34.

года в год увеличивалась[1]. При этом снижался контроль условий производственной безопасности. В мае 1994 г. вышел Указ Президента РФ, практически означавший ликвидацию профсоюзной технической инспекции и переподчинение прежних кадров государственной структуре. По мнению шахтёрских профсоюзов, результатом этого решения стало ослабление контроля охраны труда и техники безопасности на предприятиях угольной промышленности всей страны[2].

Травматизм рос, несмотря на закрытие особо опасных шахт и длительные забастовки рабочих. Быстрое развитие негативных процессов в финансово-экономической сфере шахт и разрезов вынудило их перейти в режим строжайшей экономии средств, в том числе и в сфере безопасности производства. К этому добавилось снижение зарплаты инспекторам технадзора, что привело к их массовым увольнениям[3]. Но даже там, где специальные уполномоченные по охране труда активно делали замечания, ничего не предпринималось, так как не было средств[4]. Не случайно динамика коэффициента частоты травматизма со смертельным исходом (рисунок 7) существенно коррелировалась с уровнем господдержки отрасли (рисунок 5).

---

[1] Инвестиции в России: Стат.сб./ Госкомстат России. М., 2001. С. 112.

[2] Коллективные действия Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Текущий архив Независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепроф). С. 4.

[3] Будько В. Так какие же профсоюзы теперь «государственные»? // На-гора! 1992. № 24, июль. С. 2.

[4] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2. М., 2001. С. 168.

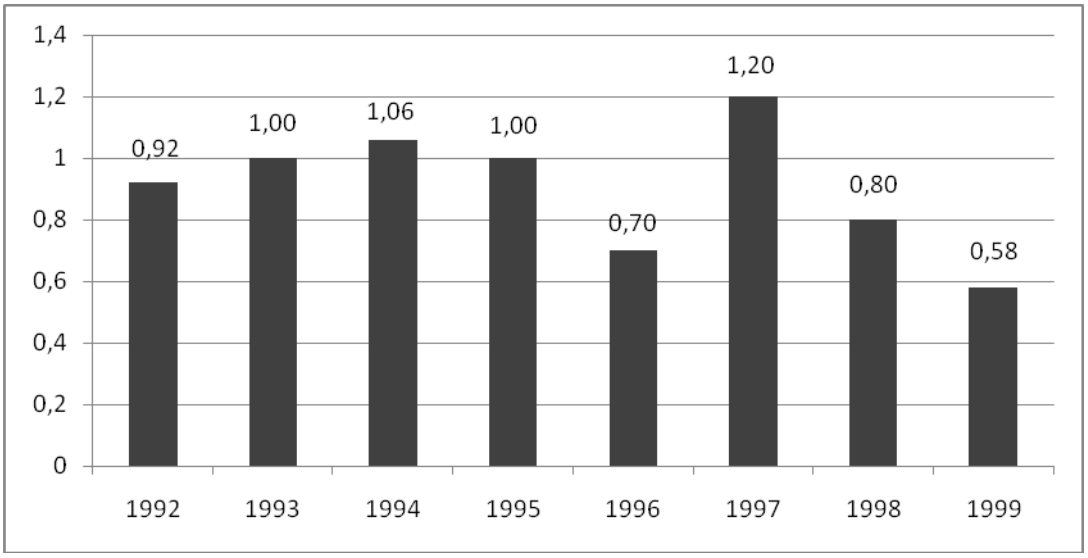

Рисунок 7 – Коэффициент частоты травматизма со смертельным исходом на предприятиях угольной промышленности РФ в 1992–1999 гг., случаев на 1 млн. т добычи угля[1]

По мнению специалистов, среди основных причин несчастных случаев были такие, как: нарушение требований правил безопасности, паспортов крепления; допуск к работе необученных с технической документацией рабочих; принятие технически не обоснованных решений специалистами предприятий; снижение производственной и трудовой дисциплины; утрата лабораторного контроля за санитарно-гигиеническими нормативами на рабочем месте, текучка кадров[2] и др. Стремясь больше заработать, работники угольной промышленности часто закрывали глаза на элементарные требования технической безопасности в шахте,

[1] Текущий архив АО «Росинформуголь».

[2] Постановление президиума теркома профсоюза работников угольной промышленности от 26 января 1993 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 141. Л. 118; Приказ Генерального директора АО «Интауголь» «О ведомственном контроле по охране труда в АООТ “Интауголь”», 08 апреля 1996 г. // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2538. Л. 72; Постановление президиума Ростовского теркома Росуглепрофа «О состоянии производственного травматизма на предприятиях и в организациях ОАО “Ростовуголь” и мерах по его снижению», г. Шахты, 15 декабря 1997 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 40. Л. 136; Информация о проведении комплексных проверок соблюдения законодательства о труде и охране труда на предприятиях угольной промышленности, представленная 21 сентября 1998 г. заместителем руководителя Государственной инспекции труда – Главного Государственного правового инспектора труда по Ростовской области А.В. Целовальниковым, Заместителю руководителя Рострудинспекции – Главному Государственному правовому инспектору труда Российской Федерации Разуваеву Ю.П. // ГАРО. Ф. Р-4457. Оп. 1. Д. 220. Л. 22; Рудофилов В. Результаты не радуют // Горняцкая солидарность. 1999. 29 января и др.

не реагировали на запрещения проводить под землёй акции протеста, не занимались профилактикой и быстрой диагностикой заболеваний и т.д.

На высокие показатели аварийности влияло снижение качества, поставляемых на угледобывающие предприятия, отечественных машин и механизмов (конструктивные просчёты, брак изготовления и др.)[1]. Приобретать качественное, в том числе импортное, оборудование могли себе позволить отдельные предприятия. Попытки Правительства РФ помочь угледобытчикам не всегда достигали цели в силу нецелевого использования выделенных средств.

Высокий уровень аварийности увеличивал количество смертельных случаев и производственных травм среди горняков. Число погибших на шахтах России было в 23 раза выше, чем в США[2]. На шахтах Прокопьевска, например, в год резкого снижения финансирования (1995 г.) погибли 21 человек, 240 были травмированы[3]. В 1997 г. в стране погибли 280 угольщиков[4]. Органами власти и управления не предпринимались действенные меры к исправлению ситуации, в том числе и возможности привлечения должностных лиц к ответственности.

Также высокий уровень аварийности производства влиял на показатели временной нетрудоспособности. Оплата больничных листов являлась распространённой статьёй перерасхода средств шахт и разрезов. Фонды социального страхования быстро исчерпывали свои возможности, поэтому оплату временной нетрудоспособности обеспечивали предприятия. На некоторых подземных участках число обладателей бюллетеней зашкаливало за 40% от числа рабочих на выход[5]. Это осложняло процесс выполнения плана добычи угля,

---

[1] Основные причины невыполнения плана и снижения объёмов добычи угля на шахтах компании за 1996 г. // ГАКО. Ф. Р-1149. Оп. 1. Д. 1729. Л. 17.

[2] Пирожников В. Александр Сергеев: «У меня никогда не было иллюзий» // Наша газета. 1993. 8 июня. С. 3.

[3] Протокол II Пленума Прокопьевской территориальной организации Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности (21 марта 1996 г.) // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 329. Л. 10.

[4] Лескова Н., Толстиков А. Газета «Труд» о шахтёрских судьбах // Пласт. 1998. № 33 (50), август. С. 1.

[5] Давыдов В. Проблемы угледобычи обострились // Заполярье. 1998. 7 апреля.

подталкивало рабочих к борьбе за достойные условия труда. Иногда факты гибели горняков служили поводом для начала масштабных акций протеста.

Власть не могла объяснить высокий уровень аварийности производства какими-либо «законами рыночной экономики». Таким образом, подрывались политико-экономические основы реформирования отрасли.

Политика форсированного закрытия убыточных предприятий инициировала такую чувствительную проблему, как *массовые сокращения и увольнения горняков*. Основная волна сокращений и увольнений стала нарастать в ходе реструктуризации, когда динамично закрывались «убыточные и небезопасные» предприятия (рисунок 8). Как правило, это происходило без разработки технико-экономических обоснований[1].

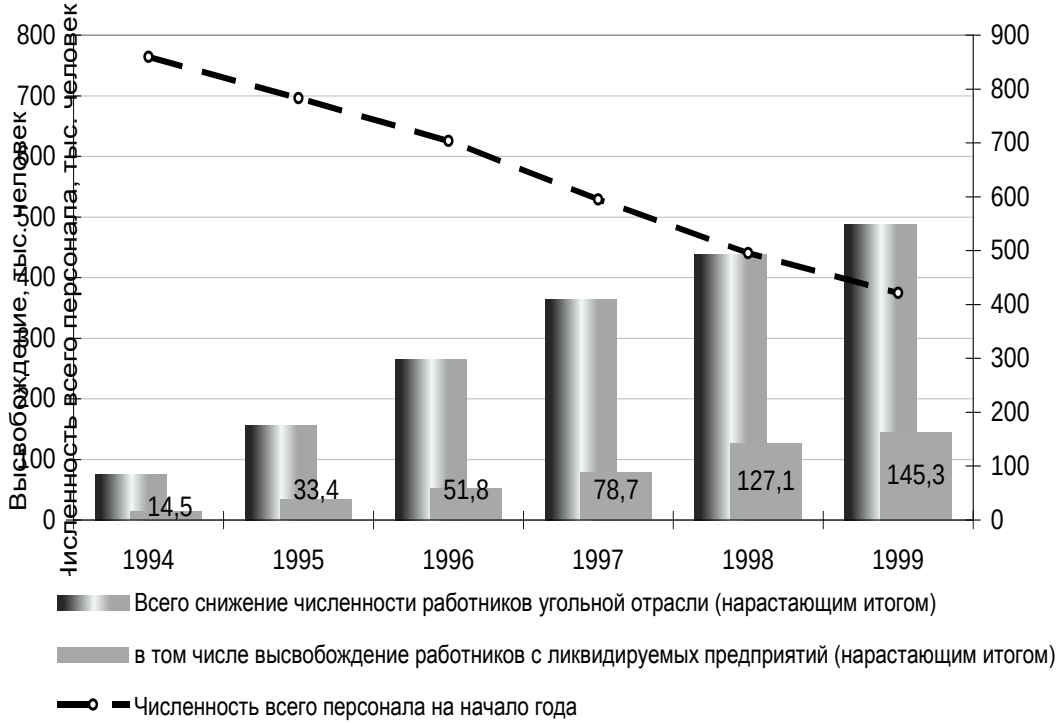

Рисунок 8 – Динамика изменения численности всего персонала угольной отрасли РФ в 1994–1999 гг.[2]

[1] Постановление 40/1 президиума Приморского теркома профсоюза работников угольной промышленности от 27 октября 1994 г. (г. Владивосток): «О работе проводимой АООТ “Приморскуголь” по санации и закрытию неперспективных шахт» // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 141. Л. 322.

[2] Текущий архив АО «Росинформуголь».

С 1994 по 1999 гг. численность рабочих угольной промышленности страны снизилась почти в два раза (таблица 2).

Таблица 2 – Среднегодовая численность рабочих угольной промышленности (тыс. человек)[1]

1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
415	448	448	418	380	347	300	256	237

Многие шахтёры покидали предприятия и по собственной инициативе, так как не верили в перспективные возможности угольной промышленности. В 1997 г., например, из ОАО «Ростовуголь» выбыло по собственному желанию 2809 человек, а по сокращению штатов – 555 человек[2].

Главная проблема для высвобождаемых состояла в том, что рынки труда не были заранее подготовлены к массовому и быстрому сокращению и трудоустройству шахтёров. Наряду с угольной промышленностью процессу реструктуризации подверглись практически все отрасли шахтёрских регионов, количество убыточных и бесперспективных предприятий других отраслей в них составляло от 40 до 70%[3]. В результате массовые увольнения горняков обострили многие социальные проблемы шахтёрских городов и посёлков: безработицу, низкий уровень жизни населения, рост преступности и т.д.

Все вышеуказанные проблемы, а также другие причины и факторы привели к *снижению реальной заработной платой, а также её нерегулярным выплатам*. Уже в первый год либеральных реформ угледобытчики испытали серьёзный ценовой шок. Высокие темпы инфляции в 1992 г. нивелировали многократное увеличение шахтёрам заработной платы в то время. Её реальный индекс снизился до 60,7% по отношению к 1991 г. (рисунок 9). Несмотря на некоторую

[1] Российский статистический ежегодник. М., 2001. С. 357.
[2] Калтырина Е.Л. Рабочий класс современной России... С. 65.
[3] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 80.

положительную динамику, выйти на уровень 1991 г. по индексу реальной зарплаты в течение рассматриваемого времени так и не удалось.

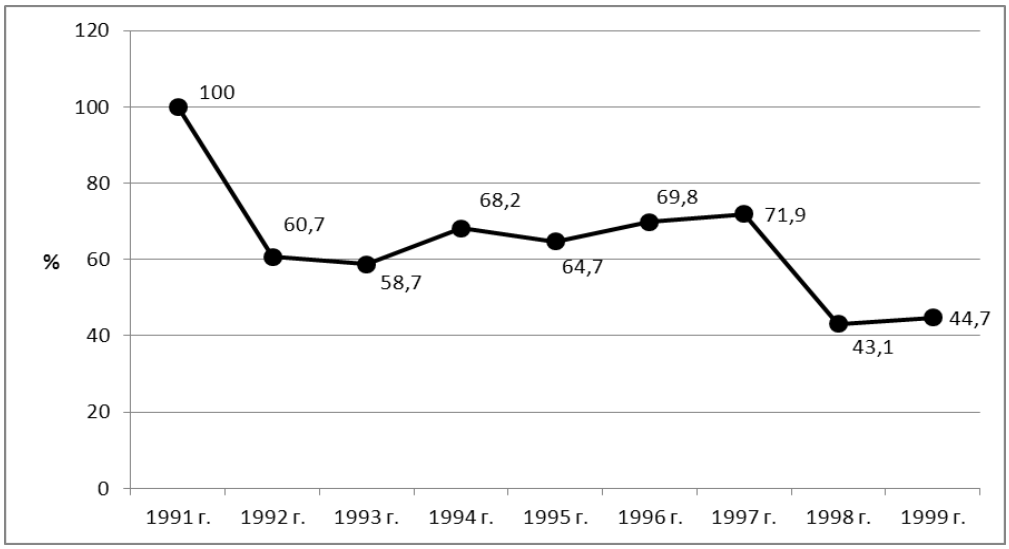

Рисунок 9 – Динамика реальной заработной платы рабочих угольной промышленности России (1992–1999 гг.), % к уровню 1991 г.[1]

Новые рыночные условия привели к тому, что размеры зарплаты шахтёров стали уступать рабочим других профессий[2]. Ситуацию усугублял неравномерный характер распространения проблем в угольной промышленности, который способствовал неодинаковому уровню оплаты труда рабочих разных предприятий, а также шахтёрских городов и посёлков. Более высокую зарплату имели, как правило, рабочие разрезов, которые оказались в сравнительно лучших экономических условиях. Самая низкая зарплата была в тех населённых пунктах, которые являлись монопрофильными, то есть с преобладанием в общей структуре хозяйства предприятий угольной промышленности.

---

[1] Подсчитано и составлено по: Угольная промышленность Российской Федерации за 1992 год. Том II**.** М., 1993. С. 241–242; Угольная промышленность Российской Федерации за 1997 год. Том III. М., 1998. С. 108–109; Угольная промышленность Российской Федерации за 1999 год. Том III. М., 2000. С. 105–106; Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2011гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/2011/I-ipc.htm (дата обращения: 19.12.2016 г.).

[2] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003: Стат.сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 114; Воейков М.И. Проблема дифференциации рабочего класса в постсоветской России // Кузбасс на рубеже веков: экономика, политика, культура. Томск, 2008. С. 29.

Уровень зарплаты стремительно падал, прежде всего, на нерентабельных шахтах и разрезах[1]. Самая низкая заработная плата наблюдалась в наиболее депрессивных шахтёрских городах и посёлках, где преобладал подземный способ добычи угля. Из углепромышленных территорий это был Российский Донбасс[2].

В то же время зарплата горняков не являлась низкой в сравнении с другими категориями трудящихся и даже рабочих многих других отраслей промышленности. Так, например, в 1995 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в промышленности составляла 228,5 тыс. руб., в образовании – 309,2 тыс. руб.[3], а у шахтёров она была 1147 тыс. руб.[4] При этом потребность в шахтёрских кадрах снижалась. Это позволяло органам власти и управления манипулировать сознанием и поведением рабочих.

Если к маленькой зарплате шахтёры постепенно привыкли и какого-либо активного сопротивления с их стороны данная ситуация не вызывала, то несвоевременная выплата «кровно заработанных» стала главной причиной забастовок и других протестных акций.

Хотя невыплаты зарплаты наблюдались и в других восточно-европейских экономиках, там они не стали постоянно действующим социально-экономическим фактором ни с точки зрения масштаба, ни с точки зрения продолжительности[5]. В постперестроечной России происходило всё наоборот. Факты задержек заработной платы стали обыденным явлением не только в угольной промышленности, но и в подавляющем большинстве отраслей экономики страны.

---

[1] О порядке и сроках либерализации цен на угольную продукцию, 11.06.1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5679. Л. 15.

[2] РГАСПИ. Ф.-661. Оп. 1. Д. 268. Л. 187; Протокол расширенного президиума Ростовского территориального комитета Независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 12.07.1996 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 24. Л. 132.

[3] Труд и занятость в России: Стат.сб. М., 1996. С. 96.

[4] Угольная промышленность Российской Федерации за 1999 год. Том III. М., 2000. С. 105; Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2011гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/2011/I-ipc.htm (дата обращения: 19.12.2016 г.).

[5] Малева Т. Долг перед задолженностью // Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда. М., 2001. С. 8.

Отдельные факты задержки выплаты зарплаты российским шахтёрам возникли уже в январе 1992 г. и стабильно увеличивались в дальнейшем. Весной–летом того года задержка заработной платы по причине нехватки наличных приобрели хоть и кратковременный, но повсеместный характер[1]. Дефицитный бюджет, опасность финансовой дестабилизации, рост напряжённости в решении других важных государственных вопросов и прочие обстоятельства тормозили деятельность Правительства РФ по ликвидации бюджетных долгов. По весьма обоснованному мнению В. Гимпельсона, в условиях низкой безработицы именно задолженность взяла на себя функции сдерживания инфляции[2].

Однако имеются и другие, критические взгляды на природу неплатежей в России. Очень объективными по этому поводу выглядят слова известного учёного-социолога А. Здравомыслова: «Сама задержка зарплаты стала средством прокачивания огромных денежных средств в интересах банковских структур и управленцев»[3].

Прав В. Гимпельсон, что на государственном уровне складывались нормы и культура неплатежей, которые способствовали уходу виновных от наказания, в том числе и в частном секторе[4].

В некоторых случаях задержка заработков стала следствием криминальных действий руководителей предприятий. В условиях дефицита финансовых ресурсов, многие использовали её и как одно из условий повышения конкурентоспособности предприятий[5].

---

[1] Протокол заседания президиума Ростовского территориального комитета профсоюза рабочих угольной промышленности, г. Шахты, 09.04.1992 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 3. Л. 51; Постановление президиума теркома профсоюза работников угольной промышленности от 17 июня 1992 г. «О социально-экономическом положении в угольной отрасли России и предприятиях Приморского и Хабаровского краев» // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 141. Л. 73; Протокол конференции трудовых коллективов угольных предприятий г. Прокопьевска (02.04.1992 г.) // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 315. Л. 3.

[2] Гимпельсон В. Указ. соч. С. 16.

[3] Здравомыслов А.Г. Указ. соч. С. 110.

[4] Гимпельсон В. Указ. соч. С. 35.

[5] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2. М., 2001. С. 290; Кларк С. Профсоюзы и неплатежи ... С. 198.

Определённый «вклад» в несвоевременную выплату зарплаты вносил менеджмент угледобывающих предприятий, необоснованно увеличивая оплату труда отдельных категорий работников[1]. Изменить ситуацию было сложно, так как отсутствовали законодательные акты, позволявшие вести регулирование фонда оплаты труда[2]. Попытки администраций шахт и разрезов решить зарплатную проблему посредством «виртуальных» денег – талонов и «долговых книг» имели относительный успех, так как провоцировали рост реальной задолженности.

Всё-таки наибольший объём задолженностей формировался со стороны потребителей угля. По состоянию на первое июня 1997 г. задолженность по выплате заработной платы в шахтёрских городах и посёлках составила 781,2 млрд. руб., в том числе из-за неплатежей потребителей – 529,6 млрд. руб. (67,8%), из-за неплатежей федерального бюджета 116,7 млрд. руб.[3] В условиях взаимных неплатежей и зыбкого макроэкономического положения государству сложно было эффективно воздействовать на должников. Предпринимавшиеся властью в рассматриваемое время попытки переломить ситуацию оказывались безуспешными. Так, например, в соответствии с поправкой к Уголовному кодексу, внесённой в июне 1995 г., лица, непосредственно виновные за невыплату заработной платы, подлежали уголовной ответственности. Однако в середине 1996 г. эта поправка была отменена Государственной Думой как излишне жёсткая[4]. В отличие от других стран Восточной Европы российская власть не решилась и на использование процедуры банкротства предприятий в случае их

---

[1] Приказ генерального директора АООТ «Северокузбассуголь» № 27-а от 01.04.1997 г. «О причинах кризисного состояния с выплатой заработной платы» // ГАКО. Ф.Р-177. Оп. 26. Д. 103. Л. 125; Протокол совещания комиссии Правительства Российской Федерации и представителей профсоюзов шахтеров Печорского угольного бассейна, г. Воркута, 24 марта 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1580. Л. 50.

[2] Краткая информация по вопросам угольной промышленности на территории Красноярского края, 13.09.1993 г. // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1241. Л. 1.

[3] Протокол Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов от 2 июля 1997 г. № 19 // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 2472. Л. 30.

[4] Кларк С. Указ. соч. С. 197.

продолжительных неплатежей[1]. Поэтому объёмы задолженности по заработной плате динамично росли (рисунок 10, таблица 3).

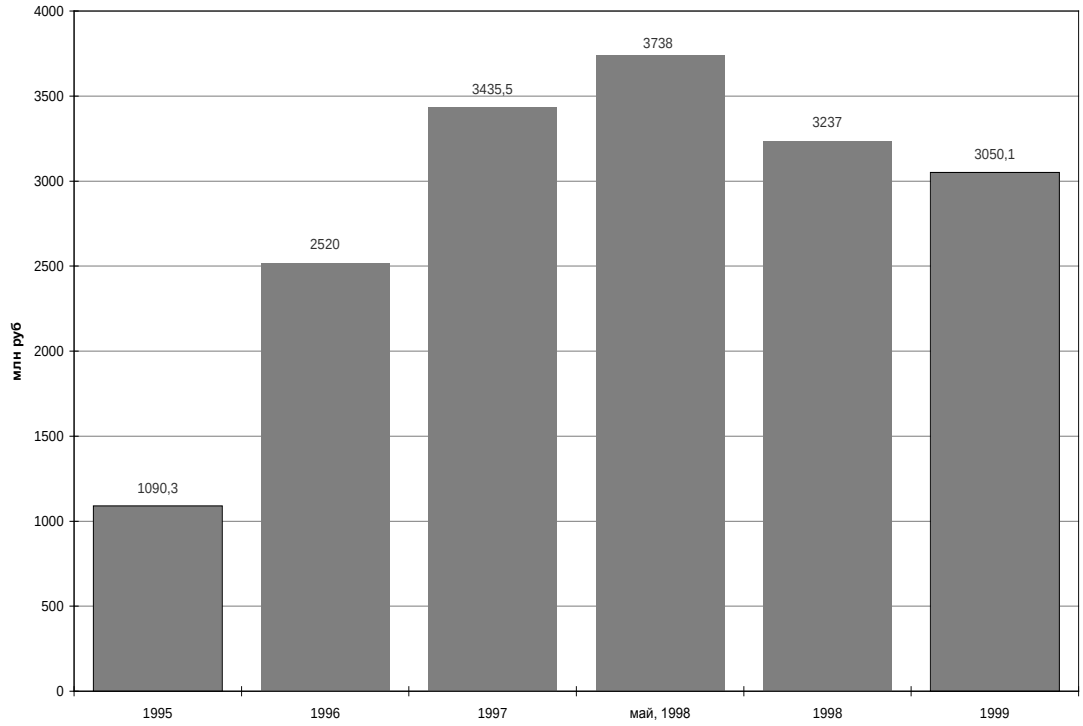

Рисунок 10 – Динамика задолженности по выплате заработной платы на предприятиях угольной промышленности РФ в 1995–1999 гг. (на конец периода)[2]

Таблица 3 – Просроченная задолженность организаций угольной промышленности РФ по заработной плате (в процентах от месячного фонда на начало года)[3]

1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
118,6	141,6	344,5	524,9	553,9

[1] Гимпельсон В. Указ. соч. С. 20.
[2] Текущий архив АО «Росинформуголь».
[3] Российский статистический ежегодник. 2004: Стат. сб./Росстат. М., 2004. С. 609; Пяткин А.М. Социальная напряженность ... С. 74.

В середине 1990-х гг. задержки зарплаты шахтёрам приобрели многомесячный характер, и каких-либо решений данной проблемы со стороны органов власти и управления не было заметно. Порой наоборот, органы власти углепромышленных территорий использовали федеральные трансферты, предназначенные для погашения зарплаты шахтёров, на решение зарплатного кризиса в других отраслях экономики, в частности энергетикам[1].

Ярким показателем осложнения ситуации являлись факты, когда в крупных угледобывающих территориях, например, Ростовской области, задолженность по зарплате шахтёрам превышала аналогичный показатель в других отраслях экономики[2].

Наиболее сложно с выплатой заработной платы складывалось в тех шахтёрских территориях, где имелись самые депрессивные угольные предприятия, подлежавшие скорому закрытию. Это шахты Кизеловского района Пермской области, Приморского края, Ростовской области и т.д.

После президентских выборов многомесячные долги по выплате «кровно заработанных» всерьёз почувствовали горняки фактически всех предприятий. Своего пика данная проблема достигла весной 1998 г. В совокупности с предыдущими причинами она была тесно связана с расцветом рынка государственных краткосрочных облигаций (ГКО) в том году[3].

Высокий уровень инфляции при низких темпах роста номинальной заработной платы привели к резкому снижению уровня реальной заработной платы шахтёров (рисунок 9). Их семьи, как никогда ранее, испытывали дефицит финансовых ресурсов. Получив очередную часть выплат по зарплате, они могли

---

[1] Михайлов И. Гон по-приморски // Красное знамя (Владивосток). 1996. 24 августа. С. 1.

[2] Справка от 12 апреля 1995 г. и.о. руководителя госинспекции труда по Ростовской области В. Пашкова, представленная Главному государственному инспектору труда Российской Федерации Варову В.К. «Об обобщённых материалах проверок о просроченной задолженности по выдаче средств на потребление по основным отраслям промышленности» // ГАРО. Ф. Р-4457. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

[3] Капелюшников Р. Задержки заработной платы: микроэкономический подход // Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда. М., 2001. С. 56.

только погасить личные долги. Как правило, через несколько дней шахтёры вновь искали «кредиторов».

Однако даже эту небольшую зарплату рабочие угольной отрасли получали всё реже и реже. В 1997–1998 гг. они были в числе первых по размерам задолженности. Например, в Республике Коми задолженность по заработной плате на первое июля 1998 г. составляла более 1,6 млрд. руб. Из них 19% были долги работникам бюджетных предприятий, 30% – зарплата на предприятиях угольной промышленности[1]. Вместе с объёмами увеличивалась и продолжительность задолженности. Детонатором участия во всероссийских «рельсовых войнах» 1998 г. стали шахтёрские предприятия, находившиеся в критическом положении из-за задолженности по зарплате в 10–19 месяцев.

Во второй половине 1990-хгг. основной причиной задержки выплаты заработной платы являлась несвоевременная оплата за отгруженный уголь со стороны федеральных ведомств, жилищно-коммунального хозяйства, администраций городов и районов, ключевых потребителей (прежде всего энергетиков)[2].

В 1998 г. обстановку с невыплатами существенно осложняли другие факторы. Во-первых, снижалась реальная зарплата, которую, к тому же, в основном выдавали продуктами. Во-вторых, рост задолженности наблюдался не только по заработной плате, но и выплате пособий в связи с закрытием предприятий, шахтёрских пенсий, регрессных исков, детских пособий и других видов доходов и помощи. Таким образом, дополнительные источники финансовых возможностей семей рабочих значительно сузились. В-третьих, госкомпания «Росуголь», игравшая ключевую роль в переговорном процессе с шахтёрами, была ликвидирована в конце 1997 г. Угледобытчики оказались в экономико-политическом вакууме, который не позволял оперативно решать их зарплатные вопросы.

---

[1] Долги по зарплате растут // Заполярье. 1998. 24 июля.
[2] Документы прокуратуры Приморского края за 1998 г. // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 176. Л. 13.

Смена Правительства РФ в марте 1998 г. ещё больше отвлекла внимание органов власти и управления от данной проблемы. Проведение жёсткой бюджетной политики в отношении угольной промышленности, в том числе и по вопросу дополнительного финансирования заработной платы рабочих, продолжали требовать от Кремля международные финансово-экономические организации[1].

Ответственность за «зарплатный кризис» лежала не только на Правительстве РФ. Отсутствие задолженности шахтёрам со стороны федерального бюджета в некоторых случаях действительно подтверждается документальными фактами[2]. Летом 1998 г. министр финансов РФ М. Задорнов не без причин подчёркивал: «в основном шахтёрам должны потребители угля, экспортеры, посредники»[3]. Правительство РФ открыто обвиняло и органы исполнительной власти углепромышленных регионов, которые использовали бюджетные трансферты не по назначению[4] и таким образом ухудшали финансово-материальное положение предприятий и рабочих.

Финансовые проблемы угледобывающих предприятий напрямую затрагивали население шахтёрских городов и посёлков. По причине задержки отчислений со стороны угольных предприятий росли долги по пенсиям[5]. Поэтому многие пожилые люди активно поддержали шахтёров в ходе коллективных акций протеста.

Рост задолженности по заработной плате приобрёл угрожающий характер, стал катализатором динамичного роста социальных проблем шахтёрских городов и посёлков – бедности, болезней, преступности, высоких темпов естественной убыли населения и др. Горняки неоднократно подчёркивали своё желание взяться за оружие в случае дальнейших промедлений выплаты «кровно заработанных».

---

[1] День шахтера ... С. 63.

[2] Сведения о просроченной задолженности по заработной плате // Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Ф. 45. Оп. 1. Д. 114. Л. 1.

[3] Точка зрения политиков // Пласт. 1998. № 32 (49), август. С. 1.

[4] Там же.

[5] Прудников В. Вы чье, старичье? // Искра. 1998. 29 января.

Осенью 1998 г. в стране наблюдался пик невыплат, что было спровоцировано крахом ряда ведущих банков и общим параличом банковской системы[1]. В угольной промышленности, благодаря «рельсовым» протоколам ситуация не была столь остра, но, в целом, она менялась довольно медленно (рисунок 10). Даже в 1999 г. объём задолженности по зарплате в угольной отрасли оставался самым высоким в стране[2]. Внимание к данной проблеме в силу ряда объективных и субъективных причин несколько снизилось, что не позволило ей особенно влиять на протестную активность рабочих угольной промышленности. Вместе с тем подавляющее большинство акций протеста горняков было напрямую связано с невыплатой задолженности по зарплате.

В 1999 г. в структуре задолженности по зарплате неплатежи из бюджета составляли всего 5,3%. Основная же доля денежных средств, предназначенных для выплаты зарплаты, задерживалась потребителями угля (88%)[3]. Больше других угледобытчикам должны были энергетики, которые в свою очередь не могли получить долги со своих потребителей. По мнению руководства Росуглепрофа, если бы с энергетиками рассчитались, они могли бы почти полностью погасить задолженность перед шахтёрами[4].

При сравнительно низком уровне заработной платы, задолженность по ней в конце 1999 г. составляла 3,1 млрд. руб., или свыше 3,6 месяцев. По отдельным угольным компаниям этот показатель оставался на уровне 10–14 месяцев[5].

Таким образом, снижение реальной заработной платы и её нерегулярная выплата стали не только основной причиной протестного движения шахтёров

---

[1] Капелюшников Р. Указ. соч. С. 71.

[2] Кузнецов Н. Реструктуризация углепрома: оказывается она жива… // Наша газета. 1999. 27 мая. С. 3.

[3] Протокол Заседания комиссии по производственной и финансово-хозяйственной деятельности ОАО «Челябинскуголь» за 4 квартал и 1999 год, 1 марта 2000 г. // ГАРФ. Ф. 10112. Оп. 1. Д. 216. Л. 139; Краткие итоги работы угольной промышленности России за 1999 г. // Уголь. 2000. № 2. С. 50.

[4] Протокол Ростовского областного экстренного совещания работников угольной промышленности Российского Донбасса (16 ноября 1998 г.) // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52 (а). Л. 115; Выступление председателя Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности на Съезде работников угольной промышленности 17 ноября 1999 г. // Уголь. 1999. № 12. С. 9.

[5] Краткие итоги работы угольной промышленности России за 1999 г. // Уголь. 2000. № 2. С. 50; Касецкий Ю. Последний праздник шахтеров в Артеме? На «Амурской» получают зарплату уже за октябрь. Правда, прошлого года… // Выбор (Артём). 1999. 27 августа.

России, но и тем фактором, который объединял их с трудящимися и пенсионерами всей страны.

Приватизация угледобывающих предприятий способствовала появлению такой проблемы как *борьба за передел собственности.* Эта борьба подпитывалась как на теоретическом, так и практическом уровне. В пользу приватизации были Правительство РФ, региональные власти, отечественные учёные-экономисты и др. Сложнее было убедить в этом рабочих. Тем более, когда меняли одного собственника на другого. То, что шахты и разрезы не нужны государству, рабочие поняли уже в начале 1990-х гг. Однако тогда ещё не было печально известных примеров частной приватизации, а будущие собственники хоть как-то учитывали мнение рабочих при установлении своих порядков.

В середине 1990-х гг. такие примеры стали весьма известными. Достаточно упомянуть шахту «Кузнецкая» (Кемеровская область), где трудовой конфликт на данной почве растянулся на годы.

В конце рассматриваемого периода борьба за будущую прибыль развернулась с особой силой по следующим причинам. Во-первых, появилась благоприятная конъюнктура мировых цен на уголь. Во-вторых, в частной собственности тогда находилось уже большинство предприятий, потребляющих уголь. Соответственно со стороны металлургических и других компаний появилась необходимость в надёжных поставках угольной продукции. В-третьих, приватизированные предприятия показывали большую лояльность региональным властям, в том числе и в вопросе материальной поддержки социальной сферы.

Высокая активность потенциальных собственников шахт и разрезов столкнулась с недоверием многих рабочих, чьи взгляды разделяло немало директоров и угольных экспертов[1]. Порой они ссылались на мировой опыт реструктуризации, где национализация рассматривалась как один из вариантов сохранения конкурентоспособности угольной промышленности на внутреннем и

[1] Богопольский И.Е., Климов С.Л., Проскуряков В.В. Указ. соч. С. 33.

внешнем рынках. Наиболее сильным аргументом в пользу национализации являлось то, что на частные компании почти невозможно возложить полную ответственность за регион, на который реструктурируемые отрасли длительное время оказывали сильное влияние[1]. Сдержанное отношение к приватизации имелось у Комитета по угольной промышленности («Углекомитет»), созданного в конце 1998 г. при Минтопэнерго РФ. Ему были подчинены многие департаменты и государственные учреждения, контролировавшие деятельность шахт и разрезов. По сути, была воссоздана централизованная система вмешательства государства в деятельность угольных компаний, которая противостояла дальнейшей либерализации угольного рынка.

Неполноценная правовая база, отсутствие прозрачного механизма изменения форм собственности, давление заинтересованных сторон, а также недостаточность ясных гарантий будущего горняков провоцировали открытое противостояние. Некоторые конфликты приобрели острый, хронический характер, как например, на разрезе «Черниговец» (Кемеровская область)[2]. Однако это было выгодно будущим собственникам, так как позволяло быстрее довести предприятие до банкротства и в дальнейшем приватизировать его[3].

Таким образом, борьба за передел собственности стала дополнительным ударом по экономической деятельности шахт и разрезов.

В целом, макроэкономическая либерализация свелись к сокращению угледобычи, и не затрагивала качественных изменений в шахтёрской политике российского государства. Внимание авторов реформ акцентировалось не на перспективах отрасли и её работниках, а на сокращении расходов госбюджета. Такая политика привела к потере важного места угольной промышленности в топливно-энергетическом комплексе страны, увеличению количества отраслевых проблем и усилению их взаимосвязи. Начавшаяся в конце 1994 г.

---

[1] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 45–46.

[2] Рудык Э.Н., Керемецкий Я.Н., Булавка Л.А. Указ. соч. С. 96–113.

[3] Ильясова Г. Кому это выгодно? // Заполярье. 1998. 16 сентября; В «дорожную войну» вступают женщины // Красное знамя. 1998. 16 сентября. С. 1.

реструктуризация угольной промышленности была мало связана с реальным реформированием шахтёрской отрасли. В основном, она свелась к массовой ликвидации убыточных и неперспективных угольных предприятий и значительному высвобождению работников отрасли без гарантированного обеспечения финансирования их социальной защиты и последующего трудоустройства.

1.3 Социальные проблемы населения углепромышленных городов и посёлков

Подавляющая часть населения России испытывала не менее тяжёлые последствия «шоковой терапии», чем трудящиеся углепромышленных городов и посёлков. Однако их борьба за социально-экономические права и интересы была менее заметна. Вполне закономерно, что на высокий уровень протестной активности горняков влияли не только политические факторы и проблемы в угольной промышленности страны, но и сложная ситуация в социальной сфере шахтёрских территорий. Во многом она стала следствием разрастания кризисных явлений, начиная с советского времени. Это ярко продемонстрировали массовые забастовки 1989 г., когда острый характер приобрели такие социально значимые вопросы горняков, как: обеспечение товарами первой необходимости, переселение из ветхого жилья, состояние экологии и т.д. Массовые выступления рабочих в годы «перестройки» стали серьёзным сигналом для власти о существенном ухудшении жизненного уровня населения индустриальных регионов страны.

Уже тогда лидеры шахтёрского движения надеялись посредством смены политической и экономической систем быстро улучшить жизнь рабочих. В своих выступлениях они часто указывали на развитые капиталистические государства, подчёркивая, как там хорошо живётся всем людям. При этом оппозиционеры забывали, какой исторический путь пришлось преодолеть странам Запада на пути

построения социального рыночного хозяйства, благополучия всех граждан и т.п. Для руководителей шахтёрского движения главной задачей являлась борьба с «коммунистическим режимом». Их больше занимал сам забастовочный процесс, а не социальные вопросы горняков[1]. Переход к рынку и защита от него наиболее уязвимой части шахтёрского населения так и не были осуществлены в советское время.

Иллюзии рабочих советской эпохи о быстром построении общества потребления в условиях капитализма были быстро развеяны трудностями переходного периода 1990-х гг. Ослабление государственного регулирования хозяйственной и социальной деятельности на рубеже 1980-х – 1990-х гг. привело к революционной ломке социальной системы. Руководство Российской Федерации стало вырабатывать новую социальную политику, основанную на либеральном механизме в экономике и политике. Президент Б. Ельцин обещал в кратчайшие сроки сделать россиян богатыми и счастливыми. Однако этого не произошло, радикальные либеральные преобразования способствовали реализации социально-экономических интересов только узкого слоя граждан страны. Подавляющая часть трудящихся, в том числе и шахтёры, оказались в ещё большей нужде, чем в кризисные советские времена. Исследования, проведённые в 1994–1995 гг. на шахтах Кузбасса показали, что рабочие были психологически не готовы к таким преобразованиям. В итоге реструктуризация приняла характер ведомственной реформы, проводимой в неподготовленной социальной среде[2].

Реструктуризация угольной отрасли России радикально отличалась от аналогичных процессов, протекавших в других странах мира. Все отрасли российской экономики не только стояли перед перспективой значительных изменений, но уже резко снизили уровень производства и у них образовался избыток трудовых ресурсов, чего не было ни в одной стране мира. Большинство

---

[1] Голиков В. О состоянии и перспективах развития рабочего движения в СССР // Наша газета. 1990. 8 мая. С. 2; Левчик Д.А. Забастовочное движение шахтеров 1988–1991 гг. // Социс. 2003. № 10. С. 115; Фридман Ю.А. Речко Г.Н. Кузбасс: структурный пасьянс // ЭКО. 2011. № 9. С. 49.

[2] Бизюков П., Бурнышев К. Реформой – по углю! // ЭКО. 1997. № 2. С. 88–89.

промышленных отраслей не имели широкомасштабных дотаций государства, которые могли бы поддержать процессы адаптации к рыночным условиям. Всё это требовало осуществления широкомасштабной реорганизации переподготовки работников угольной промышленности и выделения для этих целей необходимых средств из госбюджета[1].

С первых же дней реформирование угольной промышленности России сопровождалось парадоксальными явлениями, которые сложно объяснить какими-либо объективными экономическими законами. До 1993 г. включительно, на фоне спада угледобычи и роста социально-экономических проблем шахтёрских городов и посёлков, продолжался рост численности работников угольной промышленности[2]. Конечно, на макроэкономическом уровне это сдерживало безработицу, на микроэкономическом – обещало госдотации. Однако в дальнейшем это усугубило обстановку на шахтах и разрезах в связи с ростом дефицита финансовых ресурсов.

В рассматриваемое время наиболее негативными явлениями в социальной сфере шахтёрских городов и посёлков Российской Федерации являлись следующие. Это падение уровня жизни населения, рост профессиональных и социальных заболеваний, безработица, распространение криминала, деградация социальной инфраструктуры, переселение жителей Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, деформации в социально-профессиональной структуре шахтёрского сообщества.

В основе *падения уровня жизни населения*, начиная с января 1992 г., были инфляционные процессы, которые быстро подорвали социальную стабильность в углепромышленных регионах[3]. Рост цен в них являлся более динамичным, и оказал более разрушительное воздействие на социальные процессы, чем в

---

[1] Повышение конкурентоспособности высвобождаемой рабочей силы в условиях реструктуризации угольной промышленности, 10 ноября 1996 г. // ГАРФ. Ф. 10204. Оп. 2. Д. 102. Л. 35–36.

[2] Гордон Л.А. Крутой пласт ... С. 52.

[3] Протокол заседания президиума Ростовского территориального комитета профсоюза рабочих угольной промышленности, г. Шахты, 14.01.1992 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.

нешахтёрских регионах, так как существенное падение объёмов угледобычи сделало рабочих экономически более уязвимыми. Кроме того, индустриальные районы ещё с советских времён испытывали серьёзную зависимость от поставок продовольственных продуктов и товаров широкого потребления из других территорий, что объективно стимулировало рост их конечной стоимости. Отсутствие «живых» денег и рост взаимозачётов провоцировали рост реальной задолженности и снижение жизненного уровня, так как цены на товары в шахтовых магазинах были, как правило, выше рыночных. Неудивительно, что в мае 1992 г. Кемеровская область, например, оказалась в первой десятке субъектов РФ, где цены были выше чем во всех остальных. Их рост достигал 20% в неделю[1]. После второго января 1992 г. «тормозок» стал стоить здесь от 30 до 70 руб., а шахтёру по тарифу за смену платили только 32 руб.[2] В последующие месяцы темпы инфляции стали ниже, но всё равно оставались достаточно высокими. К примеру, в Приморском крае в четвёртом квартале 1992 г. они составляли ежемесячно 23–25%[3].

Таким образом, инфляционные процессы не только дестабилизировали хозяйственную деятельность угледобывающих предприятий, но и серьёзно подорвали жизненный уровень населения шахтёрских городов и посёлков. Неуправляемый рост цен в условиях отсутствия необходимой социальной защиты стал признаком неэффективной политики власти и важным аргументом роста протестного движения.

Изменить положение в лучшую сторону было возможно благодаря повышению заработной платы горнякам и реализации программ социальной поддержки населения шахтёрских городов и посёлков. Однако этого не происходило. В силу профессиональной специфики шахтёры оказались более

---

[1] Протокол конференции трудовых коллективов угольных предприятий г. Прокопьевска от 28 мая 1992 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 315. Л. 32.

[2] Салтымаков С. Кузбасс: тревога осталась // На-гора! 1992. № 4, 24–30 января. С. 7.

[3] Шашков Н.И. Приморье в конце двух веков. Владивосток, 1996. С. 92.

уязвимы, чем рабочие других отраслей. Они, например, фактически были лишены такого способа выживания как подработка.

Уже через два года рыночных преобразований все заработанные деньги шахтёрские семьи тратили в основном на приобретение продуктов питания и товаров первой необходимости[1]. На качественные промышленные товары и услуги, как правило, средств не оставалось.

Эксперты неоднократно подчёркивали нищенский уровень жизни шахтёрских семей, необходимость их материально-финансовой поддержки со стороны государства[2]. Однако власть оказалась неспособной эффективно реагировать на такие призывы.

Падение уровня жизни горняков привело к ухудшению их питания, медицинского обеспечения и снижению престижа профессии. Особенно негативно отразилось это на питании шахтёрских семей. В рассматриваемое время подавляющее большинство населения углепромышленных регионов стали больше потреблять хлеба и картофеля и гораздо меньше мясных и молочных продуктов, а также рыбы, овощей и фруктов[3]. Где это было возможно, шахтёрские семьи спасались благодаря подсобному хозяйству. Очень сложно решить вопрос с полноценным питанием было населению шахтёрских территорий, расположенных за Полярным кругом, где люди не могли рассчитывать на огородные и приусадебные участки, подсобные хозяйства.

Ситуация усугублялась тем, что угольная промышленность являлась наиболее трудоёмкой[4]. Низкий уровень калорийности пищи, отсутствие в рационе достаточного количества витаминов и животного белка снижали производительность труда рабочих, что в свою очередь уменьшало уровень их заработной платы. Особенно непросто было рабочим, испытывавшим тяжелые

---

[1] Рогалис Л. «Я замучилась сводить концы с концами» // Наш город. 1994. 12 февраля.

[2] См. например: Бизюков П.В. Такое ненадежное «черное золото» (записал Н. Счетчиков) // Аргументы и факты в Кузбассе. 1995. № 9 (март). С. 2.

[3] Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.1/Госкомстат России. М., 2000. С. 429.

[4] Проблемы социальной защиты работников угольной промышленности в условиях ее реструктуризации, 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10204. Оп. 2. Д. 90. Л. 37.

физические нагрузки под землёй. Им пришлось заменить полноценное горячее питание на «хлеб с вареньем»[1].

Проведённое исследование показало, что среди горняков имелись многочисленные факты потери сознания от недоедания. Часто они не пользовались «тормозком», а оставляли его детям[2]. Таким образом, дети спасались от голодных обмороков, которые стали обыденным явлением в жизни шахтёрских семей[3].

Рост дефицита госбюджета не только не позволял оперативно решать социально значимые вопросы угледобытчиков, но даже поддерживать тот уровень защиты, который они имели в начале рассматриваемого времени. Часто формально шахта не закрывалась, а консервировалась. Значит, социальные мероприятия можно было переносить на какой-то отдалённый срок. Это позволяло федеральным и региональным властям откладывать решение шахтёрских вопросов. В итоге социальная поддержка в основном сводилась к выдаче пособий по безработице. Однако местные органы занятости хронически не имели для этого необходимых средств. Из-за финансового дефицита не выплачивались пособия инвалидам труда и семьям погибших шахтёров[4].

Отсутствие у Правительства РФ широкомасштабного и глубоко продуманного плана социальной обеспечения угледобытчиков, как это было,

---

[1] Протокол конференции предприятий угольной промышленности г. Прокопьевска от 12 февраля 1994 г. Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 320. Л. 16; Луцкий Ю. Реструктуризация по-Российски // Горняцкая солидарность. 1997. 6 июня.

[2] Криволапов Б. Угольщики и энергетики Приморья объединились для совместной борьбы, 31.05.1996 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 173. Л. 53; Качаев А. Пора идти на рельсы? На вопрос голодного ребенка; «Папа, ты принес деньги?» – шахтеру Партизанска ответить нечего вот уже шестой месяц // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 27 июля. С. 1; Протокол внеочередной Ростовской территориальной конференции Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 30 сентября 1997 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 42. Л. 5.

[3] Протокол Ростовской территориальной конференции Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 25 ноября 1996 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 32. Л. 31.

[4] Протокол заседания президиума Ростовского территориального комитета независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 30.09.1994 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 14. Л. 144.

например, в Польше[1], поставило население шахтёрских городов и посёлков в условия естественного отбора. По уровню бедности углепромышленные регионы имели антирекорды. Так, например, в Приморье он составлял 33,5% (при 23% в среднем по России по состоянию на первое января 1997 г.)[2]. Подавляющая часть жителей многих шахтёрских городов и посёлков, даже таких как Воркута, проживала за чертой бедности[3].

Своего дна падение уровня жизни горняков достигло в 1998 г. Тогда этому способствовало дальнейшее отставание уровня оплаты труда от темпов инфляции (рисунок 9). В то же время, как никогда ранее, огромных объёмов достигли задержки заработной платы. В совокупности данные негативные процессы приобрели динамичный и острый характер. При этом социальные расходы федерального бюджета в условиях продолжавшегося спада снизились как в реальном выражении, так и в процентах к ВВП[4]. Бюджеты местного и регионального уровня были не в силах поддержать даже самых бедных. Не оказывали действенную помощь горнякам органы власти и управления.

Низкий уровень доходов рабочих сохранялся в тех городах и посёлках, которые более других пострадали от негативных последствий реструктуризации угольной промышленности. Это серьёзным образом влияло на общую ситуацию в крупных шахтёрских территориях. В Кемеровской области, например, реальные денежные доходы, по сравнению с предыдущим годом, снизились на 34,5%, и по этому показателю регион уступал многим соседним субъектам Российской Федерации[5]. В структуре денежных расходов населения шахтёрских регионов наблюдалось снижение трат на покупку товаров и оплату услуг. Их жители стали

---

[1] Попов В.Н., Рожков А.А. Социально-экономические аспекты реструктуризации угольной промышленности Польши // Уголь. 2000. № 4. С. 45.

[2] Информация от 23 апреля 1997 года о социально-экономической ситуации Приморского края // ГАПК. Ф.Р-1694. Оп. 1. Д. 580. Л. 6.

[3] Письмо депутатов Совета г. Воркуты Президенту РФ Б.Н. Ельцину, Председателю Правительства РФ С.В. Кириенко, депутатам ГД ФС РФ, 18.05.98 г. // Муниципальное бюджетное учреждение «Воркутинский муниципальный архив». Ф. 5. Оп. 1. Д. 1691. Л. 8.

[4] Дмитриев М. Социальная сфера в условиях финансового кризиса: проблемы адаптации // Вопросы экономики. 1999. № 2. С. 54–55.

[5] Российский статистический ежегодник: Стат.сб./Госкомстат России. М., 2000. С. 144.

ещё меньше употреблять в пищу мясных и молочных продуктов, и больше кушать картофеля и хлебных продуктов[1]. Небывалый характер социальных проблем подчёркивают факты исчезновения прежних форм поддержки рабочих, например, «отоварка» под зарплату в магазинах предприятий[2].

Ситуацию усугубляло то, что обнищание рабочих угольной отрасли происходило на фоне усиливавшейся социальной дифференциации общества. Так, например, в Республике Коми среднедушевые доходы 10% наиболее обеспеченного населения в 13 раз превышали доходы 10% наименее обеспеченных, в то время как в развитых странах это расхождение составляло 4–6 раз[3]. Вызывающее поведение небольшой кучки богатых порождало справедливое возмущение рабочих своим бедственным положением, создавало дополнительную угрозу национальной безопасности России[4].

Трудящиеся угольных предприятий продолжали спасаться за счёт подсобных хозяйств, временных подработок, пенсий родителей, дедушек и бабушек, а также профсоюзных денег, на которые кормили наиболее нуждающихся работников. Однако это не всегда гарантировало возможность решения насущных проблем. В 1998 г. уже стоял вопрос не столько о качестве питания шахтёров, сколько о ежедневной возможности иметь пищу. Ещё более распространенным явлением стал голод их детей, тем более невозможность обеспечить им летний отдых[5]. Бедность стала катализатором многих семейных проблем. Часто она сплачивала близких родственников, но порой сопровождалась трагическими результатами.

---

[1] Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.1/ Госкомстат России. М., 2001. С. 147, 286, 512; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 92–93.

[2] Протокол № 14 заседания профкома НПУ и исполнительного комитета НПГ от 04.02.98 г. // НАРК. Ф.Р-2082. Оп. 1. Д. 762. Л. 16.

[3] История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. Сыктывкар, 2004. С. 687.

[4] Штурба Е.В. Формирование и реализация концепции национальной безопасности Российской Федерации в 1992–2004 гг. Автореферат … докт. ист. наук. М., 2009. С. 6–7.

[5] Протокол XII Отчётно-выборной конференции Ростовской территориальной организации Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 28 апреля 1998 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52 (а). Л. 6; Письмо депутатов Совета г. Воркуты Главе Республики Коми Ю.А. Спиридонову, 18.05.98 г. // Муниципальное бюджетное учреждение «Воркутинский муниципальный архив». Ф. 5. Оп. 1. Д. 1691. Л. 18; Овчинников В. Интинский эксперимент. Бал правит принцип «умри сегодня ты, а я завтра» // Трибуна. 1998. 11 декабря. С. 3 и др.

На рубеже 1998–1999 гг. обозначилась позитивная динамика решения социальных проблем, которая выразилась и в повышении уровня жизни шахтёрских семей. Однако, в целом, сохранялось зыбкое положение, так как реальная зарплата увеличивалась медленно (рисунок 9), при этом объёмы задолженности по зарплате оставались значительными.

В наиболее худшем положении с возвращением долгов и, соответственно, в бедственном положении оказались шахтёры тех территорий, которые не считались стратегически важными на угольном рынке, например, Тульской области. В трудовых коллективах ОАО «Тулауголь», например, задолженность по заработной плате летом 1999 г. составляла 12 месяцев, поэтому часто рабочие шли в шахту «полуголодные»[1]. В то время тульские горняки показывали самую высокую степень решительности, но она не встречала широкой поддержки, так как во многих других углепромышленных территориях (например, Кузбассе) имелась положительная динамика решения социальных проблем.

Бедная жизнь рабочих угольной промышленности способствовала дальнейшему распространению болезней и преступности[2]. Она угнетала и озлобляла людей. Фотодокументы и свидетельства многих очевидцев подчёркивают недоброжелательную атмосферу, сложившуюся в то время в шахтёрских городах и посёлках. Известный российский журналист и эксперт в области угольной промышленности – Б. Синявский, весной 1998 г. заметил, что улыбающийся человек на улицах Воркуты – редкость, а сам город был в глубочайшей депрессии[3]. Подобная картина наблюдалась и в других шахтёрских городах и посёлках России.

В целом, государство не сумело создать реальный механизм борьбы с бедностью шахтёрских семей. Тема «пропасти нищеты и бедности», часто

---

[1] Резолюция собрания представителей трудовых коллективов, предприятий и организаций ОАО «Тулауголь», 9 августа 1999 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 57. Л. 147.

[2] Решение коллегии прокуратуры Приморского края от 17 июля 1998 г. // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 157. Л. 53.

[3] Синявский Б. Навечно замороженные // Известия. 1998. 27 мая. С. 4.

поднимавшаяся на страницах местных газет[1], встречала живой отклик у населения углепромышленных территорий. Всё это создавало условия для совместных выступлений трудящихся различных социально-профессиональных групп.

Недоедание, низкий уровень калорийности пищи, недостаточное количество витаминных продуктов в совокупности с ухудшением экологии и медицинского обеспечения населения, а также частые акции протеста (особенно голодовки и подземные «забастовки») привели к *росту профессиональных и социальных заболеваний*. В то время угледобыча в наибольшей степени характеризовалась тяжелыми, вредными и опасными условиями труда среди других отраслей промышленности[2]. Она занимала первое место среди отраслей индустриального сектора по уровню профессиональной заболеваемости работников, их травматизму, в том числе со смертельным исходом.

Наибольший удельный вес профзаболеваний приходился на угольные предприятия Ростовской (35,4%) и Кемеровской (23,7%) областей, Республики Коми (16%), Приморского края (6%). Такое положение с заболеваемостью являлось следствием того, что в условиях экономической перестройки в отрасли была нарушена существовавшая ранее система по охране здоровья и профилактике заболеваний. На предприятиях отрасли ухудшили или прекратили свою деятельность инженерно-врачебные бригады, а в объединениях – санитарно-промышленные лаборатории, почти ликвидирована была цеховая врачебная служба, резко ухудшили профилактическую работу по снижению заболеваемости здравпункты и санатории-профилактории. Комиссии по социальному страхованию занимались только оплатой больничных листов и выдачей пособий,

---

[1] См. например: За чертой бедности // Заполярье. 1998. 28 июля.

[2] Главный итог ударного закрытия шахт // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 344. Л. 12 (об.); Постановление президиума Ростовского теркома Росуглепрофсоюза // Знамя шахтера. 1998. 21 мая; Россихин В. Анализ состояния охраны труда и здоровья на предприятиях угольной промышленности России // Искра. 1998. 28 мая.

а врачи цеховой службы осуществляли в основном поликлинический приём и не работали с инженерными службами по устранению причин заболеваемости[1].

Пик роста профессиональных заболеваний и случаев смертельного травматизма приходится на вторую половину 1990-х гг.[2], когда в других отраслях он уже снижался[3]. Главная причина производственных травм и заболеваний, а также случаев со смертельным исходом являлась устаревшая техника, а также чрезмерный износ оборудования. Денег на покупку новой техники и оборудования не было, поэтому аварии на шахтах стали обыденным явлением. В условиях рыночной конкуренции работники угольной промышленности часто закрывали глаза на элементарные требования технической безопасности, не реагировали на запрещения проводить под землёй акции протеста, не занимались профилактикой и быстрой диагностикой заболеваний.

На первом месте среди социально значимых болезней следует поставить дефицит веса (дистрофия), который в середине 1990-х гг. приобрёл среди шахтёров массовый характер[4]. Предприятия могли помочь только особо нуждающимся, а государство фактически отвернулось от голодных людей. Работа всевозможных специализированных комиссий по решению социальных вопросов порой приобретала формальный характер.

На высокую динамику социально значимых болезней воздействовало широкое распространение алкоголизма и наркомании, а также сложная экологическая ситуация в шахтёрских регионах. Нельзя недооценивать и кризис нравственности, охвативший в то время страну. Неудивительно, что особую обеспокоенность из социально значимых заболеваний вызывали туберкулез,

---

[1] Стенографический отчет II отчетно-выборной конференции Федерации профсоюзов Приморского края от 29 ноября 1995 г. // ГАПК. Ф.Р-1186. Оп. 3. Д. 396. Л. 56; Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 205–206.

[2] Рушкевич О.П. Обсуждаются проблемы охраны труда и здоровья шахтеров // Уголь. 2000. № 5. С. 56; Мохначук И.И. Охрана труда и промышленная безопасность в угольной промышленности России // Уголь. 2003. № 8. С. 36.

[3] Российский статистический ежегодник. 2003: Стат.сб./Госкомстат России. М., 2003. С. 164.

[4] Егорова Е. Красный уголёк. Почему Кузбасс за Зюганова // На-гора! 1996. № 19–20, август. С. 7.

сифилис и ВИЧ-инфекция. Масштабы их распространения приобрели небывалый характер и вызывали серьёзную тревогу у специалистов[1].

Постоянные стрессы, отсутствие каких-либо перспектив и общая нервозность оказывали деморализующее воздействие на горняков. Многие из них не пытались поддерживать собственное здоровье даже на уровне спортзала[2].

Болезни и в связи с ними частые смертельные исходы озлобляли горняков, делали их более агрессивными на производстве, в жизни и борьбе за отстаивание своих социально-экономических прав и интересов. Они не боялись открыто заявлять, что «терять им больше нечего», и готовы были идти «до конца».

В 1990-е гг. шахтёрское сообщество столкнулось с такой, до того им неизвестной социальной проблемой, как *безработица*. Реструктуризация угольной промышленности в основном сводилась к закрытию большого количества «неперспективных» предприятий, что повлекло сокращение значительного числа работников. Наибольшее сокращение численности работников при ликвидации особо убыточных и неперспективных предприятий произошло в Ростовской и Кемеровской областях[3].

Процессы массового увольнения рабочих в ходе реструктуризации угольной промышленности мировая история знала и раньше. Однако уровень неподготовленности к этому в России превзошёл все пессимистические прогнозы.

Среди объективных причин неэффективного решения проблем занятости уволенных горняков выделяются следующие: 1) монопрофильный характер большинства шахтёрских городов и посёлков; 2) дефицит финансовых средств в региональных и местных бюджетах; 3) отсутствие специальных структур по переподготовке безработных и созданию новых рабочих мест; 4) низкий уровень

---

[1] Протокол заседания V Пленума Ростовского областного комитета КПРФ // ЦДНИРО. Ф. 3703. Оп. 1. Д. 32. Л. 70; Об уголовной ответственности говорят врачи // Искра. 1998. 27 мая; Роскошь или необходимость? // Заполярье. 1998. 20 мая.

[2] Протокол № 14 расширенного заседания профсоюзного комитета НПУ, председателей участковых комитетов и администрации шахты от 16.09.1997 года // НАРК. Ф.Р-2082. Оп. 1. Д. 747. Л. 49.

[3] Повышение конкурентоспособности высвобождаемой рабочей силы в условиях реструктуризации угольной промышленности, 10 ноября 1996 г. // ГАРФ. Ф. 10204. Оп. 2. Д. 101. Л. 109; Рожков А.А. Социально-экономические последствия реструктуризации угольной отрасли России. М., 2003. С. 41.

инвестиций в производственную инфраструктуру; 5) несвоевременное выполнение Правительством РФ социальных обязательств, которые предусматривались технико-экономическим обоснованием ликвидируемых шахт; 6) кризисное положение в других отраслях экономики; 7) малопривлекательные условия ведения предпринимательской деятельности[1]; 8) усиливавшиеся потоки иммигрантов, в том числе рабочих-шахтёров из ближнего зарубежья[2].

Имелись и субъективные причины увеличения численности безработных среди шахтёров. Кадровые работники угольной индустрии сложнее адаптировались к условиям работы в других отраслях промышленности и народного хозяйства, труднее обучались новым профессиям[3]. Многие эксперты, связанные с угольной отраслью, отмечали, что шахтёров сложно было заставить идти работать даже на завод, или, хотя бы, переехать в другой город в случае предоставления работы на другой шахте[4].

Такое явление не было специфической чертой поведения российских шахтёров. В ходе реструктуризации угольной промышленности Великобритании, например, почти 100 тыс. бывших горняков так никогда и не нашли другой работы. Многие и не пытались это сделать и доживали свой век на пособие по безработице[5]. Данные таблицы 4 показывают, что наиболее сложным для адаптации российских горняков к новым социально-экономическим реалиям стал первый этап реструктуризации – 1994–1997 гг.

---

[1] Никифоров О.А. Развитие малого предпринимательства в Западной Сибири (1990–1999 гг.). Дисс. … докт. ист. наук. Красноярск, 2004. С. 286; Горбанева С. Борис Немцов в Шахтах: взгляд из 1998-го… // Пласт. 2015. 15 марта. С. 4.

[2] Архивный отдел администрации г. Ленинск-Кузнецкого. Ф. 26. Оп. 1. Д. 655. Л. 159; Хроника трудового подвига. Междуреченск, 2005. С. 323; Борисов В.А. Чем заняться за Полярным кругом ... С. 29, 34; Воспоминания В.С. Цыбо. Стенограмма беседы от 15 сентября 2012 г.

[3] Повышение конкурентоспособности высвобождаемой рабочей силы в условиях реструктуризации угольной промышленности, 30 октября 1996 г. // ГАРФ. Ф. 10204. Оп. 2. Д. 101. Л. 93.

[4] Проблемы социальной защиты работников угольной промышленности в условиях ее реструктуризации, 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10204. Оп. 2. Д. 90. Л. 110; Бизюков П.В., Варшавская Е.Я. Указ. соч. С. 13–14.

[5] Из истории забастовочного движения шахтеров // Уголь. 2005. № 10. С. 73.

Таблица 4 – Соотношение количества уволенных работников с последующим самостоятельным трудоустройством из ликвидируемых организаций угольной отрасли за годы реструктуризации (1994–1999 гг.)[1]

Показатели	Годы реструктуризации угольной промышленности					
	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Количество, чел.	5236	6658	6405	7498	29877	10699
Трудоустроилось самостоятельно, %	6,1	7,8	7,5	8,7	34,8	12,5

Отсутствие программ занятости высвобождаемых работников отрасли[2] способствовало существенному увеличению безработицы в шахтёрских территориях, начиная с 1994 г. (таблица 5).

Таблица 5 – Уровень официально зарегистрированной безработицы по углепромышленным регионам РФ за 1994–1999 гг., %[3]

Наименование регионов	Уровень официально зарегистрированной безработицы по годам					
	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Пермская область	3,2	2,4	2,4	3,6	1,2	1,0
Ростовская область	0,8	1,04	0,98	0,93	1,26	0,69
Тульская область	0,88	1,76	3,08	2,13	1,73	1,07
Кемеровская область	0,88	1,45	2,24	1,9	2,7	1,6
Челябинская область	2,09	2,98	2,6	2,22	2,2	1,1
Сахалинская область	3,2	4,3	3,2	4,2	6,1	3,9
Республика Коми	-	-	-	-	6,29	4,28
Амурская область	3,1	**5,7**	4,0	2,3	2,8	1,8
Приморский край	1,3	2,4	3,7	3,7	3,3	2,3
Магаданская область	-	-	-	-	4,56	4,2
Новосибирская область	-	-	-	-	1,43	1,0

[1] Гончаренко Д.П. Человеческий фактор в угольном бизнесе // Уголь. 2005. № 11. С. 48.

[2] Письмо председателя НПГР А.А. Сергеева Президенту России Ельцину Б.Н., Председателю Совета Министров–Правительства РФ Черномырдину В.С. и др., 4 ноября 1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5673. Л. 15.

[3] Гончаренко Д.П. Человеческий фактор в угольном бизнесе // Уголь. 2005. № 11. С. 49.

Республика Саха (Якутия)	-	-	-	-	2,3	1,1
Смоленская область	0,3	0,8	1,7	1,1	0,9	0,4
Тверская область	1,3	1,8	2,7	1,4	1,5	0,9
Ленинградская область	**3,7**	5,2	**6,3**	**4,6**	4,6	2,3
Калужская область	-	-	-	-	2,0	1,3
Свердловская область	2,6	3,3	3,3	2,7	2,7	1,5
Республика Башкортостан	-	-	-	-	**10,3**	**7,6**
Оренбургская область	-	-	-	-	-	-
Чукотский АО	-	-	-	2,9	4,1	5,3
Красноярский край	1,8	3,0	3,8	3,8	4,3	3,3
Читинская область	-	-	-	-	3,49	2,0
Республика Бурятия	1,4	1,8	2,2	3,0	3,1	2,0
Средний по РФ	2,0	3,2	3,4	2,7	2,5	1,7

Особенно высокие уровни зарегистрированной безработицы в процессе реструктуризации угольной отрасли сложились в небольших шахтёрских территориях: Макаровском и Углегорском районах Сахалинской области, г. Гусиноозерск Республики Бурятия, г. Гремячинск Пермской области, гг. Анжеро-Судженск, Прокопьевск и Полысаево Кемеровской области, пос. Шарыпово Красноярского края и др.[1]

При этом следует иметь в виду, что уровень официально зарегистрированной безработицы из-за не учёта скрытой безработицы и других причин был в несколько раз ниже её фактического уровня. Так, например, по состоянию на первое марта 1997 г. уровень безработицы в Приморье по методологии

[1] Ротин В.Г. Основные проблемы шахтерских городов и пути их решения на втором этапе реструктуризации угольной промышленности // Уголь. 2000. № 3. С. 6; Пяткин А.М. Указ. соч. С. 75.

Международной организации труда достиг 12,2%, а в ряде депрессивных моноотраслевых городов и районов был значительно выше[1].

С точки зрения масштабной социальной нестабильности, наибольшую угрозу проблема безработицы представляла в ведущих углепромышленных регионах страны – Кузбассе, Российском Донбассе и Печорском угольном бассейне. В конце рассматриваемого периода количество горняков, оставшихся без работы в данных регионах, стабильно увеличивалось, что вызывало беспокойство даже на уровне Правительства РФ[2]. Наиболее остро эта проблема обозначилась в шахтёрских городах, где уровень безработицы был выше среднего по региону. В г. Анжеро-Судженске шахтёры в 1997 г. составляли 57% от общего количества безработных[3]. Особенно высока была безработица среди женщин и молодёжи[4], а также рабочих с подземным стажем, так как после 15–20 лет большинство из них были «полуинвалидами»[5], то есть никому не нужными.

Те шахтёры, которые всё-таки желали получить другую работу, имели мало возможностей, так как на уровне органов власти не проводилась целенаправленная деятельность по данному вопросу. В течение 1995 г., например, было поставлено на учёт по основным углепромышленным регионам 11915 высвобожденных работников, из них трудоустроено 3458 человек, направлено на профессиональное обучение 588 человек[6]. То есть почти две трети работников остались без господдержки. В 1996 г. это соотношение увеличилось до пяти раз, что явилось следствием ограниченных объёмов целевого бюджетного финансирования, недостаточным привлечением средств из других источников,

---

[1] Информация от 23 апреля 1997 года о социально-экономической ситуации Приморского края // ГАПК. Ф.Р-1694. Оп. 1. Д. 580. Л. 6.

[2] Повышение конкурентоспособности высвобождаемой рабочей силы в условиях реструктуризации угольной промышленности, 10 ноября 1996 г. // ГАРФ. Ф. 10204. Оп. 2. Д. 101. Л. 109; Рожков А.А. Указ. соч. С. 41 и др.

[3] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 83.

[4] Информация о социально-экономическом положении в угледобывающих регионах Ростовской области, 1997 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 8661. Л. 73.

[5] Телеграмма представителей коллективов шахт г. Партизанска Президенту России Ельцину Борису Николаевичу, 18 января 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3528. Л. 94–95.

[6] ГАРФ. Ф. 10204. Оп. 2. Д. 101. Л. 113.

отсутствием необходимого организационно-правового обеспечения этого процесса, а также инертностью и неподготовленностью многих региональных руководителей к предпринимательству и переходу на рыночные отношения[1].

Ситуацию осложняло то, что повсеместно закрывались предприятия и организации, в том числе частные. Нередко многие из зарегистрированных предприятий не занимались хозяйственной деятельностью[2]. Новые рабочие места создавались с большим трудом. Так, например, в г. Партизанске по состоянию на первое мая 1996 г. не было создано ни одного рабочего места для трудящихся закрывшихся шахт. В городском центре занятости стояло на учёте по безработице 1921 человек, неофициальных безработных было в два раза больше и в три раза больше людей, находившихся в вынужденных отпусках без оплаты[3].

По мнению работников Федеральной службы занятости России, в росте безработицы в углепромышленных территориях были повинны и руководители предприятий, которые создали критическую массу трудящихся. Из материалов данной организации следует, что за период с 1990 по 1994 гг., несмотря на значительное сокращение объема добычи угля (32,4%), численность персонала уменьшилась лишь на 16,2%[4], то есть была не адекватной.

Да и сами работники служб занятости особо не озадачивались будущим рабочих угольной промышленности. Так, например, в ходе социологических обследований, проводившихся под руководством Л. Гордона, было выявлено, что «в службе занятости Киреевска Тульской области не смогли сказать, кто из шахтёров после обучения предпринимательству занимался бы им»[5].

---

[1] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 183.

[2] Бандюков В. Информация о социально-экономическом состоянии г. Партизанска // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 42–43.

[3] Письмо Главы администрации г. Партизанска Бандюкова В.Г. Генеральному директору ГК «Росуголь» Малышеву Ю.Н., Первому заместителю Минтопэнерго Евтушенко А.Е., Главе администрации Приморского края Наздратенко Е.И. // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 2. Д. 921. Л. 34.

[4] Проблемы социальной защиты работников угольной промышленности в условиях ее реструктуризации, 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10204. Оп. 2. Д. 90. Л. 19.

[5] Гордон Л.А. Крутой пласт … С. 195.

Угроза потерять работу оказывала сильное деморализующее влияние на каждого работника угольной промышленности. Между тем, заметно больше беспокоила перспектива остаться без работы горняков Кузбасса, нежели, например, шахтёров Подмосковного бассейна. Поэтому в ходе акций протеста среди широкого перечня претензий к органам власти и управления фактически всегда встречалось требование обеспечения работой.

В 1996–1997 гг. ситуация усугубилась в виду массового распространения задержек пособий по безработице. Соответственно, стали менее действенными те формы поддержки работников, высвобождавшихся при ликвидации шахт, которые ранее оказывали им наибольшую помощь[1]. Это явилось дополнительным фактором усиления борьбы рабочих угольной промышленности со сложившейся в ходе преобразований системой социальной защиты.

Наиболее острый характер проблема безработицы приобрела в 1998 г., на что повлияли финансово-экономический кризис, продолжение стремительного закрытия «неперспективных» шахт без упреждающего создания рабочих мест, а также существенный приток мигрантов (особенно в Ростовскую область[2]).

1998 г. оказался «пиковым» по количеству вовлеченных одновременно в ликвидацию предприятий отрасли и массовому высвобождению персонала с закрываемых организаций. Подавляющее большинство работников ликвидируемых шахт были не довольны закрытием своих предприятий и в меньшей мере обращали внимание на другие, даже такие важные вопросы, как уровень зарплаты, условия и безопасность труда и т.д.[3]

По плану реструктуризации угольной промышленности Российской Федерации предусматривались значительные финансовые затраты, в том числе международных экономических организаций, на создание новых рабочих мест. Однако львиная доля запланированных на эти цели средств не доходила до

---

[1] Гордон Л.А. Крутой пласт … С. 85.
[2] РГАСПИ. Ф.-661. Оп. 1. Д. 310. Л. 76.
[3] Пяткин А.М. Указ. соч. С. 74.

уволенных горняков, их разворовывали или использовали не по назначению. Процесс создания рабочих мест протекал очень медленно, не соответствовал предусмотренным планам, а предложения о переквалификации реализовывались лишь в форме пилотных проектов[1]. К примеру, в Ростовской области пособие по безработице в июне 1998 г. получали 2607 человек, работавших ранее на предприятиях угольной отрасли. Между тем с начала года в области было создано всего 51 новое рабочее место[2].

Высокими темпами росла безработица, прежде всего в крупнейших углепромышленных регионах страны[3]. Даже там, где создавались рабочие места, не всегда они являлись профильными[4]. Самым печальным являлось то, что значительную часть оставшихся без работы составляла молодёжь[5]. В наиболее бедственном положении оказались те шахтёрские города и посёлки, которые являлись монопрофильными и находились на большом расстоянии от крупных городов. У рабочих этих городов и посёлков почти отсутствовала возможность «челночного» трудоустройства. Весной 1998 г. всплеск роста безработицы наблюдался в Приморском крае, особенно в г. Партизанске, в связи с массовым закрытием шахт и вспомогательных служб[6].

Безработица в свою очередь провоцировала рост бедности и криминализацию общества, а в целом подрывала у шахтёров уверенность в завтрашнем дне. Трудно было надеяться на их высокую вовлеченность в организации конструктивно-консенсусного типа[7]. Прав Л. Гордон в том, что

---

[1] Harte S., Grävingholt J., Pleines H., Schröder H-H. Geschäfte ... S. 212.

[2] Трибулева Е. Где работать шахтеру? // Знамя шахтера. 1998. 16 июня.

[3] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. С. 92–93.

[4] Постановление Пленума Приморской территориальной профсоюзной организации работников угольной промышленности № 4/1, г. Артем, 29 июня 1998 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 159. Л. 90.

[5] Сведения о составе граждан, обратившихся в органы службы занятости за январь–декабрь 1998 г. (министерство труда и занятости населения Республики Коми) // НАРК. Ф. 1439. Оп. 1. Д. 433. Л. 1; Сводки по труду по отраслям народного хозяйства, г. Ленинск-Кузнецкий, 1995 г. // Архивный отдел администрации г. Ленинск-Кузнецкого. Ф. 26. Оп. 1. Д. 676. Л. 62.

[6] Письмо Главы муниципального образования В. Бандюкова Председателю Думы Приморского края Дуднику С.А., 14.10.1999 г. // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 88. Л. 91.

[7] Дегтярев А., Жигунов Л. Указ. соч. С. 9–15.

угроза безработицы в г. Анжеро-Судженске стала одним из дополнительных факторов «рельсовой войны» в мае и июле 1998 г.[1]

Шахтёры чаще предпочитали активные методы протеста, чем соглашались с необходимостью адаптироваться к новым условиям. В мае 1998 г. на рельсах в основном «стояли» работники шахт, имевших длительный срок эксплуатации, которые являлись неперспективными, и по плану реструктуризации им грозила ликвидация[2].

Правительственный кризис августа 1998 г. заморозил наметившийся позитив в динамике обеспечения высвобождаемых шахтёров новыми рабочими местами. Продолжение закрытия нерентабельных угледобывающих предприятий без упреждающего создания новых рабочих мест, а также снижение предпринимательской активности в стране после дефолта заметно снизили возможности трудоустройства высвобождаемых горняков. Среди, подвергшихся сокращению, было много молодых рабочих (до 25 лет)[3].

Шахтёры по-прежнему составляли большинство в общей массе безработных небольших шахтёрских городов и посёлков[4]. Наиболее остро проблема в конце 1990-х гг. безработицы стояла в районах Крайнего Севера, особенно в Печорском угольном бассейне. В начале 1999 г. в Воркуте имелось 58 тыс. трудоизбыточного населения, в Инте (с населением около 60 тыс. человек) – 28 тыс.[5]

Весьма незначительно на улучшение ситуации повлияло развитие малого и среднего предпринимательства. Деятельность объектов инфраструктуры поддержки малого предпринимательства была недостаточно эффективна. Не в

---

[1] Гордон Л.А. Крутой пласт … С. 154.

[2] Поздняков Г.С. История города Анжеро-Судженска. Анжеро-Судженск. 2003. С. 167; Фомина Н. В одном шаге от рельсов // Шахтерская правда. 1998. 20 мая.

[3] Ротин В.Г. Указ. соч. С. 6.

[4] Протокол заседания постоянных комиссий Артемовской городской Думы по экономическим и социальным вопросам, 08.09.98 // Архивный отдел администрации Артемовского городского округа. Ф. 101. Оп. 1. Д. 25. Л. 204–213.

[5] Реально оценить ситуацию (Из выступления Председателя Росуглепрофа И.И. Мохначука на съезде шахтеров 1 февраля 1999 г.) // Горняцкая солидарность. 1999. 29 января.

полной мере осуществлялась информационная и методическая поддержка малого бизнеса[1].

Несмотря на комплекс успешно проведённых в конце 1998 г. – 1999 г. мер со стороны органов власти и управления, данная проблема фактически так и не потеряла своей актуальности. Даже официальный уровень безработицы в ведущих углепромышленных регионах страны тогда был весьма высок[2] и вызывал обеспокоенность как среди населения, так и органов власти.

Выход трудящиеся наиболее депрессивных шахтёрских городов и посёлков видели в миграции. Весной 1999 г. такие города, например, как Партизанск, назывались «мёртвыми». Смертность там превышала рождаемость в 2,8 раза[3]. Соответственно, вопрос о будущем угольной промышленности и социальном положении горняков стоял как никогда остро.

Бедность и безысходность провоцировали *распространение криминала*. Стремительный рост количества противоправных действий был характерен для всех субъектов РФ, что стало следствием обострения многих социально-экономических проблем. Стремление людей выжить в невыносимых условиях заставляло их идти на всевозможные преступления, прежде всего, на кражи. Многие свидетели тех событий, а также журналисты отмечали то, что в шахтёрских территориях отмечались многочисленные факты воровства угля с целью его дальнейшего обмена на продукты питания[4].

К тому времени перестали существовать барьеры на пути распространения преступности, существовавшие в советское время (комиссии по борьбе с пьянством, товарищеские суды, советы профилактики и т.д.). Шахтёрские города

---

[1] Архив Партизанского городского округа. Ф. 87. Оп. 1. Д. 49. Л. 25; ГАРО. Ф.Р-4495. Оп. 3. Д. 22. Л. 8.

[2] Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.1/ Госкомстат России. М., 2001. С. 147, 286, 512.

[3] Письмо Главы муниципального образования г. Партизанска В.Г. Бандюкова Генеральному директору ОАО «Дальэнерго» Полещуку В.Г., 12.04.1999 г. // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 88. Л. 37–38.

[4] Криволапов Б. Угольщики и энергетики Приморья объединились для совместной борьбы, 31.05.1996 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 173. Л. 53; Качаев А. Пора идти на рельсы? На вопрос голодного ребенка; «Папа, ты принес деньги?» – шахтеру Партизанска ответить нечего вот уже шестой месяц // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 27 июля. С. 1.

и посёлки оказались очень восприимчивы к распространению криминала. Этому способствовало, с одной стороны, более худшие социально-экономические показатели в сравнении с другими субъектами РФ. С другой – «криминальное прошлое» возникновения многих угледобывающих предприятий, что сближало поведенческие настроения жителей шахтёрских городов и посёлков с субкультурой преступного мира. Вполне закономерно, что в 1990-е гг. заметно осложнилась криминальная обстановка во всех крупных углепромышленных регионах[1]. На фоне остальных преступлений в шахтёрских городах и посёлках преобладали тяжкие и особо тяжкие преступления (грабежи, разбойные нападения и др.), которые фактически стали обыденным явлением для их жителей. Наибольшую тревогу в обществе вызывал стремительный рост смертности от убийств[2], а также высокий удельный вес организованной преступности[3].

Распространение криминала, особенно рост коррупции, подрывали социальную справедливость в обществе. Горняки всё меньше верили в способности Кремля изменить работу правоохранительных органов в лучшую сторону, поэтому ориентировались на самостоятельную борьбу.

В силу исторических особенностей не менее значимой была проблема *деградации социальной инфраструктуры* шахтёрских городов и посёлков. Идеи патернализма имели существенное значение в развитии социальной инфраструктуры шахтёрских городов и посёлков ещё в дореволюционной России. Российские шахтовладельцы хорошо знали непокорный горняцкий характер и поэтому отличались обострённым чувством социальной ответственности. Они

---

[1] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003: Стат.сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 415–417.

[2] Письмо депутата ГД ФС РФ С.В. Буркова, депутата СФ ФС РФ А.М. Тулеева, депутата ГД ФС РФ Г.В. Паршинцевой Председателю Правительства РФ В.С. Черномырдину, 22.02.1994 г. // ГАРФ. Ф. 10157. Оп. 1. Д. 551. Л. 22 (об.); Анализ социально-экономического состояния города Анжеро-Судженска за 1997 год и 5 месяцев 1998 года // Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Ф. 110. Оп. 1. Д. 12. Л. 27; Шашков Н.И. Приморье в конце двух веков. Владивосток, 1996. С. 94; Милентьева Н. «02» сообщает // Искра. 1998. 2 июля.

[3] Решение коллегии прокуратуры Приморского края (18 июля 1997 г.) // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 97. Л. 143.

строили при угольных предприятиях жилые помещения, бани, столовые, клубы и богадельни, участвовали в благотворительных акциях. Большое значение развитию социальной инфраструктуры придавала и советская власть, несмотря на определённые перекосы в данной политике[1].

В постсоветской России эта проблема обострилась как никогда ранее, несмотря на сохранение масштабов социально-профессиональной значимости. Состояние угледобычи сказывалось на жизни населения 64 угольных городов и 76 крупных административных посёлков городского типа, а также 800 пришахтных посёлков[2]. К моменту реструктуризации в угольной отрасли трудилось около одного млн. человек, вместе с семьями их число составляло три млн. человек[3]. Однако из-за несвоевременных дотаций на уголь социальная сфера шахтёрских районов не то, что «не развивалась» (мнение членов Правительства РФ)[4], а динамично деградировала.

Уже в начале 1990-х гг. социальную инфраструктуру шахтёрских территорий охватил кризис, который негативно отразился не только на повседневной жизни населения, но и имел негативный потенциал для будущего угольной промышленности. Таких темпов ухудшения состояния многих объектов жизнедеятельности никто не ожидал, что оказало угнетающее воздействие на жизнь и быт людей. Новая власть показывала пренебрежительное отношение к тому, чем в советское время гордились горняки – высокий уровень медицинского обслуживания, широкие возможности санаторно-курортного лечения, лучшие в регионе объекты соцкультбыта и др. Ухудшение состояния угольной промышленности автоматически подорвало стабильность в данной сфере жизнедеятельности.

---

[1] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 20, 196.

[2] Solovenko I.S., Kust T.S., Rumyantsev P.P. Negative Phenomena in Social Sphere of Miners' Towns and Settlements during Transition to Market Economy (1992–1999) [Electronic resource] // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). 2016. Vol. 7. P. 63–64. URL: http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2016.02.9 (дата обращения: 03.02.2017 г.).

[3] Гордон Л.А. Крутой пласт ... С. 13.

[4] ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5668. Л. 37.

Разрушение социальной инфраструктуры шахтёрских городов и посёлков происходила постепенно и первое время не вызывала каких-либо серьёзных недовольств со стороны их населения. Советский «запас прочности» позволял в начале 1990-х гг. поддерживать стабильность и сдерживать рост протестных настроений горняков. Однако советские резервы быстро заканчивались, при этом новые не создавались, так как резко сократились средства господдержки социальной сферы[1]. Закрытие шахт, как правило, приводило к прекращению деятельности объектов социальной инфраструктуры[2]. Не оправдали надежд и хозяева приватизированных предприятий. С их стороны не было желания заботиться о социальной инфраструктуре, а органы власти и управления почти не пытались принуждать их к этому.

Обстановка в социально-экономической жизни шахтёров осложнялась и тем, что с 1994 по 1997 гг. объекты социальной сферы перешли от предприятий к муниципалитетам. Последние испытывали не меньшие финансовые трудности, поэтому деградация социальной инфраструктуры продолжилась. Кроме бюджетного дефицита возможности поддержки социальной сферы шахтёрских территорий подрывало нецелевое использование федеральных средств[3].

Деградация социальной инфраструктуры шахтёрских городов и посёлков выразилась в таких негативных явлениях, как: повышение количества ветхого и аварийного жилья, сокращение объёмов строительства и ремонта школ, больниц, дорог, мостов и других социально значимых объектов. Особую обеспокоенность вызывали низкие темпы переселения из ветхого и аварийного жилья, в том числе, расположенного на горных отводах[4]. Неудивительно, что на этом фоне дополнительным фактором рабочего недовольства становились роскошные дома и дачи директоров предприятий.

---

[1] Пояснительная записка к годовому бухгалтерскому отчету за 1997 год // ГАКО. Ф.Р-1149. Оп. 1. Д. 1740. Л. 64.

[2] Гордон Л.А. Крутой пласт ... С. 192.

[3] День шахтера ... С. 52–53.

[4] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 205–206; Ротин В.Г. Основные проблемы ... С. 6; Бизюков П.В., Варшавская Е.Я., Донова И.В., Никишов А.А. Указ. соч.

Данные проблемы деморализовывали и озлобляли горняков, вызывали у них чувство неприемлемости социально-экономического курса федерального Правительства, которое провозгласило одной из основных целей реструктуризации угольной промышленности «социальную защищённость трудящихся отрасли на основе создания конкурентоспособных производств»[1]. Всё это подрывало веру в Президента Б. Ельцина.

Проблемы в социальной сфере шахтёрских городов и посёлков имели не только общероссийский характер, но и региональные особенности. Одной из специфических проблем являлось *переселение жителей Крайнего Севера и приравненных к ним местностей*. Дополнительная социально-экономическая поддержка северных территорий, осуществлявшаяся с советских времён, постепенно свелась к минимуму по причине дефицита финансовых ресурсов. Обстановку в северных городах и посёлках осложнял новый приток мигрантов, в том числе пенсионного возраста, что являлось дополнительной нагрузкой на местные бюджеты[2]. Если в начале рассматриваемого периода, хоть и не в достаточном объёме, но всё-таки программа переселения жителей северных территорий и приравненных к ним местностей реализовывалась, то к 1998 г. она была полностью заморожена, несмотря на предвыборные обещания Б. Ельцина[3].

Особенно северян беспокоили такие вопросы как уменьшение в два раза жилищных субсидий, непропорциональная система платы за тепло на севере и в центральных регионах и т.д.[4] Отдалённым и монопрофильным шахтёрским городам и посёлкам сложнее было решать такие острые проблемы, как: безработица, инфляция, высокий уровень заболеваемости и др. Практически все

---

[1] Основные направления реструктуризации угольной промышленности России // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1240. Л. 209.

[2] И.Л. Шпектор: «Реструктуризация без денег – пустая болтовня» // Искра. 1998. 19 марта.

[3] Указ Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах по снятию социальной напряжённости в Печорском угольном бассейне», Москва, Кремль, 25 мая 1996 г., № 777 // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 6708. Л. 46–47; Протокол № 12/98 заседания совета директоров ОАО «Интауголь», г. Инта, 8 октября 1998 г. // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2594. Л. 206; О ходе переселения шахтерских семей из районов Крайнего севера и приравненных к ним местностей, а также их шахтерских городов Кизеловского угольного бассейна за 1998–2003 гг. // Уголь. 2003. № 12. С. 62–63.

[4] И.Л. Шпектор: «Реструктуризация без денег – пустая болтовня» // Искра. 1998. 19 марта.

северные шахты были убыточны из-за низкой цены и высокой себестоимости угля. Значит, они подлежали закрытию. Требовалось переселить, обеспечить жильем, трудоустроить большое количество шахтёров и местных жителей. Большинство из них проживало в Печорском угольном бассейне.

Несмотря на частые напоминания горняков Президенту России о невыполнении собственного обязательства, конкретных мероприятий со стороны федеральной исполнительной власти по решению проблем северян не было. Отдельные, эпизодические примеры переселения жителей Инты и Воркуты в другие районы страны, по сути, не меняли ситуацию в данном вопросе. Государство даже не могло решить вопрос по оздоровлению детей, вывоза их летом из районов Крайнего Севера[1]. Всё это вызывало закономерное возмущение всех работников угольной промышленности и явилось одним из заметных факторов активизации протестного движения шахтеров Печорского угольного бассейна в течение 1992–1999 гг.

Однако пик обострения данной проблемы приходится на 1998 г., что было связано с резким уменьшением в то время финансирования угольной отрасли со стороны государства. Только в Воркуте и Инте в том году переселению подлежали 100 тыс. человек[2].

В связи с увеличением в 1999 г. бюджетного финансирования угольной промышленности и целого комплекса всевозможных социальных программ, ориентированных на нужды населения шахтёрских территорий, обозначились позитивные сдвиги в переселении жителей северных городов и посёлков. Вместе с тем продолжавшееся в том году закрытие предприятий и огромные потребности финансовой поддержки решения этой проблемы так и не позволили переселить в центральные районы страны всех желающих.

---

[1] Выступление председателя Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности на Съезде работников угольной промышленности 17 ноября 1999 г. // Уголь. 1999. № 12. С. 11.

[2] Шадрин В. Гордиев узел шахтерских проблем // Искра. 1998. 31 октября.

В последнем рассматриваемом году в очереди на переселение из углепромышленных городов и посёлков Крайнего Севера и приравненных к ним местностей находилось около 40 тыс. шахтёрских семей, в том числе 6,2 тыс. семей, подлежащих переселению в связи с ликвидацией предприятий[1]. Это не позволяло снизить нагрузку на региональные и местные бюджеты, в которых социальная сфера продолжала финансироваться по остаточному принципу.

Показательным итогом нарастания проблем стали *деформации в социально-профессиональной структуре* шахтёрского сообщества. Ему пришлось нести существенные моральные и материальные потери. Акционирование и приватизация угольных предприятий изменили статус рабочих – из представителей господствующего класса они превратились в наёмных работников. Привыкание к новому статусу носило весьма болезненный характер, так как материальной «компенсации» они не получили. По уровню заработной платы шахтёры переместились с первого в 1985 г. на третье в 1990 г., и на седьмое место в 1997 г.[2] Похожая ситуация была, например, в Польше, где после 10 лет проведения рыночных реформ в угольной промышленности от былых привилегий рабочих не осталось и следа[3]. Однако польское государство сумело создать гибкую систему социальной защиты, что сдержало шахтёрское недовольство.

Возможности исполнительной власти страны поддержать не только жизненный уровень, но даже авторитет горняков стабильно снижались. Осложнение макроэкономической ситуации вынуждало Правительство РФ сокращать расходы на социально-экономическую поддержку углепромышленных регионов, не полностью выполнять даже взятые на себя социальные обязательства и т.п. В итоге происходило «старение кадров», терялись профессиональные

---

[1] Саламатин А.Г. Угольная промышленность России: проблемы и возможности устойчивого развития // Уголь. 1999. № 8. С. 6; О ходе переселения шахтерских семей из районов Крайнего севера и приравненных к ним местностей, а также их шахтерских городов Кизеловского угольного бассейна за 1998–2003 гг. // Уголь. 2003. № 12. С. 62.

[2] Жигунов Л.Э. Указ. соч. С. 74, 178.

[3] Попов В.Н., Рожков А.А. Социально-экономические аспекты реструктуризации угольной промышленности Польши // Уголь. 2000. № 4. С. 48.

знания и навыки, росла миграция молодёжи и т.д.[1], а в результате были потеряны престижные место и роль горняков в социально-профессиональной структуре российского общества.

Наиболее показательным фактом потери престижа горняцкой профессии являлся отказ молодёжи устраиваться на работу в шахты. Многие юноши и девушки покидали углепромышленные города и посёлки в надежде трудоустроиться в крупных и перспективных населённых пунктах своего региона и даже в более далёких уголках страны. Высокий риск потерять работу вынуждал молодёжь перестраховываться, искать более стабильный источник доходов. Поэтому многие молодые рабочие, начиная с середины 1990-х гг., покидали предприятия, не дожидаясь сокращения[2]. Это наносило удар по социально-профессиональной структуре работников угольной промышленности, вело к дальнейшему «старению» рабочих кадров. По количеству рабочих-пенсионеров, занятых на подземных и открытых работах по добыче угля особенно выделялась Кемеровская область[3].

«Старение» шахтёрских кадров являлось также результатом провалов в системе подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров и инженерно-технического персонала. Профессиональное образование переживало непростые времена. Главная кузница рабочих кадров – профессиональные училища, испытывали большие проблемы с финансированием и обеспеченностью кадрами мастеров и преподавателей (особенно мужчин)[4]. В условиях потери привлекательности отрасли в стране стабильно снижалась численность выпускников системы начального профессионального образования (НПО) для горнодобывающей промышленности[5]. Рушились традиционные связи между

---

[1] Калтырина Е.Л. Указ. соч. С. 70.

[2] Лишь бы выжить // Шахтер. 1994. 14 апреля.

[3] Повышение конкурентоспособности высвобождаемой рабочей силы в условиях реструктуризации угольной промышленности, 10 ноября 1996 г. // ГАРФ. Ф. 10204. Оп. 2. Д. 101. Л. 132.

[4] Иванов С. Мы нужны шахтам // Горняцкая солидарность. 1992. 19 ноября.

[5] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003: Стат.сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 348.

предприятиями и учебными заведениями системы НПО. Базовые шахты и разрезы уменьшали финансово-материальную помощь профессиональным училищам и учебно-курсовым комбинатам, ограничивали возможности приобретения учащимися практических навыков. Сокращение количества угледобывающих предприятий и их финансово-экономическое ослабление привело к закрытию некоторых учебных заведений, ориентированных на подготовку горняков. В Кузбассе, например, только в 1997 г. закрылись три учебно-курсовых комбината[1].

Ещё более негативным последствием стало снижение качества выпускаемых молодых рабочих. Проведённая в ведущем углепромышленном регионе страны в 1998 г. выборочная проверка знаний правил и норм показала, что каждый восьмой работник не выдерживал испытаний. Даже отдельные горные мастера «не владели навыком контроля за рудничной атмосферой»[2]. Последнее место в перечне задач администрации предприятий и органов местного самоуправления занимало физическое и нравственное воспитание молодых горняков.

Падение авторитета шахтёрской профессии, а также динамичное уменьшение численности её обладателей явилось очень уязвимым явлением. Поэтому в ходе акций протеста горняки часто выдвигали требования отраслевого характера. Героизация забастовочного движения конца 1980-х гг. представляла шахтёрам вектор необходимого поведения. Там, где они порой проявляли пассивность, к активным действиям их подталкивали представители других социально-профессиональных групп. Но наиболее сильным фактором, стимулировавшим шахтёров на протестные действия, были их жёны. Из широкого спектра таких примеров выделяются действия женщин шахтоуправления «Шолоховское» (Ростовская область) в 1996 г. Так это описывала председатель поселкового женсовета Т. Жукова: «Когда у нас рабочие на шахте объявили голодовку, мы с девчатами сели в машину и поехали по шахтам, чтобы рассказать о голодовке

---

[1] Павлов А. Главный итог ударного закрытия шахт // Вестник (компания «Прокопьевскуголь»). 1998. № 4 (47), март – 2. С. 3.

[2] Там же.

наших мужей и призвать, чтобы их поддержали. И было стыдно и печально смотреть на здоровых мужиков, которые опускали глаза и прятались за спины друг друга: дескать, высунешься, а тебя подведут под увольнение. Просто стыдно и обидно на таких… Если уж вы сами боитесь выступить за свои права, так и скажите. Тогда мы, женщины, соберемся и пойдем вместе с детьми перекрывать железную дорогу и автотрассы»[1].

Подводя итог анализу негативных явлений в социальной сфере шахтёрских городов и посёлков в 1992–1999 гг., отметим, что в условиях отхода государства от активного вмешательства в экономическую жизнь и осуществления реструктуризации угольной промышленности шахтёры оказались в сложном финансово-материальном положении. Они не имели возможности самостоятельно решать весь комплекс социально значимых вопросов. В то же время государство не сумело выстроить реальный механизм их поддержки, а «новые хозяева» не хотели этого делать. Падение уровня жизнеобеспечения шахтёров подорвало их профессиональный статус и усилило маргинализацию самой большой в стране социальной группы рабочего класса. Ключевыми проблемами горняков являлись бедность и безработица. С одной стороны, это стимулировало рост протестной активности. С другой – сдерживало её, так как рабочие угольной промышленности и их семьи были подвержены высокому уровню риска остаться один на один со своими социально-экономическими проблемами.

Таким образом, деформации в социально-профессиональной структуре шахтёрского сообщества имели широкий и глубокий характер. Они заметно снизили место и роль рабочих угольной промышленности в экономических и общественно-политических процессах страны.

---

[1] Протокол Ростовской территориальной конференции Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 25 ноября 1996 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 32. Л. 32.

* * *

Комплексное изучение политических, экономических и социальных причин и факторов протестной активности рабочих угольной промышленности в 1992–1999 гг. показало, что почти все они имели широко распространённый характер. Эйфория либеральных надежд довольно быстро ушла в прошлое. Кризисные явления разрастались, а эффективный механизм разрешения социально-трудовых конфликтов отсутствовал. Выход из системного хаоса большинство горняков связывали с форматом коллективной борьбы. Однако большинство шахтёрских проблем имело синусоидную и неоднородную динамику. Это определило неравномерный и очаговый характер протестного движения рабочих угольной промышленности.

Вместе с тем, анализ причин и факторов протестной активности показывает три чётко выраженных этапа борьбы шахтёров России. Первый (1992–1997 гг.) – нарастание социально-экономической и политической напряжённости в шахтёрских городах и посёлках и подъём протестного движения. Второй (январь–июль 1998 г.) – пик кризиса и борьбы рабочих. Третий (август 1998 г. – 1999 г.) – спад политической и социально-экономической напряжённости в углепромышленных территориях и снижение протестной активности.

ГЛАВА 2 ПОДЪЁМ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ШАХТЁРОВ РОССИИ (1992–1997 гг.)

2.1 Формирование новой стратегии и тактики борьбы

Изменение стратегии и тактики протестного движения в начале 1990-х гг. явилось объективным ответом шахтёров на трансформацию всех сфер российского общества. Новые, либерально-демократические условия жизни и деятельности оказались не такими, какими их в последний год советской власти представлял рабочий класс[1]. Ещё более радужными их видели шахтёры, считавшиеся ударной силой Б. Ельцина. Перелом в их политическом сознании произошёл не сразу. Шахтёрский кредит доверия Президенту Б. Ельцину в 1992 г. ещё сохранялся. В то время они не имели серьёзных претензий к Кремлю по вопросу преобразовательной деятельности, тем более в сфере политических отношений.

Протестное спокойствие горняков объяснялось тем, что основные политические и экономические лозунги «перестроечной» эпохи были реализованы, а уровень их зарплаты выгодно отличался от доходов в других группах трудящихся. Подавляющее большинство рабочих угольной промышленности продолжало верить Президенту России, несмотря на стремительное усиление негативных тенденций в экономике и социальной сфере шахтёрских городов и посёлков. Неудивительно, что многие из горняков в то время считали возможным решение своих социально-экономических вопросов посредством прямых обращений к Президенту и Правительству РФ[2]. Реакция федеральной власти была, но она имела вялый и запоздалый характер. Поэтому такой подход быстро показал свою бесперспективность, хотя и не был полностью

---

[1] Темницкий А.Л. Указ. соч. С. 84.
[2] ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5673. Л. 4.

исключён из арсенала борьбы. Время от времени к нему прибегали, особенно, когда политическая конъюнктура вызывала беспокойство со стороны Кремля.

Постепенно выступления рабочих шахт и разрезов, хоть «слепо» и хаотично, но набирали обороты во всех углепромышленных территориях огромной страны. Соответственно, они нуждались в новой стратегии и тактике. При этом смысловая нагрузка шахтёрских выступлений особо не изменилась. В своей основе она имела те же ценности, что и в ходе крупномасштабных забастовок рубежа 1980-х – 1990-х гг. – это стремление лучше жить, а именно: иметь стабильную и достойно оплачиваемую работу, обладать реальным механизмом защиты своих социально-экономических интересов, свободно и эффективно выражать собственную политическую позицию и т.д. В свою очередь Кремль морально поддерживал эти стремления, стараясь скорректировать их под общий знаменатель. Таким знаменателем – «общим врагом», оказался Верховный Совет РСФСР.

Действительно, противостояние Б. Ельцина и «консервативного» парламента отвлекало трудящихся от мысли об эффективности исполнительной власти. Инерция забастовочного движения рубежа 1980-х – 1990-х гг., подпитываемая идеологией рабочкомов, НПГ России и других, либерально настроенных рабочих организаций (например, Союзом трудящихся Кузбасса, Союзом рабочих комитетов России и др.), ориентировала политический потенциал шахтёров на реализацию демократических преобразований, провозглашённых Б. Ельциным. Российский Президент, в свою очередь, был не меньше заинтересован в сохранении популярности среди рабочих в непростое для новой власти время. Поэтому «корректировка» реализации шахтёрских интересов происходила в 1992 г. в согласии с Кремлём, то есть приняла «не травматический» характер.

Новый формат отстаивания шахтёрских интересов на уровне либерально ориентированных организаций рабочих выразился в двух позициях. Первая позиция – их близость с политическим руководством российского государства, которая позволяла быть реальным посредником между Кремлём и шахтёрами,

представлять интересы всех работников угольной промышленности. Либерально ориентированные организации не только вели широкую идеологическую и практическую деятельность по поддержке политического курса Президента России, но и сигнализировали в адрес федерального Правительства о проблемах в углепромышленных городах и посёлках[1]. Президент Б. Ельцин, в свою очередь, предпринимал попытки (когда удачные, а когда и нет) по решению шахтёрских вопросов.

Вторая позиция – обвинение в провале реформирования угольной промышленности в первые годы рыночных преобразований неэффективных руководителей предприятий. Такая позиция, конечно, не могла не встретить поддержки со стороны горняков, которые регулярно сталкивались с неумелыми и коррумпированными действиями директоров шахт и разрезов. В общем, это отражало широкую общественную поддержку россиянами новых независимых профсоюзов в начале рассматриваемого этапа. В 1992 г. их поддерживало 50% опрошенных. Именно они больше других организаций подавали надежду на эффективную защиту интересов трудящихся в условиях рынка[2]. К ним относился и НПГ России, стремившийся выражать интересы всех работников угольной промышленности.

Вполне закономерно, что рабочие комитеты и НПГ России в первые постперестроечные годы во многом определяли цель шахтёрской борьбы. Оправдывая промахи президентской политики, они призывали поддерживать администрацию Б. Ельцина на пути реформ. В целом, в 1992–1993 гг. целью многих официально организованных, крупных и резонансных акций протестов шахтёров являлась борьба с «антиреформаторскими силами». Власть поддерживала их морально и материально. Не случайно самые громкие из них

---

[1] Телеграмма Вахитова (представителя конференции трудовых коллективов г. Новокузнецка) Правительству РФ, 22.01.92 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 1830. Л. 19.

[2] Андреенкова Н.В., Г.А. Воронченкова. Указ. соч. С. 26.

происходили в Москве, а ведущей формой борьбы с противниками президентского курса были пикеты и митинги[1].

Хотя на местном уровне далеко не все горняки были согласны с таким подходом, их выступления носили разрозненный характер и не определяли совместной цели борьбы, что подтверждается весьма противоречивым перечнем таких социально-экономических требований, как: выполнение тарифного соглашения, увольнение директора предприятия, понижение тарифов на железнодорожные перевозки, индексация заработной платы и её выравнивание с другими категориями рабочих, сокращение числа инженерно-технических работников, упорядочение (снижение) цен в шахтовых буфетах, проведение аудиторской проверки хозяйственной деятельности предприятий, увеличение уровня госдотаций до цифры, определённой «Росуглём»[2] и т.д. Возникали и отдельные, фрагментарные требования, связанные со сбоем в той или иной системе. Например, весной 1992 г., в связи с нехваткой наличных средств в Сбербанке РФ, появилось требование своевременной выплаты заработной платы[3]. Для достижения таких требований, как правило, использовались забастовки и судебные иски.

В целом лозунги первых месяцев борьбы шахтёров в новых рыночных условиях особенно не отличались от требований основной массы трудящихся России. По меткому замечанию Л. Лопатина: «Летом 1989 г. шахтёры начали с колбасы и мыла, к лету 1992 г. вернулись к колбасе и мылу»[4]. Их уже меньше интересовала политика, так как в стране утвердились те порядки, на которых они настаивали в годы «перестройки». Рабочие угольной промышленности в большей мере были обеспокоены социально-экономическими проблемами повседневности. По их твёрдому убеждению, в случае необходимости, они могли серьёзным

---

[1] Новиков В.С., Новиков С.В. Указ. соч. С. 24; Хроника трудового подвига. Междуреченск, 2005. С. 323.

[2] Борисов В.А. Забастовки ... С. 190; Лещенко В. Начались акции протеста // Кузбасс. 1992. 18 января; Солодова Г. Шахтёры спустились в забои // Кузбасс. 1992. 18 февраля.

[3] Плисенко В. Горняки пошли ва-банк // Кузбасс. 1992. 23 мая.

[4] Лопатин Л. Дубина ... С. 5.

образом повлиять на политическую ситуацию в стране. Уверенность шахтёрам придавали и новые, демократические общественно-политические институты и организации, способные, по их мнению, защитить трудовые права граждан. Поэтому руководители забастовочных комитетов, организаторы митингов и демонстраций и другие шахтёрские лидеры старались «не вмешиваться в политику», и добивались реализации только социально-экономических интересов трудящихся собственного предприятия. Среди них было распространено мнение, что «новая волна забастовок может ввергнуть страну в хаос»[1].

Кремль чувствовал снижение своего авторитета среди рабочих угольной отрасли, но, вместе с тем, не ощущал каких-либо потенциальных угроз от некогда реальной политической силы. Претензии шахтёров быстро гасились умелым манипулированием их сознания, в том числе новыми обещаниями со стороны Президента и Правительства РФ. Курс на реструктуризацию угольной промышленности, объявленный Кремлём, в определённой мере, многими расценивался как конкретная деятельность по решению актуальных вопросов рабочих. Вполне умеренным требованиям шахтёров соответствовали и формы протеста. Как правило, ими использовались судебные иски, митинги, пикеты, забастовки, обращения к органам власти и управления и т.п., которые, в зависимости от ситуации, поддерживались рабочими комитетами, отраслевыми профсоюзами, директорами, политическими партиями и организациями.

Борьба горняков и их представительных органов с «антиреформаторскими силами» определила две важнейшие задачи. Первая – противодействие противникам либеральных реформ в стране. Вторая – поиск и борьба с «виновниками» кризисных явлений на местах. Противниками либеральных реформ в стране объявлялись все прокоммунистические, левые организации и партии. По мнению либеральных идеологов рабочего движения, они тянули страну назад, то есть во времена «государственного социализма», строили свою

---

[1] Шальнев Б. Цены выше крыши // Горняцкая солидарность. 1992. 23 января.

критику на фактах и трудностях «временного» характера и т.д. На государственном уровне главным олицетворением таких сил являлся Верховный Совет РСФСР, который блокировал многие нормативно-правовые акты Президента РФ, что, по мнению Б. Ельцина, сдерживало динамику реформ и негативно отражалось на их эффективности. Поэтому важнейшей задачей горняков и их представительных органов являлась как идейная борьба с противниками реформ (например, в форме выступлений и публикаций в СМИ), так и непосредственное участие в пропрезидентских акциях в поддержку либеральных преобразований.

В начале «шоковой терапии» руководителям шахтёрского движения необходимо было объяснить и оправдать противоречивый характер реформ Б. Ельцина. Под влиянием, прежде всего, НПГ России и рабочих комитетов одним из векторов их борьбы становится критика деятельности администраций угледобывающих предприятий. Представительные органы рабочих продолжали настаивать на выдвижении социально-экономических требований, что, в общем, встречало понимание в шахтёрских рядах. Более выраженный экономический характер их лозунги имели в Кузбассе и Воркуте, которые продолжали являться либеральными полюсами рабочего движения России. Здесь местные ячейки НПГ России и рабочих комитетов категорически отказывались от включения в список политических требований[1]. Встречались редкие факты, когда с их стороны всё-таки присутствовали формальные претензии к главе государства. Например, по поводу его ответственности за процесс добычи и реализации угля, но в реальности они адресовались к федеральному Правительству и региональным органам власти[2].

Главными «обвиняемыми» в шахтёрских проблемах объявлялись директора, их заместители, главные бухгалтеры и другие должностные лица, причастные к

---

[1] Заявление совместного заседания СРК и СП НПГ Кузбасса // Наша газета. 1993. 6 марта. С. 1.

[2] Шарипов В.Н. Независимый профсоюз горняков: «Мы требуем…» // Наша газета. 1993. 18 февраля; Ковальская Г. Шахтеры и президент // Новое время. 1994. 11 марта. С. 5.

добыче, погрузке, переработке и отправке угля. По мнению НПГ России и рабочих комитетов, директора шахт не отвечали за финансовые нарушения, показывали рыночную безграмотность и ослабляли трудовую дисциплину. Им ставили в вину нецелевое расходование бюджетных средств, разворовывание имущества, финансовые махинации и т.п. По мнению НПГ России и рабочкомов, в итоге это приводило к низкой зарплате горняков и её несвоевременной выплате[1]. Соответственно другой важнейшей задачей шахтёров в то время являлась борьба с неэффективным руководством угледобывающих предприятий. Решение этой проблемы должно было автоматически скорректировать противоречия между рабочими и начальством. Уверенность в правильности проводимых рабочими акций протеста придавали отдельные факты привлечения некоторых лиц из числа менеджмента шахт и разрезов к административной и уголовной ответственности. Там, где позиции НПГ России и рабочкомов были наиболее сильны, например, в Воркуте, противостояние между рабочими и директорами было сильнее.

Реализация вышеуказанных цели и задач не принесла ожидаемых результатов, хоть и продолжилась в последующие годы на уровне либерально ориентированных рабочих организаций[2]. Однако и здесь всё очевиднее становился раскол между управленцами высшего и местного уровней.

Важной чертой стратегии и тактики протестного движения горняков в первые годы постсоветской России являлось отсутствие в её реализации прежнего единодушия. В наибольшей степени шахтёрское сообщество оказалось расколотым по вопросу объяснения причин нарастания социально-экономических проблем. С каждым месяцем ситуация в угольной промышленности и жизни рабочих становилась сложнее. Надежды многих из них на новые политические институты не оправдались. Последние находились в стадии становления и не

---

[1] Протокол второй конференции НПГ г. Киселёвска (17.11.1992 г.) // Текущий архив Кузбасской региональной организации Независимого профсоюза горняков России.

[2] Барбарицкий Ю.Ф. (Председатель Шахтинского отделения Общественного комитета Российских реформ) И овцы целы и волки сыты, 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3524. Л. 51.

могли эффективно защитить трудящихся. Попытки шахтёров организоваться и показать свою политическую мощь, как это было в «перестроечный» период, не имели серьёзных результатов. Их численность быстро уменьшалась, а главная опора – рабочий класс не был монолитен по политическим, экономическим, социальным и духовно-мировоззренческим мотивам действия. Горняки не имели серьёзного опыта отстаивания своих социально-экономических прав и интересов, а зарубежные знания только приобретались.

Отсутствие каких-либо позитивных перемен в жизни россиян после разгона Верховного Совета РСФСР, усиление борьбы трудящихся и попытки консолидации оппозиционных сил страны скорректировали цель протестного движения шахтёров. Она заключалась в противодействии социально-экономическому курсу органов исполнительной власти всех уровней. Её формирование имело не только объективный социально-экономический характер, но и стало следствием изменений в отношениях между двумя ведущими отраслевыми профсоюзами – НПГ России и Росуглепрофом. Важную роль в этом сыграло то, что под давлением с мест изменилась позиция НПГ России. В феврале 1993 г. его лидеры полностью поддержали требования рабочих и выступили за проведение единых протестных действий. С того времени руководство этого профсоюза начинает выражать недовольство действиями Правительства страны и организовывать оппозиционные забастовки среди своих членов[1].

По мнению Л. Лопатина, это стало свидетельством кризиса НПГ России[2]. На наш взгляд, наоборот, это явилось признаком его выхода из кризиса, обретением политической независимости. Данный профсоюз показал, что приоритетом его деятельности являются не идеологические пристрастия и личные связи его руководства, а интересы членов данной организации. Это соответствовало общепринятым в цивилизованных странах действиям профсоюзных органов.

---

[1] Шарипов В.Н. Постановление Совета представителей Независимого профсоюза горняков России // Наша газета. 1993. 25 февраля. С. 1.

[2] Лопатин Л.Н. Политические уроки рабочего движения Кузбасса …

Несмотря на определённые отличия между ними, шахтёрские профсоюзы имели во многом общие цели и задачи, главные из которых – повышение экономической эффективности угледобывающих предприятий, а также защита социальных и трудовых прав рабочих. Период жёсткой конфронтации между НПГ России и Росуглепрофом в 1992–1993 гг. показал, что ни один из них не обладает силой способной быстро и эффективно решить значительный перечень шахтёрских проблем. Изменение в 1993 г. позиции НПГ России позволило объединять усилия двух ведущих отраслевых профсоюзов в борьбе за сохранение угольной отрасли, устраивать совместные акции протеста как в шахтёрских территориях, так и в Москве[1].

Между тем, даже совместные акции протеста отраслевых профсоюзов являлись малоэффективными и не всегда выражали интересы рабочих. Сами горняки оказались раздробленными не только по различным профсоюзам, но и партиям, общественным движениям и т.д. В этих условиях не только представительные органы, но и сами рабочие вынуждены были идти на контакт с оппозиционными общественно-политическими организациями. Делали они это весьма осторожно, так как не имели «чётких политических ориентаций»[2].

Постепенно разделились и мнения самих членов рабочкомов по вопросу курса Кремля в отношении шахтёрской отрасли. На местном уровне их руководство всё чаще проявляло оппозиционные взгляды и участвовало в организации протестных действий[3]. Особенно заметен был такой поворот в деятельности рабочкома г. Анжеро-Судженска, который в 1997 г. уже «не считал

---

[1] Протокол профсоюзной конференции предприятий угольной промышленности г. Прокопьевска, 12 февраля 1994 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 320. Л. 16.

[2] Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка. М., 1995. С. 37; Угольная промышленность: неплатежи растут, но реструктуризация отрасли продолжается // Человек и труд. 1996. № 5. С. 68.

[3] Николаев Е. Трудное превращение. Рельсовые войны как катализатор социального партнерства [Электронный ресурс]. URL: http://www.vremya.ru/print/458.html (дата обращения: 11.04.2016 г.).

членов Совета рабочих комитетов Кузбасса во главе со Строканевым и Голиковым законными представителями от рабочих»[1].

В середине 1990-х гг. такую позицию разделяло уже большинство горняков. Важную роль в этом сыграли Росуглепроф и лево-патриотические организации, особенно КПРФ. Хотя, за редкими исключениями, делали они это отдельно друг от друга.

Таким образом, политические и экономические реалии определили новый вектор шахтёрской борьбы, в основе которого находились иные, нежели в конце 1980-х гг., цели, задачи, требования, формы и методы протеста. Трансформационные процессы 1990-х гг. существенно изменили взгляды российских трудящихся на то, как надо отстаивать свои социально-экономические права и интересы в новых, капиталистических условиях, на какие силы опираться и т.п. Тем более рабочий класс уже не считался опорой нового политического режима, а рабочее движение испытывало кризис[2].

На фоне быстрого роста цен и падения уровня жизни, социально-экономические преимущества горняков быстро иссякали. Они вынуждены были активнее включаться в отстаивание своих трудовых прав, переходить от разрозненных и противоречивых целей и задач к выработке общезначимых мотивов.

В контексте новой цели и задач видимой деформации подверглись требования горняков. Они приобрели более легитимный, комплексный и весьма широкий характер. Порой претензии формулировались спешно и неоднозначно. Однако усиление влияния на протестное движение профсоюзных организаций, оппозиционных политических партий и движений, а также популярных политиков вело к сужению и радикализации перечня шахтёрских лозунгов. В то

---

[1] В совет рабочих комитетов Кузбасса Господину Строканеву В.В. (10 июля 1997 г., г. Анжеро-Судженск) // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

[2] Лопатин Л.Н. История рабочего движения Кузбасса (1989–1991 гг.). Кемерово, 1995. С. 215; Андреев В.П., Воронин Д.В. Указ. соч. С. 134.

же время лидеры профсоюзных организаций долгое время стремились «уйти» от политики и ориентировались на отраслевые и местные требования, где главное внимание уделялось социально-экономическим проблемам шахтёрских городов и посёлков. В своём арсенале они видели только легальные формы борьбы. Оппозиционные же партии и движения, в свою очередь, фактически всегда настаивали на включение рабочими в список политических требований, а средствами их реализации предлагали всеобщие стачки, акции гражданского неповиновения и т.п.

Отсутствие доминирующей организующей силы во всероссийском масштабе замедлило процесс консолидации шахтёров, в том числе в выработке общей стратегии и тактики. Борьба рабочих угольной промышленности инициировалась снизу, на уровне местных рабочкомов, стачкомов и профкомов. Центральные органы управления представительных органов показывали пассивное следование общественному мнению, вследствие чего долгое время отсутствовали общероссийские акции протеста, вяло протекал процесс объединения с трудящимися других отраслей экономики.

Это чётко прослеживается в эволюции форм и методов протестного движения шахтёров. После крупных и в основном незаконных забастовок конца 1980-х гг., в начале 1990-х гг. горняки, как и многие другие категории трудящихся, стали использовать широкий спектр легальных способов борьбы. Демократизация общества на рубеже 1980-х – 1990-х гг. позволила отрыто и законно отстаивать свои трудовые права и интересы. Это создавало иллюзию быстрого и успешного разрешения социально-трудовых конфликтов. Но вскоре шахтёры постсоветской России осознали, что это далеко не так. В новых рыночных условиях законные способы борьбы оказались малоэффективными.

Привлечь внимание федеральных и региональных органов власти и управления к ухудшению социально-экономической обстановки в угольной отрасли стало возможно только благодаря усилению демонстрационности акций протеста рабочих. Поэтому они стали активно использовать новые, не

задействованные в последние годы советской власти, радикальные формы борьбы. В этом, по мнению многих исследователей, горняки действительно стали выделяться на фоне остальных рабочих[1].

Данное разнообразие имело противоречивые результаты. С одной стороны, они приобретали ценный опыт отстаивания своих трудовых прав и интересов, с другой – используя порой экстремистские методы борьбы, подрывали экономическую стабильность и осложняли жизнедеятельность ни в чём не повинных граждан. Поэтому многие, особенно радикальные способы протеста, вызывали неоднозначную реакцию общества. Соответственно это заставляло горняков лавировать, искать новых политических союзников, менять формы и методы борьбы, и в целом пересматривать свои место и роль в протестном движении трудящихся. При этом в их действиях всё чаще проявлялась решительность, которая порой перерастала в агрессивность и даже экстремизм.

Масштабы борьбы шахтёров постсоветской России приобрели невиданный размах. По многим критериям (таким, например, как количество акций протеста и вовлечённых в них рабочих, степень радикальности и т.д.) она превосходила забастовочное движение эпохи «перестройки». Хотя внимание к протестным действиям горняков со стороны средств массовой информации, заметно ослабло. Общество «насытилось» подобными сообщениями, а власть привыкла их не замечать. В общем, это было характерно не только для российских газет и телевидения[2], но и для СМИ других постсоветских государств[3].

Внимание активистов суверенной России охватили другие массовые и популярные «проекты» – политика, бизнес, приватизация, финансовые пирамиды и др. Пассивная часть граждан получала удовольствие от дешёвого алкоголя, развлекательных программ и т.д. Решение своих жизненно важных вопросов они

---

[1] См. например: День шахтера ... С. 60.
[2] Левчик Д.А. Политический «хэппенинг» // Социс. 1996. № 8. С. 51.
[3] Борисов В.А. Ночное домино ... С. 7.

ожидали от новой власти. Это ещё больше озлобляло горняков, подталкивало их к самостоятельным, а в некоторых случаях радикальным действиям.

Высокий накал борьбы горняков стал следствием как собственных политических амбиций, так и её широкой поддержкой важными общественно-политическими силами. При этом участие шахтёрских профсоюзов в разрешении социально-трудовых конфликтов порой являлось более пассивным в отличие от других отраслей (по крайней мере, до середины 1990-х гг.). Данное обстоятельство прибавляло стихийности и непредсказуемости в борьбе угледобытчиков.

Однако протестное движение шахтёров России протекало в более «цивилизованных» формах, чем в других постсоветских странах, например, на Украине. Там в 1997 г. луганские рабочие, не выдержав страданий своих голодных жён и детей, казнили через повешение главных, по их мнению, виновников этих страданий – директора и главного бухгалтера шахты[1]. Таких крайностей в борьбе российских горняков не наблюдалось, в том числе и в силу более выгодного социально-экономического положения. Между тем, единичные, близкие к тем, что произошли на Украине, случаи встречались и в России. Так, например, в конце 1997 г. на шахте «Воргашорская» во время собрания трудового коллектива горнорабочий накинул петлю на шею директора, но его вовремя остановили[2].

Выбор шахтёрами форм и методов борьбы, а также их реализация в рассматриваемое время имели определённую близость с «перестроечным» периодом. Вместе с тем изменился облик страны. Радикальные политические и экономические преобразования модифицировали не только формат социально-экономических отношений, но и духовный облик населения. Дух свободы, доминировавший в забастовках шахтёров в конце советской эпохи, получил своё продолжение в первые годы «шоковой терапии». Вместе с тем, появились новые

---

[1] Фомин Б. Луганские шахтёры … // Трудовой Новокузнецк. 1997. 30 октября.
[2] Лень П.М. Указ. соч. С. 283.

потребности и ориентиры, в том числе и те, которые были попраны в последние годы советской власти (например, социальное равенство, патриотизм и др.). В сознании трудящихся произошло переосмысление базовых ценностей прогресса российского общества, что отразилось на стратегии и тактике шахтёрской борьбы, выборе её форм и методов.

Выделим объективные и субъективные факторы, определявшие данный процесс. Во-первых, несравнимо больший выбор форм протеста, чем в советское время. В 1989–1991 гг. доминировала забастовка, другие формы борьбы шахтёров были представлены слабо либо совсем не использовались. В рассматриваемое время рабочие имели более широкий спектр возможностей для отстаивания своих прав и интересов. С одной стороны – это способствовало расширению возможностей выбора оптимальных форм и методов борьбы, с другой – приводило к замешательству, разногласиям, низкой степени солидарности, потере времени и другим процессам, ослаблявшим уровень протестной активности.

Во-вторых, утверждение политического плюрализма, принадлежность шахтёров к разным общественно-политическим партиям и силам. Политические разногласия способствовали проявлению различных взглядов на формы и методы разрешения трудовых конфликтов. Сторонники либеральных взглядов отстаивали легальные формы протеста. Те, кто ориентировался на левые лозунги и силы, как правило, высказывались за более радикальные формы и методы борьбы.

В-третьих, это реакция власти и общества, что особенно стало очевидно в конце рассматриваемого этапа, то есть во время усиления радикальных настроений шахтёров. Последние были недовольны действиями власти по решению важнейших вопросов отрасли, растущим обнищанием населения угледобывающих городов и посёлков и т.д. В то же время горняки охотнее шли на компромисс с властью, в сравнении с периодом 1989–1991 гг. Определяя формы и методы протеста, они были вынуждены прислушиваться к общественному мнению, так как уже не являлись самодостаточной общественно-политической силой.

В-четвёртых, отсутствие глубокого исторического опыта и культуры протестного движения шахтёров. В реальности оно развивалось с 1989 г. До того был перерыв примерно в 60 лет. Это снижало степень эффективности фактически всех использовавшихся форм борьбы. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. лидеры шахтёрского движения стремились укрепить связи с зарубежными профсоюзными и другими организациями с целью использования их опыта борьбы, а также финансовой поддержки[1]. Однако особенности переходного периода в России не всегда позволяли реализовывать такие намерения.

Из субъективных факторов, определявших стратегию и тактику борьбы, выделяются следующие. Во-первых, смелость горняков, которая часто соседствовала с безрассудством и даже агрессией. Ради достижения поставленных задач они были готовы к самопожертвованию. Рабочие игнорировали усталость, здоровье, а порой и собственную жизнь. В критические моменты противостояния их мало интересовали не только экономические интересы, но и здоровье случайных заложников экстремальных акций протеста.

Во-вторых, самонадеянность шахтёров, их вера в собственные возможности в противостоянии с властью. Горняки долго недооценивали важности вовлечения в свою борьбу трудящихся других отраслей экономики, а также работников бюджетных организаций[2], хотя такие условия имелись. Поэтому в начале 1990-х гг. факты участия шахтёров в таких коллективных акциях протеста, как например, митинги, демонстрации, шествия и т.д. имели эпизодический и малочисленный характер.

В-третьих, чувство покаяния за противоречивость результатов политико-экономических преобразований их бывшего союзника – Б. Ельцина. Часто, поднимая в средствах массовой информации те или иные проблемы угольной промышленности в рассматриваемое время, авторы обращений подчёркивали

---

[1] Место профсоюзов в системе регулирования трудовых отношений / П.В. Бизюков, В.А. Бизюкова, К.В. Бурнышев, И.В. Донова. М, 2004. С. 28; Борисов В.А. Забастовки ... С. 180.

[2] Солодова Г. Где «осели» деньги шахтёров? // Кузбасс. 1994. 18 февраля.

собственную вину «за произошедшее» в стране. Это явилось важной причиной использования шахтёрами СМИ как средства «очищения» и «преображения» в новой борьбе, в том числе и с бывшими союзниками.

Как и в годы советской власти, наиболее популярной формой протеста среди шахтёров на протяжении всего анализируемого этапа была забастовка. Забастовочные действия отвечали высокому уровню коллективизма, характерного для представителей шахтёрских профессий. Накануне либеральных реформ, используя данную форму протеста, рабочие угольной отрасли сумели добиться многих поставленных задач, что укрепило их веру в эффективность стачечной борьбы.

Забастовка как средство отстаивания социально-экономических и политических прав имела много необходимых в шахтёрском движении положительных сторон. Любая остановка производственного процесса обращала внимание не только руководства предприятий и угольной отрасли, но и общественности. В случае массовых и многодневных стачек на них вынуждены были реагировать представители власти, в том числе и федеральной. Часто именно в ходе забастовочного движения определялись цели и задачи горняков, формулировались экономические и политические требования, вырабатывался механизм борьбы, выдвигались лидеры, формировалась реальная солидарность трудящихся и т.д. Отдельные остановки трудовой деятельности перерастали в широкомасштабные стачки, порой достигая регионального и даже всероссийского масштаба.

Волна шахтёрских забастовок 1990-х гг. значительно опережала по времени и интенсивности стачечное движение в других отраслях экономики. Популярность и действенность забастовок на протяжении 1992–1997 гг. объясняется следующими причинами: Во-первых, порой предзабастовочное состояние и угроза забастовки влияли на Правительство РФ гораздо сильнее, чем сама остановка производства. Во-вторых, забастовку как форму протеста часто поддерживали профессиональные союзы. А такой профсоюз как «Защита»

поддерживал любые забастовочные действия безоговорочно[1]. В-третьих, большинство забастовок и призывов к отказу от работы получало частую поддержку со стороны директоров предприятий, в некоторых случаях гендиректоров производственных объединений[2] и даже руководства «Росугля»[3], видевших в них возможность «выбивания» дополнительных средств у Правительства РФ. В-четвёртых, в начале 1990-х гг. власть пыталась заигрывать с шахтёрами (хоть и вялая, запоздалая реакция на забастовки всё же была). По мнению, как тогдашних рабочих, так и экспертов, в 1993–1996 гг. стачки общероссийского масштаба являлись самым эффективным средством выбивания госдотаций[4]. То, что рабочие угольной промышленности посредством забастовок быстрее добьются желаемого результата, нежели от расследований правонарушений правоохранительными органами, не скрывали и работники прокуратуры[5]. В-пятых, уровень солидарности, совместных действий горняков страны на первом этапе, за редким исключением, был ещё весьма высок.

Важнейшими особенностями забастовочного движения шахтёров в начале рассматриваемого этапа являлся его стихийный, нелегальный, часто агрессивный характер[6]. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, несовершенство законодательства, регламентировавшего разрешение коллективных трудовых споров[7], что выражалось, прежде всего, в сильной бюрократизации планируемой акции протеста. Требовалось много времени для официального «вынашивания»

---

[1] Кузнецов А. Указ. соч. С. 77.

[2] Требования трудовых коллективов предприятий угольной промышленности Челябинской области к Верховному Совету и Правительству РФ, 15.03.1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5666. Л. 69; Заявление профсоюзного актива предприятий и организаций АО «Ростовуголь», г. Шахты, 12 августа 1996 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 33. Л. 2; Протокол № 20 президиума Приморской территориальной организации профсоюза работников угольной промышленности от 21.01.1997 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 176. Л. 6.

[3] ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 170. Л. 39.

[4] Протокол VI конференции Интинской ассоциации профсоюзных организаций работников угольной промышленности от 5 февраля 1996 года // НАРК. Ф.Р-1726. Оп. 1. Д. 893. Л. 2; Кузнецов А. Первичная организация: проблемы встраивания в профсоюзную структуру // Профсоюзы России: организация или пространство? / Под ред. В. Борисова, С. Кларка. М., 2004. С. 74.

[5] Горский С. Забастовка продолжается // Заполярье. 1995. 27 сентября.

[6] Кравченко К.А. Шахтерские забастовки: проблемы исследования // Социс. 1995. № 10. С. 60.

[7] Закон Союза ... С. 908–912; Федеральный закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» от 20 октября 1995 года (ст. 4557) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995, 27 ноября. № 48. С. 8525–8534.

забастовки, что делало маловероятным законный характер её использования. Во-вторых, в начале 1990-х гг. горняки чувствовали свою силу и не считали себя обязанными следовать букве закона. В-третьих, власть часто сама нарушала законы. Несвоевременная выплата заработной платы являлась прямым нарушением Конституции РФ[1], на что постоянно указывали угледобытчики. В-четвёртых, стихийные забастовки являлись выгодной сферой активности лидеров НПГ России[2].

Однако забастовочная активность шахтёров в 1990-е г. сдерживалась рядом факторов. Остановка производственной деятельности имела разрозненный характер. Требования рабочих угольной промышленности носили узкий спектр и не имели широкой поддержки. Отношение работников госпредприятий к забастовке с 1991 по 1992 гг. заметно ухудшилось[3]. По их мнению, остановки производственной деятельности не улучшили жизнь людей. Отдельные вспышки недовольства в форме забастовок не привлекали особого внимания и считались «нормальным» явлением в условиях экономической и политической свободы. Забастовочный настрой шахтёров быстро гасился незначительными порциями выплачивавшихся долгов по заработной плате, или другими мелкими социально-экономическими уступками со стороны их основных контрагентов.

Кроме того, в рассматриваемое время шахтёры опасались радикализации забастовок, так как были научены горьким опытом советского периода[4]. Воспоминания о тяжёлых социально-экономических последствиях от крупномасштабных стачек «перестроечного» периода были очень свежи. Забастовочная активность шахтёров в 1990-е г. была под особым контролем менеджмента металлургических предприятий, которые могли в любой момент

---

[1] Конституция Российской Федерации. М., 2000. С. 11.

[2] Бизюков П.В., Варшавская Е.Я., Донова И.В., Никишов А.А. Аналитический доклад «Социальные проблемы угольной промышленности Кузбасса в 1995 г.» (рукопись) // Личный архив П.В. Бизюкова.

[3] Андреенкова Н.В., Г.А. Воронченкова. Развитее трудовых конфликтов в России в период перехода к рыночной экономике // Социс. 1996. № 1. С. 25; Фридман Ю.А. Речко Г.Н. Кузбасс: структурный пасьянс // ЭКО. 2011. № 9. С. 49.

[4] Карзова В. «Чтобы угольная отрасль жила и развивалась!» – именно за это, а не за забастовку выступает Независимый профсоюз горняков Кузбасса // Наша газета. 1993. 27 февраля. С. 2.

переориентироваться на других поставщиков коксующегося угля не только в России, но и за её пределами. Соответственно, ещё реже к отказу от работы прибегали трудящиеся предприятий, добывавшие коксующийся уголь. Большинство из них располагалось в Кузбассе и Печорском угольном бассейне, точнее в воркутинской агломерации. Это объясняет неоднозначное отношение к забастовке как форме протеста в данных территориях.

Среди шахтёров было немало противников стачечной борьбы, так как им сложно было согласовать единые подходы к организации общероссийской стачки. Это явилось главной причиной использования в ходе забастовки разных методов. Одни коллективы, например, прибегали к такой крайней мере как неотгрузка угля, другие – нет. После динамичного развития стачечного движения в 1993 г. уже в конце этого года забастовка как форма протеста испытала кризис. Её эффективность оказалась низка, а удар по экономическим показателям бастующих шахт ощутимым. Правительство РФ не боялось забастовок, так как закон о банкротстве предприятий позволял сделать с ней «всё что угодно». Оно могло пойти на уступки только в случае всеобщей шахтёрской забастовки. Поэтому отдельные горняки тогда уже всерьёз сомневались в действенности забастовки как формы протеста[1].

Социально-экономическая дифференциация рабочих угольной промышленности усиливалась, особенно между работниками шахт и разрезов. Рабочие угольных разрезов, материально выгоднее отличаясь от своих товарищей занятых подземной добычей, крайне редко участвовали в забастовках. Отсутствие общих подходов в отстаивании шахтёрских интересов часто ставило под сомнение забастовочную активность как таковую. Масштабы данной проблемы хорошо представлены в протоколе профсоюзной конференции предприятий угольной промышленности г. Прокопьевска от 12 февраля 1994 г. В его содержании отмечалось: «…кого мы напугаем этой забастовкой. У нас в

[1] Мохначук И. Горняки снова дали время правительству // На-гора! 1992. 8 июля. С. 2; Васильев В., Живописцев М. Забастовка: «за» и «против» // Кузбасс. 1993. 30 ноября.

Кемеровской области 5 разрезов, которые эту забастовку не поддержат и один из них суточной добычей перекроет всю добычу всего нашего Прокопьевско–Киселевского района»[1].

В дальнейшем остановки производственной деятельности не прекратились, но стали ещё более разрозненными, а порой имели обратный эффект. Поэтому всё чаще использовали такой альтернативный метод борьбы с должниками как прекращение отгрузки угля потребителям. В отдельных, можно сказать исключительных случаях, бойкот поставок угля потребителям поддерживали даже руководители Министерства топлива и энергетики. Это, например, имело место в начале 1997 г. в Приморье, когда долги энергетиков достигли огромных масштабов, но главное при этом задолженность по зарплате шахтёров заметно отставала от графика в сравнении с энергетиками[2]. Несмотря на подобные корректировки отстаивания экономических интересов, забастовка, как форма протеста, никогда не теряла своей практической значимости.

Широкую популярность, начиная с 1994 г. приобрели так называемые подземные «забастовки». Успешность подобных «забастовок» определялась не массовостью, а сплоченным выступлением. На шахтах их проводили представители подземной группы: проходчики и забойщики. Они занимались ключевыми технологическими операциями, прекращение которых автоматически вело к остановке всего производства. В считанные часы останавливалось всё предприятие[3].

Невыход из шахты – это форма протеста, которая лежала вне сферы действия закона о социально-трудовых конфликтах. Такая форма была доступна только шахтёрам из-за особой организации их производства и труда. С точки зрения существовавшего тогда Федерального закона «О порядке разрешения коллективных трудовых споров», пребывание на рабочем месте не значило начала

---

[1] Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 320. Л. 16.

[2] Морозов А. Грейтесь впрок, пока не началось… Москва провоцирует шахтеров Приморья на гибельный для края бойкот // Красное Знамя (Владивосток). 1997. 25 января. С. 1.

[3] Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка // Социс. 1995. № 10. С. 46.

забастовки[1]. Вмешательство представителей местной и региональной власти происходило во всех случаях острых «забастовок» под землёй с конца 1994 г. и до начала 1995 г.[2] Подобные акции протеста заканчивались почти полной победой, и деньги для выплаты заработной платы всегда находили[3], но вскоре появлялись новые задолженности перед горняками.

Таким образом, даже популярные формы и методы протеста использовались шахтёрами неоднозначно. Это затрудняло выбор стратегии и тактики борьбы.

На первом этапе вину за углубление кризиса в угольной промышленности и социальной сфере шахтёрских городов и посёлков рабочие почти равномерно «распределяли» между представителями всех уровней власти и органов управления. Поэтому новая цель – противодействие социально-экономическому курсу – существенно трансформировала задачи протестного движения горняков, хотя одна из них так и не утратила своей актуальности в течение всего рассматриваемого этапа – это борьба с неумелыми и коррумпированными директорами угледобывающих предприятий. Кроме неё такими стали: борьба с потерявшими доверие руководителями администраций регионов, городов и посёлков; критика социально-экономического курса Правительства России; увеличение количества всевозможных акций протеста и привлечение к ним сочувствующих из числа представителей различных социально-профессиональных групп; отстаивание не только экономических, но и политических требований.

Обозначившаяся фактически с первых дней рассматриваемого периода, *борьба рабочих с неумелыми и коррумпированными директорами угледобывающих предприятий* была продолжена в дальнейшем. Она стимулировалась такими объективными и субъективными причинами, как: ослабление контроля над их деятельностью сверху (например, отсутствие чёткого

---

[1] Федеральный закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» от 20 октября 1995 года (ст. 4557) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995, 27 ноября. № 48. С. 8525–8534.

[2] Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка. М., 1995. С. 7, 29.

[3] Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996. Кемерово, 1997. С. 213.

регламента взаимоотношений между предприятиями и «Росуглём») и снизу (потеря влияния рабочкомов), медленно менявшаяся политико-экономическая позиция НПГ России и др. Несмотря на определённые в дальнейшем изменения в содержании данных причин, все они не теряли своей актуальности до конца рассматриваемого этапа.

Отличительной особенностью реализации рассматриваемой задачи явилось изменение претензий к директорам угледобывающих предприятий со стороны рабочих. От широкого спектра требований социально-экономического характера в первой половине 1990-х гг.[1] в конце анализируемого этапа все они фактически пришли к одному лозунгу – «Отдайте заработанное!». В ходе противостояния с неумелыми и коррумпированными директорами шахт и разрезов рабочие чаще прочих форм борьбы использовали судебные иски и забастовки. Если забастовки имели универсальный характер протеста (были направлены на привлечение внимания всех заинтересованных сторон), то исковые заявления в основном адресовались руководству предприятий.

С 1993 г., когда наблюдался динамичный рост задолженности по зарплате, суды углепромышленных регионов были «завалены» исками к работодателям. Не только НПГ России, но и все новые профсоюзы пытались организовать судебное преследование отдельных работодателей в судах[2]. Однако рабочим и их представителям весьма сложно было отстаивать свои права в органах судопроизводства. С одной стороны, они сами не имели исторического опыта отстаивания трудовых прав подобным образом. С другой – судебная система также переживала непростые времена (высокая степень загруженности делами, отсутствие чёткого механизма исполнения постановлений, давление «сверху» и др.). При этом даже положительный вердикт судей ещё не гарантировал полной компенсации заработанных средств в связи с продолжительными по времени

---

[1] Письмо Председателя Приморской территориальной профсоюзной организации П.Т. Кирясова и др. Председателю Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия» Черномырдину В.С., 11 ноября 1995 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 163. Л. 28.

[2] Кларк С. Указ. соч. С. 203.

тяжбами и высокой степенью инфляции. Тем более предприятия имели возможность игнорировать решения судов, не опасаясь сколько-нибудь серьёзных санкций[1]. Поэтому интерес к судебным тяжбам стал иссякать не только у шахтёров, но и со стороны других социально-профессиональных групп. По данным на май 1995 г., иски россиян о взыскании заработной платы составляли в судах только 4% рассматриваемых дел[2].

Снижение количества исков рабочих угольной промышленности в органах судопроизводства продолжилось и далее. Однако даже эти редкие обращения доходили до судов с высокой степенью исключительности[3]. Прокуроры в то время отмечали: «Граждане не всегда обращаются в суд за защитой своих прав. Фактором, сдерживающим обращение работников за судебной защитой, является многоступенчатость рассмотрения таких споров. Нередко комиссии по трудовым спорам предварительно волокитят рассмотрение заявлений граждан, либо выносят решения в угоду администрации. Под угрозой безработицы и в результате давления со стороны администрации работники нередко отказываются от исков или не являются в суд»[4]. Это позволяет утверждать об отсутствии эффективной защиты трудовых прав граждан судебной системой.

Возможно, была и «установка» сверху об ограничении ведения подобных процессов в связи с дефицитом финансовых ресурсов, так как большинство исковых заявлений предъявлялись к государственным структурам. Поэтому популярность судебных исков снижалась, но они не были исключены из арсенала борьбы шахтёров в дальнейшем.

В отношении потерявших доверие директоров шахт, хоть и очень редко, но всё-таки использовались радикальные формы борьбы, чаще всего «захват

---

[1] Капелюшников Р. Указ. соч. С. 105.

[2] Климова С.Г. Стратегии сторон трудовых конфликтов // ОНС. 1997. № 2. С. 67.

[3] Докладная записка «О результатах проверки разрешения материалов, расследования уголовных дел по фактам нецелевого использования бюджетных средств, невыплаты заработной платы, пенсий и пособий», г. Воркута, 31.03.1999 г. // НАРК. Ф.Р-1307. Оп. 1. Д. 1880. Л. 85.

[4] Информационное письмо прокурора Приморского края В.В. Василенко (1997 г.) // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 97. Л. 2.

заложников». Акции протеста подобного рода были во многом условны: никакой реальной угрозы жизни и здоровью руководителям предприятий не было, «пострадавшие» отказывались от помощи милиции, «захватчики» отпускали свою «жертву» весьма быстро. Противозаконные действия рабочих фактически не пресекались, так как все понимали формальность характера акции протеста. К тому же правоохранительные органы опасались взрыва народного возмущения, провоцирования новых, ещё более масштабных акций протеста.

Органы власти и управления пытались сгладить трудовые конфликты и порой шли на замену одного руководителя другим. Между тем положительный результат в деятельности предприятия от подобной замены присутствовал не всегда. Поэтому постоянные обвинения лидеров рабочего движения и НПГ России в адрес «неумелых» руководителей шахт и разрезов перестали пользоваться популярностью, так как ротация кадров в общем не меняла кризисной обстановки в угольной промышленности. Тем более в сложном экономическом положении находились не только угольщики, но и абсолютное большинство других отраслей промышленности страны. Поэтому горняки стали меньше доверять либерально настроенным организациям, прежде всего, НПГ России и рабочкомам[1], менять протестные ориентиры и выстраивать новые подходы в отстаивании своих жизненно важных интересов. Мало того, в некоторых случаях, они даже стали открыто защищать директорский корпус. Так, например, в 1995 г. поступили рабочие в отношении нового руководства АО «Приморскуголь»[2].

На фоне углубления проблем в угольной промышленности наблюдалось постепенное «размывание» экономических требований рабочих к директорам шахт и разрезов, что проецировало их борьбу на более высокий уровень

---

[1] Анохин М. Рабочие комитеты – место есть для всех // РГАСПИ. Ф. 661. Оп. 1. Д. 268. Л. 109 (об.); Ильин В.И. Указ. соч. С. 94–95.

[2] Обращение членов теркома профсоюза, членов объединенного стачечного комитета, представителей трудовых коллективов, председателей профсоюзных организаций, руководителей предприятий и организаций АО «Приморскуголь», 03.11.1995 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 160. Л. 90.

хозяйственных и политических отношений. Борьба с неумелыми и коррумпированными директорами всё чаще связывалась с отсутствием контроля над их деятельностью со стороны органов власти.

На этом фоне развернулась *борьба с потерявшими доверие руководителями администраций регионов, городов и посёлков*. Как таковое недоверие местным властям шахтёры и их профсоюзы стали выражать уже в 1992 г.[1] Однако в первые годы рассматриваемого периода их недовольство ограничивалось претензиями только в отношении глав муниципальных органов власти. При этом каких-либо консолидированных и действенных акций протеста против местной, тем более региональной власти почти не проводилось.

Проблемы шахтёрских городов и посёлков особо не отличались от других населённых пунктов углепромышленных регионов. В то же время, часто социально-экономическая обстановка в соседних, нешахтёрских регионах, выглядела порой лучше. Поэтому, не позднее чем с 1994 г., борьба с потерявшими доверие руководителями администраций углепромышленных регионов, городов и посёлков уже являлась важной и заметной[2]. По мнению горняков, региональная и местная власти не справлялись с возложенными на них обязанностями, не отстаивали их интересы на федеральном уровне, попустительствовали не всегда обоснованному закрытию шахт, занимались демагогией, участвовали в совместных с администрацией предприятий коррупционных схемах, не желали встречаться с протестующими и т.д.

Борьба с потерявшими доверие руководителями администраций регионов, городов и посёлков реализовывалась, в основном, посредством пикетов, митингов и демонстраций. Участвовавшие в акциях протеста рабочие верили в то, что смена местной, тем более региональной власти позволит Кремлю скорректировать

---

[1] Постановление президиума Новокузнецкого территориального совета первичных организаций Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Горняцкая солидарность. 1992. 23 января.

[2] Шатохин С. Шахтеры бастуют. В который раз? // Выбор. 1994. 16 апреля.

процесс реструктуризации угольной промышленности, сделает его более социально ориентированным и прозрачным.

Однако местная и региональная власти научились не замечать народного недовольства, манипулировать сознанием, переадресовывать вину на других контрагентов горняков и т.д. Поэтому рабочие угольной промышленности стали чаще прибегать к крайним формам борьбы, которые позволяли привлечь внимание федеральных органов власти, выявить злоупотребления работников региональных администраций[1].

Такая задача стала особенно важной в конце рассматриваемого этапа, то есть в 1996–1997 гг.[2] и являлась наиболее актуальной для Кемеровской области и Приморского края, где шло противостояние между руководителями органов власти. В этих условиях Кремль пошёл на уступки, сменив губернатора Кемеровской области М. Кислюка на А. Тулеева. Новый руководитель – А. Тулеев, действительно сумел на несколько месяцев снять напряжённость в крае. Между тем замена руководителя не привела к кардинальным изменениям в социально-экономической сфере ведущего углепромышленного региона. Несмотря на все попытки А. Тулеева снизить протестную активность горняков края, с конца 1997 г. она вновь стала нарастать. Таким образом, реализация требования смены руководства области показала в тот момент слабую зависимость социально-экономической обстановки от действий региональной власти.

Горнякам сложно было резко изменить своё отношение к политическому курсу Б. Ельцина, которого они активно поддерживали на протяжении многих лет, поэтому их недовольство стало ориентироваться в большей мере на проводимую Правительством РФ «шоковую терапию». Президент и сам часто выражал неудовлетворённость результатами социально-экономической

---

[1] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2. М., 2001. С. 294.

[2] Письмо жителей п. Тавричанка Приморского края Президенту РФ Б. Ельцину, 15 мая 1997 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 179. Л. 25 (об.).

деятельности Кабинета министров (в том числе и в угольной промышленности), что придавало рабочим чувство солидарности с Б. Ельциным. Поэтому центральной задачей протестного движения шахтёров в середине 1990-х гг. становится *критика социально-экономического курса Правительства РФ*, в том числе и на уровне международных политических и экономических организаций[1].

Подтверждением слабости либеральных намерений горняков является их быстрая переориентация на критику экономических реформ Правительства РФ. Если на рубеже 1992–1993 гг. недовольство шахтёров ещё имело ярко выраженный экономический характер, их требования сводились к погашению задолженности по дотациям и повышению зарплаты[2], то, уже начиная с середины 1993 г., они выступали за радикальные рыночные реформы во всех отраслях, за исключением собственной. Требование сохранения государственной поддержки угольной отрасли являлось одним из наиболее распространённых[3]. В начале рассматриваемого этапа это требование заявлялось не так часто, но, по мере увеличения фактов социально-экономических неудач приватизированных предприятий, оно приобрело устойчивое звучание. Большую роль в популяризации этого лозунга играл Росуглепроф.

Претензии в отношении деятельности Правительства РФ стали выдвигаться, в том числе, и со стороны лидеров НПГ России. От министров они «требовали определить чёткий механизм дотаций, чёткий механизм определения расчётных цен на уголь»[4] и т.п. После того как в начале ноября 1993 г. 12 лидеров НПГ Воркуты объявили голодовку «в знак протеста против удушения угольной отрасли» Совет представителей НПГ России принял решение о начале активных

---

[1] Постановление президиума Росуглепрофа о социально-экономическом положении в угольной промышленности // На-гора! 1996. № 21–22, август. С. 3; Борисов В., Бурнышев К. Кузбасс: дым перед большим огнем // ЭКО. 1997. № 9. С. 120.

[2] Требования трудовых коллективов предприятий угольной промышленности Челябинской области к Верховному Совету и Правительству РФ, 15.03.1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5666. Л. 69.

[3] Борисов В.А. Чем заняться за Полярным кругом? Начало реформ в Воркуте // Социс. 1996. № 10. С. 23.

[4] Карзова В. Шахтерская карта пока в руках … шахтеров // Наша газета. 1993. 20 марта. С. 1.

действий в защиту интересов горняков[1]. Это серьёзно усилило борьбу всего шахтёрского сообщества, хотя они не скрывали своей готовности к компромиссу с Правительством РФ[2].

В середине 1990-х гг. на первый план в отношениях с федеральными органами власти вышло требование своевременной выдачи заработной платы и погашение долгов по ней, которое раньше они предъявляли в основном руководителям предприятий. Немаловажное значение имело и требование выполнения Правительством РФ своих социальных обязательств перед рабочими. В то время появились и такие новые претензии, как: предоставление льготных кредитов на реконструкцию и техническое перевооружение шахт; строительство жилья; улучшение технологической дисциплины; устранение ошибок в планировании; поиск новых, более гибких форм оплаты труда; понижение себестоимости угля за счёт внутренних резервов[3] и др.

Высокая обеспокоенность политикой Правительства РФ стала проявляться и в изменении приоритетов в требованиях шахтёров в конце рассматриваемого этапа. Среди них на первых позициях всё чаще появлялось сохранение шахты, как действующей[4]. На это, прежде всего, влияло динамичное распространение в углепромышленных городах и посёлках такой серьёзной проблемы как безработица.

Наиболее популярным каналом критики социально-экономического курса Правительства РФ стали средства массовой информации (в основном местные и региональные), которые в течение первого этапа показывали высокую степень солидарности с борющимися шахтёрами. Открытые выступления горняков в СМИ приобретали не только моральную поддержку, но и инициировали участие недовольной и активной части населения в конкретных акциях протеста,

---

[1] Письмо председателя НПГР А.А. Сергеева Президенту России Ельцину Б.Н., Председателю Совета Министров–Правительства РФ Черномырдину В.С. и др., 4 ноября 1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5673. Л. 15.

[2] Ильясова Г. Ситуацию надо переломить в корне // Заполярье. 1993. 16 ноября.

[3] Солодова Г. Начали год с забастовки // Кузбасс. 1994. 18 января; Вавилова С. Шаг отчаяния и безысходности // Кузбасс. 1994. 28 января.

[4] Борисов В., Бурнышев К. Кузбасс: дым перед большим огнем // ЭКО. 1997. № 9. С. 127.

например, пикетах, митингах, демонстрациях, «рельсовых войнах» и т.д. Имелась и обратная связь: любая акция протеста инициировала внимание СМИ. Чем масштабнее и радикальнее она была, тем выше был общественный резонанс и политическое давление на Правительство РФ. Поэтому горняки во время акций протеста порой настаивали на присутствии журналистов различного уровня, чтобы как можно громче озвучить свои требования[1]. По мнению авторитетных экспертов, именно внимание СМИ не позволило разогнать шахтёрский пикет возле Дома Правительства РФ 17 июня 1993 г.[2]

Из законных форм борьбы с проводимой Правительством РФ угольной политикой заметно использовались пикеты. Наиболее значимыми из них являлись те, что проводились в Москве, под окнами Дома Правительства РФ. Организаторами столичных пикетов поочерёдно выступали отраслевые профсоюзы. Пикетирование шахтёрами Дома Правительства РФ происходило фактически ежегодно, и всегда в них принимали участие многочисленные делегации из разных углепромышленных территорий. Численность кузбассовцев, например, достигала 130–150 человек[3]. Такие акции являлись резонансными, они консолидировали как шахтёрское сообщество, так и весь рабочий класс.

Шахтёрская критика социально-экономического курса Правительства России с каждым годом усиливалась. Однако в реализации данного направления борьбы рабочие угольной промышленности явно уступали машиностроителям, учителям, медикам и другим группам трудящихся. Протестное движение ослабляли разногласия шахтёров разных углепромышленных регионов в таких вопросах, как: выбор требований (из-за несовпадения экономических интересов), а также предпочтительность формы борьбы[4]. Снижение уровня солидарности провоцировало групповые, и в то же время экстремальные формы протеста,

---

[1] См. например: Прянишникова Т. Труд должен быть оплачен. Это закон, но не для России, привыкшей только брать // Кузбасс. 1996. 10 февраля.

[2] Лень П.М. Указ. соч. С. 202.

[3] Большанин А. Дом Правительства пикетируют шахтёры // Кузбасс. 1994. 31 марта; Лещенко В. Правительство в осаде шахтеров // Кузбасс. 1996. 23 января.

[4] Токарев В., Фомина Н., Базырин В. Митинговали, но работали // Шахтерская правда. 1996. 27 августа.

прежде всего «рельсовые войны». К такой тактике стали чаще прибегать рабочие шахт, которые оказались в более трудном социально-экономическом положении.

Проведение железнодорожных блокад негативно отражалось на интересах не одного, а нескольких субъектов РФ, а порой и всей страны. Перекрыть такую стратегическую магистраль, как Транссиб, по сути, означало «перерезать» страну пополам, осложнить деятельность большого количества предприятий и организаций огромной страны. Создавая транспортный коллапс, шахтёры заставляли правительственные органы быстро и полностью выполнять свои, принятые ранее, социально-экономические обязательства.

Не вызывает сомнения незаконность данного способа протеста. Перекрытие железнодорожной магистрали являлось прямым нарушением «Правил безопасности движения и эксплуатации железной дороги в Российской Федерации», что при определенных последствиях влекло за собой уголовную ответственность по статье № 267 Уголовного кодекса РФ[1]. Однако у лидеров профсоюзов и забастовочных комитетов всегда имелся веский контраргумент: Правительство РФ регулярными задержками заработной платы нарушало Конституцию и трудовое законодательство России. Такой контраргумент власть не могла достойно парировать, что прибавляло пикетчикам уверенности и смелости в своих поступках. Таким образом, «рельсовая война» как форма протеста среди не только участников, но и всех, кто морально их поддерживал, получала этическое измерение. Шахтёры боролись за весь трудовой народ. Это, несомненно, делало их героями в глазах не только региональной, российской, но и мировой общественности. В общем «рельсовая война» как форма протеста быстро показывала свою результативность. В то же время каких-либо серьёзных наказаний не только участники, но и организаторы транспортных блокад не несли. Это способствовало формированию допустимости противозаконных действий, что ещё больше подрывало доверие к органам исполнительной власти.

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_37.html#p4478 (дата обращения: 05.04.2016 г.).

Относительные успехи борьбы убеждали горняков в необходимости решения такой задачи как *увеличение количества всевозможных акций протеста и привлечение к ним сочувствующих* из числа представителей различных социально-профессиональных групп. На это указывал и опыт соседних постсоветских государств, например, Украины. Забастовка горняков Украинского Донбасса в июне 1993 г. получилась более массовой и стала одним из первых примеров выхода шахтёрских акций протеста за рамки одной отрасли[1]. Опыт украинских товарищей, безусловно, был взят во внимание.

Низкая степень эффективности самостоятельной борьбы рабочих, наличие фактов бездеятельности профсоюзов, а, в целом, беззащитность перед мощной государственной машиной вынуждала их искать такие альтернативные силы, как политические партии и движения. Их заметная активность на «шахтёрском поле» стала проявляться в 1994 г., когда после принятия новой Конституции РФ они получили дополнительные стимулы для ведения агитационной деятельности. Тем более новый Основной закон лишил профсоюзы права законодательной инициативы, что прибавляло привлекательности партиям как органам, представляющим интересы трудящихся.

Сближение базовых позиций в стратегии и тактике шахтёров и других социально-профессиональных групп выразилось в ориентации на оппозиционные политические партии и движения. В их деятельности не было единодушия в вопросе использования форм и методов протеста, но все отмечали справедливость требований угледобытчиков и видели в протестном движении шахтёров возможность системных государственных изменений. Наиболее заметными в общественно-политической жизни трудящихся шахтёрских территорий в начале 1990-х гг. были Либерально-демократическая партия России и Коммунистическая партия Российской Федерации. Индустриальные регионы были удобной площадкой распространения влияния этими партиями, так как большинство их

[1] Борисов В.А. Ночное домино ... С. 200.

населения составляли рабочие, пенсионеры, люди с низким уровнем жизни, русские и т.д., то есть та часть электората, на которую они ориентировались в своих программных заявлениях.

Содействие со стороны такого важного политического института как оппозиционные политические партии и движения являлось важной составляющей в развитии протестного движения. Начиная с 1995 г., требования межотраслевых профсоюзов о досрочных перевыборах Президента и отставке Правительства РФ активно поддерживали теркомы Росуглепрофа[1], что способствовало укреплению авторитета шахтёров в общественно-политических процессах.

Резкий рост забастовочного движения шахтёров на рубеже 1995–1996 гг. свидетельствовал о возвращении ими статуса «авангарда борьбы рабочего класса». Между тем либеральные взгляды горняков были ещё сильны, а в других группах российского общества они заметно ослабли[2]. Политический раскол на уровне трудовых коллективов получил фактическое подтверждение в ходе президентских выборов летом 1996 г., когда Кремлю пришлось приложить небывалые усилия для удержания Б. Ельциным собственной власти. Первый российский Президент в ходе своей предвыборной кампании вновь использовал «шахтёрскую карту». Ему удалось где-то убедить горняков, а где-то и «купить» их голоса. Существенная часть горняков проголосовала за Б. Ельцина, что негативно отразилось на их забастовочной динамике и поддержке протестных действий со стороны трудового народа.

Постепенно шахтёрские профсоюзы стали ориентироваться не только на увеличение количества акций протеста, но и на рост их географии, а также расширение перечня требований, которые выражали интересы трудящихся других отраслей и организаций. Так, например, в августе 1996 г. шахтёры г. Партизанска Приморского края на первое место в своих лозунгах поставили требование

---

[1] Постановление № 44/2 Приморского территориального комитета профсоюза работников угольной промышленности «Об участии в общероссийской акции протеста 12 апреля 1995 г. Приморских шахтёров», г. Владивосток, 21.03.1995 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 141. Л. 402.

[2] Бызов Л.Г. Первые контуры «постпереходной эпохи» // Социс. 2001. № 4. С. 8.

принятия от государства экстренных мер по выводу экономики края и города из кризиса[1].

Особо важным моментом явилось осознание того, что достичь необходимых результатов борьбы горняки могли в случае широкого вовлечения в их акции протеста всех, кто проявлял недовольство деятельностью Правительства РФ[2]. Только таким образом можно было продемонстрировать солидарность, силу и решимость в борьбе за свои и права и интересы, скорректировать общественное мнение в свою пользу, а в итоге добиться быстрого и реального результата. Данные требования, особенно по созданию новых рабочих мест, активно поддерживали и некоторые популярные политики, например, А. Тулеев[3].

Увеличить количество всевозможных акций протеста и привлечь к ним сочувствующих из числа представителей различных социально-профессиональных групп помогали рабочие комитеты, профсоюзы, а также общественно-политические партии и организации, в том числе и такие новые как, например, Комитеты спасения – коллективные органы самоуправления трудящихся, возникшие по инициативе местных профсоюзов в 1996 г. в Кемеровской области.

Появление Комитетов спасения явилось результатом осознания профсоюзами необходимости принятия срочных самостоятельных мер, которые могли спасти погибающие предприятия монопрофильных и депрессивных городов и посёлков. Новый орган самоуправления трудящихся отмежевался от рабочкомов, посчитав их «предательскими»[4], хотя острого противостояния между ними не было.

---

[1] Качаев А. Победит ли благоразумие? // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 8 августа. С. 1.

[2] Протокол VI конференции Интинской ассоциации профсоюзных организаций работников угольной промышленности от 5 февраля 1996 года // НАРК. Ф.Р-1726. Оп. 1. Д. 893. Л. 5.

[3] См. например: Ушакова И. «Я – против», говорит А. Тулеев // Наш город. 1994. 11 февраля.

[4] Постановление чрезвычайной конференции трудовых коллективов города Прокопьевска, 11 сентября 1996 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 6692. Л. 21; Воронин Д.В. От рабочих комитетов ... С. 16.

Комитеты спасения не являлись чем-то особенным, их деятельность уже давно использовались в постсоветских странах[1]. В общем, это позволяло иметь российским горнякам чёткие ориентиры функциональных возможностей подобного рода органов. В них входили труженики самых разных профессий – шахтёры, машиностроители, учителя, врачи, коммунальщики, транспортники, связисты и др.[2] В своём масштабе они, как правило, имели уровень муниципального образования.

Создание новых, по сути альтернативных, органов власти в шахтёрских городах и посёлках свидетельствует о попытке профсоюзных организаций объединить вокруг себя широкие народные массы для совместного противодействия социально-экономическому коллапсу, охватившему народное хозяйство страны. Комитеты спасения решали разнообразные общественно-политические задачи, в том числе определяли стратегию защиты социально-экономических прав и интересов трудящихся.

С первых дней функционирования данного органа некоторые его члены предлагали использовать такие радикальные методы борьбы, как «рельсовая война»[3]. Между тем, далеко не все комитетчики разделяли мнение об использовании даже забастовок, посчитав их иррациональными[4]. В основном они акцентировали своё внимание на легальных, массовых формах протеста, таких, как: митинги, демонстрации, пикеты и т.п. Но шахтёры в таких акциях протеста участвовали «вяло»[5]. В большей мере они совместно с рабочими других отраслей, а также работниками бюджетных организаций «искали правду», обращаясь не только к российским властям, но и международным организациям

---

[1] Борисов В.А. Ночное домино ... С. 31.

[2] Головенко А. Женский портрет в интерьере политики // Правда. 1997. 4 апреля; Воспоминания Н.И. Ситниковой. Стенограмма беседы от 25 мая 2009 г.; Воспоминания Л.А. Совальсковой. Стенограмма беседы от 20 апреля 2009 г.

[3] Протокол Комитета спасения г. Прокопьевска от 02.10.1996 г. // Личный архив Д.В. Воронина.

[4] Протокол Комитета спасения г. Прокопьевска от 09.10.1996 г. // Личный архив Д.В. Воронина.

[5] Протокол Комитета спасения г. Прокопьевска от 15.11.1996 г. // Личный архив Д.В. Воронина.

(Международный комитет по правам человека, Международная организация труда, Европарламент и др.)[1].

Отдельные успехи борьбы в первые годы «шоковой терапии» не изменили, в общем, социально-экономического положения шахтёров, они продолжали беднеть и теряли уверенность в завтрашнем дне. Отсутствие внятной реакции руководства предприятий, а также властных и правоохранительных структур на бедственное положение горняков стало менять их протестное сознание, всеобщее недовольство приобретало политический тон. Такое давление, по мнению шахтёров, должно было привести к отставке Правительство В. Черномырдина и выработке нового, социально-экономического курса. Процесс политизации требований шахтёров имел многоступенчатый и весьма противоречивый характер. *Реализация политических лозунгов* являлась более сложной задачей, поэтому в ходе акций протеста даже в конце рассматриваемого этапа доминировали всё-таки экономические требования. Это связано с тем, что до 1995 г. забастовки по политическим мотивам признавались незаконными[2]. Вместе с тем политические лозунги становились востребованными в российском обществе, а с 1995 г. отсутствовало правовое препятствие на пути выдвижения политических требований.

Первые политические лозунги появились не позднее февраля 1993 г., когда рабочие шахты «Физкультурник» (Кузбасс) потребовали отставки Президента РФ Б. Ельцина[3]. Их требования в корне отличались от последних политических лозунгов советской эпохи. На смену антикоммунистической риторики рабочкомов[4] пришла критика сложившейся в ходе демократических преобразований политической системы России, которая уже не выражала интересы большинства трудящихся. Надежды рабочих на новую Конституцию и

---

[1] Борисов В., Бурнышев К. Кузбасс: дым перед большим огнем // ЭКО. 1997. № 9. С. 120.

[2] Закон Союза ... С. 910.

[3] Михайлов Ю. Доклад съезду рабочих Сибири 23 января 1999 г. // Текущий архив краеведческого музея г. Берёзовского Кемеровской области.

[4] Обращение к гражданам СССР, России, Кузбасса // Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке. Ф. 60. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

парламент не оправдались. Органы власти не реагировали адекватно на требования угледобытчиков о необходимости вмешаться в разгоравшиеся социально-трудовые конфликты[1]. Мало того, активная протестная позиция горняков порой выставлялась региональным руководством как неприемлемая и экстремистская.

До 1994 г. политические требования являлись весьма локальными и неоднозначными, а шахтёрское сообщество по-прежнему считалось опорой политического курса Б. Ельцина. Из-за невысокого уровня доверия[2] оппозиционные партии и движения не предпринимали каких-либо серьёзных попыток взять шахтёрское движение «под контроль», вмешаться в разрешение социально-трудовых конфликтов на предприятиях угледобывающей отрасли и т.п. Их влияние на политическое сознание рабочих шахт и разрезов осуществлялось в основном посредством СМИ, что особенно стало заметно накануне первых в постсоветской России выборов в Государственную Думу. При этом горняки не выделялись как отдельный объект общей кампании партийной пропаганды и агитации.

Со временем политизация трудовых конфликтов становилась всё очевиднее. Это стало следствием того, что подавляющее большинство противостояний происходило на государственных предприятиях, в бюджетных организациях и предприятиях отраслей, получающих госдотации. Любой открытый конфликт с экономическими требованиями неизбежно был направлен против Правительства РФ, которое выступало не арбитром, а активной стороной производственного конфликта, так как обладало решающим правом в отношении хозяйственной деятельности предприятий угольной промышленности.

В начале 1994 г. политические претензии горняков являлись ещё вполне умеренными. Так, например, оппозиционный отраслевой профсоюз – Росуглепроф, в то время свои требования адресовал Правительству РФ, но не

---

[1] Цыбо В. Бастуют первомайцы // Мой город. 1994. 3 февраля.
[2] Жигунов Л.Э. Указ. соч. С. 28.

Президенту России[1]. Причём, их суть состояла не в смене Кабинета министров, а в том, чтобы он кардинальным образом изменил программу реструктуризации отрасли[2]. Однако на уровне теркомов Росуглепрофа отмечалось: «Народ не доволен, что нет политических требований»[3].

В конце 1994 г. выдвижение политических претензий приобрело положительную динамику, в том числе, со стороны лидеров НПГ России и рабочих комитетов шахтёрских городов и посёлков. Впервые повсеместно лозунги политического характера были выдвинуты в ходе всероссийской забастовки шахтёров первого марта того года. Наиболее активно на них тогда настаивал НПГ Воркуты, что «расстроило Б. Ельцина»[4], но повысило его авторитет в других углепромышленных территориях. Вместе с тем требования горняков не соответствовали сути программных позиций лево-патриотических партий и движений, которые являлись в стране ведущей политической оппозицией. Между ними ещё сохранялась высокая степень недоверия[5].

Первым конкретным событием, которое свидетельствовало о серьёзной переориентации рабочих в сторону решительных политических требований, стал конфликт на шахте «Судженская» (Кузбасс) в октябре 1994 г. Шахтёры начали забастовку с ряда экономических требований: своевременная выдача заработной платы, получение спецодежды, отстранение от должности главного бухгалтера и директора. Через несколько дней после начала конфликта рабочие уже считали, что зарплата – не главное. Поэтому, при активном участии ЛДПР, были выдвинуты политические требования: отставка Президента и Правительства РФ, а

---

[1] Постановление президиума теркома профсоюза работников угольной промышленности «О результатах проведения дней единства действий трудовых коллективов», 01.03.1994 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 141. Л. 243; Постановление Совета Воркутинской федерации Росуглепрофсоюза от 14 ноября 1995 г. «О проведении акции протеста» // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3526. Л. 48–49.

[2] Конев М. Забастовка: почему пошли на нее? // Южный Кузбасс. 1996. 6 февраля.

[3] Протокол заседания расширенного президиума Ростовского территориального комитета Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 03.03.1994 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 14. Л. 19.

[4] Ильясова Г. Нет единства в шахтерских рядах? // Заполярье. 1994. 11 марта; Президент исчерпал кредит доверия шахтеров // Заполярье. 1994. 23 марта; Борисов В.А. Забастовки ... С. 201.

[5] Нам с ними не по пути // Заполярье. 1994. 6 октября.

также главы областной администрации. Координатор ЛДПР из Анжеро-Судженска активно работал в Совете трудового коллектива предприятия, настаивая на продолжении забастовки до выполнения политических требований. Требования рабочих поддержали даже рядовые ИТР и часть руководителей шахты, так как основным лейтмотивом акции протеста стало «просто выживание коллектива»[1].

Политический успех сторонников В. Жириновского на шахте «Судженская» имел кратковременный характер и не получил широкого распространения. Это было связано со многими причинами, в том числе и потому, что провозглашённый ЛДПР «либерально-демократический путь» уже вызывал большие сомнения в шахтёрской среде. Постепенно их мнение стало склоняться в сторону левого фланга, что выглядело вполне закономерно на общем фоне разочарования россиян радикальными реформами и увеличения количества сторонников коммунистического традиционализма[2].

В середине 1990-х гг. лидеры левых партий и движений стали чаще посещать углепромышленные территории, использовать пропаганду и агитацию. Они критиковали президентский курс, соглашались с требованиями рабочих, вмешивались в трудовые конфликты, призывали население к участию во всероссийских стачках и т.д. Это встречало поддержку большинства трудящихся, но прежде всего, среди рабочих депрессивных шахт[3]. В свою очередь рост левых настроений среди рабочих индустриальных регионов провоцировал их поддержку среди широких слоёв населения, в том числе и среди предпринимателей[4].

1995 г. стал временем активного сближения профсоюзов и оппозиционных политических партий и движений. Первого мая того года профсоюзы впервые выступили совместно с левыми политическими организациями России.

---

[1] Угольная промышленность Кузбасса ... С. 215; Обращение горняков ш. «Судженская» к жителям города // Наш город. 1994. 14 октября; Борисов В., Бизюкова В., Бурнышев К. Горняки на рельсах. Что заставило судженцев перекрыть Транссиб? // На-гора! 1995. № 5–6, январь. С. 5.

[2] Бызов Л.Г. Первые контуры «постпереходной эпохи» // Социс. 2001. № 4. С. 5.

[3] Михайлов Ю. Шахтёры предлагают // Мой город. 1995. 24 января.

[4] Никифоров О.А. Указ. соч. С. 424.

Наибольшую активность проявила КПРФ, организовавшая в ряде регионов митинги и демонстрации, которые были поддержаны местными профсоюзными структурами[1]. Неудивительно, что в июне 1995 г. рабочие шахты «Ягуновская» выдвинули такие лозунги, как: всеобщая политическая стачка и досрочные выборы Президента[2]. Данный призыв не получил в то время широкого резонанса в шахтёрской среде. Однако на это и подобные заявления горняков были вынуждены обратить внимание члены Правительства РФ, которые подчёркивали «высокую социально-экономическую напряжённость в угледобывающих регионах, приобретающую в последнее время политическую ориентацию»[3]. Наглядным примером полевения политических настроений стала трудная, но яркая победа сторонников Г. Зюганова на парламентских выборах в 1995 г.

Вместе с тем, тезис некоторых политологов о том, что развитие шахтёрского движения в 1990-е гг. имело явную «революционную» тенденцию[4] несколько преувеличен. Горняки и их профсоюзы надеялись на то, что сближение с оппозиционными общественно-политическими силами станет инструментом давления на власть и не более того. Никаких революционных помыслов большинство из них в реальности не вынашивало. В середине 1990-х гг. всё ещё преобладали социально-экономические требования, большинство которых не выходили за рамки отраслевых интересов. Свидетельством уверенности в успехе самостоятельной борьбы работников угольной промышленности стало создание в марте 1995 г. общественно-политического движения «Шахтёры России», которое провозгласило «своей целью противодействие разрушительным тенденциям в экономике»[5]. Движение создавалось на волне выборов в Государственную Думу в

---

[1] Букетов К. Указ. соч.

[2] Телеграмма Председателя Законодательно Собрания Кемеровской области, члена Совета Федерации А. Тулеева Председателю Совета Федерации Федерального Собрания Шумейко В.Ф., 05.06.1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3523. Л. 39.

[3] О прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на II квартал 1995 года и на 1995–1997 годы по отраслям топливной промышленности, 20.03.1995 г. // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1578. Л. 71.

[4] Жигунов Л.Э. Указ. соч. С. 83.

[5] Будько В.И. Современное положение и основные задачи Российского независимого профсоюза угольщиков в условиях реструктуризации угольной промышленности // Российский независимый профсоюз угольщиков – организованные действия в условиях реструктуризации угольной промышленности. М., 1996. С. 74;

качестве противовеса шахтёрским рабочкомам и собрало под своим крылом профсоюзных лидеров Росуглепрофа.

Горняки действительно осторожно относились к левым идеям и призывам. Они не выдвигали требований возвращения к власти коммунистов, многие из них с недоверием относились к их лидеру Г. Зюганову, что ярко проявилось в ходе президентских выборов 1996 г. По мнению К. Кравченко, с которым мы согласны, их тактической задачей являлся переход власти от одной части элиты к другой, но в рамках по существу одной и той же по своим идеологическим ориентациям политической группы[1]. Прав и П. Бизюков в том, что для многих из них было всё равно кто у власти, лишь бы вовремя платили деньги[2].

Остриё критики субъектов общественно-политической жизни шахтёрских территорий было направлено в основном против местной и региональной власти. Образ российского Президента не был в центре общественно-политических баталий, которые динамично набирали обороты в других, нешахтёрских субъектах Российской Федерации. Большинство горняков по-прежнему считали, что Президент Б. Ельцин – это их человек, а его решения по выводу угольной промышленности из кризиса неумело проводит Правительство РФ, а также региональная и местная власти. Поэтому в требованиях шахтёров фигурировала не отставка Президента России, а встреча с ним[3]. Многие акции протеста горняков сопровождались с использованием лозунгов, которые были обращены напрямую к российскому Президенту и содержали требование смены глав шахтёрских территорий. Такое требование выдвигалось, как правило, на региональных и городских митингах, пикетах и забастовках, в которых участвовали трудящиеся и пенсионеры.

Кладчихин В. Самый крепкий профсоюз страны не желает больше обслуживать чужих политиков. На предстоящие выборы он выбирает своих. В Кемерово создано движение избирателей «Шахтёры России» // Кузбасс. 1995. 14 марта.

[1] Кравченко К.А. Шахтерские забастовки: проблемы исследования // Социс 1995. № 10. С. 60.

[2] Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка // Социс. 1995. № 10. С. 51.

[3] Борисов В.А. Забастовки ... С. 213.

До осени 1996 г. открытые и массовые призывы к отставке Президента Б. Ельцина фактически отсутствовали. Более того, в ходе предвыборной кампании по избранию Президента Российской Федерации в 1996 г. немало шахтёров и других категорий трудящихся углепромышленных регионов поддержали его кандидатуру. Многие угледобытчики всё ещё надеялись на эволюционные перемены к лучшему вместе с Б. Ельциным. Однако весьма быстро шахтёры поняли, что Б. Ельцин воспользовался их доверием. Уже в июле 1996 г. они стали выдвигать решительные политические лозунги, в том числе и в тех углепромышленных городах и посёлках, где ранее таковые не выдвигались, например, в г. Партизанске Приморского края[1]. По всей стране на многочисленных митингах протеста принимались обращения и резолюции с требованиями отставки Президента России Ельцина. Протестная активность трудящихся тогда приобрела небывалый размах.

В то время меняет свою протестную позицию крупнейший шахтёрский профсоюз – Росуглепроф. Если ранее данный профсоюз использовал стачки в поддержку экономических требований, то во всероссийской забастовке в декабре 1996 г. он выдвигает уже политические требования – отставки Правительства и Президента РФ[2]. Наиболее заметным событием в протестном движении 1996 г. стала всекузбасская забастовка шахтёров, которая прошла третьего декабря. Среди широкого спектра экономических лозунгов в ходе её проведения было выдвинуто и политическое требование – отставка Президента РФ[3]. Хотя, надо признать, большинство российских профсоюзов по-прежнему придерживалось экономических лозунгов, а из политических присутствовали довольно умеренные,

---

[1] Качаев А. Пора идти на рельсы? На вопрос голодного ребенка; «Папа, ты принес деньги?» – шахтеру Партизанска ответить нечего вот уже шестой месяц // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 27 июля. С. 1.

[2] Кузнецов А. Первичная организация: проблемы встраивания в профсоюзную структуру // Профсоюзы России: организация или пространство? М., 2004. С. 75.

[3] Требования шахтёров крепчают // Кузбасс. 1996. 4 декабря.

например, обеспечить правопорядок, соблюдение законов всеми структурами власти и т.д.[1]

Выбор требований шахтёров в середине 1990-х гг. напоминал тактику борьбы рабочих в предыдущие периоды. Ещё в 1918 г., замечает известный российский историк Д. Чураков, в своём большинстве акции протеста рабочих были продиктованы необходимостью борьбы за элементарное физическое выживание даже в тех случаях, когда звучали политические лозунги. Преимущественно они выдвигались рабочими с целью шантажа властей и служили орудием достижения целей сугубо экономического плана[2]. В конце советской эпохи, по справедливому мнению В. Борисова, лидеры горняков также быстро почувствовали, что выполнение экономических требований происходит почти автоматически, если они подаются в одном пакете с политическими. Выдвижение политических требований обеспечивало поддержку всего общества, а власти, маневрируя, быстро соглашались удовлетворить экономическую часть пакета, откладывая решение политической части до «лучших времён»[3].

Шахтёры постсоветской России вернулись к данной позиции. Возникавшие в процессе борьбы политические лозунги тесно переплетались с социально-экономическими и почти всегда выдвигались в одном пакете. В течение 1997 г. многие массовые акции протеста шахтёров проходили с использованием как социально-экономических, так и политических лозунгов, где главным требованием являлась отставка Президента РФ. Вместе с тем политические требования горняков не выходили за рамки их конкретных интересов. Так, например, они не поддерживали центробежные тенденции в стране, как это было

---

[1] Перечень основных требований российских и приморских профсоюзов, выносимых на общекраевую акцию профсоюзов 5 ноября 1996 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 173. Л. 100 (об.).

[2] Чураков Д.О. Рабочие России и становление советской государственности (причины, динамика и методы преодоления рабочего протеста). Конец 1917–1918 год. Автореферат дисс. … докт. ист. наук. М., 2006. С. 31.

[3] Борисов В.А. Забастовки ... С. 358.

в конце советской эпохи[1].

Процесс консолидации совместных усилий отраслевых профсоюзов по отстаиванию социально-экономических интересов в 1995–1996 гг. получил своё продолжение и в 1997 г. В том году большинство шахтёров были уверены в том, что Б. Ельцин не только разрушил угольную промышленность, но и «развалил Россию». Это сплачивало НПГ России и Росуглепроф, способствовало прекращению взаимных обвинений. Именно в то время борьба приобрела ярко выраженный политический тон, а требование отставки Президента РФ стало одним из центральных лозунгов угледобытчиков.

Между тем, лидер Росуглепрофа И. Мохначук, несмотря на идейную близость с коммунистами, в 1997 г. открыто отказался от совместных действий с КПРФ[2]. Так же, как и исполнительный директор движения «Шахтёры России» А. Кобяков[3], он выступал за самостоятельную борьбу, которая позволяла сохранить политическую независимость.

Попытки лидеров Росуглепрофа посредством общественно-политического движения «Шахтёры России» влиять на власть оказались слабыми. Поэтому на местах руководители теркомов Росуглепрофа поддерживали сближение с левыми. Они брали на себя руководство коллективными и радикальными акциями протеста, в том числе и связанные с перекрытием железной дороги[4]. Но даже такие решения выглядели более цивилизованно, чем те, которые предлагали самые отчаянные шахтёры. В 1997 г. в профкомах всё чаще звучали слова: «брать автоматы и стрелять». Некоторые рабочие грозили самоубийством в случае невыплаты заработной платы[5]. Подобные намерения подтверждались учащением

---

[1] Письмо Забастовочного комитета г. Берёзовского Кемеровской области Председателю Верховного Совета Грузии З. Гамсахурдия // Архивный отдел г. Берёзовского. Ф. 39. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.

[2] И у профсоюза проблемы: как защитить шахтера… // Искра. 1997. 27 марта.

[3] Кобяков А. Надо входить во власть // На-гора! 1997. № 13–14, сентябрь. С. 8.

[4] Семенова В. Акция протеста состоялась, будет ли результат? // Горняцкая солидарность. 1997. 6 июня.

[5] Протокол внеочередной Ростовской территориальной конференции Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 30 сентября 1997 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 42. Л. 8; Гордон Л.А. Крутой пласт ... С. 136, 179.

фактов шахтёрских суицидов, которые вызывали серьёзный общественный резонанс[1].

Разочарование шахтёров президентской деятельностью Б. Ельцина автоматически привело к поиску харизматичного оппозиционного лидера на общероссийском уровне. Несмотря на появление значительного количества политиков новой «постсоветской» волны в действительности все они были людьми из «коммунистического прошлого», либо малоизвестными. Интерес к шахтёрам с их стороны был незначительным, так как данную социально-профессиональную группу считали «вотчиной» Б. Ельцина. Сами горняки оказались раздробленными по политическим взглядам, что не позволяло им объединиться вокруг кого-либо на общегосударственном уровне. В рассматриваемое время такие политики имелись только в масштабах отдельных шахтёрских регионов. На эту роль более других подходил хорошо известный не только в Кузбассе, но и во всей стране политик – А. Тулеев.

Глава государства открыто не реагировал на политические требования горняков, был абсолютно уверен в правильности экономического курса. Однако он не мог полностью игнорировать требования протестовавших, тем более такой важной общественно-политической силы как шахтёры. Вполне выверенным было решение Б. Ельцина о смене политического руководства отдельных углепромышленных территорий. Показательным шагом навстречу шахтёрским настроениям стала смена в июле 1997 г. главы администрации Кемеровской области. С одной стороны, более чем убедительная победа А. Тулеева позволила укрепить позиции коммунистов в ведущем углепромышленном крае страны и усилить звучание политических лозунгов. С другой – новый, губернаторский, статус А. Тулеева заставлял его ориентироваться на социально-экономические интересы региона и в целом занимать нейтральную политическую позицию.

---

[1] Председатель Приморского теркома углепрофсоюза П.Т. Кирясов Губернатору Приморского края Е.И. Наздратенко // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 173. Л. 126.

Итак, формирование новой стратегии и тактики борьбы рабочих угольной промышленности России на первом этапе происходило весьма сложно и противоречиво. Сторонникам президентского курса не удалось долго ориентировать социально-экономические претензии рабочих угольной отрасли в направлении борьбы с «противниками» либерального курса в стране. Между тем шахтёры оказались в замешательстве, были разобщены и часто действовали самостоятельно. Это снизило их протестные возможности, ограничило участие в реформировании угольной промышленности, и подорвало социально-профессиональный статус в обществе. Влияние на сознание и поступки горняков различных политических и общественных сил определило неоднородный характер их претензий. Наиболее радикальные встречались среди рабочих Кузбасса и Печорского угольного бассейна. Шахтёры сохранили политическую самостоятельность и сумели заметно консолидироваться к 1998 г.

2.2 Динамика протестного движения

Определение динамики протестного движения шахтёров России, не только на первом этапе, но и в течение всего рассматриваемого периода, является непростой задачей по двум причинам. Во-первых, она не имела чётко выраженного общероссийского характера. Борьба была заметна там, где, прежде всего, имелась высокая концентрация важных угледобывающих предприятий. Это были территории крупнейших угольных бассейнов – Кузбасса, Печорского бассейна, Российского Донбасса, Приморья (таблица 6). К тому же эти регионы в большей мере испытали негативные последствия реструктуризации угольной промышленности в отличие, например, от Восточной Сибири, где было не так много убыточных шахт[1]. Однако, даже там протестное движение протекало неравномерно. Города и посёлки ведущих углепромышленных регионов

[1] Pleines H. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche ...

отличались неравномерностью экономических и социальных проблем, неодинаковой степенью воздействия на них политических факторов. Поэтому были центры шахтёрской борьбы (города и посёлки, показывавшие высокую протестную активность) и «периферия», где акции протеста почти всегда имели пассивный, оборонительный характер.

Таблица 6 – Динамика забастовок по основным углепромышленным регионам России в 1995–1997 гг.[1]

Основные углепромышленные регионы	Количество бастовавших угледобывающих предприятий		
	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Печорский бассейн	20	60	18
Донецкий бассейн	63	135	20
Ленинградсланец	4	5	1
Кузнецкий бассейн	67	164	71
Уральские бассейны и месторождения	27	58	17
Бассейны и месторождения Восточной Сибири	3	25	11
Бассейны и месторождения Дальнего Востока	54	86	41
Прочие	21	55	19
Всего	**259**	**588**	**198**

Во-вторых, динамика борьбы российских шахтёров не имеет чёткого статистического измерения. Официальная статистика даёт нам конкретные знания только об одной, хоть и самой популярной форме протеста, – по забастовке. При этом полученная информация указывает на то, что многие остановки производства, особенно в начале рассматриваемого этапа, проходили без

[1] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 32.

выполнения необходимых формальных процедур, то есть были незаконными[1]. Весьма категоричен по этому поводу зарубежный исследователь социально-трудовых отношений в России Саймон Кларк, который заявил: «Статистика забастовок не имеет ничего общего с реальностью, так как большинство забастовок не учитывается и официально считается случаями необоснованного выхода на работу»[2]. Поэтому данные статистики являются ценными, но далеко не бесспорными.

Важной особенностью протестного движения рассматриваемого времени, которая серьёзно отличает его от забастовочного движения 1989–1991 гг., является активное использование разнообразных форм и методов борьбы. Начиная с 1992 г., горняки широко использовали не только забастовку, но и другие, в том числе такие новые формы протеста, как например, подземные «забастовки». Их содержание со временем усложнялось, а эффект был порой выше чем от масштабных стачек.

Публичные формы протеста (митинги, манифестации, пикетирования, голодовки и др.) и забастовки имели разную природу и были обусловлены различными факторами. Это красноречиво подтверждается ситуацией, сложившейся в 1997 г. Официальная статистика показывает нам существенный спад забастовочного движения на предприятиях угольной промышленности в сравнении с предыдущим годом (рисунки 11, 12). Между тем 1997 г. стал временем, когда цели, задачи и требования шахтёров приобрели чётко выраженный антипрезидентский характер. Их выступления выделялись радикальностью и встречали широкую общественную поддержку. Поэтому можно говорить о кризисе забастовки как формы протеста, но не о спаде протестного движения в то время. Наоборот, оно стало приобретать организованный, массовый и угрожающий для власти характер.

---

[1] Васильев В. Бастовать, так по правилам // Кузбасс. 1996. 16 июля.
[2] Кларк С. Указ. соч. С. 210.

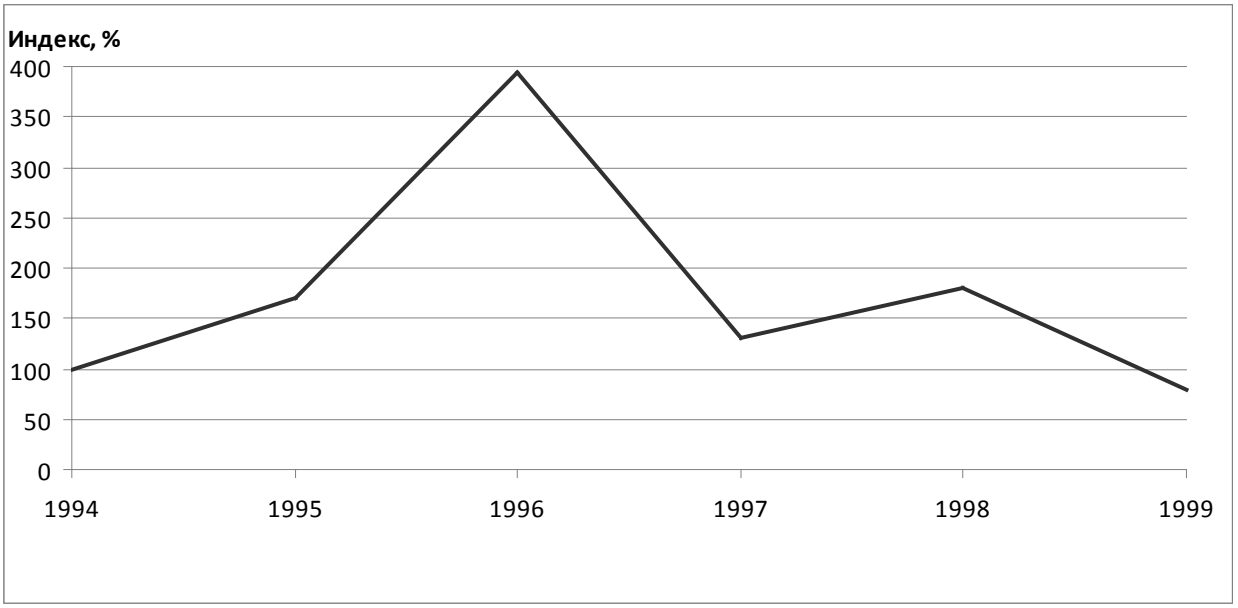

Рисунок 11 – Динамика забастовочной активности в угольной промышленности РФ в 1995–1999 гг., % к 1994 г.[1]

Динамика борьбы шахтёров была напрямую связана со многими факторами, однако наиболее стабильным из них являлась сезонная зависимость от поставок угля. Поэтому акции протеста имели весьма синусоидный характер (рисунок 12). Повторялись сезонные всплески протестной, в первую очередь, забастовочной активности угольщиков: февраль–март, когда шла борьба за подписание Отраслевого тарифного соглашения (ОТС) и выделение более высокого объёма госдотаций; сентябрь–октябрь, когда «выбивались» деньги, обещанные в соответствии с подписанными ОТС и бюджетом. Прекращение работы и предъявление ультиматумов летом было нецелесообразно, так как спрос на уголь в это время существенно снижается. Когда в 1996 г. задолженность по выплатам зарплаты стала приобретать критические масштабы, акции протеста шахтёров уже не ослабевали в середине и конце календарного года.

[1] Пяткин А.М. Указ. соч. С. 78.

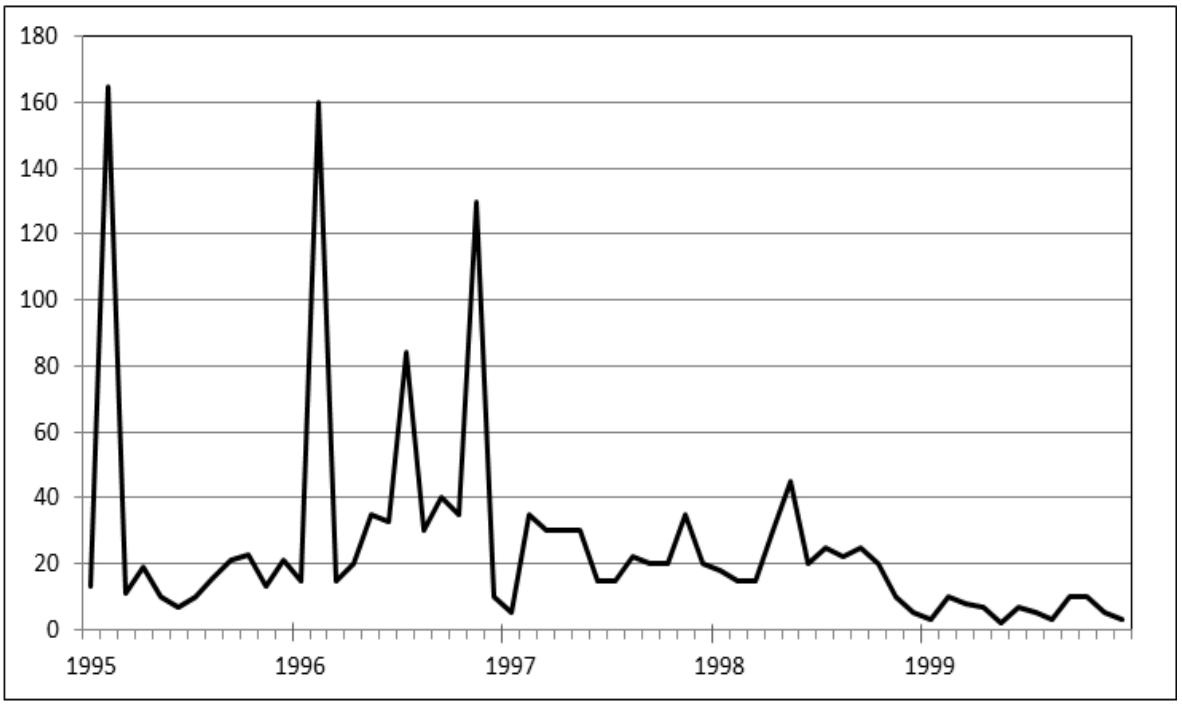

Рисунок 12 – Динамика забастовок на угледобывающих предприятиях РФ в 1995–1999 гг., случаев[1]

Подъём протестного движения шахтёров хронологически совпадает с нарастанием в постсоветской России социально-экономической и общественно-политической нестабильности. Новая российская власть столкнулась со многими до того неизвестными проблемами, которые были напрямую связаны с реализацией непопулярной экономической политики под названием «шоковая терапия». Она стала осуществляться с 1992 г., что и определило нижние хронологические границы борьбы горняков за свои трудовые права и интересы. Окончанием первого этапа необходимо считать 1997 г., когда все попытки горняков решить свои проблемы цивилизованным, законным способом оказались тщетными, а Президенту Б. Ельцину почти никто не верил[2].

Протестное поведение шахтёров в первые месяцы либеральных преобразований выглядело парадоксальным. Социально-экономическая

[1] Составлено по: Текущий архив АО «Росинформуголь»; Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 31.

[2] Бызов Л.Г. Новый политический консенсус в России. От государства «смуты» к государству «термидора» // Россия и современный мир. М. 2000. № 3 (28). С. 44.

обстановка в стране стабильно ухудшалась и выглядела значительно острее, чем в конце 1980-х гг., когда в СССР развернулось масштабное забастовочное движение рабочих угольной отрасли. В то же время шахтёрские акции протеста в начале 1992 г. являлись эпизодическими и кратковременными.

Борьба рабочих угольной промышленности приняла затяжной характер, что свидетельствует о долгом «созревании» их недовольства, постепенной трансформации политических взглядов и подходов в борьбе за свои трудовые права. Затянувшийся процесс борьбы объясняется существованием целого ряда сдерживавших её причин и факторов. Некоторые из них имели краткосрочный характер, другие же гасили пламя борьбы на протяжении многих лет. Наиболее важные из них следующие.

Во-первых, чувство ответственности шахтёров за демократические и рыночные преобразования в стране. В ходе забастовочного движения 1989–1991 гг. они дружно отстаивали принципы самостоятельности, хозрасчёта и рыночной конкуренции. Члены рабочих комитетов шахтёрских городов и посёлков требовали быстрейшего перехода к рынку, они неоднократно обвиняли союзное руководство в инертности экономических реформ и т.п. Большинство угледобытчиков верили, что социально-экономические трудности, с которыми они столкнулись, имеют кратковременный характер.

Во-вторых, угледобытчикам повысили заработную плату накануне и в начале рыночных реформ. Разрыв между зарплатой шахтёра и учителя в 1992 г. увеличился с 3–4 раз до 10 раз[1]. Уже в январе того года Правительство РФ демонстративно отказалось от переговоров с Федерацией независимых профсоюзов России[2]. Таким образом, необходимые меры социальной защиты населения со стороны главного исполнительного органа страны в начале

---

[1] Борисов В.А. Забастовки ... С. 182.

[2] Правительство отказалось от переговоров с Федерацией независимых профсоюзов России // Кузбасс. 1992. 22 января.

«шоковой терапии» были проигнорированы. Шахтёры в тот момент промолчали и постепенно стали утрачивать позиции лидеров протестного движения в стране.

В-третьих, отсутствие должной солидарности шахтёров не только на общероссийском, но и на региональном уровне. Дефицит солидарности стал следствием таких причин, как: отсутствие опыта проведения протестных акций в новых либерально-демократических условиях; усиление борьбы за рынки сбыта между предприятиями угольной промышленности; экономическая политика Правительства РФ в отношении угледобывающих предприятий, которая ставила их в неравные условия, например, при получении госдотаций, что способствовало раздору между ними; борьба за лидерство в шахтёрской среде между Росуглепрофом и НПГ России, следствием чего стала несогласованность протестных действий; отсутствие общественно-политической организации, способной сплотить борьбу угледобытчиков и др. Даже в моменты самых массовых всероссийских и региональных забастовок не все рабочие шахт и разрезов отказывались от работы. Особую пассивность во время стачек показывали рабочие разрезов, где социально-экономическая ситуация была лучше, чем на шахтах. Их зарплата, как правило, была на 20–30% выше, чем на шахтах. Её выплаты осуществлялись без существенных задержек[1].

В-четвёртых, на снижение протестной активности шахтёров были направлены усилия руководителей углепромышленных регионов. В Кузбассе, например, в 1992 г. главе областной администрации – М. Кислюку, удалось заключить соглашение с влиятельным в то время Советом рабочих комитетов, который, при условии выполнения их требований, обязался не допускать массовых забастовок[2]. Руководители углепромышленных территорий постоянно подчёркивали политическую и экономическую нецелесообразность активной и радикальной борьбы горняков с Президентом Б. Ельциным. Практика рабочего

---

[1] Бизюков П.В., Варшавская Е.Я., Донова И.В., Никишов А.А. Аналитический доклад «Социальные проблемы угольной промышленности Кузбасса в 1995 г.» (рукопись) // Личный архив П.В. Бизюкова.

[2] Гордон Л.А. Очерки рабочего движения в послесоциалистической России ... С. 75.

движения довольно-таки часто подтверждала правильность прогнозов региональных лидеров в вопросе эффективности методов борьбы, точнее, их бесперспективности, что, несомненно, деморализовывало протестующих.

В-пятых, шахтёры дольше других рабочих находились под опекой государства. Если в стране процесс приватизации предприятий в основном завершился к 1994 г., то в угольной промышленности он отстал как минимум на шесть лет. Между тем, начиная с 1994 г., изменения в отношениях собственности стали ведущим фактором, определявшим экономическое положение и трудовое поведение рабочих других отраслей[1]. Горняки же оказались в другом формате социально-трудовых отношений. Это усиливало противоречия между шахтёрами и рабочими других отраслей промышленности по многим ключевым вопросам стратегии и тактики, являлось сдерживающим фактором в проведении совместных акций протеста.

Протестная инертность стала следствием и чрезмерной самонадеянности шахтёров. В начале 1990-х гг. многие из них всё ещё считали себя силой, способной быстро и серьёзно влиять на политику страны. Эйфория победоносного слома советской системы, политические успехи Б. Ельцина, высокая численность и т.д., вселяли шахтёрам уверенность в эффективности самостоятельных действий по отстаиванию собственных социально-экономических интересов. «Если мы бросим клич, вся отрасль поднимется» – отвечали шахтёры, когда их спрашивали о возможностях собственной борьбы за интересы угольной промышленности[2].

Правительство РФ уверено продолжало проводить непопулярную социально-экономическую политику, так как ещё обладало общественно-политической поддержкой россиян, в том числе и со стороны значительной части горняков. В то же время рабочее движение оказалось инертным как в стране, так и в углепромышленных территориях. Правительство РФ исправно финансировало

---

[1] Темницкий А.Л. Указ. соч. С. 85.
[2] Воронин Д.В., Воронина Н.В Указ. соч. С. 36.

отрасль, а бюджет государства позволял поддерживать социальную сферу шахтёрских городов и посёлков на терпимом уровне. В пользу стабильности были некоторые достижения новой власти – это пополнение ассортимента товаров, исчезновение очередей в магазинах, деполитизация хозяйственной деятельности, приватизация квартир, расширение политических и экономических свобод граждан и др.

Однако нельзя утверждать, что шахтёры в первые месяцы переходного периода были абсолютно пассивны в отстаивании своих трудовых прав и интересов. Отдельные, пусть и непродолжительные выступления в форме забастовок, в том числе и с целью остановить высокие темпы инфляции, имели место уже в январе 1992 г.[1] Но они, в общем, остались незамеченными Кремлём. По сути, шахтёрам был дан сигнал, что с данного момента они уже были «по разные стороны баррикад». Ответом рабочих угольной промышленности стали попытки организоваться, выступить единым фронтом, определиться с перечнем требований и т.д.[2]

В начале 1992 г. это происходило на уровне отдельных территорий и регионов. Вместе с тем борьба, в большей мере, была вызвана причинами, которые не являлись системными – это «несправедливая разница в оплате труда между рабочими разных профессий», задержки заработной платы из-за нехватки наличных весной–летом 1992 г. в отделениях Сбербанка РФ[3] и др. Виновниками негативных ситуаций, как правило, признавались руководители угледобывающих предприятий, местные госчиновники и др. С ними и вели переговоры представители бастующих коллективов.

Дальнейший рост протестных настроений провоцировался снижением уровня жизни горняков и продолжением задержек заработной платы. Особенно сложно

---

[1] Калитина Д. Либерализованный тормозок // Кузбасс. 1992. 18 января.

[2] Карпенко К.С. Исторический опыт социальных движений ... С. 63; Бугаев П. Создан координационный совет забастовочных комитетов Кузбасса // Кузбасс. 1992. 25 января.

[3] Постановление президиума теркома профсоюза работников угольной промышленности «О социально-экономическом положении в угольной отрасли России и предприятиях Приморского и Хабаровского краев», 17 июня 1992 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 141. Л. 73.

весной 1992 г. складывалась обстановка в Ростовской области. Уже в июне того года забастовки здесь стали приобретать массовый характер, вплоть до масштабов отдельных объединений, таких, например, как «Гуковуголь»[1].

Тревожным звонком для всех стало и то, что тогда в отдельных коллективах прозвучали первые призывы к использованию в углепромышленных регионах таких радикальных способов борьбы как, например, «рельсовая война». С данным призывом выступили интинские горняки, однако шахтёрские коллективы других угольных бассейнов в тот момент их не поддержали. В Кузбассе, например, перекрытие железных дорог было категорически отвергнуто, так как, по мнению профсоюзных работников, могла «пролиться чья-то кровь»[2]. Эти и другие события указывают на два важных обстоятельства в развитии протестного движения шахтёров. Во-первых, рабочие Российского Донбасса и Печорского угольного бассейна в то время имели самый высокий уровень протестных настроений. Во-вторых, можно утверждать о первых попытках горняков организовать оппозиционные общероссийские акции протеста, в том числе и в радикальной форме, уже в июне 1992 г.

Недовольство шахтёров возрастало, что подтверждается увеличением количества забастовок, организатором большинства которых являлся наиболее многочисленный отраслевой профсоюз – Росуглепроф. В то же время другие формы протеста уступали забастовкам, как по количественным показателям, так и по результатам использования. Это свидетельствует о том, что рабочие угольной промышленности не стремились выйти из формата стачечного движения, в котором они находились, начиная с 1989 г. Высокая численность горняков страны, наличие такой ударной силы как рабочие комитеты, обновлённые профсоюзы и другие факторы вселяли надежду на возможность решения вопросов угольной промышленности посредством увеличения забастовочной активности.

---

[1] Иваненко Э. Денег поступает недостаточно // На-гора! 1992. № 23, 8 июля. С. 1.
[2] Шестакова И. Мы на пороге новой забастовки? // В бой за уголь. 1992. 16 июня.

Такой довод подтверждает и увеличение сроков остановок угледобычи, в том числе на таких перспективных, как например, шахта «Воргашорская». Здесь трудовой коллектив находился в состоянии забастовки более двух месяцев (с четвёртого декабря 1992 г. по 20 февраля 1993 г.)[1]. При этом значимых причин для проведения многодневных забастовок в то время не только на этой, но и других шахтах не было. На «Воргашорской» имело место противостояние трудового коллектива, забастовочного и профсоюзного комитетов с одной стороны и директора шахты с другой, а в его основе была борьба за власть на предприятии. Многие из шахтёров всё ещё находились под «гипнозом» забастовочного движения «перестроечной» поры, когда был важен не результат, а процесс, который, по справедливому мнению авторитетных экспертов, не всегда соответствовал реальной борьбе за трудовые права[2].

Отдельные забастовки не имели серьёзного эффекта, а организовать мощное стачечное движение не удавалось, прежде всего, по причине отсутствия единства в этом вопросе между шахтёрскими профсоюзами. На подъём протестного движения горняков могло повлиять обострение политической борьбы в конце 1992 г. – начале 1993 г. Тем более попытки втянуть их в политическую сферу борьбы действительно предпринимались[3]. Однако это не имело успеха, так как симпатиями горняков не обладала в достаточном объёме какая-либо политическая сила.

Тем временем продолжалось падение угледобычи, а также нарастание таких чувствительных социальных проблем, как: отставание уровня заработной платы от высоких темпов инфляции, появление задержек «кровно заработанных», рост безработицы и т.д. Действенных мер со стороны органов власти и управления не следовало, что озлобляло шахтёров и инициировало усиление протестного

---

[1] Обращение инженерно-технических работников, специалистов и служащих шахты «Воргашорская», 02.03.93 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5665. Л. 74; Письмо трудового коллектива шахты «Воргашорская» заместителю премьера РФ г. Шумейко В.Ф., 22.04.93 г. // Там же. Д. 5669. Л. 7.

[2] Левчик Д.А. Забастовочное движение ... С. 112; Ильин В.И. Указ. соч. С. 126.

[3] Андреенкова Н.В., Г.А. Воронченкова. Указ. соч. С. 30.

движения с их стороны. В 1993 г. расширяется арсенал форм и методов борьбы горняков. Помимо забастовок они стали активнее использовать судебные иски, митинги и пикеты. Появилась в том году и такая новая форма борьбы, как подземная «забастовка»[1]. Между тем, несмотря на определённое разочарование в результатах использования забастовки как формы протеста, она сохраняла своё доминирующее положение в шахтёрской борьбе, перерастая порой в организованную стачку.

Заметную протестную активность шахтёры стали проявлять весной 1993 г. в связи с ухудшением финансирования отрасли. Однако в рядах рабочих не было единодушия по многим вопросам стратегии и тактики борьбы (требования, выбор формы протеста и др.). Выступления шахтёрских коллективов ослаблялись из-за несогласованных действий отраслевых профсоюзов. Против забастовок и других форм борьбы тогда выступило руководство Росуглепрофа, подписавшее тарифное соглашение с Правительством РФ и не желавшее «попасть под влияние» каких-либо политических сил[2].

Вместе тем всё очевиднее становился разрыв в протестных действиях между рядовыми рабочими и центральным руководством отраслевых профсоюзов. Символичным стал первый в истории рабочего движения постсоветской России оппозиционный пикет у здания Правительства РФ. Его 17 июня 1993 г. организовал председатель Ростовского теркома Росуглепрофа В. Катальников. Во время акции уже присутствовали антиправительственные лозунги (повышение зарплаты, корректировка курса реформ и др.). Для «демократического режима» он стал весьма неожиданным. К тому же к пикетчикам прибывало подкрепление из Тулы, Урала и Кузбасса. В итоге произошла встреча горняков с В. Черномырдиным, который пошёл на ряд уступок[3].

---

[1] Забава В. Чего добивались шахтёры? // Выбор. 1993. 27 марта.

[2] Мохначук И. Забастовкой проблем не решить // На-гора! 1993. № 6, март. С. 2.

[3] Лень П.М. Указ. соч. С. 201–202; Пикетчики встретились с премьером В. Черномырдиным // В бой за уголь. 1993. 1 июля.

Шахтёрская акция протеста была кратковременной и не получила должной поддержки со стороны центральных органов Росуглепрофа. В такой ситуации возросла роль Федерации независимых профсоюзов России, которая пыталась взять на себя функции выразителя интересов всех трудящихся. В середине июля 1993 г. Совет ФНПР принял решение о коллективных выступлениях профсоюзов в отраслях и регионах. Непосредственным поводом для возникновения нового витка социальной напряжённости послужило невыполнение правительственной стороной Генерального и ряда отраслевых тарифных соглашений, а также решение об отпуске цен на энергоносители, что привело к резкому ухудшению состояния многих отраслей экономики[1]. Горняки морально поддержали действия ФНПР, но активного участия в акциях протеста не приняли. Большинство из них являлись членами Росуглепрофа, поэтому ориентировались на его решения. НПГ России и вовсе её игнорировал.

Вскоре Росуглепроф заявил о себе, как силе способной сплотить шахтёрское сообщество. В начале сентября 1993 г., по его призыву, горняки провели масштабную, хоть и кратковременную, стачку. В вопросе масштабности данной акции протеста есть заметные расхождения. Представленные в монографии «Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт» цифры показывают, что в те дни остановили работу 98 трудовых коллектива Инты, Приморья, Пермской, Тульской, Ростовской, Свердловской и Кемеровской областей и др.[2] Более весомые показатели представлены в документах текущего архива Росуглепрофа. Из них следует, что в данной «забастовке приняли участие 237 шахт и разрезов (67%), 156 обогатительных фабрик, заводов, погрузочно-транспортных управлений и шахтостроительных организаций и 500 тыс. рабочих»[3]. Думается, последние цифры выглядят более правдиво, а в основе такого расхождения данные официальной и неофициальной статистики. Как было замечено выше,

---

[1] Забастовки. Зарубежный ... С. 60.

[2] Там же.

[3] Коллективные действия Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Текущий архив Независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепроф). С. 3.

большинство шахтёрских забастовок в то время проводились без соблюдения порядка, установленного законом, но они имели место в шахтёрской борьбе.

Даже если брать во внимание минимальные показатели, можно смело утверждать, что это было первое крупное противостояние шахтёров и Правительства РФ в вопросе соблюдения обязательств по ОТС. Ещё более важным является то, что всероссийская забастовка дала определённые положительные результаты: Правительство РФ выполнило свои обязательства по тарифному соглашению, стали возвращаться долги шахтёрам, возобновилось финансирование угольной отрасли в полном объёме[1]. Серьёзные уступки Кремля в то время во многом объясняются драматической ситуацией, которая сложилась между Президентом РФ и Верховным Советом РСФСР. Б. Ельцину вновь понадобилась поддержка шахтёров, и он её, в общем, получил: протестное движение снизило обороты.

Таким образом, осенью 1993 г. шахтёры вновь показали себя как общественно-политическую силу, обладающую мощным протестным потенциалом. С того времени их общероссийские выступления стали регулярными.

После октября 1993 г. по мере формирования новой социальной структуры российского общества социально-политическая напряжённость в целом стала спадать, локализуясь в отдельных отраслях и регионах[2]. В их числе оказались и углепромышленные территории, несмотря на то, что Правительству РФ удалось изыскать средства для решения неотложных шахтёрских проблем. Новая забастовочная волна не заставила себя долго ждать. В конце 1993 г. вспыхнула очередная всероссийская забастовка горняков. Она началась шестого декабря и продолжалась в течение нескольких дней. В забастовочных действиях участвовали 12 шахт и три шахтостроительных управления комбината «Печоршахтострой» Воркуты, четыре шахты и один разрез в Челябинске, пять

[1] Катальников В.Д., Кобяков А.А. Указ. соч. С. 155.
[2] Смирнов С., Исаев Н. Социальная политика: новый курс // Вопросы экономики. 1999. № 2. С. 65.

шахт и шахтостроительных управлений в Североуральске[1], то есть там, где были сильны позиции НПГ России.

В свою очередь Росуглепроф, «учитывая предвыборную кампанию, попытки отдельных партий, движений, личностей разыграть профсоюзную “шахтёрскую карту”, счёл нецелесообразным проведение коллективных действий на период выборов»[2]. После переговоров всех заинтересованных сторон, 10 декабря бессрочная забастовка была приостановлена[3]. Несмотря на свою ограниченность, всероссийская акция протеста горняков обозначила нарастание системных проблем в угольной промышленности, необходимость её мобильного и реального реформирования.

В 1994 г. не было длительного отрезка времени, когда не бастовала хотя бы одна шахта. Правы те исследователи, которые считают, что в том году закончился отрезок времени, когда горняки имели «выжидающую» позицию в отношении результатов экономических реформ Б. Ельцина[4]. Отдельные финансовые вливания не решали коренных потребностей угольщиков. Рост задолженности по заработной плате шахтёрам увеличивался, усиливалась коррупция и воровство на предприятиях, снижалась угледобыча. Начавшаяся во второй половине 1994 г. реструктуризация угольной промышленности не имела чёткой программы, в основном превратилась в процесс закрытия шахт и разрезов. При этом не повышалась эффективность действующих угледобывающих предприятий, почти не решались социальные проблемы рабочих. В сознании членов федерального Правительства прочно укрепился тезис о «перепроизводстве угля», что, несомненно, раздражало шахтёров, усиливало их протестные настроения.

Это, в определённой степени, способствовало уходу отраслевых профсоюзов от взаимных обвинений, наблюдалась консолидация их действий с ФНПР. Борьба шахтёров стала объектом пристального внимания и со стороны оппозиционных

---

[1] Забастовки. Зарубежный ... С. 61; Сумароков В., Шахов В. Коми на переломе... С. 53.
[2] Голяев А. Не подмешивать уголь в политику // Известия. 1993. 9 декабря. С. 1.
[3] Сумароков В., Шахов В. Указ. соч. С. 54.
[4] Pleines H. Der politische Einfluss der Kohlelobbies ... S. 25.

общественно-политических партий и движений. Очевидным фактом стала политизация многих акций протеста. Расширялся перечень форм борьбы, всё чаще использовались экстремальные. Вместе с тем, по таким параметрам как хронология и география, динамика протестного движения в том году имела неравномерный характер. Она была наиболее заметна в начале 1994 г. (особенно в Приморье) и его последние месяцы (Кузбасс). Всё более неоднородны были мнения членов шахтёрских коллективов в вопросе форм и методов борьбы, продолжительности акций протеста и т.п.[1]

Зимой 1993–1994 гг. длительные задержки заработков стали одной из доминант общероссийской социальной ситуации[2]. Не остались в стороне от неё и рабочие угольной промышленности. В то время многие из них «находились на пороге голодного бунта»[3]. Поэтому первые месяцы 1994 г. ознаменовались серией резонансных выступлений. Ключевую роль в их организации играл Росуглепроф. Высокую степень активности показывали местные ячейки этого профсоюза, особенно в Приморье, Кузбассе и Российском Донбассе. Наиболее напряжённым стал март, когда Росуглепрофом были проведены две всероссийские акции протеста рабочих угольной промышленности. Их главным требованием являлось погашение Правительством РФ бюджетной задолженности, которую оно имело перед шахтами и разрезами. Первого марта 1994 г. в общероссийской забастовке приняли участие «249 шахт и разрезов (80%), 157 обогатительных фабрик, заводов, погрузочно-транспортных управлений и шахтостроительных организаций и 495 тыс. шахтёров»[4].

Между тем, по имеющейся информации, данная стачка была во многом условной. Директора предприятий послушно сообщали, что шахты бастуют, а рабочие продолжали трудиться. Например, концерн «Кузнецкуголь» первого

---

[1] Ильясова Г. Нет единства в шахтерских рядах? // Заполярье. 1994. 11 марта.
[2] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2. М., 2001. С. 292.
[3] Михайлов Ю. Забастовка… плюсы и минусы // Мой город (Берёзовский). 1994. 15 марта.
[4] Коллективные действия Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Текущий архив Независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепроф). С. 4.

марта отгрузил вдвое больше угля, чем накануне, хотя по всем сводкам считался бастовавшим[1]. Это в очередной раз доказывает, что забастовка как форма протеста уже была весьма невыгодна работникам предприятий.

Требования бастующих не были выполнены, поэтому вопрос новых коллективных выступлений оставался актуальным. Вскоре Росуглепроф изменил тактику протестных действий. От массовых стачек он перешёл к общешахтёрскому пикетированию Дома Правительства РФ, которое происходило 30–31 марта 1994 г. Участие в нём приняли 550 представителей трудовых коллективов[2]. Под напором организованных действий рабочих угольной промышленности российское Правительство увеличило им зарплаты. Однако это активизировало протестные выступления работников бюджетной сферы[3].

Кабинету министров РФ всё сложнее было идти на уступки шахтёрам, так как это провоцировало «цепную реакцию». Бюджет сокращался, а международные финансово-экономические организации требовали жёсткой финансовой дисциплины. В этих условиях Кремль всё чаще использовал широкий арсенал форм и методов нейтрализации протестного движения, в том числе экономического характера. Главной причиной потери масштабов стачечной активности стало то, что с 1994 г. началось акционирование предприятий. В результате из общих выступлений стали выпадать представители акционерных разрезов, а также шахтостроители, которые лишились получения средств по ОТС. С этого года типичной становится практика, когда бастующие коллективы «выбивали» средства только для себя[4], редко достигая в стачечном движении даже регионального уровня.

Рабочие всё меньше доверяли забастовке как средству борьбы. После варварского закрытия в июле 1994 г. шахты «Черкасовская» (АО «Прокопьевскуголь») они начали воспринимать угрозу закрытия более серьёзно.

---

[1] Ковальская Г. Шахтеры и президент // Новое время. 1994. № 11, март. С. 5.
[2] Там же.
[3] День шахтера ... 44.
[4] Борисов В.А. Забастовки ... С. 389–390; Кожуховский И. Реформа угольной промышленности ... С. 1.

Последующие события показали, что очень часто забастовки подталкивают отраслевое руководство принимать решение о закрытии предприятий. Следствием чего стал страх перед забастовкой работников убыточных предприятий, остановка угледобычи стала «привилегией» наиболее рентабельных шахт и разрезов[1].

Разрозненный характер борьбы инициировал распространение новых, в основном экстремальных форм и методов протеста. В том году вся страна узнала о подземных «забастовках», голодовках, массовых демонстрациях, «захватах заложников», угрозах массовых самоубийств и «рельсовых войнах», организованных рабочими угольной промышленности.

Печальный факт с закрытием шахты «Черкасовская» в Кемеровской области инициировал использование здесь радикальных методов борьбы, к которым не прибегали в других регионах. В августе 1994 г. кузбасские рабочие шахт «им. Вахрушева», «Кыргайская» и разреза «Талдинский-Северный» впервые применили такую радикальную форму протеста как «рельсовая война». После четырёхдневного пикетирования железнодорожной ветки от станции погрузки до станции Ерунаково шахтёры на несколько дней перекрыли движение транспорта. Причиной акции протеста стало злоупотребление положением монополиста со стороны железнодорожного цеха. Несмотря на то, что дорога не считалась стратегически важной, шахтёры добились поставленной цели[2]. Однако важнее всего для рабочих было то, что власть не применила какие-либо жёсткие санкции в отношении пикетчиков, хотя по закону вполне могла. Слабость исполнительной власти была очевидной, поэтому дальнейшее использование шахтёрами «рельсовой войны» как формы протеста не заставило себя долго ждать.

Успех прокопьевских и киселёвских шахтёров воодушевил их товарищей в других углепромышленных городах и посёлках края. Уже осенью того года произошла более массовая акция протеста с использованием методов «рельсовой

---

[1] Ильин В.И. Указ. соч. С. 171; Борисов В.А. Забастовки ... С. 254.

[2] Васильев В. Шахтёры легли на рельсы // Кузбасс. 1994. 4 августа; Васильев В. Шахтёры уступили дорогу поездам // Кузбасс. 1994. 9 августа.

войны». Забастовка горняков «Судженской» лета–осени 1994 г., начавшаяся из-за невыплаты заработной платы, целых два месяца шла обычно. Но это не дало никаких результатов. Пятого октября 1994 г. в г. Анжеро-Судженске около 500 человек перекрыли Транссибирскую магистраль на четыре с половиной часа[1]. Морально акцию поддержали инженерно-технические работники предприятия, рабочие других шахт города, а также большинство горожан. Перекрытие горняками Транссиба привлекло внимание всей страны и способствовало выплате пятимесячной задолженности по зарплате[2]. В итоге шахтёры г. Анжеро-Судженска в течение четырёх с половиной часов добились того, чего не могли добиться за четыре месяца цивилизованного противостояния с работодателями.

По справедливому мнению профессора В. Андреева, события в Анжеро-Судженске ознаменовали начало нового этапа в развитии протестного движения трудящихся всей страны. На это, например, указывает и тот факт, что вскоре последовало перекрытие магистралей в Тюмени, Самаре и Екатеринбурге[3].

Таким образом, в 1994 г. горняки приходят к осознанию необходимости использования радикальных форм и методов борьбы, которые показывали, пусть и кратковременную, но высокую степень эффективности. Далеко не всегда такой подход поддерживали профсоюзы, что усиливало хаотичность и негативные последствия подобных акций протеста.

1995 г. стал переломным временем в протестном движении шахтёров. Заметно возрос удельный вес их участия в забастовках и других формах протеста. Это соответствовало общей тенденции возрастания протестной активности рабочего класса России в то время[4]. Многие негативные явления в социально-экономической жизни россиян, которые в начале «шоковой терапии» казались временным явлением, приобрели угрожающий характер. Бедность и высокая степень социальной дифференциации в обществе дополнились комплексом

---

[1] Борисов В.А. Ночное домино ... С. 256.
[2] Борисов В.А. Забастовки ... С. 246–247.
[3] Андреев В.П. От «шокотерапии» к «рельсовой войне» ... С. 12.
[4] Кацва А.М. Протестное движение рабочего класса // Социс. 2008. № 3. С. 39.

других острых внутриполитических проблем – распространение терроризма, военные действия в Чечне, дефицит бюджета, разгул преступности и т.д. Естественные условия выживания подталкивали людей самостоятельно и активнее отстаивать свои права и интересы.

Рост сопротивления рабочих угольной промышленности непопулярным реформам был обусловлен дополнительными факторами объективного и субъективного характера. Во-первых, несмотря на прошедший год с момента начала реструктуризации угольной промышленности, её количественные и качественные показатели продолжали ухудшаться. Во-вторых, в 1995 г. среди большей части горняков уже не было сомнения в том, что главным виновником их социально-экономических проблем является Правительство РФ. В условиях сложной социально-политической обстановки в стране Кремль вынужден был чаще реагировать на шахтёрское движение и идти на компромиссы, что, безусловно, инициировало новые акции протеста. В-третьих, выборы в том году депутатов Государственной Думы явились удобной площадкой демонстрации своих политико-экономических интересов и требований.

Как и в начале 1994 г., первые месяцы 1995 г. стали временем возрастания масштабов коллективных выступлений шахтёров как на региональном, так и общероссийском уровне. Инициатором проведения первой в том году всероссийской акции протеста стали горняки Российского Донбасса. 19 января 100 рабочих шахты «Западная капитальная» отказались подниматься на поверхность[1]. Такой массовой подземной «забастовки» российская угольная промышленность ещё не знала. Конфликт был улажен, но рабочие были готовы в любой момент возобновить акции протеста.

Через 12 дней (первого февраля) началась стихийная забастовка на нескольких шахтах АО «Ростовуголь». В течение двух суток в стачке были

[1] Протокол расширенного президиума Ростовского территориального комитета независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 21.01.1995 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 23. Л. 4.

задействованы 75 тыс. рабочих, прекратили деятельность все 26 шахт объединения. Рабочие потребовали от российского Кабинета министров принятия постановления по развитию угольной промышленности Российского Донбасса и обеспечения в 1995 г. объёма средств государственной поддержки, необходимой для стабильной деятельности угледобывающих предприятий. Они также настаивали на погашении задолженностей из бюджета за предыдущий и текущий годы, списания штрафов и пени[1].

Требования бастующих поддержал второго февраля президиум Росуглепрофа. На его заседании отмечалось, что к этому времени сумма неплатежей предприятиям угольной промышленности за отгруженную продукцию достигла 2,2 трлн. руб., а задолженности федерального бюджета отрасли составили 1,35 трлн. рублей. Президиум Росуглепрофа объявил о проведении восьмого февраля 1995 г. отраслевой всероссийской предупредительной суточной забастовки. Впоследствии было объявлено о начале с первого марта бессрочной забастовки с лозунгами отставки Правительства и досрочных выборов Президента РФ[2]. Впервые инициативу Росуглепрофа о проведении всеобщей стачки поддержал НПГ России[3].

Совместные действия шахтёрских профсоюзов привели к тому, что восьмого февраля 1995 г. остановились 80% угольных предприятий России. Бастовали 189 шахт и 28 разрезов, 91 смежное предприятие (обогатительная фабрика, заводы, погрузочно-транспортные управления, шахтостроительные организации) и 474 тыс. работников отрасли[4].

Наиболее активное участие в ней приняли рабочие Кузбасса, причём не только угледобывающих предприятий. В тот день остановили трудовую

---

[1] Букетов К. Указ. соч.

[2] Там же.

[3] Виталий Будько: «Забастовка – требование наших первичек» // На-гора! 1995. № 7–8, февраль. С. 1.

[4] Постановление Ростовской областной организации КПРФ «О поддержке требований шахтёров России и Дона», 11.02.1995 г. // ЦДНИРО. Ф. 3703. Оп. 1. Д. 14. Л. 12; Виталий Будько: «Забастовка – требование наших первичек» // На-гора! 1995. № 7–8, февраль. С. 1; Коллективные действия Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Текущий архив Независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепроф). С. 4.

деятельность около 200 тыс. человек, 75 шахт, разрезы, обогатительные фабрики, машиностроительные заводы, автобазы. В крае не бастовали только три шахты[1]. В большинстве случаев кузбасские горняки не просто прекратили отгрузку угля потребителям, но и не приступили к добыче угля. В тот день проводились только необходимые для поддержания жизнеспособности шахт работы. По некоторым параметрам, например количество участников, это выступление было мощнее того, что произошло 17 июля 1989 г., когда наблюдался пик забастовочной активности на предприятиях угольной промышленности края[2], так напугавшее высшие эшелоны власти Кемеровской области и СССР.

В этой всероссийской стачке не участвовали шахтёры Воркуты и Хакасии, которые накануне (шестого февраля) провели собственные предупредительные забастовки[3]. Это конечно же снизило шахтёрское давление на Правительство РФ.

Между тем, акция восьмого февраля проходила во время утверждения бюджета на 1995 г. и несомненно сыграла на руку лоббирующей угольной группировке в Правительстве РФ и парламенте. Начались экстренные переговоры с российским Кабинетом министров, который принял ряд мер по выплате долгов шахтёрам, и по выполнению своих обязательств перед отраслью. В частности, была направлена делегация в Приморье с целью выяснения и устранения причин неплатежей. Также были выполнены требования профсоюзов об обязательном перечислении 50% поступающих в отрасль средств в фонд заработной платы. Правительство РФ также изыскало средства для обеспечения финансирования отрасли в размере 10 трлн. руб. в год вместо запланированных ранее 6,3 трлн. руб.[4]

Особый напор проявили шахтёры Российского Донбасса, что привело к остановке в феврале 1995 г. Новочеркасской ГРЭС, а также ряда подключенных к

---

[1] Кладчихин В. Шахтёры оказались дружнее, чем хотелось бы властям. Если от властей не последует столь же дружная помощь, весной может похолодать // Кузбасс. 1995. 10 февраля; И вновь крайняя мера // Шахтерское слово. 1995. 15 февраля.

[2] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 25.

[3] Карпенко К.С. Исторический опыт социальных движений ... С. 97.

[4] Букетов К. Указ. соч.

ней промышленных предприятий Ростовской области. Горняки прекратили выступления только после выплаты долгов[1].

Точечные финансовые вливания позволили сбить рост напряжённости и в других шахтёрских территориях. Однако по всей стране некоторые угледобывающие предприятия продолжили борьбу и после восьмого февраля.

События начала февраля 1995 г. ещё раз показали несогласованность действий шахтёров. Не все углепромышленные территории приняли активное участие в общероссийской акции протеста. Очевидным фактом была локализация протестного движения. Это довольно быстро показала попытка организации первого марта общероссийской забастовки горняков, которая, в общем, не состоялась. Кроме Воркуты, другие территории так и не «встали»[2].

Однако напряжённость в трудовых коллективах не только сохранялась, но и возрастала. Особенно это было заметно по ситуации в Приморском крае. Здесь, начиная с первого марта, шахты работали «в лихорадочном ритме». Из 10 шахт восемь периодически прекращали добычу угля, протестуя против задержек зарплаты. Со временем из экономических требования бастующих переросли в политические[3].

Поводом к массовым выступлениям шахтёров Приморья стало отсутствие какого-либо внимания органов власти и управления даже к экстремальным акциям протеста. В конце марта 1995 г. 27 горняков объявили бессрочную голодовку на шахте «Авангард»[4]. Седьмого апреля часть из них была поднята на поверхность в очень тяжелом состоянии. За день до того началась региональная забастовка шахтёров. Прекратили работу предприятия шахтоуправления гг. Артема, Партизанска, Липовцов, Тавричанки, а также два разреза компании «Приморскуголь» – Лучегорский и Павловский. Фактически все предприятия

---

[1] Катальников В.Д., Кобяков А.А. Указ. соч. С. 157; «Правительство «выпустило пар» // Шахтерское слово. 1995. 1 марта.

[2] Моржаретто И., Беляков А. Шахтеры учатся политике // Аргументы и факты. 1995. № 11 (март). С. 6.

[3] Букетов К. Указ. соч.

[4] Справка о состоянии и мерах по выходу из кризисного положения угольной промышленности Приморского края, 31 марта 1995 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 163. Л. 7.

угольной промышленности края выступили единым фронтом, к их акциям протеста присоединились и другие предприятия края[1].

Почувствовав размах и масштабность, намеченной на 12 апреля 1995 г. приморскими профсоюзами межотраслевой акции протеста, федеральные органы власти и ведомства накануне начали энергичное перечисление средств на выплату долгов в бюджетные организации, на предприятия оборонной и угольной промышленности[2]. Это позволило стабилизировать обстановку в неспокойном регионе.

К тому времени акции протеста горняков распространились в Сахалинской, области. 21 апреля часть рабочих шахты «Тельновская» отказалась подниматься на поверхность, выдвинув условие немедленной выплаты заработной платы, которую задерживали с декабря 1994 г. Горняки потребовали прибытия представителей Правительства РФ, так как не верили в возможность решения данного вопроса на местном и даже региональном уровне. Их поддержали рабочие ещё пяти шахт (из 11 в регионе). Главным требованием бастовавших шахтёров также была ликвидация задолженности по заработной плате. Правительство РФ тогда довольно быстро пошло навстречу требованиям рабочих, госкомпания «Росуголь» почти полностью выполнила свои обязательства перед ними, значительную помощь оказывала им администрация области[3]. После чего протестная активность шахтёров Дальнего Востока пошла на спад.

Однако вскоре о себе напомнили другие территории. Летом 1995 г. центром протестного движения стал Кузбасс. Здесь в июле и августе прошли забастовки на угольных предприятиях Прокопьевска и Киселёвска. Самую заметную акцию протеста тогда устроили 147 рабочих «Киселёвской», которые разместились в подземном складе взрывчатых веществ и угрожали взорвать шахту. Затем центр событий стал смещаться на юг Кемеровской области, где в сентябре выступление

---

[1] Букетов К. Указ. соч.

[2] Стенографический отчёт II отчётно-выборной конференции Федерации профсоюзов Приморского края от 29 ноября 1995 г. // ГАПК. Ф.Р-1186. Оп. 3. Д. 396. Л. 28.

[3] Букетов К. Указ. соч.

горняков междуреченской шахты «Усинская» послужило толчком масштабных митинговых и забастовочных движений, завершившиеся всекузбасской предупредительной забастовкой 12 октября. Только коллективные переговоры с участием руководства угольной промышленности России несколько стабилизировали ситуацию в крае[1].

В итоге кузбасская акция протеста 12 октября, которую рассматривали в качестве повода к всероссийской забастовке, быстро прекратилась, фактически ничего не достигнув. Она не вызвала никакой реакции со стороны оппозиционных парламентских партий, так как баланс политических сил в предвыборный период уже сложился[2].

Фактически не поддержали выступления шахтёров Кузбасса в других углепромышленных регионах, хотя поводы для этого были. Высокую протестную активность тогда показывал Печорский угольный бассейн. Самая заметная акция произошла здесь 25 сентября 1995 г., когда около 50 рабочих шахты «Промышленная» отказались подниматься на поверхность по причине несогласия с методами, которые использовала администрация при ликвидации убыточного предприятия. К ним присоединились 17 голодавших женщин с требованием повышения зарплаты и социальных гарантий при ликвидации шахты[3] и т.д. Нейтрализующую роль здесь сыграли обещания, данные руководством угольной промышленности России в Кузбассе.

Многие шахтёрские коллективы страны тогда заняли выжидательную позицию, обратив свой взгляд в сторону отраслевых профсоюзов. В этих условиях Росуглепроф был вынужден рассмотреть вопрос о проведении всероссийской политической стачки. Между тем, 30 ноября руководство Росуглепрофа и НПГ России приняли решение воздержаться от её проведения, и ограничиться

---

[1] Угольный Кузбасс: страницы истории. Кемерово, 2005. С. 232–233; Бизюков П.В., Варшавская Е.Я., Донова И.В., Никишов А.А. Аналитический доклад «Социальные проблемы угольной промышленности Кузбасса в 1995 г.» (рукопись) // Личный архив П.В. Бизюкова.

[2] Борисов В.А. Забастовки ... С. 219.

[3] Букетов К. Указ. соч.

пикетами у зданий местных администраций[1]. На тот момент шахтёрские профсоюзы, в общем, не желали открытой конфронтации с властью, ещё надеясь на конструктивный диалог с ней.

Подводя итог анализу развития протестного движения в 1995 г., отметим наличие парадоксальной ситуации. В течение того года общее количество шахтёрских забастовок и других акций протеста динамично возрастало, но при этом действительно общероссийских, резонансных было мало. Инициатива забастовочного движения переходила от одного шахтёрского региона к другому. Застрельщиками стачечного движения являлись те шахтёрские коллективы, где наблюдалась самая высокая задолженность по зарплате. Но как только Правительством РФ осуществлялось заметное финансовое вливание для погашения зарплатной задолженности данному коллективу, от всероссийской рабочей солидарности оставалась только моральная поддержка. В целом рабочими угольной промышленности и их представительными органами продолжалось использование в протестном движении оборонительной, а не наступательной тактики.

Ситуация вялотекущего конфликта в общем устраивала все институты, вовлечённые в решение основных вопросов угольщиков – Правительство РФ, профсоюзы, госкомпанию «Росуголь» и директорский корпус. Кремль не считал себя виновным в задержках заработной платы, а для решения фундаментальных проблем угольной промышленности средства отсутствовали. Международные финансово-экономические организации, прежде всего МБРР и МВФ, оказывали ограниченную помощь. В то же время умелая политика органов власти и управления по ослаблению шахтёрской солидарности приносила свои плоды, что позволяло Президенту и Правительству РФ всё больше дистанцироваться от переговорного процесса.

---

[1] Букетов К. Указ. соч.

Однако эта ситуация не устраивала шахтёров и их семьи. Неудивительно, что многие из них на парламентских выборах поддержали КПРФ. Это стало сигналом не столько коммунистам, сколько отраслевым профсоюзам, которые вели разрозненную и малоэффективную деятельность по отстаиванию жизненно важных интересов угледобытчиков.

Отсутствие системных сдвигов в решении вопросов угольщиков стимулировало дальнейшую радикализацию форм и методов протестов. Между тем шахтёрская решительность не воспринималась в обществе однозначно положительно. В 1995 г. более трети россиян опасались развязывания гражданской войны[1]. Они настороженно относились к любым процессам, подрывавшим политическую стабильность, особенно к радикальным акциям протеста. Поэтому забастовки оставались главным оружием горняков. Их рост стал очевиден в конце 1995 г., а следующий – 1996 г., стал пиковым в использовании шахтёрами данной формы протеста, несмотря на незначительный, но всё-таки общий спад стачечного движения рабочих в России (рисунок 13).

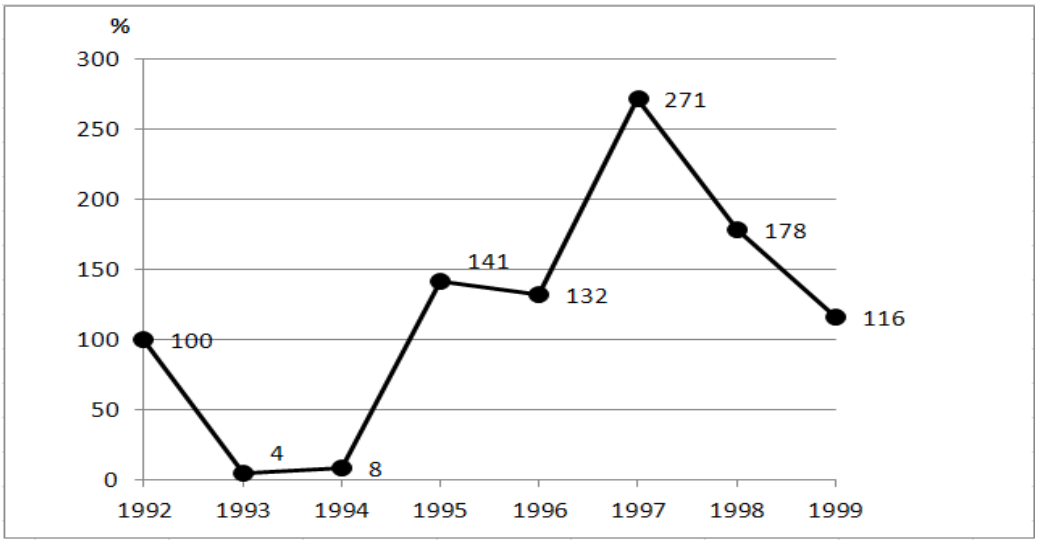

Рисунок 13 – Динамика забастовочной активности в организациях России в 1993–1999 гг., % к 1992 г.[2]

[1] Кацва А.М. Массовый протест ... С. 42.

[2] Составлено по: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls. (дата обращения: 01.12.2016 г.).

В то время своей забастовочной активностью выделялись ведущие углепромышленные регионы. Количество забастовок в Республике Коми за 1996 г. по сравнению с предыдущим возросло в 12 раз, в Кемеровской области в восемь раз, в Ростовской области более чем в два раза (таблица 7). Увеличение данных показателей произошло, прежде всего, за счёт роста стачечного движения шахтёров. Ключевым фактором усиления протестной динамики явилось то, что территориальные интересы отодвинули на задний план все остальные противоречия между руководством предприятий и профсоюзами. Они выступили единым фронтом[1], всё чаще прибегая к региональным и общероссийским акциям протеста.

Таблица 7 – Забастовки в ведущих углепромышленных регионах РФ в 1995–1999 гг.[2]

Регионы	Число организаций, на которых проходили забастовки					Численность работников, участвовавших в забастовках, тыс. человек					Количество времени, не отработанного работниками, участвовавшими в забастовках, тыс. человеко-дней				
	995	996	997	998	999	995	996	997	998	999	995	996	997	998	999
Российская Федерация	**856**	**278**	**7007**	**1162**	**285**	**89**	**64**	**87**	**31**	**38**	**367**	**009**	**001**	**882**	**827**
Республика Коми	0	46	6		4	,4	3,6	,9	,9	,0	4,7	30,4	7,1	5,2	4,1
Ростовская область	23	91	02	96	44	7,5	15,0	2,2	9,6	,8	47,2	62,4	17,6	0,1	3,3
Кемеровская область	42	141	36	33	0	6,3	45,7	0,0	9,7	,9	9,4	78,3	10,9	65,2	2,9

Динамика забастовочной активности горняков в 1996 г. имела ярко выраженный синусоидный характер (рисунок 12), что во многом было связано с главным политическим событием в стране – выборами Президента Российской Федерации. Наиболее высокие показатели роста остановок угледобывающих

[1] Борисов В.А. Чем заняться за Полярным кругом? Начало реформ в Воркуте // Социс. 1996. № 10. С. 34.
[2] Российский статистический ежегодник. 2003: Стат.сб./Госкомстат России. М., 2003. С. 160–161.

предприятий приходятся на начало и конец года. Летом всё внимание шахтёров было приковано к выборам, с которыми связывались надежды на политическое решение экономических вопросов угледобытчиков. Такие перепады стачечной активности указывают на значительную зависимость мнения трудящихся от политической конъюнктуры. Поэтому в начале года увеличилось количество акций протеста ориентированных на непосредственную апелляцию своих требований к российскому Президенту. Всё чаще рабочие и профсоюзы замечали, что производительность угольщиков растёт, а зарплаты остаются низкими, да, к тому же, и не вовремя выдаются.

Однако в январе 1996 г. Б. Ельцин ещё слабо реагировал на обращения горняков. Поэтому в углепромышленных регионах массовое распространение стали принимать экстремальные акции протеста, в том числе сухие и подземные голодовки[1]. Но и они оставались без должной реакции органов власти и управления. Это привело к небывалому по своим масштабам пикетированию здания Правительства РФ, которое длилось с 23 по 25 января 1996 г. В нём участвовали около девяти тыс. горняков, которые представляли разные регионы страны. Одним из главных требований пикетчиков была встреча с Президентом России. Пикетирование хоть и привлекло к себе внимание, но должного эффекта не имело. Главный исполнительный орган ограничился подписанием протокола и обещанием выделить отрасли в январе 600 млрд. рублей, а также увеличить госдотацию угольщикам на текущий год с 7,4 до 10,4 трлн. рублей[2]. Горняки оказались не удовлетворены правительственными обещаниями и продолжили своё давление на власть.

С первого по второе февраля 1996 г. была проведена общероссийская стачка шахтёров, которая совпала с всероссийской забастовкой работников образования.

---

[1] Телеграмма председателя Законодательного Собрания Кемеровской области А. Тулеева Президенту РФ Б. Ельцину // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 6695. Л. 58.

[2] Постановление президиума Приморского территориального комитета профсоюза работников угольной промышленности // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 170. Л. 37; Борисов В.А. Забастовки ... С. 213; Конев М. Забастовка: почему пошли на нее? // Южный Кузбасс. 1996. 6 февраля.

Была проявлена высокая степень солидарности. В акции протеста приняли участие труженики 164 шахт, 28 разрезов, 15 обогатительных фабрик, 24 машиностроительных и ремонтно-механических заводов, 30 погрузочно-транспортных предприятий и 29 шахтостроительных организаций. Общая численность бастующих составила около 500 тыс. человек. Угледобывающие предприятия некоторых шахтёрских городов и посёлков полностью «встали», например, г. Инты[1]. Вместе с тем опосредованное участие во всероссийской акции протеста приняли предприятия Пермской и Челябинской областей, Красноярского и Приморского краёв, Хакасии и Якутии[2].

По мнению тогдашнего лидера Воркутинского отделения Росуглепрофа Ю. Вишневского, главной причиной прекращения стачки явилось то, что на четвёртый день акции протеста Кузбасс стал отгружать уголь, в том числе воркутинским потребителям[3].

Всё-таки, благодаря данной акции, были значительно увеличены средства господдержки отрасли[4].

В борьбе за свои права шахтёры всё чаще устраивали пикеты, объявляли голодовки (порой прямо в забое), отказывались подниматься на-гора и т.д. Весной 1996 г. эпицентр экстремальных форм протеста находился в Приморском крае, который динамично терял статус углепромышленного региона. В некоторых шахтёрских коллективах ситуация была на грани голодного бунта и полного неповиновения[5]. Самой популярной формой протеста в Приморье стала

---

[1] Протокол VI конференции Интинской ассоциации профсоюзных организаций работников угольной промышленности от 5 февраля 1996 года // НАРК. Ф.Р-1726. Оп. 1. Д. 893. Л. 4.

[2] Там же; Справка о результатах забастовки, проведенной трудовыми коллективами предприятий угольной отрасли 1–2 февраля 1996 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 173. Л. 15.

[3] Ильин В.И. Указ. соч. С. 175.

[4] Катальников В.Д., Кобяков А.А. Указ. соч. С. 158.

[5] Письмо Генерального директора ОАО «Приморскуголь» А.М. Васяновича от 19.02.1996 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 6694. Л. 5; Постановление президиума Приморского территориального комитета профсоюза работников угольной промышленности «О чрезвычайной ситуации в угольной отрасли Приморья в связи с 4-х месячной задолженностью выплаты заработной платы и отсутствия средств на приобретение материально-технических ресурсов» от 31.05.96 № 15/1, г. Владивосток // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 170. Л. 152; Протокол № 12 заседания президиума Приморского территориального комитета профсоюза работников угольной промышленности от 16.02.96, г. Владивосток // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 170. Л. 61.

голодовка, которая, как правило, проводилась коллективно и продолжительно. Некоторые из них по длительности составляли 40 смен. Однако если предыдущие акции протеста проходили более организовано, имели резонанс и хоть какой-то результат, то веной 1996 г. всё свелось к отчаянию. Не было прежней организованности, а главное – былой реакции официальных структур[1].

Существенных результатов данная борьба не приносила. В том числе и потому, что за исключением шахтёров, уровень социальных конфликтов на предприятиях других отраслей промышленности оставался низким[2]. В то же время Б. Ельцин в ходе предвыборной кампании стал активно использовать популистские методы воздействия, в том числе и на угледобытчиков. Он чувствовал шахтёрские настроения, поэтому не скупился на обещания, подписывал новые Указы и другие нормативно-правовые акты, сулившие угледобытчикам решение их злободневных проблем. Несмотря на усиливавшийся в угольной промышленности кризис, многие из них поверили в обещания Б. Ельцина и снизили своё давление на власть. Особенно это было заметно по поведению отраслевых профсоюзов, которые выступали против каких-либо масштабных акций протеста.

Мало того, определённая часть шахтёрского сообщества, прежде всего в лице руководителей угольной отрасли, рабочих комитетов и НПГ России, выступили с энергичной поддержкой кандидатуры Б. Ельцина на пост Президента России. Они были напуганы ростом популярности КПРФ и возможностью прихода к власти её лидера – Г. Зюганова, поэтому уверяли рабочих в скорых положительных изменениях в деятельности предприятий угольной промышленности. Среди горняков стал отчётливо проявляться соблазн политического союза с Б. Ельциным, количество их забастовок резко пошло на убыль. Вместе с тем, НПГ

---

[1] Изъюров Е. Нянька энергетиков // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 30 марта. С. 1; Качаев А. Сорок смен под землей. Такова цена обещаний Бориса Ельцина // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 30 марта. С. 1.

[2] Клемент К. Предпосылки коллективных акций протеста на предприятиях // Социс. 1996. № 9. С. 69.

России и отраслевое руководство поддерживали идею активного вмешательства Президента РФ в деятельность угледобытчиков.

Меньше всего в ходе предвыборной кампании Б. Ельцину верили шахтёры Приморского края, где весенний подъём протестной активности продолжился и летом. «Социальная обстановка в коллективах энергетиков и шахтёров продолжает накаляться вплоть до организации забастовочного движения» – рапортовал в июне 1996 г. губернатор Приморского каря Е. Наздратенко первому заместителю председателя Правительства РФ В. Каданникову[1]. Однако адекватной реакции Правительства РФ не следовало, в том числе и потому, что таких обращений в его адрес было немало.

Победа Б. Ельцина на президентских выборах 1996 г. немного стабилизировала общественно-политическую ситуацию в стране. Шахтёры надеялись на положительные изменения в политике российского Президента, и были готовы ещё «немного потерпеть». Между тем после выборов Правительство РФ отказалось от политики «закачивания» денег в экономику, и неплатежи начали расти ещё быстрее[2]. Соответственно ни каких улучшений в экономической и социальной сферах шахтёрских городов и посёлков не происходило: объёмы угледобычи снижались, предприятия закрывались, размеры просроченной зарплаты росли, а жизненный уровень большинства населения продолжал понижаться. В результате стали возрастать и протестные настроения рабочих угольной промышленности, имевшие, в том числе, и источники внешнего происхождения.

Показательным примером защиты своих экономических и социальных интересов стали активные действия шахтёров Украинского Донбасса, хорошо освещавшиеся российскими СМИ. Здесь в 1996 г., намеченная на август организованная забастовка вылилась в июле в стихийный бунт. Шахтёры уже не

---

[1] Губернатор Приморского края Е. Наздратенко Первому заместителю Председателя Правительства РФ В.В. Каданникову, 19.06.1996 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 5694. Л. 112.

[2] Кларк С. Указ. соч. С. 194.

могли терпеть регулярных обещаний Правительства Украины. Они «легли» на авто- и железнодорожные магистрали, переворачивали ненавистные «мерседесы». Закончились выступления тем, что бастующим выплатили зарплату за ближайший прошедший месяц и составили график погашения задолженности, по которому в сентябре все задержанные средства должны были быть выплачены[1].

Протестное движение шахтёров России действительно выглядело более законно и цивилизованно, чем на Украине. Однако его эффективность была мала, а вновь избранный Президент Б. Ельцин фактически забыл о своих предвыборных обещаниях. Это был очередной удар по шахтёрскому самолюбию, по их человеческому достоинству, которое они так охотно отстаивали в 1989–1991 гг. и гордились этим в последующие годы[2].

В условиях бездействия профсоюзов продолжились стихийные акции протеста. Некоторые из них представляли серьёзную общественную угрозу. Так, например, в г. Черногорске (Республика Хакасия) мирный пикет, организованный местными шахтёрами, которым много месяцев не платили зарплату, превратился в неуправляемое сборище практически за несколько минут. Лишь с трудом удалось удержать бушующую толпу от попыток растерзать руководителя городской администрации, устроить погром на рынке и на улице, где были расположены дома местных богачей[3].

Всё-таки наиболее жаркие и масштабные события летом 1996 г. разворачивались в Приморском крае, который стал для горняков других регионов «образцом» организованных действий[4]. 11 июля на шахте «Центральная» (г. Партизанск) при выходе из клети один из забойщиков упал, потеряв сознание от недоедания. Через неделю стояли уже все шахты, а 23 июля состоялся общегородской митинг протеста в поддержку требований шахтёров. Их отчаяние

---

[1] Запад недоволен украинской политикой. И неспроста // Невское время (Санкт-Петербург). 1997. 30 июля.

[2] Караваева В. Из рабочего комитета – в предприниматели. Почему? // Знамя шахтера. 1995. 22 июня.

[3] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2. М., 2001. С. 320.

[4] Прудников В. С. Никитинский: «Скоро холода. Никуда они от нас не денутся…» // Искра. 1996. 14 августа.

объяснялось задолженностью по зарплате. На всех предприятиях города она составляла от трёх до девяти месяцев[1]. На профсоюзных собраниях горняков Приморья звучали предложения перекрыть железную дорогу, блокировать аэропорт «Владивосток» и т.п.[2] Стихийно начавшаяся акция протеста шахтёров Партизанска приобрела неожиданный размах. В неё включились угольщики и энергетики не только Приморья, но и других регионов – Ростовской и Челябинской областей, Красноярского края[3].

Новый подъём протестного движения шахтёров совпал с ростом стачечной активности трудящихся других отраслей экономики и бюджетных организаций[4]. Осенью 1996 г. по всей стране прокатились митинги трудящихся и пенсионеров с требованием корректировки курса экономических реформ, а также отставки Президента и Правительства России. Энергичное участие в них приняли и шахтёры. Их количество порой значительно превосходило численность других категорий трудящихся, задействованных в акциях протеста[5]. Вместе с тем, шахтёры продолжали уповать на собственные силы, и сохраняли осторожное отношение к совместным выступлениям с представителями других профессий[6], боясь попасть под чьё-либо влияние.

Меньше всего этого боялись в Кемеровской области, где стали действовать Комитеты спасения, новые органы самоуправления трудящихся. Первый Комитет спасения появился в г. Прокопьевске 12 сентября 1996 г. и сразу заявил о себе как

---

[1] Письмо Главы администрации г. Партизанска В. Бандюкова Президенту РФ Ельцину Б.Н. и др., г. Партизанск, 10.11.1996 г. // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 2. Д. 921. Л. 94; Качаев А. Пора идти на рельсы? На вопрос голодного ребенка; «Папа, ты принес деньги?» – шахтеру Партизанска ответить нечего вот уже шестой месяц // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 27 июля. С. 1.

[2] Постановление совместного заседания президиума Приморского теркома углепрофсоюза и объединенного постоянно-действующего забастовочного комитета ОАО «Приморскуголь» «О дальнейших коллективных действиях трудовых коллективов в связи с 5-ти месячной задержкой заработной платы трудящихся ОАО «Приморскуголь» от 31.07.96 № 16/1, г. Артем // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 170. Л. 194.

[3] Качаев А. Победит ли благоразумие? // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 8 августа. С. 1.

[4] Гвоздева Е.А., Минин М.А. Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах: опыт сравнительного исследования. / Под ред. Т.В. Павловой и С.В. Патрушева. М., 2005. С. 181. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=935 (дата обращения: 27.11.2015 г.)

[5] Забастовки. Зарубежный ... С. 70–71.

[6] Борисов В. Шахтёры в рабочем движении ... С. 97–98.

мощной представительной силе, так как на повестке дня этого органа стояли многие актуальные вопросы, добиваться реализации которых комитетчики собирались посредством, в том числе, коллективных акций протеста[1]. Между тем, долгое время среди комитетчиков преобладало мнение о необходимости легальных форм борьбы, что сдерживало общую динамику коллективных выступлений.

В конце 1996 г. вновь возросла забастовочная активность шахтёров. Первого октября общегородскую стачку и митинг провели горняки Воркуты. Несмотря на её кратковременный характер, им удалось «выбить» из бюджета 67 млрд. руб. (львиная доля из того, что выделили компании «Росуголь» за последние 1,5 года). Это несколько снизило накал борьбы шахтёров Воркуты, но не сняло с повестки дня вопрос об их участии в однодневной общероссийской стачке, намеченной на пятое ноября[2].

Между тем, пятого ноября 1996 г. лидеры Росуглепрофа так и не смогли организовать общероссийскую акцию протеста. Забастовки имели локальный, не скоординированный характер. Наиболее масштабные события в тот день произошли в Кемеровской области. В региональной забастовке участвовали 160 тыс. человек, в том числе 132 тыс. шахтёров[3].

Вспыхивали и стихийные забастовки, которые порой превращались в неуправляемые. Так, например, 10 ноября 1996 г. на шахтах «Юбилейная» и «Аютинская» АО «Ростовуголь» начались забастовки трудящихся, которые «вышли из под контроля администраций шахт и комитетов Росуглепрофсоюза»[4].

---

[1] Протокол Комитета спасения г. Прокопьевска от 12.09.1996 г. // Личный архив Д.В. Воронина.

[2] Непокой в Воркуте, непокой… // Заполярье. 1996. 25 октября.

[3] Забастовки. Зарубежный ... С. 70–71.

[4] Телеграмма Первого заместителя Главы администрации Председатель Правительства Ростовской области В.Н. Анпилогова Председателю Правительству РФ В.С. Черномырдину, 13.111996 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 6695. Л. 75.

К стихийным и масштабным акциям протеста в конце того года стали прибегать и горноспасатели, что очень настораживало даже шахтёров[1].

Третьего декабря 1996 г. началась всероссийская стачка горняков. Был показан высокий уровень рабочей солидарности: «встали» 164 шахты из 189 (почти 87% от общего количества). Причём все в АО «Ростовуголь», «Тулауголь» и «Воркутауголь». Простаивала половина угольных разрезов. Главным требованием стала отставка Правительства РФ. Между тем данный порыв наблюдался несколько дней и вскоре превратился в очередную формальность. Четвёртого декабря в Кузбассе из 64 шахт «стояли» всего лишь 14. К 15 декабря забастовку продолжали только 65 шахт угольной отрасли России[2].

Результативность стачечного движения, даже в конце года, оказалась низкой. Шахтёры не сумели показать себя единой, организованной силой. В ходе забастовок использовались разные методы протеста: одни полностью прекращали добычу и отгрузку угля, другие – частично, некоторые – даже увеличили и т.п. Это подрывало доверие. Натиск рабочих не мог быть долгим и потому, что отсутствовал забастовочный фонд.

Таким образом, в течение 1996 г. горнякам удалось возвратить лидерские позиции в протестном движении трудящихся страны. Вместе с тем, несмотря на небывалый рост борьбы, их протестный потенциал оказался недостаточным не только для решения каких-то общегосударственных вопросов, но даже для решения фундаментальных проблем угольной промышленности. Прежде всего, это показало потерю былой эффективности такой формы протеста как забастовка, широко использовавшейся в давлении на советское Правительство в конце 1980-х гг. Невозможность протестовать посредством экономического давления усилило политизацию социально-трудовых конфликтов в угольной промышленности.

---

[1] Синявский Б. Кузбасские горноспасатели «легли» – последуют ли за ними шахты региона // Кузбасс. 1996. 27 ноября; Муратова Е. Голодовка длилась 8 дней // Наш город. 1996. 4 декабря.

[2] Чурашев В., Плешкова Л. Есть ли будущее у российского угля? // ЭКО. 1997. № 2. С. 74; Архипов П. Забастовочные хроники // Искра. 1996. 5 декабря; Архипов П. Забастовочная хроника // Искра. 1996. 17 декабря; Кларк С. Указ. соч. С. 204; Ильясова Г. В.В. Семенов: «Требования НПГ выполняются» // Заполярье. 1996. 10 декабря.

В историографии вопроса имеется мнение о том, что «протестная активность шахтёров слабела, а с 1997 г. они полностью уступили своё лидерство в рабочем движении»[1]. Однако с ним сложно согласиться. Несмотря на уменьшение в 1997 г. числа забастовок на предприятиях угольной промышленности, в том же году заметно усиливается протестное движение горняков. Стачки стали значительно более длительными и напряжёнными. Продолжительные остановки угледобычи произошли, например, на одном из крупнейших в стране разрезе «Коркинский» (Челябинская область), а также кузбасской шахте «Киселёвская»[2] и т.д.

На углубление социально-экономических проблем шахтёрских городов и посёлков влияли такие факты, как: дальнейшее снижение угледобычи, существенное увеличение количества шахт, подлежащих закрытию по плану реструктуризации, рост безработицы, отсутствие эффективной социальной защиты и т.д. Кроме того, в 1997 г. по сравнению с 1996 г. в отрасли значительно выросло случаев смертельного травматизма (рисунок 7), что ещё больше озлобляло горняков, толкало их на крайние поступки. Заметно возросло и забастовочное движение в стране (рисунок 13), которое подчёркивало общность социально-экономических проблем россиян. Всё-таки ключевой причиной положительной динамики протестного движения явился рост объёмов задолженности по шахтёрским зарплатам, которые доходили до 10 месяцев[3]. При этом федеральная власть не желала идти на полноценный диалог с шахтёрами, ограничиваясь очередными тактическими обещаниями.

Социально-экономический кризис в стране стал причиной активизации действий оппозиционных общественно-политических сил. Давление на власть усилили не только лево-патриотические партии и организации, но и вчерашние союзники Б. Ельцина – олигархи. Располагая значительными финансовыми средствами, они стали инвестировать в политику протеста и дискредитацию

---

[1] Чувашова Н.И. Указ. соч. С. 135.

[2] Булавка Л.А. Указ. соч. С. 16.

[3] Протокол конференции трудовых коллективов угольных предприятий г. Прокопьевска (19 мая 1998 г.) // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 340. Л. 5.

реформисткой власти. Главным инструментом их борьбы стали подконтрольные средства массовой информации[1].

Зимой 1997 г. наблюдалось некоторое затишье, своим забастовочным упорством в то время выделялась только крупнейшая в европейской части России шахта «Воргашорская»[2]. Но уже весной началось резкое усиление социальной напряжённости во всех шахтёрских регионах России, особенно в Печорском угольном бассейне и Кузбассе. Иллюзии в отношении Б. Ельцина полностью развеялись, рабочие угольной промышленности стали менять свои политические ориентиры, сплачивать вокруг себя всех трудящихся. Во многом этому способствовали усилия отраслевых профсоюзов и рабочих комитетов, которые изменили свою политику в отношении вновь избранного главы государства и стали объединять вокруг себя недовольных не только горняков, но и других трудящихся. Подтверждением усиления совместных действий можно считать дальнейший рост участия горняков в общегородских митингах и демонстрациях[3].

В том году широкую популярность среди шахтёров приобрели радикальные формы и методы борьбы. Чувство безысходности становилось причиной самоубийств, причём в страшных формах. Так, к примеру, поступили два шахтёра из Киселёвска, которые загрузили автомобиль взрывчаткой и подорвали себя в нём[4].

Динамично распространялись голодовки и блокады важнейших железнодорожных магистралей. Высокую результативность по отстаиванию прав и интересов показывали «рельсовые войны», так как следовала незамедлительная реакция со стороны региональной и федеральной власти. Пикетчики сразу же получали гарантии погашения задолженности по заработной плате. Опыт

---

[1] Лопатников Л.И. Указ. соч. С. 323; На пороге катастрофы // Пласт. 1998. № 33 (50), август. С. 1.

[2] «Воргашорская»: противостояние продолжается // «Огни Воргашора» (ОАО шахта «Воргашорская»). 1997. 22 февраля.

[3] Письмо председателя теркома углепрофсоюза П.Т. Кирясова Президенту АО «Росуголь» Ю.Н. Малышеву, 27 мая 1997 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 179. Л. 62; Бизюков П. Управленческие ошибки ... С. 133.

[4] Кларк С. Указ. соч. С. 205.

«рельсовых войн» широко распространялся не только среди горняков, но и представителей других социально-профессиональных групп.

Центрами шахтёрской борьбы стали монопрофильные, депрессивные города и посёлки (Инта, Анжеро-Судженск, Прокопьевск, Шахты, Партизанск и др.), где была самая критическая обстановка с выплатой заработной платы и трудоустройством уволенных горняков. Усиление протестной активности в данных населённых пунктах стало следствием и приобретённого ими опыта борьбы.

Высокую активность весной 1997 г. показывали шахтёры г. Анжеро-Судженска. Несмотря на то, что их интинские товарищи чаще других заявляли о готовности перекрыть важные железнодорожные пути, именно они в апреле вновь перекрыли Транссибирскую магистраль, потребовав выплаты задолженности по зарплате. Хотя их требования и были выполнены[1], борьба продолжилась. Горняки объединили вокруг себя трудящихся других предприятий города. 13 мая 1997 г. они обратились к трудовым коллективам Кузбасса с призывом «отказаться от стихийных и разрозненных протестов, которые приносят выгоду только властям, и перейти к коллективной борьбе за свои гражданские права и требования»[2]. С того момента стала готовиться региональная акция протеста трудящихся (бессрочная забастовка), которая могла иметь широкий общественный резонанс, так как в других углепромышленных территориях шахтёры были «готовы к любым действиям»[3].

На призыв солидарности, с которым к населению России обратилась Федерация профсоюзов Кемеровской области, откликнулись профсоюзные организации других регионов страны[4]. Серьёзность намерений трудящихся

---

[1] Соловенко И.С. Радикальные формы протеста шахтёров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям (1992–1999 гг.) // Власть, общество, личность. Пенза, 2012. С. 84.

[2] Обращение забастовочных комитетов предприятий города Анжеро-Судженск к трудовым коллективам и жителям Кемеровской области // ГАКО. Ф. Р-1311. Оп. 3. Д. 20. Л. 68.

[3] Письмо председателя теркома углепрофсоюза П.Т. Кирясова Президенту АО «Росуголь» Ю.Н. Малышеву, 27 мая 1997 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 179. Л. 62.

[4] Забастовки. Зарубежный ... С. 80–81.

Кузбасса показывал рост количества их акций протеста, в том числе и в такой радикальной форме как «рельсовая война»[1]. Только смена главы областной администрации в июле 1997 г. приостановила масштабную акцию протеста.

Органы власти и управления сумели погасить пламя разраставшегося протеста не только в ведущем угольном регионе страны, но и в других территориях. Наиболее значимыми причинами, снизившими шахтёрское давление в середине 1997 г. явились следующие. Во-первых, к тому времени заметно снизилась численность рабочих угольной промышленности (рисунок 8, таблица 2). В Приморье, Кизеловском угольном бассейне и т.д. тогда уже особо «не кому» было показывать недовольство. Там лидирующие позиции в протестном движении стали занимать работники других отраслей экономики. Например, в Приморском крае это были рабочие оборонно-промышленного комплекса[2].

Во-вторых, повысился уровень партнёрского сотрудничества в разрешении конфликтных ситуаций на предприятиях угольной промышленности. Низкую протестную активность в то время показывали горняки Российского Донбасса. Здесь руководству крупнейшей в регионе угольной компании – ОАО «Ростовуголь», удалось договориться с шахтёрами о принятии моратория на проведение массовых акций протеста[3]. Рабочие пошли на это соглашение, так как руководители компании упрекали их в тяжёлых экономических последствиях из-за забастовок и других акций протеста.

В-третьих, в экономике страны наблюдался, хоть и не значительный, но всё-таки рост промышленного производства. Возросли и производственно-технические возможности по добыче угля[4].

---

[1] Кабанова Н. Путь к деньгам лежит через… рельсы // Наш город. 1997. 5 июля.

[2] Павлов В. Протестующая галочка. По призыву профсоюзов края трудовое Приморье в очередной раз заклеймило антинародную социально-экономическую политику властей // Красное Знамя (Владивосток). 1997. 1 ноября. С. 1.

[3] XII Ростовская территориальная отчетно-выборная конференция. Постановление. 28 апреля 1998 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52 (а). Л. 18.

[4] Яновский А.Б., Скрыль А.И. Указ. соч. С. 16.

В-четвёртых, заметный подъём стачечного движения в стране имел относительный успех. В 1997 г. число бастующих немногим превышало 1% работающих[1]. То есть количество россиян, принимавших реальное участие в отстаивании своих трудовых прав, было значительно меньше, чем недовольных социально-экономической политикой Правительства РФ.

Однако некоторая стабилизация динамики протестного движения шахтёров во второй половине 1997 г. оказалась недолгой. По-прежнему использовались всевозможные формы и методы борьбы. Лидеры отраслевых профсоюзов больше уповали на легальные способы отстаивания шахтёрских интересов. Примечательные акции протеста устроили руководители НПГ Республики Коми в Москве девятого декабря. В тот день они провели пикетирование Государственной Думы, а также устроили у компании «Росуголь» вахту памяти в честь погибших шахтёров. Пикетчики не только получили поддержку москвичей, но и сумели встретиться и обсудить проблемы угольной промышленности с рядом государственных и политических деятелей[2].

В конце рассматриваемого этапа стала нарастать напряжённость в Кемеровской области. Вновь в центре шахтёрских выступлений оказался Анжеро-Судженск. В декабре 1997 г. горняки этого города в очередной раз перекрыли Транссиб. Совместными усилиями органов власти и отраслевого управления социально-трудовой конфликт удалось быстро погасить. Однако обстановка в крае сохраняла взрывоопасный характер.

Рост напряжённости в то время наблюдался и в других шахтёрских территориях. Между тем, акции протеста имели ярко выраженный кратковременный и локальный характер. По мнению авторитетных экспертов,

---

[1] Левада Ю. Указ. соч. С. 9.

[2] Ильясова Г. Лидеры НПГ в столичных коридорах власти с мыслями о голодовке // Заполярье. 1997. 13 декабря.

сложно было тогда назвать шахтёров «авангардом борьбы рабочего класса»[1]. Однако выступления рабочих других отраслей были ещё менее заметны.

Таким образом, в 1997 г. происходило не так много массовых и солидарных выступлений шахтёров за свои трудовые права, как в предыдущие два года. Однако увеличение количества радикальных акций протеста с высокой степенью демонстрационности свидетельствует о переходе к крайним методам борьбы. Соответственно, можно утверждать не о спаде шахтёрской борьбы, а о трансформации её стратегии и тактики. Возникшая уже в первые дни 1998 г. новая волна протестного движения указывает на условное затишье во второй половине 1997 г.

Итак, подъём протестного движения шахтёров России в 1992–1997 гг. протекал неоднородно. Рост количества акций протеста и их масштабов часто сменялся спадом и локализацией борьбы. Имели место факты формального участия трудовых коллективов в совместных выступлениях. Тем не менее, в течение этих шести лет борьбы рабочим угольной промышленности удалось приблизиться к тем возможностям давления на власть, которые они имели в конце 1980-х гг. В итоге к началу 1998 г. сформировалась достаточная для мощного шахтёрского взрыва социально-экономическая и политическая база.

2.3 Отношение к акциям протеста шахтёров в обществе

Начиная с первых массовых забастовок 1989 г., рабочие угольной промышленности всегда чувствовали широкую поддержку со стороны трудящихся и пенсионеров. На это неоднократно указывалось в средствах массовой информации, научных исследованиях и т.д. Широкая моральная и материальная поддержка советскими трудящимися стачечного движения в том году позволила шахтёрам стать важной опорой оппозиционных общественно-

[1] Булавка Л.А. Указ соч. С. 17; Bergbauproteste im Kuzbass ... S. 12–13.

политических сил. Но уже в 1990 г. ситуация стала меняться, рост забастовочной активности встречал неоднозначную оценку даже среди рабочих. В первую очередь это было связано с явным ухудшением экономического положения зависимых от угольной отрасли предприятий. К шахтёрам стали поступать коллективные обращения работников смежных производств, в которых содержалась просьбы не срывать поставки угля, так как это вело к необратимым последствиям[1].

В следующем, 1991 г., остановка рабочего ритма предприятий приобрела большую популярность не только в угольной промышленности, но и во многих других отраслях народного хозяйства СССР. Мало того лидеры шахтёрского движения стали призывать к всеобщим политическим стачкам. Вместе с тем рост забастовочной активности горняков сопровождался усилением негативной реакции на неё не только со стороны смежников, но и рядовых граждан страны. Отдельные трудящиеся видели в этом угрозу экономической и политической стабильности. Они неоднократно обращались к шахтёрам, в том числе и через их представительные органы, с просьбой о немедленном прекращении акций протеста[2].

В свою очередь лидеры шахтёрского движения воспринимали пошатнувшееся доверие населения как агонию «консервативно-коммунистических» сил и особенно не задумывались над этим вопросом. Политические успехи Б. Ельцина в 1990–1991 гг. внушали уверенность на идейную близость угледобытчиков с широкими слоями населения. Обещания нового российского руководства и искренние ожидания большинства советских граждан давали надежду на консолидацию власти и общества в решении ключевых проблем экономической и социальной сфер. Однако уже тогда шахтёрам была очевидна неоднозначность мнений сограждан в вопросе

---

[1] Материалы по забастовкам 1989–1991 гг. // Муниципальное учреждение «Управление городского архива» г. Киселёвска.

[2] Рабочее движение Кузбасса. Сборник ... С. 384, 461.

поддержки их акций протеста, которые подрывали экономическую стабильность. Главным заблуждением горняков являлась их уверенность в том, что большого смысла в забастовках и других акциях протеста в будущем не будет, достаточно будет крепкого «шахтёрского слова».

В 1991 г. закончилось время, когда вся мощь государственной машины была направлена на прославление рабочего класса, а голос шахтёров имел весомую значимость в принятии важных политических и экономических решений. В постсоветской России утрата рабочими прежних механизмов представительства во власти подвигла их к поиску иных каналов укрепления своего места и роли в общественно-политической жизни. Наиболее уязвимыми оказались чувства горняков, которые являлись главными борцами с «тоталитарным режимом» и командно-административной системой. В условиях реализации глубоких демократических преобразований потребность в них со стороны общества заметно снизилась. Поэтому, кроме прямого контакта с непосредственными субъектами политической системы российского государства, шахтёры стали искать опору в широкой народной поддержке. В свою очередь россияне тоже были заинтересованы в протестном движении, которое становилось дополнительным рычагом воздействия на власть.

Распад СССР и новый вектор развития российской государственности в корне изменили не только принципы рабочего движения, но и степень влияния на него разных факторов. Во время перехода к демократии и рыночным отношениям заметно возросла важность общественного мнения в принятии тех или иных политических решений. Это напрямую было связано с резким увеличением степени информированности граждан, расширением возможностей их волеизъявления и участия в общественно-политической жизни страны, а также рядом других факторов.

По мере роста противостояния рабочих угольной промышленности с властью потребность в поддержке рядовых граждан только возрастала. Реакция трудящихся и пенсионеров стала индикатором состояния протестного движения,

которая во многом определяла требования, формы и методы борьбы шахтёров. Показателями солидарности россиян с горняками являлись моральная и материальная поддержка их борьбы, а также участие в совместных акциях протеста.

На первом этапе общественное мнение эволюционировало от сочувствия отдельным акциям протеста шахтёров к массовой и непосредственной поддержке их борьбы с политическим режимом Б. Ельцина. Однако этот процесс имел неоднозначный характер, и сдерживался по следующим важным причинам.

Во-первых, среди трудящихся утвердилось мнение, что угледобытчики, пользуясь монопольным положением в народном хозяйстве, стремятся стачками и угрозами «выбить» для себя сверхвысокие ставки и оклады[1]. Во-вторых, повышение зарплаты шахтёрам в 1991–1992 гг. развело их со многими бывшими союзниками из числа рабочих других отраслей, служащих и интеллигенции. В-третьих, недоброжелательное отношение к горнякам, как представителям рабочего класса, среди работников непроизводственной сферы, так как они были лишены возможностей приватизации государственной собственности. В-четвёртых, между шахтёрами и представителями других категорий трудящихся имелись существенные противоречия во взглядах по таким важным вопросам как, например: причины ухудшения социально-экономического положения; стратегия и тактика протестного движения, место и роль рабочих угольной промышленности в общественно-политической жизни страны и т.д. Переход к либеральным отношениям изначально способствовал усилению противоречий среди трудовых коллективов страны, отрыву шахтёров от привычного места и роли в социально-политических процессах. В-пятых, акции протеста горняков становились объектом критики со стороны разно ориентированных СМИ. Таким образом, любые их недовольства и выступления объективно не имели гарантированной и абсолютной поддержки населения.

---

[1] Руткевич М.Н. Социальная поляризация // Социс. 1992. № 9. С. 7; Шишков Ю.В. На пути к рыночной экономике (социальный аспект) // Социс. 1992. № 9. С. 71.

Трудящиеся и пенсионеры ощутили не только ухудшение социально-экономического положения, но и стали осознавать такие важные политические потери, как: распад СССР, снижение международного престижа страны, ограниченные возможности доступа простых рабочих в органы государственной власти и т.д. Виновниками подобных проблем признавались, в том числе и шахтёры, которые развернули широкое забастовочное движение и внесли определённый вклад в системный кризис периода 1989–1991 гг.

Дополнительное недоумение и рост «антишахтёрских» настроений среди трудящихся вызывало то, что горняки показывали молчаливое согласие с реформаторским курсом Кремля. В 1992 г. акции протеста горняков, как правило, имели масштаб отдельного предприятия, в то время как трудящиеся других отраслей и бюджетных организаций уже устраивали массовые мероприятия в поддержку своих требований.

Характерным свидетельством изменения общественных настроений в начале 1990-х гг. явилась критика шахтёрского движения «перестроечной» эпохи в средствах массовой информации. Сначала она стала проявляться на местном и региональном уровне, а затем и во всероссийском масштабе.

Реальными признаками кризиса в отношениях между горняками и другими социально-профессиональными группами являлось отсутствие каких-либо заметных совместных выступлений в начале рассматриваемого этапа. О непосредственной поддержке акций протеста работников других отраслей и организаций шахтёры особо не помышляли. Трудовые конфликты на предприятиях угольной промышленности дальше смежных отраслей не распространялись[1]. Это объективно противопоставляло между собой рабочих угольной промышленности и других трудящихся, которые не стремились к самоизоляции.

---

[1] Борисов В. Шахтёры в рабочем движении … С. 98; Бизюков П.В., Варшавская Е.Я., Донова И.В., Никишов А.А. Указ. соч.

Главной проблемой в отношениях с другими социально-профессиональными группами явилось отсутствие связующего механизма, который позволял бы выстраивать взаимовыгодные совместные действия или хотя бы проявлять моральную солидарность. Такой важный инструмент как профсоюзы оказался не готов к реализации данной функции. Остальные общественно-политические институты подавали ещё меньше надежд в способности сплотить на протест трудящихся различных отраслей экономики. Это стало одной из причин медленного и неравномерного сближения протестных взглядов и действий рабочих угольной промышленности с представителями других социально-профессиональных групп.

Однако политическая и социально-экономическая обстановка в стране объективно способствовала поступательному развитию этого процесса. Резкое снижение жизненного уровня подавляющей части населения страны оказался более значимым фактором во взаимоотношениях шахтёров и других трудящихся. Общественное разочарование результатами «шоковой терапии» пришло значительно раньше, чем ожидал Президент России. Его постоянные обещания улучшить жизнь простого народа не подкреплялись реальными делами. Большинство населения страны выступило против грабительской либерализации цен уже в первые месяцы её проведения.

Постепенно ситуация менялась. Рабочие, бюджетники, крестьяне и пенсионеры не могли самостоятельно достичь тех целей и задач, которые они ставили в ходе проведения собственных акций протеста. У них отсутствовали политические союзники, готовые отстаивать их интересы на уровне Президента и Правительства РФ. Они не имели и того опыта отстаивания экономических и политических требований, которым обладали горняки. В то же время реструктуризация угольной промышленности сопровождалась массовыми увольнениями рабочих, которые были вынуждены устраиваться на другие предприятия. Это стало одним из факторов распространения «бунтарского духа» среди рабочих шахтёрских городов и посёлков, идейному сближению

недовольных методами «шоковой терапии», созданию межотраслевых общественно-политических организаций и выработке совместной стратегии и тактики борьбы.

Привлекательным фактором для трудящихся и пенсионеров являлось и то, что выступления шахтёров приобретали всё более массовые и радикальные формы. По мнению авторитетных специалистов, они имели и более решительные профсоюзы[1]. Особенно популярны были действия Росуглепрофа, чьи призывы к коллективным выступлениям фактически всегда получали отклик со стороны общественности углепромышленных городов и посёлков[2].

Рабочие угольной промышленности относительно быстро осознали своё «одинокое» положение в системе общественно-политических отношений и мощное информационное противостояние их движению. Постепенно они стали менять своё отношение к мнению россиян, искать противодействие информационному прессингу. Во многом улучшить свой образ в глазах россиян смогли сами горняки, так как встали на путь переосмысления своей позиции в отношении внутриполитического курса Кремля, в частности изменили своё отношение к содержанию «шоковой терапии». Это переосмысление выразилось во многих формах, но главное – стало меняться отношение к собственному протестному поведению.

Пересмотр ценностей затронул, прежде всего, то, чем так долго гордились горняки – результаты забастовочного движения 1989–1991 гг. Ошибочность дальнейшей поддержки Б. Ельцина стали признавать даже либерально настроенные представители рабочих угольной промышленности[3]. Процесс самокритики со временем набирал обороты и послужил важным сигналом всему российскому обществу о формировании новой концепции шахтёрской борьбы.

---

[1] Козина И.М. Указ. соч. С. 17.

[2] Барбарицкий Ю.Ф. (Председатель Шахтинского отделения Общественного комитета Российских реформ) И овцы целы и волки сыты, 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3524. Л. 51.

[3] Александр Сергеев: «Шахтёры говорят: мы люди, а не быдло!» // Российская Федерация сегодня. 2010. № 12. С. 23–24.

Такое «покаяние» воспринималось весьма положительно и действительно способствовало моральному и реальному сближению с ними представителей широких слоёв трудового народа.

Шахтёры весьма быстро осознали свою политическую «ошибку» и стали усиливать деятельность, направленную на консолидацию как собственных сил, так совместных выступлений. Их заявления стали носить политизированный характер, и соответствовали народным ожиданиям[1]. Можно с уверенностью утверждать, что это явилось одним из факторов существенного роста стачечной активности трудящихся в 1997 г. К тому времени рабочие угольной промышленности отказались от активного использования забастовки как формы протеста. Вместе с тем набирали обороты другие, прежде всего радикальные, методы их борьбы. Во многом они стали примером для подражания другим социально-профессиональным группам, которые вслед за шахтёрами стали использовать «рельсовые войны», «захваты заложников» и т.п. Повышалось взаимопонимание и солидарность трудящихся страны, возрастал и авторитет горняков. Важным показателем идейного сближения с шахтёрами стала идентичность политических и экономических требований трудящихся, которые они выдвигали в ходе собственных акций протеста.

На первом этапе самым распространенным способом солидарности россиян с горняками были *моральная поддержка* их протестных действий. На фоне незначительного исторического опыта коллективных выступлений в защиту трудовых прав и интересов, законы «дикого» капитализма усилили формирование новых ценностей, в центре которых был индивидуализм. В то время относительно высокая доля недовольных сочеталась со сравнительно низкой долей готовых протестовать и тем более реально участвовать в акциях протеста[2]. Рост протестных настроений в российском обществе сопровождался нарастанием

---

[1] Дегтярев А., Жигунов Л. Указ. соч. С. 9–15.

[2] Ядов В.А., Климова С.Г., Халий И.А., Климов И.А., Кинсбурский А.В., Топалов М.Н., Клеман К. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста / Россия в глобальных процессах: поиски перспективы. М., 2008. С. 97.

чувства страха, связанным с опасностью гражданской войны[1]. Важно и то, что не все субъекты Российской Федерации были тесно связаны с угледобывающей промышленностью, поэтому показать реальную солидарность им было весьма сложно.

Основным инструментом, позволявшим выразить солидарность, стали средства массовой информации. Подавляющее большинство сюжетов и статей о ситуации в угольной промышленности страны вполне закономерно отражали недовольство рабочих и формировали адекватное мнение населения не только шахтёрских территорий, но и во всероссийском масштабе. Информация о негативных процессах в угольной промышленности, как правило, соседствовала с похожими фактами в других отраслях экономики. Очевидный характер общих проблем способствовал формированию положительной оценки борьбы шахтёров и распространению призывов к совместным действиям.

Большую роль в укреплении рабочей солидарности стали играть профсоюзы (особенно межотраслевые, в частности ФНПР), а также оппозиционные общественно-политические организации. Они были напрямую заинтересованы в совместном давлении на власть, поэтому проводили широкую пропагандистскую деятельность. Её составной частью являлось укрепление авторитета горняков как «авангарда борьбы рабочего класса».

Проблемы угольной промышленности России и падение жизненного уровня рабочих беспокоили не только отечественную, но и зарубежную общественность. Заметный интерес к данной теме иностранцы стали проявлять с 1994 г., когда социально-экономическая обстановка в шахтёрских городах и посёлках Российской Федерации приобрела катастрофический характер, а действия главного исполнительного органа являлись не адекватными ей.

Ярче других в начале 1994 г. выглядела поддержка немецких рабочих. Профсоюз горняков и энергетиков Германии тогда подчёркнуто заявил о своей

---

[1] Кацва А.М. Массовый протест ... С. 42.

солидарности с шахтёрами России, и направил телеграмму Премьер-министру В. Черномырдину, в которой была указана необходимость соблюдения международной конвенции о выплате заработной платы. В противном случае профсоюз оставил за собой право предпринять собственные инициативы в Международной организации труда в Женеве[1].

Несмотря на не столь заметное внимание к акциям протеста российских шахтёров со стороны зарубежных СМИ, как это было, например в 1989 г.[2], тем не менее, письма и телеграммы о поддержке их борьбы приходили из многих государств. Заметнее других выделялись страны, где профсоюзы играли существенную роль в системе социально-трудовых отношений – Германия, Бельгия, США, Канада, Япония, Греция, Италия, Бразилия, Аргентина, Мексика[3] и др. Особенно значимой для шахтёров была поддержка со стороны таких авторитетных организаций, как Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП) и Международная федерация горняков[4].

Благодаря росту моральной солидарности с рабочими угольной промышленности, сложились условия для *совместных акций протеста*. Главным препятствием в проведении коллективных действий явились разногласия в вопросе форм и методов протеста. Значительный рост стачечной борьбы шахтёров России в середине 1990-х гг. не получил всеобщей поддержки. На тот момент само общество оказалось расколотым на сторонников и противников остановки производственных процессов. В новых рыночных условиях забастовки и другие формы протеста не имели того эффекта, который был во времена плановой экономики. Из-за забастовок шахтёров экономические потери несли не

---

[1] Большанин А. Поддержка горняков Германии // Кузбасс. 1994. 5 марта.

[2] Список иностранных корреспондентов, прибывших в Кемеровскую область в июле 1989 г. // Муниципальное бюджетное учреждение «Городской архив» г. Кемерово. Ф. 108. Оп. 1. Д. 25. Л. 3–5.

[3] Письмо депутата Государственного парламента Рио-Гранде (Бразилия) шахтёрам и энергетикам Приморского края, 31 июля 1996 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 173. Л. 61–66.

[4] Письмо Питера Михалзика (Генеральный секретарь международной организации горняков) г-ну В.С. Черномырдину премьер-министру РФ, Брюссель, 6 февраля 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3521. Л. 83–84; Письмо Международной федерации горняков В. Будько, председателю Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 345. Л. 4.

только их предприятия, но и другие субъекты хозяйственной деятельности углепромышленных регионов, а в некоторых случаях – всей страны.

Поэтому среди бюджетников, но особенно рабочих других (в первую очередь смежных) отраслей, было немало противников стачечной борьбы. В этих условиях шахтёрам пришлось менять стратегию и тактику протестного движения, ориентироваться на более «безболезненные» для широких слоёв населения формы и методы отстаивания собственных интересов, например, подземные «забастовки», голодовки и т.п. Такая корректировка шахтёрской борьбы стала показателем учёта интересов других слоёв общества, что вызывало рост политических симпатий к ним.

Важной особенностью была неоднородная динамика коллективных акций протеста, что чётко проявлялось на территориальном уровне. Если в региональной забастовке 1995 г. в Кузбассе присутствовало символическое выражение солидарности между учителями и шахтёрами, то в январе 1996 г. между ними не было вообще никакой коммуникации, хотя профсоюзы обеих отраслей проводили всероссийские акции протеста с одинаковыми требованиями к Правительству РФ – выплата долгов по зарплате[1].

В конце рассматриваемого этапа наблюдались попытки, а в некоторых случаях и факты участия в совместных забастовках, пикетах, демонстрациях, митингах и т.д. К этому их привело серьёзное разочарование в результатах президентской деятельности Б. Ельцина. В обществе окончательно развеялись иллюзии относительно того, что постепенно всё само собой нормализуется. Страна оказалась парализована системным кризисом, рейтинги Президента и Правительства РФ стабильно снижались[2]. Общий протест реально сплачивал широкие народные массы, показывал их неравнодушное отношение к кризисным явлениям в экономике и социальной сфере страны, инициировал выдвижение коллективных требований. Лучшим подтверждением сближения горняков с

---

[1] Чувашова Н.И. Указ. соч. С. 135.
[2] Кацва А.М. Массовый протест ... С. 42.

другими социально-профессиональными группами является их совместная деятельность в Комитетах спасения.

Высокая стачечная активность россиян в последний год рассматриваемого этапа протекала в условиях выдвижения радикальных экономических и политических требований. Порой в одной колонне демонстрантов плечом к плечу шли шахтёры и рабочие других отраслей, в отношениях с которыми было немало финансовых претензий. К примеру, горняки Приморья устраивали акции протеста совместно с энергетиками, которые были должны угледобывающим предприятиям огромные суммы, и при этом не имели многомесячных задолженностей по выплате зарплаты[1]. Именно в такие моменты власть действительно начинала прислушиваться к требованиям угольщиков или, по крайней мере, пыталась это показать. Такие факты прибавляли уверенности в совместных протестных возможностях, способствовали выдвижению радикальных требований и т.п. О высоком уровне общественного мнения в пользу шахтёров на первом этапе говорит тот факт, что Правительство РФ даже не помышляло о привлечении их лидеров к судебной ответственности, независимо от того, были соблюдены процедуры организации забастовки или нет[2].

Всё же рыночные отношения изменили общественное сознание, усилили противоречивость взглядов граждан на социально-политические процессы, в том числе на формы и методы борьбы. Ухудшение экономического положения, усиление социальной дифференциации, конкурентная борьба, слабая результативность всевозможных выступлений и т.д. вынуждали людей по-новому смотреть на протестное движение шахтёров. В исследуемый период серьёзным деформациям подвергся российский рабочий класс, главная опора горняков. Деиндустриализация страны и расширение сфер экономической деятельности привели к существенному снижению удельного веса рабочих в социально-

---

[1] Письмо и.о. главы администрации г. Партизанска В. Татаркиной в Департамент по жилищному и коммунальному хозяйству и топливно-энергетических ресурсов Чепику В.Г., 17.12.1996 г. // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 2. Д. 921. Л. 104.

[2] Борисов В.А. Забастовки ... С. 375.

профессиональной структуре новой России. Рабочий класс стал более разрозненным и «конъюнктурным», а поведение колебалось от степени конкретных интересов, прежде всего материальных[1]. Понятие «рабочая солидарность» девальвировало, уступило место таким соображениям, как «рыночная конкуренция». Поэтому даже в моменты существенных подъёмов протестного движения шахтёров их в большей мере поддерживали работники бюджетных организаций, а не товарищи по рабочему классу.

Не менее печальным фактом являлось и то, что со стороны горняков так и не последовало реальной поддержки борьбы учителей и медицинских работников. Дальше совместно спланированных акций протеста шахтёрская солидарность фактически не сдвинулась. В то же время низкий уровень эффективности акций протеста работников бюджетных организаций в 1997 г. негативно отразился не только на их дальнейшей стачечной борьбе, но и неоднозначной позиции по отношению к шахтёрскому движению.

В общем, на первом этапе народная солидарность с шахтёрами реализовывалась противоречиво. Горняки сумели значительно повысить свой авторитет в глазах не только российской, но и международной общественности. Это стало одним из факторов усиления их протестной активности, укрепления места и роли в общественно-политических процессах Российской Федерации. Неудачные попытки рабочих угольной промышленности заручиться всеобщей поддержкой трудового народа ориентировала их на продолжение самостоятельной борьбы.

2.4 Основные направления нейтрализации протестного движения

В отечественной историографии обращается внимание на то, что активность протестного движения рабочего класса в России 1990-х гг. была значительно

---

[1] Воейков М.И. Проблема дифференциации рабочего класса ... С. 29.

ниже, чем в других странах[1]. Однако она была заметно выше и разнообразнее, чем в «перестроечный» период, и происходила в сложное для российской государственности время. Так как шахтёры были в авангарде рабочего движения, нейтрализация их недовольства являлась для власти важнейшей задачей укрепления экономической и общественно-политической стабильности в стране.

Критика акций протеста горняков не могла стать единственным фактором снижения их протестной активности. Угольная отрасль нуждалась в альтернативной политике, поступательных переменах к лучшему. Данные перемены были возможны только при комплексном подходе органов власти и управления к решению жизненно важных вопросов горняков. Определённую роль по выходу из кризисной ситуации сыграли общественные и политические организации, в том числе и те, которые порой показывали солидарность с протестными действиями трудящихся. В стране не было влиятельной политической силы, явно заинтересованной в революционной ломке сложившейся системы, да и сами шахтёры в своём большинстве этого не желали.

Между тем нарастание протестного движения имело реальную угрозу как для социально-экономической, так и политической стабильности шахтёрских территорий, а в некоторых случаях и всей страны. В любой момент могла появиться сила, способная воспользоваться шахтёрским недовольством. Этого нельзя было недооценивать. Поэтому для нейтрализации протестного движения на всём протяжении рассматриваемого времени органы власти и управления предпринимали широкий спектр инструментов и действий, в том числе и силу. Анализ источников и литературы показал, что основными направлениями нейтрализации шахтёрского недовольства являлись политическое противодействие и социально-экономическая деятельность.

В первые месяцы 1992 г. протестная активность шахтёров не вызывала адекватного интереса со стороны их основных контрагентов – руководителей

---

[1] Анисимов Р.И. Деформация классовых свойств у российских рабочих в конце XX – начале XXI столетия // Вестник РГГУ. № 2–3/07. 2007. С. 185.

предприятий, а также представителей исполнительной власти всех уровней. Программа «шоковой терапии» предусматривала развитие негативных процессов в экономике и социальной сфере не только углепромышленных регионов, но и всей страны. Особого сожаления со стороны власти и общества горняки не вызывали и потому, что изначально оказались далеко не в самом худшем положении в сравнении с представителями других социально-профессиональных групп. Между тем рост их протестной активности вынуждал менеджмент предприятий и органы власти активнее реагировать на её причины и факторы. Чтобы пригасить конкретную акцию протеста (даже на всероссийском уровне) порой было достаточно обещаний, но с каждым годом степень шахтёрского доверия иссякала.

На первом этапе наибольшую тревогу за будущее отрасли вызывало у менеджмента угледобывающих предприятий, а также руководителей местных и региональных органов власти. Именно им адресовались первоочередные претензии рабочих, на них ориентировалось недовольство Независимого профсоюза горняков России, а в некоторых случаях и Росуглепрофа. Вместе с тем в условиях высокого уровня государственной централизации предприятий угольной промышленности невозможно было повысить экономическую эффективность без участия федерального Правительства. Уже на первом этапе обнаружилась и определённая заинтересованность политических партий в конструктивном решении шахтёрских вопросов. Рассмотрим важнейшие политические и социально-экономические действия, позволившие купировать жизненно важные проблемы шахтёрских городов и посёлков.

Главным направлением нейтрализации протестного движения шахтёров на первом этапе являлось ***политическое противодействие***, в основе которого были популизм, политический диалог, дезорганизация, морально-психологическое давление и сила. Новая власть и органы управления изначально оказались в более выгодных условиях в сравнении с «перестроечным» периодом. В высших эшелонах власти оказались вчерашние лидеры шахтёрского движения. Их

объективным преимуществом в сравнении с политической элитой конца 1980-х гг. являлось то, что они «изнутри» знали сильные и слабые стороны в жизни и деятельности рабочих угольной промышленности. Это помогало Б. Ельцину и его команде не только успешно лавировать, но и по необходимости проявлять жёсткость. Во многом это объясняет незначительную уступчивость федеральных органов власти, использованием с их стороны множества косвенных методов нейтрализации шахтёрской борьбы.

Высокий уровень доверия президенту Б. Ельцину определил преобладание в начале 1990-х гг. *популистских мер* воздействия на шахтёрскую борьбу со стороны представителей всех уровней власти. В этом им помогали либерально ориентированные рабочкомы и Независимый профсоюз горняков России. Оправдания и обещания стали главными инструментами нейтрализации протестной активности и со стороны руководства предприятий и отрасли, которых часто поддерживал другой отраслевой профсоюз – Росуглепроф. Таким образом, с первых дней перехода к рынку в сфере угольной политики сформировались два противоборствующих лагеря, каждый из которых много обещал, а все неудачи списывал на «идейных противников».

Программа «шоковой терапии» ориентировала всех на трудности и время, что соответствовало парадигме постсоветской трансформации. Соответственно в умах шахтёров закладывалась идея о необходимости «подождать» и «потерпеть» ради «светлого будущего». Кремль щедро раздавал обещания, уговаривал, а временами даже заигрывал с рабочими, что позволяло затягивать время в выполнении своих обязательств (по Р. Дарендорфу, поддерживать «склонность к летаргии»[1]). В течение первого этапа углепромышленные регионы неоднократно посещали высокопоставленные чиновники российского Правительства, большинство из которых были ответственны за топливно-энергетический

[1] Дарендорф Р. Указ. соч. С. 212.

комплекс страны[1]. Однако они мало, что могли предложить озлобленным шахтёрам кроме очередных обещаний.

Выступления горняков считались неизбежными, поэтому реакция власти на них являлась слабой. Дефицит госбюджета не позволял Правительству РФ полностью выполнять свои обязательства перед трудящимися. Однако это не мешало давать им открытые заверения о скором улучшении ситуации в угольной отрасли, либо имитировать высокую степень озабоченности проблемами угольщиков. Одним из таких примеров является Поручение Б. Ельцина А. Чубайсу от 9 октября 1995 г., в котором есть такие строки: «Не удовлетворен качеством работы Правительства с шахтерами. Задержек с выплатой зарплаты быть не должно. Предусмотрите необходимый объем господдержки в бюджете 1996 г. Доложите»[2]. Между тем рост задолженности по зарплате рабочим продолжился.

Ещё более оптимистичные заявления Б. Ельцин озвучивал накануне президентских выборов. Они затрагивали самые наболевшие темы и преподносились весьма солидно, как правило, в виде Указов Президента РФ и других нормативно-правовых актов. Седьмого февраля 1996 г. в ходе встречи с лидерами Росуглепрофа он «сказал, что в настоящее время готовится ряд документов, введение которых позволит уже к концу марта решить проблему со своевременной выплатой зарплаты». Президент РФ обещал взять «под особый контроль данный вопрос, особенно в сфере угольной промышленности»[3].

Особенно щедр на обещания Б. Ельцин был в Воркуте, которую в мае 1996 г. посетил с официальным визитом. Кроме обещаний здесь были: «ритуальный» спуск в шахту, показательная «порка» министров и т.д. Всё это происходило на фоне новых поступлений финансовых средств, предназначенных на погашение

---

[1] Протокол межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (Москва, 18 апреля 1997 г.) // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска; Цыряпкин А. Подписан странный протокол // Кузбасс.1992. 14 марта; Калитина Д. Владимир Потанин: «Нельзя бежать впереди паровоза…» // Кузбасс. 1996. 11 декабря.

[2] ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 6693. Л. 10.

[3] Шахтерскую зарплату президент намерен взять под особый контроль // Заполярье. 1996. 13 февраля.

зарплаты шахтёрам[1], что вселяло рабочим большую уверенность. Главное – такую информацию быстро подхватывали СМИ (особенно местные), создавая соответствующую атмосферу. В итоге во втором туре президентских выборов за Б. Ельцина отдали голоса 74,4% воркутинцев[2].

Весьма высокие показатели голосования за Б. Ельцина на президентских выборах были и в других углепромышленных территориях. Широкое использование в то время различных технологий, направленных на снижение социальной напряженности, позволило убедить многих рабочих угольной промышленности вновь поверить Б. Ельцину и снизить давление на Правительство РФ[3]. Парадоксально, но в пользу Б. Ельцина на президентских выборах проголосовали жители даже таких депрессивных шахтёрских городов, как, например, Партизанск[4].

Таким образом, Президент и Кабинет министров Российской Федерации умело поддерживали атмосферу политико-экономического единства реформаторов и горняков, сформированную в последние годы советской власти. Это стало важным психологическим фактором, сдерживавшим протестные настроения трудящихся угольной промышленности.

В унисон Б. Ельцину действовали и региональные лидеры, которые обещали «навести порядок» в отрасли, наказать виновных в коррупции, «найти» деньги[5] и т.п. Популярность органам власти добавляли отдельные факты успешной социально-экономической деятельности, укрепления порядка и стабильности. Даже маленький успех широко рекламировался в шахтёрской среде и становился

---

[1] Третьяков А. К итогам визита Б.Н. Ельцина в Воркуту // Заполярье. 1996. 28 мая.

[2] Воркута вновь – за Ельцина. С еще большим отрывом // Заполярье. 1996. 5 июля.

[3] Гвоздева Е.А., Минин М.А. Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах: опыт сравнительного исследования. / Под ред. Т.В. Павловой и С.В. Патрушева. М., 2005. С. 181. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=935 (дата обращения: 27.11.2015 г.)

[4] Жуков И. Выбор сделан // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 5 июля. С. 1.

[5] Постановление расширенного Пленума Приморской территориальной профсоюзной организации работников угольной промышленности «О критической ситуации сложившейся в трудовых коллективах ОАО “Приморскуголь” в связи с 5-ти месячной задержкой выплаты заработной платы трудящимся», г. Артем, 16 марта 1997 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 159. Л. 51.

примером для общего подражания. В популяризации экономической политики Правительства РФ заметную роль играли подконтрольные органам власти СМИ. Газеты и телевидение отмечали появление широких возможностей угледобытчиков, но при этом умалчивались проблемы, мешавшие их реализации. Таким образом, создавалась иллюзия неиспользованных экономических возможностей работниками угольной промышленности.

Важным является и тот факт, что кандидатуру Б. Ельцина на выборах Президента России поддержали все лидеры углепромышленных регионов.

Определённую роль в продвижении популистских идей Кремля сыграли профсоюзные организации. От степени их реализации зависело участие данного отраслевого профсоюза в решении важнейших вопросов угольной промышленности в рамках государственных структур. Это было взаимовыгодной политикой. С одной стороны, федеральное Правительство реализовывало свои задачи направленные на стабилизацию ситуации в отрасли, с другой – шахтёрские профсоюзы повышали свой статус участника переговорного процесса. Поэтому часто профсоюзы, особенно НПГ России, отговаривали горняков от каких-либо активных протестных действий, подчёркивая необоснованность их требований.

Однако летом 1996 г. иллюзия политического диалога между властью и шахтёрами достигла своей кульминации.

В реальности *политический диалог* не являлся приоритетным направлением в противодействии шахтёрскому движению, хотя власть понимала значимость данного инструмента разрешения социально-трудовых конфликтов и отчасти его использовала. Важнейшей особенностью его ведения стало то, что он в основном реализовывался не напрямую с шахтёрами, а через их представительные органы – Советы рабочих комитетов и отраслевые профсоюзы. Высокая степень доверия им со стороны горняков на первом этапе позволяла не только власти, но и администрациям предприятий находить компромиссы, успешно договариваться, откладывать проведение намечаемой акции протеста на более поздний срок.

Таким образом, выигрывалось время, в то же время появлялись другие проблемы, отвлекавшие рабочих от противостояния.

Наиболее надёжным политическим союзником для власти в начале 1990-х гг. являлись Советы рабочих комитетов, которые на определённых условиях обещали предотвращать массовые забастовки[1]. Их высокая популярность в то время среди шахтёров позволяла переориентировать агрессию в плоскость неудач экономической политики хозяйствующих субъектов. Таким образом, снижалась степень политического недовольства, создавалась иллюзия непричастности Кремля к проблемам угольной промышленности.

Стихийность и радикализм многих акций протеста не отвечал интересам профсоюзных организаций, так как негативно отражался на состоянии угольной отрасли, подрывал веру в их возможности, ставил данный институт во второстепенное положение с забастовочными и координационными комитетами и т.д. Шахтёрские профсоюзы всегда были за диалог со всеми организациями, заинтересованными в решении социально-экономических вопросов углепромышленных регионов. Поддержка профсоюзами фактически только экономических требований рабочих свидетельствовало о готовности идти на компромисс со всеми структурами, отвечавшими за развитие угольной промышленности. Это стало особенно заметно после «дикого» закрытия в июне 1994 г. шахты «Черкасовская», проведённое госкомпанией «Росуголь». Данное событие склонило лидеров обоих горняцких профсоюзов к мысли, что лучше принять программу, предусматривающую хоть какое-то возмещение ущерба и смягчение социальных последствий для работников закрываемых шахт. В рамках деятельности Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов началась совместная работа профсоюзов с

[1] Гордон Л.А. Очерки рабочего движения ... С. 75.

Правительством РФ и директорским корпусом по согласованию условий и процедур закрытия шахт и разрезов[1].

Антипротестный потенциал субъектов хозяйственной и общественно-политической жизни в регионах во многом основывался на морально-волевых качествах, авторитете и нестандартных решениях их руководителей. Они не обладали большими политическими возможностями, поэтому ведущую роль отводили обращениям к Президенту, Правительству и депутатам Государственной Думы с просьбой принять действенные меры по решению шахтёрских проблем. Подобные обращения, а также угроза политического хаоса заставляли Кремль прислушиваться к мнению горняков, принимать оперативные меры по решению наиболее острых социально-экономических проблем углепромышленных регионов[2]. Особенно это было заметно в случаях активного использования рабочими экстремальных способов протеста – коллективных голодовок, подземных «забастовок»[3] и др.

Президент и Правительство РФ всё чаще шли на политический компромисс с ними. Примером тому является, хоть в тот момент и фрагментарная, но всё-таки реальная борьба органов прокуратуры с нецелевым использованием средств государственной поддержки[4]. На этом фоне требования шахтёров теряли радикальный и масштабный характер.

Вину за кризис в угольной промышленности российский Президент всё чаще возлагал на региональную власть. Решиться на смену руководителей шахтёрских территорий было непросто, так как Б. Ельцин сам их назначил, и они всегда показывали политическую преданность. Однако в 1997 г. Президент готов был на такие «жертвы» ради общественно-политической стабильности. Такая позиция встречала понимание среди горняков, которые сами неоднократно выступали с

---

[1] Борисов В.А. Забастовки ... С. 188.

[2] Б. Ельцин В.С. Черномырдину, 23 января 1996 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 6695. Л. 54.

[3] Кацва А.М. Массовый протест ... С. 99; Кедров И. Голодовка закончена // Городская газета. 1996. 26 марта; Воспоминания В.Д. Лобова. Стенограмма беседы от 10 августа 2012 г.

[4] Письмо прокурора Приморского края В.В. Василенко территориальному комитету профсоюза АО «Приморскуголь», 14.12.1995 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 163. Л. 32.

требованием отстранения отдельных руководителей регионов, а также городов и посёлков. Ротация кадров была выгодна профсоюзам и партиям, так как позволяла выдвигать собственных людей в органы власти и управления.

Наиболее заметным событием стала смена руководства администрации Кемеровской области, ведущего углепромышленного региона. Символично, что это случилось накануне региональной стачки, намеченной на 11 июля 1997 г., и грозившей перерасти во всероссийскую. Б. Ельцин был вынужден сменить главу областной администрации М. Кислюка на известного и популярного в крае политика – А. Тулеева. По сообщению центральных средств массовой информации, М. Кислюку «помогли» освободиться от губернаторского кресла молодые реформаторы из Правительства – А. Чубайс, Б. Немцов и О. Сысуев, обвинив его в спаде промышленного производства в Кузбассе, в огромной задолженности по зарплате работникам бюджетной сферы и пенсиям старикам[1]. Таким образом, власть дала горнякам ведущего углепромышленного региона сигнал о желании выстраивать взаимовыгодный диалог.

Подавляющая часть общественно-политических организаций Кемеровской области, в первую очередь КПРФ и профсоюзы, положительно отреагировали на смену власти. Они были уверены в том, что А. Тулеев сможет пригасить страсти в мятежном крае, развернуть конструктивную деятельность по решению социально-экономических проблем трудящихся. Надежды кузбассовцев в целом оправдались. Несмотря на сложные отношения между Б. Ельциным и А. Тулеевым на протяжении всего времени, новый губернатор умел проявлять политическую гибкость и вместе с Кремлём решать общие задачи по выводу угольной промышленности из кризисного состояния.

Политический диалог сыграл определенную роль в сдерживании протестного натиска шахтёров. С каждым годом его значение только возрастало. Между тем в течение первого этапа на фоне ухудшения социально-экономического положения

---

[1] Климов В. Конец эпохи Кислюка? // Контакт. 1997. 3 июля.

углепромышленных регионов, его косвенный и ограниченный характер не позволял решить ключевые проблемы шахтёрских городов и посёлков.

Слабым местом политического диалога являлось отсутствие на местах необходимых средств и полномочий для решения конкретных вопросов угольщиков. Поэтому региональные органы власти и управления часто избегали прямых контактов с рабочими[1]. Им приходилось ориентироваться на новые и эффективные методы противостояния шахтёрской борьбе. На первом этапе одним из наиболее результативных способов стала *дезорганизация* протестного движения, которая позволяла нанести превентивный удар по солидарности как внутри шахтёрского сообщества, так и по его взаимоотношению с другими трудящимися и политическими организациями. Такая политика проводилась широко и масштабно, охватывала фактически все слои населения, которые были недовольны своим социальным положением. В то время уход от общественной жизни активно поощрялся Кремлём, который убеждал в необходимости оставить политику «профессионалам»[2].

Используя широкий спектр инструментов, федеральная власть сумела быстро и легко внести раскол в ряды рабочего класса, посеяв недоверие, а в некоторых случаях и вражду. Сначала между угольщиками и работниками других отраслей экономики, затем на уровне смежников, регионов, предприятий, отраслевых профсоюзов, а потом и внутри шахтёрских предприятий[3]. Президент и Правительство РФ во всех бедах обвиняли региональную власть и директорский корпус, постоянно заявляя о выполнении всех своих обязательств перед шахтёрами.

---

[1] Качаев А. Пора идти на рельсы? На вопрос голодного ребенка; «Папа, ты принес деньги?» – шахтеру Партизанска ответить нечего вот уже шестой месяц // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 27 июля. С. 1.

[2] Клеман К. Подъем гражданских протестных движений в закрытой политической системе: потенциальный вызов господствующим властным отношениям? [Электронный ресурс]. URL: http://www.ikd.ru/node/78. (дата обращения: 03.01.2015 г.)

[3] Информация совета ассоциации профорганизаций о проделанной работе после III выборной конференции // НАРК. Ф.Р-1726 Оп. 1. Д. 880. Л. 21; Борисов В.А. Забастовки ... С. 189.

В начале 1990-х гг. подчёркивать иррациональность протестных действий помогали дружественные отношения с рабочими комитетами, НПГ России и правоцентристскими партиями. Они ориентировали требования рабочих в сторону нерадивых директоров шахт и разрезов, призывали к мирным, цивилизованным акциям протеста, доказывали невозможность реализации шахтёрских задач акциями протеста и т.д. Поэтому многие экономические претензии рабочих выглядели не убедительно, и имели конкретно-ориентированный местный характер. В итоге создавалась иллюзия отсутствия системных ошибок. Шахтёры оказывались в замешательстве, что, несомненно, снижало эффективность их борьбы.

В то же время нельзя утверждать о том, что сам Б. Ельцин безоговорочно поддерживал такие новые профсоюзы как, например, НПГ России. Как верно заметил С. Кларк, начиная со второй половины 1992 г. режим Б. Ельцина поставил интересы государства выше собственной политической риторики и начал поддерживать официальные профсоюзы как один из инструментов социальной стабильности. Этот союз был закреплён утверждением в конце 1995 г. пересмотренного законодательства о профессиональных союзах и трудовых отношениях, которое в значительной степени ослабило правовые позиции новых независимых профсоюзов[1].

Хоть и с трудом, но Кремль сумел нейтрализовать такую влиятельную общественно-политическую силу как Федерация независимых профсоюзов России. Если до середины 1990-х гг. эта крупная организация «в принципе была готова к сотрудничеству с шоковыми реформаторами»[2], то после парламентских выборов 1995 г. обозначилась твёрдая готовность лидеров ФНПР сотрудничать с Президентом и Правительством страны. На это указывает отказ компартии со стороны профсоюзных организаций в поддержке «единого кандидата Г.А.

---

[1] Кларк С. Указ. соч. С. 192; Федеральный закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» от 20 октября 1995 года (ст. 4557) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995, 27 ноября. № 48. С. 8525–8534.

[2] Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Указ. соч. С. 74.

Зюганова» в ходе президентской кампании 1996 г. на уровне шахтёрских территорий[1]. После неудачи КПРФ на президентских выборах 1996 г. ФНПР быстро дистанцировалась от коммунистов[2]. Это было наглядно продемонстрировано в ходе осенних (ноябрьских) митингов и забастовок, которые возглавлялись ФНПР и были удержаны в мирных, правовых рамках[3].

В начале рыночных преобразований сложнее уводить от себя шахтёрскую агрессию удавалось директорскому корпусу. В ходе непосредственных встреч с горняками администрации предприятий «продавливали» идею о том, что протестные действия ухудшают собственную конкурентоспособность. Все проблемы они связывали с неумелой топливно-энергетической политикой Правительства РФ. По мере сокращения помощи из центра, а также ослабления шахтёрской солидарности доводы руководства становились всё убедительнее, и рабочие действительно прислушивались к ним. Такая позиция получала весомую поддержку со стороны госкомпании «Росуголь» и многочисленного Росуглепрофа[4].

В противодействии шахтёрской борьбе со стороны органов управления преобладали административные меры дезорганизации акций протеста. Довольно часто ими использовались финансовые манипуляции, позволявшие провоцировать стихийное прекращение забастовок на отдельных шахтах. Тем самым создавались условия для возникновения цепной реакции прекращения стачки по всему региону, а в некоторых случаях и во всероссийском масштабе.

В тех случаях, когда всё-таки удавалось организовать массовые и резонансные акции протеста, органы власти и управления находили всевозможные «хитроумные» способы дезорганизации и ослабления шахтёрского натиска. Наиболее распространённым и вполне эффективным способом

---

[1] Протокол пленума Кемеровского областного комитета КПРФ, от 4 мая 1996 г. // ГАКО. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 25. Л. 50.

[2] Кларк С. Указ. соч. С. 204.

[3] Лопатников Л.И. Указ. соч. С. 221; Кларк С. Указ. соч. С. 204; Букетов К. Указ. соч.

[4] Заявление профсоюзного актива предприятий и организаций АО «Ростовуголь», г. Шахты, 12 августа 1996 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 33. Л. 2.

противодействия стала переориентация вектора рабочего недовольства на других субъектов политической и хозяйственной деятельности. Подчёркивая свою «солидарность» и, переводя агрессию друг на друга, они, по сути, ставили шахтёров в тупиковое положение.

Их позицию во многом разделяла и местная власть. Ведущим способом противостояния протестному движению с её стороны являлась передача требований шахтёров в вышестоящие органы исполнительной власти. Совместными усилиями «находились» деньги, но, как правило, они направлялись инициаторам акции протеста. Это вызывало недовольство и распри, а в конечном итоге било по горняцкой солидарности и снижало протестную активность[1].

В результате в середине 1990-х гг. вектор политического недовольства шахтёров главным образом был направлен в сторону региональной и федеральной власти. Однако бороться с ними в силу дополнительных трудностей (географических, материальных и т.д.) было намного сложнее.

В моменты острых кризисных ситуаций органы власти и управления показывали способность к консолидации усилий, так как протесты создавали проблемы для всех, в том числе и жителей шахтёрских городов и посёлков. Ключевую роль в этом играли Правительство РФ и госкомпания «Росуголь». Их противоборство выглядело ярко, но в действительности оно было условным. Они успешно использовали тактику провоцирования микровзрывов с дальнейшим их погашением. Это приводило к изматыванию сил горняков и их профсоюзов и превращало подготовку и проведение акции протеста во всё более сложное дело[2].

Несмотря на отдельные вспышки солидарности, в общем, шахтёрская борьба на первом этапе так и не приобрела пугающего власть характера. Наоборот, потеря классовой солидарности показала возможность использования при необходимости *морально-психологического давления и силы*. Морально-

---

[1] Борисов В., Бурнышев К. Указ. соч. С. 122; «Правительство «выпустило пар» // Шахтерское слово. 1995. 1 марта.

[2] Борисов В.А. Забастовки ... С. 194–195.

психологическое давление выглядело более предпочтительно, что и определило его широкое использование. Оно осуществлялось на всех уровнях органов власти и управления, представляло собой целый комплекс взаимосвязанных действий – информационный прессинг, шантаж, запугивания, унижения и т.п. Самым безобидным методом давления являлось распространение всевозможных мифов, способствовавших созданию атмосферы восприятия трудностей трансформационного периода как необходимой реальности. Таким, например, был широко распространённый миф о «комплексе неполноценности» шахт.

Органы власти и управления осуществляли нейтрализацию протестной активности как на уровне всего шахтёрского сообщества, так и его лидеров. На первом этапе давление на горняков чаще осуществлялось руководителями среднего звена – гендиректорами компаний и региональными лидерами, что объясняется двумя причинами. С одной стороны, в их адрес ориентировались ключевые требования шахтёров, с другой – их политико-экономические возможности в сфере регулирования рынка угледобычи были ограничены.

Воздействие на протестную активность со стороны руководства угольных компаний была выше там, где обстановка складывалась наиболее драматично. Ярким примером является деятельность двух компаний – «Ростовуголь» и «Гуковуголь», работавшие на территории одного бассейна – Российского Донбасса. Падение угледобычи в «Ростовугле» произошло из-за отсутствия «исчерпывающих мер по сокращению внутренних издержек, проведению организационной перестройки, продолжения надеяться на выделение дотаций от государства». Обратным примером была деятельность компании «Гуковуголь»[1]. Поэтому, как отмечали в то время профсоюзные активисты, «для оказания давления на бастующие коллективы руководство АО “Ростовуголь” использует все средства, вплоть до попыток препятствовать доставке людей на предприятия, и недопущения работников занятых на жизнеобеспечении этих предприятий для

[1] Стенограмма совещания по итогам социально-экономического развития Ростовской области за первое полугодие 1997 года // ГАРО. Ф.Р-4495. Оп. 1. Д. 557. Л. 10.

выполнения своих обязанностей, снятия подписей Госгортехнадзора с планов ликвидации аварий»[1].

Не менее жёстко порой действовали и региональные лидеры. Довольно часто ими использовались весьма убедительные аргументы, которые ставили в тупик недовольных горняков. Представители региональной власти делали такие непримиримые заявления, как например, о намерении произвести закупки угля за пределами своих территориальных границ, в том числе за рубежом[2].

Органы власти и управления вели, как самостоятельно, так и совместно, «профилактическую» работу с шахтёрскими лидерами, среди которых чаще всего встречались руководители профкомов[3]. Их либо увольняли с предприятий, порой незаконно, либо создавали им негативный образ, благодаря чему терялся авторитет «возмутителей спокойствия» и отбивалось какое-либо желание рабочих проявлять протестную инициативу. По мере необходимости к разрешению трудовых конфликтов власть подключала УВД, ФСБ и прокуратуру[4].

Наиболее популярным способом давления на горняков стала пропаганда иррациональности их борьбы. Долгое время Б. Ельцин не был обеспокоен масштабами протестного движения, поэтому его «не продуктивный» характер в основном доказывали руководители углепромышленных территорий и предприятий, в отдельных случаях отраслевые профсоюзы (чаще НПГ России). Так как серьёзные проблемы от борьбы шахтёров имели региональная и местная власти, им пришлось «давить» как непосредственно на рабочих, так и на руководство предприятий. В своих прямых обращениях к директорам шахт и

---

[1] Заявление профсоюзного актива предприятий и организаций АО «Ростовуголь», г. Шахты, 12 августа 1996 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 33. Л. 3.

[2] Павлов В. Подачек на всех не хватает. А скоро и их не будет // Красное Знамя (Владивосток). 1997. 22 июля. С. 1.

[3] Обращение представителей шахтерских коллективов, участников митинга 30 октября 1997 г. к Губернатору Приморского края Наздратенко Е.И. полномочному представителю Президента РФ по Приморскому краю Кондратову В.Е., в судебные органы всех уровней, в средства массовой информации // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 179. Л. 92.

[4] Постановление X-й Ростовской территориальной отчётно-выборной конференции Углепрофсоюза, г. Шахты, 18.10.1995 г. ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 21. Л. 28; Борисов В., Бурнышев К. Указ. соч. С. 118–119; Бизюков П. Управленческие ошибки ... С. 132.

разрезов главы углепромышленных территорий подчёркивали разрушительный характер акций протеста и напоминали о персональной ответственности за их последствия.

Противостоять шахтёрскому недовольству помогали многие средства массовой информации. Часто после начала забастовки на той или иной шахте в газетах появлялись сообщения о том, что в соответствующее угольное объединение поступило письмо (телеграмма, телефонограмма, распоряжение) из «Росугля» о сроках проведения проверок или определения дальнейших перспектив работы данного предприятия[1].

Средства массовой информации не только занимались популяризацией идеи иррациональности акций протеста горняков, но и являлись важным инструментом противостояния их политическим союзникам, прежде всего, КПРФ и другим лево-патриотическим силам. В СМИ часто рядом с материалом, осуждающим какую-либо акцию протеста, присутствовала критика советской системы и КПСС, а также статьи о недалёком антикоммунистическом прошлом шахтёров. Таким образом, насаждалась идея несовместимости радикальных методов борьбы с той властью, которую рабочие не так давно активно поддерживали. Все кто воспринимал это негативно, в глазах не только власти, но и либерально настроенной общественности, становились «реваншистами».

Пик информационного давления приходится на время президентской кампании. Накануне выборов рейтинг Б. Ельцина в шахтёрских территориях был весьма низок. Так в апреле 1996 г. в Кузбассе он составлял 4–5%. Изменить ситуацию в лучшую сторону руководитель «Росугля», а в то время и доверенное лицо Б. Ельцина, Ю. Малышев считал возможным посредством усиления «материальной помощи СМИ, “поддерживающих демократические реформы”»[2].

---

[1] Бизюков П.В., Варшавская Е.Я., Донова И.В., Никишов А.А. Аналитический доклад «Социальные проблемы угольной промышленности Кузбасса в 1995 г.» (рукопись) // Личный архив П.В. Бизюкова.

[2] Информационный отчет о поездке доверенного лица кандидата в Президенты РФ Б.Н. Ельцина генерального директора компании «Росуголь» Ю.Н. Малышева в Кемеровскую область 9–11 апреля 1996 года, 12 апреля 1996 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 6692. Л. 71.

И, если сравнить количество публикаций в кузбасских газетах, ориентированных на Г. Зюганова и Б. Ельцина, в последующие два месяца, то можно с уверенностью утверждать, что они были в пользу последнего, в том числе и в шахтёрских городах и посёлках.

Одной из разновидностей давления на горняков являлось умалчивание их протестных действий, в том числе экстремальных и продолжительных[1]. Такая политика отчётливо проявилась после выборов Президента РФ, когда ситуация в угольной промышленности продолжала ухудшаться, а оправдывать действия Кремля уже было сложно. Поэтому власть всерьёз задумалась об использовании силы в борьбе с недовольными, хотя и в рамках действовавшего законодательства.

Надо признать, что для использования силы со стороны правоохранительных органов почти всегда имелся законный повод. Однако новая власть долгое время стремилась показать свой миролюбивый характер. Тем более сложно было не признать то удручающее положение, в котором весьма быстро оказались рабочие угольной промышленности. Поэтому долгое время всё сводилось к сочувствию.

К использованию силы против незаконных акций протеста серьёзным образом подтолкнули события октября 1993 г. В регионах и на местах органы власти ждали сигнала сверху к более решительным действиям и вскоре его получили. Впервые угроза преследования организаторов незаконных забастовок (в то время все они фактически являлись таковыми) прозвучала из уст российского Президента в конце 1993 г.[2] Политико-правовая уверенность Президента РФ довольно быстро «передалась» вниз. С конца 1993 г. директора, и не только угледобывающих, но и других предприятий стали проявлять растущую готовность использовать против забастовщиков силу закона или прибегать к массовым увольнениям, так как в России законное проведение забастовки, в

---

[1] Протокол Ростовской территориальной конференции Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 25 ноября 1996 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 32. Л. 34.

[2] Соловенко И.С. Протестное движение шахтёров Кузбасса ... С. 150.

особенности из-за неплатежей заработной платы, фактически было невозможно[1].

Однако в реальности использовать силу против вчерашних политических союзников власть не спешила, ограничиваясь угрозами. Показательным для всех примером стало возбуждение уголовного дела против активных участников блокирования Транссибирской магистрали в г. Анжеро-Судженске в конце 1994 г.[2] Между тем, в то время общественное мнение до такой степени было на стороне шахтёров, что органы власти и управления так и не предприняли какое-либо открытое использование силы в отношении лидеров протестного движения. Дело было закрыто, но всем был дан знак о готовности власти к применению жёстких мер. В течение трёх лет шахтёры не использовали «рельсовую войну» как форму протеста.

Активное сопротивление непопулярным реформам в угольной промышленности не помешало власти в крайних случаях использовать и силу. В её пользу был и «опыт» стран постсоветского пространства, например, Украины. Там в 1996 г. после радикальных акций протеста был «предпринят широкий спектр карательных мер»[3].

В России первый такой случай произошёл на шахте «Центральная» в Прокопьевске. Здесь в апреле 1997 г. «бастовавших» под землёй рабочих (в основном женщин) силой подняли на поверхность[4]. Данный случай не получил должного резонанса и придал органам власти и управления дополнительную смелость в использовании силы. Почти сразу же представители правоохранительных органов жёстко пресекли попытку Объединённого городского рабочего комитета Анжеро-Судженска вывести трудящихся на рельсы[5]. Показательным фактом являлось и то, что в последний год

---

[1] Кларк С. Указ. соч. С. 202.

[2] Андреев В.П. От «шокотерапии» к «рельсовой войне» … С. 12; Борисов В., Бизюкова В., Бурнышев К. Горняки на рельсах. Что заставило судженцев перекрыть Транссиб? // На-гора! 1995. № 7–8, февраль. С. 7.

[3] Борисов В.А. Ночное домино ... С. 206.

[4] Борисов В., Бурнышев К. Указ. соч. С. 124–126; Бизюков П. Управленческие ошибки ... С. 132; Воронин Д.В. Протестные выступления в Кузбассе ... С. 96; Угольный Кузбасс ... С. 238.

[5] Борисов В., Бурнышев К. Указ. соч. С. 121.

рассматриваемого этапа заметно увеличилось присутствие милиционеров во время проведения акций протеста горняков[1].

В целом, ключевые контрагенты шахтёров сумели локализовать их политическое недовольство и не допустить драматического сценария развития протестного движения.

Только реальные, позитивные изменения в жизни шахтёров могли остановить рост недовольства, и это все прекрасно понимали. Поэтому одним из направлений противодействия протестному движению шахтёров являлась ***экономическая и социальная деятельность***. Её значение возрастало по мере ухудшения ситуации в угольной промышленности и снижения успехов органов власти и управления в популизме. Однако в рассматриваемое время шахтёрская борьба ослаблялась, в том числе и объективными экономическими и социальными факторами. Во-первых, в начале 1990-х гг. решать жизненно важные вопросы шахтёрских городов и посёлков было легче, благодаря потенциалу, накопленному в советское время. Во-вторых, в первой половине 1990-х горняки были одной из немногих групп наёмных работников, получавших многократное повышение зарплаты, в первую очередь по политическим мотивам[2]. В-третьих, новые рыночные условия внесли серьёзные коррективы в экономическую политику хозяйствующих субъектов и социально-профессиональную мобильность рабочих.

Последнее явилось особо значимым в контексте рассматриваемой проблемы. Изменение модели хозяйственной системы в сторону рыночных отношений способствовало формированию экономической политики, ориентированной не на интересы каких-либо социально-профессиональных групп, а на рентабельность и конкурентоспособность предприятий. Российская экономика в рассматриваемое время стала составной частью мирового хозяйства со всеми вытекающими отсюда положительными и отрицательными последствиями.

---

[1] Бизюков П. Управленческие ошибки ... С. 132.
[2] Чувашова Н.И. Указ. соч. С. 135.

Конъюнктура мирового рынка в те годы оказалась более пригодна для нефтегазового сектора, чего не скажешь об угольной промышленности России. Более динамичное развитие нефти - и газодобывающих компаний предопределило падение важности угледобывающей отрасли и соответственно снижение возможностей экономического давления шахтёров на власть. Всё это вполне вписывалось в представление об эффективной экономике и в принципе не исключало каких-либо перспективных разворотов в сторону угольной промышленности. По сути, новый формат экономических отношений предлагал угледобытчикам «лучше работать», не ограничивая их в богатстве, одновременно повышалась их ответственность за конечный результат. Соответственно, все претензии горняков в адрес органов власти и управления выглядели не убедительно. На вопрос, к примеру, руководителя госкомпании «Росуголь» Ю. Малышева: «Почему Москва должна заниматься вашими проблемами? Вы – акционерное общество», горнякам сложно было определиться с ответом[1].

Потеря прежнего места и роли угольной промышленности в индустриальном секторе страны привело к росту негатива и в социальной динамике шахтёрского сообщества. Многие рабочие стали покидать шахты и разрезы и переходить на материально выгодные производства, а также заниматься предпринимательской деятельностью. Это позволило государству снизить финансовую нагрузку, а также увеличить возможности поддержания социальной сферы шахтёрских городов и посёлков. Рабочие угольной промышленности несли не только количественные, но и качественные потери, снижались их место и роль в социально-профессиональной структуре трудящихся России.

Вместе с тем объективные социально-экономические причины и факторы не решали всего комплекса задач по нейтрализации шахтёрской борьбы. Миллионы жителей углепромышленных городов и посёлков нуждались в быстром и эффективном решении актуальных проблем. Стабильное развитие угольной

[1] Морозов А. Очередное многоточие… // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 8 августа. С. 1.

отрасли напрямую зависело от действий Правительства РФ, руководства предприятий, а также органов местной и региональной власти. Это явилось объективной основой наращивания их совместной деятельности по выходу из кризиса. Тем более находить средства для осуществления прежнего уровня господдержки угольной промышленности было всё сложнее. Между тем, в случаях угроз возникновения масштабных, тем более межотраслевых, акций протеста органы власти и управления оперативно находили деньги для погашения задолженности по зарплате[1].

Преодоление негативных последствий в жизнедеятельности шахтёрских городов и посёлков оказалось очень трудным процессом, так как системные изменения требовали выработки нового механизма решения социально важных вопросов населения. Несмотря на большие трудности, постепенно такой механизм выстраивался. Определённую помощь в этом оказывали отраслевые профсоюзы. Частично снижению напряженности в трудовых коллективах способствовало принятие в 1994 г. коллективно-договорных форм регулирования трудовых отношений[2].

Социально-экономическая деятельность как инструмент противодействия шахтёрским протестам реализовывалась по трём ключевым направлениям. Центральным из них было создание условий для этого на макроэкономическом уровне. Вторым направлением являлся поиск администрациями предприятий и компаний внутренних резервов. Третьим – разносторонняя помощь региональных и местных органов власти. Связующим звеном данных направлений являлось повышение эффективности угледобывающих предприятий и компаний.

Высокая степень централизации угольной промышленности определила ведущую роль Правительства РФ в *создании условий повышения её конкурентоспособности на макроэкономическом уровне*. Рост дефицита

---

[1] Стенографический отчёт II отчётно-выборной конференции Федерации профсоюзов Приморского края от 29 ноября 1995 г. // ГАПК. Ф.Р-1186. Оп. 3. Д. 396. Л. 28.

[2] Протокол № 16 заседания коллегии от 30 сентября 1994 г. // ГАРФ. Ф. 10157. Оп. 1. Д. 554. Л. 58.

госбюджета обусловил скорое предоставление предприятиям угольной промышленности широкой хозяйственной самостоятельности, в том числе и во внешнеэкономической деятельности. Рабочие, как члены акционерных обществ, получили возможность участия в производственно-экономической деятельности шахт и разрезов, на чём они так упорно настаивали во время «перестройки». Их предприятия не ограничивались в доступе к современной технике и технологиям, что позволяло повысить их уровень конкурентоспособности.

В условиях политической и хозяйственной нестабильности широкие экономические свободы оказались неэффективны. Ослабление «контроля сверху» усилило влияние субъективного фактора, поэтому только некоторые из них сумели воспользоваться новыми преимуществами. По мере обострения ситуации в угольной промышленности всё очевиднее становился системный характер её проблем. В памяти руководителей страны ещё были свежи крупномасштабные забастовки 1989 г., поэтому им приходилось корректировать, избранную в 1992 г., стратегию экономического развития государства. Правительству РФ срочно требовалось решить две основные задачи по выводу угольной промышленности из кризиса: провести системные и кардинальные реформы в отрасли, а также обеспечить высвобожденных горняков другой трудовой деятельностью.

Так как процесс реального реформирования шахтёрской отрасли затягивался, в 1993 г. был создан орган для оперативного решения её острых вопросов – Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (МВК). Она имела чрезвычайно широкие полномочия, её решения были обязательны для всех министерств, ведомств и субъектов Федерации. Несмотря на определённый эффект в деятельности МВК, данный орган не обладал ни опытом, ни чёткой программой действий.

Вполне оправданным в данной ситуации стал план реструктуризации угольной промышленности, который был принят в 1994 г. Правительством РФ при содействии экспертов МБРР, английского фонда «Ноу-хау», американской организации «Партнеры по экономической реформе». Главной целью

реструктуризации объявлялся переход на уровень рентабельной угледобычи, а ключевым инструментом её достижения – приватизация шахт и разрезов[1]. Одной из первых и действенных мер осуществления реструктуризации отрасли явилось сокращение избыточной занятости на шахтах и разрезах[2], что способствовало росту рентабельности производства. Сокращение реализовывалось в вполне приемлемом формате, и не затрагивало интересы большей части квалифицированных кадров угледобывающих предприятий.

В первые месяцы реструктуризации не вызывало особых причин для беспокойства шахтёров и ликвидация убыточных предприятий, так как по первоначальному плану их было не много. Тем более были обещаны условия социальной поддержки трудящихся отрасли. Важным являлось и то, что основополагающим принципом реструктуризации объявлялась приватизация шахт и разрезов, как условие повышения рентабельности добычи угля. Новый кредит доверия нейтрализовал протестную активность либерально настроенных горняков, то есть тех, которые уже морально были готовы работать «на хозяина».

Между тем создание эффективного класса собственников затянулось. Даже в конце рассматриваемого этапа их было немного, а удельный вес приватизированных предприятий в общей добыче угля оставался низким. Это вело к дальнейшему спаду угледобычи и разочарованию шахтёров в перспективности рыночной политики, а также росту социально-экономической нагрузки на руководство предприятий. Поэтому в конце 1997 г. от приватизации отдельных предприятий федеральное Правительство перешло к прямой конкурсной продаже угольных компаний[3], что обещало повысить конкурентоспособность отрасли, в том числе и на мировом уровне.

Важным решением Кабинета министров РФ стала ликвидация в то время госкомпании «Росуголь». Таким образом, угольная промышленность страны

---

[1] О ходе работы над программой реструктуризации и реформирования угольной промышленности России, 1993 г. // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1237. Л. 7.

[2] Гордон Л.А. Крутой пласт … С. 71.

[3] День шахтера … С. 68.

лишилась непрозрачной монопольной структуры, совмещавшей функции госуправления с коммерческой деятельностью. Это позволило направить реформу на развитие конкурирующих друг с другом угольных компаний, а также создать условия качественного аудита системы.

В силу многих причин, прежде всего отсутствия необходимой институциональной базы и средств, процесс реструктуризации принял весьма болезненное содержание. Большинство промахов и ошибок пришлось устранять администрациям предприятий посредством *поиска внутренних резервов*. Директорский корпус являлся наиболее близким контрагентом рабочих угольной промышленности, поэтому первые экономические требования ориентировались на него. Там, где руководство справлялось с поставленными задачами, горняки не чувствовали серьёзных потрясений. Наиболее успешно складывалась производственная деятельность на тех предприятиях, где инженерно-технический персонал быстрее осваивал рыночную грамотность и активно выходил на международный уровень сотрудничества, администрация требовательно относилась к дисциплине и порядку, а в случае нарастания кризисных ситуаций не боялась прямых контактов с рабочими.

Наиболее значимыми действиями со стороны администраций шахт и разрезов стали новые подходы к хозяйствованию, кадровые перемены, поиск инвесторов, быстрые решения актуальных социально-экономических проблем рабочих и т.д. Для поддержания уровня жизни рабочих использовались и нестандартные меры – бартер, взаиморасчёты и т.п. Успешная деятельность отдельных предприятий указывала на то, что шахтёрские вопросы можно было решать, то есть многое зависело от субъективного фактора.

Удачные результаты угольной промышленности Кузбасса в 1998 г. складывались уже в первые постсоветское годы. Здесь с 1993 г. началась структурная перестройка и модернизация на таких известных в будущем

предприятиях как шахта «Распадская»[1], компания «Соколовская»[2] и др. Благодаря умелому руководству, шахта «Зенковская», входившая в ОАО «Прокопьевскуголь», за 1993 г. имела прибыль в один млрд. руб.[3] Рост производительности труда имел место на отдельных предприятиях даже в наиболее депрессивных углепромышленных территориях, например, Приморском крае[4]. Такие примеры широко тиражировались правительственными СМИ и способствовали поиску недовольными шахтёрами «хорошего директора». Соответственно, мнения рабочих ещё больше становились разными в вопросе: «Кто виноват в их бедах?».

Немаловажным являлось и то, что рыночные условия заставляли руководство шахт и разрезов по-новому выстраивать взаимоотношения с партнёрами и конкурентами. Завоевание новых отечественных рынков угольной продукции сопровождалось распространением администрацией предприятий атмосферы недоверия среди рабочих разных регионов и подрывом шахтёрской солидарности, в том числе и во всероссийском масштабе.

По инерции советских времён на угледобывающие предприятия легла первоочередная ответственность и за решение социальных вопросов не только собственных работников, но и шахтёрских городов и посёлков. Имелись, хоть и редкие, но показательные факты осуществления социальной поддержки высвобождаемых работников шахт и разрезов. К примеру, на предприятиях ОАО «Кузбассразрезуголь» уже в 1994 г. было создано более 300 новых высокоэффективных рабочих мест. Началось изготовление строительных материалов на базе местного сырья и отходов. Здания и сооружения закрываемых

---

[1] Никитин А.И. Указ. соч.

[2] Угольные горизонты Кузбасса // Киселевская правда. 1998. 27 августа; Илясов С. Кузбасс будет прирастать шахтами компании «Соколовская» // Киселевская правда. 1998. 22 октября.

[3] Письмо В.И. Спицына (председателя трудового коллектива шахты «Зенковская») Президенту РФ Б.Н. Ельцину, Председателю Госкомимущества РФ Чубайсу А.Б., 1 декабря 1993 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5674. Л. 4.

[4] Постановление краевой Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих районов, г. Артем, 11 декабря 1997 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 178. Л. 41; Морозов А. Очередное многоточие… // Красное Знамя (Владивосток). 1996. 8 августа. С. 1.

участков широко использовались для ремонта подвижного железнодорожного состава и локомотивов, для организации станций технического обслуживания, переработки сельскохозяйственного сырья и производства швейных и трикотажных изделий[1].

Сохранять социальную стабильность им помогала, прежде всего, местная власть, которая была в этом заинтересована не меньше, чем руководство предприятий. Рост протестной активности не только горняков, но и других трудящихся шахтёрских городов и посёлков вынуждал органы региональной и местной власти оказывать разностороннюю *помощь предприятиям угольной промышленности*. Наиболее важным в их деятельности можно считать не прекращавшуюся борьбу с попытками быстрого, часто необоснованного и безответственного закрытия шахт. В этом они имели всенародную поддержку, в том числе и на уровне общественно-политических организаций. Постоянные сигналы снизу о нарастании кризисных явлений позволяли продавливать шахтёрские интересы на уровне высших эшелонов власти страны.

Со стороны региональной и местной власти предпринимались конкретные меры поддержания дееспособности шахтёрских предприятий: предоставлялись отсрочки и рассрочки по уплате налогов; составлялись графики поэтапного погашения недоимок; проводилась реструктуризация задолженности в бюджеты на долгосрочный период, давались ссуды и т.д.[2] Благодаря их помощи, решались вопросы погашения задолженности рабочим, изыскивались новые способы социальной защиты трудящихся и их семей, создавались условия по развитию предпринимательства[3] и т.д. В середине 1990-х гг. социальная инфраструктура предприятий полностью перешла в ведение муниципальных властей.

---

[1] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 167.

[2] Хроника трудового подвига ... С. 324; Ильясова Г. Лидеры НПГ в столичных коридорах власти с мыслями о голодовке // Заполярье. 1997. 13 декабря.

[3] Отчёт о деятельности Центра занятости населения г. Артёма за 1994 г. // Архивный отдел администрации Артемовского городского округа. Ф. 110. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.

Появились и новые формы защиты социально-экономических интересов углепромышленных территорий. В 1995 г. десятки шахтёрских городов и посёлков решили объединить усилия по защите общих интересов, что привело к созданию Ассоциации шахтёрских городов (АШГ). Основная цель данной организации заключалась в консолидации и координации работы администраций углепромышленных городов и посёлков, защите социально-экономических интересов их населения. АШГ стала противовесом отраслевым интересам шахтёрских профсоюзов и приватизировавшихся угольных компаний. Во многом благодаря её деятельности удалось наладить поступление средств на социальные программы без дополнительных этапов и посредников, а, следовательно, без риска коррупции[1].

Деятельность АШГ способствовала реализации важных социальных программ на муниципальном уровне и обеспечению социальных гарантий горнякам и членам их семей; содействовала динамичному и рациональному развитию экономики шахтёрских городов и посёлков; участвовала в законотворческой деятельности по решению проблем и защите интересов жителей углепромышленных территорий в Правительстве РФ и Законодательных собраниях с целью принятия соответствующих документов. С деятельностью АШГ напрямую связано увеличение в 1997 г. более чем в полтора раза по сравнению с предыдущим годом количества новых непрофильных для отрасли рабочих мест[2]. Учёт интересов всех слоёв населения того или иного шахтёрского города или посёлка позволял гасить пламя протеста не только горняков, но и работников бюджетной сферы.

Таким образом, ряд объективных и субъективных факторов в экономической и социальной сферах способствовали некоторому купированию шахтёрских проблем. Однако это были тактические успехи. Так и не появились общие

---

[1] День шахтера … С. 44.
[2] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 181.

подходы в решении наиболее важных вопросов угольщиков. На это указывает продолжавшийся рост задолженности по заработной плате.

В целом, меры, направленные на преодоление шахтёрских протестов в 1992–1997 гг., отличались высоким уровнем конфликтности. Приоритетными являлись политические меры противодействия. Отдельные причины и факторы протестного движения довольно успешно гасились экономической и социальной политикой. Всё-таки эффективный механизм решения шахтёрских проблем в конце первого этапа так и не был создан.

2.5 Результаты и значение протестного движения шахтёров России в 1992–1997 гг.

На первом этапе протестное движение шахтёров России было напрямую связано с трансформационными процессами, которые больно ударили по социально-экономическому положению угольщиков. Отсутствие действенного механизма разрешения социально-трудовых конфликтов спровоцировало небывалый рост противостояния между шахтёрами и властью. В новых политико-экономических условиях серьёзным изменениям подверглись стратегия и тактика борьбы. Она приобрела затяжной и изнурительный характер. В течение первого этапа шахтёры прошли путь от разрозненных и малозаметных форм борьбы к широкомасштабным акциям протеста, к которым они пытались привлечь представителей других социально-профессиональных групп.

Итоги протестного движения в 1992–1997 гг. имели содержательное влияние, прежде всего, на самих шахтёров, их мировоззрение и поведение, в том числе и в вопросе отстаивания социально-трудовых прав и интересов. Также заметный след они оставили в политической и социально-экономической жизни России. Для полноты картины необходимо проанализировать два среза последствий протестного движения шахтёров России. Первый – социально-профессиональный, где важное место занимает само протестное поведение. Второй –

общегосударственный, то есть влияние шахтёрской борьбы на политические и социально-экономические процессы в стране.

Первый этап явился самым продолжительным, но в то же время, мало результативным как для самого протестного движения шахтёров, так и его влияния на общественно-политическую жизнь и социально-экономическое развитие. Парадоксальность ситуации состояла в том, что прямых препятствий для выражения недовольства никто не чинил. У рабочих угольной промышленности появились широкие возможности как в проведении многообразных по форме акций протеста, так и в привлечении к своей борьбе различных политических сил. Между тем заметное падение внимания к шахтёрскому движению в сравнении с «перестроечным» периодом показало несостоятельность политических амбиций недавнего «авангарда борьбы рабочего класса». Только в середине 1990-х гг. стала возрастать политическая мощь горняков, расширились их возможности солидарной борьбы. Несмотря на имевшиеся внутренние проблемы, они сумели мобилизовать свои силы, и вновь стать угрозой политическому порядку в стране.

Долгая и трудная мобилизация протестного потенциала шахтёрского сообщества указывает на появление серьёзных деформаций в одной из крупнейших ***социально-профессиональных*** групп страны. Кризисные явления в угольной промышленности объективно стимулировали потерю престижности шахтёрской профессии, высокую текучесть кадров, снижение их уровня квалификации, высокий травматизм и т.д. Главными разочарованиями горняков стала потеря прежней солидарности и общественной поддержки, их неспособность, как прежде, влиять на политические и экономические процессы. Это серьёзным образом изменило их протестное поведение. Оно стало «избирательным» и материально ориентированным, чем не преминули воспользоваться ключевые контрагенты рабочих – отраслевые органы управления и исполнительная власть.

В итоге многие цели и задачи протестного движения шахтёров России так и не были реализованы. Выделим ключевые причины и факторы, которые не позволили этого сделать.

1. Дефицит солидарности внутри шахтёрского сообщества. Новые рыночные условия сделали рабочих конкурентами, причём не только на уровне отдельных предприятий, но и углепромышленных территорий.

2. Наличие двух, противостоящих друг другу, отраслевых профсоюзов. Ни один из них не имел абсолютного влияния на борьбу горняков. Их разные политические ориентации, а также взаимное недоверие не позволили объединить усилия в достижении схожих целей и задач.

3. Противоречивый характер последствий забастовочного движения в годы «перестройки». Серьёзные политические, экономические и социально-культурные потери, ставшие результатом слома советской государственности, оказали деморализующее влияние на многих шахтёров. Они оказались в серьёзном духовно-идеологическом кризисе, что выразилось в низких темпах роста протестной активности.

4. Отсутствие в стране организованной политической силы, которой полностью бы доверяли рабочие угольной промышленности. Ни одна оппозиционная сила не получила необходимой поддержки шахтёрского сообщества. Попытки создания самостоятельной политической организации (в частности, «Шахтёры России») не принесли желаемого результата.

5. Недостаточный уровень общественной поддержки шахтёрской борьбы. Особенно это было заметно по забастовочной активности. Несмотря на то, что стачечная мощь промышленных рабочих в 1996–1997 гг. была в разы выше, чем в 1989–1990 гг., удельный вес участников забастовок от общего числа занятых в данной отрасли составлял в 1996 г. всего 2,2%, а в 1997 г. ещё меньше – 1,2%[1].

[1] Воейков М.И. Рабочее движение … С. 36.

Важнейшим результатом борьбы шахтёров на первом этапе было изменение их вектора протестного поведения. Быстрое разочарование социально-экономической политикой обозначило рост недоверия к либеральным институтам и идеологии. Несмотря на преобладание в то время экономических требований, в реальности быстрее формировалось недовольство политического характера. Между тем рабочие угольной промышленности сожалели о потере прежнего уровня жизни и своего статуса, но не по социалистическому строю. Это сдерживало взаимодействие с лево-патриотическими партиями и организациями, несмотря на общее недовольство внутренней политикой Кремля. Таким образом, шахтёры оказались в политико-идеологическом вакууме, который ориентировал их на самостоятельную и многовекторную борьбу.

Поменялись цели, задачи, формы и методы борьбы шахтёров, а также приоритеты по отношению к политическим союзникам. Новые экономические и политические условия заставили горняков пересмотреть многие стратегические и тактические стороны протестного движения. В отличие от «перестроечного» периода им пришлось в большей мере самостоятельно и с большим трудом отстаивать свои социально-экономические права и интересы. Рабочие угольной промышленности вынуждены были реагировать на правовые лакуны, противоречивые действия органов государственной власти и договариваться как со своими контрагентами, так и солидарными силами.

Таким образом, они оказались в условиях, когда конфликт разрешался не «революционным порывом», а кропотливой работой по достижению приемлемого консенсуса. Это ещё не означало снятия напряжённости в трудовых коллективах, однако являлось примером того, что их вопросы могли решаться. Используя широкий перечень инструментов, органы власти и управления активно добивались формирования в шахтёрском сознании нового формата восприятия и разрешения конфликтных ситуаций. Неспособность горняков реализовать свои требования в прежнем, боевом формате принуждала их идти на уступки. Причём более содержательные, чем в годы «перестройки».

Отсутствие быстрых и эффективных результатов отдельных (порой и масштабных) акций протеста объективно консолидировало шахтёров. В основе объединения протестного потенциала был компромиссный подход не только со стороны самих горняков, но и их политических союзников. Это чётко проявилось в конце рассматриваемого этапа, когда свои усилия стали объединять отраслевые профсоюзы, увеличилось взаимодействие шахтёров с лево-патриотическими организациями, активизировался выход с их участием общественных организаций на международную арену и т.д. Консолидация внутри шахтёрского сообщества, а также усиление взаимодействия с их политическими союзниками и другими трудящимися позволили развернуть более масштабную и эффективную борьбу в ходе последующего этапа.

В то же время затяжная и малопродуктивная борьба стала одной из причин количественных и качественных потерь в шахтёрских рядах. Во-первых, большинство использовавшихся форм протеста, тем более в их крайних проявлениях, наносили дополнительный удар по деятельности хозяйствующих субъектов и угольной промышленности в целом. Усугублялось социально-экономическое положение угледобытчиков, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Во-вторых, высокая демонстрационность многих акций протеста являлась плохой рекламой шахтёрской профессии, что способствовало формированию их рядов по «остаточному» принципу. В-третьих, отсутствие близких к ожиданию результатов от коллективных акций протеста усиливало депривацию рабочих и ориентировало их на индивидуальное использование самых крайних форм отстаивания своих трудовых прав – голодовки и самоубийства.

Активизация протестного движения шахтёров в конце первого этапа стала одним из вариантов возможности сохранения социально-профессионального статуса и влияния на общественно-политические процессы. Однако такая

тенденция наблюдалась только на предприятиях угольной промышленности[1], что лишило горняков возможности массового и мощного давления на власть.

Таким образом, в 1992–1997 гг. рабочие угольной промышленности показывали нежелание достичь консенсуса в том формате, который предлагала власть. Между тем их прежний (советский) протестный потенциал оказался недостаточным для отстаивания даже собственных социально-экономических интересов. Отсутствие чёткого механизма разрешения социально-трудовых конфликтов, а также общепризнанной шахтёрами политической силы способствовало дальнейшему росту протестного движения.

Давление шахтёров на органы управления и власть способствовало, хоть и не большим, но всё-таки заметным результатам на ***общегосударственном уровне***. Их требования в большей мере ориентировались на экономические преобразования и социальную защищённость. Это определило доминирование социально-экономических результатов над политическими.

Протестное движение шахтёров стало важнейшим инструментом *воздействия на социально-экономическую политику* Президента и Правительства РФ в отношении угольной промышленности. Фактически все всплески протестной активности гасились новым этапом преобразований в отрасли, погашением задолженности по зарплате и её ростом, конкретными фактами борьбы с коррупцией. Таким образом, имелась прямая зависимость между протестным движением и реформами в шахтёрской отрасли. Благодаря давлению рабочих, преобразовательная деятельность приобретала цивилизованный вид, в том числе и в социальной сфере шахтёрских городов и посёлков.

На фоне протестного движения шахтёров был принят главный исторический документ реструктуризации – Федеральный закон «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» от 20

---

[1] Темницкий А.Л. Указ. соч. С. 87.

июня 1996 г.[1], в котором были законодательно закреплены социальные, экономические и гражданские права работников угольной промышленности в целом и при ликвидации неперспективных предприятий в частности.

Вместе с тем акции протеста горняков, особенно забастовки, отрицательно сказывались на производственно-экономической деятельности как собственных, так и смежных предприятий. Материальные потери несла угольная промышленность (таблица 8), экономика шахтёрских регионов и всей страны в целом. Страдали не только субъекты хозяйственной деятельности, но и такие же социально незащищённые слои населения.

Таблица 8 – Динамика потери добычи угля из-за забастовок по основным углепромышленным регионам России в 1995–1997 гг.[2]

Основные угледобывающие регионы	Потери добычи угля из-за забастовок, тыс. т		
	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Печорский бассейн	29,8	845,2	1030,9
Донецкий бассейн	162,9	1829,3	114,0
Ленинградсланец	25,7	-	40,5
Кузнецкий бассейн	430,0	2026,9	877,7
Уральские бассейны и месторождения	93,8	183,5	263,8
Бассейны и месторождения Восточной Сибири	8,7	1915,9	60,3
Бассейны и месторождения Дальнего Востока	219,5	581,6	717,9
Прочие	27,9	1044,0	72,9
Всего	**998,3**	**8426,4**	**3178,1**

[1] Федеральный закон № 81-ФЗ от 20 июня 1996 г. «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=10849&req=doc#0 (дата обращения: 19.02.2017 г.).

[2] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих ... С. 32.

Более противоречивы и не чётки были результаты влияния шахтёрской борьбы на *общественно-политическую жизнь*. Идейное противоборство внутри горняцкого сообщества ослабляло возможности действенного давления на власть. Отсутствие чёткой концепции борьбы привело к тактическим успехам и условным уступкам со стороны власти. На первом этапе выделяются три заметных результата. Первый – это определённый вклад протестного движения шахтёров в укрепление позиций лево-патриотических сил. Наиболее ярко это проявилось в формировании партийного состава депутатов Государственной Думы в 1995 г., что не отрицают и либерально ориентированные исследователи[1].

Второй важный результат – это смена руководства Кемеровской области. Замена Б. Кислюка на А. Тулеева позволила стабилизировать социально-политическую ситуацию в ведущем углепромышленном регионе страны, развернуть открытую борьбу с преступностью, коррупцией и т.д.

Третий – это переход к прямым выборам руководителей субъектов федерации, хотя, надо признать, вклад шахтёров в этом не был столь значителен. Руководство субъектов Российской Федерации стало активнее ориентироваться на интересы своих избирателей. Усилилась конкуренция политических сил на региональном уровне, что позволило повысить мобильность и эффективность территориальной элиты.

Итак, первый этап протестного движения шахтёров России не принёс им ожидаемых результатов. В свою очередь органы власти и управления не сумели создать условия по снижению критического уровня социально-экономического и политического напряжения в углепромышленных городах и посёлках. Динамичная политизация борьбы способствовала резкому усилению натиска шахтёров на власть в ходе следующего этапа.

---

[1] Лопатников Л.И. Указ. соч. С. 197.

ГЛАВА 3 ПИК ШАХТЁРСКИХ ПРОТЕСТОВ (ЯНВАРЬ–ИЮЛЬ 1998 г.)

3.1 Радикализация стратегии и тактики борьбы

Второй этап можно с уверенностью назвать пиком протестного движения шахтёров России, так как в то время они добились невиданной ранее солидарности и результативности. Это выразилось в мощных коллективных выступлениях, привлечении наибольшего внимания к своим проблемам со стороны органов власти и управления, максимальной моральной и реальной поддержки населения всей страны и т.д.

В течение января–июля 1998 г. протестное движение горняков развивалось стремительно. Общее осложнение социально-экономической и общественно-политической обстановки в стране, ухудшение положения в угольной отрасли, невыполнение Правительством и Президентом РФ обещаний перед шахтёрами, значительное увеличение объёмов задолженности по зарплате, игнорирование Б. Ельциным политических претензий руководителей субъектов РФ и многое другое способствовало дальнейшей радикализации взглядов, требований, форм и действий во всех углепромышленных регионах страны.

Шахтёрские настроения первых месяцев 1998 г. хорошо представлены в одном из документов, обнаруженных в Государственном архиве Приморского края: «Отчаянье и безысходность достигли пика, и не известно, во что выльется. Шахтёры опасаются, что власти, расстрелявшие Белый Дом, разбомбившие Чечню, могут применить против них ОМОН, поэтому готовятся к физическому сопротивлению»[1]. Подобные слова можно было услышать тогда не только в Приморье, но и фактически во всех углепромышленных территориях страны.

Протестный потенциал рабочих угольной промышленности был направлен в

---

[1] Открытое письмо шахтеров РУ «Павловское», жителей п. Новошахтинский // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 185. Л. 62.

сторону федерального центра. Политические лозунги закономерно стали центральными в общем перечне шахтёрских требований. До марта 1998 г. (отставки В. Черномырдина с поста премьер-министра) главным требованием горняков являлся роспуск Кабинета министров. Правительственный кризис, разразившийся весной того года показал, что смена министров только усугубляет решение злободневных вопросов углепромышленных территорий. Соответственно, для шахтёров Президент Б. Ельцин стал главным виновником их проблем.

В то время не только горняки, но и фактически все социально-профессиональные слои населения демонстрировали недоверие Президенту и Правительству РФ. Целью протестного движения шахтёров в ходе второго этапа стала смена руководства страны. Попытки Кремля спроецировать шахтёрское недовольство на «неумелых директоров» терпели крах. Особенно это было заметно в мае, когда всероссийские «рельсовые войны» морально поддержали некоторые руководители угледобывающих предприятий. В пиковый момент борьбы на страницах воркутинской газеты «Заполярье» отмечалось: «Несмотря на то, что правительство попыталось в очередной раз перевести стрелки непосредственно на руководителей угольных предприятий и даже информировало по всей стране об их махинациях с углем, профсоюзы Воркуты по-прежнему отказываются предъявлять претензии к своим непосредственным работодателям. Они действуют с ними заодно, не желая видеть в них своих классовых врагов»[1]. Наоборот, в то время имелось немало фактов поддержки массовых акций протеста рабочих со стороны руководителей крупных угольных компаний, например, А. Васяновича (генеральный директор ОАО «Приморскуголь»)[2].

На втором этапе рабочие угольной промышленности были вынуждены активнее отстаивать не только свои трудовые права, но и социально-

---

[1] Ильясова Г. Курс на Москву! // Заполярье. 1998. 27 мая.

[2] Протокол № 28 Приморского теркома Росуглепрофа от 14.01.1998 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп.1. Д. 183. Л. 34.

экономические интересы родных и близких. К достижению данной цели подключились почти все оппозиционные общественно-политические силы, в том числе и те, которые в предыдущие годы показывали лояльность Президенту РФ, например, НПГ России и обновлённые рабочие комитеты. Чаще чем в других данное требование звучало в наиболее крупных и организованных углепромышленных регионах – Печорском угольном бассейне и Кузбассе. Отчётливое звучание политических лозунгов усиливало рабочую солидарность шахтёров, инициировало их коллективные выступления. Высокая степень опасности недовольства трудящихся выражалась в увеличении количества радикальных форм протеста, расширении их географии, готовности к сотрудничеству со всеми оппозиционными силами.

Отставка Президента Б. Ельцина, которая позволила бы изменить политический курс в стране, являлась сложно выполнимой целью. Лидеры горняцких профсоюзов, в наибольшей степени координировавшие в то время протестное движение рабочих, пытались её реализовать посредством решения ряда задач. Формально ведущей из них являлось стремление убедить Б. Ельцина подать в отставку. Тесно связанной с ней была задача объединения вокруг шахтёров оппозиционных общественно-политических сил для оказания ещё большего давления на Кремль.

Стремление шахтёров активнее отстаивать свои права и интересы внесло свои коррективы в перечень использовавшихся форм борьбы, главными особенностями которых стали: ужесточение методов протеста; изменение иерархии форм борьбы, в том числе и легального характера; увеличение числа массовых и радикальных форм протеста; появление новых и необычных способов выражения недовольства (например, в Воркуте ежедневно в полдень трехминутным гудком всех предприятий города отмечали «траур по умирающей России»[1]); увеличение количества самоубийств, в том числе среди кадровых

[1] Ильясова Г. Взяли в заложники // Заполярье. 1998. 13 мая.

рабочих[1].

Главным доказательством того, что несмотря на существенное ухудшение социально-экономической обстановки в углепромышленных регионах в ходе второго этапа, шахтёры пытались решить свои жизненно важные вопросы в рамках правового поля свидетельствуют вполне мирные и законные формы и методы борьбы, использовавшиеся в то время. Это прямые обращения к руководителям органов власти и управления, судебные иски, обращения в СМИ, забастовки, митинги, пикеты, демонстрации и т.д.

В течение второго этапа меняется формат использования средств массовой информации. Наряду с привычным сетованием об ухудшении ситуации в угольной промышленности, появляется значительное количество статей «оборонного» характера. Это явилось следствием увеличения критики шахтёрской борьбы со стороны отдельных СМИ, прежде всего, центральных. Рабочие угольной промышленности и те, кто их поддерживал, пытались собственными силами бороться с информационной блокадой и необъективными, на их взгляд, сведениями. Данную борьбу они вели, используя непосредственные обращения к Президенту и Правительству России, а также выражая свою личную позицию об угольной промышленности в печати.

Однако в условиях отсутствия у трудящихся собственных информационных ресурсов их борьба с необъективными сведениями являлась не очень заметной. В совокупности с резким ухудшением социально-экономического положения, ростом задолженности по зарплате и активным закрытием «неперспективных» шахт это стимулировало горняков к использованию радикальных форм протеста (голодовки, подземные «забастовки», «захват заложников», «рельсовые войны» и др.). Все они внесли определённый вклад в достижение поставленных целей и задач, хотя в центре внимания протестного движения шахтёров России в рамках второго этапа являлись такие, как: «рельсовая война» и пикетирование.

---

[1] Филипов Д. Трагедия шахтеров Воркуты // Мир Севера. 1998. № 5–6. С. 26; Хмылко Р. «Не шутите – отвечайте!» // Заполярье. 1998. 4 июля; Никитин А.И. Указ. соч.; День шахтера … С. 85.

Конституция РФ фактически не давала шанса на легальный способ отстранения Президента от власти. По широко тогда распространённому мнению, можно было только *убедить Б. Ельцина подать в отставку*. Соответственно, возросло значение коллективного давления, радикальных требований и форм борьбы. В течение второго этапа для этого имелись вполне благоприятные условия. В стране заметно усилились протестные настроения как в горняцких коллективах, так и среди трудящихся других отраслей экономики и бюджетных организаций. Это, в свою очередь, стимулировало к большей активности профсоюзы, которые боялись потерять контроль над выступлениями рабочих, уступить инициативу лево-патриотическим организациям.

Наиболее заметной было подключение к их борьбе компартии РФ, которая могла организовать и направить массовый протест[1]. Коммунисты наращивали информационную борьбу, развивали в углепромышленных регионах политические связи с оппозиционно настроенными организациями и непосредственно рабочими. В мае на волне шахтёрского недовольства её руководители активизировали борьбу с президентом Б. Ельциным, который в то время был, как никогда, уязвим. В разгар всероссийской акции протеста на рельсах прошёл V внеочередной съезд КПРФ, который согласился с требованиями горняков[2].

Свою солидарность с шахтёрами компартия регулярно проявляла через подконтрольную ей прессу, используя, прежде всего газеты общероссийского уровня («Советская Россия», «Правда» и др.). Коммунисты распространяли свои взгляды и через самодельные листовки, в которых подчёркивалась их близость с обманутым народом. В них звучал призыв бороться за отстранение Б. Ельцина от должности Президента РФ, а также представлялись меры, предпринятые партией

---

[1] Поздняков С.В. Политический протест. Дисс. … канд. полит. наук. Ростов-на-Дону. 2002. С. 139.
[2] Андреева Л. Съезд состоялся // Трудовой Новокузнецк. 1998. 28 мая.

для реализации этого требования[1]. Всё-таки главным средством сближения и влияния коммунистов и других левых организаций являлись их непосредственные выступления на рельсах[2], а также участие в контроле выполнения «рельсовых» протоколов[3].

Однако не везде и далеко не всегда имелась адекватная реакция шахтёров. Так, например, профсоюзные лидеры Инты во время всероссийской «рельсовой войны» демонстративно жгли красные флаги, подчёркивая нежелание сотрудничать с КПРФ[4]. Многие изученные факты подтверждают мнение известного исследователя поведения рабочих в 1990-е гг. С. Климовой: «Ведущая партия левого фланга в массовом сознании не только ассоциировалась с прежними коммунистическими порядками, но и воспринималась как соглашательская по отношению к новому ельцинскому режиму»[5].

Рост стачечной активности трудящихся страны в 1997 г. и увеличение публичных акций протеста создали хорошие предпосылки для усиления взаимодействия горняков и Федерации независимых профсоюзов России. Такой союз был заметен, особенно до всероссийской акции протеста девятого апреля 1998 г. Однако стратегия и тактика борьбы ФНПР и шахтёрских профсоюзов несколько отличалась. Руководство ФНПР акцентировало своё внимание на межотраслевых акциях протеста, которые носили мирный, организованный и не разрушительный для экономики характер. Поддержка протестных действий горняков со стороны Федерации независимых профсоюзов России выражалась в призывах и обращениях к трудовым коллективам, а также российским и международным институтам. Порой они выглядели весьма устрашающе для власти (например, призыв к зарубежным профсоюзам с просьбой блокировать

---

[1] Горбунов В. Шахтёры наступили на горло правительственной песне // Контакт. 1998. 26 мая; Левицкий Я. Коммунисты не виноваты в том, что шахтеры затеяли «рельсовую войну» // Известия Юг. 1998. 30 мая.

[2] Обращение коммунистов Инты к шахтерам, 17 мая 1998 г. // НАРК. Ф.П-3791. Оп. 1. Д. 21. Л. 13.

[3] Протокол № 13 заседания президиума Ростовского обкома КПРФ, г. Ростов-на-Дону, 30 мая 1998 г. // ЦДНИРО. Ф. 3703. Оп. 1. Д. 33. Л. 16–17.

[4] Заявление Оргбюро КПРФ Интинского отделения Компартии Российской Федерации от 19 мая 1998 г. // НАРК. Ф.П-3791. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

[5] Климова С.Г. Профсоюзы в поисках ... С. 237.

поставки угля в Россию[1]), но их реальные результаты были незначительны. Поэтому шахтёрские профсоюзы всё чаще действовали отдельно от ФНПР.

Лидеры НПГ России и Росуглепрофа, особенно на территориальном уровне, старались воспользоваться общественным мнением, которое складывалось не в пользу Кремля. На местном уровне ускорился процесс объединения их усилий с рабочими комитетами[2]. Благодаря совместным действиям удавалось проводить акции протеста в цивилизованном формате и таким образом устранять возможность провокаций в отношении горняков. Даже там, где уровень организации масштабных и радикальных выступлений выглядел незначительно, часто в реальности это был тактический ход, который позволял профсоюзным организациям уйти от ответственности за проведение незаконных акций. Этим можно объяснить факты демонстративного и «добровольного» отказа шахтёрских профсоюзов от участия в «рельсовых войнах»[3].

По их инициативе озвучивались такие важные решения и призывы как, например: участие в коллективных акциях протеста, готовность к политическому союзу с «самыми различными партиями и движениями России», перенос центра протестной борьбы в Москву, «рассмотреть вопрос о взятии власти в городе координационным комитетом, тем самым положить начало восстановлению власти трудового народа по всей России»[4] и т.п.

Неотъемлемым элементом коллективного давления на Б. Ельцина стала радикализация требований рабочих угольной промышленности (как

---

[1] Обращение к профсоюзным организациям и объединениям, трудовым коллективам Российской Федерации, к профсоюзам за рубежом // Профсоюзы и экономика. 1998. № 4. С. 100–104.

[2] Протокол заседания рабочей группы по рассмотрению требований, выдвинутых трудящимися и жителями города Анжеро-Судженска (23.05.98) // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

[3] Уроки шахтёрской стачки, июнь 1998 г. // РГАСПИ. Ф.-662. Оп. 3. Д. 173. Л.117-118 (об); Bergbauproteste im Kuzbass ... S. 13.

[4] Протокол конференции трудовых коллективов угольных предприятий г. Прокопьевска, 19 мая 1998 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 340. Л. 8, 10; Резолюция общего митинга – акции протеста, состоящего на пикетировании железнодорожной магистрали Находка–Хабаровск трудовыми коллективами города Партизанска, 27 января 1998 г. // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 6; Королев Ю. Далеко от Москвы. Акция интинских шахтеров глазами очевидца // Заполярье. 1998. 22 мая; Ильясова Г. Курс на Москву! // Заполярье. 1998. 27 мая и др.

политического, так и экономического порядка). При этом был провозглашён приоритет политических лозунгов. Правы А. Дегтярев и Л. Жигунов в том, что на волне массовой безработицы и небывалого обнищания трудно было надеяться на высокую вовлеченность шахтёров в организации конструктивно-консенсусного типа[1]. Всё это свидетельствовало о намерении шахтёров вести бескомпромиссную борьбу с Президентом РФ.

Палитра шахтёрских требований была очень пёстрой. Наиболее радикальными в мае их лозунгами являлись такие, как досрочная отставка Президента Б. Ельцина, национализация угольной промышленности, «учреждение Сибирской республики во главе с генералом Александром Лебедем», «экономическая блокада Москвы непосредственно на её подступах, перенос столицы России в Новосибирск или Красноярск, обращение за поддержкой к войскам…»[2] и т.п.

Вполне закономерно, что на втором этапе стали популярными такие требования как: национализация угольной промышленности и создание единого органа управления отраслью. О необходимости национализации угольной промышленности рабочие заговорили в 1997 г., но одним из центральных данный лозунг стал только в 1998 г. Это явилось переломным моментом в стратегии шахтёрских требований. Если накануне рыночных реформ шахтёры выступали за хозяйственную самостоятельность, рыночные отношения и т.д., то весной 1998 г. многие из них уже требовали «прекратить распродажу рентабельной государственной собственности», «заботы и поддержки со стороны органов власти»[3] и т.п.

---

[1] Дегтярев А., Жигунов Л. Указ. соч. С. 9–15.

[2] Попок В. Стояние на Транссибе // Кузбасс. 1998. 21 мая; Хлопотов В. Прокопьевские шахтёры разрезали страну пополам // Кузнецкий край. 1998. 21 мая.

[3] Резолюция общегородского митинга представителей трудовых коллективов г. Междуреченска, проведенного в рамках Всероссийской акции против политики Президента РФ и исполнительной власти (9 апреля 1998 г.) // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Междуреченска.

Есть мнение авторитетных исследователей о том, что «в середине 1998 г. шёл процесс окончательного освобождения шахтёров от либеральных взглядов, проявившийся в требовании национализации угольной промышленности»[1]. Однако такую позицию нельзя считать бесспорной. Даже в некоторых странах Западной Европы в то время национализация рассматривалась как один из вариантов сохранения конкурентоспособности угольной промышленности на внутреннем и внешнем рынках. Она считалась вполне вероятным и достаточно эффективным направлением решения социальных проблем шахтёрских территорий[2]. По мнению российских горняков, активное государственное вмешательство в хозяйственную жизнь могло стать инструментом контроля экономической деятельности недобросовестных руководителей предприятий и организаций, а не возвратом к плановой модели экономики.

Важной причиной такого взгляда явилось то, что к 1998 г. сложилась патовая ситуация в угольной промышленности. С одной стороны, воровство, бесхозяйственность и обнищание горняков подрывали веру в успех рыночных преобразований; с другой – существование этих и других негативных явлений в угольной отрасли России являлось следствием медленных темпов осуществления приватизации государственных шахт и разрезов, нечестной конкуренции, слабой инвестиционной привлекательности отрасли и т.д. Соответственно участники массовых акций протеста требовали «реформ с человеческим лицом». Кроме, как к государству, которое начало реформирование экономики в 1992 г. и являлось совладельцем большей части предприятий, обращаться было не к кому. Национализация отрасли позволяла решить другое важное требование угледобытчиков – создание общероссийского органа отраслевого управления.

По мнению многих шахтёров и других представителей оппозиционно настроенной части населения страны, неэффективность социально-экономического курса Кремля являлась следствием перекоса полномочий в

---

[1] Жигунов Л.Э. Указ. соч. С. 145.
[2] Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах ... С. 45.

сторону органов исполнительной власти. Поэтому они пытались мирным, законным, цивилизованным путем добиться отставки Президента, внесения изменений в Конституцию РФ с целью перераспределения властных полномочий, а также усиления контролирующих функций представительных органов власти. Рабочие надеялись на то, что комплексная и полноценная деятельность в данном направлении создаст условия по выводу страны из кризиса, позволит обеспечить достойную жизнь большинству россиян.

Наряду с политическими требованиями продолжали выдвигаться и социально-экономические, причём их количество стабильно увеличивалось. Общеотраслевые и региональные требования быстро дополнялись местными и шахтовыми. Перечень социально-экономических претензий к власти выглядел весьма широко – это прекращение закрытия шахт, погашение задолженности за уголь потребителями, понижение тарифов на железнодорожные перевозки, проведение аудиторской проверки хозяйственной деятельности предприятий, снижение уровня квартплаты и др.

Как никогда ранее, в начале 1998 г. звучало требование погашения шахтёрским семьям задолженности по социальным выплатам, которые достигли грандиозных размеров. К примеру, деньги по детским пособиям задерживались с первого октября 1995 г.[1]

Всё-таки ключевым из всех социально-экономических лозунгов горняков во время второго этапа являлось требование возврата долгов по заработной плате.

Почти все заявленные требования были обращены к Президенту РФ. В этой связи шахтёры прилагали всевозможные усилия, чтобы они были услышаны и поддержаны, стали ведущим катализатором давления на Б. Ельцина со всех сторон (трудящихся и пенсионеров, оппозиционных политических сил, международных организаций). В этом им хорошо помогали такие

[1] Решение собрания трудового коллектива ОАО «ШУ Тавричанское», пос. Тавричанка, 09 января 1998 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп.1. Д. 185. Л. 11.

демонстрационные формы протеста как «рельсовые войны» и пикет у Дома Правительства РФ.

Убедить Б. Ельцина подать в отставку было легче, решив задачу *объединения вокруг шахтёров оппозиционных общественно-политических сил*. К этому времени большинство рабочих угольной промышленности понимало, что они уже не та мощная сила, которая участвовала в успешном сломе советской системы. В новых исторических реалиях им нужна была опора на другие социально-профессиональные слои и группы, которые в свою очередь ориентировались на организации, представлявшие их в политической системе страны. Такая задача была не менее проблемной, чем предыдущая, так как оппозиция представляла собой конгломерат многочисленных и порой бескомпромиссных политических партий, движений и организаций. Однако без её решения горнякам трудно было надеяться на успех протестных действий.

Ситуацию осложняло отсутствие у шахтёров общей позиции по вопросу выбора силы, способной довести протест до логического конца. Нежелание лидеров отраслевых профсоюзов попасть под влияние лево-патриотических организаций в реальности подчас оставляло рядовых рабочих один на один в их борьбе с политикой Кремля, порождало стихийный и непредсказуемый характер их поведения.

Факты реальной солидарности становились налицо только тогда, когда отраслевые профсоюзы занимали принципиальную позицию, показывали решительность и т.п. Сплочённость трудовых коллективов рабочих угольной промышленности и других трудящихся наиболее ярко проявилась во время жёсткого противостояния на рельсах. Огромную роль в этом сыграли теркомы Росуглепрофа, которые на протяжении всего 1998 г. вели тесное сотрудничество с

профсоюзными комитетами нешахтёрских предприятий в вопросе проведения коллективных действий[1].

Кроме того, использование шахтёрами железнодорожных блокад позволяло эффективно решать такие актуальные в то время задачи протестного движения, как: повышение демонстрационности акций протеста, сведение к минимуму экономических потерь для всех предприятий собственного города или посёлка, возможность использования таких «смежных» форм протеста, как пикеты и митинги и др. Как и другие транспортные блокады, в то время они, по меткому выражению Б. Ракитского, действительно стали «политической борьбой на баррикадах»[2].

Традиционные методы борьбы за свои права (забастовки, митинги, голодовки и т.д.) считались малоэффективными. Поэтому акции протеста в виде перекрытия железной магистрали признавались «единственно верным решением». Профкомы заранее составляли списки сотрудников, готовых принять участие в акции протеста и изучали опыт перекрытия железной дороги другими рабочими (просматривали видеофильмы и т.п.)[3], то есть вели целенаправленную подготовительную и организационную работу.

Вместе с тем, многие «рельсовые войны» порой разворачивались неожиданно для всех, в том числе и для рабочих угольной промышленности. Шахтёры Инты, блокировавшие Северную железную дорогу в начале мая, в первые дни протеста требовали только «экстренных мер по выплатам зарплаты»[4], политические лозунги отсутствовали. Прежде чем пикетчики стали выдвигать жёсткие политические лозунги, они расширяли требования экономического характера. К требованию погашения долгов по зарплате и пенсиям бастующие на

---

[1] Протокол № 27 заседания президиума Приморского теркома углепрофсоюза, 6 января 1998 г., г. Артем // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп.1. Д. 183. Л. 7–8; Там же. Л. 71.

[2] Трудовая демократия. Выпуск 25. Ракитский Б.В. Самозащита трудящихся в обществе. М. 1999. С. 31.

[3] Решение собрания трудового коллектива ш/у им. Артема от 5.01.98 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп.1. Д. 185. Л. 1; Протокол № 27 заседания президиума Приморского теркома углепрофсоюза, 6 января 1998 г., г. Артем // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 183. Л. 7–8.

[4] Обращение к Президенту России Ельцину Борису Николаевичу // Искра. 1998. 14 мая.

рельсах довольно-таки быстро прибавили (помимо политических) такие социально-экономические претензии, как: увеличение капиталовложений в угледобывающую промышленность, выделение средств на конверсию производства, выполнение Правительством РФ обязательств по социальной защите населения и др. Требования горняков часто дополнялись социально-экономическими претензиями других категорий трудящихся и пенсионеров, что показывало их сплочённость.

Решительная позиция горняков подпитывалась такими серьёзными факторами, как широкая общественная поддержка политических требований, высокий уровень нестабильности в стране, растерянность Кремля и серьёзные уступки Правительства РФ во время переговорного процесса с пикетчиками, попытка фракции КПРФ в Государственной Думе инициировать импичмент Президента, зарубежная поддержка политических требований горняков, скрытая (а где то и открытая) лояльность отраслевого руководства, активизация действий лево-патриотических организаций[1] и др.

В первой половине мая радикальными требованиями («Деньги или голодная смерть!») выделялись голодавшие горняки Инты[2], чьи действия стали одним из факторов, породивших вскоре блокаду Северной железной дороги. Но в дни развернувшейся в стране «рельсовой войны» центром драматических событий стал Кузбасс. Здесь находилась Транссибирская магистраль – дорога стратегической важности для всей страны. Не только шахтёры, но и трудящиеся других отраслей и бюджетных организаций края имели хороший опыт использования «рельсовых войн». В течение рассматриваемого этапа широкое воздействие на протестную позицию трудящихся Кемеровской области оказывали представители лево-патриотических организаций, особенно КПРФ. Это было

---

[1] Начальник Владивостокского отделения ДВ жд В.Т. Тарабаров Генеральному директору ОАО «Приморскуголь» Васяновичу А.М., 15.01.98 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 185. Л. 19; Демкин Д. Приморские шахтеры готовят социальный взрыв // Коммерсантъ daily (Москва). 1998. 28 января. С. 3; Маурин В. Москва обещания не выполняет, штаб снова стягивает рабочих к Транссибу // Кузбасс. 1998. 27 июня.

[2] Песцов А. Жены разделили участь горняков // Красное знамя (Сыктывкар). 1998. 13 мая. Герасименко В. 13 мая в Инте был день активных действий // Красное знамя (Сыктывкар). 1998. 14 мая. С. 1 и др.

связано с высоким удельным весом рабочих в структуре населения, а также избранием губернатором А. Тулеева, политика идейно близкого к коммунистам. В отличие от интинцев, которые в «мягкой» форме блокировали Северную железную дорогу, в Кемеровской области пикетчики не соглашались пропускать даже вагоны с опасными грузами, представлявшими реальную угрозу для жизни населения региона[1].

Вместе с тем, анализ изученных источников и литературы показал, что даже в «горячих точках» страны выступления горняков носили неоднородный характер. В основном на рельсах «стояли» работники шахт, имевшие длительный срок эксплуатации, которые являлись неперспективными, и по плану реструктуризации им грозила ликвидация[2]. Горняки стабильно функционировавших шахт и разрезов ограничились моральной поддержкой своих коллег, только немногие из них приняли непосредственное участие в «рельсовых войнах». Это сдерживало подключение к шахтёрской борьбе оппозиционных общественно-политических сил.

Между тем, как было замечено выше, таких шахт на самом деле имелось немного. Этим объясняется высокая степень участия шахтёров крупнейших углепромышленных регионов страны в «рельсовых» блокадах. Любопытным фактом является и то, что в мае на рельсах бастовали шахтеры акционерных обществ, имевшие контрольный пакет акций[3]. Думается, причины их участия состояли не только в солидарности, но и в намерении на волне правительственных уступок получить дополнительные средства из госбюджета. Во время второго этапа «рельсовых войн» в Кузбассе, когда Правительство РФ вело себя более уверенно и жёстко, таких фактов поведения шахтёров акционерных обществ зафиксировано не было.

---

[1] Небогатова Т. Железная дорога после окончания «рельсовой войны» // Кузбасс. 1998. 30 мая.

[2] Поздняков Г.С. История города Анжеро-Судженска. Анжеро-Судженск. 2003. С. 167; Фомина Н. В одном шаге от рельсов // Шахтерская правда. 1998. 20 мая.

[3] Ткаченко Г. Новосибирское эхо кузбасской рельсовой войны // Наша газета. 1998. 4 июня.

Постепенно требования протестующих становились такими обширными, что оказались невыполнимы[1]. В силу слабой организованности акций протеста рабочим угольной отрасли было сложно разделить эти требования на приоритеты и прагматические соображения, но они ожидали выполнения всех пунктов. При этом даже частичное невыполнение вело к разочарованиям и, в итоге к ещё более радикальным требованиям[2].

В мае многие шахтёры морально готовы были встать под знамёна КПРФ. Против такого сближения по-прежнему выступали профсоюзные лидеры. Между тем конкретная программа действий и требований у протестующих на рельсах отсутствовала, выступления шахтёров изначально имели нескоординированный, хаотичный характер. В основе такого явления было то, что партийным организациям рабочие не доверяли, профсоюзные организации боялись взять на себя эту задачу[3].

Во время переговорного процесса с правительственной комиссией в мае 1998 г., воспользовавшись слабостью федерального центра, горняки выдвинули широкий спектр социально-экономических требований регионального и местного характера, в том числе тех угледобывающих предприятий и организаций, которые не участвовали в «рельсовых войнах»[4]. Экономические требования пикетчиков, в первую очередь по созданию новых рабочих мест, активно поддерживали отраслевые профсоюзы, региональные лидеры, а также руководители крупнейших шахт и разрезов. Таким образом, создавалась атмосфера народного единства.

Блокады железнодорожных магистралей, несомненно, были самой демонстрационной и результативной формой борьбы шахтёров. Однако эйфория

---

[1] Мельников А. Пришла весна. В Инту полетели начальники. Косяком // Искра. 1998. 27 мая.

[2] Bergbauproteste im Kuzbass ... S. 8.

[3] Постановление пленума Кемеровского обкома КПРФ «О политической и социально-экономической ситуации в России, Кузбассе и задачах партийной организации», г. Кемерово, 30 мая 1998 г. // ГАКО. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 75. Л. 26.

[4] Протокол Рассмотрения предложений по решению проблем шахт ОАО УК «Беловоуголь» (24.05.98 г.) // Личный архив А.В. Ярощука; Протокол Соглашения по вопросам бюджетной сферы между правительственной комиссией Российской Федерации, Администрацией и координационным советом г. Белово (24.05.98 г.) // Личный архив А.В. Ярощука.

от мощного давления на власть посредством всероссийской «рельсовой войны» в мае была недолгой. С первых дней совместного противостояния были заметны различные подходы шахтёров по многим вопросам поведения на рельсах: пропускной режим, отгрузка угля потребителям, содержание требований и др. Серьёзный материальный ущерб, который испытывали углепромышленные регионы во время «рельсовых войн», отсутствие должной солидарности даже среди горняков, рост недовольства трудящихся, чьи предприятия и организации оказались заложниками «рельсовых войн» и другие факторы изменили отношение к данной форме протеста в пользу её отрицания.

В реальности перекрытие железных дорог было для протестующих средством установить диалог с властью. По справедливому мнению С. Поцелуева, это вполне соответствовало общему конструктивному смыслу социальной драмы, которая в конечном счете была призвана не разрывать социальную коммуникацию между «верхами» и «низами», а «штопать» её дыры с использованием энергии социальных конфликтов[1]. В условиях огромной, неравномерно развитой экономики и транспортной системы «поднять» страну на протест посредством блокад железнодорожных путей явилось непосильной задачей. Не сумели участники «рельсовых войн» в полной мере воспользоваться потенциалом лево-патриотических организаций, которые были готовы к более тесному сотрудничеству.

Б. Ельцин, используя широкий спектр финансовых и политических мер, сумел быстро купировать недовольство трудящихся и сохранить пост Президента. Надежды горняков на собственные силы не оправдались. Оппозиционные общественно-политические партии и организации, в общем, ограничились моральной поддержкой. Соответственно, шахтёрам пришлось отказаться от радикальных взглядов и смягчить свои политические претензии к Кремлю.

---

[1] Поцелуев С.П. Указ. соч. С. 87.

Неспособность достичь отставки Президента Б. Ельцина ориентировала отраслевые профсоюзы на ещё большую *концентрацию внимания Правительства РФ в деле кардинального решения проблем угольной промышленности*, что можно считать переломным моментом в стратегии и тактике протестного движения.

Среди тех, кто был за противодействие непопулярным реформам, не было единодушия по многим вопросам стратегии и тактики борьбы. Умеренно настроенная часть шахтёрского сообщества по-прежнему была убеждена в бесперспективности политического противостояния с Президентом РФ и отказывалась от крайних методов борьбы. Этой позиции придерживались, прежде всего, рабочие передовых шахт и разрезов, которые отказывались от участия как в самостоятельных, так и коллективных забастовках. Они почувствовали, хоть и не значительные, но всё-таки положительные результаты реформ. Преобразования в других отраслях народного хозяйства, как это было в конце советской эпохи, рабочих угольной промышленности уже почти не интересовали. Они приняли рыночные реформы и не хотели рисковать стабильностью.

Так как проблемы с выплатой зарплаты имелись фактически везде, горняки сравнительно благополучных шахт и разрезов также прибегали к акциям протеста. Однако ими использовались такие формы и методы борьбы, которые не наносили урон собственным и смежным предприятиям, например, пикеты, демонстрации, митинги и т.п. Главной задачей их участия в акциях протеста являлся поиск диалога с Правительством России. Данную задачу, в общем, поддерживали профсоюзы, в том числе и отраслевые. Заметным образом в течение второго этапа такую позицию усиливал Росуглепроф.

Важнейшим направлением умеренно настроенной части шахтёров являлось *изменение Правительством РФ курса реструктуризации отрасли в сторону усиления социальной защиты*. Данная цель не противоречила интересам радикально настроенной части горняков, которые, в сущности, готовы были идти на уступки Кремлю в случае позитивных перемен в социально-экономической сфере углепромышленных территорий. Реальные и эффективные преобразования,

по мнению не только рабочих, но и менеджмента шахтёрских предприятий, могли решить весь комплекс отраслевых проблем, а также вопросы жизнедеятельности городов и посёлков. Отсутствие среди рабочих всеохватывающей реальной политической солидарности во время всероссийских «рельсовых войн» в мае 1998 г., а также ужесточение конкурентной борьбы между угледобывающими предприятиями и компаниями актуализировали эту цель в конце второго этапа.

Социально-экономические претензии, причём как в открытой, так и скрытой формах, поддерживала региональная власть. Руководители углепромышленных территорий стремились снизить общественно-политическую напряжённость, предлагая реализацию таких важных для шахтёров мер, как: передача пакетов акций угольных предприятий из федеральной в собственность субъектов РФ, проведение регионального лицензирования шахт и разрезов, ревизию всех экспортёров угля, введение льготного тарифа на его перевозку и т.п.[1] Правительство России реагировало на предложения подобного рода вполне адекватно, считая их более приемлемыми, чем обсуждение с протестующими рабочими политических претензий.

Полностью выполнить взятые на себя обязательства Кремлю было опасно, так как создавался прецедент, который мог спровоцировать более массовые выступления шахтёров и представителей других социально-профессиональных групп. Поэтому федеральный центр распределял помощь регионам в соответствии со степенью протестной активности. Там, где она была больше, например, в Печорском угольном бассейне, уровень выполнения обещаний Правительства РФ являлся выше.

Федеральная власть оказалась неспособной выполнить даже те требования «рельсовых» протоколов, которые были ей вполне по силам. Это заставило горняков вновь усилить давление на Президента Б. Ельцина. В июне встал вопрос о выборе законной, но в то же время эффективной формы протеста. НПГ России,

---

[1] Гусев С. Тулеев: «У меня совесть чиста и перед Правительством и перед Богом» // Кузнецкий край. 1998. 26 мая.

который стал показывать наибольшую оппозиционность власти, остановился на необходимости пикетирования Дома Правительства РФ. Выбор данной формы борьбы можно объяснить следующими причинами: предыдущий опыт использования пикетов в Москве, который имел определённые положительные результаты; активное использование пикетов рабочими других отраслей экономики[1]; весьма демонстрационный характер проведения. Даже популярные в то время «рельсовые войны», как правило, начинались и заканчивались пикетами. В их проведение включались представители всех социально-профессиональных групп. Пикетирование стало, пожалуй, единственной реальной альтернативой другим, как правило, незаконным формам протеста, что постоянно подчёркивали руководители акций протеста[2].

Поэтому в июне 1998 г. Независимый профсоюз горняков России организовал общероссийский пикет перед Домом Правительства РФ, где главными требованиями являлись те же лозунги, что присутствовали в мае на рельсах – добровольная отставка Президента РФ, как не обеспечивающего соблюдение конституционных прав граждан России, в частности: на своевременное получение заработной платы, полное погашение задолженности по заработной плате и необходимое финансирование социальных программ[3].

В литературе данная акция протеста часто называется как пикет на «Горбатом мосту». В нём приняли участие «самые выдержанные и сознательные шахтёры»[4] различных углепромышленных территорий, а также трудящиеся Москвы и других субъектов РФ. Председателем «Всероссийского стачечного комитета на Горбатом мосту» был избран руководитель НПГ Воркуты В.

---

[1] Трудовая демократия. Выпуск 25. Ракитский Б.В. Самозащита трудящихся в обществе. М. 1999. С. 30.

[2] Россияне! Товарищи! 21.06.98 // Текущий архив Независимого профсоюза горняков России.

[3] Обращение к гражданам России представителей шахтерских коллективов Печорского, Ростовского Кузнецкого, Тульского угольных бассейнов, пикетирующих здание Правительства РФ. 14 июня 1998 г. (г. Москва) // Текущий архив Независимого профсоюза горняков России.

[4] Ильясова Г. На этом празднике шахтеры будут у правительства как бельмо на глазу // Заполярье. 1998. 3 июня.

Семенов[1]. Данный пикет получил широкую поддержку среди региональных и политических лидеров, так как не нёс того разрушительного заряда, что имелся в ходе использования «рельсовых войн»[2]. Масштабный пикет инициировал новые массовые акции протеста работников других отраслей и организаций.

Несмотря на определённый успех, организаторы масштабной акции протеста всё-таки не получили того общественно-политического резонанса, на который изначально рассчитывали. В первую очередь по причине собственной неопределённости. Мнения горняков и руководителей НПГ России по поводу лозунгов в пикете перед Домом Правительства РФ являлись неоднородными. Рядовые шахтёры выступали за использование более радикальных требований[3]. Идейный раскол пикетчиков поддерживался с их стороны настороженным и дифференцированным отношением как к общественно-политическим партиям и движениям, так и рядовым гражданам. Такое отношение производило обратный эффект. Контакт с ведущими профсоюзными организациями страны столь необходимый для массового давления на власть имел весьма ограниченный характер[4].

В совокупности с низкой результативностью масштабов акции протеста это стало причиной «корректировки» требований пикетчиков. Через 10 дней после начала акции (21 июня) их претензии сконцентрировались на досрочных выборах Президента и изменении Конституции РФ[5]. Понимая низкую степень самостоятельного протеста и отсутствие необходимой классовой поддержки, руководитель НПГ России А. Сергеев заявил о том, что «шахтёры готовы стать объединяющим центром всех политических оттенков»[6]. Организационная работа была не только продолжена, но и усилена.

---

[1] Ильясова Г. В. Семенов: – Остались только «профессиональные революционеры» // Заполярье. 1998. 14 октября.

[2] Плешакова О. Проводили. Готовы встретить // Заполярье. 1998. 7 июля.

[3] Воронин Д.В., Воронина Н.В. Указ. соч. С. 68; Лень П.М. Указ. соч. С. 211–212.

[4] Лень П.М. Указ. соч. С. 125–126, 232.

[5] Россияне! Товарищи!. 21.06.98 // Текущий архив Независимого профсоюза горняков России.

[6] Лень П.М. Указ. соч. С. 28.

Важнейшее событие за всю историю шахтёрского пикета произошло третьего июля. В Москве по инициативе НПГ России состоялось первое организационное заседание Координационного совета солидарности с требованиями шахтёров. Он был создан для того, чтобы координировать действия профсоюзов, общественных объединений и организаций, политических формирований, депутатов различных органов представительной власти, поддерживавших инициативы НПГ России по защите гражданских, политических, экономических, трудовых и социальных интересов российских работников и их семей[1].

О серьёзных намерениях НПГ России говорит и тот факт, что его председатель А. Сергеев в начале июле заявил о выходе из Президентского совета[2]. В тот момент развернулась новая «рельсовая война» в Кузбассе. Можно предположить, что в условиях нового натиска шахтёров, причём одновременно в столице и регионах, появилась политическая фигура, которая претендовала на роль всероссийского лидера шахтёрской борьбы. Однако категорически против такого варианта развития событий было руководство Росуглепрофа. Не поддержали пикет и коммунисты, которые предлагали сконцентрировать общие усилия осенью[3]. Поэтому московский пикет стал «задыхаться».

«Стояние на Горбатом мосту» было продолжено в дальнейшем, в том числе и в хронологических рамках третьего этапа. Однако у пикетирующих шахтёров не было чёткого представления о том, что будет потом[4]. В июле 1998 г. для многих из них была очевидна меньшая эффективность подобной формы протеста в сравнении с блокадами железнодорожных магистралей, которые развернулись в ведущем углепромышленном регионе страны. Между тем, покинуть пикет безрезультатно было равносильно поражению.

---

[1] Хмылко Р. Различные силы объединяются в поддержку требований шахтеров // Заполярье. 1998. 7 июля.

[2] Хмылко Р. Лидер НПГ России Александр Сергеев вышел из Президентского совета // Заполярье. 1998. 7 июля.

[3] Лень П.М. Указ. соч. С. 67.

[4] Там же. С. 32; Максимов Б.И. Рабочие как объект и субъект … С. 26.

В середине июля центром протестного движения шахтёров России вновь стал Кузбасс. Проведённое исследование опровергает мнение А. Кацвы о том, что главная причина вновь вспыхнувшей «войны на рельсах» являлось невыполнение политического требования шахтёров – не был отправлен в отставку Президент Б. Ельцин[1]. Действительно, третьего июля шахтёры вышли на рельсы с требованием отставки российского Президента[2]. Штаб координации городов Кузбасса принял обращение к россиянам, в котором призвал к «свержению антинародного режима» с помощью «всеобщей политической стачки» и «массовой согласованной акции гражданского неповиновения»[3]. Эти обращения стали главными лозунгами нового этапа борьбы. Но многие документы свидетельствуют о том, что главной причиной нового перекрытия важной транспортной артерии являлось невыполнение условий «Сводного протокола рассмотрения Правительственной комиссией социально-экономического положения в Кемеровской области и состояния дел в угольной отрасли региона», подписанного между пикетчиками и правительственной комиссией 25 мая 1998 г., где не было политических требований. На эту причину указывали как руководители области, так и представители координационных советов Кузбасса[4].

В начале июля 1998 г. политические требования кузбасских горняков приобрели «первостепенное значение»[5]. В июле на рельсах Транссибирской магистрали часто фигурировали такие лозунги, как: «Национализация угольной промышленности!», «Сменить курс реформ!», «Ельцина за геноцид – судить», «За нищее детство – Ельцина к ответу»[6] и т.п. Фактически это была кульминация

---

[1] Кацва А.М. Массовый протест ... С. 104.

[2] Резолюция митинга трудящихся г. Анжеро-Судженска от 03 июля 1998 г. // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

[3] Соловенко И.С. Требования шахтёров Кузбасса во время перехода к рынку // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4 (14). С. 52.

[4] Обращение к Председателю Правительства Кириенко С.В. и пикетчикам, находящимся на железнодорожных путях Анжеро-Судженска // Личный архив В.Д. Кохно.

[5] Михайлов Ю. Доклад съезду рабочих Сибири 23 января 1999 г. // Текущий архив краеведческого музея г. Берёзовского Кемеровской области.

[6] Красильникова Ю. Пора услышать глас народа, взывающий к разумному исходу // Наш город. 1998. 8 июля.

доминирования политических лозунгов шахтёров России в их протестной борьбе на протяжении всего рассматриваемого периода.

Однако даже в тот момент они не несли серьёзной угрозы либерально-демократическому развитию страны. Шахтёры, а также их союзники считали протестное движение инструментом, который позволял сдерживать «антинародные» преобразования в экономике и социальной сфере страны. Они выступали за отставку Б. Ельцина, но не против института президентства, за изменения в Конституции, но не за восстановление Советской власти и т.д. То, что «общество не хочет возврата к старому» часто подчёркивали руководители НПГ России[1].

В общем, вывод В. Сафронова о том, что тогда потенциал массового политического протеста не выходил за рамки приемлемого при демократическом режиме[2] подтверждается действиями горняков. Тем более выполнение главного политического требования, отставки Президента РФ, многими россиянами считалось маловероятным[3], и участники акций протеста на рельсах это прекрасно знали, поэтому смягчили методы блокады Транссиба[4].

Против лозунга «Президента в отставку!» и жёстких методов борьбы высказался в то время губернатор А. Тулеев, обладавший значительной поддержкой населения Кемеровской области. По его мнению, имелся конституционный способ отставки главы государства, который мог быть использован Федеральным Собранием России и не являлся компетенцией пикетчиков[5]. Это явилось дополнительным ударом по протестному потенциалу горняков ведущего углепромышленного региона страны.

---

[1] Обращение к гражданам России представителей шахтерских коллективов Печорского, Ростовского Кузнецкого, Тульского угольных бассейнов, пикетирующих здание Правительства РФ. 14 июня 1998 г. (г. Москва) // Текущий архив Независимого профсоюза горняков России.

[2] Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. № 4. С. 128.

[3] Морозова Е. Отношение кузбассовцев к «железнодорожному бунту» // Кузнецкий край. 1998. 2 июня.

[4] Стенограмма встречи заместителя Председателя Правительства России О.Н. Сысуева с представителями забастовочных комитетов, лидерами профсоюзов, руководителями предприятий, организаций, главами городов Кемеровской области, г. Кемерово, 19 июля 1998 года // ГАКО. Ф.Р.-1345. Оп. 1. Д. 403. Л. 44.

[5] Кузбасс. 1998. 30 июня.

Большинство населения Кемеровской области морально было на стороне пикетчиков, не доверяло главе государства. Однако отсутствие реальной солидарности не только среди шахтёров, но и трудящихся других предприятий и организаций края показало бесперспективность данного лозунга. Сразу же после окончания «рельсового противостояния» (19 июля 1998 г.) требование отставки Президента РФ в шахтёрских коллективах Кузбасса звучало редко и неубедительно.

Объединить и довести в первой половине 1998 г. до логического конца такие всероссийские акции протеста как «рельсовые войны» и пикет у Дома Правительства РФ шахтёрским профсоюзам оказалось не по силам. Их лидеры часто отказывались от таких радикальных методов протеста, опасаясь непредсказуемых последствий. В критические моменты борьбы территориальные организации отраслевых профсоюзов вставали на сторону администраций шахт, городов и субъектов Российской Федерации, показывали свою аполитичность. Соответственно интересы профлидеров не всегда совпадали с целями и задачами самих горняков, которые пытались стать центром консолидации борьбы всего трудового народа.

В действительности существование подобной ситуации отвечало истинным интересам отраслевых профсоюзов. НПГ России и Росуглепроф не были заинтересованы в серьёзной радикализации протестных действий шахтёров, так как сами не понимали, что делать дальше. Неудивительно, что в ходе акций протеста в большей мере они поддерживали экономические требования и старались дистанцироваться от левых сил.

Политический союз шахтёрских профсоюзов порой выглядел мнимым. Акция протеста у Дома Правительства РФ в 1998 г. окончательно развела в разные стороны лидеров НПГ России и Росуглепрофа. Они уже конкурировали за более достойное место в переговорном процессе с Правительством РФ. В свою очередь Кремль чувствовал высокий уровень противоречий внутри шахтёрских

профсоюзов (особенно на уровне их руководства)[1], поэтому не шёл на какие-либо серьёзные им уступки.

Слабость профсоюзов в то время очень хорошо подчёркнута известным исследователем забастовочного движения шахтёров России В. Борисовым: «Все забастовки угольщиков начинались только в связи с невыплатами денег из бюджета. Не было ни одной всероссийской или региональной акции, связанной с закрытием шахт, хотя их массовая ликвидация означала уход увольняемых работников из профсоюза, ведя его к организационному и финансовому ослаблению»[2]. Неудивительно, что в Кузбассе, например, во время «рельсовой войны» в июле 1998 г. шахтёры открыто объявили недоверие председателю Федерации теркомов Росуглепрофа А. Фомину и председателю Федерации независимых профсоюзов Кузбасса А. Чекису[3].

Итак, шахтёры не сумели добиться отставки Президента РФ. В моменты реальных возможностей достичь общих интересов верх брали интересы и требования отдельных регионов, предприятий, городов и т.п., что указывает на доминирование у них инстинкта самосохранения в сложных условиях социально-экономической обстановки и отсутствия широкой рабочей солидарности. Шахтёры не были уверены в возможности реализации далеко идущих целей и задач, что привело к потере авангардной роли в протестном движении трудящихся страны. Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что мощное давление в форме радикальных политических лозунгов заставило власть эффективнее выполнять экономические требования работников угольной промышленности.

---

[1] Борисов В.А. Забастовки … С. 180.

[2] Там же. С. 221.

[3] Резолюция митинга трудящихся г. Анжеро-Судженска от 03 июля 1998 г. // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска; Место профсоюзов в системе регулирования трудовых отношений ... С. 25; Красильникова Ю. Кто рвется во власть на спинах шахтеров? // Наш город. 1998. 4 июля.

3.2 Усиление динамики протестного движения

В течение января–июля 1998 г. борьба не ослабевала на всём своём протяжении. Усиление её динамики обуславливалось сохранением таких главных проблем, как: во-первых, ухудшение социально-экономической обстановки в углепромышленных территориях; во-вторых, отсутствие реальных действий со стороны органов власти по созданию механизма обратной связи с шахтёрами. С ликвидацией госкомпании «Росуголь» в конце 1997 г. Правительство РФ лишилось ещё одного буфера, сдерживавшего натиск горняков.

В первой половине 1998 г. в стране происходило динамичное нарастание всеобщего недовольства социально-экономическим курсом Правительства РФ. Значительно возросла доля считающих, что в ближайшее время волна массовых выступлений в России будет нарастать[1]. В это время к акциям протеста горняков стали активно подключаться пенсионеры и другие группы социально незащищённых слоёв населения, которые испытывали аналогичные трудности, прежде всего, из-за продолжительных задержек выплат пенсий и пособий[2]. Однако выглядело это не столь равномерно.

В авангарде протестной борьбы находились рабочие тех шахтёрских городов и посёлков, где социальные проблемы приобрели наиболее острый характер. Среди них выделялись такие, как: Партизанск, Инта, Анжеро-Судженск, Прокопьевск, Шахты, Воркута и др. До мая обстановку в углепромышленных регионах удавалось сдерживать, благодаря: во-первых, «пожарным» действиям Правительства РФ, во-вторых, организованным действиям профсоюзов, которые пытались перевести шахтёрский гнев в рамки легальных форм борьбы. Между тем, бюджет быстро истощался, а просьбы «потерпеть» уже не воспринимались рабочими всерьёз.

---

[1] Петрова А. Указ. соч.

[2] Протокол № 28 заседания президиума Приморского теркома углепрофсоюза, г. Артем, 23.10.1998 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 183. Л. 32.

Начало 1998 г. не предвещало скорого, масштабного и открытого противостояния с властью. В первые месяцы даже наблюдалось продолжение снижения стачечной активности шахтёров в сравнении с концом предыдущего года (рисунок 12). Недооценка протестных возможностей шахтёров произошла ещё и потому, что до мая их борьба, как правило, не выходила за рамки отдельного региона. Руководители межотраслевых и даже шахтёрских профсоюзов не предпринимали попыток объединить трудящихся на общероссийском уровне. Стихийность стала главной особенностью протестного движения первых месяцев второго этапа.

В течение января–апреля 1998 г. самые драматические события развивались в Приморском крае. Кроме высокой задолженности по зарплате и социальным выплатам, обстановка осложнилась из-за нецелевого использования шахтёрских денег и решения Правительства РФ закрыть в ближайшее время ряд угледобывающих предприятий края, в том числе и те, которые раньше не входили в планы на ликвидацию.

Шахтёров активно поддерживали работники других организаций. В трудовых коллективах Приморья активно распространялись радикальные взгляды. Трудящиеся требовали «перекрытия железнодорожных, автомобильных магистралей, прекращение отгрузки угля на электростанции края»[1]. В некоторых случаях на заседаниях местных профсоюзных комитетов поступали предложения по коллективным действиям вплоть до вооружения. То, что в шахтёрских городах и посёлках края в любой момент могли «начаться беспорядки», говорили открыто даже центральные СМИ[2].

Первая крупная акция протеста приморских шахтёров была проведена 27 января. Терком Росуглепрофа получил от местной администрации разрешение

---

[1] Постановление 27/1 президиума Приморского теркома Росуглепрофа от 6.01.1998 г. «О коллективных действиях в связи с увеличивающимся долгом выплаты заработной платы», г. Артём // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 183. Л. 15; Протокол № 27 заседания президиума Приморского теркома углепрофсоюза, г. Артём, 6 января 1998 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 183. Л. 9.

[2] Кутенких Н. Шахтеры Приморья объявляют «рельсовую войну» // Новые Известия. 1998. 14 января; Протокол № 28 Приморского теркома Росуглепрофа от 14.01.1998 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 183. Л. 31.

перекрыть Транссиб[1], что придало акции легальный характер. Тогда при активном участии профсоюзных активистов и руководителей подразделений угледобывающих предприятий в двух местах были перекрыты рельсы Дальневосточной железной дороги – в районе 43 км. ст. «Надеждинская» и на ст. «Партизанск». Акции протеста шахтёров поддержали трудящиеся других предприятий края. Более массовое перекрытие произошло в районе ст. «Надеждинская». Здесь собралось около двух тыс. пикетчиков из населённых пунктов: Артём, Новошахтинск, Лучегорск, Липовцы, Смоляниново, Тавричанка. Кроме шахтёров, приняли участие врачи и учителя Артема, судостроители Большекаменска, представители Арсеньева. В Партизанске на рельсы Транссиба вышли 1500 местных шахтёров, учителей, медицинских работников, коммунальщиков, автомобилистов, ветеранов войны и труда[2].

Несмотря на определённый эффект, данные акции протеста имели кратковременный характер, ограниченный контингент участников и существенного ущерба железнодорожному сообщению не принесли. Однако ситуация оставалась напряжённой. Некоторые эксперты заявляли: «Народ скоро пойдет громить всё вокруг как в Албании»[3]. Данное напряжение передавалось и другим углепромышленным территориям.

В январе более масштабно и организованно протестное движение шахтёров происходило в Кузбассе. С середины января в крае началась серия предупредительных забастовок. 15 января в них приняли участие 240 тыс. шахтёров. Была остановлена работа на 54 шахтах и в 74 угольных разрезах[4]. Для сравнения – в результате июльской забастовки в Кузбассе в 1989 г. в забастовках

---

[1] Демкин Д. Указ. соч. С. 3.

[2] Письмо председателей шахтовых комитетов Росуглепрофа Приморского края Губернатору Приморского края Е.И. Наздратенко и др., 14 января 1998 г. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 183. Л. 41; Смолин В. Живой заслон Транссиба // Красное Знамя (Владивосток). 1998. 29 января. С. 1.

[3] Демкин Д. Указ. соч. С. 3.

[4] Кацва А.М. Массовый протест ... С. 96; Желенин А. Шахтёры Кузбасса предупреждают // Независимая газета. 1998. 16 января.

участвовали 140 тыс. человек[1], то есть на 100 тыс. меньше. Таким образом, ведущий угольный бассейн страны испытывал небывалые потрясения.

Между тем, того внимания, которое было обращено к протестным действиям в июле 1989 г., горняки уже не наблюдали. Это стимулировало использование радикальных форм борьбы. Наиболее яркий эпизод с их использованием произошёл 26 января на шахте «Кузнецкая», когда в результате организованных действий работников на шесть дней в кабинете руководителя во время заседания был блокирован весь состав Совета директоров. Шахтёры отпустили генерального директора, только получив обещание от правоохранительных органов вывести его в наручниках, взять под стражу и возбудить против него уголовное дело в связи «с развалом предприятия»[2].

Одним из главных барометров протестного движения по-прежнему являлось поведение шахтёров Печорского угольного бассейна. Несмотря на отсутствие каких-либо массовых и радикальных акций протеста, здесь в начале года обстановка сохранялась напряжённой. 42 тыс. шахтёров Воркуты и 14 тыс. их коллег из Инты не получали зарплату в полном объёме с мая 1997 г., и морально были готовы к проведению масштабных и радикальных акций протеста[3]. Из уст шахтёров северного края нередко звучала фраза, которая становилась популярной в рабочих коллективах: «Автоматы! Убивать козлов!»[4]. Однако отраслевые профсоюзы контролировали ситуацию, старались сдерживать стихийные порывы.

Февраль 1998 г. в углепромышленных территориях прошёл относительно спокойно. В это время закончился спад забастовочного движения горняков. Между тем, затишье было условным, так как в реальности шахтёры и им сочувствовавшие вели «подготовительную» работу. Наиболее отчётливо она проходила в Инте. Здесь был создан Организационный комитет, который предложил: «со 02.02.98 г. трудовым коллективам шахт г. Инты перейти к

---

[1] Пяткин А.М. Указ. соч. С. 78.
[2] Борисов В.А. Забастовки ... С. 307.
[3] Зеленин А. Шахтёры Кузбасса предупреждают // Независимая газета. 1998. 16 января.
[4] Ильин В.И. Указ. соч. С. 160.

коллективным формам протеста в различных формах – голодовки, пикетирования учреждений управления города, перекрытия железнодорожной магистрали Воркута–Москва, массового невыезда из шахты, массового отказа от работы в связи с невыплатой заработной платы, пикетирования административных зданий предприятий с участием жён и детей шахтёров, массового похода шахтёров с жёнами и детьми на железнодорожную магистраль Воркута–Москва»[1]. Обстановка в Печорском угольном бассейне в целом сохранялась стабильной, но весьма тревожной.

В марте стачечная активность горняков резко возросла (рисунок 12). В первые мартовские дни прокатилась волна, хоть и локальных, но экстремальных акций протеста. Чаще других в то время о себе заявляли шахтёры Приморского края, которые вновь угрожали перекрыть Транссибирскую магистраль[2].

В марте динамизм протестному движению придал съезд шахтёров Печорского угольного бассейна, в Заявлении которого было озвучено требование отставки Президента и Правительства России[3]. Вскоре данный призыв поддержали горняки Кузбасса, Российского Донбасса, Сахалина, Приморья и других углепромышленных территорий. Даже отставка Правительства В. Черномырдина в то время не позволила снизить обороты шахтёрской борьбы. Горняки требовали от своих профсоюзов более решительных действий[4].

К протестному движению горняков всё чаще стали подключаться их профсоюзы. Вместе с тем, профсоюзные лидеры по-прежнему не стремились выйти из законного формата решения социально-трудовых конфликтов. Согласовывая общую позицию с рабочими и директорами угледобывающих предприятий, руководители шахтёрских профсоюзов апеллировали

---

[1] Организационный комитет по проведению коллективных действий работников по добыче и переработке угля предприятий г. Инты (30.01.98 г.) // НАРК. Ф.Р-2082. Оп. 1. Д. 762. Л. 15.

[2] Открытое письмо шахтеров РУ «Павловское», жителей п. Новошахтинский // Красное Знамя (Владивосток). 1998. 12 марта. С. 1; Алексашин В. Стихийный протест павловцев // Красное Знамя (Владивосток). 1998. 5 марта. С. 1.

[3] Заявление съезда шахтеров Печорского угольного бассейна // Искра. 1998. 17 марта.

[4] Протокол № 8 расширенного заседания профкома НПУ и исполнительного бюро НПГ ОАО «Шахта “Интинская”» от 18.03.98 г. // НАРК. Ф.Р-2082. Оп. 1. Д. 762. Л. 26.

непосредственно к Президенту и Правительству РФ[1]. Заметной попыткой решить проблемы угледобытчиков цивилизованным путём стали коллективные судебные иски к высшим должностным лицам государства. Их инициаторами были руководители Росуглепрофа всех уровней[2]. Все иски были отклонены судебными органами, что явилось одной из причин дальнейшей радикализации протестных настроений горняков.

Несмотря на низкую степень эффективности протестных действий отраслевых профсоюзов, они по-прежнему убеждали рабочих не останавливать шахты, а предпринимать «другие акции протеста»[3]. Это объясняет энергичную поддержку Росуглепрофом демонстраций, митингов и шествий, которые в то время организовывала ФНПР.

Рубежной акцией протеста, после которой большинство шахтёров перестало верить в законные способы борьбы, стали митинги, организованные ФНПР по всей стране девятого апреля 1998 г. В них приняли самое активное участие шахтёры всех углепромышленных территорий. Несмотря на значительный масштаб общероссийской акции протеста, Правительство РФ так и не отреагировало на требования трудящихся, в том числе и горняков. Это спровоцировало дальнейший рост радикальных настроений среди них. Они всё чаще использовали крайние меры отстаивания своих трудовых прав и интересов – «подземные забастовки» и массовые многодневные голодовки. Но и они мало, что решали, поэтому рабочие стали ориентироваться на самые радикальные способы борьбы – «захват заложников» и блокады важных железнодорожных магистралей. Однако мощные акции протеста вспыхивали в разных местах, в разное время, поэтому не имели прогнозируемого эффекта.

В апреле меньше всего верили Президенту и Правительству России в Приморском крае. Игнорировав «Программу реструктуризации угольной отрасли

---

[1] Протокол № 4 Правления АО «Интауголь», г. Инта, 01 апреля 1998 г. // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2591. Л. 15.

[2] А на них управа найдется? // Заполярье. 1998. 7 апреля.

[3] Ильясова Г. Профсоюзы готовятся к акции протеста // Заполярье. 1998. 6 мая.

Приморского края», утверждённую в конце 1997 г., где предусматривалось плавное закрытие угольных предприятий города до 2005 г. с организацией новых рабочих мест и всех социальных гарантий, Минтопэнерго прекратило со второго квартала 1998 г. финансировать угольщиков г. Партизанска. Они были вынуждены принимать решение о досрочной ликвидации. Как следует из документа: «Дальше работать на долги угольщики отказались»[1].

20 апреля 1998 г. более 500 трудящихся от всех предприятий г. Партизанска блокировали в шахтоуправлении главных специалистов вместе с генеральным директором В. Фрольченковым. Для урегулирования ситуации были вызваны представители правоохранительных органов – начальник милиции, прокурор, представители ФСБ и т.д. Однако вопрос погашения долга по зарплате так и «не сдвинулся с места». Через два дня (22 апреля) 42 рабочих шахты «Центральная» объявили бессрочную голодовку с требованием полного погашения зарплаты. Голодовка продолжалась семь дней. Требования шахтёров были удовлетворены. Однако 28 апреля сразу после митинга началась вторая голодовка 50-ти шахтёров. Их поддержали шесть женщин[2].

Дальнейшего резонансного продолжения борьбы у горняков Приморья не получилось. По сути, это был конец пика шахтёрских выступлений в данном углепромышленном регионе страны. В течение трёх последующих месяцев здесь наблюдалось пассивное отношение к всероссийским акциям протеста горняков.

Тем временем в других углепромышленных территориях протестная активность рабочих возрастала. Второй этап отличался от первого, прежде всего тем, что шахтёры России сумели объединить свои усилия в достижении поставленных целей и задач, используя при этом не только законные, но и незаконные формы протеста. Они, как никогда ранее, отошли от какой-либо

---

[1] Дополнение к информации о социально-экономическом положении в г. Партизанске, 1998 г. // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 27.

[2] Письмо председателя профкома ОАО «Шахтоуправление Нагорное» В.П. Петриченко Президиуму съезда шахтёров и др. // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп.1. Д. 185. Л. 77; Акции протеста шахтеров в мае 1998 года (информационно-аналитический обзор) // Горняцкая солидарность. 1998. 17 июля.

политической ограниченности и сконцентрировались на главном требовании – отставка Президента Б. Ельцина.

Главным событием протестного движения шахтёров в 1998 г. стали всероссийские «рельсовые войны», проходившие в мае. Тогда были перекрыты важнейшие железнодорожные магистрали страны – Северная железная дорога, по которой шли составы по маршруту Москва–Воркута–Лабытнанги; Транссибирская железнодорожная магистраль, объединяющая запад и восток; Северокавказская железная дорога, соединяющая юг с её остальной частью. Все эти транспортные пути имели высокую пропускную способность, соответственно и экономическую важность. О масштабах кризиса говорит тот факт, что в 1998 г. только по Северокавказской железной дороге в сутки проходило до 400 поездов[1].

«Рельсовые войны» охватили не только ведущие углепромышленные регионы страны, но и многие другие города и посёлки, где трудились шахтёры (Республика Хакасия, Пермская, Челябинская и Сахалинская области и др.). При этом Кремль оказался не готов к такому развитию событий. Внимание органов федеральной исполнительной власти к шахтёрским акциям протеста ослабло, так как забастовочная активность трудящихся в 1998 г. заметно снизилась, в сравнении с предыдущим годом[2]. Правительство РФ было дезориентировано, его реакция имела запоздалый характер, что привело к резкому обострению ситуации в стране. Блокады важнейших транспортных магистралей оказали максимальное давление на власть и имели важные последствия в рабочем движении страны.

Всероссийская акция протеста горняков проходила 13 дней (с 13 по 25 мая) и получила широкую поддержку населения, а её результаты до сих пор вызывают неоднозначные оценки. Главной особенностью «рельсовых войн» стало широкое участие в них представителей разнообразных социальных и профессиональных групп, что придало им дополнительный динамизм, силу и легитимность. Не

---

[1] Северо-Кавказская железная дорога перекрыта // Пласт. 1998. № 20 (37), май. С. 3.

[2] Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls (дата обращения: 02.04.2016 г.).

только горняки, но и большинство трудящихся и пенсионеров не были удовлетворены результатами легальных форм протеста, что привело к значительному росту солидарности. Активизация протестного движения в мае, по сути, стала сигналом для Президента РФ Б. Ельцина о том, что угольная промышленность нуждается в неотложных мерах по выходу из кризиса.

Горняки оказались не только наиболее страдающими, но и самыми несломленными, способными действовать сообща. В то время они взялись протестовать за всех. Большинство рабочих других отраслей промышленности были психологически подавлены и деморализованы. Несмотря на то, что объёмы задолженности рабочим оборонных предприятий были в десятки раз больше, чем долги шахтерам[1], они приняли опосредованное участие во всероссийских «рельсовых войнах».

Как и многие другие акции протеста, блокады важнейших железнодорожных магистралей проходили стихийно[2], хотя определённую роль в их проведении сыграли местные теркомы Росуглепрофа. Транспортные блокады стали одним из звеньев общей цепи шахтёрской борьбы. На это указывает факт возникновения всероссийских «рельсовых войн». Их инициаторами стали горняки приполярного города Инта. В Печорском угольном бассейне, в первую очередь на интинских шахтах, в то время чаще, чем в других регионах, использовались крайние формы борьбы. В начале мая фактически ежедневно в этом городе происходили новые акции протеста в форме забастовок, голодовок, пикетов и т.д.

Всплеск борьбы произошел пятого мая, когда рабочие шахты «Интинская» блокировали в своём кабинете генерального директора ОАО «Компания “Интауголь”» В. Шахтина. К стихийной акции протеста вскоре присоединились

---

[1] Евгений Наздратенко: Об итогах командировки в Москву // Выбор. 1998. 13 февраля; Руденко В. «Оборонка» ставит на экспорт // Красная звезда (Москва). 1998. 20 июня.

[2] Постановление Совета Воркутинской федерации Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности «О взаимоотношениях Воркутинской федерации с Российским комитетом Росуглепрофсоюза», 12.01.1999 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 57. Л. 10.

их товарищи с шахты «Восточная»[1]. Правление компании оказалось неспособным самостоятельно решить проблему «систематической невыплаты заработной платы в полном объёме»[2], поэтому интинские горняки решили перейти к более радикальным мерам – блокировать Северную железнодорожную магистраль.

Седьмого мая более 200 рабочих интинских шахт и горно-обогатительных фабрик вышли на рельсы. Они согласились покинуть железнодорожное полотно только после вмешательства в ситуацию Правительства РФ, которое пообещало скорое финансирование градообразующей отрасли. Однако шахтёры предупредили: если финансирование не будет обеспечено, 13 мая они вновь перекроют железную дорогу[3].

Кремль попытался успокоить жителей шахтёрских городов и посёлков. Восьмого мая вышел Указ Президента РФ Б. Ельцина «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах», по которому планировалось существенно усилить финансирование шахтёрской отрасли[4]. В срочном порядке начались переговоры между представителями Правительства РФ и интинских горняков. Последние мало верили в возможность адекватной реакции московских чиновников, поэтому 83 человека, в том числе одна женщина, продолжали протестовать в форме голодовки[5].

В положенный срок трудящиеся Инты так и не получили деньги, обещанные им Правительством РФ. Рабочие угольной промышленности перешли к масштабным протестным действиям. Утром 13 мая они совместно с учителями и медицинскими работниками перекрыли железнодорожную ветку Москва–Воркута–Лабытнанги, и заблокировали весь регион угледобычи в Республике Коми. Людей собралось в несколько раз больше, чем во время перекрытия данной

---

[1] Нарыв // Искра. 1998. 7 мая.

[2] Протокол № 6 Правления АО «Интауголь», г. Инта, 06 мая 1998 г. // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2591. Л. 22.

[3] На угольном фронте // Искра. 1998. 9 мая.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 08.05.1998 г. № 499 «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах». [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/12357 (дата обращения: 20.10.2015 г.).

[5] Прудников В. Блокада // Искра. 1998. 13 мая.

дороги седьмого мая[1]. Вскоре количество интинцев, участвовавших в акции протеста на рельсах, достигло 2000 человек[2].

Несмотря на явное обострение обстановки в углепромышленных регионах, премьер-министр С. Кириенко отказался идти на какие-либо уступки шахтёрам, а члены Правительства РФ не желали даже встречаться с ними. Вице-премьер Б. Немцов счёл необходимым вести переговоры только с руководителями угольных компаний. Рядовых шахтёров Инты на встречу с ним не пригласили. К тому же Б. Немцов подчеркнул, что главный исполнительный орган страны ничего не должен угледобытчикам России, и поэтому из бюджета дополнительного финансирования не будет[3]. Всё это озлобляло горняков Печорского угольного бассейна, подталкивало на более решительные лозунги и методы борьбы.

На усиление протестных действий интинцев повлияло резкое обострение обстановки в соседней Воркуте, которая могла в любой момент «выйти из-под контроля»[4]. Здесь в течение 12–13 мая при непосредственном участии руководителей местных комитетов Росуглепрофа и НПГ России были заблокированы в своих кабинетах генеральный директор ОАО «Воркутауголь» В. Экгардт, глава города Воркуты И. Шпектор и директора шахт. Рабочие потребовали от них выплаты долгов по зарплате, погашения задолженности за уголь потребителями, национализации угольной отрасли и отставки Президента РФ[5]. Таким образом, интинским шахтёрам был подан сигнал о полной поддержке их протестных действий со стороны воркутинцев. Началась их подготовка к

---

[1] Приказ начальника Управления образования г. Инты от 12 мая 1998 г. // Муниципальный архив администрации муниципального образования городского округа «Инта». Ф. 6. Оп. 1. Д. 191. Л. 36–37; Архипов П., Романова Р. Что Правительство посеяло – то и пожнет // Искра. 1998. 14 мая.

[2] День шахтера ... 66.

[3] Ильясова Г. Диалога с Правительством не получилось // Заполярье. 1998. 16 мая.

[4] Резолюция митинга жителей г. Воркуты 1 мая 1998 г. // НАРК. Ф.П-3791. Оп. 1. Д. 21. Л. 8; Письмо депутатов Совета г. Воркуты Президенту РФ Б.Н. Ельцину, Председателю Правительства РФ С.В. Кириенко, депутатам ГД ФС РФ, 18.05.98 г. // Муниципальное бюджетное учреждение «Воркутинский муниципальный архив». Ф. 5. Оп. 1. Д. 1691. Л. 9.

[5] Письмо депутатов Совета г. Воркуты Председателю Государственного Совета Республики Коми Торлопову В.А., 18.05.98 г. // Муниципальное бюджетное учреждение «Воркутинский муниципальный архив». Ф. 5. Оп. 1. Д. 1691. Л. 17; Ильясова Г. Взяли в заложники // Заполярье. 1998. 13 мая; 12 мая: шахтеры взяли в плен своего генерального директора // Заполярье. 1998. 15 мая; Ильясова Г. Диалога с Правительством не получилось // Заполярье. 1998. 16 мая.

участию в «рельсовой войне».

Горняки быстро почувствовали не только солидарность, но и скорые негативные последствия для собственных предприятий от радикальных акций протеста. Интинцы, перекрывшие железную дорогу, поставили на грань выживания, прежде всего, свои шахты и предприятия, которые и так были в тяжелом экономическом положении. Кризисная ситуация сложилась у их коллег в Воркуте, а также конечном пункте Северной железной дороги – поселке Лабытнанги. Прекратились поставки товаров в г. Салехард Тюменской области, куда направлялись грузы из Лабытнанги[1]. Другим населённым пунктам и регионам шахтёры Инты «не мешали». Понимая низкую степень эффективности блокады железнодорожной магистрали, интинцы уже на третий день противостояния (16 мая) смягчили методы протеста, стали пропускать пассажирские поезда и составы с дизельным топливом[2]. Данный шаг свидетельствовал об имевшихся колебаниях в протестной среде, что укрепляло позиции федеральной власти в разрешении конфликта.

В большей мере негативные последствия проявились на воркутинских шахтах, где добывался коксующийся уголь. С 18 мая в Воркуте началось снижение объёмов добычи угля, так как угольные предприятия не получали необходимые средства и ресурсы. Дополнительную нервозность угледобытчикам добавило то, что 19 мая компания «Северсталь» (важнейший потребитель воркутинских углей на коксование[3]) предупредила, что будет искать других поставщиков концентрата, в том числе и за рубежом. Металлурги хорошо помнили печальный результат шахтёрских протестов 1991 г. Тогда из-за забастовок Череповецкий металлургический комбинат потерял четыре коксовые батареи. В дальнейшем из них была восстановлена только одна, а Воркута

---

[1] Бастуют в Инте, а продуктов нет в Салехарде // Заполярье. 1998. 22 мая.

[2] Яковенко Р. Едем… пока // Заполярье. 1998. 19 мая; Так где же зарыты шахтерские деньги? // Невское время. 1998. 21 мая.

[3] А.А. Каракчиев (Первый Заместитель Главы Республики Коми) Первому заместителю Председателя Правительства РФ Каданникову В.В. «Докладная записка о финансово-экономическом положении в Печорском угольном бассейне», 30.04.1996 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 5694. Л. 85.

потеряла возможность сбыта около трёх млн. тонн коксующегося угля в год. Воркутинцы стали опасаться того, что из-за блокады железной дороги смогут навсегда потерять своих основных потребителей[1].

В результате 18 мая на совместном заседании руководителей первичных комитетов шахтёрских профсоюзов, большинством голосов было решено снять блокаду главы города Воркуты И. Шпектора, генерального директора ОАО «Воркутауголь» В. Экгардта и директоров шахт. Руководство компании «Воркутауголь» стало предпринимать оперативные меры по недопущению остановки шахт, а лидеры НПГ России решили перенести центр борьбы «на территорию Президента и Правительства»[2].

Однако от участия в «рельсовой войне» воркутинцы не отказались. Наоборот, они отправили 19 мая в Инту для участия в блокаде Северной железной дороги делегацию из 50 человек во главе с местным председателем Росуглепрофа Ю. Вишневским[3]. Подключение к акции воркутинских шахтёров, а также распространение транспортных блокад в других углепромышленных территориях добавило уверенности интинским пикетчикам в противостоянии с властью.

Попытки руководства Республики Коми и Северной железной дороги быстро договориться с пикетчиками не увенчались успехом[4]. Диалога с горняками у них не получилось, так как основные требования участников акции были сориентированы на федеральный уровень. Блокируя Воркуту, участники «рельсовой войны» прекрасно понимали, что это единственный мощный рычаг, способный заставить российское Правительство выполнить их требования, так как отопительный сезон в стране закончился, и спрос на интинские энергетические угли резко снизился.

---

[1] Карпенко К.С. Шахтерское забастовочное движение … С. 388; Ильясова Г. Рельсовая война продолжается // Заполярье. 1998. 20 мая; Металлурги бьют тревогу и требуют гарантий // Заполярье. 1998. 22 мая.

[2] Ильясова Г. Следующий этап борьбы переносится на территорию Президента // Заполярье. 1998. 19 мая.

[3] Ильясова Г. Рельсовая война продолжается // Заполярье. 1998. 20 мая.

[4] Малофеевская Л.Н. Указ. соч. С. 358.

Акции протеста горняков, в том числе и на рельсах, распространялись стихийно, охватывая всё новые города и посёлки фактически всех углепромышленных территорий. Знаковым событием стало включение в «рельсовые войны» трудящихся Кемеровской области. В начале мая шахтёры г. Анжеро-Судженска голодали, бастовали, устраивали пикеты, в том числе и вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Отсутствие положительных перемен в погашении задолженности по зарплате и регрессным искам, а также начало широких протестных действий горняков Республики Коми стали решающими факторами к выступлению трудящихся города. 13 мая (в день перекрытия Северной железной дороги) забастовочный актив шахтёров г. Анжеро-Судженска решил перенести свой штаб к железнодорожному полотну Транссиба[1]. Через два дня анжеро-судженские горняки перекрыли его. На рельсы вышло не менее тысячи человек. Пикетчики в жёсткой форме выдвинули социально-экономические и политические требования. Их основательное обустройство в местах пикетирования указывало на готовность к долгой и изнурительной борьбе[2].

В результате железнодорожные составы были вынуждены следовать по обходному маршруту. Пассажирские поезда находились в пути на 17–18 часов дольше обычного, обходя Анжеро-Судженск по южной ветке Кузбасского отделения Западносибирской железной дороги. Попытки губернатора Кемеровской области А. Тулеева пресечь развитие конфликта не увенчались успехом[3]. Вскоре многие города (и не только углепромышленные) Кемеровской области в разной форме показали высокую степень солидарности с шахтёрами г. Анжеро-Судженска.

---

[1] Леонидова Т. Голодовка прекращена // Наш город. 1998. 30 января.

[2] Прянишникова Т. От забоя – на площадь, с площади – на рельсы // Наш город. 1998. 16 мая; Воспоминания В.Г. Потапочкина. Стенограмма беседы от 25 сентября 2012 г.

[3] Заявление администрации города Анжеро-Судженска от 17 мая 1998 г. // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

Решительные действия шахтёров Печорского и Кузнецкого угольных бассейнов повлияли на расширение протестного движения в других углепромышленных территориях. 16 мая «рельсовая война» заполыхала в Восточной Сибири. В тот день на несколько часов перекрыли абаканскую ветку Красноярской железной дороги, доведённые до отчаяния инвалиды труда Артёмовского рудника и работники Тейского рудоуправления[1]. Через четыре дня акция повторилась, но ненадолго. Хотя блокада железной дороги в Восточной Сибири была не столь массовой и продолжительной, как в других регионах, она, несомненно, имела широкий общественный резонанс. Власть Республики Хакасия сумела оперативно решить важнейшие социально-экономические проблемы горняков и таким образом притушила пожар их недовольства. Правительство РФ увидело в этом сигнал, что с рабочими можно договориться.

Сложнее, чем в Восточной Сибири, развивались протестные действия горняков Российского Донбасса. В их коллективах, где уже 11 месяцев не платили зарплату, после известия о радикальных акциях протеста в Печорском угольном бассейне и Кузбассе, также начались волнения. 18 мая несколько сот рабочих и инвалидов-регрессников с шахт «Юбилейная», «Майская» и «Аютинская» с утра устроили пикетирование административного здания АО «Ростовуголь». Однако никто из руководства к собравшимся не вышел. Возмущённые таким отношением люди решили идти к станции Шахтная. Здесь в 13 ч. 15 мин. было остановлено движение по Северокавказской железной дороге из-за стихийно возникшей акции протеста. Неоднократные обращения главы города и профсоюзных лидеров к собравшимся с просьбой приостановить акцию гражданского неповиновения положительного результата не возымели. В результате перекрытия рельс было задержано отправление более 300 грузовых и 280 пассажирских поездов. Шахтинцев поддержали горняки и регрессники соседних городов – Новошахтинска, Гуково и Красного Сулина, приславшие своих представителей. В

[1] Инвалиды сели на рельсы // Красноярский рабочий (Красноярск). 1998. 19 мая.

течение дня здесь собралось около трёх тыс. человек[1].

Попытки руководства Северокавказской железной дороги повлиять на позицию пикетчиков не принесли успеха, так как шахтёры считали материальное положение даже рядовых рабочих-железнодорожников более выгодным[2]. Таким образом, в стране появился ещё один мощный очаг социальной напряжённости.

Известия об акциях протеста горняков на рельсах быстро распространялись по стране. Масштабные выступления встретили широкую поддержку и всестороннюю помощь со стороны представителей всех социально-профессиональных групп, а также лево-патриотических организаций и партий. Блокады железнодорожных магистралей вызывали не только сочувствие, но и реальные акции протеста, в том числе незаконного характера. Так, например, группу руководящих лиц из Москвы, занимавшихся вопросами реорганизации и ликвидации нерентабельных шахт и разрезов, взяли под «рабочий арест» шахтёры Кизеловского угольного бассейна, которые перекрыли 18 мая важную автодорожную магистраль федерального значения Кунгур–Соликамск[3].

Наивысшего накала, своей кульминации всероссийские «рельсовые войны» достигли 20–22 мая. Причины обострения обстановки заключались в следующем. Во-первых, было парализовано движение поездов по наиболее важным транспортным магистралям страны, что привело к резкому осложнению социально-экономической ситуации не только в шахтёрских, но и соседних регионах, а также невозможности России выполнять свои международные обязательства по перевозке грузов. Во-вторых, позиция НПГ России по вопросу использования участниками «рельсовых войн» требований и методов борьбы приобрела более радикальный характер. Конкретным действием НПГ России стало распоряжение его председателя А. Сергеева о «прекращении с 20 числа

---

[1] Горбанева С. Борис Немцов в Шахтах: взгляд из 1998-го… // Пласт. 2015 г. 15 марта. С. 4; Чернуха Б. Пикеты сняты, но проблемы остались // Красносулинский вестник. 1998. 26 мая; День шахтера ... С. 64; Соловенко И.С. «Рельсовые войны» в России в 1998 г. Томск, 2011. С. 96.

[2] «Рельсовая война» в г. Шахты Ростовской области в мае 1998 г. (видеофильм) // Личный архив Ю.А. Каунова.

[3] Волна протеста // Трудовой Новокузнецк. 1998. 21 мая.

отгрузки угля потребителям с требованием отставки Президента в рамках общероссийской акции»[1]. В-третьих, протестное движение приобрело вполне предсказуемую цепную реакцию. С 21 мая в Инту из разных источников начали поступать денежные средства для погашения задолженности по заработной плате горнякам. Местные, региональные и федеральные телеканалы вынуждены были это показывать. Поэтому все люди видели: если ты перекрываешь дорогу – то твои требования стараются выполнить, возвращают тебе долги по зарплате, а если ты сидишь молча, то твои требования никто выполнять не будет. Соответственно, хочешь получить свою зарплату – выходи на рельсы. Именно это соображение и придало акциям протеста массовый характер.

В течение нескольких дней «рельсовые войны» и другие акции протеста шахтёров охватили всю Россию. Они отодвинули на второй план не только альтернативные шахтёрские акции протеста, но и оставили не замеченными многие массовые выступления трудящихся страны, в том числе и те, что проходили в Москве[2]. Один за другим многие города и посёлки углепромышленных территорий стали показывать свою солидарность и решимость довести протест до логического конца, то есть до выполнения всех предъявляемых требований. Главным из них по-прежнему являлась отставка Президента Б. Ельцина. Это не являлось чем-то сверхъестественным. В шахтёрских коллективах всегда приветствовалась борьба, а не «жалобы». Жёсткая позиция горняков инициировала энергичное присоединение к акциям протеста на рельсах рабочих многих отраслей промышленности, врачей, учителей, пенсионеров и безработных. Самые драматические события развернулись в ведущем углепромышленном регионе страны.

Пик солидарности кузбасских трудящихся приходится на 20 мая. В тот день реальную поддержку Анжеро-Судженску оказали такие города, как: Прокопьевск, Киселёвск и Юрга. Южную ветку Кузбасского отделения Западносибирской

---

[1] Ильясова Г. Рельсовая война продолжается // Заполярье. 1998. 20 мая.
[2] Волошинова В. Голодный учитель – бездуховная Россия // Молот. 1998. 26 мая.

железной дороги одновременно перекрыли несколько сотен прокопьевских горняков, коммунальщиков и медиков[1]. В итоге блокировалось «Большое сибирское кольцо», то есть железнодорожные пути, которые пронизывают Кемеровскую область, в том числе и часть Транссиба. Соответственно, прервалось железнодорожное сообщение не только по территории области, но и всей страны. Кузбасс, который фактически является географическим центром России, разделил главную железную дорогу на две части.

Большую поддержку протестным действиям кузбасских горняков оказали жители г. Юрги, где не было шахт и разрезов, но градообразующее предприятие (Юргинский машиностроительный завод) специализировалось на выпуске горно-шахтного оборудования. 20 мая более 200 машиностроителей, врачей и учителей блокировали Транссиб в районе железнодорожной станции Юрга-1[2]. Количество участников «рельсовой войны» динамично увеличивалось. В общей сложности в ней было задействовано не менее девяти тыс. юргинцев при общей численности населения города чуть более 80 тыс. человек[3].

Таким образом, Томская область оказалась отрезанной от мира с востока и запада. Автомобильная дорога не играла заметной роли во внешних грузоперевозках данного региона. Последствия этой блокады были особенно тяжёлыми для производств, которые требовали постоянного подвоза и отправки грузов.

О рабочей солидарности кузбассовцев говорили и на следующий день (21 мая), когда всероссийскую акцию протеста поддержали шахтёры г. Киселёвска. Им удалось прорвать милицейское оцепление и перекрыть Терентьевскую ветку, по которой двигались грузовые поезда[1]. Все железнодорожные грузоперевозки в

---

[1] Фомина Н. Мимо окон не идут поезда // Шахтерская правда. 1998. 21 мая; Фомичева Т. Большое кольцо замкнулось // Кузбасс. 1998. 21 мая.

[2] Соловенко И.С., Епифанцев К.В. «Рельсовая война» в Юрге в 1998 году. Томск, 2009. С. 43.

[3] Соловенко И.С., Швецова О.А. Архивные документы о «рельсовой войне» в Юрге в 1998 г. // Отечественные архивы. 2010. № 5. С. 75.

[1] Георгиев В. Перекрыли последнюю артерию // Шахтерская правда. 1998. 23 мая.

Прокопьевско-Киселёвском угольном бассейне, который считается «чёрной жемчужиной» Кузбасса, были абсолютно прекращены.

Акцией протеста были охвачены 13 тыс. тысяч горняков девяти шахт Кемеровской области[1]. В результате перекрытия Транссиба на Западносибирском участке железной дороги было остановлено движение почти 300 пассажирских и свыше 350 грузовых составов. Ежесуточные потери от простоя поездов составляли более 1,5 млн. руб.[2] Призыв губернатора А. Тулеева о необходимости сворачивания блокады Транссиба в регионе не был услышан трудящимися. Наоборот, обстановка продолжала усугубляться. 22 мая на рельсы вышли шахтёры г. Междуреченска[3]. В результате железнодорожные перевозки в Кузбассе оказались полностью парализованы.

Обострялась обстановка и в Ростовской области. 20 мая объездной участок вокруг г. Шахты, который всё-таки использовался железнодорожниками с момента начала «рельсовой войны», также был перекрыт[4]. В итоге главный железнодорожный «ход», связывающий центр с югом России, был полностью закрыт.

Блокады важных транспортных магистралей, а также другие массовые и радикальные акции протеста рабочих угольной промышленности прокатились по всей стране. Транссибирскую магистраль перекрыли около 200 горняков Черемховского угольного разреза (Иркутская область)[5]. Несколько десятков шахтёров Тюльганского угольного разреза в Башкирии перекрыли железную и автомобильную дороги, связывающие Оренбург и Уфу. Шахтёры крупнейшего разреза в Бурятии – «Тугнуйского», прекратили отгрузку угля потребителям и перекрыли технологическую железнодорожную ветку, соединяющую

---

[1] Май 1998 год // Горняцкая солидарность. 1998. 26 июня.

[2] Угольный Кузбасс: страницы истории. Кемерово, 2005. С. 241.

[3] Соловенко И.С., Епифанцев К.В. «Жаркое» лето 98-го // Новая газета (Юрга). 2008. 10 декабря.

[4] Смысленко О. Пассажиры на Лихой уже хлебнули лиха… // Вечерний Ростов (Ростов-на-Дону). 1998. 21 мая.

[5] Акции протеста шахтеров в мае 1998 года (информационно-аналитический обзор) // Горняцкая солидарность. 1998. 23 октября.

предприятие с Транссибирской магистралью. Рабочие предприятий одного из самых депрессивных углепромышленных городов России – г. Кизела, требуя зарплату, на два часа перекрыли движение по железнодорожной ветке Соликамск–Пермь и т.д. Блокады важных транспортных магистралей стали активно использоваться трудящимися других социально-профессиональных групп, что расширило географию данной формы протеста. Имелась реальная угроза железнодорожных блокад в Подмосковье, Екатеринбурге, Омске, Калужской и Ленинградской областях[1].

Обстановка усугублялась не только расширением географии протеста, но и выдвижением новых требований, а также использованием других форм массовых и радикальных акций протеста. Не везде имелись стратегически важные железнодорожные пути, поэтому горняки, и представители других социально-профессиональных групп, активно использовали в своей борьбе забастовки, голодовки, демонстрации и митинги. Почувствовав растерянность правительственных комиссий, шахтёры выдвигали новые трудновыполнимые требования – это существенное увеличение финансирования отрасли и быстрейшее погашение задолженности по зарплатам[2]. Усиливалась значимость политических лозунгов.

Блокады железных дорог приобретали всё более легитимный характер, что вселяло пикетчикам большую уверенность. Горняки неоднократно подчёркивали своё желание взяться за оружие в случае дальнейших промедлений выплаты «кровно заработанных». Наиболее агрессивно себя вели шахтёры Печорского угольного бассейна. Смелые намерения шахтёров открыто поддерживали отраслевые профсоюзы, которые предлагали создавать вооруженные формирования по защите трудящихся[1]. Глава администрации г. Инты А. Попов в

---

[1] Соловенко И.С. «Рельсовые войны» в России ... С. 98–99; Климов И. «Рельсовая война» шахтёров в мае 1998 г. …

[2] Мельников А. Пришла весна. В Инту полетели начальники. Косяком // Искра. 1998. 27 мая.

[1] Малофеевская Л.Н. Указ соч. С. 359; Что сказал нам Я. Уринсон // Заполярье. 1998. 26 мая.

те дни отмечал: «14–17 мая. На рельсах идут разговоры о голоде и о том, чтобы с кольями и топорами идти на Москву. Это уже реально и очень страшно…»[1].

Не менее агрессивные настроения в мае были и в Кузбассе, особенно в его бастующей столице – Анжеро-Судженске. На вопрос корреспондента: «Не опасаешься, что вывезут вас насильно отсюда?» один из анжеро-судженских горняков ответил: «Слышал про ОМОН. И про войска. Может быть, и вывезут, но я так просто не дамся вывозиться. И некоторые другие – тоже. У нас на шахте четыреста стволов – это только зарегистрированные охотники. А у меня лично их четыре. С карабином»[2]. Поэтому региональные и местные власти вынуждены были обеспечивать членам правительственных комиссий высокую степень безопасности от обозлённых шахтёров.

Федеральная власть теряла контроль над ситуацией. Масштабы чрезвычайной ситуации, сложившейся во время всероссийской акции протеста, подчёркивает тот факт, что 23 мая, когда уже наблюдался спад «рельсового» противостояния, на железных дорогах России простаивали 297 грузовых и 222 пассажирских поезда[3]. Блокада значимых транспортных магистралей парализовала железнодорожное сообщение, поставила на грань выживания сотни предприятий и организаций страны. Все они несли большие экономические потери. Под угрозу была поставлена продовольственная безопасность северных районов Республики Коми, а также территорий Сибири и Дальнего Востока. В Воркуте и Лабытнанги обозначились признаки гуманитарной катастрофы[4], а в районе г. Новочеркасска – экологической[5]. Вместе с тем ещё большую обеспокоенность для россиян представляла судьба пассажиров, оказавшихся в железнодорожном плену.

---

[1] Полоса 04 // Красное знамя (Сыктывкар). 2007. 7 июня; Малофеевская Л.Н. Указ. соч. С. 359.
[2] Попок В. Стояние на Транссибе // Кузбасс. 1998. 21 мая.
[3] Шалакин Г. «Рельсовая война»: пока одни потери // Кузнецкий край. 1998. 23 мая.
[4] Полоса 04 // Красное знамя (Сыктывкар). 2007. 7 июня.
[5] Письмо председателю объединения профсоюза угольщиков Катальникову В.Д. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52. Л. 18.

Тупиковость ситуации не скрывали высокопоставленные лица кремлёвской администрации. По оценке пресс-секретаря Президента РФ С. Ястржембского, 22–23 мая «рельсовые войны» угрожали экономической целостности, социально-политической стабильности, а «в ряде случаев и национальной безопасности» страны[1]. В тот критический момент все россияне услышали радиообращение Б. Ельцина с призывом прекратить блокады железнодорожных магистралей. Глава государства заявил о «необходимости навести порядок в шахтёрской отрасли»[2]. Между тем чёткой программы наведения порядка и выхода из кризиса не было представлено.

Использование насильственных методов серьёзно угрожало масштабным социальным взрывом. Поэтому Правительству России пришлось пойти на значительные уступки, выискивать дополнительные источники финансирования угольной отрасли и обещать дальнейшее стабильное поступление денег. Прав В. Андреев, что в тот момент только «рельсовая война» заставила власть пойти на диалог с собственным народом[3]. Действительно, уже с 23 мая власть на всех уровнях стала усилено решать жизненно важные вопросы горняков. Для стабилизации положения использовались все доступные средства, в первую очередь наращивались объемы финансирования угольной отрасли, также интенсивно устранялись задолженности по зарплатам и пенсиям.

Несмотря на масштабность всероссийской акции протеста, она имела ряд слабостей, которые не позволили добиться реализации ключевых требований пикетчиков. Участие в них горняков было неоднородным. География борьбы показывает, что наиболее активные действия в акциях протеста предпринимались в Печорском угольном бассейне, Кузбассе и Российском Донбассе, где имелась высокая концентрация рабочих-горняков. В разных формах протеста активно

---

[1] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2. М., 2001. С. 296; Огурцов В. Чуда не будет, но деньги можно найти // Российская газета. 1998. 26 мая. С. 1; Акции протеста шахтеров в мае 1998 года (информационно-аналитический обзор) // Горняцкая солидарность. 1998. 14 августа.

[2] Горбунов В. Шахтёры наступили на горло правительственной песне // Контакт. 1998. 26 мая.

[3] Андреев В.П. От «шокотерапии» к «рельсовой войне» ... С. 12.

поддержали «рельсовые войны» работники угольной промышленности Южного Урала, Приморья и Сахалина. Низкая степень участия, либо только моральная поддержка всероссийской акции протеста имела место среди горняков Подмосковья, Поволжья, Хакасии и некоторых других шахтёрских территорий.

В основе незначительной солидарности было поведение и самих участников «рельсовых войн», которое порой выглядело парадоксально. Рабочие угледобывающей отрасли не стали выразителями экономических и политических намерений трудящихся других отраслей и представителей бюджетных организаций, как это было на заре забастовочного движения, в 1989–1990 гг.[1] Они, с одной стороны, требовали отставки Президента Ельцина, с другой – настаивали на быстром погашении задолженности по зарплате[2] и оказании всевозможной финансово-материальной помощи тем же Президентом. Таким образом, всем стала очевидна неуверенность пикетчиков в своих политических требованиях, их готовность обменять лозунг «Долой Президента Ельцина!» на погашение долгов по зарплате. В критический для страны момент шахтёры не особо скрывали приоритет своих материальных интересов над политическими[3].

Активизация борьбы показала наличие таких важных проблем, как острота противоречий между отраслевыми профсоюзами, недостаточная степень непосредственного участия трудящихся в акциях протеста горняков, несогласованность действий между региональным и центральным руководством КПРФ[4], а также отсутствие на федеральном уровне популярного политика, который мог бы так всеобъемлюще выражать их интересы, как это было в годы «перестройки». В критический момент борьбы на рельсах, когда политическая элита страны дрогнула, не оказалось лидера, способного возглавить шахтёрское движение.

---

[1] Требования трудящихся г. Междуреченска переданные в Совет рабочих комитетов города // Архивный отдел администрации г. Междуреченска. Ф. 11. Оп. 1.

[2] Хлопотов В. Прокопьевские шахтёры разрезали страну пополам // Кузнецкий край. 1998. 21 мая.

[3] Поцелуев С.П. Указ. соч. С. 89.

[4] Постановление пленума Кемеровского обкома КПРФ, г. Кемерово, 30 мая 1998 г. // ГАКО. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 75. Л. 26.

Примечательно, что за редким исключением среди стоящих сутками на рельсах не было видно лидеров прежних забастовок (1989–1991 гг.)[1]. Многие их них к тому времени покинули углепромышленные регионы, стали высокопоставленными чиновниками и даже приняли участие в переговорном процессе на стороне Правительства РФ как, например, И. Кожуховский. Остальные молчаливо и с сожалением наблюдали со стороны. Для них были очевидны справедливые требования горняков, которые уже боролись не за «больший кусок колбасы», как это было в 1989 г., а за кусок хлеба для себя и своей семьи.

Непоследовательное поведение шахтёров, тем более на рельсах, стало сигналом не только всей вертикали власти, но и общественным, а также политическим силам, которые на тот момент поддерживали пикетчиков. Почувствовав разобщённость, Кремль выстроил свою стратегию нейтрализации борьбы так, чтобы рабочие угольной промышленности оказались изолированы друг от друга. В то же время, Кабинет министров РФ, как никогда ранее, решал главный вопрос озлобленных шахтёров – погашение задолженности по заработной плате.

Первой, после пяти суток и семи часов блокады, была «освобождена» Северокавказская железная дорога. Всевозможные убеждения известных российских оппозиционеров, прибывших из Москвы в «горячую точку», – В. Анпилова и Л. Рохлина, оставаться шахтёрам на рельсах и таким образом «сломать политический режим»[2] не имели положительного результата. Вице-премьеру, председателю МВК Б. Немцову удалось быстро и «дёшево» убедить горняков в бесперспективности их «войны на рельсах». Были даны гарантии, что в течение ближайшего времени будет выплачено три месячных фонда оплаты

---

[1] Лынев Р. Пламенные борцы – 89, чой-то вас не видно?.. // Кузбасс. 1998. 11 июля.
[2] Гиренко Ю. Эту «рельсовую войну» проиграла вся Россия // Вечерний Ростов. 1998. 25 мая.

труда. В пользу позиции вице-премьера явилось начало выплаты горнякам долгов по зарплате на всех шахтах АО «Ростовуголь»[1].

Слабость блокады Северокавказской железной дороги в отличие от других важных магистралей состояла также в том, что к Ростову-на-Дону вели многие автомобильные трассы. Нельзя не учитывать и те причины, на которые обратили внимание ростовские учёные, свидетели тех событий – А. Дегтярев и Л. Жигунов. Это отсутствие традиции «большой» солидарности шахтёров Дона, неприятие экстремизма, страх перед правовыми последствиями «перекрытия» транспортных коммуникаций, а также убеждение о бесполезности коллективных акций протеста[2].

Быстрая и успешная миссия вице-премьера Б. Немцова в мае в г. Шахты Ростовской области показала, что с горняками можно договориться, используя обещания экономического характера. Поверив Б. Немцову, работники угольной промышленности Ростовской области фактически раскололи все шахтёрское сообщество России пополам. Политические лозунги пикетчиков стремительно превращались в формальность для обеих, участвующих в конфликте, сторон. Большинство же из них стало больше «торговаться» с властью, добиваться дополнительных финансово-экономических уступок в обмен на быстрое решение проблем. В протоколах согласительных комиссий, действовавших в Кузбассе и Печорском угольном бассейне, подавляющая часть требований также имела экономический характер[3]. Лишь незначительная часть горняков, прежде всего в Инте, сохранила непримиримую позицию.

Второй крупной победой органов власти стало «открытие» Транссиба. 24 мая одновременно в Анжеро-Судженске и Юрге с железнодорожной магистрали были

---

[1] События недели телеграфной строкой // Пласт. 1998. № 21 (38), май. С. 1; Горбанева С. Борис Немцов в Шахтах: взгляд из 1998-го… // Пласт. 2015. 15 марта. С. 4.

[2] Дегтярев А., Жигунов Л. Указ. соч. С. 9–15.

[3] Сводный протокол рассмотрения Правительственной комиссией социально-экономического положения в Кемеровской области и состояния дел в угольной отрасли региона (25.05.98г., г. Кемерово) // Личный архив П.П. Холопова; Протокол совещания о мерах по стабилизации социально-экономического положения на предприятиях ОАО «Интауголь», ОАО «Шахта «Западная» и г. Инты // Искра. 1998. 30 мая.

сняты последние пикеты в Кузбассе. Большую работу по разблокированию этой важной для всей страны транспортной артерии проделали вице-премьер О. Сысуев и губернатор А. Тулеев. Однако основным фактором прекращения «рельсовых войн» в Кемеровской области, также как и в Ростовской, стал мощный поток денег[1].

Дольше других Кремлю и региональным органам власти пришлось искать компромисс с шахтёрами Республики Коми. Здесь имелись более боевые профсоюзы, а среди коммунистов отсутствовали распри, которые имелись в других шахтёрских регионах (особенно в Кемеровской области[2]). Кроме того, Северная железная дорога, которую перекрывали шахтёры Инты и Воркуты, не являлась такой стратегически важной для государства как Транссиб или Северокавказская железнодорожная магистраль. Недостатка в угле также не ощущалось. Тем более в сторону традиционных потребителей воркутинского угля уже двигались составы с углем из Кузбасса, Казахстана, Финляндии и Польши[3]. Поэтому Правительство России не спешило принимать меры по разблокированию, ещё больше вбивая клин между углепромышленными территориями.

Это подтверждает и поведение в регионе руководителя правительственной комиссии, министра экономики Я. Уринсона, который не переставал подчёркивать неправомерность шахтёрских требований к Президенту и Правительству РФ. Несмотря на заметное давление профсоюзов, он упорно отказывался выделять угольной отрасли дополнительные средства из госбюджета. Я. Уринсон и высокопоставленные чиновники Республики Коми предложили иным образом урегулировать ситуацию в регионе. Интинским шахтёрам был

---

[1] Дан зеленый свет поездам // Наш город. 1998. 26 мая; Соловенко И.С. Из истории «рельсовой войны» в Кузбассе в 1998 г. // Омский научный вестник. 2010. № 4 (89). С. 10.

[2] Протокол пленума Кемеровского обкома КПРФ, 18 апреля 1998 г., г. Кемерово // ГАКО. Ф.Р-1311. Оп. 2. Д. 7. Л. 54.

[3] Мы можем потерять рынки сбыта // Заполярье. 1998. 20 мая; Давыдов В. Ключевым стало слово «порожняк» // Заполярье. 1998. 29 мая; Давыдов В. Северсталь не собирается отказываться от воркутинских углей // Заполярье. 1998. 30 мая.

обещан комплекс дополнительных мер по стабилизации социально-экономического положения во всем Печорском угольном бассейне[1].

Шахтёров, принимавших участие в блокаде Северной железной дороги, доводы министра не убедили. Вместе с тем призывы отдельных лидеров интинского пикета продолжить борьбу в еще «более жёсткой форме»[2] оказались несостоятельны. Участники «рельсовой войны» были физически и морально измотаны двухнедельным противостоянием. Они слабо представляли варианты «более жёсткой формы» борьбы. Шахтёров Инты и Воркуты психологически угнетали дефицит солидарности, мощный информационный прессинг, непоправимые экономические потери. В этих условиях НПГ России вновь предложил альтернативную форму протеста – всероссийский пикет перед Домом Правительства РФ.

В итоге было принято решение: 25 мая блокаду Северной железной дороги прекратить. Шахтёры согласились с социально-экономическими предложениями федерального Правительства и руководства Республики Коми, но до 15 июня, как средство предупреждения, оставили пикеты на железной дороге[3]. Как и прежде, от пикетчиков удалось откупиться деньгами и обещаниями. 28 мая был ликвидирован последний очаг социальной напряжённости в Инте: семь горняков прекратили голодовку в административном здании ОАО «Интауголь»[4].

В целом, активное участие в «рельсовых войнах» разнообразных социальных и профессиональных групп, несомненно, придало данной акции динамизм, масштабность и силу. Всероссийская акция протеста действительно приобрела народный характер, что отразилось на её широкой общественной поддержке не только в России, но и за рубежом. Вместе с тем разнообразное социальное и профессиональное представительство участников «рельсовых войн» не позволило

---

[1] Протокол совещания о мерах по стабилизации социально-экономического положения на предприятиях ОАО «Интауголь», ОАО «Шахта «Западная» и г. Инты // Искра. 1998. 30 мая.

[2] Ильясова Г. Курс на Москву // Заполярье. 1998. 27 мая.

[3] Мошев Е. Доверяй, но проверяй // Искра. 1998. 28 мая.

[4] Мошев Е. Официально голодающих в Инте больше нет // Искра. 1998. 30 мая.

выработать общую стратегию и тактику борьбы, достичь общих целей и задач. Все ждали, что кто-то возьмёт инициативу и доведет начатый протест до конца, но этого не произошло. В условиях огромной, неравномерно развитой экономики и транспортной системы «поднять» страну посредством блокад железнодорожных путей явилось непосильной задачей.

Всероссийская акция протеста шахтёров на рельсах способствовала мобильному решению социально-экономических проблем горняков. В то же время был нанесен серьёзный экономический урон народному хозяйству регионов, где произошли радикальные акции протеста. Негативные последствия «рельсовых войн» почти не коснулись Москвы, Президента и Правительства РФ. Поэтому многие шахтёры разных угледобывающих территорий согласились с доводами лидеров НПГ России о необходимости пикетирования Дома Правительства РФ.

Начиная с мая, руководство и рядовые члены НПГ России проводили энергичную пропагандистскую деятельность по организации пикета перед Домом Правительства РФ. Наиболее деятельное участие в организации коллективной акции протеста и её проведении приняли горняки Печорского угольного бассейна, где находились самые сильные ячейки этого профсоюза. 11 июня 1998 г. 180 представителей шахтёрских коллективов Воркуты начали пикетирование здания Правительства РФ. Позднее к ним присоединились несколько десятков шахтёров из Инты, а также Ростовской, Кемеровской, Тульской, Челябинской, Сахалинской и Свердловской областей[1]. Рабочие разных регионов страны пытались показать, что они едины в отстаивании своих интересов, определении общих требований. Проведение акции в Москве должно было способствовать росту солидарности с ними других трудящихся, объединению оппозиционных общественно-политических сил, а в конечном итоге к отставке Президента Б. Ельцина.

---

[1] День шахтера ... С. 67; Частная переписка с А.А. Сергеевым от 10.10.2015 г.

Таким образом, «рельсовые войны» сменились другой, не менее угрожающей Кремлю, акцией протеста. Большинство шахтёров осознало, что местные, хоть и радикальные, выступления не могут способствовать реализации главной цели протестного движения – отставки Президента Б. Ельцина. По их мнению, в такой огромной, экономически неравномерно развитой стране, как Россия, лучшим местом давления на центральную власть являлась столица. Шахтёры выступили за всю страну, так как были убеждены, что кризис охватил не только угольную промышленность, но и большинство отраслей экономики, образование, медицину и т.д. Они убедились в том, что их самостоятельные усилия по выбиванию задолженности по зарплате и средств на реструктуризацию не привели к изменениям. Поэтому горняки пытались посредством пикетирования Дома Правительства РФ «поднять» весь трудовой народ, изменить жизнь трудящихся к лучшему. Их попытки были не беспочвенны. В июне 1998 г. 74% россиян одобряли акции протеста против невыплаты заработных плат, а 62% считали, что они в ближайшее время будут нарастать[1].

НПГ России не ограничился только всероссийской акцией протеста у Дома Правительства РФ. 15 июня его исполнительный комитет принял решение активизировать работу на местах в различных регионах. Весь исполком НПГ России разъехался по стране, чтобы организовать митинги, шествия, акции гражданского неповиновения. В российские регионы отправлялись письма и телеграммы с призывами к солидарности и т.д.[2]

Вскоре к московскому пикету присоединились представители известных в стране предприятий, например, работники АвтоВАЗа, Ярославского моторного завода, Смоленской АЭС и др.[3] Высокий накал шахтёрской борьбы в Москве поддерживался локальными акциями протеста трудящихся во многих субъектах

---

[1] Кертман Г.Л. На повестке дня – социальные потрясения? [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/o837501. (дата обращения: 13.02.2015)

[2] Яковенко Р. СМИ о нас лгут // Заполярье. 1998. 1 июля.

[3] Уроки шахтёрской стачки, июнь 1998 г. // РГАСПИ. Ф.-662. Оп. 3. Д. 178. Л. 53; Воронин Д.В., Воронина Н.В. Указ соч. С. 30, 61.

Российской Федерации. Радикальные формы борьбы стали использовать рабочие отраслей, которые ранее к ним почти не прибегали, например, нефтяники[1].

Пикет на «Горбатом мосту» действительно стал центром притяжения оппозиционных сил страны. Третьего июля в Москве, по инициативе НПГ России, состоялось первое организационное заседание Координационного совета солидарности с требованиями шахтёров. Он был создан для того, чтобы согласовывать действия профсоюзов, общественных объединений и организаций, политических формирований, депутатов различных органов представительной власти, поддерживавших инициативы НПГ России по защите гражданских, политических, экономических, трудовых и социальных интересов российских работников и их семей. Представители 13 общественных и политических формирований заявили о своём вхождении в Совет[2].

Несмотря на то, что количество участников московского пикета постепенно возрастало, расширялась география представителей регионов, организаторы акции так и не сумели объединить критическую массу участников. Руководство Росуглепрофа (самого многочисленного отраслевого профсоюза) не поддержало данную акцию протеста. Максимальное количество участников пикета доходило до 300 человек, в пропорции – 150 шахтёров, 150 – не шахтёров. Руководители пикета рассчитывали, что «партии, движения, регионы проведут работу на местах». Но они эту работу не делали, а поддерживали только на словах, либо помогали материально[3].

Большой солидарности горняки не показали. Одни посчитали её бесперспективной, другие – надеялись на обещания федерального Правительства, которые были отражены в «рельсовых» протоколах и потому воздерживались от дестабилизирующих действий. Даже те, которые и готовы были поддержать пикет у Дома Правительства, в условиях безденежья не могли себе этого позволить.

---

[1] «Рельсовую войну» продолжают нефтяники // Красное знамя (Сыктывкар). 1998. 19 июня. С. 1.
[2] Хмылко Р. Различные силы объединяются в поддержку требований шахтеров // Заполярье. 1998. 7 июля.
[3] Лень П.М Указ соч. С. 127–128.

Шахтёрское давление стало слабеть и в силу уменьшения численного состава. К тому времени многие горняцкие города и посёлки свели к минимуму или вообще перестали заниматься угледобычей. Например, в г. Партизанске в июне 1998 г. были ликвидированы фактически все шахты, высвобождено 3300 рабочих[1].

Неоднозначным было отношение к акции протеста рабочих угольной промышленности со стороны трудящихся и политической оппозиции. Многих, к примеру, удивляло поведение шахтёров: в Москве они требовали «Долой Правительство!», а на местах обсуждали способы и варианты взаимодействия с этим самым Правительством[2]. При этом в самом начале стояния на «Горбатом мосту» участники акции протеста старались как в прямом, так и в косвенном виде отгородиться от лево-патриотических партий и движений, ограничить доступ всех желающих присоединиться к ним[3].

Популярность пикетчиков была подорвана жёсткой позицией Президента и Кабинета министров РФ, которые отказывались контактировать с ними, так как не считали себя виновными в задержках заработной платы.

Противоречивым было и отношение к акции протеста у москвичей, которые уже «привыкли» к регулярным выступлениям шахтёров в столице.

Таким образом, участники пикета перед Домом Правительства России не получили той поддержки, на которую рассчитывали. Он был менее эффективен, чем «рельсовые войны» того года, в которых принимали участие трудящиеся и пенсионеры ведущих углепромышленных территорий. Между тем обстановка в шахтёрских регионах продолжала оставаться непростой.

Слабая эффективность пикета перед Домом Правительства РФ привела к идейному расколу среди рабочих угольной промышленности по вопросу о формах и методах борьбы. С одной стороны, они стали чаще использовать забастовки и

---

[1] Бандюков В. Заместителю министра топлива и энергетики Российской Федерации Кожуховскому И.С. (03.06.98 г.) // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 24.

[2] Хмылко И. «Разбора полетов» не было – просто работали // Заполярье. 1998. 26 июня.

[3] Лень П.М. Указ соч. С. 211.

другие, законные формы и методы борьбы, так как власть адекватнее реагировала на них, считая их более приемлемыми с точки зрения решения вопросов угольщиков. С другой – в шахтёрской памяти были свежи оперативные и результативные действия Правительства РФ в ходе всероссийских «рельсовых войн».

Низкая степень погашения задолженности по зарплате инициировала намерение лидеров интинских профсоюзов перекрыть Северную железную дорогу уже 23 июня[1]. Однако руководители НПГ России и Росуглепрофа продолжали удерживать рабочих от использования данной формы отстаивания своих экономических прав и интересов, по-прежнему надеясь на успех пикетирования Дома Правительства РФ. Шахтёры Российского Донбасса и тем более Воркуты всерьёз сомневались в действенности блокад важнейших транспортных магистралей, в их широкую общественную поддержку. В июне использование тактики «рельсовых войн» было зафиксировано только в Приморье. Такие события имели местный и кратковременный характер, с небольшим количеством участников[2].

Более решительные настроения созрели в Кузбассе. Угледобывающие предприятия края понесли наименьший экономический ущерб в ходе майского противостояния с властью в сравнении с другими шахтёрскими регионами. К тому же, под давлением «рельсовой войны» и других масштабных выступлений в крае (за шесть месяцев 1998 г. в акциях гражданского неповиновения приняло участие свыше 120 тыс. человек[3]), Правительством РФ были направлены в Кемеровскую область значительные финансово-материальные средства. Поэтому кузбасские шахтёры неоднократно угрожали вновь выйти на рельсы в случае невыполнения условий соглашений, подписанных совместно с Правительством

---

[1] Мельников А. А в Инте – зеленая зима // Искра. 1998. 23 июня.

[2] Прокурору отдела за исполнением законов в социальной сфере Д.А. Быковой (25.06.1998 г.) // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 176. Л. 6.

[3] Стенограмма совещания по итогам работы правительственной комиссии, г. Кемерово, 25 июля 1998 г. // ГАКО. Ф.Р.-1345. Оп. 1. Д. 399. Л. 30.

РФ. Они ждали третье июля, то есть окончание срока выполнения правительственных протоколов.

Тем временем профсоюзные и забастовочные комитеты городов Кемеровской области проводили предварительную организационную работу. Её итогом стало создание областного забастовочного комитета (Координационный совет городов Кузбасса), а также штаба в г. Анжеро-Судженске[1]. Штаб принял обращение к россиянам, в котором призвал к «свержению антинародного режима» с помощью «всеобщей политической стачки» и «массовой согласованной акции гражданского неповиновения»[2]. Таким образом, в июле центр протестного движения шахтёров России возвращается в Кемеровскую область.

Третьего июля трудящиеся и пенсионеры таких городов, как: Анжеро-Судженск, Юрга и Топки вновь перекрыли Транссибирскую магистраль. Центром борьбы в регионе снова стал г. Анжеро-Судженск. Помимо блокады Транссиба и других дорог кузбасские горняки активно использовали другие формы борьбы. Особенно увеличилось количество пикетов, забастовок и митингов. Высокий накал шахтёрских выступлений в Кузнецком крае фактически отодвинул на второй план всероссийский пикет перед Домом Правительства РФ.

Второе «стояние на рельсах» в Кузбассе было более организованным, продолжительным, массовым и разрушительным, чем первое. Десятки организаций (даже те, которые раньше не участвовали в забастовках) прислали своих представителей. Пикеты солидарности состоялись во многих шахтёрских городах: Киселёвске, Кемерове, Белове, Ленинск-Кузнецком и Междуреченске. В первые дни акции её решительно поддержали даже те, которые до того были мало заметны в протестном движении Кузбасса, например, горняки Осинников. На рельсы вышли не только рабочие угольной промышленности, но и других

---

[1] Никулина Н. А рельсы-то, как водится, у протокола сходятся // Призыв (Юрга). 1998. 26 июня.

[2] Морозова Е. Сегодня одновременно в семи городах Кузбасса выставлены пикеты вдоль Транссибирской магистрали и ее южных ответвлений // Сибирский курьер. 1998. 1 июля.

отраслей народного хозяйства. Высокий уровень солидарности показали машиностроители Юрги, которые перекрыли Транссибирскую магистраль, и, таким образом, блокировали железнодорожное сообщение с Томской областью[1].

Несмотря на начавшуюся в Кемеровской области новую «рельсовую войну», а также срыв графика выполнения договоренностей с Правительством РФ, рабочие Печорского угольного бассейна и Российского Донбасса не поддержали кузбассовцев. Если в то время и предпринимались действия по перекрытию рельс, то не далее подъездных путей собственного предприятия[2]. Рабочие других углепромышленных регионов всё больше сомневались в действенности этой формы протеста, посчитав результаты её использования в мае весьма противоречивыми[3]. По их мнению, в новых рыночных условиях данная форма борьбы ущемляла собственные интересы. Против не только железнодорожных блокад, но и других каких-либо стихийных и радикальных акций протеста выступали отраслевые профсоюзы. В итоге шахтёрская борьба в этих регионах приобрела неорганизованный, очаговый, а, в целом, слабый характер[4].

Это изначально ослабило натиск кузбассовцев на Кремль, внесло раскол даже на региональном уровне. Рабочие таких «революционных» городов края как Междуреченск, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск и Киселевск не приняли непосредственного участия в новой «рельсовой войне». В адрес пикетчиков поступали десятки телеграмм из разных населённых пунктов не только Кузбасса, но и соседних регионов с просьбой открыть движение поездов. Поэтому вскоре шахтёрская борьба стала ориентироваться на использование менее радикальных способов проведения железнодорожных блокад, чем в мае.

С первых дней блокады Транссибирской магистрали в июле, не желая противопоставлять себя ни в чём не повинным людям, пикетчики пропускали

---

[1] Соловенко И.С. «Рельсовая война» в Кузбассе в 1998 г.: этапы, особенности и результаты // Вестник ТГУ. История. 2010. № 3 (11). С. 106.

[2] Шахтеры снова легли на рельсы // Трибуна. 1998. 10 июля. С. 1.

[3] См. например: Любименко Л. А уголь идет … // Пласт. 1998. № 32 (48), август. С. 1.

[4] Работать – нет сил // Заполярье. 1998. 7 июля.

пассажирские и электропоезда[1], а в некоторых случаях (по решению координационных комитетов) даже грузовые[2]. Уже через три дня (шестого июля) под давлением областной исполнительной власти топкинские рабочие прекратили блокирование южной ветки Транссиба[3], ещё более ослабив региональную акцию протеста.

Путь с запада на восток был открыт, а анжеро-судженцы и юргинцы держали в блокаде только Томск. Большого смысла данная акция уже не имела. Седьмого июля на путях Кузбасского отделения железной дороги простаивали всего 17 грузовых поездов, блокированных на главном ходу Транссиба и Томском железнодорожном узле[4]. Правительство РФ умышленно затягивало переговорный процесс, чтобы идти на меньшие уступки. Отдельный очаг напряжённости не представлял какой-либо серьёзной угрозы для экономической и политической стабильности государства. С каждым днём становилось понятно, что горняки других регионов России не будут использовать «рельсовую войну» как форму протеста. По-прежнему не показывали особой эффективности пикет перед Домом Правительства России и другие организованные выступления трудящихся.

Несмотря на слабую результативность протестных действий, а также значительное снижение численности пикетчиков в Анжеро-Судженске и Юрге, некоторые из них всё же отказывались покидать Транссиб. В сложный для пикетчиков момент Координационный совет городов Кузбасса обратился к жителям края с просьбой о поддержке акции и вновь подтвердил своё требование – отставку Президента РФ. Действия пикетчиков решительно поддержало и Законодательное Собрание Кемеровской области.

11 июля произошла встреча представителей бастующих городов Кузбасса с правительственной комиссией. Обе стороны выразили готовность к переговорам.

---

[1] Красильникова Ю. Кто рвется во власть на спинах шахтеров? // Наш город. 1998. 4 июля.

[2] Майдаров В. Ох, не зря президент делает заявления о силовом захвате конституционной власти в России! // Шахтерская правда. 1998. 14 июля.

[3] Новости, цифры, факты, комментарии. Кузбасс: хроника событий 1997–2007. Кемерово, 2007. С. 44.

[4] Соловенко И.С., Епифанцев К.В. «Рельсовая война» в Юрге ... С. 73.

Камнем преткновения стала последовательность осуществления переговорного процесса. Правительственная делегация выступала за схему «разблокирование–комиссия–переговоры». Позиция участников акции выглядела иначе: «комиссия–переговоры–разблокирование»[1].

В итоге после 10 дней блокирования Транссиба каких-либо положительных изменений в разрешении конфликта не произошло. Несмотря на низкую степень солидарности товарищей из других регионов, кузбасские горняки совместно с другими трудящимися края сумели развернуть ещё более масштабные и организованные действия, чем в мае. Представители власти просили рабочих изменить форму протеста, но при этом не уточняли альтернативу и не выполняли своих обязательств, которые были зафиксированы в протоколах согласительных комиссий. Сложилась тупиковая ситуация, когда никто не хотел уступать, что затягивало выход из кризиса.

Между тем, только моральная поддержка пикетчиков и бесплодно затянувшийся импичмент Президента РФ привели к разочарованию в способностях профсоюзных и партийных организаций стать опорой в их борьбе за трудовые права. На пленуме Кемеровского обкома КПРФ 11 июля 1998 г. подчёркивалось: «Особенностью сегодняшних выступлений шахтёров становится то, что возглавить движение протеста некому – ни в области, ни в России. Не нашлось желающих возглавить акции протеста. Следовательно, такие акции обречены на провал и поражение»[2].

Ситуация осложнялась скоплением опасного груза на железнодорожных станциях Кузнецкого края. Возникал справедливый вопрос об его экономическом будущем. В этих условиях губернатор А. Тулеев, с одной стороны, занял жёсткую позицию по отношению к тем протестным акциям, которые имели

---

[1] Красильникова Ю. Пора услышать глас народа, взывающий к разумному исходу // Наш город. 1998. 8 июля.

[2] Протокол заседания пленума Кемеровского обкома КПРФ, 11 июля 1998 г. // ГАКО. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 76. Л. 6.

разрушительные для края последствия. С другой – активизировал меры по борьбе с нарушениями трудового законодательства и экономическими преступлениями.

Предложение губернатора встретило неоднозначную реакцию в забастовочной среде. В Юрге на следующий день после выступления А. Тулеева количество протестующих на рельсах увеличилось в 10 раз, с 300 до 3000[1]. Обстановка осложнялась и отсутствием каких-либо положительных изменений в темпах погашения финансовых обязательств. На 15 июля по сводному протоколу в Кузбасс поступило только 67% от обещанной суммы[2]. Между тем, общественное мнение в протестующих городах области всё более склонялось в пользу позиции губернатора. Его, прежде всего, активно поддержали железнодорожники, а также предприятия и организации, которые не участвовали в блокаде дорог и несли существенные финансово-экономические потери.

Действия А. Тулеева по разблокированию Транссиба поддержали все региональные общественно-политические силы, в том числе Кемеровский обком КПРФ[3]. Требовали изменить форму протеста и руководители многих предприятий и организаций соседних регионов. Особенно их возмущало сохранение рабочего ритма предприятий и организаций Кемеровской области, в то время как им приходилось останавливать работы, сворачивать производство, сокращать зарплату трудящимся и т.д.

На участвующих в блокаде Транссиба стало оказываться колоссальное морально-психологическое давление. Во-первых, их действия подверг жёсткой критике губернатор области А. Тулеев, обладавший высокой степенью популярности в регионе. Во-вторых, нарастало информационное давление, лидерами которого являлись центральные СМИ. В-третьих, пикетчики Кузбасса остались без поддержки их коллег в других углепромышленных территориях, а также трудящихся соседних субъектов Российской Федерации. В итоге

---

[1] Призыв. 1998. 17 июля.

[2] Багаев Е. Тулеев разблокировал Транссиб. На неделю? // Кузнецкий край. 1998. 21 июля.

[3] Постановление Кемеровского ОК КПРФ «Об отношениях коммунистов к акциям протеста шахтеров», 11.07.1998 г. // ГАКО. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 76. Л. 14.

бастующие горняки, машиностроители, врачи, учителя и пенсионеры стали сомневаться в рациональном характере своих действий и были готовы к уступкам.

На этом фоне 19 июля в мятежный регион прибыл вице-премьер О. Сысуев, который «привёз» кузбассовцам 730 млн. рублей по протоколу от 25 мая. Правительство РФ также сообщило А. Тулееву, что договорилось с Японией о кредите в 400 млн. долларов США на развитие угольной отрасли края[1]. Вместе с тем правительственная комиссия заняла неприемлемую позицию по отношению к политическим требованиям и радикальным действиям пикетчиков.

Твёрдая и уклончивая позиция правительственной комиссии явно не удовлетворила членов областного забастовочного комитета. Однако противопоставить какие-либо контраргументы они не смогли, а сил для дальнейшей борьбы было недостаточно. В условиях снижения протестной активности в стране и отказа от участия в «рельсовых войнах» рабочих других городов Кузбасса, шахтёры Анжеро-Судженска были вынуждены отказаться от блокады Транссиба. Они пошли на уступки Правительству РФ, сняли политические лозунги и сели за стол переговоров. Тем более, задержка выплаты заработной платы на многих предприятиях региона по состоянию на 19 июля была существенно сокращена[2].

В тот же день блокада железнодорожных магистралей в Кемеровской области была снята, а сами пикеты отодвинуты от полотна дороги на 50 метров[3]. Таким образом, масштабная «рельсовая война» здесь прекратилась. Затянувшееся противостояние не принесло даже тех результатов, которые рабочие имели в мае. Их уход с Транссибирской магистрали больше напоминал ретираду, когда о политических требованиях уже не было и речи. Хотя определённый финансовый эффект несомненно был.

---

[1] Соловенко И.С. «Рельсовая война» в Кузбассе ... С. 108.

[2] Там же. С. 84.

[3] Заявление Представителей координационных советов городов Кузбасса (29.07.98 г.) // Личный архив В. Д. Кохно.

Несмотря на половинчатость результатов, данная акция явилась широко известной и самой драматичной за всё время протестного движения кузбасских горняков в 1990-е гг. Она спровоцировала новые очаги борьбы по всей России, в том числе и в форме блокад важных транспортных магистралей. 21 июля на рельсы Транссиба вышли ранее молчавшие шахтёры Челябинской области, а на следующий день начались протесты на острове Сахалин[1]. Да и в самом Кузбассе ещё долго сохранялась напряжённая обстановка. Вскоре после подписанных с правительственной комиссией договоренностей шахтёры г. Осинники вновь на несколько дней перекрыли железнодорожную ветку Новокузнецк–Таштагол, требуя прекратить уголовное преследование их товарищей. Угрозы перекрытия железных дорог по этой причине прозвучали и в других городах края. Всем была очевидна иррациональность нагнетания напряжённости в регионе по данной причине, поэтому правоохранительные органы «заморозили» преследование лидеров пикетчиков[2].

Сложная обстановка складывалась в Сахалинской области, где горняки долго показывали упорство, нежелание идти на компромисс до полного погашения задолженности по зарплате. На протяжении десяти дней бастующие препятствовали поставкам угля на ТЭЦ, запасы которого оказались фактически исчерпаны. Высказывалось ими и намерение блокировать крупнейшую в островной области Вахрушевскую ГРЭС. В связи с этим во многих районах острова поставка электроэнергии прекращалась на 14 часов в день, даже в больницах и на предприятиях. Данная ситуация отразилась на всём населении острова, особенно на рыбаках, которые в разгар рыболовного сезона остались с отключенными холодильными установками. Найти решение шахтёрских проблем сахалинскому губернатору И. Фархутдинову удалось только благодаря

---

[1] Island close to blackout: BBC News Online [Electronic resource]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/144708.stm (дата обращения: 14.04.2016 г.).

[2] На старых шахтах старые проблемы // Российская газета. 1998. 24 июля.

вмешательству членов Правительства РФ[1].

Радикальные протестные взгляды в российском обществе сохранились и в дальнейшем. Предлагались различные «стратегии мирного свержения оккупационной власти», в том числе используя «поэтапную блокаду всех наземных и воздушных дорог в масштабах всей страны (от регионов к столице)»[2]. Однако все «революционные» планы оппозиционеров так и остались на бумаге. Главная причина неудачи радикалов состояла в том, что авторами этих обращений являлись представители отдельных политических либо профессиональных групп, причём мало связанных между собой.

Представители трудового народа не имели каких-либо серьёзных информационных ресурсов, а также организационного и координирующего центра что, конечно же, ослабляло их «революционный» натиск. В стране не оказалось политической силы, способной возглавить протестное движение трудящихся России. В этих условиях закономерно встал вопрос об эффективности и целесообразности продолжения акций протеста, наносящих вред производству и ни в чём не повинным гражданам. Определённые надежды рабочие связывали с продолжавшимся в Москве пикетом перед Домом Правительства РФ.

Таким образом, неоднородный характер социально-экономических проблем углепромышленных территорий, а также причин их протестной активности обусловили наличие неоднородной динамики борьбы в ходе второго этапа. При всём том видимом нарастании шахтёрского недовольства в стране, с января по апрель 1998 г. своего пика протестное движение шахтёров достигло только в Приморье. В мае всероссийские «рельсовые войны» явились пиковым моментом для горняков Российского Донбасса и Инты. Июль стал пиковой точкой для

---

[1] Island close to blackout … URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/144708.stm (дата обращения: 14.04.2016 г.); Лень П.М. Указ. соч. С. 131.

[2] Обращение участников митинга протеста учёных Новосибирских научных центров РАН и РАСХ к рабочим предприятий всех отраслей промышленности России // Личный архив Л. А. Совальсковой; Обращение представителей шахтерских регионов к трудящимся России и депутатам обеих палат Федерального Собрания РФ // Личный архив П. П. Холопова; Давыдов В. Уместнее блокировать Московскую кольцевую // Заполярье. 1998. 22 мая; Хмылко Р. НПГ – во главе, НПРУП – против // Заполярье. 1998. 21 июля.

шахтёров Кузбасса и Воркуты. Динамичное, и несколько неожиданное для Кремля, нарастание протестного движения шахтёров весной 1998 г., сменилось, не менее неожиданной для всех растерянностью «авангарда борьбы рабочего класса» в конце июля. Надежды рабочих самостоятельно и быстро решить проблемы угольной промышленности не увенчались успехом. Не понятны были дальнейшие перспективы борьбы.

3.3 Изменение общественного мнения в оценке шахтёрских акций протеста

Второй этап явился ещё более противоречивым в вопросе общественной поддержки борьбы горняков России. Однако, в целом, народная солидарность выгодно складывалась для участников акций протеста. Весной 1998 г. массовые выступления одобрялись подавляющим большинством населения (80%)[1]. В российском обществе сформировалось устойчивое мнение о необходимости использования решительных действий по «наведению порядка в стране». Низкая поддержка социально-экономической политики Кремля имелась во всех углепромышленных территориях[2], что явилось важным фактором включения трудящихся и пенсионеров в массовые антипрезидентские выступления, которые организовывались совместно с горняками.

Сами шахтёры предприняли ряд мер, направленных на укрепление доверия населения. Во-первых, ими велась тщательная работа по выстраиванию отношений со СМИ, что позволяло исключить возможные провокации со стороны «проельцинских» программ и газет[3]. Во-вторых, они продолжили критику собственного забастовочного движения 1989–1991 гг. В основном это отражалось

---

[1] Петрова А. Указ. соч.

[2] Лень П.М. Указ. соч. С. 229; Найден главный виновник «рельсовой войны» // Заполярье. 1998. 9 июня и др.

[3] Россияне! Товарищи! 21.06.98 // Текущий архив Независимого профсоюза горняков России; Протокол № 20 заседания президиума Прокопьевского теркома Углепрофсоюза, 15.01.1998 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 338. Л. 3; Архипов П. Холодная весна 98-го // Искра. 1998. 16 мая.

в местной и региональной печати (статьи и фотографии), а также в распространявшихся шахтёрами листовках[1]. Новая волна «покаяния» показала смену руководства в местных рабочих комитетах и отраслевых профсоюзах, дифференцировала сторонников и противников борьбы с режимом Б. Ельцина, способствовала сближению горняков с трудящимися всей страны. В-третьих, почти все они показывали готовность к сотрудничеству и коллективным действиям с любыми оппозиционными силами.

Динамичное распространение в течение второго этапа массовых и радикальных акций протеста горняков, прежде всего «рельсовых войн», а также выдвижение ими популярных политических требований свидетельствовало о смелости рабочих угольной отрасли, уверенности в поддержке их борьбы не только населением собственных регионов, но и всей страны. На широкую общественную поддержку шахтёров повлияли многие факторы – это разочарование реформами, близость уровня социально-экономического положения, привлекательность лозунгов и др. Особенно выделялся рост всеобщего недовольства жизненным уровнем населения, который протекал на фоне финансово-экономического и политического кризиса.

Борьба шахтёров приобрела высокий накал, сопровождалась необычайно широкой и многообразной общественной поддержкой. Немаловажной причиной солидарности трудящихся и пенсионеров с горняками стало и их собственное поведение. Они показывали твёрдую уверенность в правильности своих действий, боролись за дисциплину и порядок в местах проведения акций протеста, заявляли о солидарности с трудящимися других отраслей и регионов и т.д.

На втором этапе, в отличие от первого, наиболее значимым фактором поддержки протестных действий шахтёров было непосредственное *участие в них представителей других социально-профессиональных групп населения*. Особенно воодушевляло горняков присоединение к ним трудящихся и пенсионеров во

[1] Обращение рабочего комитета г. Анжеро-Судженска к солдатам и офицерам войск МВД и ОМОНа // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

время радикальных и незаконных акций протеста. Это была большая смелость с их стороны, так как власть часто подчёркивала свою решимость пресекать подобную солидарность. В пользу шахтёров было полуголодное состояние и революционные настроения трудящихся, которые считали своим долгом помочь борющимся горнякам. Поэтому существенный рост сторонников наблюдался в сложные, критические моменты противостояния, сопровождавшиеся реальными угрозами применения против шахтёров силы.

Наиболее драматические события во время второго этапа развивались в ходе всероссийских «рельсовых войн» в мае 1998 г., когда жители шахтёрских городов и посёлков в едином порыве выдвинули лозунги, близкие многим россиянам. Налицо была героизация протестного поведения горняков. Родители целенаправленно приводили на рельсы своих детей, чтобы те увидели, как они борются за возвращение своих долгов по зарплате. Активное участие в «рельсовых войнах» разнообразных социальных и профессиональных групп, несомненно, придало данной акции динамизм, масштабность и силу. Всероссийская акция протеста приобрела народный характер, что отразилось на ее широкой общественной поддержке в стране.

Днём и ночью рядом с горняками на железнодорожном полотне отстаивали свои права рабочие, медики, учителя, работники автомобильного транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, культуры, дошкольных образовательных учреждений, учащиеся техникумов и т.д. Порой их было даже больше, чем самих шахтёров[1]. Участвовали в перекрытии железных дорог жёны и дети горняков, а также члены семей представителей других социально-профессиональных групп. Часто, во время акций, женщины вели себя более решительно, чем мужчины, подавая пример смелости своим мужьям и братьям.

Активное участие в блокадах важных транспортных магистралей приняли российские пенсионеры. Их социально-экономическое положение являлось не

---

[1] Акции протеста шахтеров в мае 1998 года (информационно-аналитический обзор) // Горняцкая солидарность. 1998. 21 августа.

лучше, чем у рабочих и бюджетников. Размеры пенсионного обеспечения были низкими, индексация производилась далеко не пропорционально инфляции. Весной 1998 г. задержки выплаты пенсий составляли до нескольких месяцев[1]. Других источников существования у пожилых людей не было, а найти подработку в условиях огромной безработицы являлось мало реальной возможностью. Не оправдали их надежд «ваучеризация» страны и многочисленные финансовые «пирамиды». Подавляющая часть ветеранов труда находились за чертой бедности. На рост солидарности пенсионеров с горняками влияла и их идейная близость с КПРФ.

Непосредственное участие в акциях протеста представителей других социально-профессиональных групп населения стало явным признаком легитимности шахтёрской борьбы с режимом Б. Ельцина.

В ходе второго этапа заметно возросла *материальная помощь* шахтёрам, так как их акции приобрели массовый, затяжной, порой изматывающий характер. Особенно это было очевидно в ходе «рельсовых войн» и пикета перед Домом Правительства РФ. Местные жители приносили участникам акций протеста хлеб, продукты, дрова, тёплые вещи, папиросы, газеты и другие товары первой необходимости. Среди населения, оказывавшего материальную помощь, нередко встречались представители мелкого и среднего бизнеса. Наиболее значимым шагом с их стороны являлось сдерживание прогнозируемого роста цен на продукты питания и товары широкого потребления[2]. Высокий уровень солидарности предпринимателей объясняется двумя причинами: во-первых, они прекрасно понимали, что деньги, за которые борются шахтёры, – это часть их будущей прибыли; во-вторых, наличие территориальной, социальной и даже родственной близости с ними.

---

[1] Требуется вмешательство Президента // Кузбасс. 1998. 19 мая.

[2] Протокол № 13 заседания президиума Ростовского обкома КПРФ, г. Ростов-на-Дону, 30 мая 1998 г. // ЦДНИРО. Ф.Р-3703. Оп. 1. Д. 33. Л. 15; Хлопотов В. Тогда считать мы стали раны… // Кузнецкий край. 1998. 26 мая.

Радикальные действия рабочих угольной промышленности поддерживали и крестьяне. Они надеялись на то, что таким образом можно повлиять на политику Президента и Правительства РФ, прежде всего, в отношении к гибнущему сельскому хозяйству. Поэтому в мае 1998 г. помощь участникам «рельсовых войн» шла от жителей прилегающих районов. Наибольшую солидарность оказали селяне Кемеровской области и Республики Коми, так как блокирование магистралей на их территории было более продолжительным, чем в других регионах. Крестьяне привозили пикетчикам молоко, овощи, картофель, мясо и другие продукты питания.

Особенно приятна горнякам была помощь из других субъектов РФ. В процессе проведения акций большое содействие им оказывали предприятия соседних регионов, передавая тушёнку, колбасу, мыло и другие промышленные и продовольственные товары. Жители соседних регионов отправляли посылки с продуктами питания, спичками, солью, чаем и т.д. В основном товары первой необходимости направляли ветераны войны и труда, которые сами испытывали неимоверную нужду. Отправляли посылки рабочие и представители бюджетных организаций. Очень активные действия в оказании материальной помощи осуществляли учёные, например, Новосибирского Академгородка. Они дважды организовывали сбор продуктов, которые во время «рельсовых войн» 1998 г. на грузовиках были направлены в гг. Анжеро-Судженск и Юрга[1].

Протестующим шахтёрам отправляли и деньги, порой немалые. К примеру, в мае 1998 г., генеральному директору ОАО «Интауголь» пришла телеграмма из г. Ельца Липецкой области: «Мы, матери сыновей-шахтеров Инты, поддерживаем вас, дети. Высылаем пенсию в поддержку бастующих. Нас 70 матерей»[2]. Передавали деньги разными способами, в том числе и через газеты, например,

---

[1] Воспоминания Л.А. Совальсковой. Стенограмма беседы от 20 апреля 2009 г. // Личный архив Соловенко И.С.

[2] Архипов П. Нужна не подачка, а продуманная политика // Искра. 1998. 19 мая.

через «Советскую Россию»[1]. Материальную помощь оказывали не только граждане, но и общественно-политические организации (особенно выделялись КПРФ и «Трудовая Россия»), депутаты Государственной Думы[2] и т.д.

Во время начала всероссийского пикета шахтёров перед Домом Правительства РФ в июне–июле 1998 г. большое значение имела солидарность с ними жителей Москвы. Они помогали пикетчикам продуктами питания, деньгами, оказывали медицинскую помощь и бытовые услуги и т.д. Некоторые делали это втайне, боясь потерять работу[3]. Однако большинство делали это открыто, в том числе и звёзды российской эстрады[4].

Оказание материальной помощи гражданами и организациями в сложных социально-экономических условиях позволяло протестующим шахтёрам увеличить своё давление как в количественном, так и в качественном измерении.

На втором этапе самым распространенным способом поддержки горняков оставалась *моральная солидарность* с их протестными действиями. В основном она выражалась в ходе самостоятельных массовых акций протеста. В начале 1998 г. динамично возросла забастовочная активность трудящихся страны, увеличивалось количество их митингов и демонстраций. Отдельные выступления трудящихся, особенно в мае–июле 1998 г., носили многотысячный характер и имели широкую географию[5]. Они выдвигали требования аналогичные шахтёрским. Активнее других о поддержке шахтёрской борьбы заявляли работники образования и здравоохранения.

В отличие от предыдущих лет на втором этапе протестные действия горняков реально поддержали учёные, студенты, работники культуры и дошкольных

---

[1] Уснанов И. «Долой такую жизнь!». Шахтерский пикет в «Советской России» // Советская Россия. 1998. 4 июля.

[2] Уроки шахтёрской стачки, июнь 1998 г. // РГАСПИ. Ф.-662. Оп. 3. Д. 178. Л. 53; Протокол расширенного заседания Президиума Ростовского обкома КПРФ, г. Ростов-на-Дону, 18 мая 1998 г. // ЦДНИРО. Ф.Р-3703. Оп. 1. Д. 33. Л. 38; Лень П.М. Указ соч. С. 127.

[3] Хмылко Р. Пикет на Горбатом мосту: не только шахтёры // Заполярье. 1998. 8 июля.

[4] Кобзон и Сосо привезли сигареты. Пикетирование продолжается… // Трибуна. 1998. 3 июля. С. 1; Лень П.М. Указ. соч. С. 249.

[5] Емченко Ф., Косвинцев А. Указ. соч.; Пьяных Г. Указ. соч.

образовательных учреждений. Многие акции рабочих и бюджетников координировались отраслевыми профсоюзами, а также ФНПР, поэтому имели масштабный характер и позволяли выразить протест всего трудового народа.

Моральная солидарность существенно возросла в мае–июле, когда проводились всероссийские акции протеста на рельсах, а также началось пикетирование Дома Правительства РФ. В мае 62% россиян одобрили перекрытие шахтёрами железных дорог. Их действия воспринимались как крайняя мера, направленная на привлечение внимания властей (прежде всего федеральных) к сложившейся ситуации, и в этом качестве они находили понимание среди россиян[1]. Среди широкого круга одобривших транспортные блокады, были и те, кто непосредственно пострадал от действий пикетчиков. Люди с пониманием относились к требованиям шахтёров и старались, насколько это было возможно, их поддержать[2]. Таким образом, в мае 1998 г. россияне готовы были терпеть лишения и трудности, надеясь на отставку Президента РФ Б. Ельцина, либо на скорую перемену им социально-экономического курса.

Солидарность с шахтёрами выражалась не только в молчаливом сострадании, но и конкретных действиях по поддержанию их «боевого» духа. В ходе продолжительных акций протеста шахтёров дети и ветераны устраивали для них концерты художественной самодеятельности, присылали им письма и телеграммы, во многих газетах публиковались слова поддержки «справедливым требованиям»[3] и т.д.

В некоторых случаях моральную поддержку справедливой борьбе горняков оказывали звёзды российской эстрады. Наиболее подходящей для этого площадкой стало место пикета Дома Правительства РФ, где перед шахтёрами выступили такие известные эстрадные исполнители, как: И. Кобзон, М.

---

[1] Кертман Г.Л. «Рельсовая война» в политическом измерении. [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/form_anti/o836301. (дата обращения: 13.02.2015)

[2] Смысленко О. Пассажиры на Лихой уже хлебнули лиха… // Вечерний Ростов. 1998. 21 мая; Операция «Конфликт» // Заполярье. 1998. 3 июня.

[3] Архипов П. Нужна не подачка, а продуманная политика // Искра. 1998. 19 мая; Хмылко Р. Шахтёры теперь стократ сильнее! // Заполярье. 1998. 3 июля.

Хлебникова, В. Легкоступова, С. Павлиашвили, М. Распутина, группа «Доктор Ватсон» и др.[1]

Сочувствие и солидарность с требованиями шахтёров выражали жители соседних регионов, хотя порой они сами являлись заложниками акций протеста. В сложном экономическом положении во время блокад Транссиба в 1998 г. оказалась Томская область. Несмотря на это, в «Обращении Профактива Томской ГРЭС-2 к бастующим жителям Кузбасса (7 июля 1998 года)» была выражена «горячая поддержка решительным и мощным акциям протеста шахтёров и всего Трудового Кузбасса против антинародного режима, захватившего власть в России»[2]. О своей солидарности с «бастующими шахтёрами Анжеро-Судженска, Юрги, Топок» в тот же день заявило Томское областное Движение «В защиту прав женщин, материнства и детства»[3]. И это был не последний факт моральной поддержки участников блокады Транссиба со стороны томичей.

В исключительных случаях («рельсовые войны», пикет перед домом Правительства России) радикальные акции протеста получали моральную поддержку со стороны представителей местных органов власти, руководителей предприятий, общественных организаций, правоохранительных органов и даже армии[4]. А в Челябинске несколько офицеров милиции подали в отставку, не желая участвовать в действиях против шахтёров, блокирующих рельсы[5].

Вполне закономерной и наиболее близкой пикетчикам была моральная

---

[1] Лень П.М. Указ. соч. С. 249; Кобзон и Сосо привезли сигареты. Пикетирование продолжается… // Трибуна. 1998. 3 июля. С. 1.

[2] Обращение Профактива Томской ГРЭС-2 к бастующим жителям Кузбасса (г. Томск, 7 июля 1998 г.) // Личный архив П.П. Холопова.

[3] Письмо Томского областного Движения «В защиту прав женщин, материнства и детства» бастующим шахтерам Анжеро-Судженска, Юрги, Топков (г. Томск, 7 июля 1998 г.) // Личный архив П.П. Холопова.

[4] Протокол № 21 21-ой чрезвычайной сессии городского Совета народных депутатов, 15 мая 1998 г. // Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Ф. 110. Оп. 1. Д. 14. Л. 18; Архивный отдел администрации г. Берёзовского Кемеровской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 7. Л. 138; Протокол чрезвычайной конференции трудовых коллективов предприятий угольной промышленности, 25.12.1998 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 340. Л. 20; Общественная палата Кемеровской области ... С. 60; Акции протеста шахтеров в мае 1998 года (информационно-аналитический обзор) // Горняцкая солидарность. 1998. 17 июля; Батищев В. В «Интаугле» новый генерал. Правда, в ранге и.о. // Красное знамя (Сыктывкар). 1998. 10 июля. С. 1; Волгарь В. Прорыв на Красную площадь // Трудовой Новокузнецк. 1998. 17 июля; Шахтерское спасибо // Искра. 1998. 20 октября и др.

[5] Лопатин Л.Н. Шахтёры и «начальство» ... С. 70.

солидарность с ними представителей региональных и местных органов власти. Несмотря на то, что реакция исполнительной и законодательной ветвей власти субъектов РФ была неоднозначной, она всё-таки соответствовала «общим», региональным интересам. Руководители субъектов РФ и городов, где железнодорожные пути были блокированы, проявляли сочувствие социально-экономическому положению пикетчиков, хоть и выступали против данной формы протеста. Такое сочувствие очень многое значило для горняков и их семей, так как давало повод надеяться на перемены внутриполитического курса в стране.

На рост общественной поддержки протестных действий горняков серьёзным образом влияла позиция региональных лидеров. Из них наиболее заметную моральную поддержку шахтёрам оказывал А. Тулеев. Он открыто критиковал Правительство РФ за провалы в ходе реструктуризации угольной промышленности, регулярно напрямую обращался к Президенту и Правительству РФ с просьбами об оказании помощи шахтёрским городам и посёлкам и т.д. Своими оппозиционными заявлениями А. Тулеев объединял всех шахтёров страны. Высокую популярность он, к примеру, имел в Ростовской области, где горняки неоднократно призывали собственного губернатора и глав городов «брать пример с А. Тулеева»[1].

Высокая степень солидарности наблюдалась со стороны органов законодательной власти шахтёрских регионов. Они не осуждали «рельсовую войну» как средство борьбы за конституционные права граждан. Пикетчиков открыто поддержали органы законодательной власти не только углепромышленных территорий, но и субъектов Российской Федерации, далеких от «шахтёрских проблем», например, Рязанской и Ярославской областей. Всего около 20 региональных Законодательных собраний[2].

Значимой поддержкой для шахтёров являлись солидарные действия с ними

---

[1] Обращение к жителям Ростовской области от 29 августа 1998 г. // ЦДНИРО. Ф.Р-3703. Оп. 1. Д. 33. Л. 86; Гаркушев Е. И отдыхали, и митинговали… // Наше время (Ростовская область). 1998. 7 мая.

[2] Лень П.М. Указ. соч. С. 229; Уснанов И. Указ. соч.

со стороны депутатов Государственной Думы, как правило, коммунистов. В отличие от КПРФ депутаты других фракций в большей мере показывали солидарность, когда рабочие угольной промышленности использовали нерадикальные формы борьбы. Во время шахтёрского пикета перед Домом Правительства РФ Государственная Дума приняла Постановление о его поддержке. А в июле депутатами различных фракций был создан штаб в поддержку пикетирующих шахтёров, что сделало их «стократ сильнее»[1].

Высокий уровень протестных настроений очень наглядно демонстрировали средства массовой информации, благодаря которым каждый не только в России, но и за рубежом мог иметь представление о происходящих событиях. Значительный интерес со стороны представителей СМИ вызвали массовые и радикальные акции протеста. В «горячих точках» работали корреспонденты различных телеканалов, журналов и газет, в том числе зарубежные. Журналисты проводили фото- и видеосъёмку акций протеста, брали у шахтёров интервью, интересовались их проблемами, уточняли требования и т.д. В результате о «рельсовых войнах» и пикете у Дома Правительства в России узнал весь мир. К российским пикетчикам поступали письма поддержки из Канады, США, Японии и других стран[2]. Борьбу российских шахтёров решительно поддержали зарубежные и международные профсоюзы[3], а также коммунистические партии[4]. Они не только проявляли моральную солидарность, но и оказывали реальное давление на Правительство РФ с целью защиты трудовых прав горняков России.

---

[1] Председателю Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации Селезневу Г.Н. от Генерального прокурора Российской Федерации Ю.И.Скуратова // Личный архив В.Д. Кохно; Лень П.М. Указ. соч. С. 218; Хмылко Р. Шахтёры теперь стократ сильнее! // Заполярье. 1998. 3 июля.

[2] Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска; Russian Miners Protest Wage Promise [Electronic resource]. URL: http://www.northstarcompass.org/nsc9806/miners.htm (дата обращения: 27.02.2017 г.).

[3] На защите прав горняков // Заполярье. 1998. 28 августа; Акции протеста шахтеров в мае 1998 года (информационно-аналитический обзор) // Горняцкая солидарность. 1998. 17 июля.

[4] Протокол заседания бюро Кемеровского (платформа МЛС) обкома КПРФ, 19 июня 1998 г., г. Кемерово // ГАКО. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 77. Л. 19.

Моральная поддержка протестных действий горняков позволяла усиливать общее давление на власть, мобильнее решать системные проблемы внутренней политики.

Между тем, на втором этапе протестного движения шахтёров произошёл ***перелом общественных настроений в вопросе его поддержки.*** Из широкого спектра причин данного явления выделяются такие, как: неуверенность в возможности протестов вообще, материальный ущерб и бытовой дискомфорт, нерешительность шахтёрской борьбы, угроза дестабилизации общественно-политической обстановки в стране, давление средств массовой информации.

Ключевая причина снижения внимания к борьбе рабочих угольной промышленности состояла в сохранении среди россиян *неуверенности в возможности протестов вообще,* их способности таким образом изменить курс реформ. В апреле 1998 г. только 29% из них были уверены в реальном положительном результате акций протеста. Не верили в их эффективность 61% респондентов[1]. Подобную ситуацию ярко характеризуют, сказанные Р. Дарендорфом, слова: «Для большинства стремление сломать повседневную рутину в куда большей мере перевешивалось страхом и мрачными предчувствиями»[2]. Это объясняет преобладание морального сочувствия и солидарности большинства россиян с протестными действиями шахтёров. Мало того, в исключительных случаях чувствовалась отчуждённость к их социально-экономическому положению и политической беспомощности.

В годы «шоковой терапии» борьба горняков выглядела не столь организованной, масштабной и привлекающей к себе внимание, как это было во времена «перестройки». У них не было признанных лидеров, чёткой программы действий, а, главное, классовой солидарности. Поэтому многие россияне не верили в значительный успех протестного движения шахтёров в новых политических и экономических условиях развития государства. Хотя население

---

[1] Петрова А. Указ. соч.
[2] Дарендорф Р. Указ. соч. С. 11.

сочувствовало шахтёрам, совместных акций протеста было очень мало. Исключение составляли углепромышленные территории и московский пикет. В то время лишь 12,6% граждан полагало, что «рельсовая война» сможет повлиять на улучшение жизни людей и страны в целом[1]. Ещё меньше надежд подавал пикет перед Домом Правительства РФ, в ходе которого, по выражению В. Ильина, стучание касками «превратилось в шоу для московских туристов»[2].

Пока шахтёрская борьба не несла *материального ущерба и бытового дискомфорта* на частном уровне она не вызывала широких отрицательных эмоций. Акции протеста горняков воспринимались как часть новой повседневной реальности, сопряжённой с широкими демократическими правами и свободами. Негативное отношение к акциям протеста горняков нарастало постепенно и, прежде всего, коснулось тех из них, которые несли масштабное разрушительное действие. Порой имелась парадоксальная ситуация, когда общество приветствовало радикализацию борьбы, а потом её осуждало, так как затрагивались личные интересы граждан.

От радикальных протестов страдали представители многих отраслей экономики – сельского хозяйства, металлургии, дорожного строительства и т.д. Серьёзные экономические потери несла вся страна, но особенно регионы, соседствовавшие с Кузбассом, Печорским угольным бассейном и Российским Донбассом. Большое беспокойство вызывали угрозы безопасности и жизнедеятельности соседних городов, особенно таких крупных как Ростов-на-Дону[3].

Возмущение трудящихся вызывало то, что в ходе массовых и радикальных акций протеста угледобывающие предприятия продолжали функционировать. Даже «зачинщики» всероссийской «войны» на железных дорогах в мае – шахтёры

---

[1] Чувашова Н.И. Указ. соч. С. 136.
[2] Ильин В.И. Указ. соч. С. 171.
[3] Малыгин М. Без опаски за здоровье // Молот. 1998. 26 мая.

компании «Интауголь», во время протестной акции продолжали работать[1]. Между тем, другим организациям приходилось останавливаться полностью или частично. В адрес пикетчиков постоянно поступали телеграммы с убедительной просьбой пропустить вагоны с углем и другим необходимым сырьем. Для жителей Крайнего Севера железнодорожный путь действительно являлся «дорогой жизни», так как других возможностей доставлять грузы фактически не было. Отказы шахтёров удовлетворить коллективные просьбы трудящихся вызывали недоумение и рост негативной реакции к их акциям протеста.

Ещё большее недоумение в обществе вызывали факты погашения долгов по заработной плате шахтёрам, из средств фондов, предназначенных для выплаты пенсий и летнего отдыха детей[2]. Сочувствуя положению горняков, трудовые коллективы предлагали им перенести пикеты к зданиям федеральных и региональных органов власти. Весной–летом 1998 г. резкий рост задолженности имелся везде, поэтому выступления горняков порой воспринимались как нетерпеливость и даже шантаж[3].

Наибольшее негодование в связи с радикальными действиями горняков высказывали работники железной дороги. Это было вызвано не только вынужденным простоем и потерей заработной платы, но и наличием большой задолженности угольщиков за перевозки, а также угрозами выхода ситуации из-под контроля пикетчиков[4]. Высокое сопротивление «рельсовой войне» оказали железнодорожники юга России. По всей Северокавказской магистрали, от г. Шахты до г. Махачкала, проходили митинги железнодорожников, на которых выражалось несогласие с действиями шахтёров, перекрывших движение поездов.

---

[1] Приказ генерального директора АО «Шахта Восточная» «О работе шахты на период проведения Всероссийской акции протеста и-за невыплаты заработной платы», г. Инта, 21 мая 1998 г. // НАРК. Ф.Р-1957. Оп. 1. Д. 386. Л. 197.

[2] Протокол № 13 заседания Президиума Ростовского обкома КПРФ, г. Ростова-на-Дону, 30 мая 1998 г. // ЦДНИРО. Ф. 3703. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.

[3] Климов И. «Рельсовая война» шахтёров в мае 1998 г. …

[4] Хмылко И. Обстановка на железной дороге // Заполярье. 1998. 22 мая.

На них звучали заявления готовности своими силами освободить дорогу[1]. Если в мае железнодорожники Кемеровской области особенно не противились акциям протеста на рельсах, то в июле они уже конкретными действиями «защищали свою работу… от попыток пикетчиков перекрыть грузовое движение»[2].

В июле критика «рельсовых войн» нарастала уже не только из уст отдельных граждан и представителей железной дороги, но и со стороны местных органов власти, общественных организаций, а также тех предприятий, которые долгое время «выдерживали паузу»[3]. О нежелании «стоять на рельсах» говорит и факт немногочисленного присутствия в середине июля жителей кузбасских городов, принявших участие в пикете. В мае было заметно больше желающих проявить свою солидарность. Изменение общественного мнения не в пользу «рельсовой войны» серьезно ударило по моральному духу горняков.

Налицо была и смена протестных настроений среди самих шахтёров, их *нерешительность*. Несмотря на затягивание Правительством РФ выполнений принятых решений, рабочие Печорского угольного бассейна и Российского Донбасса потеряли интерес к радикальным формам борьбы. В дальнейшем многие из них выступили с критикой использования блокад железных дорог как средства реализации своих требований, посчитав их разрушительными, прежде всего, для самих углепромышленных регионов. Ещё более пассивно к массовым акциям протеста относились рабочие разрезов, которые не получали госдотаций и находились в условиях самоокупаемости. Они лишь морально поддерживали своих коллег. Отсутствие каких-либо реальных политических достижений участниками всероссийских «рельсовых войн», пикета у Дома Правительства РФ

---

[1] Батайску грозит отпуск без содержания // Молот. 1998. 22 мая; Кобякин В. «Рельсовая война»: Мир или перемирие?.. // Наше время. 1998. 26 мая.

[2] Solovenko I.S., Kust T.S. Social Attitudes to Miners' Protests during the Transition to Market Relations (1992 – 1999) // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 166. P. 664.

[3] Обращение городского Совета народных депутатов и трудящихся к жителям города Анжеро-Судженска, 06.07. 1998 г. // Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Ф. 110. Оп. 1. Д. 12. Л. 55; Д. 14. ЛЛ. 26–27; Владимиров С. «Рельсовая война» обходится дороге в 600 миллионов // Вечерний Челябинск. 1998. 30 июля.

и т.д. негативно отразилось и на умонастроениях россиян в вопросе рациональности использования шахтёрами радикальных форм протеста.

Протестное движение шахтёров выделялось своей мощью на фоне других *дестабилизирующих факторов*. Не вызывает сомнения тот факт, что в мае–июле страна находилась в условиях революционной ситуации. Многие это понимали и, поэтому боялись серьёзных социальных потрясений. Особый страх в обществе вызвала такая массовая и радикальная форма борьбы как блокады важнейших транспортных магистралей. С первых дней всероссийской «рельсовой войны» в мае у неё было немало противников как в шахтёрских регионах, так и в стране в целом. По результатам соцопросов 13% жителей России в то время опасались развязывания гражданской войны[1]. По мере безрезультатного противостояния между шахтёрами и федеральной властью численность сторонников железнодорожных блокад снижалась.

Причиной роста критики акций протеста горняков являлось неоднозначное мнение россиян в вопросе реализовывавшихся ими целей, задач и требований. Ситуация была в определённой степени похожа с той, которая возникла в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Тогда многим казалось, что шахтёры боролись за лучший путь развития, но в итоге была потеряна страна, народное хозяйство пришло в упадок, уровень жизни населения снизился в разы, утвердившаяся в дальнейшем «демократия» вызывала много вопросов и т.п. Особенно угнетало россиян то, что шахтёры оказались причастны к развалу Советского Союза, потере страной статуса великой державы. В то время идея единения народов России в целях её возрождения как великой державы находила более 40% сторонников среди опрошенных[2]. Это, безусловно, влияло на умонастроения россиян.

Критика забастовочного прошлого горняков всё чаще звучала из уст представителей различных социально-профессиональных групп. В течение

---

[1] Серебрянников В.В. Системный кризис и предотвращение насилия // Власть. 1998. № 10–11. С. 83.
[2] Бызов Л.Г. Первые контуры «постпереходной эпохи» // Социс. 2001. № 4. С. 6.

рассматриваемого этапа больше других политические «заблуждения» шахтёров, их поддержку Б. Ельцина вспоминали те рабочие, чьи предприятия оказались в критическом положении из-за радикальных акций протеста. В мае 1998 г. против пикетчиков на рельсах активно выступили железнодорожники, которые неоднократно припоминали шахтёрам «с чего началась демократия». В те дни, например, рабочие станции Новокузнецк-Восточный, обращаясь к пикетчикам, подчеркивали: «Полностью поддерживаем ваши требования, но считаем неприемлемой такую форму борьбы. В этой борьбе не может быть победителей даже в том случае, ели центр пойдет на уступки. Не берите грех на душу, какой однажды вы уже совершили и за который мы все до сих пор расплачиваемся!»[1]. Подобные обращения, безусловно, деморализовывали шахтёров, снижали солидарность с ними других трудящихся.

Только моральную поддержку оказывали не только трудящиеся, но и ведущие общественно-политические силы страны. Символичной была позиция ФНПР, которая также ограничилась состраданием и декларативной поддержкой горняков. Серьёзных действий в поддержку протестующих шахтёров она не предпринимала. Даже такое драматическое событие, как участие рабочих в блокадах важнейших железнодорожных магистралей в мае 1998 г., осталось почти не замеченным руководством ФНПР. Только её лидер М. Шмаков посетил Печорский угольный бассейн, где обсудил последствия «рельсовой войны» и то, какие решения необходимо принять, чтобы найти реальный выход из кризиса[2]. В других углепромышленных территориях, где проходили подобные действия, вообще отсутствовала какая-либо активность федеральных и региональных лидеров ФНПР.

Рост общественного негатива по отношению к радикальным выступлениям шахтёров повлиял и на позицию компартии РФ, которая на тот момент имела

---

[1] Не берите грех на душу дорогие товарищи // Кузбасс. 1998. 21 мая.

[2] Шахтерскую блокаду железной дороги не прорвали даже деньги // Искра. 1998. 26 мая; Мельников А. Пришла весна. В Инту полетели начальники. Косяком // Искра. 1998. 27 мая; Архипов П. 26 мая. 14 дней на рельсах // Искра. 1998. 27 мая.

серьёзное влияние на общественно-политические процессы, особенно в Ростовской и Кемеровской областях. Взгляды руководства региональных и местных партийных организаций на такие мощные и разрушительные акции протеста динамично менялись: от горячей поддержки в мае до призывов к прекращению в июле. Такое изменение отношения стало следствием непоследовательной и туманной политики центральных органов партии к акции по перекрытию железнодорожных магистралей. Прав А. Тулеев в том, что лидеры КПРФ заняли позицию стороннего наблюдателя за «рельсовым противостоянием» в Кузбассе[1]. Именно в то время обозначились политические разногласия между кемеровским губернатором и ведущими лидерами компартии.

На формирование негативного отношения россиян к акциям протеста горняков большое *влияние оказали средства массовой информации*. С мая критика «рельсовых войн» и других крайних форм борьбы набирала обороты не только на федеральном уровне, но и в региональных СМИ. Корреспонденты газет, журналов и телеканалов умалчивали, либо представляли негативные мнения интинцев, воркутинцев, анжеро-судженцев, и жителей других «горячих точек»[2], формируя, таким образом, неоднозначное отношение к протестным действиям горняков. Очевидный провал рабочей солидарности в мае только усилил информационное давление на них. В июле СМИ мало освещали развитие протестов, а больше сообщали о возникших экономических потерях и ущербе от радикальных акций. Со страниц газет и экранов телевизоров к участникам акций часто обращались представители трудовых коллективов с предложениями «перехода к более эффективным акциям протеста», отмечались возможные скорые тяжёлые последствия для производств и т.п. С предложениями о пересмотре форм борьбы в основном выступали инженерно-технические работники и руководители подразделений предприятий. Все они считали

---

[1] Тулеев А.Г. Кузбасс. Сибирь. Россия… Кемерово, 2002. С. 237.

[2] Хайруллина З.И. Л. Шпектор: «Осталось поднести спичку…» // Заполярье. 1998. 16 мая; Архипов П. Наш костер в тумане светит // Искра. 1998. 21 мая.

действия шахтёров малопродуктивными и наносящими вред, прежде всего, собственным предприятиям.

Россиян настораживали радикальные акции протеста шахтёров. Это породило рост критики забастовочного движения «перестроечного» периода в средствах массовой информации, причём даже на местном уровне[1]. По замыслу авторов критических высказываний, общество должно было задуматься о возможности не менее противоречивых результатов шахтёрской борьбы того времени. В итоге падал не только авторитет участников забастовочного движения 1989 г. (на это, например, указывает факт немногочисленного участия шахтёров в митингах, посвящённых данному событию[2]), но и активистов акций протеста анализируемого времени.

Итак, даже в пиковый момент протестного движения солидарность с шахтёрами проявлялась в основном на словах, и она не выглядела поддержкой всего народа. Протестующие горняки не сумели показать себя единой, целой и мощной силой, способной поднять на борьбу широкие слои населения. Порой, наоборот, вызывали недовольство, гнев и осуждение даже среди представителей рабочего класса, медицинских работников, учителей и других, близких по материальному положению и мировоззрению, социально-профессиональных групп.

3.4 Повышение значения основных направлений нейтрализации протестного движения

В ходе второго этапа решать социально-экономические проблемы углепромышленных территорий и, соответственно, противостоять протестному движению трудящихся стало трудно как никогда. В условиях разразившегося мирового финансово-экономического кризиса менеджмент шахт и разрезов

[1] Хмылко И. Куда уж хуже… // Заполярье. 1998. 11 июля.
[2] Хмылко И. Заявка была на 800… // Заполярье. 1998. 14 июля.

оказался в ещё более худшем положении, его возможности резко ограничились. Эффективно поддержать угледобытчиков не могли местная и региональная власти, так как не обладали необходимыми финансовыми ресурсами и полномочиями. Поэтому всё внимание шахтёров было приковано к Президенту и Правительству РФ. Постепенно и Кремль стал осознавать всю полноту своей ответственности за кризис в народном хозяйстве страны, необходимость кардинальных перемен в топливно-энергетической политике, важность социальной составляющей процесса реструктуризации угольной промышленности и т.д. В течение второго этапа федеральная власть укрепила свои позиции в системе противодействия шахтёрским протестам. Остальные участники разрешения социально-трудовых конфликтов в большей мере дополняли действия Кремля, акцентируя внимание на собственных интересах.

Усиление на втором этапе политических требований шахтёров укрепило роль отраслевых профсоюзов и парламентских партий в решении важнейших вопросов углепромышленных территорий. Их действия не являлись нацеленными на радикальные политические изменения в стране, а подконтрольность протестного движения была выгодна, так как укрепляла посреднические позиции. Отраслевые профсоюзы и парламентские партии, как правило, поддерживали акции протеста шахтёров до тех пор, пока они являлись популярными. Но, когда противостояние угрожало жизнедеятельности предприятий и городов, был очевиден его иррациональный характер и т.п., они меняли свою позицию, призывали рабочих к политическому диалогу, а Кабинет министров РФ к конкретным мерам по поддержке угольной отрасли.

В течение второго этапа значение ***политического противодействия*** протестному движению возрастало, так как средств для решения социально-экономических вопросов шахтёров было крайне недостаточно. Произошли качественные изменения в содержании данного направления нейтрализации шахтёрской борьбы: усилилась борьба с экономическими преступлениями, власть чаще стала использовать меры по дезорганизации протестного движения,

морально-психологическое и силовое давление. Между тем в самые драматичные моменты противостояния политический диалог и популизм оставались самыми эффективными средствами нейтрализации.

Политический диалог был представлен широко и касался не только формата отношений между органами власти и управления с одной стороны и шахтёрами с другой. Большое значение имело налаживание диалога внутри каждого из ключевых участников политического процесса, а также между ними. Существенную политическую гибкость проявил Кремль, что стало примером и для других контрагентов протестующих горняков. Однако до мая 1998 г. политический диалог между членами Правительства РФ и представителями рабочих угольной промышленности не носил системного и результативного характера.

До всероссийских «рельсовых войн» федеральный центр не был особенно обеспокоен акциями протеста горняков, действия которых, в общем, не выделялись на фоне борьбы остальных социально-профессиональных групп. Предоставляя деньги из бюджета, российское Правительство считало выполненным свой долг перед угледобытчиками. О том, в каких объёмах эти средства доходили на конкретные нужды, оно не очень беспокоилось.

Данную позицию разделял и Президент РФ. В моменты острого противостояния Б. Ельцин в основном ограничивался отдельными заявлениями, суть которых состояла в неприемлемости давления угольщиков на него. Поэтому первоочередной удар приходилось держать органам власти и управления углепромышленных территорий, так как в числе прочих последствий акций протеста являлись социально-экономические потери не только предприятий, но и шахтёрских городов и посёлков. Это объективно консолидировало руководство предприятий, местную и региональную власть в принятии жизненно важных для угольщиков решений.

Положение администраций шахтёрских предприятий было двойственным. С одной стороны, в ходе второго этапа они находились в наихудшем финансово-

экономическом положении за всю историю постсоветской России, что заметно снизило возможности удовлетворения экономических претензий трудящихся. С другой – основные требования рабочих были направлены против федеральной власти, что ослабляло конфликтность между ними и непосредственным начальством.

Администрации шахт и разрезов оказались в ещё более зависимом от экономической политики Правительства РФ положении, чем раньше. Сложившаяся ситуация вынуждала руководителей предприятий чаще использовать нестандартные решения экономических проблем, показывать личный пример и т.п. Важную роль играли регулярные встречи руководства и трудовых коллективов, где обсуждались злободневные вопросы угледобычи и погашения задолженностей по зарплатам. Открытый диалог способствовал выработке взаимоприемлемых компромиссов, предоставлял кредит доверия администрации.

Рост протестного движения шахтёров весной 1998 г. определил дальнейшее сближение усилий федеральной, региональной и местной власти в решении социально-экономических проблем углепромышленных районов. Все свои действия Кремль стал согласовывать с региональным руководством, и через него выстраивать стратегию и тактику противодействия борьбе рабочих. Это отчётливо заметно в содержании постановления Правительства РФ «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах» от 16 мая 1998 г.[1]

Укрепление в ходе второго этапа места и возрастание роли федеральных и региональных органов власти в решении проблем угольной промышленности повысило в то время значимость муниципалитетов и администраций предприятий. Они регулярно информировали вышестоящие инстанции о

[1] Постановления Правительства РФ № 451 «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах» от 16 мая 1998 г., г. Москва // Уголь. 1998. № 6. С. 4–6.

настроениях в трудовых коллективах[1] и следовали инструкциям сверху. Органы власти и управления динамично сближались и с отраслевыми профсоюзами, так как от их позиции зависело содержание большинства акций протеста. Особой настойчивостью в просьбах по оказанию поддержки угледобывающим предприятиям выделялся глава муниципального образования г. Партизанска В. Бандюков[2], что являлось объективным следствием серьёзных социально-экономических проблем города, решение которых было невозможно без вмешательства федерального Правительства.

Наибольшее воздействие на позицию Кремля оказали «рельсовые войны», когда вся страна содрогнулась от потенциальной возможности гражданской войны. Для решения вопросов развития угольной промышленности стали оперативно привлекаться внутренние и внешние возможности, повышалась ответственность должностных лиц, создавались новые вспомогательные структуры и т.д. Но главное – власть стала оперативно реагировать на требования протестующих горняков, в том числе и тех, которые работали в частных компаниях, хотя их проблемы часто не имели прямого отношения к деятельности органов государственной власти и управления.

Всероссийские «рельсовые войны» способствовали укреплению прямого политического диалога между властью и шахтёрами. Для всех были очевидны такие угрозы как безопасность железнодорожного движения, возможные провокации, использование силы, кровь ни в чём не повинных людей и т.д.

Первыми, кто отреагировал на масштабную акцию протеста горняков, были руководители предприятий, местные и региональные администрации. Они работали в круглосуточном режиме, делая всё, чтобы погасить пламя

---

[1] Протокол № 7 Правления АО «Интауголь», г. Инта, 08 мая 1998 г. // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2591. Л. 26.

[2] Письмо Глав муниципального образования г. Партизанска В. Бандюкова Министру топлива и энергетики РФ Генералову С.В., 04.06.1998 г. // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 30 и др.

разраставшегося протеста[1]. Предпринимались различные меры для урегулирования конфликтной ситуации. В первую очередь представители органов власти и управления пытались убедить шахтёров в неправомерности и чреватости последствий радикальной акции. В некоторых регионах, например, Челябинской области, местная власть сумела сама договориться с бастующими шахтёрами без привлечения правительственных комиссий[2]. Однако такие успехи были в большей мере связаны не с уникальными способностями областной администрации, а с более низким градусом протестной активности шахтёров, других трудящихся и пенсионеров данного региона.

В тех случаях, когда не удавалось увести пикетчиков с рельсов, руководители регионов и городов старались убедить их смягчить методы борьбы, пропускать пассажирские поезда, составы с опасными грузами и важными для потребителей вагоны с углём[3]. Региональная власть предлагала пикетчикам альтернативные варианты решения проблем, которые в основном сводились к отстаиванию идеи экономической самостоятельности. Для этого предлагалось заключить соглашение о разграничении полномочий между федеральным центром и регионами, добиться выделения средств на техническое перевооружение ведущих отраслей хозяйства угольных бассейнов и т.д.[4] Это снижало степень давления горняков, ставило под сомнение рациональность их протестного поведения.

Авторитет руководителей шахтёрских городов и посёлков являлся высоким потому, что они никогда не были сторонниками силового решения социально-трудовых конфликтов. Самой важной их заслугой стало непосредственное участие в предотвращении кровопролития, например, в Инте, Анжеро-Судженске, Шахтах и других наиболее напряжённых очагах «рельсовых войн». Для этого

---

[1] Малофеевская, Л. Н. Город на большой Инте. Сыктывкар, 2004. С. 359.

[2] Вадимов А., Гончарова Т. Невменяемые и безответственные, берегитесь: Борис Ефимович едет! // Южноуральская панорама (Челябинск). 1999. 29 апреля.

[3] Телеграммы // Заполярье. 1998. 22 мая.

[4] Худобин Е. Требуя от Москвы, думать о Кузбассе // Кузбасс. 1998. 22 мая.

представители муниципалитетов регулярно посещали забастовочные штабы, обговаривали с руководителями акций протеста организационные вопросы, искали варианты решения проблем.

Главным посредником между пикетчиками и Кремлём в мае стала региональная власть. В тот критический для страны момент региональные лидеры проявили смелость и решительность, взяв на себя ответственность за разблокирование железнодорожных магистралей и обеспечение их безопасности. Это вполне устраивало шахтёров, так как позволяло в дальнейшем спросить за свои долги с руководителей шахтёрских территорий, а не с далёких московских начальников.

В дальнейшем руководители углепромышленных территорий постоянно контролировали выполнение подписанных с представителями Правительства РФ протоколов. По каждому их пункту назначались ответственные лица из числа работников региональных администраций, а также городов и предприятий, которые участвовали в подписании документов. В случае невыполнения министрами взятых на себя обязательств руководители территорий ставили в известность председателя Правительства и Президента РФ, перекладывая, таким образом, всю ответственность за общественно-политическую обстановку в регионе на федеральный центр. Такие обращения, как правило, имели открытый характер и действительно вынуждали Кремль проявлять большую ответственность и мобильность в возвращении долгов по зарплате и пенсиям.

Реакция Кремля на требования трудящихся во время всероссийской «рельсовой войны» в мае 1998 г. имела неоднозначный характер. В целом Президент России сохранял дистанцию с недовольными горняками, показывая неприемлемость с его стороны каких-либо политических уступок. Однако это не означало недооценки им необычайно массовой акции протеста. Б. Ельцин сумел перевести развитие конфликта в формат взаимоотношений пикетчиков и Правительства РФ, акцентируя внимание на социально-экономических требованиях шахтёров. При его участии 16 мая 1998 г. был утверждён новый

состав Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов.

Для урегулирования конфликтов в территориях довольно быстро были созданы представительные правительственные комиссии во главе с вице-премьерами. Они работали не с представителями всех углепромышленных регионов, а с каждым в отдельности. Это явилось дополнительным фактором раскола шахтёрского сообщества.

Члены правительственных комиссий шли на небывалые уступки, порой превышая свои полномочия, а в некоторых случаях были согласны даже на подмену закона нормами морали. Так, например, произошло 23 мая 1998 г. в г. Анжеро-Судженске, когда они подписали согласительный протокол, где имелось требование отставки Президента Б. Ельцина[1]. Такие действия членов правительственных комиссий можно объяснить только их тактическими соображениями, которые тогда сводились к одному – «мир любой ценой». Это позволило создать атмосферу высокой заинтересованности Президента и Правительства РФ в решении проблем угольной промышленности, повысить степень доверия населения. Правительственные комиссии сумели достаточно быстро снизить накал протестных настроений и сориентировать вектор недовольства в русло законных отношений.

Однако успехи правительственных комиссий имели относительный успех. Жители углепромышленных регионов ждали адекватной реакции Президента РФ. Да и Б. Ельцин хорошо чувствовал общественные интересы. Поэтому в самый сложный момент противостояния он демонстративно показал личную заинтересованность в решении шахтёрских вопросов. Это произошло 25 мая в ходе проведения Совета безопасности России, где было принято решение о разработке новой государственной программы, направленной на кардинальную

---

[1] Протокол заседания рабочей группы по рассмотрению требований, выдвинутых трудящимися и жителями города Анжеро-Судженска // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

стабилизацию обстановки в углепромышленных регионах[1]. Посредством ряда открытых заявлений власть признала справедливость шахтёрских требований, показала готовность идти на серьёзные уступки, отказалась применять силу против пикетчиков[2]. Это снизило напор протестного движения и позволило акцентировать внимание горняков на социально-экономических требованиях.

В дальнейшем каждые десять дней для решения всего комплекса вопросов угольной отрасли страны в Москве собиралось специальное совещание под председательством вице-премьера Правительства РФ Б. Немцова[3]. На заседаниях федеральной МВК анализировался ход выполнения «рельсовых» протоколов, рассматривались многие вопросы выхода угольной отрасли из кризиса, принимались конкретные решения. В центре внимания данной комиссии были вопросы социального характера, что стимулировало развитие политического диалога с рабочими, а также подключение к нему представителей местных органов власти. По этой причине совещания проводились не только в столице, но и непосредственно в шахтёрских территориях.

В июле, когда в Кузбассе началась новая «рельсовая война», руководители углепромышленных городов и посёлков края показывали готовность выполнить любое посильное для них требование рабочих, вплоть до отставки, только чтобы снять напряжённость. Так, например, 14 июля поступил глава г. Анжеро-Судженска В. Макаркин в ответ на требования участников блокады Транссиба в районе станции Анжерская. Однако такое решение не получило одобрения со стороны депутатов городского Совета[4]. Этот факт свидетельствует о том, что требования горняков уже теряли рациональный и легитимный характер.

---

[1] Синявский Б. Навечно замороженные // Известия. 1998. 27 мая. С. 4.

[2] Striking miners force state of emergency in Kemerovo: BBC News Online [Electronic resource]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/low/europe/97296.stm(дата обращения: 14.04.2016 г.).

[3] Политическая нестабильность в Республике Коми нанесет удар по ее экономике // Искра. 1998. 9 июня.

[4] Протокол № 28 28-ой внеочередной сессии городского Совета народных депутатов первого созыва, 14 июля 1998 г. // Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. Ф. 110. Оп. 1. Д. 14. Л. 28–30; Калинина А. На посошок // Наш город. 1998. 17 июля.

Соответственно, для власти возрастало значение политического диалога с законными представителями рабочих.

Успешная работа правительственных комиссий во время «рельсовых войн» в мае и июле 1998 г. стала возможной благодаря умелой дипломатии Президента и Правительства России, которые сумели изолировать радикальную политическую оппозицию, а также найти компромисс с шахтёрскими профсоюзами и забастовочными комитетами. В мае активным участником переговорного процесса стали отраслевые профсоюзы, прежде всего Росуглепроф. Их действия, как правило, сводились к поиску наиболее выгодного для угольной отрасли компромисса между рабочими и Кремлём.

Поддерживая акции протеста, шахтёрские профсоюзы всегда искали возможность обменять протестный потенциал на финансово-материальные гарантии федерального центра. Они занимались поиском решения проблем рабочих в правотворческой деятельности, выстраивали диалог с Правительством РФ, выступали с открытыми обращениями к Президенту и Федеральному Собранию и т.д. Вместе с тем, давлению Росуглепрофа подвергались не только правительственные комиссии, но и протестующие шахтёры, что в пиковые моменты противостояния способствовало установлению баланса и доверия. Рабочим они обещали скорое поступление денег и защиту от судебного преследования, а Правительству гарантировали, что не станут заключать коалиции с коммунистами, ставить вопрос об изменении государственного строя и о национализации угольных предприятий[1]. Антикризисные действия отраслевых профсоюзов были полностью поддержаны ФНПР.

В целом шахтёрские профсоюзы выступали за более мирные и законные формы борьбы, что сближало их с рабочими в периоды роста и спада протестной активности. На это указывает, например, факт более значительной их инициативности во время пикетирования Дома правительства РФ, нежели в ходе

[1] Поцелуев С. П. Указ. соч. С. 89–90.

«рельсовых войн». Динамика призывов к политическому диалогу вместо непримиримой борьбы со стороны профсоюзов становилась всё более интенсивной. В июле НПГ России уже выступил с заявлением о том, что считает тупиковым путь только политических требований и ультиматумов[1].

Ещё более сдержанную позицию в отношении массовых и радикальных протестных действий горняков в то время занимал Росуглепроф, считая такой подход неконструктивным. В июне против «разрозненных, хоть и радикальных мер, к которым прибегают шахтеры» выступили делегаты внеочередного съезда Росуглепрофа[2].

Готовность к политическому диалогу с протестующими горняками показывали и парламентские партии. В мощных всероссийских акциях протеста трудящихся они видели угрозу стабильности общественно-политической системе страны. Наиболее непримиримую позицию по отношению к радикальным формам борьбы рабочих, особенно «рельсовым войнам», занимали представители правых партий[3]. Между тем, мощные выступления горняков в мае показали и относительную оппозиционность КПРФ. На региональном и местном уровнях произошла эволюция взглядов членов КПРФ – от абсолютной поддержки до призыва к сворачиванию блокад. Местные горкомы КПРФ предлагали альтернативный способ борьбы – всероссийскую политическую стачку[4]. Коммунисты Кемеровской области в июле открыто поддержали действия губернатора А. Тулеева по прекращению блокады Транссиба, что, несомненно, отразилось на умонастроениях горняков.

Очень часто диалог с шахтёрами сопровождался использованием органами власти и управления *популистских* методов воздействия. На втором этапе они приобрели особую значимость, так как каждая сторона пыталась показать себя не

---

[1] Максимов Б.И. Шахтёры ... С. 107.

[2] Авдеенко О. Участие в акции в г. Москве считать нецелесообразным // Искра. 1998. 6 июня; Георгиев В. Шахтеры снова легли // Шахтерская правда. 1998. 11 июня.

[3] Асланиди А. О критическом положении в Кемеровской области // Наша газета. 1998. 10 июля.

[4] Обращение членов организации КПРФ г. Юрги от 8 июля 1998 года // Личный архив А.В. Ярощука.

виновной в шахтёрских проблемах. Непосредственные контрагенты – руководители шахт и разрезов – часто убеждали рабочих в необходимости потерпеть, немного подождать и т.п., переводя агрессию в адрес российского Правительства. Порой им это удавалось, тем самым сохранялся рабочий ритм предприятий. Весной 1998 г. это сделать было сложнее, а в моменты таких острых противостояний, как, например, блокады важных транспортных магистралей шахтёры уже не верили подавляющей части руководителей шахт и разрезов. Тогда популистские меры воздействия – обещания и уговоры, стал активно использовать Кремль.

В январе–апреле 1998 г. использование популистских приёмов членами российского Кабинета министров не имело широкого масштаба. Тем более правительственный кризис, разразившийся весной, свёл к минимуму возможности данного инструмента нейтрализации шахтёрского недовольства. В основном к обещаниям прибегали в ходе запланированных встреч членов Правительства РФ и представителей шахтёрских коллективов. Например, в конце апреля, на съезде горняков России, новый премьер-министр пообещал на нужды угольной промышленности дополнительно выделить пять млрд. руб. Где и как при этом будут «найдены» деньги не было доложено[1].

В мае Кремль вынужден был активнее использовать популизм в противодействии протестному движению шахтёров. Уже в первые дни всероссийской акции на рельсах Президент Б. Ельцин на всю страну заявил о готовности Правительства РФ выполнить все свои обязательства перед горняками[2].

Кремль всегда чувствовал готовность подавляющего большинства горняков отказаться от радикальных лозунгов и действий в обмен на деньги, поэтому не скупился на обещания по быстрому возврату долгов по зарплате, широкой материальной помощи как непосредственно рабочим, так и шахтёрским городам и

---

[1] Сегодня в Москве начал свою работу съезд шахтёров России // Искра. 1998. 23 апреля.
[2] Емченко Ф., Косвинцев А. Указ. соч.

посёлкам. Обещания погашения задолженности по зарплате заметно интенсифицировались накануне начала работы правительственных комиссий в регионах[1].

Объёмы обещаний напрямую зависели от степени общественно-политической нестабильности территорий. В мае большую активность показывали кузбасские шахтёры, а Транссиб «разделил пополам» экономику страны. Поэтому Кемеровской области только по Сводному протоколу было обещано 2,4 млрд. рублей в виде различных плат[2]. Откуда возьмутся деньги, и каковы гарантии доведения их до конечного потребителя членами правительственных комиссий особо не объяснялось. Их не пугала подготовка заведомо невыполнимых документов, важнее было достижение главной цели – открытие магистрали. О дальнейшей судьбе протоколов они особо не задумывались, надеясь на скорое решение проблем, и их надежды, в общем, оправдались.

Стараясь представить свою «близость с народом», вице-премьеры и министры спускались в шахты, выступали на рельсах (умело показывая свои способности в артистизме и ораторском искусстве), обещали не привлекать организаторов акции к ответственности и т.д. Довольно часто члены правительственных комиссий изображали «Героя, спасающего Жертву от Злодея». По справедливому мнению С. Поцелуева, эта ролевая структура заведомо противоречила реальной логике рассматриваемых конфликтов. Однако она соответствовала массовым представлениям о верховной власти как выразительнице общих интересов и «третьей стороне» в споре между разными социальными группами[3]. Психологически было важно, чтобы кто-то ушёл с рельсов первым, при этом их уход не должен был восприниматься как поражение. Лучше всего «ритуализировать» конфликт удалось вице-премьеру Б. Немцову,

---

[1] «Рельсовая война» в г. Шахты Ростовской области в мае 1998 г. (видеофильм) // Личный архив Ю.А. Каунова.

[2] Гусев С. Поруганная честь Юрия Чунькова // Кузнецкий край. 1999. 4 марта.

[3] Поцелуев С.П. Указ. соч. С. 90.

который первым разблокировал Северокавказскую железную дорогу, дав другим участникам всероссийской «рельсовой войны» сигнал о бесперспективности непримиримого противостояния.

По мере снижения протестной активности горняков потребность в популизме уменьшалась. Вместе с тем примеры популистского поведения представителей органов власти и управления встречались в дальнейшем. На фоне конкретных положительных результатов в решении важнейших вопросов угольщиков новые обещания выглядели ещё убедительнее.

Важным направлением политического противодействия являлась *борьба с экономическими преступлениями,* которая прежде велась недостаточно эффективно. Добиться политической стабильности, и оперативно решить наиболее актуальные социально-экономические проблемы шахтёрских городов и посёлков было невозможно без активизации деятельности силовых структур в борьбе с преступлениями, прежде всего экономического характера. Ситуация существенно изменилась во время «рельсовых войн». Власть была вынуждена активизировать свои действия по укреплению правопорядка, а также устранению возможных вариантов повторения крупномасштабных акций протеста.

С момента начала «рельсовых войн» были дополнительно возбуждены уголовные дела по фактам нецелевого использования бюджетных средств, злоупотребления служебным положением отдельных руководителей шахт, причинения имущественного вреда предприятиям и т.д. Кроме того, использовались меры гражданско-правового характера: предъявлялись иски к недобросовестным посредникам, выяснялись причины невыполнения решений судов о взыскании ущерба шахтам и разрезам, проверялись нарушения законодательства о труде и об охране труда и т.д.[1]

---

[1] Справка о состоянии прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов в 1998 году // НАРК. Ф.Р-1307. Оп. 1. Д. 1911. Л. 42-43; Председателю Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации Селезневу Г.Н. от Генерального прокурора Российской Федерации Ю.И. Скуратова // Личный архив В.Д. Кохно.

Борьба с экономическими преступлениями велась как на уровне самостоятельной деятельности правоохранительных органов, так и силами созданных рабочих групп, куда входили представители МВД, ФСБ, налоговой полиции, прокуратуры и других силовых структур. Данные группы должны были своевременно реагировать на ущемление прав шахтёров и тем самым предупреждать проявление крайних форм недовольства с их стороны. Силовые структуры организовывали масштабные проверки исполнения законодательства в деятельности предприятий углепромышленных регионов. Высокую активность показывала прокуратура, которая контролировала наиболее уязвимые вопросы деятельности шахт и разрезов. Особое внимание с её стороны уделялось «вопросам соблюдения законодательства о труде, охране труда, приватизации шахт, валютного законодательства, целевого использования денежных средств, выделенных на оплату труда, реструктуризацию отрасли, ценообразования при продаже угля посредникам, коррупции среди руководителей, исполнения решений судов о выплате зарплаты, возврате долгов»[1]. Одновременно были усилены меры безопасности руководителей шахт и разрезов[2].

Во время «рельсовых войн» 1998 г. Б. Ельцин сменил приоритеты в деятельности силовых структур. Их главной задачей стало обеспечение экономической безопасности страны. В июне было создано новое Управление ФСБ, отвечающие за экономическую безопасность[3]. 25 июля 1998 г. директором Федеральной службы безопасности был назначен В. Путин. ФСБ активно включилась в решение поставленной Президентом и Правительством России задачи, в том числе и в сфере угольной промышленности[4]. Понимая вынужденный характер выхода шахтёров на рельсы, власть стала активнее

---

[1] Прокурорам субъектов РФ, транспортным прокурорам задание «Об организации проверок исполнения законодательства в деятельности предприятий угледобывающих регионов» (01.06.1998 г.) // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 176. Л. 1; Задание «Об организации проверок исполнения законодательства в деятельности предприятий угледобывающих регионов», о1.06.1998 г. // Архивный отдел администрации г. Берёзовского Кемеровской области. Ф. 21. Оп. 1. Д. 99. Л. 184.

[2] Мельников А. На кого работают шахтеры? // Искра. 1998. 21 мая.

[3] ФСБ обещает громкие дела // Независимая газета. 1998. 24 июня. С. 1.

[4] Литвинов Ю., Петрович С. Вице-премьер включил «зелёный» // Молот. 1998. 26 мая.

применять карательные меры по отношению к тем лицам и предприятиям, которые она считала виновными в инициировании радикальных акций протеста.

По мнению руководителей шахтёрских регионов, действенным средством борьбы с экономическими преступлениями могла стать финансово-экономическая самостоятельность. Возможности её расширения получили отражение в многочисленных «рельсовых» протоколах[1]. Однако даже в последние месяцы рассматриваемого этапа федеральное Правительство не пошло на серьёзные уступки в этом вопросе. Поэтому деятельность региональной и местной власти в основном выражалась в усилении мер надзора за исполнением трудового законодательства, и это тоже сыграло свою роль в укреплении доверия органам власти. Большой заслугой местных администраций являлось и то, что во всех шахтёрских городах даже во время массовых и радикальных акций протеста не было перебоев с продуктами питания, заметного роста цен и потребительской паники. Поддерживая требования трудящихся, они искали другие пути выхода из сложившейся ситуации.

Где-то наблюдалась имитация борьбы с экономическими преступлениями, но были и реальные факты привлечения к административной и уголовной ответственности лиц, виновных в шахтёрских проблемах. В течение 1998 г. было возбуждено 552 уголовных дела по экономическим мотивам[2]. Уже к середине июня была погашена задолженность угледобывающим предприятиям в размере 330 млн. руб.[3] Широко привлекались к правовой ответственности должники из числа потребителей угольной продукции[4]. Немаловажным дополнением борьбы с экономическими преступлениями стало общее укрепление законности и порядка.

---

[1] Сводный протокол рассмотрения Правительственной комиссией социально-экономического положения в Кемеровской области и состояния дел в угольной отрасли региона (25.05.98г., г. Кемерово) // Личный архив П.П. Холопова; Тулеев А.Г. Кузбасс. Сибирь. Россия… Кемерово, 2002. С. 236; Новая газета (Юрга). 1998. 28 мая.

[2] Три дня противостояния // Контакт. 1999. 17 июля.

[3] Стенограмма совещания по итогам работы правительственной комиссии, г. Кемерово, 25 июля 1998 г. // ГАКО. Ф.Р.-1345. Оп. 1. Д. 399. Л. 33, 35; Лень П.М. Указ соч. С. 182; Галкин А. Указ. соч.; Новости, цифры, факты, комментарии. Кузбасс: хроника событий 1997–2007. Кемерово, 2007. С. 42; Гончаров В., Иванов Д., Чичкин А. У последней рельсовой черты // Российская газета. 1998. 8 августа. С. 3 и др.

[4] Прокурору отдела за исполнением законов в социальной сфере Н.Н. Ивановой (17.06.1998 г.) // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 176. Л. 5.

Особое внимание было обращено на усиление борьбы с организованной преступностью и коррупцией[1]. Это, конечно же, ослабило протестное движение шахтёров.

Важнее для рабочих в деятельности силовых структур было не столько привлечение к ответственности конкретных лиц и посреднических фирм, сколько изменение отношения власти к ним. Поэтому правоохранительные органы вели себя открыто, активно и масштабно. Они доводили до сведения трудовых коллективов итоги работы по проверкам деятельности угольных компаний и предприятий, высказывали планы на будущее. Таким образом, создавалась прозрачность в отношениях между властью и обществом, что, несомненно, положительно сказывалось не только на финансовом положении предприятий, но и на укреплении доверия между ними в процессе выхода из системного кризиса.

Не менее важным направлением политического противодействия по-прежнему являлась *дезорганизация протестного движения*. Высокий накал шахтёрской борьбы нейтрализовывался многими, на первый взгляд, малозаметными действиями. Некоторые из них использовались и ранее, например, подрыв рабочей солидарности, разделение экономических интересов углепромышленных регионов и т.п. В мае–июле 1998 г. это было особенно заметно по отношению власти к шахтёрским профсоюзам. Оно динамично менялось в пользу Росуглепрофа, который показывал рост политической лояльности. Одной из основных причин низкой эффективности «рельсовой войны» кузбасских горняков в июле явилось фактическое устранение от данной акции руководства отраслевых профсоюзов, прежде всего, доминировавшего в крае Росуглепрофа.

В ходе второго этапа расширился спектр мер дезорганизации шахтёрского движения. Почти все они были усовершенствованы. Некоторые из них явились следствием изменения управления угольной промышленностью. Так, например,

---

[1] Решение коллегии прокуратуры Приморского края, г. Владивосток, 10 февраля 1999 г. // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 245. Л. 114–116.

одним из результатов ликвидации компании «Росуголь» в конце 1997 г. стала передача вопросов угольной промышленности в ведение разнообразных министерств и ведомств. Поэтому рабочие, организовывая акцию протеста, изначально оказывались в переговорном тупике. Им часто приходилось менять адресата своих обращений, уточнять позиции других ведомств и т.п. В итоге затягивалось время, копилась усталость и разочарование в протестных возможностях.

Особую важность на втором этапе приобрели методы оперативного срыва начинающихся акций протеста. Органы власти и управления создавали рабочим дополнительные трудности, вводили в заблуждение, отказывали в использовании инфраструктурных объектов, манипулировали транспортом и т.п. Если до всероссийских «рельсовых войн» это удавалось в наибольшей мере руководителям предприятий[1], то в мае–июле 1998 г. подобную практику чаще использовали региональные и федеральные органы исполнительной власти.

Составными частями дезорганизации являлись умелая дезинформация и мощный информационный прессинг. Мощным идеологическим ресурсом в борьбе с недовольными шахтёрами были центральные СМИ («Российская газета», «Известия» и др.), реже – региональные. Освещение радикальных и незаконных действий приобретало все более нетерпимый характер[2]. Некоторые СМИ, прежде всего проправительственные, замалчивали борьбу горняков, либо давали неполноценные сведения, даже искажали картину происходящего[3]. В 1998 г. информационный вакуум удивлял даже бывалых борцов за трудовые права. В

---

[1] Протокол XII Отчетно-выборной конференции Ростовской территориальной организации Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Шахты, 28 апреля 1998 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52 (а). Л. 5.

[2] Водолазов А. Угольный шантаж // Известия. 1998. 10 июля. С. 5.

[3] Протокол № 20 заседания президиума Прокопьевского теркома углепрофсоюза, 15.01.1998 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 338. Л. 3; Максимов Б.И. Шахтёры, власть, народ // Социс. 1999. № 4. С. 109; НПГ собирается судиться с НТВ // Заполярье. 1998. 15 июля.

самые «горячие» дни борьбы рабочих на рельсах в прессе «последним событиям в Индонезии» уделялось больше внимания, чем углепромышленным регионам[1].

По мнению И. Климова, освещение средствами массовой информации «рельсовой войны» показало, что формирование образа шахтёров (и вообще участников акций протеста) у населения в немалой степени зависело от позиции журналистов. Комментируя события, они тем самым конструировали систему агентов и действующих лиц, приписывая статус социального субъекта одним и отказывая в нём другим[2].

Так как открытую и активную позицию по поддержанию шахтёрских протестов заняли лево-патриотические организации, в обществе широко насаждалась идеология революционного страха и коммунистического реванша. Для достижения этой цели широко использовались популярные газеты и каналы телевидения[3]. Всё это позволяет утверждать о целенаправленной и успешной деятельности Кремля по замалчиванию и дискредитации протестного движения в глазах общественности.

Чтобы успокоить озлобленных горняков, вернее направить их гнев в другую сторону и тем самым снизить накал борьбы, в массы «вбрасывались» идеи о причастностях к экономическим преступлениям чиновников региональных администраций[4]. Трудящиеся, в общем, «догадывались» о подобных беззакониях, однако такие обвинения выглядели новым явлением и способствовали переориентации недовольства и расколу между участниками протестного движения.

Там, где лучше всего удавалось дезорганизовать недовольство рабочих, органы власти и управления чаще использовали против них *морально-психологическое давление и силу*. Непримиримый характер поведения членов Правительства РФ объясняется абсолютной уверенностью в том, что они

---

[1] Гусев С. Куда деваться с подводной лодки // Кузнецкий край. 1998. 23 мая.
[2] Климов И. «Рельсовая война» шахтёров в мае 1998 г. …
[3] Кобякин В. «Рельсовая война»: Мир или перемирие?.. // Наше время. 1998. 26 мая.
[4] День шахтера … С. 64.

выполняли все взятые на себя обязательства, а шахтёры получали из госказны гораздо больше, чем остальные бюджетники. По мнению вице-премьера Б. Немцова, «революция» в стране могла начаться только в том случае, если «власть начнёт выполнять все требования забастовщиков». Поэтому уступать им члены Правительства РФ не были намерены[1].

Использовать силу в пиковые моменты протестного движения было опасно, поэтому в действиях органов власти и управления доминировали методы морально-психологического давления – убеждения, создание негативного образа протестующих в глазах общественности, финансовый шантаж, демонстрация силы и угрозы.

Преобладали меры административного воздействия на активистов протестного движения. Представители органов власти и управления убеждали шахтёров в неэффективности предпринимаемых действий, предупреждали о возможности их втягивания «в политическую борьбу»[2] и т.п. Использовать давление в мае–июле было весьма рискованно, так как это могло вызвать обратный эффект и объединить рабочих угледобывающих предприятий с трудящимися других отраслей. Максимум, что мог позволить себе менеджмент шахтёрских предприятий – это угроза увольнения[3], хотя и такая мера имела эффект воздействия на протестную активность. Подавлялись попытки и внешней дестабилизации обстановки на шахтах и разрезах[4], благодаря чему даже в ключевые моменты борьбы горняков некоторые предприятия фактически не участвовали в крупномасштабных и продолжительных акциях протеста.

В мае 1998 г., на волне укрепления шахтёрской солидарности, использовать административный ресурс стало сложнее. Инициатива противостояния активным

---

[1] Лень П.М. Указ. соч. С. 121.

[2] Ильясова Г. Сегодня группа воркутинских горняков должна поехать в Москву для проведения акции протеста // Заполярье. 1998. 9 июня.

[3] Главе Администрации области Тулееву Аману Гумировичу (г. Анжеро-Судженск, 22.07.97 г.) // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

[4] Письмо Генерального директора ОАО ш. «Бирюлинская» С.Е. Трусова прокурору г. Березовского Корчуганову А.М. // Архивный отдел администрации г. Берёзовского Кемеровской области. Ф. 21. Оп. 1. Д. 98. Л. 72–73.

методам борьбы горняков перешла в руки правоохранительных органов. Как правило, в районе пикетов осуществляли дежурство невооруженные наряды милиции и сотрудники прокуратуры, которые объясняли шахтёрам и всем, кто их поддерживал, неправомерность их действий, «под роспись знакомили пикетчиков с Уголовным кодексом»[1] и т.д. Это осуществлялось для того, чтобы никто из них не смог впоследствии обвинить власть в том, что они не знали о последствиях и не были об этом предупреждены.

Морально-психологическое давление работников правоохранительных органов на пикетчиков продолжалось в течение всего периода «рельсовых войн». Особое внимание уделялось «зачинщикам», их действия фиксировались фото- и видеокамерами[2]. Для большей «убедительности» и надёжности в «горячие точки» перебрасывали спецподразделения милиции из других населённых пунктов. Там, где удельный вес горняков в общей численности трудящихся был невысок, например, в Ленинградской области, имелись факты их запугивания со стороны правоохранительных органов[3].

Федеральный центр осуществлял давление на рабочих угольной промышленности и через региональные органы власти. С мая 1998 г. одним из ключевых критериев оказания финансовой помощи регионам со стороны Правительства РФ стало условие общественно-политической стабильности, прекращение любых протестных действий[4]. Поэтому региональная и местная власти стали проявлять больше лояльности к Кремлю, доказывать шахтёрам невозможность реализации политических требований и т.д. Руководство регионов убеждало шахтёров, а также других трудящихся и пенсионеров отказаться от радикального требования – «Президента в отставку!». По их мнению, имелся конституционный способ отставки главы государства, который мог быть

---

[1] Справка о состоянии прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов в 1998 году // НАРК. Ф.Р-1307. Оп. 1. Д. 1911. Л. 41–42; Игорь Кожуховский: «Государство должно выполнять обещанное ... С. 10.

[2] Попок В. Стояние на Транссибе // Кузбасс. 1998. 21 мая.

[3] Майдаченко Р. В Сланцах ждут до среды // Санкт-Петербургские Ведомости. 1998. 23 мая.

[4] Житинев С. Шахтеры плюс деньги – конец забастовке // Вечерний Челябинск. 1998. 24 августа.

использован только Федеральным Собранием и не являлся компетенцией шахтёров. Постепенно региональные руководители смягчили политический смысл протестной акции горняков, и она стала «выглядеть как нечто вроде стихийного бедствия, постигшего все гражданское население», что особенно было заметно в Ростовской области[1].

Когда продолжение радикальных акций теряло какой-либо политический и экономический смысл, руководители региональных администраций открыто и жёстко критиковали начальников предприятий и организаций, чьи трудящиеся в них участвовали. Основным аргументом данной критики являлась их неспособность эффективно работать в новых рыночных условиях. Таким образом, в глазах общественности действия протестующих горняков выглядели абсурдными.

С первых дней всероссийской акции протеста на рельсах Кремль не скрывал своей готовности привлечения к ответственности её участников[2]. Всё-таки решительные меры в отношении «зачинщиков» предпринимались в моменты ослабления протестного натиска. Наиболее действенным способом борьбы с пикетчиками стало уголовное преследование их лидеров. Высокую активность проявляли работники прокуратуры РФ, давшие правовую оценку действиям, из-за которых были блокированы железнодорожные пути. Первое уголовное дело по факту перекрытия железнодорожной магистрали было возбуждено 18 мая Воркутинской транспортной прокуратурой[3]. Однако в других шахтёрских городах и территориях прокуроры не спешили возбуждать подобные уголовные дела, стараясь не нарушать хрупкую общественно-политическую стабильность. Если и приглашали участников пикетов, то только для дачи свидетельских показаний[4].

---

[1] Поцелуев С.П. Указ. соч. С. 89.

[2] Головенко А. Нина Останина: «Угрожая шахтерам, власть играет с огнем» // Заполярье. 1998. 15 мая.

[3] Письмо прокурора г. Инты И.М. Астарханова заместителю прокурора Республики Коми Рыжову Н.И. // НАРК. Ф.Р-1307. Оп. 1. Д. 1878. Л. 14.

[4] Литвинов Ю. «Трясут» «Ростовуголь» // Молот. 1998. 28 мая.

Во второй половине мая обеспокоенные размахом протестного движения, Президент и Правительство РФ выдержали паузу и вообще не поднимали этот вопрос. Мало того, во время подписания протоколов с забастовщиками члены правительственных комиссий даже гарантировали им уголовную неприкосновенность[1]. В июне–июле 1998 г. среди протестующих горняков обозначился раскол, а их требования и методы борьбы скатились к элементарному «выбиванию денег».

На этом фоне в июле по телевидению было озвучено устное распоряжение Президента РФ Генеральному прокурору о необходимости привлечения к уголовной ответственности инициаторов «рельсовых войн»[2]. Началось массовое преследование лидеров, несмотря на данные ранее правительственные гарантии. Вскоре по несколько уголовных дел было возбуждено в Ростовской и Челябинской области, не менее пяти – в Кузбассе[3]. Широкая деятельность правоохранительных органов повлияла на морально-психологическое состояние пикетчиков, явилась дополнительным фактором отказа от использования ими радикальной формы протеста.

Под давлением работников силовых структур некоторые участники «рельсовых войн» стали «сдавать» вчерашних соратников, среди которых было немало профсоюзных активистов[4]. Это явилось дополнительным ударом по солидарности и негативно отразилось на поддержке акций протеста, которые организовывались профсоюзными лидерами.

Почувствовав усиление давления власти на лидеров шахтёрской борьбы, к методам запугивания стали чаще прибегать и представители администраций

---

[1] Протокол заседания рабочей группы по рассмотрению требований, выдвинутых трудящимися и жителями города Анжеро-Судженска (23.05.98 г., г. Анжеро-Судженск) // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

[2] Письмо депутата ГД РФ Ю.И. Чунькова прокурору Кемеровской области Симученкову В.В., 30 сентября 1998 г. // ГАКО. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 88. Л. 16–17.

[3] Обращение депутатов ГД Чунькова Ю.И., Останиной Н.А., Катальникова В.Д. к Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину, 7.09.1998 г. // ГАКО. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 88. Л. 2; Профсоюзы Кузбасса между прошлым и будущим. Кемерово, 2003. С. 72.

[4] Воспоминания Ю.А. Каунова. Стенограмма беседы от 25 мая 2015 г.

угледобывающих предприятий. Они искали различные поводы для увольнения строптивых рабочих, в числе которых, как правило, были председатели профкомов[1]. Руководители шахт и разрезов всё чаще обращалась в суд для признания забастовок незаконными[2].

В июле со стороны Кремля продолжало оказываться давление не только на непосредственных участников акций протеста, но и региональную власть. В центре такого давления было руководство Кемеровской области, где продолжались «рельсовые войны». Губернатор А. Тулеев вынужден был с этим считаться[3].

Таким образом, меры политического противодействия протестному движению шахтёров во многом стали вынужденной альтернативой целенаправленной социально-экономической политики по выводу из кризиса шахтёрских городов и посёлков. Органы власти и управления успевали купировать недовольство рабочих, однако без реальных мер по улучшению их жизни ситуация в углепромышленных регионах оставалась зыбкой.

На втором этапе ***экономическая и социальная деятельность*** приобрела ещё большую значимость в противодействии шахтёрской борьбе, так как авторитет органов власти и управления продолжал снижаться. Только реальные дела могли поддержать регулярные заявления Президента и Правительства РФ о необходимости решения жизненно важных проблем угольщиков. Положительные изменения в жизни горняков к лучшему Кремль связывал с продолжением либерализации отношений в области угледобывающей промышленности, повышением её рыночной эффективности. Однако в начале второго этапа заметных дел со стороны Кабинета министров РФ в реформировании стратегически важной отрасли не наблюдалось. Мало того, небывалых масштабов

---

[1] Представление прокурора Октябрьского района Приморского края Е.В. Ничипорука «Об устранении нарушений трудового законодательства», 10.07.1998 г. // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 176. Л. 10.

[2] Документы прокуратуры Приморского края за 1998 г. // Там же. Л. 14.

[3] Стенограмма встречи заместителя Председателя Правительства России О.Н. Сысуева с представителями забастовочных комитетов, лидерами профсоюзов, руководителями предприятий, организаций, главами городов Кемеровской области, г. Кемерово, 19 июля 1998 года // ГАКО. Ф.Р.-1345. Оп. 1. Д. 403. Л. 44, 45.

достигли задержки выплаты заработной платы. По-прежнему решением этого жизненно важного вопроса никто целенаправленно не занимался. В итоге работникам угольной промышленности и руководителям шахтёрских территорий пришлось в ещё большей мере *самостоятельно* решать производственные проблемы.

Процесс самостоятельного выхода из кризисной ситуации выражался в основном в двух формах – это отказ от собственных экономических обязательств и оптимизация производственной деятельности. Первый вариант решения вопроса выразился в том, что многие предприятия сначала перестали платить налоги в бюджет государства, а потом и отказались платить железной дороге за грузоперевозки[1]. В условиях системного кризиса и всеобщих неплатежей это выглядело «нормально».

Однако и этого было недостаточно для решения острейших социально-экономических проблем. Поэтому руководители шахт и разрезов были вынуждены заниматься оптимизацией производственного процесса. Наиболее драматическая ситуация складывалась весной 1998 г., то есть до непосредственного включения к решению шахтёрских проблем широкого круга высокопоставленных чиновников. Руководители шахт и разрезов, сохранившие свои посты, были вынуждены внимательнее относиться к проблемам рабочих, быстрее осваивать законы рынка, опережающими темпами осуществлять реструктуризацию и т.д. С их стороны чаще использовались жёсткие методы в отношении потребителей продукции, посреднических организаций, нарушителей трудовой дисциплины, оказывалось большое внимание модернизации оборудования[2] и т.д. Наиболее успешные из них перешли на более высокие управленческие должности, например, С. Денисенко. На рубеже 1997–1998 гг. ему удалось вернуть шахту «Полысаевскую» в разряд передовых угольных

---

[1] Радчиков В. Рельсовое перемирие // Трибуна. 1998. 25 декабря. С. 3.

[2] Протокол № 2/98 заседания совета директоров ОАО «Интауголь» (по заочной форме), г. Инта, 28 февраля 1998 г. // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2594. Л. 34.

предприятий Кузнецкого края[1]. На отдельных угледобывающих предприятиях страны даже имелся рост технико-экономических показателей.

В силу своих возможностей найти выход из кризиса шахтам и разрезам помогали местные и региональные органы власти. Их деятельность концентрировалась на поиске механизма решения ключевых проблем угледобывающей отрасли. Главное внимание уделялось таким вопросам, как снижение объёмов бартерного расчёта и уровня железнодорожных тарифов, обеспечение занятости населения[2] и др. Руководители регионов успешнее противостояли широкомасштабному и непродуманному закрытию «бесперспективных» шахт, отстаивали дополнительные меры финансовой поддержки шахтёрских городов и посёлков и т.д.

В мае «рельсовые войны» заставили руководителей углепромышленных регионов непосредственно участвовать в решении шахтёрских вопросов и поддержании стабильности. Особенно заметны тогда были действия губернатора Кемеровской области, по распоряжению которого 20 мая в крае была объявлена чрезвычайная ситуация. А. Тулеев не имел на это законного права, но всем была очевидна необходимость такого решения, тем более права и свободы граждан не ограничивались[3]. Своим распоряжением он поручил «обеспечить функционирование особо важных объектов энергоснабжения, водозаборов, узлов связи, предприятий с непрерывным режимом работы, учреждений обслуживания населения, организовать охрану со взрывоопасным производством и объектов жизнеобеспечения»[4]. В областной администрации был создан штаб для координации действий и принятия оперативных решений. Аналогичные штабы были созданы в городах области. Действия губернатора способствовали

---

[1] Авласевич В. Феномен «Полысаевской». Рынок: проблемы, решения // Городская газета. 1998. 27 января.

[2] Майдаров В. В какого «дурака» играют профсоюзы – подкидного или переводного? // Шахтерская правда. 1998. 13 марта; «Я предлагаю выход…» // Контакт. 1998. 2 мая.

[3] Майдаров В. Ельцин хотел использовать Тулеева против шахтеров, как «тяжелую артиллерию», но не получилось // Шахтерская правда. 1998. 26 мая.

[4] Распоряжение Администрации Кемеровской области № 491-р «О чрезвычайной ситуации в Кемеровской области», г. Кемерово, 20.05.1998 г. // ГАКО. Ф.Р.-1345. Оп. 1. Д. 360. Л. 136.

сохранению кузбасскими предприятиями рабочего ритма, а населёнными пунктами – общественно-политической стабильности.

Смелые и эффективные действия не только А. Тулеева, но и других руководителей регионов, были полностью поддержаны Президентом Б. Ельциным. Опыт главы администрации Кемеровской области в дальнейшем был использован руководителями других субъектов Российской Федерации, например, губернатором Челябинской области П. Суминым[1].

Более активное и эффективное включение Кремля в решение ключевых вопросов угольщиков, обозначившееся в мае 1998 г., изменило антикризисную политику на уровне региональной и местной власти, руководства предприятий, отраслевых профсоюзов. Она приобрела цельный, комплексный характер и ориентировалась на реализацию основных направлений социально-экономической деятельности Правительства РФ. В числе ключевых критериев оказания финансовой помощи регионам со стороны федерального центра являлось их целевое освоение, а также собственные меры поддержки угольной отрасли.

По мере обострения кризиса представители региональной власти предпринимали следующие меры: всё активнее контролировали ход выполнения социально-экономических обязательств, взятых на себя Правительством РФ; стали больше уделять внимания развитию малого и среднего бизнеса; обеспечивали повышение сбора налогов в бюджет; искали новые формы поддержки малоимущих семей[2] и др. Значительно облегчило ситуацию на местах наращивание темпов сокращения задолженности по зарплатам горняков, а также

---

[1] Гончаров В., Иванов Д., Чичкин А. У последней рельсовой черты // Российская газета. 1998. 8 августа.

[2] Стенограмма встречи заместителя Председателя Правительства России О.Н. Сысуева с представителями забастовочных комитетов, лидерами профсоюзов, руководителями предприятий, организаций, главами городов Кемеровской области, г. Кемерово, 19 июля 1998 года // ГАКО. Ф.Р.-1345. Оп. 1. Д. 403. Л. 1.

дополнительные меры поддержки социальной сферы шахтёрских городов и посёлков со стороны Правительства РФ[1].

Увеличение с конца мая финансирования значительно облегчило положение шахтёрских предприятий и населённых пунктов. Однако ситуация оставалась сложной, так как, во-первых, выделенных средств оказалось меньше обещанного (в том числе и потому, что российское Правительство опасалось цепной реакции). Во-вторых, одноразовый взброс денег не решал таких актуальных проблем угольщиков, как рентабельность предприятий, стабильная зарплата и т.д. Администрациям предприятий приходилось заниматься поиском альтернативных вариантов сбыта продукции, оперативно решать вопросы обеспечения безопасности производственного цикла, поддерживать функциональные возможности предприятий, обеспечивать техническое перевооружение шахт[2] и т.д. В крайних случаях (например, угроза летального исхода во время голодовок) руководители предприятий использовали быстрые и нестандартные решения по выплате заработной платы. Одним из наиболее распространённых вариантов «нахождения» денег являлись банковские кредиты, которые директора шахт и разрезов брали под огромные проценты[3].

Методы самостоятельного выхода угледобывающих предприятий из экономического кризиса, несомненно, сыграли важную роль в решении острейших социальных вопросов горняков, но они имели объективную ограниченность.

Всё-таки ключевой проблемой, на решение которой были брошены силы органов власти и управления, являлось *сокращение задолженности по зарплате.* Ведущую роль в этом сыграли Президент и Правительство РФ. Всероссийские «рельсовые войны», разразившиеся в мае 1998 г., заставили их изменить свой

---

[1] Лед тронулся // Заполярье. 1998. 29 мая; Полоса 04 // Красное знамя (Сыктывкар). 2007. 7 июня; Кочетков А. В Шахты прибыл вице-премьер Б. Е. Немцов // Пласт. 1998. № 33 (50), август. С. 1 и др.

[2] Носырев Е. «Джой» начинает грызть пласты // Городская газета. 1997. 18 ноября.

[3] Выписка из протокола № 6/98 заседания совета директоров ОАО «Интауголь», г. Москва, 3 июня 1998 г. // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2594. Л. 156.

взгляд на реструктуризацию угольной отрасли в целом и положение рабочих в частности[1]. Главному исполнительному органу страны пришлось признать прямую ответственность за многомесячные задержки «кровно заработанных». Для решения этой проблемы были оперативно задействованы внутренние и внешние источники. Использование последних порой шло в разрез с международными обязательствами России, но на это не обращалось внимание. Хоть и не в полном объеме, деньги на погашение задолженности по зарплате всё же шли. Причём их поток постепенно увеличивался и, что было немаловажно, имел «живое» содержание.

Выплата долгов горнякам сопровождалась финансовой поддержкой депрессивных шахт и разрезов, реструктуризацией задолженности организаций угольной промышленности по всевозможным страховым взносам и начисленным пеням[2]. Это позволило ускорить процесс реформирования предприятий, оперативно решить самые острые проблемы в социальной сфере углепромышленных регионов, оживить деятельность многих шахт и разрезов, а в целом снять общественно-политическую напряжённость.

До мая 1998 г. приватизация угледобывающих предприятий сводилась к передаче в частные руки самых рентабельных из них. Государство теряло дополнительные поступления в бюджет, при этом не решались проблемы депрессивных шахт. В конце второго этапа государство стало упрочивать свои позиции, закрепляя контрольный пакет акций стратегически важных предприятий и компаний угольной промышленности в федеральной собственности[3].

Материально-финансовая поддержка угольной промышленности и социальной сферы шахтёрских городов и посёлков осуществлялась не только благодаря прямым, но и косвенным мерам воздействия. Главный

---

[1] Константинов В. Найден ответ на извечный вопрос «Кто виноват?» // Рабочая трибуна (Москва). 1998. 26 мая.

[2] Указ Президента Российской Федерации «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах». [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/12357 (дата обращения: 20.10.2015 г.).

[3] Балиев А. Как помочь шахтёрам? // Российская газета. 1998. 23 мая.

исполнительный орган страны пошёл навстречу руководителям шахтёрских регионов, постепенно расширяя их финансово-экономические полномочия и устраняя барьеры на пути развития угледобывающей отрасли. Например, снизились тарифы на перевозки угля по всей сети железных дорог на 25%[1].

В 1998 г. создавалась новая институциональная система социально ориентированного регулирования структурных преобразований в угольной отрасли и углепромышленных территориях, которая заложила основы комплексного решения жизненно важных проблем шахтёрских семей.

Таким образом, социально-экономическая деятельность на втором этапе приобрела более согласованный и комплексный характер. Она соответствовала либеральному курсу, но уже с признаками более активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь. Наиболее острые социально-экономические проблемы были решены. Однако продолжавшееся ухудшение финансово-экономического положения в стране могло в любой момент обострить кризис в угольной промышленности. Это требовало сохранения достигнутых в мае–июле высоких темпов решения актуальных проблем угольщиков.

Итак, противодействие протестному движению шахтёров России в течение второго этапа являлось более активным и сбалансированным. Ключевым фактором предотвращения общественно-политической нестабильности в углепромышленных регионах стали конкретные меры по решению экономических и социальных проблем шахтёров.

3.5 Результаты и значение протестного движения шахтёров России в январе–июле 1998 г.

На втором этапе высокая степень насыщенности шахтёрской борьбой определила его важные, многочисленные и в то же время противоречивые

[1] Тарифы снижаются // Искра. 1998. 4 июня.

результаты. Рабочие многого добились, но не меньше оказалось и не реализованных намерений, а также негативных последствий небывалой по своим масштабам борьбы.

Этап с января по июль 1998 г. стало переломным в шахтёрской борьбе, в жизни многотысячной *социально-профессиональной* группы. В то время рабочие угольной промышленности, как никогда ранее, сумели консолидировать свои силы и добиться широкой общественной поддержки своим выступлениям. Правы те, кто утверждает, что на рубеже весны–лета 1998 г. протест вышел за рамки угольной отрасли[1], а радикальные формы борьбы «явно стали восприниматься более широкими слоями наших сограждан как приемлемые и относительно эффективные»[2].

Вместе с тем, несмотря на внушительную мощь и весьма разрушительный характер, борьба горняков не привела к коренным изменениям политической и экономической систем российского общества. Они не добились многих целей и задач, которые ставили перед собой, например, отставки Президента Б. Ельцина, национализации угольной промышленности и др. В дополнение к вышеуказанным причинам, ослаблявшим протестное движение ещё на первом этапе, выделяются следующие.

1. Разобщенность выступлений шахтёров и всех, кто их поддерживал. Они не создали единого фронта в отстаивании своих социально-экономических и политических лозунгов. Отдельные акции протеста так и не вылились в мощную, действительно общероссийскую борьбу с единым руководством, планом действий, требованиями и т.д. Даже в моменты наивысшего подъёма борьбы, когда проводились всероссийские акции протеста, угледобытчики в большей мере отстаивали собственные (местные и региональные) интересы, а не отраслевые.

---

[1] Жигунов Л.Э. Указ. соч. С. 170; Акции протеста шахтеров в мае 1998 года (информационно-аналитический обзор) // Горняцкая солидарность. 1998. 21 августа и др.

[2] Кертман Г.Л. Указ. соч.

2. Слабая подготовка и организация протестных акций. Очевидна определённая хаотичность в выборе требований, форм и методов борьбы, политических союзников и т.д.

3. Отказ от активной борьбы рабочих наиболее благополучных шахт и разрезов, а также высококвалифицированных профессионалов, «уверенных в своих силах и не желавших растворяться в толпе протестующих»[1].

4. Отсутствие реального содействия угледобытчикам со стороны противостоящих Кремлю политических сил. Оппозиция не взяла на себя ответственность за организацию и доведение протеста до логического конца. По мнению С. Позднякова, организовать и направить массовый протест в то время могли коммунисты и профсоюзы. Между тем, верно, замечает российский политолог, их лидеры не стали рисковать собственным благополучием ради благополучия простых людей[2].

5. Международная солидарность относительно российских горняков проявлялась эпизодически.

6. Двойственный характер поведения горняков. Требуя отставки Президента РФ, они при этом «просили» у Б. Ельцина финансово-экономическую помощь, тем самым ставили под общее сомнение возможность достижения главного намерения.

7. Периферийный характер борьбы. Центральные районы страны, тем более столица, не чувствовали особого дискомфорта от акций протеста, даже таких радикальных, как всероссийские «рельсовые войны».

8. Отраслевая ограниченность выступлений шахтёров. Они редко и малочисленно поддерживали акции протеста других социально-профессиональных групп, как на уровне регионов, так и страны, что вызывало адекватную реакцию со стороны учителей, медиков, машиностроителей и т.д. Поэтому даже крупнейшие акции протеста горняков того времени оказывали

---

[1] Юрин Е.А. Указ соч. С. 69.
[2] Поздняков С.В. Политический протест ... С. 139.

наибольшее давление на власть в моменты реальной солидарности с ними трудящихся и пенсионеров. При снижении этой солидарности действительная сила шахтёрского движения терялась.

9. Уменьшение численности рабочих угольной промышленности. С 1993 по 1998 гг. она сократилась фактически в два раза.

10. Прав Б. Максимов в том, что рабочие угольной промышленности, так и не обрели союзников в лице представителей интеллектуального труда, являвшихся пролетариями по своему положению[1].

Неоднозначные результаты протестного движения шахтёров противоречиво отразились на общественном сознании. С одной стороны, в мае 1998 г. обозначились явные признаки гражданской войны. С другой, изменились протестные настроения шахтёров и других категорий трудящихся. Относительные успехи борьбы оказали деморализующие последствия на их политическое поведение. Горняки утратили уверенность в возможности реализации далеко идущих целей и задач, а использование незаконных форм борьбы не принесло однозначно положительных результатов. На всероссийском уровне не оказалось ни сил, ни лидеров, способных выбрать оптимальные методы борьбы, отстаивать их до победного конца. Часто солидарность с шахтёрами имела конъюнктурный характер. В целом, протестное движение горняков вступило в полосу кризиса.

Важным итогом второго этапа явилось изменение степени влияния на протестное поведение горняков. Ряд внутрипартийных противоречий, непоследовательный характер борьбы КПРФ с Кремлём, а также последствия сокрушительной потери коммунистами авторитета в конце 1980-х – начале 1990-х гг. не позволили ей стать политическим знаменем горняков. Несмотря на существенный вклад членов КПРФ в организацию, проведение и поддержку акций протеста, данная партия оказалась неспособной возглавить борьбу шахтёров страны. В дальнейшем это привело к падению авторитета компартии в

[1] Максимов Б.И. Рабочие как акторы процесса трансформаций // Социс. 2008. № 3. С. 33.

углепромышленных регионах.

В то же время значительно укрепились позиции отраслевых профсоюзов в решении всего перечня задач угледобытчиков. НПГ России и Росуглепроф стали концентрироваться на новых подходах в отстаивании трудовых прав и интересов рабочих угольной промышленности.

В целом шахтёры проявили самонадеянность в достижении поставленных экономических и политических требований. Рабочие не получили мощной поддержки со стороны представителей власти, какую они имели в 1989–1991 гг. В то же время в стране не нашлось политической силы, которая могла бы аккумулировать протестные настроения горняков и трансформировать их в мощное движение против существовавшего режима. На оппозиционные политические силы давил груз противоречивых результатов шахтёрского движения времен «перестройки». Никто из политиков не стал примерять образ лидера рабочего движения, как это в своё время сделал Борис Ельцин.

Заметные перемены в ходе второго этапа произошли на ***общегосударственном*** уровне. Приоритет политических требований обусловил важные изменения в *политической* жизни российского общества. Массовые акции протеста, прежде всего «рельсовые войны», заставили органы власти и управления действовать более решительно, эффективно и комплексно. Кремль признал наличие серьёзных проблем в углепромышленных территориях страны. Правительство РФ стало быстрее гасить задолженности по зарплате, увеличило дополнительное финансирование отрасли, стало открывать стратегические запасы и т.д. Таким образом, органы власти всех уровней искали всевозможные источники для решения социально-экономических проблем горняков. Помощь со стороны государства шла не только им, но и тем социально-профессиональным группам, которые находились в не менее сложном материальном положении и активно поддерживали массовые акции протеста – медикам, учителям, машиностроителям, пенсионерам и др.

Органам власти и управления действительно удалось быстро и комплексно решить многие, наиболее злободневные проблемы шахтёрских семей. Это явилось важным сигналом во взаимоотношениях с шахтёрами.

Особую значимость результаты протестного движения шахтёров имели на федеральном уровне. Изменения в политической сфере страны происходили постепенно и, в целом, носили ответный на протестные действия шахтёров характер. Высокий уровень давления рабочих заставил федеральную власть пересмотреть свои позиции по ключевым вопросам внутренней политики, что позволило в целом стабилизировать обстановку в углепромышленных территориях страны. Укреплялась роль региональных элит, а также общественно-политических институтов в консолидации общества. Особенно это было заметно в Кемеровской области, где проводилась весьма открытая и эффективная социально-экономическая политика.

Нельзя не признать протестное движение шахтёров и как дестабилизирующий фактор, который нёс угрозу общественно-политической обстановке и безопасности граждан. В условиях отсутствия на всероссийском уровне координирующего центра выступления трудящихся порой приобретали неконтролируемый характер и сопровождались ростом хаоса, преступности и т.д. В большей мере это проявилось во время «рельсовых войн» в мае, когда существенно возросло количество краж и других противоправных действий[1]. В наиболее «горячих точках» правоохранительные органы не успевали контролировать безопасность граждан.

Таким образом, власть проявила готовность к диалогу с недовольными шахтёрами и другими категориями населения. Между тем, обратная связь между шахтёрами и представителями органов власти в большей мере носила эфемерный характер. Она ориентировалась на удовлетворение элементарных социально-экономических требований, а не системных изменений, которые были не под силу

---

[1] Полянский А. Кто бастует, а кто ворует // Молот. 1998. 26 мая.

правящей элите. Это стало ключевым фактором медленного снижения протестной активности.

Важные перемены в ходе второго этапа произошли в решении *социально-экономических* проблем угледобывающих предприятий. Наибольшее значение для шахтёров имела позитивная динамика в реализации таких требований, как: выполнение тарифного соглашения, увольнение скомпрометировавших себя директоров предприятий и компаний, нормализация системы взаиморасчётов, упорядочение налогообложения, понижение тарифов на железнодорожные перевозки, проведение аудиторских проверок хозяйственной деятельности шахт и разрезов, увеличение капиталовложений в угледобывающую промышленность, индексация заработной платы, повышение тарифов оплаты труда, выполнение Правительством РФ обязательств по социальной защите населения и т.д. Степень выполнения данных требований на разных предприятиях, конечно же, отличалась, но она носила повсеместный характер.

Блокады железных дорог в мае и июле принесли немало положительных результатов шахтёрам. Правы И. Климов[1], Л. Гордон[2] и другие исследователи в том, что они оказались действенным (и, пожалуй, единственно эффективным) средством заставить власти и работодателей искать пути выхода из кризиса невыплаты заработной платы. Правительством РФ была оказана мобильная помощь и поддержка даже тем шахтёрским городам и посёлкам, которые приняли в то время опосредованное участие в протестном движении. Стали решаться отраслевые вопросы, которые снизили напряжённость в углепромышленных территориях. В ходе принятия оперативных мер, прежде всего на уровне силовых структур, были созданы условия для дальнейших позитивных изменений в деле возвращения «кровно заработанных» и даже добиться нового повышения заработков[3].

---

[1] Климов И.А. Шахтёры в «рельсовой войне» ... С. 133–152.
[2] Гордон Л.А. Крутой пласт ... 352 с.
[3] Там же. С. 109.

Власть реально обратила внимание на проблемы угольной промышленности, ускорилось проведение эффективных рыночных преобразований, началась форсированная приватизация. По мнению современных учёных-экономистов, «рельсовые войны» стали одним из факторов сохранения рабочих мест, зарплаты и статуса. Всё это способствовало замедлению темпов высвобождения персонала и росту производительности труда[1].

В середине 1998 г. в угольной промышленности появились очертания новой институциональной системы социально ориентированного регулирования структурных преобразований в угольной отрасли и углепромышленных территориях. Центральным звеном новой системы стали администрации углепромышленных регионов[2]. Поступательное расширение их экономических полномочий позволило быстрее и эффективнее решать злободневные вопросы шахтёров.

Пик протестного движения шахтёров России сопровождалась и не менее широким спектром негативных последствий. Затянувшаяся борьба рабочих привела к ощутимым экономическим потерям как в угольной промышленности, так и во многих других отраслях народного хозяйства, прежде всего собственных регионов. Шахты и разрезы, чьи рабочие участвовали в акциях протеста, столкнулись с многомиллионными прямыми и косвенными экономическими потерями, снизили свои конкурентные преимущества на внутреннем и внешнем рынках. Сильнее других пострадала компания «Воркутауголь». Многомесячные забастовки в 1998 г. стали обыденным явлением на её предприятиях[3]. После «рельсовой войны» интинцев в мае компания понесла потери в размере 133,3 млн. рублей, а также утратила двух очень важных в плане получения «живых» денег

---

[1] Шепелева Н.А., Огнев С.П. Оптимизация численности персонала в условиях реструктуризации угольной промышленности России на основе модельного подхода // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 7. С. 1052. [Электронный ресурс]. URL: http://journals.creativeconomy.ru/index.php/rp/article/view/178/ (дата обращения: 30.01.2017 г.).

[2] Рожков А.А., Анистратов М.К., Фролов А.А. Указ. соч. С. 37.

[3] Экгардт В.И., Рыбкин В.К., Смирнов М.И. Печорский угольный бассейн – проблемы и перспективы // Уголь. 1999. № 8. С. 54.

потребителей: Новолипецкий металлургический комбинат и Московский коксогазовый завод[1].

От радикальных форм протеста пострадали угледобывающие предприятия, которые реально никогда не бастовали. Например, в 1998 г. самая мощная шахта в России – «Распадская», оказалась на грани катастрофы потому, что пикетчики перерезали все пути вывоза угля. В дополнение к другим трудностям на «Распадскую» в то время обрушились штрафы и пени. Из-за блокады подъездных путей рабочими соседних шахт пострадал стабильно работавший Коркинский разрез в Челябинской области: загорелся неделями не вывозившийся уголь[2]. И такие примеры можно долго продолжать.

Наиболее впечатляющими результатами экономического удара по отрасли стали срывы регулярных поставок угля на экспорт и снижение инвестиционной привлекательности шахтёрских регионов[3].

Обострившаяся обстановка в угольных бассейнах заставила отвлечь часть бюджетных средств на погашение задолженности по зарплате шахтёрам, что не соответствовало международным договорённостям. Поэтому последующие транши МБРР и японского Эксимбанка в 1998 г. не поступили[4].

Государство, в свою очередь, восполняло многомиллионные потери за счёт урезания расходов на всё тех же шахтёров. «Рельсовые войны» и другие радикальные акции протеста горняков в ходе второго этапа привели к непредусмотренному увеличению дотаций на покрытие убытков в размере 1300 млн. рублей, что не позволило выполнить намеченную Правительством РФ

---

[1] Давыдов В. Главное – сохранить темпы и объёмы угледобычи // Заполярье. 1998. 10 июня; Его же. Не будет угля – не будет ничего // Заполярье. 1998. 8 июля.

[2] Трифонов Е. Оседланный дракон // Новое время. 1999. № 15. 18 апреля.

[3] Стенограмма совещания по итогам работы правительственной комиссии, г. Кемерово, 25 июля 1998 г. // ГАКО. Ф.Р.-1345. Оп. 1. Д. 399. Л. 43–44; Талов Б. Люди на рельсах // Знамя шахтёра (Новошахтинск, Ростовская область). 1998. 23 мая; Хмылко И. Ю.А. Спиридонов в Воркуте // Заполярье. 1998. 9 июня.

[4] Никитин А.И. Указ. соч.

программу закрытия убыточных шахт[1]. Таким образом, был сорван план реструктуризации угольной промышленности России.

Из-за радикальных действий горняков, особенно «рельсовых войн», страдали организации и учреждения, напрямую зависевшие от ситуации на железной дороге, например, автотранспортные предприятия[2]. Еще более серьёзные потери от их акций несли те, чьё производство было напрямую связано с продукцией угольной промышленности, – металлурги, коксохимики, энергетики, химики. Особенно уязвимы оказались металлурги, так как перебои с поставками угля угрожали остановкой доменных печей, что в перспективе грозило невосполнимыми потерями. Поэтому руководители тех металлургических компаний, чьи предприятия оказались заложниками конкретных акций протеста шахтёров, стали менять свои экономические ориентиры в сторону стабильно работавших угледобывающих производств[3].

Ставшие особенно популярными на втором этапе транспортные блокады серьёзным образом ударили по экономическому потенциалу железных дорог. Самой загруженной дорогой являлась Транссибирская магистраль, которая понесла наибольший ущерб. В период с 15 по 24 мая на территории Кемеровской области были задержаны 294 грузовых и 157 пассажирских поездов. Потери железными дорогами только доходов составили 100 млн. руб.[4], а общие размеры убытков составили около 500 млн. рублей[5]. В июле железнодорожники Кузбасса испытали «потери громаднейшие». В то время было задержано 360 поездов, на 19 июля убытки составили 55 млн. руб.[6]

---

[1] Галиев А. Угольная среда // Эксперт. 1999. 15 февраля.

[2] Салангин В.В. 19 мая 1998 г. Письмо директора ПАТП главе администрации города Инты // Искра. 1998. 26 мая.

[3] Шалакин Г. «Рельсовая война»: пока одни потери // Кузнецкий край. 1998. 23 мая; Хмылко И. Ю.А. Спиридонов в Воркуте // Заполярье. 1998. 9 июня.

[4] Стенограмма встречи заместителя Председателя Правительства России О.Н. Сысуева с представителями забастовочных комитетов, лидерами профсоюзов, руководителями предприятий, организаций, главами городов Кемеровской области, г. Кемерово, 19 июля 1998 года // ГАКО. Ф.Р.-1345. Оп. 1. Д. 403. Л. 13.

[5] Лень П.М. Указ. соч. С. 183; Михайлов П. Падение, которое радует // Кузбасс. 1998. 23 мая.

[6] Стенограмма встречи заместителя Председателя Правительства России О.Н. Сысуева с представителями забастовочных комитетов, лидерами профсоюзов, руководителями предприятий, организаций, главами городов Кемеровской области, г. Кемерово, 19 июля 1998 года // ГАКО. Ф.Р.-1345. Оп. 1. Д. 403. Л. 44.

«Рельсовые войны» стали сильным ударом по престижу железнодорожного транспорта России. Имелись факты расторжения договоров по железнодорожным перевозкам[1]. Было поставлено под сомнение их участие в ряде международных проектов, привлечение дополнительных инвестиций и т.д. Сразу же после прекращения блокад железных дорог в 1998 г. Министерство путей сообщения старалось доступными средствами компенсировать свои потери, «проучить» виновников «рельсовых войн». Среди мер, предпринятых железнодорожниками по выходу из кризиса, стало ужесточение требований по возврату долгов и оплате текущих грузов к тем предприятиям, чьи трудящиеся перекрывали рельсы[2].

Солидные экономические потери от акций протеста несла вся страна, но в первую очередь субъекты РФ, соседствовавшие с шахтёрскими регионами. Так, например, в мае 1998 г. в результате блокад железных дорог Красноярский алюминиевый завод оказался на грани закрытия, общий экономический ущерб Алтайскому краю превысил 10 млн. рублей[3], заметно ухудшились поставки товаров в г. Салехард Тюменской области[4] и т.д.

Акции протеста горняков стали одним из основных факторов, обусловивших спад промышленного производства в российской экономике в мае–июне 1998 г. Они негативно отразились на макроэкономических показателях России, её инвестиционной привлекательности для зарубежных компаний[5] и т.д.

Таким образом, социально-экономические последствия протестного движения шахтёров России в ходе второго этапа характеризуются высоким

---

[1] Лень П.М. Указ. соч. С. 183.

[2] Готовясь к отчету перед областью (15 августа 1998 г.) // Муниципальный архив Юргинского городского округа. Ф. 7. Оп. 1. Д. 174. Л. 196.

[3] Соловенко И.С., Епифанцев К.В. «Рельсовая война» в Юрге … С. 55.

[4] Бастуют в Инте, а продуктов нет в Салехарде // Заполярье. 1998. 22 мая.

[5] Сводный доклад О ходе выполнения Комплексного плана действий Правительства Российской Федерации по реализации в 1998году Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Общими силами – к подъёму России (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)», Программы Правительства Российской Федерации «Структурная перестройка и экономический рост в 1997-2000 годах» и документа «Двенадцать дел Правительства России на 1998 год в области экономической и социальной политики» в январе-июне 1998 года Д. 2641 // ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 2641. Л. 159; Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls (дата обращения: 02.04.2016 г.).

уровнем противоречивости. Действительно довольно быстро были решены многие жизненно важные проблемы шахтёрских семей. Между тем их решение произошло, в том числе за счёт бюджетных фондов, предназначенных для других социально-профессиональных групп. Углепромышленные бассейны нуждались в новой, глубоко продуманной социально-экономической политике.

Итак, результаты протестного движения шахтёров в течение второго этапа являлись неоднозначными. Власть пошла на уступки, но в большей мере они имели социально-экономическое содержание. Между тем, этого оказалось достаточно для формирования условий устойчивого спада шахтёрской борьбы.

ГЛАВА 4 СПАД ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ РАБОЧИХ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (АВГУСТ 1998 г. – 1999 г.)

4.1 Противоречия стратегии и тактики борьбы

Третий этап стал временем кардинального пересмотра стратегии и тактики протестного движения рабочих угольной промышленности России. Широкое использование в мае–июле 1998 г. даже радикальных форм борьбы не привело к достижению их центрального требования – отставки Б. Ельцина с поста Президента России. Немало вопросов у горняков вызывали результаты участия общественно-политических сил в отстаивании интересов угледобытчиков. Это привело к разочарованию в политических союзниках и уходу с арены шахтёрской борьбы таких представительных органов как рабочкомы. Заметно ослаб не только протестный, но и оппозиционный потенциал тех политических лидеров, которые ещё недавно могли возглавить протестное движение в стране. Всё меньше россиян верили в политические возможности горняков, которые и сами стали сомневаться в способности достижения далеко идущих задач. Это определило изменение стратегии и тактики отстаивания трудовых прав и интересов.

В её основе коренилась потребность сохранения места и роли шахтёров в общественно-политических процессах российского государства. Радикально настроенной части рабочих пришлось менять содержание борьбы, так как самостоятельные усилия не имели того эффекта, который был в 1989 г. В условиях рынка уже не было тех возможностей, которые имелись во времена планового хозяйства. Каждое предприятие выходило из кризиса самостоятельно, надеяться на централизованное решение даже системных проблем особо не приходилось. За время реформ работников угольной промышленности стало значительно меньше, некоторые традиционно шахтёрские города и посёлки утратили статус углепромышленных. Шахтёры были вынуждены ориентироваться и на общественное мнение, которое уже летом 1998 г. стало

меняться не в их пользу. Поэтому с августа этого года целью их протестного движения стал поиск взаимовыгодного компромисса с властью, то есть возобладал подход ранее характерный только для умеренно настроенной их части. Достижение компромисса, с одной стороны, позволяло горнякам снять общественно-политическую напряжённость в углепромышленных регионах и начать совместно с органами власти и управления решать социально-экономические вопросы городов и посёлков, с другой – сохранить свой, и так ослабленный, социально-профессиональный статус и авторитет. Готовность к поиску взаимовыгодного компромисса с властью чётко обозначилась в требованиях горняков. С августа 1998 г. политические лозунги динамично уступают доминирующие позиции экономическим требованиям.

Вместе с тем нельзя утверждать о полной капитуляции горняков перед властью. Вплоть до конца рассматриваемого периода, они полностью не отказались от политических требований, поддерживая таким образом давление на власть, и напоминая о себе как о силе способной изменить ход истории. Наиболее заметными из них являлись те, что стали популярными в ходе «рельсовых войн» мая и июля 1998 г. – это отставка Б. Ельцина и национализация угольной промышленности. Общественно-политическая напряжённость в стране сохранялась, и отказаться от ранее выдвинутых лозунгов было равносильно предательству. Тем более требование отставки Б. Ельцина не теряло своей популярности как среди трудящихся, так и руководителей углепромышленных регионов. Между тем серьёзных политических уступок Кремль не желал делать. Поэтому, вплоть до конца рассматриваемого периода, эпизодически требование отставки Б. Ельцина с должности главы государства возникало. Как правило, инициаторами выдвижения такого намерения были рабочие, ориентировавшиеся на поддержку их борьбы со стороны лево-патриотических партий и движений.

Заметным лозунгом политического характера являлось требование национализации угледобывающей отрасли. Его выдвижение было не столь частым, как в мае–июле 1998 г., но более символичным. По мнению многих

шахтёров, только таким образом можно было решить проблему передела собственности, обострившуюся на третьем этапе. Между тем, требование национализации угольной промышленности являлось скорее актом отчаяния горняков, нежели отражением их реальных настроений. Как только приватизированные предприятия стали показывать экономическую эффективность и социальную ответственность, данный лозунг был забыт. Шахтёрам стало безразлично, на кого работать, лишь бы им вовремя платили достойную зарплату.

В перечне политических лозунгов появились и новые, в том числе ориентированные на системные изменения. Например, ростовские горняки требовали «принять поправки к Конституции Российской Федерации, обеспечивающие контроль законодательной власти за деятельностью Президента и Правительства Российской Федерации»[1]. В тех территориях, где позитивные процессы в угольной промышленности явно отставали от общероссийской динамики (например, Российский Донбасс), звучали требования отставки руководителей регионов, а также шахтёрских городов и посёлков[2].

Из социально-экономических требований горняков в начале рассматриваемого этапа по-прежнему на первом месте находился возврат долгов по зарплате. Для рабочих, которые попали под сокращение в связи с закрытием предприятий, не менее актуальным являлось требование социальных выплат по ликвидации[3]. Они были готовы к снижению давления на власть в случае хоть и небольшой, но всё-таки положительной динамики возврата долгов.

Федеральный центр был удовлетворён снижением протестной активности шахтёров, но нельзя было недооценивать ситуацию. Совсем свежи в памяти были воспоминания о недавних всероссийских «рельсовых войнах», которые оказались

---

[1] Требования участников митинга в гг. Шахты, Новошахтинск, Красный Сулин, Гуково, Зверево, Донецк п. Синегорский, 7 октября 1998 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52. Л. 92.

[2] Там же. Л. 92 (об.).

[3] Спец. сообщение начальника Партизанского ГОВД Потеги В.А. в оперативную дежурную часть УВД ПК (5 августа 1998 г.) // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 176. Л. 26.

для Кремля неожиданными. Отдельные заметные акции протеста горняков, хоть и по убывающей траектории, но всё-таки происходили. В стране имелись и другие факторы дестабилизации общественно-политической обстановки (финансовый дефолт, ситуация на Северном Кавказе и т.д.), что не позволяло недооценивать их протестный потенциал. Достигнутый в мае–июле компромисс был выгоден власти. Но он был и в интересах рабочих, которые всё чаще показывали готовность к эволюционным изменениям в угольной промышленности.

Снижение протестной активности на третьем этапе было особенно заметно по использовавшимся в то время формам и методам борьбы. Они уже не были столь радикальны и непримиримы даже в сравнении с началом 1990-х гг. Это явилось следствием неоднозначных результатов коллективных выступлений на предыдущем этапе, а также ростом доверия к политическому и экономическому курсу Президента и Правительства РФ, начиная с сентября 1998 г. Снижение протестной активности шахтёров отразилось как на количестве, так и на качестве использовавшихся форм борьбы. Намного меньше из них стало незаконных, которые к тому же снизили свои масштабы и продолжительность.

Отличие ситуации в конце рассматриваемого периода состояло в том, что зарплатный кризис приобрёл очаговый характер, а вина по задолженности почти полностью лежала на потребителях угля, отношения с которыми шахтёрские предприятия выстраивали самостоятельно. Соответственно предъявлять претензии к органам власти было не совсем логично. Поэтому очень популярной среди рабочих стала практика переходов с одной шахты на другую[1]. Однако она имела ограниченный ресурс.

Ослабление протестного движения, а в результате – изменение его цели, внесло свои коррективы в перечень задач шахтёров. Главной из них становится поддержка действий отраслевых профсоюзов, которые стали основным контрагентом Правительства РФ. Вторая, логически связанная с главной, – это

[1] Вилесова Л. Шахтеры конца 90-х: мы не рабы..? // Контакт. 1999. 17 июля.

изоляция шахтёрских коллективов от влияния лево-патриотических общественно-политических партий и движений. Третья – защита организаторов незаконных акций протеста.

Рабочие угольной промышленности были согласны на компромисс с властью, но при этом пытались извлечь для себя максимальную выгоду. Из-за отсутствия солидарности и согласованности в совместных действиях по отстаиванию шахтёрских интересов претензии политического характера стали уступать требованиям экономического плана. Особенно это было заметно по содержанию лозунгов участников шахтёрского пикета у Дома Правительства РФ в августе–сентябре 1998 г. Протестной акции в данной форме Кремль опасался меньше, чем «рельсовых войн». Это быстро почувствовали пикетчики и постепенно стали смягчать свои требования. В августе 1998 г. председатель НПГ России А. Сергеев отмечал, что конечная цель шахтёрской акции состоит не столько в смене главы государства, сколько в «изменении существующего строя и управления экономикой»[1]. Он пояснил, что «необходимо устранить сильнейший перекос в сторону исполнительной власти, от настроения которой зависит судьба всей страны и каждого человека в отдельности»[2].

Появление в сентябре того года нового, «розового» Правительства РФ пикетчики посчитали достаточным компромиссом с федеральным центром, забыв при этом прежние главные лозунги. Хотя истинные причины отказа, конечно же, были шире. Это слабая солидарность, отсутствие широкой общественной поддержки, неэффективные формы и методы протеста и др. Поэтому политические претензии шахтёров к власти стали угасать и уступать место социально-экономическим требованиям.

Так как власть показывала готовность контактировать только с официальными представителями, важнейшей задачей для всех сторон, заинтересованных в выводе угольной промышленности из кризиса, являлась

---

[1] Профсоюзный лидер сулит отставку Президенту // Заполярье. 1998. 18 августа.
[2] Там же.

поддержка отраслевых профсоюзов. Решение данной задачи позволяло горнякам в конструктивной форме выражать своё недовольство, выстраивать взаимовыгодный механизм сотрудничества, сохранить достойные место и роль в общественно-политических процессах. На это указывает факт заметного снижения количества стихийных и незаконных акций протеста. Все массовые и резонансные действия по отстаиванию социально-экономических интересов возглавляли шахтёрские профсоюзы. Они стали укреплять своё влияние на протестную активность горняков после стихийных акций протеста, которые имели весьма противоречивые результаты.

Использование в основном законных форм и методов борьбы, начиная с конца 1998 г., укрепляло доминирование отраслевых профсоюзов и их компромиссно-консенсусный подход к решению вопросов угольной промышленности. С их стороны заметно снизилось даже количество судебных исков к органам власти и управления. Возможность использования массовых и в то же время радикальных форм протеста чаще являлось средством виртуального давления на власть со стороны НПГ России и Росуглепрофа[1], нежели установкой к действиям. Громкие слова о необходимости «с оружием в руках отстаивать интересы трудящихся»[2] чаще раздавались в профсоюзных кабинетах, а не на «площадях несогласия», как это происходило в 1989 г. Попытки рабочих пристыдить беспринципность лидеров отраслевых профсоюзов были единичны[3] и не воспринимались последними адекватно.

Таким образом, главные представители шахтёрского сообщества дали сигнал Кремлю о готовности на вполне приемлемых условиях пересмотреть цели и задачи своей борьбы.

---

[1] «Выбивали» деньги как рэкетиры // Трибуна. 1998. 6 ноября. С. 1.

[2] Протокол регионального совещания территориальных организаций Росуглепрофсоюза Российского Донбасса, г. Шахты, 10 ноября 1998 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52 (а). Л. 89.

[3] Резолюция митинга трудящихся и потерпевших г. Партизанска и прилегающих шахтерских поселков, 04.08.1998 г., г. Партизанск // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 71.

Главным свидетельством ухода отраслевых профсоюзов от прямого противостояния с властью стало снятие пятого октября 1998 г. пикета у Дома Правительства РФ, долгое время державшего в напряжении Кремль. Данный пикет был последней крупной акцией протеста шахтёров России, которую они проводили самостоятельно.

Шахтёрские профсоюзы всё чаще показывали политическую лояльность власти. Они стали призывать к ограничению забастовочной активности, использованию акций протеста, не наносящих вред производству и т.п. Руководство отраслевых профсоюзов обращало внимание руководителей местных ячеек, что блокирование магистралей приведёт к уголовным преследованиям со стороны правоохранительных органов. Поэтому рекомендовало ограничиваться пикетированием только подъездных путей предприятий[1]. Уже осенью 1998 г. фактически прекратилось использование подземных «забастовок» и голодовок, к минимуму были сведены транспортные блокады. Те радикальные формы протеста, что всё-таки использовались, например, «рельсовые войны», имели весьма умеренный характер, ориентировались на новые цели и задачи борьбы.

Свидетельством новых подходов в борьбе явилось то, что горняки перешли от блокирования стратегических магистралей к перекрытию железнодорожных веток, которые вели только к собственным угледобывающим предприятиям. Такие блокады были направлены против недобросовестных потребителей их продукции. При этом участники «рельсовых войн» разрешали отправлять уголь в счет оплаты налогов и на нужды городов[2], что подчёркивало их справедливые намерения. Блокады железных дорог не приносили желаемых результатов, поэтому в 1999 г. к данной форме протеста уже не прибегали, хотя и не переставали ими угрожать.

Снижается количество и смягчается характер использования в недавнем

---

[1] Постановление «О выполнении решений X пленума РК Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности», 23 октября 1998 г., Москва // ГАПК. Ф.Р-1707. Оп. 1. Д. 185. Л. 93.

[2] Ильясова Г. Кому это выгодно? // Заполярье. 1998. 16 сентября; Мошев Е. Но деньги вперед // Искра. 1998. 3 октября.

прошлом таких важных и законных форм протеста, как: забастовки, митинги, пикеты, демонстрации и т.п. Они приобрели масштаб отдельных городов и посёлков и ориентировались на привлечение внимания региональной и местной власти к шахтёрским проблемам[1]. После мало результативного участия горняков в митингах седьмого октября 1998 г., организованных по всей стране ФНПР, шахтёрские профсоюзы отказались и от идеи межотраслевых акций протеста, которые происходили и в следующем году[2].

В 1999 г. руководство шахтёрских профсоюзов стало ограничивать участие рабочих в забастовках и голодовках. Их нельзя было проводить, если в этих мероприятиях участвовала «только половина коллектива»[3]. В то же время активизировалась деятельность шахтёрских профсоюзов по предъявлению исков к работодателям[4].

Политический консенсус с властью осенью 1998 г. явился выгодным манёвром лидеров шахтёрских профсоюзов, позволившим перегруппировать силы для дальнейшей борьбы. Шахтёры разочаровались как в утвердившемся рыночно-демократическом курсе[5], так и в собственных способностях открыто противостоять власти. Они стали ориентироваться на легальные формы защиты трудовых прав. В следующем – 1999 г., основные политические надежды рабочих угольной промышленности были связаны с предстоявшими парламентскими выборами. Это явилось следствием улучшения макроэкономической стабильности в стране, политической «усталости» шахтёров, а также усиления правовой ответственности, как за задержку заработной платы, так и за участие в незаконных акциях протеста.

---

[1] Лобанов С. Народ не подчинился команде «веселиться» // Киселевская правда. 1999. 15 апреля.

[2] Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России: Документы, статистика, библиография / Отв. ред. А.М. Кацва. М., 2006. С. 114.

[3] Протокол № 12 заседания профсоюзного комитета Независимого профсоюза угольщиков ОАО шахта «Интинская», 29 сентября 1999 г. // НАРК. Ф.Р-2082. Оп. 1. Д. 771. Л. 53.

[4] Трусов Н. Угольной отрасли требуется богатырь // Горняцкая солидарность. 1999. 4 июня.

[5] Кожуховский И. Реформа угольной промышленности: как это было ... С. 1.

Одним из направлений конституционного давления на власть явился самостоятельный выход шахтёров на политическую арену. В 1999 г. общественно-политическое движение «Шахтёры России» объявило о своём выходе из блока «Отечество – Вся Россия», и самостоятельно приняло активное участие в предвыборной кампании по выборам депутатов Государственной Думы[1].

Таким образом, укреплялось доминирование отраслевых профсоюзов, сохранялась политическая самостоятельность и независимость шахтёров как крупной социально-профессиональной группы. Отказ от массовых и радикальных акций протеста гарантировал доверительное и взаимовыгодное сотрудничество с властью.

Отраслевые профсоюзные организации укрепили свои позиции на «шахтёрском поле» и к концу рассматриваемого периода заметно потеснили с него политические партии и движения. В течение третьего этапа потенциальные возможности организовать в стране заметные акции протеста горняков имели только отраслевые профсоюзы. Между тем, коллективных и радикальных выступлений шахтёров становилось всё меньше, и в этом также была заслуга Росуглепрофа и НПГ России. Они не только изменили тактику решения вопросов угольной промышленности, переведя её в формат переговоров, но и добились, хоть и постепенного, но реального улучшения социально-экономического положения рабочих.

В ходе третьего этапа изменилась степень влияния отраслевых профсоюзов в представительстве интересов шахтёрского сообщества на государственном уровне. Позиции НПГ России ослабевали, а Росуглепрофа укреплялись. Это было связано с провалом многих крупных акций протеста рабочих, которые возглавлялись НПГ России. Его отказ от дальнейшего пикетирования Дома

---

[1] Постановление чрезвычайной конференции трудовых коллективов предприятий угольной промышленности «О путях выхода из кризисной ситуации предприятий ОАО УК Прокопьевскуголь», 25.12.1998 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 346. Л. 27; Егоренко А. Шахтеры уходят из ОВР // Известия. 1999. 27 октября.

Правительства РФ в октябре 1998 г. стал свидетельством политического бессилия решать шахтёрские вопросы «в одиночку», хотя этот очевидный факт не признавался лидерами НПГ России[1]. Вполне убедительно по этому поводу выглядит мнение Б. Максимова о том, что шахтёры страны не добились реализации главной цели пикета перед Домом Правительства РФ, хотя и пытались выдать желаемое за действительное[2]. Данное мнение подтверждают и некоторые известные участники пикета перед Домом Правительства РФ, например, В. Потишный[3].

На высшем уровне НПГ России и дальше проводил ещё более изолированную как от Росуглепрофа, так и от политических партий и движений деятельность[4], а также продолжал ориентироваться на международную поддержку[5], хотя на местном уровне и присутствовали примеры совместных заседаний отраслевых профсоюзов (по крайней мере, в Печорском угольном бассейне)[6].

Политический потенциал НПГ России подрывался несогласованными действиями между региональным отделением и центральным руководством профсоюза. Представители региональных отделений были не согласны по многим вопросам в стратегии и тактике отстаивания интересов рабочих, что наиболее было заметно в Кузнецком бассейне. В 1999 г. в регионе сменилось руководство, которое предложило объединить усилия всех отраслевых профсоюзов в достижении общей цели. Такие действия кузбасского регионального отделения вызывали неприятие со стороны центрального органа НПГ России[7], что снизило эффективность совместной деятельности.

---

[1] Ильясова Г. Профсоюзы шахтеров против забастовки // Заполярье. 1998. 7 октября.
[2] Максимов Б.И. Шахтёры, власть, народ // Социс. 1999. № 4. С. 101.
[3] Потишный обвинил участников переговоров в предательстве // Трибуна. 1998. 9 октября. С. 1.
[4] Водолазов А. Кто «заказал» Эдуарда Кинстлера? // Наша газета. 1999. 23 сентября. С. 2.
[5] Требование об отставке // Заполярье. 1998. 11 августа.
[6] Протокол № 24 расширенного заседания профкома НПУ и И.Б. НПГ, 25.11.98 г. // НАРК. Ф.Р-2082. Оп. 1. Д. 762. Л. 77.
[7] Косинов В.И. Почему мы их раздражаем? // Кузбасс. 1999. 12 октября.

Росуглепроф, наоборот, расширял свои представительские возможности. Летом 1998 г. он показал достаточную политическую лояльность федеральному Правительству и, по сути «превратился в консультативный орган Минтопэнерго РФ»[1]. Это позволило ему иметь определённые политические дивиденды в форме, например, ключевого участника подписания ОТС и т.д. Продолжилось распространение его влияния как на рабочих, так и их контрагентов[2]. Руководители Росуглепрофа активно и успешно координировали протестные действия с профсоюзами, действовавшими в других отраслях экономики[3].

В общем, место и роль шахтёрских профсоюзов в протестном движении снижалась, а в переговорном процессе усиливалась.

Важной и взаимосвязанной с предыдущей задачей профсоюзов стала *изоляция шахтёрских коллективов от влияния лево-патриотических общественно-политических партий и движений*. Возросшая в течение предыдущих лет роль КПРФ и других лево-патриотических сил в отстаивании интересов трудящихся объективно способствовала поддержанию взаимовыгодного союза. Компартия была заинтересована в шахтёрской поддержке и, в свою очередь, не скрывала готовности возглавить протестное движение шахтёров, как составную часть общероссийского натиска трудящихся на власть. Особенно это было заметно в начале рассматриваемого этапа (август–сентябрь 1998 г.), когда в пользу развития протестного движения были ухудшающаяся социально-экономическая обстановка и свежий пример всероссийских «рельсовых войн». Определённые успехи протестного движения трудящихся в 1998 г., укрепление их реальной солидарности, отдельные уступки им со стороны власти и т.д. укрепили веру решительно настроенной части

---

[1] Постановление президиума Ростовского территориального комитета Росуглепрофсоюза «О постановлении Совета Воркутинской Федерации Росуглепрофсоюза от 12.01.99 г. № 30 “О взаимоотношениях Воркутинской Федерации Российским комитетом Росуглепрофсоюза”», 29 января 1999 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52. Л. 150.

[2] Сводный статистический отчёт за 1999 г. Прокопьевской территориальной организации Росуглепрофа // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 342. Л. 3, 4.

[3] Мало не покажется // На-гора! 1998. № 17–18, сентябрь. С. 1.

горняков в успех классовой борьбы. В сентябре 1998 г. КПРФ взяла курс на подготовку проведения массовых протестных действий в стране, проводила работу по сбору средств в поддержку выступления шахтёров в Москве, организовывала подготовку всеобщей политической стачки и т.д.

Это не могло не настораживать Кремль, который шёл на уступки горнякам. Втягивание рабочих угольной промышленности в политические «игры» не входило и в планы отраслевых профсоюзов, которые почувствовали укрепление своих позиций в переговорном процессе с Правительством РФ. Шахтёрские профсоюзы и власть сумели изолировать рабочих от влияния КПРФ и других лево-патриотических организаций. В этом им помогла макроэкономическая стабильность, повышение уровня жизни населения, протестная «усталость» и др.

Если на предыдущем этапе фактически ни одна «рельсовая война» не проходила без участия в ней лево-патриотических организаций, то на третьем этапе подобные акции происходили, как правило, без них[1]. Важной причиной ослабления влияния компартии на протестную активность горняков стало снижение её потенциала «в организационном плане как по количественному составу, так и по способности проводить крупномасштабные мероприятия»[2].

В конце 1998 г. главным «врагом» горняков были уже не Президент и Правительство Российской Федерации, а руководители шахт и разрезов. Потребность в политических союзниках не являлась столь актуальной, как прежде. Для шахтёров реальной альтернативы отраслевым профсоюзам в отстаивании их интересов фактически не было. Системный кризис в большинстве отраслей экономики и социальной сфере страны определил изменение тактики протестного движения шахтёров. Постепенно от требований повышения заработной платы и её своевременной выплаты борьба рабочих свелась к идее сохранения конкурентоспособных предприятий и компаний. Несмотря на

---

[1] Спец. сообщение начальника Партизанского ГОВД Потеги В.А. в оперативную дежурную часть УВД ПК (5 августа 1998 г.) // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 176. Л. 26.

[2] Обращение секретаря Ухтинского горкома КПРФ М.В. Третьякова в Коми реском КПРФ, 18.11.1998 г. // НАРК. Ф. П-3791. Оп. 1. Д. 52. Л. 100.

сложную финансово-экономическую ситуацию, рабочие в ходе акций протеста чаще требовали не погашения задолженности по зарплате, а модернизации производственного оборудования, сохранения инфраструктуры предприятия, целевого использования выделенных средств и т.д. Только таким образом, по мнению самих угледобытчиков, можно было добиться высокой заработной платы и её своевременной выплаты. Такой подход являлся не конфронтационным, устраивал все стороны, заинтересованные в решении социально-экономических вопросов шахтёрских территорий.

Несмотря на сохранение в 1999 г. определённой напряжённости в трудовых коллективах углепромышленных территорий и возникновение отдельных попыток использовать радикальные формы борьбы, все они, как правило, оставались на бумаге. В условиях различных экономических ситуаций, в которых оказались угледобывающие предприятия, им приходилось лавировать между общими рабочими интересами и судьбой собственных предприятий, что снижало эффективность любой формы протеста. Это стало дополнительным фактором отхода шахтёров от прямого участия в отстаивании трудовых прав и интересов, передачи данных полномочий в руки профессиональных союзов.

Решение третьей задачи – *защита организаторов незаконных акций протеста* – было сильно связано с достижением политического компромисса между профсоюзами и властью. Постепенная реализация предыдущих задач создала для этого хорошие условия уже осенью 1998 г.

В Кремле прекрасно понимали, что преследование шахтёрских лидеров являлось хорошим поводом для укрепления политического союза трудящихся и лево-патриотических партий и движений. Высокую степень заинтересованности в защите «руководителей профсоюзных организаций и забастовочных комитетов, принимавших участие в акциях протеста в связи с невыполнением работодателем обязательств по выплате заработной платы, необходимостью защиты своих

конституционных прав» показывала ФНПР[1].

Власть пошла на уступки и прекратила уголовное преследование рабочих. Освобождение шахтёрских лидеров и активистов от правового преследования только укрепило степень доверия между основными участниками решения вопросов угольной промышленности. Непосредственное и наиболее активное участие профсоюзов в прекращении преследования организаторов незаконных акций протеста показало отсутствие у горняков серьёзной институциональной альтернативы в решении вопросов шахтёрских городов и посёлков.

Итак, ослабление протестного потенциала шахтёров обусловило существенную трансформацию целеполагающих действий, которые стали вписываться в либерально ориентированную систему общественно-политических отношений.

4.2 Ослабление динамики протестного движения

С августа 1998 г. динамика протестного движения горняков приобрела отчётливый отрицательный характер. Однако не всё было так однозначно. Сохранялись не только причины и факторы поддержки высокого уровня шахтёрского недовольства, но и происходили, хоть и локальные, но весьма громкие выступления трудящихся углепромышленных городов и посёлков.

В начале третьего этапа центром шахтёрской борьбы становится Приморский край, который в мае–июле был почти не заметен. Главной причиной новой волны возмущения приморских горняков можно считать их обделённое положение, сложившееся после всероссийских «рельсовых войн». Они в них не участвовали, а отдельные и немногочисленные акции протеста остались без особого внимания со стороны федеральной власти. Поэтому динамика сокращения задолженности

[1] Письмо старшего прокурора отдела управления по надзору за следствием, дознанием и ОРД в органах внутренних дел Н.А. Корнеевой Прокурору Республики Коми Ковалевскому В.Е. // НАРК. Ф. Р-1307. Оп. 1. Д. 1878. Л. 3.

по заработной плате и социальным выплатам имела здесь незначительные темпы (порядка 5% суммы от общего долга[1]).

В череде локальных выступлений обращает на себя внимание коллективная голодовка рабочих шахтоуправления «Нагорная», которая продолжалась с 28 июля по седьмое августа. Отсутствие адекватной реакции со стороны органов власти побудило горняков к использованию такой эффективной формы протеста как «рельсовая война». Четвёртого августа в 12.00 состоялась акция протеста шахтёров г. Партизанска на железнодорожных путях Партизанск–Находка в форме санкционированного митинга. На нём присутствовало 120 человек. Во время проведения митинга была предпринята попытка перекрытия участка железнодорожных путей Транссиба в районе 133 км. с 12 до 13 часов. Правоохранительные органы весьма быстро и эффективно её пресекли. В результате перекрытия Транссиба произошло нарушение графика с задержкой только на 20 минут движения грузового состава на перегоне станция Смоляниново–Партизанск[2]. Реализовать свои цели и задачи через другие формы и способы борьбы приморские горняки не смогли. Данные акции остались незамеченными не только шахтёрским сообществом, но и трудящимися других отраслей Приморского края.

Ослабление шахтёрской борьбы в начале рассматриваемого этапа соответствовало общему спаду протестного движения в стране, и явилось следствием следующих важных причин. Во-первых, отдельные выступления трудящихся и пенсионеров, тем более тех регионов, которые слабо влияли на макроэкономическую ситуацию в стране, не имели широкого общественного резонанса. Во-вторых, рабочие крупных индустриальных районов России, которые продолжали сталкиваться с социально-экономические трудностями стали

---

[1] Письмо Администрации г. Партизанска Приморского края от 12.08.1998 г. // Архив Партизанского городского округа. Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 75.

[2] Вставка отдела 7/2 по проверке исполнения законодательства в деятельности предприятий угледобывающей промышленности о труде, охране труда, целевого использования денежных средств, выделенных на оплату труда, реструктуризацию отрасли (07 августа 1998 г.) // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 176. Л. 15–16.

избегать дестабилизирующих действий. Они мало верили в их эффективность, возможность таким способом «поднять» Россию. В-третьих, ужесточилась позиция Кремля в отношении к незаконным акциям протеста. Органы власти активнее использовала административный ресурс. Главным инструментом в этом стали СМИ, которые убеждали общество в иррациональности акций протеста. В-четвёртых, теркомы Росуглепрофа опасались оказаться под влиянием НПГ России[1], который в то время выделялся особой энергичностью и популярностью во всей стране. В-пятых, в августе произошла отставка Правительства С. Кириенко, которую многие трудящиеся восприняли как результат проявления их недовольства социально-экономическим курсом. Таким образом, шахтёрам, как и другим гражданам России, была подана надежда на изменение социально-экономической политики государства.

Однако парадоксальность ситуации состояла в том, что после финансового дефолта 17 августа 1998 г. социально-экономическое положение шахтёрских городов и посёлков по некоторым параметрам оказалось ещё хуже, чем до всероссийских «рельсовых войн» в мае того года. Не изменилось и отрицательное отношение горняков к личности Б. Ельцина. В августе–сентябре в пользу роста массовых акций протеста была и значительная часть общественного мнения. Соответственно, отказ от продолжения активных протестных действий во многом крылся внутри шахтёрского сообщества. Оно ещё больше раскололось изнутри, причём по разным уровням.

Наибольшему удару подверглась рабочая солидарность на уровне ведущих углепромышленных регионов. Даже в ходе всероссийских «рельсовых войн» в мае, когда политическая судьба Б. Ельцина оказалась под серьёзной угрозой, было немало примеров продолжения работы отдельными трудовыми коллективами. Они не могли не понимать, что вагоны с углём двигались в новом направлении, в том числе и благодаря их труду. Опосредованное участие шахтёров в

[1] Протокол заседания президиума Ростовского теркома Росуглепрофа от 13.07.98 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52. Л. 64.

деятельности менеджмента предприятий по «молниеносному захвату» новых ниш на отечественном рынке угля создало атмосферу серьёзного недоверия друг к другу. В сознании рабочих угольной промышленности возобладала идея самостоятельного выживания. Снижению протестного потенциала способствовало и сокращение их общей численности с 1992 по 1999 гг. почти в два раза (таблица 2).

Летом 1998 г. заметно ослаб протестный потенциал Печорского угольного бассейна, который на протяжении 1990-х гг. являлся одним из самых высоких. Здесь в наибольшей степени произошёл раскол по вопросу использования форм и методов отстаивания социально-трудовых прав и интересов. Интинцы, инициаторы недавних всероссийских «рельсовых войн», в августе неоднократно отмечали напряжённую обстановку в коллективах из-за невыплаты заработной платы. Её причинами они считали невыполнение протокола, подписанного министром экономики России Я. Уринсоном, а также не реализованные руководством Республики Коми обещания. Некоторые горняки Инты неоднократно призывали к повторению блокады Северной железной дороги[1]. Однако им сложно было не считаться с мнением воркутинских товарищей, которые однозначно выступили против новой блокады железной дороги ведущей к их городу. Они понесли наибольшие экономические потери в ходе всероссийских «рельсовых войн» и не хотели больше рисковать стабильностью своих предприятий. Свою позицию шахтёры Воркуты не изменили даже осенью, когда в результате дефолта серьёзно ухудшилась социально-экономическая обстановка в городе[2].

Отсутствие мощной народной поддержки радикальным взглядам горняков заставило их сориентировать протестное движение в русло компромиссно-

---

[1] Горняки готовы вновь выйти на рельсы // Заполярье. 1998. 4 августа.

[2] Постановление Независимого профсоюза горняков Воркуты, Воркутинской организации Росуглепрофсоюза и Воркутинского профсоюза горных инженеров // Заполярье. 1998. 4 августа; Связи ОАО «Воркутауголь» с потребителями вновь под угрозой срыва // Искра. 1998. 12 августа; Второе рождение указа № 777 // Заполярье. 1998. 9 октября.

консенсусного подхода. Горняки и их профсоюзы стали менять формат взаимоотношений с властью, уходить от излишней революционности, ориентироваться на легальную и кропотливую работу по выходу из кризиса. Новый формат взаимоотношений закономерно способствовал спаду протестной активности рабочих угольной промышленности. Данная тенденция чётко обозначилась в ходе самой значимой акции протеста на последнем этапе – продолжавшегося пикета перед Домом Правительства РФ.

Несмотря на то, что участники московской акции сумели показать свою стойкость и приобрели широкую общественную поддержку, в том числе и на международном уровне, они так и не смогли отстранить Б. Ельцина с должности Президента РФ. В конце июля 1998 г. некоторые эксперты, например М. Соколов, заявляли: «Пикет на Горбатом мосту явно выдыхается. Участники мероприятия не оставили себе возможности почётного компромисса»[1].

Действительно, солидарность с пикетчиками ограничивалась моральной поддержкой, реальные действия по совместному достижению выдвинутых требований со стороны трудящихся предпринимались слабо по следующим важным причинам. Во-первых, НПГ России не играл доминирующей роли в отстаивании интересов шахтёров в таких важных регионах, как Кузбасс и Российский Донбасс. Во-вторых, возросший после «рельсовых войн» авторитет А. Тулеева позволил ему убедить шахтёров ведущего углепромышленного региона отказаться от радикальных методов борьбы. Показательным шагом с его стороны стало дистанцирование от КПРФ[2]. В-третьих, НПГ России не удалось выстроить партнёрских отношений с другими профсоюзами, прежде всего с Росуглепрофом и ФНПР, посчитав их соглашательскими. В борьбе с Б. Ельциным он не пошёл на полноценное сотрудничество с левыми и номенклатурной оппозицией[3].

---

[1] Соколов М. Истерика на Горбатом мосту // Известия. 1998. 28 июля. С. 2.
[2] Гусев С. Поруганная честь Юрия Чунькова // Кузнецкий край. 1999. 4 марта.
[3] Воронин Д.В., Воронина Н.В. Указ. соч. С. 94.

Кремль считал неприемлемыми политические лозунги, выдвинутые пикетчиками, и продолжал дистанцироваться от шахтёрской акции. Однако мнение М. Соколова не идеализировалось. Власть прекрасно понимала, что НПГ России, как организатор акции протеста, имел возможность объединить усилия с оппозиционными общественно-политическими силами. Тем более такие предложения поступали. В июле 1998 г. НПГ России отказал попыткам «и правой, и левой оппозиции использовать шахтёров в своих интересах»[1], сохранив политическую самостоятельность. Но риск перемены мнения влиятельного профсоюза шахтёров сохранялся.

Таким образом, создалась патовая ситуация в отношениях между протестующими шахтёрами и Президентом России. Их борьба имела относительный успех. Вместе с тем в любой момент обстановка могла измениться в случае появления нового дестабилизирующего фактора. Власть это осознавала, поэтому не пыталась разгонять шахтёрский пикет.

Таким фактором могли стать протестные действия лево-патриотических сил, которые действительно набирали обороты. В августе заметно активизировалась «Трудовая Россия» по инициативе, которой с 14 по 22 августа 1998 г. состоялся «Поход трудящихся за СССР»[2]. Тем более данный «Поход…» совпал с финансовым дефолтом, который привёл к дополнительной потере сбережений и росту цен на товары первой необходимости. Августовский кризис способствовал усилению протестных настроений даже в тех группах, которые ранее составляли наиболее массовую часть поддержки режима Б. Ельцина. По всей стране, в том числе и угольным регионам, прокатилась новая волна акций протеста, причём в разных формах. В стране резко подскочила забастовочная активность. Если в августе число бастующих составило всего две тыс. человек, то с сентября 1998 г. не менее 50 тыс. человек[3]. Таким образом, пикет у Дома Правительства РФ

---

[1] Сергеев А. Президент не оправдал наших надежд // Контакт. 1999. 8 июля.
[2] Лень П.М. Указ. соч. С. 91.
[3] Гвоздева Е.А., Минин М.А. Указ. соч. С. 179.

получил дополнительную порцию моральной поддержки.

На этом фоне активизировала свою агитационную деятельность КПРФ, которая взяла курс на подготовку всеобщей политической стачки. Руководители шахтёрских регионов обращали внимание Правительства РФ на зыбкость общественно-политической стабильности, возможность выхода ситуации из-под контроля[1]. Наученная горьким опытом «рельсовых войн», центральная власть была вынуждена внимательнее отслеживать ситуацию и реагировать на потенциальные угрозы горняков. Тем более локальные акции протеста возникали, в том числе и на таких известных на весь мир шахтах как, например, «Воргашорская»[2].

В этих условиях Кремль стал показывать готовность к политическому компромиссу. Уступчивость Правительства Российской Федерации во многом объяснялась его желанием снять пикет с «Горбатого моста» до седьмого октября – дня начала всероссийской акции протеста[3]. Одновременно большую гибкость стали проявлять и шахтёрские профсоюзы. Они понимали необходимость политического компромисса, так как для всех была очевидна тупиковость ситуации. Особую сговорчивость показывало руководство Росуглепрофа, которое поддержало идею ФНПР о всероссийской акции протеста седьмого октября[4]. Таким образом, выстраивался новый формат взаимоотношений между угледобытчиками и властью, который исключал массовые и незаконные протесты рабочих. Шахтёрская борьба попала под контроль официальных структур, не желавших серьёзной конфронтации с органами власти и управления.

Президент Б. Ельцин на деле показал желание изменить внутриполитический курс: было создано коалиционное Правительство РФ, корректировалась социально-экономическая политика и т.д. Назначение Е. Примакова Премьер-

---

[1] Письмо губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева Первому Заместителю Председателя Правительства РФ Ю.Д. Маслюкову, 24.09.98 г. // ГАРФ. Ф.-10104. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

[2] Ильясова Г. Кому это выгодно? // Заполярье. 1998. 16 сентября.

[3] Ильин В.И. Указ. соч. С. 173.

[4] Хмылко Р. НПГ – во главе, НПРУП – против // Заполярье. 1998. 21 июля.

министром породило у значительной части россиян реальную надежду на то, что осенью в стране удастся избежать социальных потрясений[1]. Большое внимание новое Правительство РФ обратило на ситуацию в угольной промышленности. Оно признало ответственность государства за часть задолженности по заработной плате работникам угольной отрасли, составило график её погашения и пообещало в два раза увеличить финансирование угледобывающих предприятий в 1999 г.

На совместном совещании второго октября 1998 г. лидеры шахтёрских профсоюзов решили, что большего им в сложившейся кризисной ситуации добиться не удастся. В то время участников пикета стало заметно меньше. Некоторые горняки приняли самостоятельное решение о возвращении домой. Так, например, это сделали рабочие воркутинской шахты «Заполярная»[2]. В пользу отказа от пикета было и то, что в Воркуту уже поступили десятки миллионов рублей из федеральной казны, а погода становилась всё более холодной[3]. Поэтому решено было отозвать из Москвы шахтёров, осаждавших Дом Правительства РФ. Дальнейшее проведение акции, по мнению профсоюзов, могло перечеркнуть с таким трудом достигнутые соглашения и «сыграть на руку левой оппозиции»[4].

Третьего октября Исполнительный комитет НПГ России заявил: «Мы снимаем пикет на Горбатом мосту у здания Правительства Российской Федерации с тем, чтобы дать Правительству Примакова возможность реализовать достигнутые договорённости и попытаться исправить положение в стране»[5].

Седьмого октября 37 воркутинских шахтёров, пикетировавших Дом Правительства в Москве, вернулись домой. Однако 17 самых непримиримых, во главе с председателем общества шахтёров-инвалидов «Взаимопомощь» В. Потишным, остались на «Горбатом мосту». Мнения отбывших и оставшихся участников пикета перед Домом Правительства РФ диаметрально

---

[1] Кертман Г.Л. Указ. соч.
[2] Лень П.М. Указ. соч. С. 121.
[3] Потишный обвинил участников переговоров в предательстве // Трибуна. 1998. 9 октября. С. 1.
[4] Ильясова Г. Профсоюзы шахтеров против забастовки // Заполярье. 1998. 7 октября.
[5] Исполнительный комитет НПГ России. 3 октября 1998 года (г. Москва) // Личный архив А.А. Сергеева.

противоположны. По мнению лидера НПГ России А. Сергеева, пикет достиг существенных результатов (например, произошла отставка Кабинета министров С. Кириенко) и дальнейшее противостояние являлось бессмысленным, а «остались помощники депутатов, представители общественно-политических партий и движений, которые хотели на маленькой победе НПГР сделать себе политическое имя»[1]. По мнению В. Потишного, переговоры профлидеров с Правительством РФ велись «за спинами пикетчиков», а главные цели (отставка Президента и смена курса) так и не были достигнуты[2].

Однако главное то, что власть не считала себя обязанной вести переговоры с этой малочисленной группой радикально настроенных пикетчиков. В реальности шахтёрского пикета перед Домом Правительства РФ, который там находился с 11 июня, не стало. Произошло это в канун общероссийских митингов протеста под флагами ФНПР, что соответствовало надеждам Кремля.

Руководители всероссийского пикета не добились главной цели – отставки Президента Б. Ельцина, что показывало реальные возможности шахтёрского протеста в новых политических условиях. Последующие выступления горняков в 1998 г., в том числе крупномасштабные и межотраслевые, всё больше напоминали формальность. Если и возникали какие-либо акции протеста, они имели ещё более кратковременный и локальный характер, с преобладанием экономических требований[3]. Рабочие угольной промышленности часто показывали готовность переложить свои намерения на плечи профсоюзов. Данные изменения в сознании и поведении шахтёров ярко отразились в ходе митингов, организованных ФНПР по всей стране седьмого октября 1998 г. В тот день во всероссийской акции приняло участие 25 млн. человек. Это была самая масштабная акция за всю историю профсоюзного движения Российской Федерации. В форме забастовок митинги протеста поддержали рабочие 950 предприятий угольной

---

[1] Три дня противостояния // Контакт. 1999. 17 июля.
[2] Потишный обвинил участников переговоров в предательстве // Трибуна. 1998. 9 октября. С. 1.
[3] В «дорожную войну» вступают женщины // Красное знамя (Сыктывкар). 1998. 16 сентября. С. 1.

промышленности[1]. Их участники вновь требовали смены социально-экономического курса реформ и отставки Президента Б. Ельцина.

Несмотря на то, что шахтёрские города и посёлки приняли массовое участие в этих митингах, а многие горняки проявили солидарность в форме забастовок, серьёзного эффекта данные мероприятия не принесли. В реальности (по опросным данным) в стране седьмого октября в тех или иных формах коллективных выступлений принимало участие не более 3%[2]. Свою неудовлетворённость результатами всероссийской акции протеста выражали не только шахтёры, но и их профсоюзы[3]. Наиболее важным является то, что эти митинги стали последней общероссийской акцией протеста, в которой активно участвовали шахтёры. В дальнейшем всероссийские акции протеста ФНПР и альтернативных профсоюзов начали восприниматься не только горняками, но и рабочими других отраслей скорее как крупное формальное мероприятие (вроде спартакиады), нежели как массовый протест[4].

Отсутствие серьёзных результатов от всероссийской акции протеста седьмого октября позволило органам власти активнее противодействовать разрозненным, тем более незаконным выступлениям шахтёров. Учитывая сложившиеся обстоятельства, утром 10 октября последних пикетчиков на «Горбатом мосту» разогнали при помощи милиции. По некоторым данным, среди разогнанных были и три члена НПГ России, которые не согласились со своим руководством прекратить известную на всю страну акцию протеста[5]. Таким образом, попытка некоторых участников пикета сохранить главный форпост шахтёрской борьбы провалилась.

---

[1] Без Президента проживём. Без отечественного работника – нет! // Кузбасс. 1998. 8 октября; Об итогах акции протеста 7 октября 1998 года // Горняцкая солидарность. 1998. 30 октября.

[2] Левада Ю. Указ. соч. С. 9.

[3] Протокол регионального совещания территориальных организаций Росуглепрофсоюза Российского Донбасса, г. Шахты, 10 ноября 1998 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52 (а). Л. 88.

[4] Гвоздева Е.А. Протестный потенциал и перспективы развития профсоюзов / Под ред. Т.В. Павловой и С.В. Патрушева. М., 2005. С. 214. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=935 (дата обращения: 27.11.2015 г.)

[5] Лень П.М. Указ. соч. С.234–235. Воронин Д.В., Воронина Н.В. Указ. соч. С. 77.

После дефолта в стране стала расти безработица, многие рабочие боялись потерять работу, поэтому загоняли протест внутрь себя. Использование радикальных форм протеста (транспортные блокады, голодовки, «захват заложников», самоубийства и т.д.) стало редким и мало заметным явлением. Даже отдельные факты самоубийств[1] не становились поводом для массовых выступлений шахтёров. Всё чаще первоочередной целью участников радикальных акций протеста становились интересы предприятия, а не возврат долгов по зарплате. Так, например, в октябре 1998 г. поступили горняки «Прокопьевскугля», которые «захватили в заложники» внешнего управляющего и своего директора. Рабочих возмутило то, что их шахта при распределении госдотации, которая поступила в город, не попала ни в число действующих, ни в число закрывающихся[2].

В ноябре 1998 г. шахтёрская борьба приобрела динамичный спад, в том числе и та, что реализовывалась в форме забастовочного движения (рисунок 12). Это соответствовало общей тенденции протестной (стачечной) активности трудящихся страны (рисунок 13). Последовательно проводимая Правительством РФ с ноября 1998 г. политика постепенного погашения задолженности по заработной плате дала положительный результат и позволила снизить забастовочное движение практически до минимума[3]. Уже весной 1999 г. в шахтёрских коллективах наблюдалось заметное сокращение задолженности по зарплате и её индексация[4].

В основе спада протестных настроений были благоприятные изменения на макроэкономическом уровне, которые в условиях внутриполитической стабильности вывели страну из кризиса и обеспечили ускоренное развитие. Позитивная динамика на макроэкономическом уровне дополнялась новыми

---

[1] Голицын Б. Самоубийцы. Почему? // Киселевская правда. 1998. 29 октября.
[2] Соловенко И.С. Радикальные формы протеста ... С. 82.
[3] Задорин И.В., Стребков Д.О. Указ. соч. С. 70–71.
[4] Протокол заседания президиума Ростовского территориального комитета Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, 18 марта 1999 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 57. Л. 50, 55.

возможностями региональных властей. Расширение их экономических полномочий позволило оперативно, целенаправленно и успешно решать вопросы как угольной промышленности в целом, так и шахтёров в частности. Обозначились «точки» совместной деятельности администраций шахтёрских регионов и рабочих по решению важнейших задач угольной промышленности. Поэтому трудовые коллективы стали чаще использовать обращения в адрес руководства регионов с просьбой о помощи в решении конкретных проблем, а забастовки и другие формы протеста отошли на второй план.

Определённую надежду рабочие угольной промышленности, как и большинство трудового народа, связывали с выборами в 1999 г. депутатов Государственной Думы. Знаковой чертой их протестного поведения в том году стал отказ от участия в коллективных выступлениях, которые в том году всё-таки прокатились по стране. В последние месяцы рассматриваемого периода практически не было серьёзных сбоев и остановок угледобывающих предприятий (рисунки 11, 12). По сравнению с 1998 г. количество забастовок на них сократилось в 5,1 раза (с 247 до 48 случаев)[1]. Забастовки эпизодически возникали на тех шахтах и разрезах, где задолженность по зарплате имела большие объёмы. Однако они были не продолжительны и имели, в основном, легальный характер. Резко сократилось и общее количество социальных конфликтов в углепромышленных территориях. По официальным данным с 295 случаев в 1998 г. до 79 в 1999 г.[2], то есть в 3,7 раза.

Всё это свидетельствовало о трансформации протестного поведения рабочих угольной промышленности. Оно не выглядело парадоксальным, а в общем, соответствовало общероссийскому формату, озвученному в конце 1999 г. Ю. Левадой: «Политические протестные настроения в тех организационных и программных рамках, которые они имели в последние годы, фактически

---

[1] Краткие итоги работы угольной промышленности России за 1999 г. // Уголь. 2000. № 2. С. 50.

[2] Проблемы и перспективы развития угольной промышленности. Федеральный справочник. Топливно-энергетический комплекс России. [Электронный ресурс]. URL: http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemi%20i%20perspektivi.pdf (дата обращения: 02.02.2017 г.).

исчерпали себя; новые формы не сложились. Вспышки политического возмущения в конечном счете приводят не к взрыву, а к послушанию»[1].

Стремительному спаду протестной активности способствовали не только успехи политики реформ и недостаточная общественная поддержка, но и серьёзные разочарования шахтёров в результатах борьбы. В условиях рыночного хозяйства ради достижения общих социально-экономических и политических целей объединить не только разные социальные группы, но даже представителей одной профессии оказалось очень сложно. Спад протестного движения на рубеже 1998–1999 гг. во многом объясняется следующим. Во-первых, интересы горняков в большей мере отстаивали местные организации отраслевых профсоюзов[2], а не центральные. Это выразилось в преобладании локальных акций протеста и фактическому прекращению общероссийских. Во-вторых, весной 1999 г. произошло ухудшение отношений между Росуглепрофом и КПРФ[3], что, несомненно, подорвало возможности участия горняков в коллективных акциях протеста, а также выдвижения политических требований. В-третьих, не только КПРФ, но и другие парламентские фракции в большей мере были обеспокоены подготовкой к предстоящим в 1999 г. выборам депутатов Государственной Думы, а также «вопросами, связанными с повышением количественных и качественных показателей» функционирования региональных партийных организаций[4]. Протестное движение шахтёров стало фактически одним из средств PR-кампаний разных партий и не более того. В дальнейшем, по мере ускорения темпов приватизации предприятий, шахтёры и их профсоюзы потеряли и такого мощного союзника как директора предприятий.

---

[1] Левада Ю. Указ. соч. С. 12.

[2] Постановление Совета Воркутинской федерации Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности «О взаимоотношениях Воркутинской федерации с Российским комитетом Росуглепрофсоюза», 12.01.1999 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 57. Л. 10.

[3] Протокол заседания президиума Ростовского территориального комитета Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, 18 марта 1999 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 57. Л. 53.

[4] Информационно-аналитическая справка «О результатах деятельности Коми регионального отделения ВОПД «Наш дом – Россия» за 1998 год // НАРК. Ф. 3827. Оп. 1. Д. 38. Л. 53; РГАСПИ. Ф.-661. Оп. 1. Л. 6; Аналитическая справка // ЦДНИРО. Ф. 3700. Оп. 1. Д. 58. Л. 11.

Вместе с тем снижение протестной активности горняков имело неоднозначный характер. В их среде сохранялось значительное количество претензий ко всем институтам ответственным за социально-экономическую стабильность. Особое недовольство высказывалось в адрес отраслевых профсоюзов, которые стали терять «боевой» настрой в отстаивании рабочих интересов. Несмотря на отсутствие в 1999 г. масштабности, акции протеста происходили повсеместно, в том числе и радикального характера.

В первые месяцы того года неспокойная обстановка была в Печорском угольном бассейне. Недовольство проявляли шахтёрские коллективы как Инты, так и Воркуты. Однако им не удалось выработать единую стратегию борьбы, заметно усилилось на них давление со стороны противников радикальных методов протеста, а также правоохранительных органов. Поэтому шахтёрское недовольство ограничилось отдельными, хаотичными забастовками[1], которые сумели привлечь внимание местных СМИ, но не более.

Бесспорно, ситуация могла в любой момент измениться в случае возникновения серьёзного дестабилизирующего фактора. По мнению А. Тулеева, высказанного в мае того года: «Шахтёры оставались наиболее реальной силой способной приводить и уводить правителей, влиять на общественно-политическую обстановку в стране»[2].

На это указывает и позиция трудовых коллективов ОАО «Тулауголь», которые приняли решение идти 24 августа 1999 г. маршем протеста на Москву с требованиями: смены социально-экономического и политического курса; регулярной выплаты заработной платы и погашения долгов; сохранения рабочих мест; сохранения отраслевой системы социального страхования. Письма с призывом принять совместное участие были разосланы в другие

[1] Хмылко И. Мертвый сезон // Заполярье. 1999. 12 февраля.
[2] Косвинцев А. Аман Тулеев: «Есть опасность новой «рельсовой войны» // Кузнецкий край. 1999. 22 мая.

углепромышленные территории[1]. Не только эта, но и многие другие попытки протестовать в то время провалились, благодаря эффективному противодействию протестному движению со стороны органов власти и управления.

Дополнительным фактором протестной активности в 1999 г. не только на предприятиях угольной промышленности, но и в других отраслях экономики России стал передел собственности. Весьма серьёзное сопротивление тогда показывали рабочие разреза «Черниговец» (Кемеровская область), которые в сентябре–декабре того года активно противились попытке насильственного водворения В. Елисеева в кабинет генерального директора. Работники разреза не позволили это сделать. Ими была создана рабочая дружина и воссоздан рабочий комитет как орган рабочего контроля. Однако в конце декабря им пришлось уступить «законным требованиям» правоохранительных органов[2].

В последние месяцы 1999 г. новым фактором усиления протестных настроений стала предвыборная кампания. Многие профсоюзные лидеры участвовали в выборах депутатов разных уровней. Поэтому, чтобы привлечь внимание к своей персоне, они часто «пугали» власть новыми акциями протеста, а в некоторых случаях действительно их организовывали.

Итак, конец 1999 г. знаменует собой окончание активной и открытой фазы борьбы шахтёров постсоветской России. Динамика протестного движения приобрела локальный, латентный, а в целом ещё более оборонительный характер.

4.3 Снижение внимания россиян к акциям протеста горняков

На третьем этапе в обществе усилилась противоречивость взглядов на протестное движение шахтёров. Несмотря на сохранение сложной социально-экономической обстановки в стране, мнение россиян о поддержке их борьбы

---

[1] Обращение шахтеров Подмосковного угольного бассейна к трудовым коллективам, жителям г. Тулы и области, 11 августа 1999 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 57. Л. 146.

[2] Рудык Э.Н., Керемецкий Я.Н., Булавка Л.А. Указ. соч. С. 99–100.

приобрело отрицательную тенденцию. В основе этой парадоксальной ситуации выделяются два фактора – это неспособность шахтёров реализовать общезначимые политические и социально-экономические лозунги, а также общая морально-психологическая обстановка в стране.

В конце июля 1998 г., после провала кузбасских шахтёров организовать новый этап общероссийских «рельсовых войн» и безрезультативности горняцкого пикета перед Домом Правительства РФ, для большинства россиян была очевидна *неспособность шахтёров реализовать общезначимые политические и социально-экономические лозунги*. Использование горняками политических требований воспринималось как дополнительный рычаг давления на власть с целью только возврата собственных долгов по зарплате. Неспособность довести массовый протест до логического конца, непоследовательность в отстаивании общих интересов, отсутствие внутриотраслевой солидарности и т.д. на фоне разрушительных последствий в экономике страны от радикальных акций протеста серьёзно изменили отношение россиян к шахтёрской борьбе. Существенно сократилось количество случаев непосредственного участия представителей различных социально-профессиональных групп в совместных выступлениях. На последнем этапе фактически прекращается какая-либо материальная поддержка рабочих угольной промышленности, снижается степень моральной солидарности с ними.

Серьёзным образом общественное мнение изменил факт отрицания самими шахтёрами рациональности радикальных акций протеста в условиях формирующихся либеральных политических и экономических отношений. Финансовый дефолт только укрепил данную позицию. Трудящиеся угледобывающих предприятий стали ещё больше задумываться о поиске самостоятельных путей выхода из кризисной ситуации и сохранении собственных рабочих мест. Их разобщённость была особенно очевидна в готовности потеснить друг друга на внутреннем рынке угольной продукции. Соответственно уровень доверия россиян к шахтёрским акциям протеста падал, а вопрос дальнейшего

экономического будущего становился очевидным. Поэтому власти углепромышленных регионов усилили меры по снижению протестной активности и укреплению социально-экономической стабильности, в том числе посредством формирования соответствующего общественного мнения.

Вместе с тем, нельзя говорить о том, что общество полностью «забыло» и «отвернулось» от рабочих угольной промышленности. Их выступления оставались в фокусе россиян, так как социально-экономическая обстановка медленно менялась к лучшему. Большую популярность в углепромышленных территориях приобрёл сбор подписей с требованием прекращения уголовного преследования участников «рельсовых войн»[1].

Радикальные акции протеста горняков в основном поддерживало население тех углепромышленных территорий, которое до того не сталкивалось с их сильными негативными последствиями. Например, жители Сахалина в результате блокирования ГРЭС, в подавляющем большинстве поддержали шахтёров, несмотря на трудности, с которыми им пришлось столкнуться[2]. Между тем, такая солидарность не была долговременной и массовой.

В контексте рассматриваемой проблемы важным является анализ изменения *общей морально-психологической обстановки в стране*. Характеризуя её после финансового дефолта, Л. Бызов, не без оснований, подчёркивает: «Снижение уровня жизни в результате августовского кризиса в сочетании с резко возросшей тревожностью привело к консолидации общества вокруг власти»[3]. На фоне отсутствия серьёзных политических результатов борьбы и внутриотраслевой солидарности шахтёров их борьба стали восприниматься как угроза общественно-политической стабильности. Серьёзные экономические потери от забастовок и других акций протеста укрепляли мнение россиян о необходимости

---

[1] Трусов Н. Репрессии. Шахтёров власти обманывают. Активистов – преследуют // На-гора! 1998. № 17–18, сентябрь. С. 3.

[2] Лень П.М. Указ. соч. С. 209.

[3] Бызов Л.Г. Новый политический консенсус в России ... С. 44.

использования альтернативных средств разрешения трудовых конфликтов[1]. В обществе утвердилось мнение о необходимости законных методов решения социально-экономических проблем. Несмотря на отдельные эпизоды участия трудящихся в акциях протеста горняков, в целом, они не имели того эффекта как, например, в мае–июле 1998 г.

Из ведущих общественно-политических организаций страны заметную солидарность с шахтёрами показывала только КПРФ, другие в основном ограничились моральной поддержкой. Это объясняет быструю «сговорчивость» руководителей шахтёрского пикета в Москве с новым Кабинетом министров РФ в сентябре 1998 г.

Ключевым фактором в снижении популярности шахтёрской борьбы стала деятельность средств массовой информации, которые почувствовали готовность общества к взаимному компромиссу. Это чётко прослеживается в изменении позиции региональных СМИ. Большинство из них в мае 1998 г. поддерживали акции протеста рабочих угольной промышленности, а через три месяца данная солидарность была мало заметна.

В августе 1998 г. многие средства массовой информации обрушились с критикой «рельсовой войны» как формы выражения протеста. Особенно это было заметно в Воркуте и Ростовской области[2], где отношение к данной форме борьбы являлось неоднозначным даже в мае того года. Тема шахтёрских протестов стала «выдавливаться» из СМИ. Наиболее заметны в этом были федеральные и региональные телеканалы и периодическая печать, которые доносили жёсткую

---

[1] Анисимова Г.В. Оплата труда и забастовочная активность трудящихся в 1990–2000 годы // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004. С. 71.

[2] Постановление президиума Ростовского территориального комитета Росуглепрофсоюза «О постановлении Совета Воркутинской Федерации Росуглепрофсоюза от 12.01.99 г. № 30 “О взаимоотношениях Воркутинской Федерации Российским комитетом Росуглепрофсоюза”», 29 января 1999 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52. Л. 150; Амелин Ю. Криминал. Рельсовая война // Приазовский край (Ростов-на-Дону). 1998. 19 августа.

позицию Правительства РФ о неприемлемости каких-либо уступок в отношении участников незаконных акций протеста[1].

Позитивные сдвиги в экономике, проявившиеся в конце 1998 г., ориентировали региональные и местные средства массовой информации на поддержку социальной стабильности, что особенно чётко проявилось в Кузбассе. В итоге в конце 1998 г. – начале 1999 г. наблюдается заметное снижение внимания СМИ (в том числе местных) к акциям протеста шахтёров России, несмотря на то, что некоторые из них являлись вполне резонансными.

Заметным образом на рост негатива к организованным акциям протеста повлияла политика нового Кабинета министров РФ во главе с Е. Примаковым. Он и его коллеги стали выстраивать конструктивный диалог как с самими шахтёрами, так и со всеми общественно-политическими силами, в том числе и КПРФ. Большинство рабочих не только угольной промышленности, но и других отраслей пошли на компромисс с властью. Они посчитали формирование «розового» Правительства Е. Примакова и его «новую» социально-экономическую политику вполне убедительной и достаточной мерой со стороны Президента Б. Ельцина, которая исключала радикальную общественно-политическую борьбу[2]. С того времени трудящиеся и пенсионеры стали ограничиваться только моральной поддержкой акций протеста горняков.

Данная тенденция продолжилась в 1999 г., несмотря на предельно высокий уровень недоверия президенту Б. Ельцину, большинство населения отлично понимало, что такая отставка нереальна[3]. Шахтёрам стало сложнее найти «точку» массового недовольства политикой Кремля, так как в стране обозначились признаки укрепления социально-экономической и политической стабильности.

---

[1] См. например: Морозова Е. Суд Кемеровской области оставил без удовлетворения заявления прокурора области о признании недействительным пункта в «Согласительном протоколе» об уголовном не преследовании участников «рельсовой войны» // Сибирский курьер. 1998. 19 октября.

[2] Кертман Г.Л. Указ. соч.

[3] Левада Ю. Указ. соч. С. 10.

В конце 1999 г. акции протеста рабочих угольной промышленности уходят далеко на задний план общественно-политической жизни страны в связи с парламентскими и предстоявшими президентскими выборами. Большинство россиян, в том числе, горняки надеялись на появление во властной системе страны новых политиков и парламентских партий. Снижение протестной активности было характерно не только для горняков, но и других социально-профессиональных групп. В последний год рассматриваемого периода фактически прекращаются совместные акции протеста шахтёров и других категорий трудящихся, появляется всё больше отличий в содержании их требований.

Таким образом, на третьем этапе резко снижается общественный интерес к протестному движению шахтёров России, что стало одним из факторов его динамичного спада. Это позволило контрагентам рабочих угольной промышленности с меньшими усилиями преодолевать их борьбу.

4.4 Изменения приоритетов в основных направлениях нейтрализации протестного движения

На третьем этапе обстановка в углепромышленных городах и посёлках продолжала оставаться неспокойной. Поэтому действия ключевых контрагентов шахтёрских протестов не теряли своей актуальности и требовали использования новых, в первую очередь, системных подходов в решении проблем угольной промышленности. Однако финансово-экономический кризис развернувшийся летом 1998 г. в совокупности с бюджетным дефицитом усиливали приоритетность политических инструментов противодействия шахтёрскому недовольству.

В рассматриваемое время ***политическое противодействие*** несколько изменилось в сравнении с предыдущим этапом. С одной стороны, оно не являлось столь активным как в первой половине 1998 г., с другой – его методы приобрели

более смелый и разнонаправленный характер. Особенностями политического противодействия на третьем этапе являлись следующие. Во-первых, снижение роли популизма. Органы власти и управления «устали» давать обещания, а шахтёры всё меньше им верили. Во-вторых, власть вела политический диалог не только и не столько с рабочими сколько с их законными политическими представителями. Это позволяло изолировать радикально настроенную оппозицию. В-третьих, возросла роль правоохранительных органов в борьбе с экономическими преступлениями, а также в давлении на инициаторов акций протеста шахтёров.

В первые месяцы рассматриваемого этапа доминирующая роль в нейтрализации шахтёрских протестов продолжала оставаться за федеральным центром, который разными способами реализовывал *политику компромиссов*. Даже там, где использовалось давление, оно было до тех пор пока власть не чувствовала достаточность подобной меры для установления стабильности. На фоне финансово-экономической помощи углепромышленным регионам такой подход встречал поддержку среди многих шахтёров, а также их законных представителей. Политика компромиссов являлась объективным процессом, так как Правительство РФ уже не могло поддерживать тот уровень материально-экономической помощи угледобывающим территориям, который обозначился в конце второго этапа. Финансовый дефолт России ещё более усугубил бюджетные возможности государства в отношении угольной промышленности. Главному исполнительному органу страны была необходима финансовая передышка и перегруппировка экономических сил. Современные российские учёные-экономисты уверены, что после дефолта власть была вынуждена больше прислушиваться к альтернативным мнениям[1].

В то же время в среде борющихся горняков наблюдалось истощение политических и экономических сил. Идея консенсуса на основе компромиссов,

---

[1] Голанд Ю. Сравнение реформ ... С. 98.

предложенная Кремлём, стала основой антикризисного механизма в углепромышленных территориях.

Благодаря позитивной динамике в решении наиболее острых социально-экономических проблем шахтёрских городов и посёлков в мае–июле 1998 г., степень доверия к органам власти и управления несколько возросла. Поэтому выстраивать взаимовыгодный политический диалог стало легче. Этому также способствовали относительные успехи борьбы шахтёров, их поднакопившаяся протестная «усталость», а также отсутствие достаточной материальной базы для проведения продолжительных акций протеста.

Многомесячным присутствием «горячей» точки в столице в форме пикета перед Домом Правительства могли воспользоваться леворадикальные партии и движения. Соответственно, перед Б. Ельциным стояли три политические задачи, реализация которых позволяла перевести протестное движение шахтёров в менее опасный формат. Первая и наиболее важная – это изоляция от горняков как реальных, так и потенциальных политических союзников. Вторая – раскол шахтёрского движения изнутри. Третья – повышение степени доверия органам власти и управления со стороны населения углепромышленных территорий.

Изоляция горняков от реальных и потенциальных союзников всегда являлась важным элементом политики Кремля. Из реальных политических союзников шахтёров по-прежнему выделялась компартия РФ, которая активно анализировала опыт и уроки «рельсовых войн»[1] и не оставляла попыток организовать «антинародным» реформам Правительства РФ масштабное сопротивление рабочих. В пользу лозунгов левых сил был и финансовый дефолт, который резко ухудшил жизненный уровень большинства населения страны, активизировал их борьбу за достойный уровень жизни. Любая крупномасштабная акция протеста в то время могла стать катализатором смены политического режима, поэтому Президент Б. Ельцин внёс существенные коррективы в

[1] Постановление Президиума Ростовского областного комитета КПРФ, г. Ростов-на-Дону, 30.05.1998 г. // ЦДНИРО. Ф.Р-3703. Оп. 1. Д. 33. Л. 27.

укрепление общественно-политической и социально-экономической стабильности в стране. Он решился на создание коалиционного Правительства во главе с Е. Примаковым, человеком популярным в политических и хозяйственных кругах страны. Это решение позитивно восприняли КПРФ и другие оппозиционные общественно-политические партии и движения, прежде всего, левой направленности.

Таким образом, Б. Ельцину довольно удалось быстро достичь принципиального компромисса с главной оппозиционной силой страны – КПРФ. Во многом это обеспечило принятие парламентом страны первого за всё время рыночных преобразований бездефицитного бюджета на 1999 г., а в дальнейшем его выполнения. Это положительно отразилось на сокращении задолженности по зарплатам и пенсиям трудящихся, в том числе и шахтёров[1]. Данный компромисс был условным и не продолжительным, но весьма достаточным для того, чтобы на рубеже 1998–1999 гг. ослабить протестный потенциал и укрепить общественно-политическую стабильность в стране.

Во второй половине 1998 г. наблюдался процесс организационного оформления новых рабочих партий и движений. В любой момент они могли сыграть роль локомотива протестных выступлений горняков. Поэтому власть использовала все свои возможности для ослабления их деятельности. Это проявилось как на уровне идеологической пропаганды, так и деятельности силовых структур, которые взяли данный процесс под тщательный контроль. Противостоять новым «революционным» организациям представителям власти не составляло особого труда, так как широкой общественной поддержки (в том числе среди горняков) они так и не получили.

Решить вторую задачу – расколоть шахтёрское движение изнутри, было легче, чем первую, так как органы власти и управления весьма хорошо в этом преуспели в предыдущие годы. Однако в силу многих особенностей реализовать

[1] Справка о состоянии прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов в 1998 году // НАРК. Ф.Р-1439. Оп. 1. Д. 442. Л. 75.

на практике эту задачу явилось довольно кропотливым делом, так как главная и наиболее организованная сила шахтёров – отраслевые профсоюзы, не так быстро сдавали свои протестные позиции, как хотелось бы власти. Несмотря на некоторые разногласия по вопросу использования тех или иных форм протестной борьбы внутри самих шахтёрских профсоюзов[1], они продолжали контролировать пикет у Дома Правительства и многие другие локальные акции протеста в углепромышленных регионах. Просто покинуть Москву означало для НПГ России, как организатора столичного пикета, потерять доверие рабочих. Правительство РФ пошло на ряд важных уступок, которые пикетчики посчитали достаточными для сворачивания акции.

После мало результативной всероссийской акции протеста седьмого октября 1998 г. организованной ФНПР, НПГ России и Росуглепроф стали вести ещё более независимую политику, которая ориентировалась только на шахтёрские проблемы. Вопросы межотраслевой, рабочей и прочей солидарности приобрели для них третьестепенное значение. В дальнейшем Росуглепроф и НПГ России всё больше уходили от конфронтации с властью и собственниками. Они отказывались от активных протестных действий даже в случаях вполне подходящих для этого[2].

На рубеже 1998–1999 гг. между отраслевыми профсоюзами, по сути, наблюдалось обострение борьбы за право представлять интересы шахтёров на правительственном уровне. Они действительно выглядели «сговорчивее» и настороженно относились к предложениям КПРФ по вопросу участия горняков в массовых акциях протеста[3]. Их курс на повседневную и целенаправленную работу с властью и работодателями особенно активно был поддержан в Кузбассе[1]. Немаловажную роль в политико-экономическом сближении шахтёрских

---

[1] Постановление Независимого профсоюза горняков Воркуты, Воркутинской федерации Росуглепрофсоюза и Воркутинского профсоюза горных инженеров // Заполярье. 1998. 4 августа; Ильясова Г. Е. Шумейко: «Это не предательство, это голос разума» // Заполярье. 1998. 15 сентября.

[2] Протокол регионального совещания территориальных организаций Росуглепрофсоюза Российского Донбасса, г. Шахты, 10 ноября 1998 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 52 (а). Л. 88.

[3] Протокол № 15 заседания Президиума Ростовского обкома КПРФ, г. Ростов-на-Дону, 29 августа 1998 г. // ЦДНИРО. Ф.Р-3703. Оп. 1. Д. 33. Л. 78.

[1] Трусов Н. Протесты или переговоры? // Горняцкая солидарность. 1999. 24 сентября.

профсоюзов с властью играло и их щедрое финансирование[1]. Улучшение отношений между отраслевыми профсоюзами и властью вселило определённые надежды рядовым рабочим.

Сложнее всего Кремлю было решить третью задачу – повышение степени доверия органам власти и управления со стороны населения углепромышленных территорий. Символичным шагом, показавшим такое намерение, явилось прекращение уголовного преследования «организаторов» транспортных блокад в мае и июле 1998 г.[2] Такое решение противоречило нормам закона[3], но соответствовало избранной Б. Ельциным и шахтёрскими профсоюзами политике компромиссов.

Для предотвращения в будущем массовых и радикальных акций протеста Кремль сконцентрировал свои усилия на создании антикризисного механизма. Его основой стали политико-правовые инструменты недопущения возникновения масштабных социально-экономических недовольств. Например, в 1999 г. ужесточились меры ответственности руководителей предприятий перед трудящимися и фискальными органами. Важным результатом протестной борьбы шахтёров стало изменение нормативно-правовой базы трудового законодательства. Произошла эволюция ответственности за задержку заработной платы: на смену административной пришла уголовная[4]. Это существенно повысило эффективность механизма разрешения социально-трудовых споров и конфликтов.

Весьма зримо реализация компромиссно-консенсусного подхода протекала на уровне углепромышленных регионов. Основой доверия и стабильности являлись договоры, подписанные четырьмя сторонами: представителями Правительства РФ, администрации региона, руководства угледобывающих

---

[1] Галиев А. Угольная среда // Эксперт. 1999. 15 февраля.

[2] Участники блокады прощены // Парламентская газета (Москва). 1999. 10 февраля.

[3] Морозова Е. Суд Кемеровской области ...

[4] Анисимова Г.В. Указ. соч. С. 68; Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями на 1 февраля 1999 г.). М., 1999. 160 с.; Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями на 15 сентября 1999 г.). М., 1999. 160 с.

предприятий и отраслевых профсоюзов. При соблюдении договоренностей лидеры шахтёрских профсоюзов принимали на себя обязательства воздержаться от проведения акций протеста, наносящих экономический ущерб государству и предприятиям угольной отрасли[1].

В общем, политика компромиссов сыграла существенную роль в укреплении общественно-политической стабильности в углепромышленных территориях. В отношении тех, кто её не принял (а их было меньшинство) власть прибегла к альтернативным методам воздействия.

Обратной стороной политики компромиссов стали *давление и угрозы* на недовольных шахтёров. Их использование было особенно заметно в регионах, общественно-политической обстановкой в которых Кремль был обеспокоен менее, чем в столице. Федеральный центр не желал идти на серьёзные уступки угледобытчикам, так как: в стране было много других актуальных и не менее значимых проблем; требования рабочих противоречили экономической политике Правительства РФ; власть чувствовала настроения общества и, в целом, контролировала ситуацию.

Изменение взглядов рядовых граждан по вопросу рациональности таких незаконных форм борьбы, как например, «рельсовая война», быстро почувствовали проправительственные и отдельные, в основном столичные, СМИ. Они стали оказывать информационное давление на протестное поведение шахтёров. Их обвиняли во многих незаконных действиях, которые нарушали элементарный порядок и жизнеспособность субъектов народного хозяйства. Таким образом, создавалась атмосфера необходимости использования правоохранительными органами жёстких действий в отношении «экстремистски» настроенных рабочих.

Одним из критериев начала рассматриваемого этапа можно считать откровенные заявления главы государства и других федеральных чиновников. В

---

[1] «Рельсовые войны» стали историей // Искра. 1999. 10 апреля.

августе 1998 г. они открыто озвучили готовность к применению силы против участников незаконных акций протеста, которые могли являться угрозой общественной безопасности, а их действия стали «рассматриваться как посягательство на власть»[1]. Для работников силовых структур это стало дополнительным фактором в деле энергичного преследования «зачинщиков» незаконных форм борьбы. Всё это происходило на фоне судебных разбирательств с участниками «рельсовых войн», в отношении которых работники прокуратуры и следственных органов заняли жёсткую позицию. Благодаря широкому общественному резонансу и избранной главой государства политике компромиссов никто из инициаторов железнодорожных блокад не был осужден. Однако эффект морального подавления шахтёрского недовольства имел место. Это подтверждают и отдельные факты увольнений с предприятий лидеров протестных действий, которые не вызывали серьёзного резонанса как со стороны шахтёрского сообщества, так и других социально-профессиональных групп[2].

Для поддержания психологического давления правоохранительные органы регулярно занимались «профилактикой» рабочих протестов. Проверку профессиональных навыков милиции в случае перекрытия железнодорожных магистралей проводили масштабно[3], охотно демонстрируя это на экранах телевизоров.

Давление и угрозы не встретили бурной негативной реакции не только со стороны горняков, но и других социально-профессиональных групп российского общества. Это стало дополнительным ударом по рабочей солидарности и стимулом к выстраиванию новой, близкой к патерналистской, модели взаимоотношений между властью и шахтёрским сообществом. В пользу такого процесса было и давление органов власти на работодателей, что чётко проявилось на региональном уровне, особенно в Кемеровской области. По авторитетному

---

[1] Протокол № 15 заседания Президиума Ростовского обкома КПРФ, г. Ростов-на-Дону, 29 августа 1998 г. // ЦДНИРО. Ф.Р-3703. Оп. 1. Д. 33. Л. 78; Гончаров В., Иванов Д., Чичкин А. Указ. соч.

[2] Рудык Э.Н., Керемецкий Я.Н., Булавка Л.А. Указ. соч. С. 100.

[3] Учения на железной дороге // Шахтерская правда. 1999. 18 мая.

мнению Е. Плотниковой, требование кузбасских властей о недопущении массовых социальных волнений оказалось решающим в регулировании отношений работодателей и профсоюзов[1].

Ещё более показательным процессом, ориентированным на повышение уровня доверия к органам власти, явилась репрессивная политика по отношению к тем участникам угольного рынка, которые, по мнению горняков, были напрямую ответственны за кризис в отрасли. В противном случае общественно-политическая обстановка в шахтёрских регионах оставалась бы взрывоопасной. Поэтому на третьем этапе была продолжена *борьба с экономическими преступлениями*, прежде всего, с недобросовестными посредниками и нарушителями трудового законодательства. Правоохранительные органы действовали решительно. На это, например, указывает продолжение, начатых в мае–июле 1998 г., арестов бывших директоров шахт[2], существенное сокращение количества посредников, значительное увеличение доли поступления «живых» денег за отгруженную угольную продукцию[3] и др.

Усилился контроль правоохранительных органов над экономической деятельностью предприятий, где центральное место занимал вопрос своевременной выплаты заработной платы. Своей активностью стала выделяться прокуратура. С августа 1998 г. по заданию Генеральной прокуратуры на угледобывающих предприятиях регулярными стали проверки исполнения действующего законодательства, вплоть до судебной защиты прав работников. В течение последующее полугодия было предъявлено около 19 тыс. исков. В основном по взысканию заработной платы[1].

Чтобы избежать возможных злоупотреблений в экономической сфере, Правительство РФ расширило полномочия региональных администраций. Это

---

[1] Плотникова Е. Указ. соч. С. 103.

[2] Справка о состоянии прокурорского надзора за исполнением законов и законностью правовых актов в 1998 году // НАРК. Ф.Р-1307. Оп. 1. Д. 1911. Л. 42-43; Новости, цифры, факты, комментарии ... С. 70.

[3] Протокол № 14/98 заседания совета директоров ОАО «Компания “Интауголь”» (смешанная форма), г. Инта, 18 декабря 1998 г. // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2594. Л. 226.

[1] Трусов Н. Угольной отрасли требуется богатырь // Горняцкая солидарность. 1999. 4 июня.

позволило руководителям шахтёрских территорий более успешно регулировать процессы добычи и реализации угля, а также хозяйственные процессы в смежных отраслях. Особенно заметными в этом направлении были действия губернатора Кемеровской области А. Тулеева[1].

В целом политическая деятельность, направленная на нейтрализацию протестного движения шахтёров, позволила создать эффект близости шахтёров и власти, а также успешнее реализовывать социально-экономическую политику.

Более цельный, конкретный и эффективный характер в деле снижения уровня шахтёрского недовольства приобрела ***экономическая и социальная деятельность.*** Сохранение общественно-политической стабильности требовало незамедлительного решения социально-экономических проблем населения, прежде всего рабочих. Первоочередной задачей органов власти и управления в начале третьего этапа по-прежнему являлось *сокращение задолженности по зарплате* трудящимся угледобывающих предприятий. Федеральное Правительство продолжило выделение дополнительных средств на финансирование отрасли. Это позволило оперативно решить самые острые проблемы с задолженностью, прежде всего, в наиболее «горячих точках» углепромышленных территорий. Помощь приобрела адресный характер, долги многих депрессивных предприятий гасились за счёт федерального бюджета. Сокращение задолженности по зарплате осуществлялось благодаря возвращению долгов со стороны посреднических фирм и потребителей продукции, а также повышению эффективности производственной деятельности предприятий. С целью искоренения злоупотреблений с деньгами, выделенными на зарплату рабочим, открывались единые расчётные счета[1].

Погашение долгов перед горняками продолжило и новое Правительство Е. Примакова, чему во многом способствовала положительная динамика доходной

---

[1] Harte S., Grävingholt J., Pleiners H., Schröder H-H. Geschäfte ... S. 215; Бирюков С. Политическая динамика Кузбасса на рубеже XX и XXI веков // Свободная мысль. XXI. 2003. 30 апреля. С. 10.

[1] Лень П.М. Указ. соч. С. 209.

части федерального бюджета. Только с 30 сентября по шестое октября 1998 г. угольной отрасли России было дополнительно перечислено 500 млн. рублей господдержки. Правительство РФ согласилось заключить тарифное соглашение с НПГ России на 1999–2000 гг., который в свою очередь принял на себя обязательства (при выполнении положений протокола) воздержаться от проведения массовых акций протеста[1].

Улучшить ситуация с выплатой задолженности по зарплате шахтёрам в 1999 г. способствовали два важных процесса. Первое – увеличение общего объёма средств на государственную поддержку угольной отрасли. По сравнению с 1998 г. он был увеличен с 5,25 млрд. руб. до 12 млрд. руб. В общем объёме средств государственной поддержки значительно возрос удельный вес социально значимых её направлений[2]. Второе – усилился поток «живых» денег. Процент оплаты за угольную продукцию денежными средствами увеличился с 22% в 1998 г. до 37,8% в 1999 г. В итоге задолженность по заработной плате шахтёрам была снижена в течение 1999 г. с 3,2 млрд. руб. до 3,0 млрд. руб.[3]

Таким образом, динамика погашения задолженности по зарплате имела хоть и медленный, но положительный характер. Повышение экономической эффективности предприятий, рост угледобычи, снижение себестоимости продукции и т.д. стимулировало в 1999 г. повышение зарплат рабочим и в целом рост уровня жизни населения шахтёрских территорий[1].

Однако увеличение финансирования угольной промышленности не могло в корне решить проблем рабочих, отрасль нуждалась в системном оздоровлении.

---

[1] Протокол совещания у Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации с представителями шахтеров, пикетирующих здание Правительства Российской Федерации, г. Москва, 30 сентября 1998 г. // Текущий архив Независимого профсоюза горняков России.

[2] Саламатин А.Г. О ходе реструктуризации угольной промышленности и перспективах ее развития в условиях рыночной экономики // Уголь. 1999. № 12. С. 4.

[3] Проблемы и перспективы развития угольной промышленности. Федеральный справочник. Топливно-энергетический комплекс России. [Электронный ресурс]. URL: http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemi%20i%20perspektivi.pdf (дата обращения: 02.02.2017 г.).

[1] Кондратьева Е.В. Новые реалии функционирования отрасли и социальные проблемы угольных предприятий на примере Кузбасса // Уголь. 2003. № 5. С. 33; Кузнецов Н. Реструктуризация углепрома: оказывается она жива… // Наша газета. 1999. 27 мая. С. 3.

Отставка Кабинета министров С. Кириенко после финансового дефолта и формирование нового состава Правительства РФ в сентябре 1998 г. не позволили фактически до октября выстраивать какую-либо чёткую программу по выходу из кризиса угольной промышленности России. Поэтому в течение первых двух месяцев рассматриваемого этапа федеральная власть могла влиять на поддержание общественно-политической стабильности в шахтёрских регионах, фактически только используя дополнительные источники финансирования как внутреннего, так и внешнего происхождения. В основе источников внутреннего характера являлось изменение бюджетной политики, повышение эффективности фискальных учреждений, в том числе на региональном уровне[1]. Из внешних факторов выделялась помощь международных финансово-экономических организаций и банков, в первую очередь, МВФ и МБРР.

Новые способы повышения эффективности угледобывающих предприятий и компаний обозначились осенью 1998 г. с появлением Правительства Е. Примакова. Его концепция реализовывалась в двух основных направлениях: 1) усиление государственного регулирования деятельности угольной промышленности; 2) углубление и расширение рыночных преобразований. Несмотря на определённую противоречивость этих направлений, они в реальности проводились не в ущерб друг другу. По мнению экспертов, от мобилизационной экономики командный курс Е. Примакова довольно быстро эволюционировал к самой жёсткой за все 1990-е гг. монетаристской политике[1]. Правительство РФ стало укреплять свои позиции на угольном рынке, не подвергая при этом сомнению важность продолжения реструктуризации шахтёрской отрасли[2]. Тем более по мере решения жизненно важных проблем горняков и роста угледобычи в стране государственная активность в этой сфере снижалась.

---

[1] Протокол заседания Правительства РФ от 21.08.98 // ГАРФ. Ф.-10104. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

[1] Достижения и ошибки реформаторов. Интервью с Я.М. Уринсоном. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ru-90.ru/node/300 (дата обращения: 29.12.2014 г.).

[2] Второе рождение указа № 777 // Заполярье. 1998. 9 октября.

Первое направление знаменует собой завершение эпохи «дикого капитализма» в угольной промышленности. Главными задачами государственного вмешательства являлись: организация регулируемого рынка сбыта угля, формирование честной конкуренции между предприятиями и компаниями, поддержка смежных отраслей промышленности, создание конкурентных преимуществ российских шахтёров на международном уровне, действия по вытеснению с угольного рынка России иностранных конкурентов[1].

Повышение эффективности угледобычи происходило благодаря мерам принятым как на федеральном, так и региональном уровнях. На федеральном уровне осуществлялась деятельность по созданию регулируемого рынка сбыта угля, для чего был организован «Угольный комитет». Это позволило создать единую структуру управления отрасли по вертикали, о необходимости которой угольщики говорили давно. Таким образом, государство стало внимательнее контролировать ситуацию на отечественном топливном рынке, поддерживать «гармонию» интересов шахтёрских регионов и угледобывающих компаний. Федеральное Правительство продолжило укрепление контроля над стратегически важными предприятиями, которые отличались относительной рентабельностью.

Кремль осознал факт связи кризиса угольной промышленности и социально-экономических проблем шахтёрских городов и посёлков с недостаточным участием в хозяйственной жизни региональных и местных властей. Обновлённый состав Правительства РФ оперативно принял очень важное постановление, благодаря которому региональным властям вменялось в обязанность контролировать финансовые потоки угледобывающих предприятий и соблюдение прав трудящихся. По мнению А. Тулеева, данный документ стал первой фактической победой на пути к возрождению угольной отрасли[1].

Быстрее, чем другие угольные территории, расширением социально-экономических возможностей воспользовалась администрация Кемеровской

---

[1] Протокол заседания Правительства РФ от 21.08.98 // ГАРФ. Ф. 10104. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
[1] Тулеев А. Преодоление. Кемерово, 2009. С. 354.

области. Губернатор А. Тулеев первым разработал и претворил в жизнь единую стратегию развития угольной промышленности своего региона[1]. Он прекратил практику совершенно бездумного закрытия шахт, и проигнорировал требование МБРР по прекращению строительства новых угледобывающих предприятий. Уже в 1998 г., впервые за всё время рыночных преобразований, в Кузбассе удалось остановить падение объёмов добычи угля, а в дальнейшем иметь их ежегодный рост.

В укреплении социально-экономической стабильности региональная власть стала использовать широкий арсенал методов воздействия, в том числе и «квазирыночного» характера. Так, например, А. Тулеев ограничил рост важных для областной промышленности тарифов на электроэнергию, уголь и тепло, эффективно возвращал федеральные долги по социальным выплатам, освободил угольную отрасль от посредников, выдавил из области «не оправдавших доверия» компании. В результате более половины промышленных предприятий края оказались под внешним управлением, то есть фактически под контролем областных властей[2]. Это способствовало динамичному решению жизненно важных проблем шахтёрских городов и посёлков Кузбасса. Одним из показателей положительных изменений стало то, что Кемеровская область в 1999 г. вошла в число самых быстро развивающихся регионов России[1]. Для других субъектов РФ это явилось примером возможности строительства социально ориентированной экономики.

На местном уровне наиболее значимым решением стало предоставление органам местного самоуправления шахтёрских городов и посёлков права получения средств на программы местного развития[2]. Это способствовало

---

[1] Pleines H. Der politische Einfluss der Kohlelobbies ... S. 28–29.

[2] Бирюков С. Политика. Общество, власть и фактор лидерства // Свободная мысль-21. 2003. № 4. С. 9; Худобин Е. Уголь «Черниговского»: лучше черен да горюч, чем к воровским рукам липуч // Кузбасс. 2000. 2 февраля.

[1] Кузбасс начинает и выигрывает // Кузбасс. 2000. 2 февраля.

[2] Ротин В.Г., Черни А.В. Роль ассоциации шахтерских городов в решении социальных проблем угольных муниципалитетов // Уголь. 2001. № 3. С. 29.

снижению коррупции и мобильной доставке дефицитных средств. Дополнительное финансирование и меры органов власти и управления по выводу угольной промышленности из кризиса позволили сдержать развитие негативного сценария в социальной сфере шахтёрских городов и посёлков.

Влиять на укрепление конкурентоспособности отечественных шахт и разрезов на международном уровне Правительству России оказалось сложнее. Между тем и здесь произошли положительные изменения. Во-первых, укрепление позиций отечественных компаний на внутреннем рынке автоматически улучшило их производственно-экономические показатели и способствовало росту их конкурентоспособности, в том числе на мировом уровне. Во-вторых, повысить рентабельность экспортноориентированных компаний позволила ликвидация «валютного коридора» в августе 1998 г. В итоге экспорт каменного угля из России увеличился с 24 млн. тонн в 1998 г. до 27,8 млн. тонн в 1999 г.[1]

Было бы сложно добиться успеха в развитии угольной промышленности без государственной поддержки смежных отраслей. Федеральные и региональные органы власти создавали условия для функционирования крупных частных компаний, которые объединяли такие тесно взаимосвязанные отрасли как угольная, машиностроительная и металлургическая. Данные меры способствовали не только повышению конкурентоспособности угольщиков, но и диверсификации региональных экономик, созданию новых рабочих мест, повышению налогооблагаемой базы, инвестиционной привлекательности и т.д.

Параллельным направлением «новой» экономической политики Правительства Е. Примакова стала интенсификация либеральных преобразований, устранении преград на их пути. Это выразилось в дальнейшей приватизации шахт и разрезов, корректировке законодательства, стимулировании роста эффективности производства и других. Первоочередное внимание отводилось курсу на приватизацию угольных компаний как важнейшему условию

---

[1] Экспорт важнейших видов промышленных товаров из Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B02_48/IssWWW.exe/Stg/d020/i020780r.htm (дата обращения: 15.04.2016 г.).

обеспечения их рентабельности. Это повысило приток в отрасль долгожданных инвестиций (в том числе иностранных), снизило издержки добычи угля, укрепило межотраслевые связи и т.д., а, в общем, повысило конкурентоспособность угольной промышленности.

Таким образом, государство динамично снимало с себя финансовую нагрузку, формировало эффективного собственника и уходило от ответственности за результаты производственно-экономической деятельности. Соответственно, устранялись причины, ориентировавшие шахтёрское недовольство в сторону российского Правительства. Уже в 1999 г. приватизированные предприятия стали демонстрировать лучшую динамику развития в сравнении с государственным[1], что подчёркивало правильность избранного пути. На частных предприятиях заметно быстрее увеличилась производительность труда рабочих, наблюдался рост технико-экономических показателей.

Успехи частных предприятий и компаний быстро изменили мнения тех руководителей шахтёрских регионов, кто до 1999 г. ещё сомневался в правильности приватизации, например, А. Тулеева[2]. Не случайно переход в частные руки угольных предприятий произошёл раньше и быстрее в Кузбассе, что позволило повысить их конкурентоспособность. В целом приватизация шахт и разрезов в том году приобрела массовый характер, что стимулировало рост инвестиций в угольную отрасль края[1].

Несмотря на сокращение количества предприятий, темпы снижения угледобычи в стране в 1998 г. были ниже, а с 1999 г. обозначился её рост (рисунок 1). К тому же, более 90% использовавшихся в производстве финансовых средств

---

[1] Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России ... С. 135.
[2] День шахтера ... 70.
[1] Дюпин А.Ю. Угольная промышленность Кузбасса и ее перспективы // Уголь. 2005. № 4. С. 9.

было получено от реализации угольной продукции, а удельный вес добычи угля перспективными шахтами достиг 70%[1].

Основным фактором, стимулировавшим стабильное увеличение угледобычи в том году, стало повышение спроса на угольную продукцию практически во всех секторах экономики России. В то время произошло раннее завершение «газовой паузы», то есть переход газовой промышленности в режим падающей добычи. Сложилось катастрофическое положение в электроэнергетике, сориентированной в основном на газ (более 60%), которая теряла свою топливную базу[2]. Также произошло усиление господдержки угольной отрасли, снижение уровня социальной напряжённости и забастовок на предприятиях[3].

Благодаря позитивным процессам в деле реформирования отрасли, с 1999 г. средства господдержки всё более ориентировались на цели структурных преобразований и социальную защиту высвобождаемых в ходе реструктуризации работников[4], а не на закрытие убыточных шахт.

Успешный характер антикризисных мероприятий руководителей угледобывающих предприятий и организаций выразился в постепенном увеличении объёмов произведённой продукции, уменьшении издержек производства, повышении рентабельности, подписании новых соглашений на выполнение госзаказов, определённых успехах по выходу из кризиса неплатежей, усилении интеграционных связей и т.д. Оживилась экономика углепромышленных территорий. Улучшились их позиции в рейтинге российских регионов, в том числе и таких депрессивных как, например, Приморский край[1].

---

[1] Проблемы и перспективы развития угольной промышленности. Федеральный справочник. Топливно-энергетический комплекс России. [Электронный ресурс]. URL: http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemi%20i%20perspektivi.pdf (дата обращения: 02.02.2017 г.).

[2] Протокол № 1/5 пр заседания секции угольной промышленности Экспертного совета по разработке новой редакции Энергетической стратегии России на период до 2020 года, 21 января 2000 года // ГАРФ. Ф. 10112. Оп. 1. Д. 216. Л. 44.

[3] Саламатин А.Г. Угольная промышленность России на пороге нового тысячелетия // Уголь. 2000. № 1. С. 3.

[4] Щадов В.М. Рост рентабельности угольного производства // Уголь. 2005. № 8. С. 5.

[1] Протокол схода жителей п. Углекаменск, 1999 г. // Архив Партизанского городского округа. Ф. 35. Оп. 1. Д. 362. Л. 7.

Повышение уровня экономической эффективности угледобывающих предприятий и компаний, а также шахтёрских территорий позволило сконцентрироваться на решении наиболее важных социальных вопросах рабочих.

Важной особенностью третьего этапа стала реализация *ответственной социальной политики* в шахтёрских городах и посёлках. Осенью 1998 г. вопрос о реформировании системы социальной поддержки населения перешёл из сферы среднесрочной и долгосрочной политики на федеральном и региональном уровнях в плоскость принятия системы экстренных мер, способствовавших стабилизации ситуации и предотвращению социальных катаклизмов в обществе[1]. Как никогда ранее Правительство РФ показывало желание встать на путь социального партнёрства с профсоюзами[2].

На третьем этапе активизировалась деятельность государственных учреждений по координации программ местного развития и решению социальных проблем, вызванных реструктуризацией предприятий угольной промышленности («Соцуголь») и по вопросам реорганизации и ликвидации нерентабельных шахт и разрезов («ГУРШ»). В 1999 г. по сравнению с 1998 г. было увеличено финансирование из федерального бюджета мероприятий по социальной защите работников, высвобожденных при реструктуризации угольной отрасли; более чёткие и конкретные формы и содержание приобрело социальное партнёрство товаропроизводителей, профсоюзов, государства и местных органов власти в решении социальных проблем реструктуризации угольной отрасли и обеспечении жизнедеятельности в углепромышленных муниципальных образованиях; были

---

[1] Виленский А., Домнина И. Система социальной поддержки населения: уроки кризиса и региональный опыт // Вопросы экономики. 1999. № 2. С. 74.

[2] Протокол заседания президиума Ростовского территориального комитета Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, 22 ноября 1999 г. // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. Ф.Р-1127. Оп. 2. Д. 57. Л. 181.

введены более действенные механизмы профсоюзного контроля соблюдения законодательства о труде и об охране труда и т.д.[1]

Сложнее всего решались проблемы, связанные с безработицей. Ей посвящались многие заседания Кабинета министров РФ и правительственных комиссий. К созданию эффективного механизма трудоустройства привлекались руководители региональных администраций. Там, где закрытие шахт продолжилось, при активном участии федерального центра срочно создавались новые рабочие места. Проблему безработицы решали тремя способами. Первый – шахтёров переводили работать на другие (новые или более рентабельные) угледобывающие предприятия. Второй – им предлагали трудоустройство на предприятиях и организациях других отраслей хозяйства, например, в дорожном строительстве. Третьим и наиболее значимым способом ликвидации безработицы являлось вовлечение горняков в предпринимательскую деятельность.

Возможность заняться собственным бизнесом предоставлялась многовариантно. Имелись примеры «залпового» предоставления средств. В таких случаях работникам закрывавшихся предприятий вручали целевые денежные сертификаты (субсидии). В среднем их размер соответствовал 20-ти месячной средней заработной плате[2]. На них шахтёры приобретали себе автомобили, тракторы или иные средства, позволявшие зарабатывать себе на жизнь[3]. Такой вариант ликвидации безработицы использовали МВК и другие специализированные организации.

Системная деятельность по вовлечению освобождаемых шахтёров в предпринимательство осуществлялась посредством разнообразных, но

---

[1] Подсчитано автором по: Социальные проблемы и программы местного развития угольных регионов России / Информационный вестник № 2 (апрель 2000 г.). М., 2000. С. 22; Угольная промышленность Российской Федерации за 1999 год. Том III. М., 2000. С. 105.

[2] Коллективные действия Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Текущий архив Независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепроф). С. 8; Пяткин А.М. Указ. соч. С. 77.

[3] День шахтера ... С. 93; Кочетков А. В Шахты прибыл вице-премьер Б. Е. Немцов // Пласт. 1998. № 33 (50), август. С. 1; Кузнецов Н. Программы местного развития. Шахтерам – шахтерово // Наша газета. 1999. 5 июня. С. 1.

конкретных программ, с привлечением денег угольных траншей[1]. К их реализации порой подключались и иностранные консультанты. Британский фонд «Ноу-хау», например, активно содействовал становлению малого предпринимательства в Кузбассе и Российском Донбассе[2].

В общем, в 1999 г. в углепромышленных территориях было введено 588 новых рабочих мест по добыче угля (в 1998 г. только 242), 8929 рабочих мест в сфере малого и среднего бизнеса неугольного профиля[3].

Региональная и местная власть принимали активное участие в реализации программ по сносу ветхого и строительства нового жилья, а также решению других социальных проблем. Расширение полномочий региональных органов власти позволило активнее привлекать бизнес в реализацию социально значимых проектов. Работники предприятий угольной промышленности получили дополнительные формы поддержки за счёт отраслевых соглашений и договоров о социальном партнёрстве[4]. Увеличивалось количество работников угольной отрасли направленных на отдых в лечебно-оздоровительные санатории и профилактории, стали проводиться спортивные соревнования среди угольных компаний и т.д.[5]

Начиная с сентября 1998 г., важнейшим направлением социальной политики Правительства России стало возобновление решения ещё такой важной проблемы как переселение шахтёрских семей из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Количество шахтёрских семей, переехавших в центральные районы страны увеличилось с 51 в 1998 г. до 857 в 1999 г.[1], то есть почти в 17 раз.

---

[1] Проект Закона Ростовской области по охране труда, приложение к решению президиума Правительства Ростовской области от 12 января 2000 г. № 3 // ГАРО. Ф.Р-4495. Оп. 3. Д. 22. Л. 8.

[2] Малый бизнес должен стать делом шахтёров // Заполярье. 1998. 11 августа; День шахтера... С. 92.

[3] Рожков А.А., Анистратов М.К., Фролов А.А. Указ. соч. С 38.

[4] Буфина Н.Э. Развитие системы социального партнёрства на угольных предприятиях Кузбасса в XXI в. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2012. С. 237.

[5] Бирюкова О.В. Реструктуризация угольной промышленности Кузбасса ... С. 221.

[1] Сборник основных статистических данных о деятельности Федерального государственного учреждения «Соцуголь» за период 1998–2010 годы. М., 2010.

Таким образом, социально-экономическая деятельность органов власти и управления в противодействии протестному движению шахтёров России на третьем этапе заметно возросла как в количественном, так и качественном измерении. Она приобрела открытый, системный и перспективный характер. Шахтёрское сообщество восприняло её как вполне достаточную для достижения консенсуса со своими основными контрагентами. Укрепление социальной стабильности в свою очередь положительно отразилось на решении актуальных экономических задач угледобытчиков.

4.5 Результаты и значение протестного движения шахтёров России в августе 1998 г. – 1999 г.

Спад протестного движения шахтёров России явился закономерным итогом огромной деятельности по выходу из кризиса. Вместе с тем, важным фактором снижения недовольства стали изменения во взглядах ***социально-профессионального*** сообщества шахтёров на политические процессы и собственные возможности влияния на них. Нельзя утверждать, что горняки полностью сдали свои протестные позиции. Возникновение отдельных очагов борьбы, особенно в начале третьего этапа указывает на то, что они могли вновь оказаться в рядах активной политической оппозиции. По справедливому мнению некоторых исследователей, в условиях финансового кризиса увеличить в 1999 г. объём господдержки угольной отрасли в два раза Правительство РФ вынудила реальная возможность новой «рельсовой войны»[1]. Между тем достаточных сил и средств для дальнейшей борьбы у них не было. Протестное движение за свои права и интересы в течение третьего этапа приняла устойчивую отрицательную динамику не только благодаря позитивным изменениям в социально-экономической жизни россиян, но и существенному разочарованию

[1] Жигунов Л.Э. Указ. соч. С. 91.

угледобытчиков в собственных протестных возможностях в новых либеральных условиях. Отказ шахтёров от радикальных политических требований указывает на их морально-психологическое поражение.

Рабочие физически и морально устали, их стало намного меньше. Заметно повысился их страх потерять работу, что в условиях экономического кризиса ставило под угрозу физическое выживание шахтёрских семей. Они фактически отказались от своих веских претензий на особые место и роль в общественно-политических процессах страны. Горняки пошли на ряд компромиссов, которые с одной стороны позволили сохранить своё «лицо» в общественно-политической жизни, с другой – добиться определённых уступок со стороны органов власти. Переориентация в русло политических компромиссов привела к существенной трансформации их протестного поведения. Уходили в прошлое такие элементы их «революционности» как, например, институт рабочкомов, незаконный и стихийный характер выступлений, радикальные политические требования и т.д.

В целом, несмотря на ряд убедительных парадоксов, выявленных Б. Максимовым, в протестном поведении шахтёров[1], в их среде произошла адаптация форм и методов борьбы к новым капиталистическим условиям. Главным показателем смены формата отстаивания шахтёрских интересов стал полный переход инициативы в руки отраслевых профсоюзов. Однако всем была очевидна слабость, враждовавших между собой, Росуглепрофа и НПГ России. В то же время на межотраслевом уровне так и не сформировалась сила, способная защищать интересы всего трудового народа.

Ослабление протестного натиска шахтёров нашло своё отражение в ***общегосударственных*** результатах. Эффективная антикризисная политика в отношении угольной промышленности, начатая на предыдущем этапе, была продолжена, её положительные результаты чётко обозначились в экономике и

[1] Максимов Б.И. Рабочие как акторы процесса трансформаций // Социс. 2008. № 3. С. 32.

социальной сфере, что позволило укрепить общественно-политическую стабильность.

В основе *политических* результатов протестного движения стало изменение принципов взаимоотношения шахтёров и власти. Это выразилось не только в укреплении позиций отраслевых профсоюзов в переговорном процессе, но и выстраивании более доверительных отношений. Президент Б. Ельцин был вынужден считаться с массовым недовольством шахтёров и других трудящихся, идти на политические уступки оппозиции, обновлять социально-экономический курс и т.д. Появление «розового» Правительства РФ в сентябре 1998 г. указывает на новую ступень в развитии политической системы России. «Существенную модификацию» политического процесса, начатую в конце 1998 г., отмечают и известные российские политологи[1].

Наиболее важным для горняков шагом стала интенсификация реформ в угольной промышленности. Более открытая и целенаправленная политика федерального Правительства в отношении угледобытчиков позволила укрепить порядок в шахтёрской отрасли и решить их наиболее злободневные социально-экономические вопросы. Благодаря перераспределению полномочий, более активно влиять на хозяйственные процессы, прежде всего в угольной промышленности, стала и региональная власть. В шахтёрских городах и посёлках усилился контроль распределения финансов, повысилась борьба с коррупцией, возникли новые виды социальной поддержки населения и т.д.

Власть стала более ответственно относиться и к решению социальных проблем. Значительную роль в этом сыграл успешный диалог между Кабинетом министров РФ, региональной властью, работодателями и профсоюзными организациями. Усилившийся процесс приватизации шахт и разрезов позволил активнее привлекать к решению социально-экономических проблем шахтёрских городов и посёлков представителей бизнеса. Отраслевые профсоюзы повысили

---

[1] Смолин О.Н. Политический процесс в современной России. М., 2004. С. 217.

свою ответственность за переговоры с работодателями, вплотную занялись заключением трехсторонних соглашений и контролем над распределением государственного финансирования.

Шахтёры поверили в Е. Примакова и его команду, что, несомненно, повлияло на снижение их протестной активности. Серьёзно пошатнувшееся доверие к Президенту Б. Ельцину было несколько восстановлено. Политические и социально-экономические успехи органов власти и управления способствовали выводу углепромышленных территорий из зоны «красного пояса». Не вызывает сомнения то, что снижение протестной активности горняков стало составной частью заметной консолидации общества в 1999 г., о которой в 2000 г. писал доктор экономических наук Л. Бызов[1].

Таким образом, существенной трансформации подверглись действия органов власти и новых собственников. Были созданы условия для выстраивания новых, капиталистически более зрелых отношений в функционировании угледобывающей отрасли.

Вместе с тем, хрупкий мир между шахтёрами и властью стимулировал дальнейшие изменения в политической системе страны в форме появления новых политических лидеров, партий и движений.

Наиболее заметными результатами протестного движения на третьем этапе стали изменения в *социально-экономической* сфере. Они соответствовали либеральному курсу, но уже с признаками более активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь.

Реформа угольной промышленности стала больше ориентироваться на решение социально значимых вопросов, учитывать региональные особенности её реализации. Одним из её важных результатов стало активное вмешательство государства в процесс угледобычи, что, например, выразилось в появлении Горного кодекса, изменении системы бюджетного финансирования отрасли,

---

[1] Бызов Л.Г. Новый политический консенсус в России ... С. 44.

реформировании налоговой системы, закреплении в федеральной и региональной собственности стратегически важных угледобывающих компаний, создании «Угольного комитета» при Министерстве топлива и энергетики РФ, новой редакции «Основных направлений реструктуризации угольной промышленности России» и др. Таким образом, повышалась социально-экономическая ответственность государства перед трудящимися угольной промышленности.

Главный исполнительный орган страны предпринял более смелые действия по дальнейшему реформированию шахтёрской отрасли. В ходе третьего этапа произошёл перелом в политике приватизации угледобывающих предприятий. Большинство из них стало частными, повысилась их эффективность. Правительство России динамично освобождалось от груза экономической и политической ответственности, снижало расходы госбюджета и создавало условия для строительства действительно рыночных, конкурентоспособных отношений. Широкая приватизация угледобывающих предприятий способствовала укреплению интеграционных связей, созданию крупных финансово-промышленных групп. Это значительно укрепило финансово-экономический потенциал российских угледобытчиков на международном уровне.

Под влиянием шахтёрских протестов федеральный центр пошёл на новое перераспределение полномочий в пользу региональной власти. Она установила контроль над угледобычей. Там, где этого больше всего добивались – в Кузбассе, довольно быстро обозначился рост всех технико-экономических показателей в отрасли. Положительные тенденции наблюдались и в экономике других углепромышленных территорий. Впервые за годы рыночных реформ угледобыча в стране стала расти, существенно поднялась производительность труда в

отрасли, снизился травматизм и число несчастных случаев на угольном производстве[1].

Протестное движение шахтёров усилило динамику рыночных преобразований не только в угольной промышленности, но и других отраслях экономики Российской Федерации. Пройденный путь имел ценное значение для всех отраслей российской экономики, так как позволил избежать многих ошибок, допущенных в ходе реформирования угольной промышленности. Укрепление макроэкономической стабильности позволило повысить инвестиционную привлекательность угольной промышленности, стимулировать подъём в смежных отраслях народного хозяйства шахтёрских территорий и т.д. Важным результатом явилось усиление конкуренции, как между предприятиями, так и отдельными углепромышленными территориями, что позитивно отразилось на технико-экономических показателях отрасли.

С октября 1998 г. имелась положительная динамика поступления шахтёрам «живых» денег, сокращалась дебиторская задолженность угольных предприятий. В течение следующего года Правительство РФ значительно сократило задолженность по зарплате, полностью выплатило уволенным горнякам пособия и регрессные, снизило безработицу и т.д. Всё это способствовало снижению социальной напряжённости и устойчивому экономическому росту региональных хозяйств.

В целом, наиболее острые социально-экономические проблемы шахтёров были решены.

Между тем протестное движение не остановило все негативные процессы, которые сопровождали угольную промышленность в ходе её реформ, в том числе и на третьем этапе. Плановые показатели реструктуризации отрасли не были выполнены. Даже в конце 1999 г. отрасль не имела рентабельного характера. Появились диспропорции в её развитии как на межрегиональном уровне, так и

---

[1] Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. [Электронный ресурс]. URL: // www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls (дата обращения: 02.04.2016 г.).

между соседними предприятиями. Власть закрывала, прежде всего, те предприятия, где были «шибко буйные рабочие»[1]. В итоге в наиболее сложном положении оказались монопрофильные города и посёлки, где запасы угля значительно сократились. В некоторых из них, например Анжеро-Судженске, угольная промышленность утратила статус градообразующей отрасли[2], не было полностью преодолено их депрессивное состояние.

Многие шахтёры так и не получили достойную альтернативную работу и зарплату, что отразилось на дальнейшей миграции населения из отдельных, особенно малых и монопрофильных, углепромышленных городов и посёлков. Всё это снижало престиж шахтёрской профессии и, соответственно, ставило под вопрос перспективы развития угольной промышленности в Российской Федерации.

Итак, положительные результаты социально-экономической деятельности закрепили консенсус между шахтёрами, с одной стороны, и органами власти и управления – с другой. Их борьба с трудностями постсоветской системы политико-экономических отношений завершилась. Однако оставшийся ряд не решённых вопросов поставил под сомнение перспективы развития угольной промышленности. Актуальным становился новый формат разрешения социально-трудовых конфликтов, в котором ключевую позицию должны были играть владельцы угледобывающих предприятий и компаний.

---

[1] Бизюков П. Бизюков П. Реструктуризация закончена. А была ли она? // Кузбасс. 2002. 12 марта.
[2] Рожков А.А. Социально-экономические последствия … С. 113.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ приведённых в главах диссертации фактов и размышлений о протестном движении шахтёров России в период президентства Б.Н. Ельцина позволяет сделать ряд выводов. Первоочередным из них является то, что на основании интенсивности, мотивации, форм и результатов социальной активности горняков данный период делится на три этапа: 1. 1992–1997 гг., 2. Январь–июль 1998 г., 3. Август 1998 г. – 1999 г.

Влияние протестного движения рабочих угольной промышленности на общественно-политические и социально-экономические процессы в стране на первом этапе (1992–1997 гг.) оказалось очень разнонаправленным. Фактически изначально шахтёры разделились на две группы – сторонников и противников «шоковой терапии». Соответственно их влияние было амбивалентно. С одной стороны, они внесли свой посильный вклад в продолжение ельцинских реформ (особенно там, где они меньше всего угрожали их жизненным интересам). С другой, рабочие угольной промышленности стали одним из главных противников либеральных преобразований в экономике, а также сложившейся модели политического устройства постсоветского государства.

Укрепление второй позиции на протяжении всего первого этапа свидетельствует о том, что шахтёры сумели консолидироваться. Они стали одной из угроз политическому режиму Б. Ельцина. Обладая богатым протестным опытом и другими сильными позициями (например, решительными профсоюзами), рабочие угольной промышленности попытались вернуть былое влияние на общественно-политические процессы в стране. Это подтверждает рост в середине 1990-х гг. забастовочного и в целом протестного движения шахтёров. Он явился одним из факторов усиления аналогичных процессов как среди рабочих, так и других слоёв населения. Отдельные факты укрепления взаимодействия горняков и других групп трудящихся приобретали популярность

и рождали новые формы их совместной организации и массовых выступлений. Шахтёрская борьба получила широкую и мощную поддержку среди россиян.

Этим не могли не воспользоваться оппозиционные общественно-политические силы, в первую очередь, левого фланга. Факты укрепления отношений их с шахтёрами многочисленны. Несмотря на сохранение, всё-таки, глубокой дистанции между рабочими угольной промышленности и оппозиционными политическими партиями и организациями, власть вынуждена была реагировать на потенциальные угрозы и корректировать свою политику. Но на первом этапе данная корректировка ориентировалась в основном на социально-экономический блок вопросов. Политические уступки были малозаметны и весьма условны.

Таким образом, даже в конце первого этапа шахтёры не удовлетворились степенью своего влияния на общественно-политические и социально-экономические процессы в стране, что стало катализатором дальнейшего роста их протестного движения.

Второй этап (январь–июль 1998 г.) стал временем наибольшего воздействия протестного движения шахтёров России на политику органов власти и управления. Кризис власти поставил под угрозу физическое существование многих категорий граждан. Активное сопротивление горняков, которое поддержали многие россияне, способствовало корректировке не только социально-экономического, но и внутриполитического курса Кремля. Масштабную деятельность по решению экономических и социальных проблем рабочих угольной промышленности осуществляли правоохранительные органы, прежде всего, прокуратура.

Между тем, надо признать, что адекватная требованиям шахтёров политика в течение второго этапа ещё себя не проявила, она только начала формироваться. Главным результатом явилась активизация политического диалога между шахтёрами и властью, к которому стали чаще привлекать другие субъекты политической жизни страны – региональную власть и профсоюзы. На повестку

дня всех органов власти был поставлен вопрос о реформировании трудового законодательства и совершенствовании механизма разрешения социально-трудовых конфликтов.

В целом, пик протестного движения горняков привёл к переформатированию не только направлений политического и социально-экономического курса Правительства РФ, но и ментальности участников разрешения социально-трудовых конфликтов. Заметно повысилось чувство ответственности за судьбу страны как у шахтёров, так и у представителей власти.

Ослабление противостояния между шахтёрами и властью на третьем этапе (август 1998 г. – 1999 г.) доказывает положительный характер мер, предпринятых после всероссийских «рельсовых войн» 1998 г. органами государственной власти, в том числе энергичное «привлечение» с их стороны к данному процессу новых владельцев угледобывающих предприятий и компаний. Однако главное – произошла смена общественных настроений, которая была не в пользу новых потрясений. Дальнейший рост протестного движения горняков мог привести к крушению молодой российской государственности. Несмотря на обострение социально-экономической ситуации после дефолта 1998 г., общество не поддержало активных протестных действий горняков. Это явилось ключевым фактором отхода от «революционного» натиска в разрешении трудовых конфликтов не только в шахтёрской среде, но и других рабочих коллективах. Произошла легитимизация нового формата отношений между обществом и властью, в основе которого уже доминировал компромиссно-консенсусный подход.

Протестное движение обозначило проблему, которую необходимо было оперативно решать всем участникам социально-политического процесса в России – создание условий для более открытого и эффективного диалога власти и общества во имя социальной справедливости.

Возрастание роли профсоюзов в решении вопросов рабочих угольной промышленности укрепило самостоятельный характер их борьбы, снизило

степень политического влияния лево-патриотических партий и организаций в углепромышленных территориях. Стала выстраиваться новая модель решения социально-экономических вопросов рабочих, в основе которой был переговорный процесс между профсоюзами, государством и бизнесом.

Обобщая исторический опыт всего рассматриваемого периода, отметим следующие важные моменты влияния протестного движения шахтёров на общественно-политическое и социально-экономическое развитие постсоветской России.

Шахтёрская борьба стала составной частью протестного движения трудящихся всей страны, которое, безусловно, способствовало локализации социально-экономического и политического коллапса, охватившего российское государство в 1990-е гг. Оно не было столь революционным, каким являлось в годы «перестройки», но при этом оказалось более продолжительным и наполненным борьбой. Протестное движение российских шахтёров показало недостаточную продуманность рыночных реформ, их дисбаланс. Оно скорректировало динамику рыночных преобразований в угольной промышленности России. Органы власти и управления были вынуждены активнее участвовать в решении проблем угольщиков, вмешиваться в регулирование макроэкономических процессов, создавать механизм обратной связи и т.д. Усилилась роль общественных организаций, в первую очередь отраслевых профсоюзов, в упрочении социальной стабильности в углепромышленных регионах и в стране в целом.

Забастовочное движение горняков в конце советской эпохи осуществлялось на фоне ослабления общественно-политической стабильности, спада производственных показателей в народном хозяйстве и угольной промышленности, снижения жизненного уровня населения и т.д. Их борьба в конце 1990-х гг. завершалась на волне укрепления государственности, роста добычи угля и всей российской экономики в целом, повышения жизненного

уровня населения и т.д. Таким образом, в 1992–1999 гг. оно имело более позитивные результаты, чем в годы «перестройки».

Вместе с тем, высокий накал борьбы шахтёров России и их контрагентов определил ряд негативных явлений и процессов.

Затянувшееся противостояние власти и рабочих привело к социально-профессиональной деконструкции шахтёрского сообщества. Многие квалифицированные работники покинули шахты и разрезы, перешли в другие сферы хозяйственной деятельности. Значительно уменьшилась численность горняков. В то же время возросла их разобщённость по политическим, экономическим, профсоюзным и другим причинам и факторам. Поэтому отстаивать свои интересы шахтёрам стало весьма сложно, также как и рассчитывать на солидарность с другими социально-профессиональными группами.

Шахтёрам постсоветской России в ходе упорной борьбы не удалось добиться тех политических результатов, каких они достигли в предыдущий – «перестроечный», период. В 1990-е гг. их главные защитники – отраслевые профсоюзы (Росуглепроф и НПГ России) не сумели эффективно отстаивать трудовые права и интересы. Конечно, важной причиной такого положения являлось их собственное противоборство. Однако, в силу подавляющего превосходства в численности своих рядов, такую роль мог вполне выполнить Росуглепроф. Но этого не произошло. Главная причина состояла в том, что изменение стратегии и тактики протестного движения горняков не повлекло ротации кадрового состава лидеров отраслевых профсоюзов. Низовые структуры Росуглепрофа и НПГ России не сумели отстоять свои интересы (навязать наступательный характер борьбы), а их высшее руководство не проявляло особой заинтересованности в этом.

Фактически все ведущие лидеры шахтёрских профсоюзов (и НПГ России, и Росуглепрофа) вышли из забастовочного движения «перестроечной» поры и, в общем, остались верны его идеям. Не вызывает сомнения и то, что определённая

часть шахтёрского сообщества (менее экономически уязвимая) выражала им поддержку. На пассивность лидеров НПГ России и Росуглепрофа указывают факты их отказа от реального сотрудничества даже с системными оппозиционными партиями и общественно-политическими организациями, которые показывали готовность к этому. Руководители шахтёрских профсоюзов не взяли на вооружение их идеи и методы, но, в то же время, и не предложили рабочим свою концепцию борьбы.

На уровне региональных, тем более местных профсоюзных подразделений, произошла серьёзная трансформация взглядов на содержание «реформ» и методы противостояния им. Взгляды рядовых рабочих в течение рассматриваемого времени всё чаще шли в разрез с официальной позицией профсоюзных руководителей. Однако как-либо серьёзно повлиять на ситуацию они не смогли. Не удалось им совершить и то, что они сумели в 1989 г. – создать авторитетные альтернативные органы по отстаиванию политико-экономических интересов (в то время – рабочкомы). Отдельные попытки подобного рода (Комитеты спасения, альтернативные профсоюзы и т.п.) не получили должного распространения.

Потерял авторитет среди трудящихся и такой, некогда грозный политический орган, как рабочие комитеты. К моменту пика протестного движения они уже мало где сохранились. К тому же не везде поведение их лидеров соответствовало протестным настроениям рядовых горняков.

Медленная ротация кадров руководителей как отраслевых профсоюзов, так и рабочкомов не позволяла горнякам осуществлять более мощное давление на власть. Концептуальный разрыв во взглядах между «низами» и «верхами» нарастал на протяжении всего рассматриваемого времени. Попытки консолидации шахтёрского сообщества во второй половине 1990-х гг. имели условный характер. Так и не появились: общий лидер, совместный план действий, новая организационная структура и т.д.

Идейный кризис шахтёрского сообщества умело поддерживала тогдашняя власть, которой даже не пришлось особо использовать силу против рабочих, на

что, например, в своё время решилось Правительство М. Тэтчер в ходе реструктуризации угольной промышленности Великобритании.

В течение 1990-х гг. российские горняки понесли огромные потери. Они морально и физически устали от борьбы, в которой находились, начиная с 1989 г. Вместе с тем, пройденный с тех пор путь показал отсутствие реальной силы, способной сплотить шахтёрское сообщество в давлении на власть, кроме как политический лидер и возглавляемая им политическая организация. Рабочие угольной промышленности так и «не увидели» ту оппозиционную политическую силу, которая бы в то время учитывала пусть и разнородные, но либерально-рыночные особенности мышления многих из них. Поэтому им пришлось принять сложившуюся расстановку сил в общественно-политических процессах и согласиться с потерей прежнего места и роли не только в политической жизни страны, но и рабочем движении. В 1999 г. факты системной и масштабной борьбы шахтёров уходят в прошлое.

Таким образом, главной политической слабостью российских шахтёров в 1990-е гг. стало отсутствие чётких взглядов на стратегию и тактику борьбы, а в её основе – дефицит общей идеи. Либеральная идеология среди россиян в течение 1990-х гг., несмотря на все трудности, выглядела намного привлекательней, чем марксистское, либо какое другое оппозиционное учение. Это является главным отличием протестного движения 1992–1999 гг. от периода 1989–1991 гг.

В итоге это не позволило рабочим угольной промышленности, которые часто выступали с антилиберальными лозунгами, получить критическую массу общественной поддержки. В то же время этого оказалось достаточно для корректировки курса реформ, их вывода на позитивные результаты. Причём можно с уверенностью утверждать, что данная корректировка затронула не только угольную промышленность, но и другие отрасли экономики. Протестное движение шахтёров стало «амортизатором» реформ, но не их угрозой, как это порой представляют некоторые исследователи. Однако сами рабочие угольной промышленности остались недовольны результатами своей борьбы, что

способствовало консервации их политико-экономического недовольства. Во многом они вернулись к ситуации, которая имела место в истории рабочего движения России в конце XIX в., то есть к поиску доверительной политической силы.

Антикризисная деятельность органов власти и управления, а также общественно-политических организаций оказалась сильнее протестного движения шахтёров, несмотря на небывалое в истории современной России противостояние. Данное противостояние стало серьёзной проверкой на прочность для власти. Обществу в то время были нужны созидатели, а не разрушители, к которым часто, в том числе по инерции «перестроечной» поры, относили рабочих угольной промышленности. Поэтому шахтёрская борьба имела относительный успех. Вместе с тем, она позволила смягчить наиболее сложные социально-экономические проблемы и противоречия, возникшие в процессе реформирования как угольной промышленности, так и всего народного хозяйства, способствовала укреплению стабильности и сохранению либерально-демократического пути развития, создала условия для появления новых, более дееспособных политических сил (В.В. Путин, «Единая Россия», «Справедливая Россия» и др.).

Перспективными направлениями дальнейшей разработки поднятой тематики является исследование таких вопросов в истории современной России, как социально-экономическая адаптация рабочих угольной промышленности к рыночным отношениям; отношения между шахтёрами, профсоюзами и владельцами предприятий; акции протеста горняков в начале XXI в. и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Законодательные и нормативно-правовые акты

1. Закон Союза Советских Социалистических Республик «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» (ст. 654) от 20 мая 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991, 5 июня. – № 23. – С. 908–912.

2. Конституция Российской Федерации. Официальный текст по состоянию на 15 ноября 1999 года. – Историко-правовой комментарий. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА*М, 2000. – 80 с.

3. Постановление Правительства РФ № 451 «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах» от 16 мая 1998 г., г. Москва // Уголь. – 1998. – № 6. – С. 4–6.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_37.html#p4478 (дата обращения: 05.04.2016 г.).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями на 1 февраля 1999 г.). – М.: «Проспект», 1999. – 160 с.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями на 15 сентября 1999 г.). – М.: «Проспект», 1999. – 160 с.

7. Указ Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах по снятию социальной напряжённости в Печорском угольном бассейне», Москва, Кремль, 25 мая 1996 г., № 777. [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/acts/bank/9424 (дата обращения: 05.12.2016 г.).

8. Указ Президента Российской Федерации № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных

объединений государственных предприятий в акционерные общества» (01 июля 1992 г.) // Уголь. – 1992. – № 9. – С. 3.

9. Указ Президента Российской Федерации № 1702 «О преобразовании в акционерные общества и приватизации объединений, предприятий, организаций угольной промышленности» (30 декабря 1992 г.) // Уголь. – 1993. – № 2. – С. 3–4.

10. Указ Президента Российской Федерации № 168 «О мерах по дальнейшему совершенствованию структуры угольной промышленности» (9 февраля 1996 г.). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/8868 (дата обращения: 21.04.2016 г.).

11. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.1998 г. № 499 «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/12357 (дата обращения: 20.10.2015 г.).

12. Федеральный закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» от 20 октября 1995 года (ст. 4557) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995, 27 ноября. – № 48. – С. 8525–8534.

13. Федеральный закон об общественных объединениях : Принят Государственной Думой 14 апреля 1995 года. – М. б. и., 1995. – 27 с.

14. Федеральный закон № 81-ФЗ от 20 июня 1996 г. «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=10849&req=doc#0 (дата обращения: 19.02.2017 г.).

Опубликованные документы и материалы

15. Акции протеста шахтеров в мае 1998 года (информационно-аналитический обзор) // Горняцкая солидарность. – 1998. – 17 июля; – 14 августа; – 21 август; – 23 октября.

16. Александр Сергеев: «Шахтёры говорят: мы люди, а не быдло!» // Российская Федерация сегодня. – 2010. – № 12. – С. 23–24.

17. Выступление первого заместителя председателя правительства Российской Федерации Н.Е. Аксененко на Съезде работников угольной промышленности 17 ноября 1999 г. // Уголь. – 1999. – № 12. – С. 11–14.

18. Выступление председателя Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности на Съезде работников угольной промышленности 17 ноября 1999 г. // Уголь. – 1999. – № 8. – С. 9–11.

19. Действовать продуманно (Из доклада председателя РК углепрофсоюза В.И. Будько) // Горняцкая солидарность (Новокузнецк). – 1992. – 2 апреля.

20. Евгений Наздратенко – губернатор Приморского края: Кому выгодно, чтобы шахтеры не получали зарплату? // Владивостокское время. – 1995. – 28 сентября. – С. 1.

21. Заявление совместного заседания СРК и СП НПГ Кузбасса // Наша газета (Кемерово). – 1993. – 6 марта. – С. 1.

22. Заявление съезда шахтеров Печорского угольного бассейна // Искра (Инта). – 1998. – 17 марта.

23. Золотых С.С. Кемеровская область – вчера, сегодня, завтра // Уголь. – 2005. – № 3. – С. 13–17.

24. Игорь Кожуховский: «Государство должно выполнять обещанное, а шахтерские требования и действия должны вписываться в рамки закона» // Человек и труд. – 1998. – № 8. – С. 5–11.

25. Из стенограммы встречи Президента РСФСР Ельцина Б.Н. с делегацией Кузбасса. Москва, не позднее 25 января 1992 г. // Рабочее движение Кузбасса. Сборник документов и материалов (апрель 1989 – март 1992) / Составитель Лопатин Л.Н. – Кемерово: Современная отечественная книга, 1993. С. 555–558.

26. Кислюк М. Мы можем спасти страну или погубить её. Обращение к кузбассовцам // Кузбасс. – 1994. – 10 февраля.

27. Климов И. «Рельсовая война» шахтёров в мае 1998 г.: мобилизационный потенциал (отчёт) [Электронный ресурс]. – URL: http://bd.fom.ru/report/map/o901320 (дата обращения: 16.10.2015 г.).

28. Краткие итоги работы угольной промышленности России за 1999 г. // Уголь. – 2000. – № 2. – С. 41–50.

29. Левада Ю. Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения № 6 (44) ноябрь–декабрь 1999. – С. 7–13.

30. Мохначук И. Власти приходят и уходят, а проблемы остаются // На-гора! 1993. № 36–37, сентябрь. С. 1.

31. О коллективных действиях Росуглепрофа. Постановление президиума Росуглепрофа. Москва, 20 мая 1998 г. // Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России: Документы, статистика, библиография / Отв. ред. А.М. Кацва. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – С. 133.

32. О коллективных действиях. Постановление Совета представителей НПГ России. Москва, 16 февраля 1994 г. // Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России: Документы, статистика, библиография / Отв. ред. А.М. Кацва. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – С. 70.

33. О ходе переселения шахтерских семей из районов Крайнего севера и приравненных к ним местностей, а также их шахтерских городов Кизеловского угольного бассейна за 1998–2003 гг. // Уголь. – 2003. – № 12. – С. 62–63.

34. Обращение горняков ш. «Судженская» к жителям города // Наш город. – 1994. – 14 октября.

35. Обращение к профсоюзным организациям и объединениям, трудовым коллективам Российской Федерации, к профсоюзам за рубежом // Профсоюзы и экономика. – 1998. – № 4. – С. 100–104.

36. Обращение Законодательного Собрания Кемеровской области к администрации Кемеровской области и руководителям правоохранительных органов // Резонанс (Юрга, Кемеровская область). – 1998. – 11 июля.

37. Обращение к Президенту России Ельцину Борису Николаевичу // Искра. – 1998. – 14 мая.

38. Открытое письмо шахтеров РУ «Павловское», жителей п. Новошахтинский // Красное знамя (Владивосток). – 1998. – 12 марта. – С. 1.

39. Петрова А. Россияне об акциях протеста [Электронный ресурс]. – URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/of19981603. (дата обращения: 13.02.2015).

40. Постановление президиума Новокузнецкого территориального совета первичных организаций Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Горняцкая солидарность (газета совета представителей независимого углепрофсоюза юга Кузбасса, Новокузнецк). – 1992. – 23 января.

41. Постановление Независимого профсоюза горняков Воркуты, Воркутинской организации Росуглепрофсоюза и Воркутинского профсоюза горных инженеров // Заполярье. – 1998. – 4 августа.

42. Постановление конференции представителей трудовых коллективов угольной компании «Кузнецкуголь» // Горняцкая солидарность. – 1994. – 4 марта.

43. Постановление президиума Ростовского теркома Росуглепрофсоюза // Знамя шахтера (Новошахтинск, Ростовская область). – 1998. – 21 мая.

44. Постановление президиума Росуглепрофа о социально-экономическом положении в угольной промышленности // На-гора! 1996. – № 21–22, август. – С. 3.

45. Правительство – за угольную отрасль (Из выступления Председателя Правительства РФ Е.М. Примакова на съезде шахтеров 1 февраля 1999 г.) // Горняцкая солидарность. – 1999. – 29 января.

46. Протокол совещания о мерах по стабилизации социально-экономического положения на предприятиях ОАО «Интауголь», ОАО «Шахта «Западная» и г. Инты // Искра. – 1998. – 30 мая.

47. Рабочее движение Кузбасса. Сборник документов и материалов (апрель 1989 – март 1992) / Составитель Лопатин Л.Н. – Кемерово: Современная отечественная книга, 1993. – 622 с.

48. Реально оценить ситуацию (Из выступления Председателя Росуглепрофа И.И. Мохначука на съезде шахтеров 1 февраля 1999 г.) // Горняцкая солидарность. – 1999. – 29 января.

49. Свободные цены на уголь – наша общая кабала. Открытое письмо заместителю председателя правительства Российской Федерации Е.Т. Гайдару // Кузбасс. – 1992. – 27 марта.

50. Соглашение между Независимым профсоюзом горняков России (НПГР) и Объединением профсоюзов России СОЦПРОФ. Москва, 17 апреля 1995 г. // Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России: Документы, статистика, библиография / Отв. ред. А.М. Кацва. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – С. 73.

51. Социальные проблемы, рабочие организации и профсоюзы в современной России: Документы, статистика, библиография / Отв. ред. А.М. Кацва. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 400 с.

52. Шарипов В.Н. Постановление Совета представителей Независимого профсоюза горняков России // Наша газета. – 1993. – 25 февраля. – С. 1.

53. Шпектор И.Л. «Я хочу от российского Президента получить деньги на Воркуту» (Выступление мэра г. Воркуты на чрезвычайном съезде работников угольной промышленности) // Заполярье. – 1998. – 6 мая.

Неопубликованные документы и материалы

54. Государственный комитет Российской Федерации по промышленной политике // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 10066. – Оп. 1. – Д. 5, 203.

55. Министерство региональной политики Российской Федерации // ГАРФ. – Ф. 10104. – Оп. 1. – Д. 3.

56. Комитет по угольной промышленности при министерстве топлива и энергетики Российской Федерации // ГАРФ. – Ф. 10112. – Оп. 1. – Д. 216.

57. Министерство экономики Российской Федерации // ГАРФ. – Ф. 10128. – Оп. 1. – Д. 180, 636, 1237, 1240, 1241, 1578, 1580, 1965, 1966, 2472, 2641.

58. Министерство труда Российской Федерации // ГАРФ. – Ф. 10157. – Оп. 1. – Д. 551, 554.

59. Правительство Российской Федерации // ГАРФ. – Ф. 10200. – Оп. 4. – Д. 1830, 5665, 5666, 5668, 5669, 5670, 5672, 5673, 5674, 5679, 5680, 5681; Оп. 5. – Д. 3521, 3523, 3524, 3526, 3528, 5694, 6692, 6693, 6694, 6695, 6708, 8661.

60. Федеральная служба занятости России // ГАРФ. – Ф. 10204. – Оп. 2. – Д. 90, 101, 102.

61. Счётная палата Российской Федерации // ГАРФ. – Ф. 10251. – Оп. 1. – Д. 146, 151.

62. Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 160. – Д. 386.

63. Фракция РКП(б), ВКП(б) в ЦК Профессионального союза горнорабочих (1920–1931) // РГАСПИ. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 12.

64. Демократическая партия России (с 1990 г.) // РГАСПИ. – Ф. 661. – Оп. 1. – Д. 268, 310.

65. Коллекция документов политических партий и общественных движений России (конец XX – начало XXI вв.) // РГАСПИ. – Ф. 662. – Оп. 3. – Д. 173, 178.

66. АООТ «Северокузбассуголь» // Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф. Р-177. – Оп. 26. – Д. 1, 103.

67. ОАО «Кузнецкуголь» // ГАКО. – Ф. Р-1149. – Оп. 1. – Д. 1729, 1740.

68. Кузбасский территориальный комитет профсоюза работников угольной промышленности // ГАКО. – Ф. Р-1179. – Оп. 1. – Д. 405.

69. Кемеровское областное отделение политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» // ГАКО. – Ф. 1311. – Оп. 1.

– Д. 25, 75, 76, 77, 88; Оп. 2. – Д. 7; Оп. 3. – Д. 20.

70. Администрация Кемеровской области // ГАКО. – Ф.Р.-1345. – Оп. 1. – Д. 360, 399, 403.

71. Кемеровское региональное отделение политической партии «Союз правых сил» // ГАКО. – Ф.Р.-1363. – Оп. 1. – Д. 9.

72. Новокузнецкий городской рабочий комитет // Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке. – Ф. 60. – Оп. 1. – Д. 33.

73. Ростовское региональное отделение ЛДПР // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). – Ф.Р-3700. – Оп. 1. – Д. 58.

74. Ростовское облотделение политпартии КПРФ // ЦДНИРО. – Ф. 3703. – Оп. 1. – Д. 9, 14, 25, 32, 33.

75. Ростовский областной Совет народных депутатов // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. Р-3737. – Оп. 16. – Д. 154.

76. Государственная инспекция труда по Ростовской области // ГАРО. – Ф.Р-4457. – Оп. 1. – Д. 10, 220.

77. Администрация Ростовской области // ГАРО. – Ф.Р-4495. – Оп. 1. – Д. 557, 674; – Оп. 3. – Д. 22.

78. ОАО «Ростовуголь» // Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области (ЦХАД в г. Шахты Ростовской области). – Ф.Р-1045. – Оп. 4. – Д. 194.

79. Ростовский территориальный комитет Независимого профсоюза работников угольной промышленности России // ЦХАД в г. Шахты Ростовской области. – Ф.Р-1127. – Оп. 2. – Д. 3, 14, 21, 22, 23, 24, 32, 33, 40, 41, 42, 52, 52 (а), 57.

80. Прокуратура Республики Коми // Национальный архив Республики Коми (НАРК). – Ф.Р-1307. – Оп. 1. – Д. 1878, 1880, 1911.

81. Министерство труда и занятости населения Республики Коми // НАРК. – Ф.Р-1439. – Оп. 1. – Д. 433, 442.

82. ОАО «Шахтоуправление ”Интинская угольная компания”» // НАРК. – Ф.Р-1659. – Оп. 1. – Д. 2538, 2588, 2591, 2594.

83. Воркутинское производственное объединение по добыче угля «Воркутауголь» // НАРК. – Ф.Р-1675. – Оп. 1. – Д. 6380, 6442, 6487, 6531.

84. Интинская ассоциация профсоюзных организаций работников угольной промышленности // НАРК. – Ф.Р-1726. – Оп. 1. – Д. 880, 887, 893.

85. Шахты ПО «Интауголь». «Восточная» // НАРК. – Ф.Р-1957. – Оп. 1. – Д. 386.

87. Шахта «Интинская» // НАРК. – Ф.Р-2082. – Оп. 1. – Д. 747, 762, 667, 771.

88. Администрация Главы Республики Коми // НАРК. – Ф.Р-2393. – Оп. 1. – Д. 3.

89. Государственный Совет Республики Коми // НАРК. – Ф.Р-2467. – Оп. 1. – Д. 122.

90. Коми республиканская организация Коммунистической партии Российской Федерации // НАРК. – Ф. П-3791. – Оп. 1. – Д. 21, 31, 52.

91. Коми региональное отделение общероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия» // НАРК. – Ф. 3827. – Оп. 1. – Д. 38.

92. Приморское производственное объединение по добыче угля (Приморскуголь) // Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф.Р-498. – Оп. 7. – Д. 307, 308.

93. Прокуратура Приморского края // ГАПК. – Ф.-533. – Оп. 2. – Д. 97, 157, 176, 245.

94. Совет Федерации профсоюзов Приморского края // ГАПК. – Ф.Р-1186. – Оп. 3. – Д. 396.

95. Администрация Приморского края // ГАПК. – Ф.Р-1694. – Оп. 1. – Д. 580.

96. Приморский территориальный комитет профсоюза работников угольной промышленности // ГАПК. – Ф.Р-1707. – Оп. 1. – Д. 141, 159, 160, 163, 170, 173, 176, 178, 179, 183, 185.

97. Администрация Томской области, г. Томск (1991 г. – по настоящее время)

// Государственный архив Томской области. – Ф.Р-1958. – Оп. 1. – Д. 1460.

98. Прокуратура // Архивный отдел администрации г. Берёзовского. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 98, 99.

99. Городской рабочий комитет // Архивный отдел администрации г. Берёзовского. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 10.

100. Берёзовский городской Совет народных депутатов // Архивный отдел администрации г. Берёзовского. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 7.

101. Анжеро-Судженский городской отдел статистики // Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. – Ф. 45. – Оп. 1. – Д. 71, 114, 115.

102. Городской Совет народных депутатов г. Анжеро-Судженска // Муниципальное учреждение «Городской архив» г. Анжеро-Судженска. – Ф. 110. – Оп. 1. – Д. 12, 14.

103. Прокопьевский терком Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. – Ф. 31. – Оп. 1. Д. 315, 320, 324, 325, 329, 331, 334, 338, 340, 342, 344, 345, 346.

104. Материалы по забастовкам 1989–1991 гг. // Муниципальное учреждение «Управление городского архива» г. Киселёвска (фонд, опись и дело без номера).

105. Администрация г. Ленинска-Кузнецкого // Архивный отдел администрации г. Ленинск-Кузнецкого. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 655, 676.

106. Экономическое управление администрации // Архивный отдел администрации г. Междуреченска. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 212, 215.

107. Исполнительный комитет Междуреченского городского Совета народных депутатов // Архивный отдел администрации г. Междуреченска. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 1017.

108. Редакция газеты «Резонанс» // Муниципальный архив Юргинского городского округа. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 174.

109. Совет и администрация муниципального образования городского округа Воркута // Муниципальное бюджетное учреждение «Воркутинский муниципальный архив». – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 1691.

110. Муниципальное учреждение «Городское управление народного образования» администрации г. Инты // Муниципальный архив администрации муниципального образования городского округа «Инта». – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 191.

111. Городской забастовочный комитет // Муниципальное бюджетное учреждение «Городской архив» г. Кемерово. – Ф. 108. – Оп. 1. – Д. 25.

112. Администрация г. Артёма // Архивный отдел администрации Артёмовского городского округа. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 25; Оп. 2. – Д. 578.

113. Управление Департамента Федеральной службы занятости населения по г. Артёму // Архивный отдел администрации Артёмовского городского округа. – Ф. 110. – Оп. 1. – Д. 11.

114. Администрация города Партизанска // Архив Партизанского городского округа. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 921; Оп. 3. – Д. 31, 88.

115. Администрация посёлка Углекаменск // Архив Партизанского городского округа. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 353, 357, 362.

116. Партизанский городской муниципальный комитет // Архив Партизанского городского округа. – Ф. 87. – Оп. 1. – Д. 49.

117. Михайлов Ю. Доклад съезду рабочих Сибири, 23 января 1999 г. Архив Муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Берёзовского.

118. В совет рабочих комитетов Кузбасса Господину Строканеву В.В. (10 июля 1997 г., г. Анжеро-Судженск) // Муниципальное учреждение культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

119. Главе Администрации области Тулееву Аману Гумировичу (г. Анжеро-Судженск, 22.07.97 г.) // Муниципальное учреждение культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

120. Заявление администрации города Анжеро-Судженска от 17 мая 1998 г. // Муниципальное учреждение культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

121. Обращение рабочего комитета г. Анжеро-Судженска к солдатам и офицерам войск МВД и ОМОНа // Муниципальное учреждение культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

122. Постановление Совета представителей независимого профсоюза горняков России: «О позиции НПГ России по проблемам реструктуризации угольной отрасли России» (21 – 22 июня 1997 г., г. Подольск) // Муниципальное учреждение культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

123. Протокол заседания рабочей группы по рассмотрению требований, выдвинутых трудящимися и жителями города Анжеро-Судженска (23.05.98) // Муниципальное учреждение культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

124. Протокол межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (Москва, 18 апреля 1997 г.) // Муниципальное учреждение культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

125. Резолюция митинга трудящихся г. Анжеро-Судженска от 03 июля 1998 г. // Муниципальное учреждение культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.

126. Исковое заявление // Архив Муниципального учреждения культуры «Краеведческий музей» г. Ленинска-Кузнецкого.

127. Протокол № 17 Новокузнецкого Городского Рабочего Комитета от 04.01.92 г. // Муниципальное автономное учреждение культуры «Новокузнецкий краеведческий музей». – Опись 1. – Раздел 6 (Новокузнецк социалистический).

128. Резолюция общегородского митинга представителей трудовых коллективов г. Междуреченска, проведенного в рамках Всероссийской акции против политики Президента РФ и исполнительной власти (9 апреля 1998 г.) //

Архив Муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Междуреченска.

129. Динамика изменения численности всего персонала угольной отрасли // Текущий архив АО «Росинформуголь».

130. Динамика задолженности по выплате заработной платы (на конец периода) // Текущий архив АО «Росинформуголь».

131. Динамика забастовок на угледобывающих предприятиях в 1996–1999 гг., случаев // Текущий архив АО «Росинформуголь».

132. Добыча угля по бассейнам // Текущий архив АО «Росинформуголь».

133. Доля частных компаний в добыче российских углей // Текущий архив АО «Росинформуголь».

134. Доля средств бюджетного финансирования угольной промышленности в ВВП России, % // Текущий архив АО «Росинформуголь».

135. Заемные средства МБРР в объемах бюджетного финансирования мероприятий по реструктуризации угольной промышленности России (млн. долл.) // Текущий архив АО «Росинформуголь».

136. Коэффициент частоты травматизма со смертельным исходом, случаев на 1 млн. тонн добычи угля // Текущий архив АО «Росинформуголь».

137. Структура использования средств господдержки в 1994 г. // Текущий архив АО «Росинформуголь».

138. Удельный объём средств государственной поддержки угольной отрасли на 1 руб. товарной продукции (в текущих ценах) // Текущий архив АО «Росинформуголь».

139. Коллективные действия Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Текущий архив Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепроф).

140. Обращение к гражданам России представителей шахтерских коллективов Печорского, Ростовского Кузнецкого, Тульского угольных бассейнов, пикетирующих здание Правительства РФ. 14 июня 1998 г. (г. Москва)

// Текущий архив Независимого профсоюза горняков России (НПГ России).

141. Протокол совещания у Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации с представителями шахтеров, пикетирующих здание Правительства Российской Федерации, г. Москва, 30 сентября 1998 г. // Текущий архив НПГ России.

142. Россияне! Товарищи! 21.06.98 // Текущий архив НПГ России.

143. Протокол второй конференции НПГ г. Киселёвска (17.11.1992 г.) // Текущий архив Кузбасской региональной организации НПГ России.

144. Бизюков П.В., Варшавская Е.Я., Донова И.В., Никишов А.А. Аналитический доклад «Социальные проблемы угольной промышленности Кузбасса в 1995 г.» (рукопись) // Личный архив П.В. Бизюкова.

145. Письмо председателя Правительства РФ В. Черномырдина Президенту Международного банка реконструкции и развития г-ну Джеймсу Вулфенсону, 22 мая 1996 г. // Личный архив А.А. Рожкова.

146. Заявление Представителей координационных советов городов Кузбасса (29.07.98 г.) // Личный архив В.Д. Кохно.

147. Обращение к Председателю Правительства Кириенко С.В. и пикетчикам, находящимся на железнодорожных путях Анжеро-Судженска // Личный архив В.Д. Кохно.

148. Председателю Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации Селезневу Г.Н. от Генерального прокурора Российской Федерации Ю.И.Скуратова // Личный архив В.Д. Кохно.

149. Обращение участников митинга протеста учёных Новосибирских научных центров РАН и РАСХ к рабочим предприятий всех отраслей промышленности России // Личный архив Л.А. Совальсковой.

150. Исполнительный комитет НПГ России. 3 октября 1998 года (г. Москва) // Личный архив А.А. Сергеева.

151. Письмо Томского областного Движения «В защиту прав женщин, материнства и детства» бастующим шахтерам Анжеро-Судженска, Юрги, Топков

(г. Томск, 7 июля 1998 г.) // Личный архив П.П. Холопова.

152. Обращение представителей шахтерских регионов к трудящимся России и депутатам обеих палат Федерального Собрания РФ.

153. Обращение Профактива Томской ГРЭС-2 к бастующим жителям Кузбасса (г. Томск, 7 июля 1998 г.) // Личный архив П.П. Холопова.

154. Сводный протокол рассмотрения Правительственной комиссией социально-экономического положения в Кемеровской области и состояния дел в угольной отрасли региона (25.05.98 г., г. Кемерово) // Личный архив П.П. Холопова.

155. Обращение членов организации КПРФ г. Юрги от 8 июля 1998 года // Личный архив А.В. Ярощука.

156. Протокол Рассмотрения предложений по решению проблем шахт ОАО УК «Беловоуголь» (24.05.98 г.) // Личный архив А.В. Ярощука.

157. Протокол Соглашения по вопросам бюджетной сферы между правительственной комиссией Российской Федерации, Администрацией и координационным советом г. Белово (24.05.98 г.) // Личный архив А.В. Ярощука.

158. Протокол Комитета спасения г. Прокопьевска от 12.09.1996 г. // Личный архив Д.В. Воронина.

159. Протокол Комитета спасения г. Прокопьевска от 02.10.1996 г. // Личный архив Д.В. Воронина.

160. Протокол Комитета спасения г. Прокопьевска от 09.10.1996 г. // Личный архив Д.В. Воронина.

161. Протокол Комитета спасения г. Прокопьевска от 15.11.1996 г. // Личный архив Д.В. Воронина.

Статистико-справочная литература

162. Инвестиции в России: Стат.сб./ Госкомстат России. – М., 2001. – 198 с.

163. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2011 гг. [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/2011/I-ipc.htm (дата обращения: 19.12.2016 г.).

164. Междуреченск 1955–2005: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. – Кемерово, 2005. – 144 с.

165. Проблемы и перспективы развития угольной промышленности. Федеральный справочник. Топливно-энергетический комплекс России. [Электронный ресурс]. – URL: http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemi%20i%20perspektivi.pdf (дата обращения: 02.02.2017 г.).

166. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.1/Госкомстат России. – М., 2000. – 604 с.

167. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.1 / Госкомстат России. – М., 2001. – 615 с.

168. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 863 с.

169. Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2001. – 679 с.

170. Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Гос. ком. Рос. Федерации по статистике. Госкомстат России. – М., 2003. – 709 с.

171. Российский статистический ежегодник. 2004: Стат. сб./Росстат. – М., 2004. – 725 с.

172. Российский статистический ежегодник : Стат.сб. / Госкомстат России. – М. : Госкомстат России, 2000. – 643 с.

173. Россия в цифрах: Крат. стат. сб. / Под ред. В.П. Соколина. – М.: Госкомстат России, 2000. – 396 с.

174. Ростовская область. Статистический ежегодник 1998. Стат. сб. / Госкомстат России. Ростовский областной комитет государственной статистики. – Ростов-на-Дону, 1999. – 757 с.

175. Сборник информационно-аналитических обзоров «Угольная промышленность в России» / Под общей редакцией А.Г. Саламатина. – М.: Росинформуголь, 1999. – 184 с.

176. Сборник основных статистических данных о деятельности федерального государственного учреждения «Соцуголь» за период 1998–2010 годы. – М., 2010.

177. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls (дата обращения: 02.04.2016 г.).

178. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003: Стат.сб. / Госкомстат России. – М., 2003. – 463 с.

179. Социальные проблемы и программы местного развития угольных регионов России / Информационный вестник № 2 (апрель 2000 г.). – М.: ГУ «Соцуголь», 2000. – 28 с.

180. Статистический ежегодник Республики Коми : Стат. сб. – Сыктывкар, 2001. – 323 с.

181. Труд и занятость в России: Стат. сб./ Госкомстат России. – М., 1996. – 422 с.

182. Труд и занятость в России. 2003: Стат.сб./Госкомстат России. – М., 2003. – 638 с.

183. Угольная промышленность Российской Федерации за 1992 год. Том II. – М.: ЦНИЭИуголь, 1993. – 283 с.

184. Угольная промышленность Российской Федерации за 1994 год. Том II. – М.: ЗАО «Росинформуголь», 1995. – 238 с.

185. Угольная промышленность Российской Федерации за 1996 год. Том II. – М.: ЗАО «Росинформуголь», 1997. – 213 с.

186. Угольная промышленность Российской Федерации за 1999 год. Том III. – М.: ЗАО «Росинформуголь», 2000. – 135 с.

187. Экспорт важнейших видов промышленных товаров из Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.gks.ru/bgd/regl/B02_48/IssWWW.exe/Stg/d020/i020780r.htm (дата обращения: 15.04.2016 г.).

Источники личного происхождения

188. Воспоминания В.Г. Потапочкина. Стенограмма беседы от 25 сентября 2012 г. // Личный архив И.С. Соловенко.

189. Воспоминания В.Д. Лобова. Стенограмма беседы от 10 августа 2012 г. // Личный архив И.С. Соловенко.

190. Воспоминания В.С. Цыбо. Стенограмма беседы от 15 сентября 2012 г. // Личный архив И.С. Соловенко.

191. Воспоминания Л.А. Совальсковой. Стенограмма беседы от 20 апреля 2009 г. // Личный архив И.С. Соловенко.

192. Воспоминания Н.И. Ситниковой. Стенограмма беседы от 25 мая 2009 г. // Личный архив Соловенко И.С.

193. Воспоминания Ю.А. Каунова. Стенограмма беседы от 25 мая 2015 г. // Личный архив И.С. Соловенко.

194. Лопатин Л.Н., Гордон Л.А., Куделин А.А. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. (Серия – «Люди Кузбасса»). – М.: ИМЭМО РАН, 1998. – 617 с.

195. Частная переписка с А.А. Сергеевым от 10.10.2015 г.

Периодические издания

Журналы

196. Вестник Новосибирского государственного университета. – Новосибирск. – 2010.

197. Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – М. – 2007.

198. Вестник Томского государственного университета. – Томск. – 2016.

199. Вестник Томского государственного университета. История. – Томск.

– 2008, 2010, 2012.

200. Власть. – М. – 1998, 2000.

201. Вопросы истории. – М. – 1984.

202. Вопросы статистики. – М. – 1994.

203. Вопросы экономики. – Москва. – 1998, 1999, 2009–2011, 2013.

204. Горная промышленность. – М. – 2015.

205. Историческая и социально-образовательная мысль. – Краснодар. – 2012.

206. Киселевская правда. – Киселёвск (Кемеровская область). – 1998, 1999.

207. Коммерсантъ-Власть. – М. – 1998.

208. Мир России. – М. – 2006.

209. Мир Севера. – М. – 1998.

210. Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск. – 2009.

211. Новое время. – М. – 1994, 1998.

212. Общественные науки и современность (ОНС). – М. – 1997, 1999.

213. Огни Кузбасса. – Кемерово. – 2004.

214. Омский научный вестник. – Омск. – 2010, 2015.

215. Отечественные архивы. – М. – 2010.

216. Политические исследования (Полис). – М. – 1999, 2004.

217. Полития. – М. – 1999.

218. Профсоюзы и экономика. – М. – 1992, 1998.

219. Регион. – Сыктывкар. – 1998.

220. Российское предпринимательство. – М. – 2015.

221. Россия и современный мир. – М. – 2000.

222. Свободная мысль – XXI. – М. – 2003.

223. Социально-политический журнал. – М. – 1995.

224. Социологические исследования (Социс). – М. – 1992, 1993, 1995–1997, 2001–2003, 2008, 2009.

225. Трибуна. – Сыктывкар. – 1998.

226. Уголь. – М. – 1992–1995, 1998–2001, 2003, 2005.

227. Человек и труд. – М. – 1996.

228. ЭКО. – Новосибирск. – 1997, 2011, 2015, 2017.

229. Экономическая социология. – М. – 1998.

230. Эксперт. – М. – 1999.

Газеты

231. Аргументы и Факты. – М. – 1995, 1998.

232. В бой за уголь. – Киселёвск (Кемеровская область). – 1992–1994.

233. Вестник (компания «Прокопьевскуголь»). – Прокопьевск. – 1998.

234. Вечерний Ростов. – Ростов-на-Дону. – 1998.

235. Вечерний Челябинск. – Челябинск. – 1998.

236. Вечерняя Москва. – М. – 1998.

237. Владивостокское время. – Владивосток. – 1995.

238. Выбор. – Артём (Приморский край). – 1993, 1994, 1998, 1999.

239. Горняцкая солидарность. – Новокузнецк. – 1992, 1994, 1997–1999.

240. Городская газета. – Ленинск-Кузнецкий. – 1996–1998.

241. Заполярье. – Воркута (Республика Коми). – 1992–1999.

242. Знамя шахтера. – Междуреченск (Кемеровская область). – 1995.

243. Знамя шахтера. – Новошахтинск (Ростовская область). – 1998.

244. Известия. – М. – 1993, 1994, 1998, 1999.

245. Искра. – Инта (Республика Коми). – 1995–1999.

246. Киселевская правда. – Киселёвск (Кемеровская область). – 1998, 1999.

247. Коммерсантъ daily. – М. – 1998.

248. Контакт. – Междуреченск (Кемеровская область). – 1997–1999.

249. Красная звезда. – М. – 1998.

250. Красное знамя. – Владивосток. – 1996–1998.

251. Красное знамя. – Сыктывкар. – 1998.

252. Красносулинский вестник. – Красносулинск (Ростовская область). – 1998.

253. Красноярский рабочий. – Красноярск. – 1998.

254. Кузбасс. – Кемерово. – 1992–2000, 2002.

255. Кузнецкий край. – Кемерово. – 1997–1999.

256. Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк. – 1997.

257. Мир Севера. – М. – 1998.

258. Мой город. – Берёзовский (Кемеровская область). – 1994, 1995.

259. Молодежь севера. – Сыктывкар. – 1998.

260. Молот. – Ростов-на-Дону. – 1998.

261. Московские новости. – М. – 1995, 1998.

262. На-гора! (Газета профсоюза работников угольной промышленности). – М. – 1992–1999.

263. Наш город. – Анжеро-Судженск (Кемеровская область). – 1994, 1996, 1998.

264. Наша газета. – Кемерово. – 1990–1999.

265. Наше время. – Ростов-на-Дону. – 1998.

266. Невское время. – СПб. – 1997, 1998.

267. Независимая газета. – М. – 1998.

268. Новая газета. – Юрга (Кемеровская область). – 2008.

269. Новые Известия. – М. – 1998.

270. Огни Воргашора (ОАО шахта «Воргашорская»). – Воркута. – 1997.

271. Огни «Распадской» (газета ЗАО «Распадская»). – Междуреченск (Кемеровская область). – 2000.

272. Парламентская газета. – М. – 1999.

273. Пласт (Еженедельная газета горняков Дона). – Шахты (Ростовская область). – 1998, 2015.

274. Правда. – М. – 1997.

275. Приазовский край. – Ростов-на-Дону. – 1998.

276. Призыв. – Юрга (Кемеровская область). – 1998.

277. Рабочая трибуна. – М. – 1998.

278. Резонанс. – Юрга (Кемеровская область). – 1998.

279. Российская газета. – М. – 1998.

280. Российская Федерация сегодня. – М. – 2010.

281. Санкт-Петербургские Ведомости. – СПб. – 1998.

282. Сибирский курьер. – Новосибирск. – 1998.

283. Советская Россия. – М. – 1998.

284. Труд. – М. – 1998.

285. Трудовой Новокузнецк. – Новокузнецк. – 1997, 1998.

286. Финансовая Россия. – М. – 1998.

287. Шахтер (газета шахты «Байдаевская»). – Новокузнецк. – 1994.

288. Шахтерская правда. – Прокопьевск (Кемеровская область). – 1996–1999.

289. Шахтерское слово (орган трудового коллектива шахты «Нагорная»). – Новокузнецк. – 1992, 1994, 1995.

290. Южноуральская панорама. – Челябинск. – 1999.

291. Южный Кузбасс (газета акционерной компании «Кузнецкуголь»). – Новокузнецк (Кемеровская область). – 1995, 1996.

Видеоисточники

292. «Рельсовая война» в г. Шахты Ростовской области в мае 1998 г. (видеофильм) // Личный архив Ю.А. Каунова.

Интернет-ресурсы

293. Официальный сайт газеты «Время новостей». – URL: http://www.vremya.ru (дата обращения: 11.04.2016 г.).

294. Официальный сайт журнала «Отечественные записки». – URL: http://www.strana-oz.ru (дата обращения: 26.12.2016 г.).

295. Официальный сайт журнала «Northstar Compass». – URL: http://www.northstarcompass.org/ (дата обращения: 27.02.2017 г.).

296. Официальный сайт Издательского дома «БИБЛИО-ГЛОБУС». – URL:

https://bgscience.ru/ (дата обращения: 17.02.2017 г.).

297. Официальный сайт Издания «Федеральный справочник». – URL: http://federalbook.ru/ (дата обращения: 27.02.2017 г.).

298. Официальный сайт Института социологии Российской Академии наук. – URL: http://www.isras.ru/ (дата обращения: 27.11.2015 г.).

299. Официальный сайт «История новой России». – URL: http://www.ru-90.ru (дата обращения: 29.12.2014 г.).

300. Официальный сайт «Коллективное действие». – URL: http://www.ikd.ru/ (дата обращения: 03.01.2015 г.).

301. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 05.04.2016 г.).

302. Официальный сайт научной электронной библиотеки «Гражданское общество в России». – URL: https://www.civisbook.ru/ (дата обращения: 26.12.2016 г.).

303. Официальный сайт Президента России. – URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 05.12.2016 г.).

304. Официальный сайт Северо-Кавказского федерального университета. – URL: http://www.ncfu.ru/ (дата обращения: 06.04.2017 г.).

305. Официальный сайт управления научных исследований СПбГУ. – URL: http://csr.spbu.ru (дата обращения: 13.04.2016 г.).

306. Официальный сайт Федерального образовательного портала «Экономика. Социология. Менеджмент». – URL: http://ecsocman.hse.ru (дата обращения: 06.10.2015 г.).

307. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 02.04.2016 г.).

308. Официальный сайт Фонда Общественное мнение. URL: http://fom.ru/ (дата обращения: 16.10.2015 г.).

309. Официальный сайт электронного журнала «Деловой Кузбасс». – URL: http://delkuz.ru (дата обращения 23.12.2012 г.).

310. Официальный сайт Электронной библиотеки «Нестор». – URL: http://www.libelli.ru/ (дата обращения: 24.09.2015 г.).

311. Официальный сайт BBC NEWS. – URL: http://www.bbc.com/news (дата обращения: 14.04.2016 г.).

312. Официальный сайт «Encyclopedia.com». – URL: http://www.encyclopedia.com (дата обращения: 23.12.2017 г.).

313. Официальный сайт Future Academy. – URL: http://www.futureacademy.org.uk/ (дата обращения: 03.02.2017 г.).

314. Официальный сайт SHS Web of Conferences. – URL: http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20162801062 (дата обращения: 03.02.2017 г.).

315. Официальный сайт Social Science Open Access Repository. – URL: http://www.ssoar.info (дата обращения: 14.04.2016 г.).

316. Сетевой портал журнала «Полис». – URL: http://www.polisportal.ru. (дата обращения 03.02.2017 г.)

Литература

Статьи, монографии, учебные пособия

317. Автономов В. Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 4–23.

318. Андреев В.П. От «шокотерапии» к «рельсовой войне» // Бюллетень центра изучения протестного движения в Кузбассе. Материалы круглого стола г. Прокопьевск. – Прокопьевск, 2005. – С. 9–12.

319. Андреев В.П. Ремесло историка или синдром перестроечной публицистики // Бюллетень центра изучения протестного движения в Кузбассе. Материалы круглого стола г. Прокопьевск. – Прокопьевск, 2005. С. 68–76.

320. Андреев В.П., Воронин Д.В. Шахтёры и шахтёрское движение в Кузбассе в 1989–1991 гг. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 160 с.

321. Андреев В.П. Лопатин Л.Н. Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения. Кемерово, 2009 // Вестник Томского государственного университета. История. – 2010. – № 2 (10). – С. 133–135.

322. Андреев В.П., Соловенко И.С. Проблемы власти в русской ментальности: учебно-методическое пособие; Юргинский технологический институт. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – 138 с.

323. Андреенкова Н.В., Г.А. Воронченкова. Развитее трудовых конфликтов в России в период перехода к рыночной экономике // Социс. – 1996. – № 1. – С. 24–31.

324. Анисимов Р.И. Деформация классовых свойств у российских рабочих в конце XX – начале XXI столетия // Вестник РГГУ. – № 2–3/07. – 2007. – С. 180–190.

325. Анисимова Г.В. Оплата труда и забастовочная активность трудящихся в 1990–2000 годы // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение / Под ред. Д.О. Чуракова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 60–72.

326. Архипов П. Нужна не подачка, а продуманная политика // Искра. – 1998. – 19 мая.

327. Асланиди А. О критическом положении в Кемеровской области // Наша газета. – 1998. – 10 июля.

328. Астахов А.С., Климов С.Л. Преодолеть тенденцию свертывания отраслевой экономической науки // Уголь. – 2000. – № 4. – С. 9–12.

329. Бабаева С. «Генералы» угля живут отлично // Известия. – 1998. – 3 июля. – С. 2.

330. Багаев Е. Тулеев разблокировал Транссиб. На неделю? // Кузнецкий край. – 1998. – 21 июля.

331. Бальбуров Д. Куда уходят деньги // Московские новости. – 1998. – № 4 (1–8 февраля). – С. 13.

332. Баринова В.И. Консенсус как одно из главных условий разрешения политических конфликтов // Социально-политический журнал. – 1995. – № 5. – С. 211–215.

333. Бернштейн А. Печорский угольный бассейн: итоги, планы, проблемы // Регион. – 1998. – № 3. – С. 32–33.

334. Бизюков П. Управленческие ошибки как угроза государственной безопасности (Мониторинг трудовых конфликтов в угольной отрасли) // ЭКО. – 1997. – № 9. – С. 131–141.

335. Бизюков П. Шахтёры о себе: жить по-старому не хотим // Кузбасс. – 1992. – 28 января.

336. Бизюков П. Цели у «команд» разные, средства – те же // Кузнецкий край. –1998. – 4 июля.

337. Бизюков П. Реструктуризация закончена. А была ли она? // Кузбасс. – 2002. – 12 марта.

338. Бизюков П., Бурнышев К. Реформой – по углю! // ЭКО. – 1997. – № 2. – С. 87–99.

339. Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка // Социс. – 1995. – № 10. – С. 44–52.

340. Бизюков П.В. Такое ненадежное «черное золото» (записал Н. Счетчиков) // Аргументы и факты в Кузбассе. – 1995. – № 9 (март). – С. 2.

341. Бизюков П.В. Подземная шахтёрская забастовка. – М.: РАФ ПРОФИО. – 1995. – 53 с.

342. Бизюков П. Российские профсоюзы в 1990-е годы: траектория развития // Профсоюзное пространство современной России. – М., 2001. – С. 19–43.

343. Бизюков П.В., Варшавская Е.Я. История закрытия двух шахт в Кузбассе, поучительная прежде всего тем, что подобное может повториться в других городах и отраслях. – М.: РАФ ПРОФИО. – 1994. – 16 с.

344. Бирюков С. Политика. Общество, власть и фактор лидерства // Свободная мысль-21. – 2003. – № 4. – С. 4–20.

345. Бирюков С. Политическая динамика Кузбасса на рубеже XX и XXI веков // Свободная мысль. XXI. – 2003. – 30 апреля. – С. 10.

346. Бирюкова О.В. Реструктуризация угольной промышленности Кузбасса в середине 1980-х – начале 2000-х гг. (на примере г. Кемерово) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: сборник научных статей. Вып. 2 / отв. ред. А. А. Зеленин, Е. С. Генина. – Кемерово, 2012. – С. 217–222.

347. Блинов Н.В., Желтова В.П., Иванова Н.А., Кирьянов Ю.И., Пушкарева И.М. О методике составления хроники и статистики рабочего движения в России периода капитализма (1861 г. – февраль 1917 г.) // Вопросы истории. – 1984. – № 11. – С. 60–78.

348. Богопольский И.Е., Климов С.Л., Проскуряков В.В. Угольная промышленность и рыночные отношения: предварительные результаты реструктуризации // Уголь. – 1999. – № 12. – С. 31–36.

349. Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтёрского движения за 1989–99 гг.). – М.: ИСИТО, 2001. – 416 с.

350. Борисов В. Шахтёры в рабочем движении // Российский независимый профсоюз угольщиков – организованные действия в условиях реструктуризации угольной промышленности. – М., 1996. – С. 91–110.

351. Борисов В.А. Чем заняться за Полярным кругом? Начало реформ в Воркуте // Социс. – 1996. – № 10. – С. 22–35.

352. Борисов В.А. Ночное домино на Октябрьской площади: Социологические заметки о забастовке в Донбассе (7–20 июня 1993 года). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 271 с.

353. Борисов В., Бурнышев К. Кузбасс: дым перед большим огнем // ЭКО. – 1997. – № 9. – С. 115–129.

354. Борисов В., Бизюкова В., Бурнышев К. Горняки на рельсах. Что заставило судженцев перекрыть Транссиб? // На-гора! – 1995. – № 5–6, январь. – С. 5.

355. Борисов В.А., Бизюкова В.А., Бурнышев К.В. Конфликт на угледобывающем предприятии // Социс. – 1995. – № 3. – С. 57–68.

356. Будько В. Так какие же профсоюзы теперь «государственные»? // На-гора! – 1992. – № 24, июль. – С. 2.

357. Будько В. Наша задача – сохранить угольную промышленность и защитить шахтеров от безработицы // Человек и труд. – 1994.– № 2. – С. 99–102.

358. Будько В.И. Современное положение и основные задачи Российского независимого профсоюза угольщиков в условиях реструктуризации угольной промышленности // Российский независимый профсоюз угольщиков – организованные действия в условиях реструктуризации угольной промышленности. – М.: Росуглепрофсоюз, 1996. – С. 55–76.

359. Букетов К. Коллективные действия профсоюзов и стачечное движение в России в 1995 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.libelli.ru/magazine/96_1/1_96_2_7.htm (дата обращения: 24.09.2015 г.).

360. Булавка Л.А. Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в современной России. – М.: Едиоториал УРСС, 2004. – 176 с.

361. Буткин Н.А. Нужна ли Приморью своя угольная промышленность? // На-гора! – 1995. – № 19–20, май. – С. 3.

362. Буфина Н.Э. Развитие системы социального партнёрства на угольных предприятиях Кузбасса в XXI в. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2012. – С. 237–243.

363. Бызов Л.Г. Первые контуры «постпереходной эпохи» // Социс. – 2001. – № 4. – С. 3–15.

364. Бызов Л.Г. Новый политический консенсус в России. От государства «смуты» к государству «термидора» // Россия и современный мир. – М. 2000. – № 3 (28). – С. 42–54.

365. Васильев В., Живописцев М. Забастовка: «за» и «против» // Кузбасс. – 1993. – 30 ноября.

366. Виленский А., Домнина И. Система социальной поддержки населения: уроки кризиса и региональный опыт // Вопросы экономики. – 1999. – № 2. – С. 74–84.

367. Водолазов А. Кто «заказал» Эдуарда Кинстлера? // Наша газета. – 1999. – 23 сентября. – С. 2.

368. Водолазов А. Угольный шантаж. Шахтеры как зеркало русского лоббизма // Новое время. – 1998. – № 21 (31 мая). – С. 9.

369. Водолазов А. Угольный шантаж // Известия. – 1998. – 10 июля. – С. 5.

370. Воейков М.И. Рабочий вопрос в России // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. – М., 2004. – С. 13–18.

371. Воейков М.И. Проблема дифференциации рабочего класса в постсоветской России // Кузбасс на рубеже веков : экономика, политика, культура : сборник статей / Томский гос. ун-т; под ред. В.П. Андреева, А.В. Бузгалина, Д.В. Воронина. – Томск: НТЛ, 2008. – С. 28–41.

372. Воейков М.И. Рабочее движение в системе общественных отношений постсоветской России // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общ. ред. Д.В. Воронина. – Томск: Изд-во «Оптимум», 2009. – С. 32–44.

373. Воронин Д.В. От рабочих комитетов – к комитетам спасения // Бюллетень центра изучения протестного движения в Кузбассе. Материалы круглого стола г. Прокопьевск. – Прокопьевск, 2005. – С. 12–18.

374. Воронин Д.В. Влияние реструктуризации угольной промышленности на социально-политические процессы в Кузбассе в 1990-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2008. – № 3 (4). – С. 74–80.

375. Воронин Д.В. Протестные выступления в Кузбассе в 90-х гг.: смена парадигм // Проблемы истории Кузбасса. – Прокопьевск, 2002. – С. 91–98.

376. Воронин Д.В. Кузбасс в период радикальных рыночных реформ: экономический и социально-политический аспекты // Кузбасс на рубеже веков:

экономика, политика, культура [сборник статей]. – Томск: Издательство научно-технической литературы, 2008. – С. 69–88.

377. Воронин Д.В., Воронина Н.В. Голоса шахтёров 90-х. – Томск: Графика, 2013. – 110 с.

378. Ворошилова Н. Финансово-промышленная группа в роли спасательного круга // Кузбасс. – 1994. – 9 февраля.

379. Гайдар Е.Т. Почему в Москве жить хорошо // Московские новости. – 1998. – № 7 (22 февраля – 1 марта). – С. 17.

380. Галиев А. Угольная среда // Эксперт. – 1999. – 15 февраля.

381. Галкин А. Долгое эхо «рельсовой войны» // Финансовая Россия. – 1998. – 17 сентября. – С. 1, 6.

382. Гвоздева Е.А. Протестный потенциал и перспективы развития профсоюзов / Под ред. Т.В. Павловой и С.В. Патрушева. М., 2005. С. 211–218. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=935 (дата обращения: 27.11.2015 г.).

383. Гвоздева Е.А., Минин М.А. Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах: опыт сравнительного исследования / Под ред. Т.В. Павловой и С.В. Патрушева. М.: ИСПРАН, 2005. С. 176–181. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=935 (дата обращения: 27.11.2015 г.)

384. Гимпельсон В. Политическая экономия российского рынка труда // Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда / Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. – М., 2001. – С. 16–53.

385. Гиренко Ю. Эту «рельсовую войну» проиграла вся Россия // Вечерний Ростов. – 1998. – 25 мая.

386. Голанд Ю. Опыт индустриализации при нэпе и его использование в современных условиях // Вопросы экономики. – 2013. – № 10. – С. 109–135.

387. Голанд Ю. Сравнение реформ периода нэпа и постсоветской России // Вопросы экономики. – 2010. – № 4. – С. 82–99.

388. Голиков В. О состоянии и перспективах развития рабочего движения в СССР // Наша газета. – 1990. – 8 мая. – С. 2.

389. Голицын Б. Самоубийцы. Почему? // Киселевская правда. – 1998. – 29 октября.

390. Головенко А. Нина Останина: «Угрожая шахтерам, власть играет с огнем» // Заполярье. – 1998. – 15 мая.

391. Голяев А. Не подмешивать уголь в политику // Известия. – 1993. – 9 декабря. – С. 1.

392. Гончаренко Д.П. Человеческий фактор в угольном бизнесе // Уголь. – 2005. – № 11. – С. 46–50.

393. Гончаров В., Иванов Д., Чичкин А. У последней рельсовой черты // Российская газета. – 1998. – 8 августа. – С. 3.

394. Горбанева С. Борис Немцов в Шахтах: взгляд из 1998-го… // Пласт. – 2015. – 15 марта. – С. 4.

395. Гордон Л.А. Очерки рабочего движения в послесоциалистической России : Субъективные наблюдения, соединённые с попыткой объективного анализа промежуточных результатов исследования / Л.А. Гордон; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН и др. – М: Солидарность, 1993. – 76 с.

396. Гордон Л.А. Крутой пласт: Шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / Под ред. Л. Гордона, Э. Клопова, И. Кожуховского. – М.: Комплекс-Прогресс, 1999. – 352 с.

397. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. – Т. 1: Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 304 с.

398. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 512 с.

399. Гордон Л., Темкина А. Рабочее движение в постсоциалистической России // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. – С. 31–44.

400. Грицко Г.И., Кочетков В.Н., Лазаренко С.Н. Угольная промышленность: состояние и перспективы развития // Уголь. – 1999. – № 4. – С. 21–24.

401. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 288 с.

402. Девяткин Г.Т. Участие рабочего класса Кузбасса в преобразованиях в обществе на рубеже 80–90-х гг. XX века // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: Материалы III Всероссийских научных чтений. 17–18 декабря 2003 года, Кемерово. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 217–219.

403. Дегтярев А., Жигунов Л. Политическая идентичность шахтеров Восточного Донбасса: перспективы рабочего движения в России // Власть. – 2000. – № 12. – С. 9–15.

404. Демкин Д. Приморские шахтеры готовят социальный взрыв // Коммерсантъ daily (Москва). – 1998. – 28 января. – С. 3.

405. Демчик Е.В. Частный капитал и государственная власть в Сибири: диалог середины 1920-х гг. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Редколлегия: Скубневский В.А., Разгон В.Н., Гончаров Ю.М. – Барнаул, 2001. – С. 91–104.

406. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов) / Е. Адаев, Л. Берсенева, И. Галкина и др. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004. – 132 с.

407. Депутаты не захотели помочь шахтерам // Искра. – 1998. – 10 февраля.

408. Дмитриев А.В., Степанов Е.И., Чумиков А.Н. Российский социум в 1995 году: конфликтологическая экспертиза (первое полугодие) // Социс. – 1996. – № 1. – С. 6–23.

409. Дмитриев М. Социальная сфера в условиях финансового кризиса: проблемы адаптации // Вопросы экономики. – 1999. – № 2. – С. 53–64.

410. Достижения и ошибки реформаторов. Интервью с Я.М. Уринсоном. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ru-90.ru/node/300 (дата обращения: 29.12.2014 г.).

411. Дюпин А.Ю. Угольная промышленность Кузбасса и ее перспективы // Уголь. – 2005. – № 4. – С. 9–13.

412. Егоренко А. Шахтеры уходят из ОВР // Известия. – 1999. – 27 октября.

413. Егорова Е. Красный уголёк. Почему Кузбасс за Зюганова // На-гора! – 1996. – № 19–20, август. – С. 7.

414. Емченко Ф., Косвинцев А. Шахтеры на рельсах // Труд. – 1998. – 21 мая. – С. 1.

415. Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт: монография / А.Н. Крестьянинов, О.М. Кукса, Р.И. Лаврентьева, Н.М. Маслова ; Под общ. ред. Миловидова Ю.Н., Крестьянинова А.Н.; Акад. тр. и социал. отношений, Междунар. ин-т экономики и права. – М., 1998. – 208 с.

416. Заболотская К.А. Нарастание кризиса в угольной промышленности Кузбасса во второй половине 70-х – 90-е годы // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. науч. тр. / отв. ред. Л. И. Гвоздкова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 64–76.

417. Заболотская К.А. Угольная промышленность Кузбасса в условиях постсоветской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Том 9, выпуск 1: История. С. 227–233.

418. Заболотская К.А., Некрасова Г.С. Рабочее движение и реформационные процессы в Кузбассе (конец 80-х – конец 90-х гг.) // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории: сб. науч. тр. / отв. ред. Л. И. Гвоздкова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 76–92.

419. Заболотская К.А., Некрасова Г.С. Проблемы источниковедения и историографии протестного движения в Кузбассе в конце XX – начале XXI вв. // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных

трансформаций XX века. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общ. Ред. Д.В. Воронина. – Томск, 2009. – С. 47–54.

420. Задорин И.В., Стребков Д.О. Массовый протест в России во второй половине 1990-х годов: влияние экономических факторов // Полития. – 1999–2000. – № 4 (14). – С. 64–78.

421. Зайденварг В., Ковальчук А., Сараев В., Золотарев В., Чудинов А. Реинжиниринг экономики угледобывающих городов. Социальный аспект структурных преобразований // Человек и труд. – 1998. – № 5. – С. 32–36.

422. Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда / Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. – М., 2001. – 216 с.

423. Здравомыслов А.Г. Проблемы организации труда и динамика конфликтных ситуаций // Трудовые отношения и социальные конфликты в современной России. – М.: Современная экономика и право, 2004. – С. 106–111.

424. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 258 с.

425. Зиновьев В.П. Классики марксизма о характере рабочего движения в России // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 402. – С. 57–65.

426. Из истории забастовочного движения шахтеров // Уголь. – 2005. – № 10. – С. 73–75.

427. Илларионов А. Мифы и уроки августовского кризиса // Вопросы экономики. 1998. – № 12. – С. 12–22.

428. Ильин В.И. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). – Сыктывкар: Сыктывкарский университет, ИСИТО, 1998. – 270 с.

429. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. – М.: «Экономика», 2000. – 295 с.

430. История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Т. 2. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – 704 с.

431. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской

истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 1998. – 702 с.

432. Казьмин В.Н. Рабочее движение в 1989–1990 годы. (К двадцатилетию шахтерских забастовок в СССР) // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2009. – № 4. – С. 45–52.

433. Капелюшников Р. Задержки заработной платы: микроэкономический подход // Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труд. / Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. – М., 2001. – С. 54–105.

434. Карагодин Л.Н. О выездном заседании правления Российской угольной компании и заседании Совета директоров угольной промышленности России // Уголь. – 1994. – № 4. – С. 3–4.

435. Как расходовались деньги 1-го «угольного» займа // На-гора! – 1997. – № 13–14, сентябрь. – С. 8.

436. Карзова В. «Чтобы угольная отрасль жила и развивалась!» – именно за это, а не за забастовку выступает Независимый профсоюз горняков Кузбасса // Наша газета. – 1993. – 27 февраля. – С. 2.

437. Карзова В. Шахтерская карта пока в руках … шахтеров // Наша газета. – 1993. – 20 марта. – С. 1.

438. Карпенко К.С. Шахтерское забастовочное движение в 1989–1991 годах: роль в политическом процессе // История современной России: проблемы, документы, факты (1985–1999) / Материалы Международной конференции, 25 ноября 2010 года: В 2 т. Т. 1. – М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2011. – С. 380–390.

439. Катальников В.Д., Кобяков А.А. Уголь и шахтеры в Государстве Российском. Экономический и социально-исторический аспекты. – М.: СПЦ «Сувениры.ру». 2004. – 392 с.

440. Кацва А. Россия 1990-х: протестное движение // Отечественные записки. – 2003. – № 3. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.strana-oz.ru/2003/3/rossiya-1990-h-protestnoe-dvizhenie (дата обращения: 26.12.2016 г.).

441. Кацва А.М. Протестное движение рабочего класса // Социс. – 2008. – № 3. – С. 38–42.

442. Кацва А.М. Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наемных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности. – М.; СПб.: Летний сад, 2002. – 200 с.

443. Кертман Г.Л. На повестке дня – социальные потрясения [Электронный ресурс]. – URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/o837501. (дата обращения: 13.02.2015)

444. Кертман Г.Л. «Рельсовая война» в политическом измерении [Электронный ресурс]. – URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/form_anti/o836301. (дата обращения: 13.02.2015)

445. Кертман Г.Л. Шоковая психотерапия [Электронный ресурс]. – URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/o840602 (дата обращения: 13.02.2015).

446. Кисельникова Т.В. Трудно ли быть историком? (О книге Л. и Н. Лопатиных «Антилиберализм и либерализм в Кузбассе» – М., 2003) // Бюллетень центра изучения протестного движения в Кузбассе. Материалы круглого стола г. Прокопьевск. – Прокопьевск, 2005. – С. 60–68.

447. Кисельникова Т.В. Класс: проблемы методологии определения // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общ. Ред. Д.В. Воронина. – Томск, 2009. – С. 10–17.

448. Кисельникова Т.В. Историком быть все-таки трудно (Рец. Лопатин Л.Н. Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения. Кемерово, 2009) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2010. – № 2 (10). – С. 129–132.

449. Кларк С. Профсоюзы и неплатежи заработной платы в России // Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда / Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. – М., 2001. – С. 189–210.

450. Клеман К. Подъем гражданских протестных движений в закрытой политической системе: потенциальный вызов господствующим властным отношениям? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ikd.ru/node/78 (дата обращения: 03.01.2015 г.)

451. Клемент К. Предпосылки коллективных акций протеста на предприятиях // Социс. – 1996. – № 9. – С. 69–76.

452. Климов И.А. Протестное движение в России: взаимная обусловленность стратегий сторон // Полис. – 1999. – № 1. – С. 148–162.

453. Климов И.А. Шахтёры в «рельсовой войне»: субъект социального действия или объект манипуляции? // Мир России. 1999. – Т. VIII. – № 3. – С. 133–152.

454. Климова С.Г. Стратегии сторон трудовых конфликтов // ОНС. – 1997. – № 2. – С. 60–69.

455. Климова С.Г. Профсоюзы в поисках влияния / Россия реформирующаяся: Ежегодник–2005 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2006 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Profsoyzi%20v%20poiskah%20vliyaniya.pdf (дата обращения: 12.04.2016 г.)

456. Кобяков А. Надо входить во власть // На-гора! – 1997. – № 13–14, сентябрь. – С. 8.

457. Ковальская Г. Шахтеры и президент // Новое время. – 1994. – № 11, март. – С. 4–6.

458. Кожуховский И. Реформа угольной промышленности: как это было, как это будет… Бывший замминистра Минтопэнерго о перспективах преобразования в Кузбассе и России // Наша газета. – 1999. – 22 июля. – С. 2.

459. Козина И.М. Забастовки в современной России // Социс. – 2009. – № 9. – С. 13–24.

460. Козлов А.И., Козлов А.А., Кислицын С.А., Попова Н.А. Власть на Дону. От первого атамана до первого губернатора (Краткие исторические очерки). – Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство (Ростиздат). 1999. – 128 с.

461. Конев М. Забастовка: почему пошли на нее? // Южный Кузбасс. – 1996. – 6 февраля.

462. Конев М. Уголь добываем, продаем, но плохо живем. Почему? // Южный Кузбасс. – 1995. – 29 августа.

463. Кондратьева Е.В. Новые реалии функционирования отрасли и социальные проблемы угольных предприятий на примере Кузбасса // Уголь. – 2003. – № 5. – С. 33–35.

464. Кондратюков С.В., Никифоров О.А. История, теория и практика управления хозяйственными системами: учебное пособие; Юргинский технологический институт. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2010. – 185 с.

465. Коновалов А.Б. Кемеровский областной Совет депутатов в период становления институтов представительной демократии (1990–1993 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 244–259.

466. Константинов В. Найден ответ на извечный вопрос «Кто виноват?» // Рабочая трибуна. – 1998. – 26 мая.

467. Королев Ю. Далеко от Москвы. Акция интинских шахтеров глазами очевидца // Заполярье. – 1998. – 22 мая.

468. Косвинцев А. Аман Тулеев: «Есть опасность новой «рельсовой войны» // Кузнецкий край. – 1999. – 22 мая.

469. Косвинцев А. Главную «занозу» угольщиков пока не вытащили // Кузнецкий край. – 1999. – 21 января.

470. Костюковский В. Тулеев, Кислюк и другие // Наша газета. 1992. 4 апреля. С. 11.

471. Кравченко К.А. Шахтерские забастовки: проблемы исследования // Социс. – 1995. – № 10. – С. 59–62.

472. Красильников С.А. Механизмы разрешения трудовых конфликтов в Сибири 1920-х годов // ЭКО. – 2015. – № 4. – С. 161–176.

473. Красильников С.А. От забастовок к «волынкам»: рабочие протесты в советской стране 1920-х годов // ЭКО. – 2017. – № 1. – С. 176–189.

474. Красильникова Ю. Кто рвется во власть на спинах шахтеров? // Наш город. – 1998. – 4 июля.

475. Кузнецов А. Первичная организация: проблемы встраивания в профсоюзную структуру // Профсоюзы России: организация или пространство? / Под ред. В. Борисова, С. Кларка. – М.: ИСИТО, 2004. – С. 35–81.

476. Кузнецов Н. Реструктуризация углепрома: оказывается она жива… // Наша газета. – 1999. – 27 мая. – С. 3.

477. Левицкий Я. Коммунисты не виноваты в том, что шахтеры затеяли «рельсовую войну» // Известия Юг. – 1998. – 30 мая.

478. Левчик Д.А. Забастовочное движение шахтеров 1988–1991 гг. // Социс. – 2003. – № 10. – С. 111–119.

479. Левчик Д.А. Политический «хэппенинг» // Социс. – 1996. – № 8. – С. 51–56.

480. Лень П.М. Горбатый мост или Прозрение в преисподней. – М. : Форум, 1999. – 291 с.

481. Лобанова М. Реструктуризация: возможен другой путь? // Кузбасс. – 1997. – 20 августа.

482. Лопатин Л. Дубина – инструмент не строительный. Рейтинг рабочих комитетов падает. Почему? // Наша газета. – 1992. – 12 июня. – С. 5.

483. Лопатин Л.Н. История рабочего движения Кузбасса (1989–1991 гг.) / Каф. отеч. истории КГМА. – Кемерово, 1995. – 304 с.

484. Лопатин, Л.Н. Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения.) / Л. Н. Лопатин ; ГОУ ВПО Кемеров. гос. мед. акад., каф. истории и психологии. – Кемерово : [s. n.], 2009. – 224 с.

485. Лопатин Л.Н. Политические уроки рабочего движения Кузбасса. К 20-летию шахтерской забастовки [Электронный ресурс]. – URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/New_electr/Lopatin_2010_Uroki_Kuzbassa.pdf (дата обращения: 11.04.2016 г.).

486. Лопатин Л.Н., Голиков В.М., Асланиди А.В., Кислюк М.Б. Несколько тезисов о рабочем движении Кузбасса // Наша газета. – 1991. – 5 июня. – С. 9.

487. Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Антилиберализм и либерализм в Кузбассе (серия – «Люди Кузбасса») / Научный редактор А.А. Данилов. – М.: ООО «Новый фактор», 2003. – 104 с.

488. Лопатников Л.И. Перевал: Из истории рыночных реформ в России. – М. – СПб.: Норма, 2006. – 392 с.

489. Луцкий Ю. Реструктуризация по-Российски // Горняцкая солидарность. – 1998. – 29 мая.

490. Лынев Р. Пламенные борцы – 89, чой-то вас не видно?.. // Кузбасс. – 1998. – 11 июля.

491. Мазикин В.П. Угольный Кузбасс: этапы развития // Уголь. – 2003. – № 3. – С. 3–8.

492. Майдаров В. В какого «дурака» играют профсоюзы – подкидного или переводного? // Шахтёрская правда. – 1998. – 13 марта.

493. Майдаров В. Ох, не зря президент делает заявления о силовом захвате конституционной власти в России! // Шахтерская правда. – 1998. – 14 июля.

494. Майдаров В. Хотя политика реструктуризации признана ущербной, но «золотого дождя» госдотаций из Москвы не ожидается // Шахтёрская правда. – 1998. – 30 января.

495. Максимов Б.И. Рабочие как акторы процесса трансформаций // Социс. – 2008. – № 3. – С. 29–33.

496. Максимов Б.И. Шахтёры, власть, народ // Социс. – 1999. – № 4. – С. 101–109.

497. Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000-х годов. – СПб.: Наука, 2004. – 277 с.

498. Максимов Б.И. Рабочие как объект и субъект радикальных трансформаций // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века. Материалы Всероссийской научной конференции. Под общ. ред. Д.В. Воронина. – Томск: Изд-во «Оптимум», 2009. – С. 18–32.

499. Малева Т. Долг перед задолженностью // Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труд. / Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. – М., 2001. – С. 7–15.

500. Малофеевская Л.Н. Город на большой Инте. – Сыктывкар: ОАО «Коми республиканская типография», 2004. – 384 с.

501. Маслова Е.С., Деденева Н.А., Чернобай И.И., Погребной Д.А. Богданов А.Н. Реструктуризация предприятий Печорского угольного бассейна // Технология горного производства и социально-экономические проблемы регионов Восточного Донбасса. Сборник научных работ и тезисов докладов студентов и аспирантов Шахтинского института НГТУ. – Шахты: Издательство Южно-Российского отделения Академии горных наук РФ, 1998. – С. 62–64.

502. Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. – 2009. – № 2. – С. 4–23.

503. Международное рабочее движение (Вопросы истории и теории). В семи томах. Глав. ред. комиссия: Б.Н. Пономарев (пред.) и др. Т. 1. Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса. – М., «Мысль», 1976. – 668 с.

504. Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 8. В борьбе за мир и социальное обновление общества (середина 40-х – первая половина 80-х годов) / Редкол.: В.В. Загладин, А.С. Черняев (отв. ред.) и др.; Введ. И заключение ко всему изданию Б.Н. Пономарева. – М.: Мысль, 1985. – 686 с.

505. Место профсоюзов в системе регулирования трудовых отношений / П.В. Бизюков, В.А. Бизюкова, К.В. Бурнышев, И.В. Донова. – М: ИСИТО, 2004. – 146 с.

506. Михайлов Ю. Забастовка… плюсы и минусы // Мой город. – 1994. – 15 марта.

507. Михайлов Ю. Заменит ли налог дотацию? // Кузбасс. – 1994. – 28 января.

508. Мнацаканян М.О. О природе социальных конфликтов в современной России // Социс. – 1997. – № 6. – С. 81–88.

509. Моржаретто И., Беляков А. Шахтеры учатся политике // Аргументы и факты. – 1995. – № 11 (март). – С. 6.

510. Морозова Е. Отношение кузбассовцев к «железнодорожному бунту» // Кузнецкий край. – 1998. – 2 июня.

511. Морозова Е. Суд Кемеровской области оставил без удовлетворения заявления прокурора области о признании недействительным пункта в «Согласительном протоколе» об уголовном не преследовании участников «рельсовой войны» // Сибирский курьер. – 1998. – 19 октября.

512. Мохначук И.И. Охрана труда и промышленная безопасность в угольной промышленности России // Уголь. – 2003. – № 8. – С. 35–38.

513. На рельсы вышли не напрасно [Электронный ресурс]. – URL: http://delkuz.ru/content/view/6842/ (дата обращения: 15.01.2011 г.).

514. На старых шахтах старые проблемы // Российская газета. – 1998. – 24 июля.

515. Никитин А.И. Реструктуризация угольной промышленности. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.ru-90.ru/node/1318 (дата обращения: 08.01.2015 г.).

516. Николаев Е. Трудное превращение. Рельсовые войны как катализатор социального партнерства [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vremya.ru/print/458.html (дата обращения: 11.04.2016 г.).

517. Новиков В.С., Новиков С.В. Региональные отделения политических партий и печатные СМИ в процессе формирования предпочтений избирателя, 1992–2000 гг. На материалах Западной Сибири: монография / под ред. В.Н. Худякова – Омск: ИПК Макшеевой Е.А., 2011. – 200 с.

518. Новиков С.В. Материалы «устной истории» как источник к изучению политической жизни Сибири 1985–2000 гг. // Омский научный вестник. – 2015. – № 5. – С. 8–11.

519. Новости, цифры, факты, комментарии. Кузбасс: хроника событий 1997–2007. – Кемерово: Книга, 2007. – 285 с.

520. Общественная палата Кемеровской области: десятилетний опыт формирования гражданского общества / сост.: В.А. Лебедев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 152 с.

521. Овчинников В. Интинский эксперимент. Бал правит принцип «умри сегодня ты, а я завтра» // Трибуна. – 1998. – 11 декабря. – С. 3.

522. Овчинников В. Собирание земель. В АО «Интауголь» за три года сменилось три генерала. Почему? // Трибуна. – 1998. – 18 декабря. – С. 3.

523. Огурцов В. Чуда не будет, но деньги можно найти // Российская газета. – 1998. – 26 мая. – С. 1.

524. Олейник А.Н. Есть ли перспектива у социальных движений в России: анализ развития шахтерского движения, 1989–1995 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Oleynik_1996_3.pdf (дата обращения: 13.04.2016 г.).

525. Першиков А.Н. Рец.: Соловенко И.С. «Рельсовые войны» в России в 1998 году: монография / И.С. Соловенко; Юргинский технологический институт. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2011. 209 с. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. № 3 (19). – С. 183–185.

526. Пирожников В. Александр Сергеев: «У меня никогда не было иллюзий» // Наша газета. – 1993. – 8 июня. – С. 3.

527. Пирожников В. Шахты контролируют преступники? // Наша газета. – 1994. – 2 июня. – С. 2.

528. Плотникова Е. Отраслевые профсоюзы: практика колдоговорной работы // Отраслевые профсоюзы: практика колдоговорной работы // Профсоюзы России: организация или пространство? / Под ред. В. Борисова, С. Кларка. – М.: ИСИТО, 2004. – С. 82–104.

529. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm (дата обращения: 18.05.2016 г.).

530. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 240 с.

531. Поздняков Г.С. История города Анжеро-Судженска. – Анжеро-Судженск, 2003. – 294 с.

532. Политическая нестабильность в Республике Коми нанесет удар по ее экономике // Искра. – 1998. – 9 июня.

533. Попов В.Н., А.А. Рожков. Социальные проблемы в угледобывающих регионах при структурной перестройке угольной промышленности России.– М.: [б. и.], 1998. – 256 с.

534. Попов В.Н., Рожков А.А. Социально-экономические аспекты реструктуризации угольной промышленности Польши // Уголь. – 2000. – № 4. – С. 44–48.

635. Попок В. Павлов: положение в Кузбассе взрывоопасно – шахтёры слишком много зарабатывают // Наша газета. – 1991. – 16 августа. – С. 1.

536. Попок В. Стояние на Транссибе // Кузбасс. – 1998. – 21 мая.

537. Попок В. Анжерские хроники // Огни Кузбасса. – 2004. – № 1. – С. 136–151.

538. Поцелуев С.П. Ритуализация конфликта (По материалам «рельсовой войны» 1998 г.) // Полис. – 2004. – № 3. – С. 83–94.

539. Президентская программа подготовки управленческих кадров в Кузбассе / Отв. ред. Кузнецова Н.Я. – Кемерово: ФГУ-ИПП «Кузбасс», 2004. – 352 с.

540. Профсоюзы Кузбасса между прошлым и будущим / Под общ. ред. Скотникова В.Ю. – Кемерово: ООО «РМФ «Весть», 2003. – 124 с.

541. Пьяных Г. Заговор пикетных жилетов // Коммерсантъ-Власть. – 1998. – 14 июля. – С. 9–13.

542. Пяткин А.М. Социальная напряженность в углепромышленных регионах: социальный феномен, реальность и перспектива // Уголь. – 2005. – № 9. – С. 73–79.

543. Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. I. 1895 год. – М.: МПО «Первая Образцовая типография», 1992. – 176 с.

544. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика в трех томах. Том первый. XVII в. – 1904 г. / Под ред. Н.В. Блинова и В.П. Зиновьева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 375 с.

545. Ракитская Г.Я. Социально-трудовые отношения (Общая характеристика и проблемы становления их демократического регулирования в современной России). – М.: Институт перспектив и проблем страны, 2003. – 480 с.

546. Ракитская Г.Я. Проблематика социально-трудовых конфликтов в контексте реального состояния и социально-групповой структуры российского общества // Трудовые отношения и социальные конфликты в современной России. – М.: Современная экономика и право, 2004. – С. 118–125.

547. Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. От массового недовольства, жалобных протестов и выклянчивания соблюдения законов – к солидарному массовому политическому давлению и конструктивному политическому действию //

Перспективы и проблемы России. Выпуск 6. Текущий исторический момент: идеологии и стратегии общественных движений. – М.: Институт перспектив и проблем страны, февраль 1997. – С. 72–87.

548. Рожков А.А. Социально-экономические последствия реструктуризации угольной отрасли России. Избранные труды. – М.: Издательство ФГУП ЦНИЭИуголь, 2003. – 480 с.

549. Рожков А.А., Анистратов М.К., Фролов А.А. Трансформация социально-экономических механизмов структурных преобразований в угольной промышленности России // Горная промышленность. – 2015. – № 5. – С. 36–42.

550. Россихин В. Анализ состояния охраны труда и здоровья на предприятиях угольной промышленности России // Искра. – 1998. – 28 мая.

551. Ротин В.Г. Основные проблемы шахтерских городов и пути их решения на втором этапе реструктуризации угольной промышленности // Уголь. – 2000. – № 3. – С. 5–8.

552. Ротин В.Г., Черни А.В. Роль ассоциации шахтерских городов в решении социальных проблем угольных муниципалитетов // Уголь. – 2001. – № 3. – С. 29–31.

553. Рудык Э.Н., Керемецкий Я.Н., Булавка Л.А. Рабочий протест в России: опыт и проблемы. – М.: Экономическая демократия, 2000. – 124 с.

554. Руткевич М.Н. Социальная поляризация // Социс. 1992. – № 9. – С. 3–16.

555. Рушкевич О.П. Обсуждаются проблемы охраны труда и здоровья шахтеров // Уголь. – 2000. – № 5. – С. 56–58.

556. Саламатин А.Г. Угольная промышленность России: проблемы и возможности устойчивого развития // Уголь. – 1999. – № 8. – С. 4–8.

557. Саламатин А.Г. О ходе реструктуризации угольной промышленности и перспективах ее развития в условиях рыночной экономики // Уголь. – 1999. – № 12. – С. 4–8.

558. Саламатин А.Г. Угольная промышленность России на пороге нового тысячелетия // Уголь. – 2000. – № 1. – С. 3–5.

559. Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Том 1. – № 4. – С. 116–130.

560. Селезнев Ф. Промышленная политика государства: исторический опыт России // Вопросы экономики. – 2011. – № 4. – С. 149–153.

561. Сергачев С.Л. Необходимость новых подходов к анализу общественно-политического движения в Кузбассе 1989–1993 годов // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – С. 193–194.

562. Серебрянников В.В. Системный кризис и предотвращение насилия // Власть. – 1998. – № 10–11. – С. 82–86.

563. Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 19–21 октября 2005 г.) / Под ред. д-ра ист. наук В.П. Зиновьева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 304 с.

564. Синявский Б. Навечно замороженные // Известия. – 1998. – 27 мая. – С. 4.

565. Синявский Б. Кузбасские горноспасатели «легли» – последуют ли за ними шахты региона // Кузбасс. – 1996. – 27 ноября.

566. Скубневский В.А. О взаимоотношениях предпринимателей и рабочих Сибири. Вторая половина XIX – начало XX века // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX веков: к 60-летию проф. В. А. Скубневского : сб. науч. тр. – Барнаул : Изд-во «Аз Бука», 2005. – С. 243–256.

567. Смолин О.Н. Политический процесс в современной России: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Политология». – М.: Проспект, 2004. – 326 с.

568. Смирнов С., Исаев Н. Социальная политика: новый курс // Вопросы экономики. – 1999. – № 2. – С. 65–73.

569. Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. – 1998. – № 4. – С. 124–134.

570. Соколов М. Истерика на Горбатом мосту // Известия. – 1998. – 28 июля. – С. 2.

571. Соловенко И.С., Епифанцев К.В. «Жаркое» лето 98-го // Новая газета. – 2008. – 10 декабря.

572. Соловенко И.С., Епифанцев К.В. «Рельсовая война» в Юрге в 1998 году. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2009. – 135 с.

573. Соловенко И.С. «Рельсовая война» в Кузбассе в 1998 г.: этапы, особенности и результаты // Вестник ТГУ. История. – 2010. – № 3 (11). – С. 103–109.

574. Соловенко И.С. «Рельсовые войны» в России в 1998 году: монография / И.С. Соловенко; Юргинский технологический институт. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – 209 с.

575. Соловенко И.С. Из истории «рельсовой войны» в Кузбассе в 1998 г. // Омский научный вестник. – 2010. – № 4 (89). – С. 9–12.

576. Соловенко И.С. Радикальные формы протеста шахтёров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям (1992–1999 гг.) // Власть, общество, личность: VII Всероссийская научно-практическая конференция / МНИЦ ПГСХА. – Пенза: РИО ПГСХА, 2012. – С. 80–85.

577. Соловенко И.С. К вопросу о реструктуризации угольной промышленности в Кузбассе // Инновационные технологии и экономика в машиностроении: сборник трудов III Международной научно-практической конференции с элементами научной школы для молодых ученых. – Т. 2 / Юргинский технологический институт. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. – С. 164–170.

578. Соловенко И.С. Протестное движение шахтёров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям (1992–1999 гг.): монография / И.С. Соловенко; Юргинский технологический институт. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. – 227 с.

579. Соловенко И.С. Требования шахтёров Кузбасса во время перехода к рынку (1992–1999 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 4 (14). – С. 49–53.

580. Соловенко И.С., Швецова О.А. Архивные документы о «рельсовой войне» в Юрге в 1998 г. // Отечественные архивы. – 2010. – № 5. – С. 75–80.

581. Сорокин С. Шахтерский тупик // Молодежь севера. – 1998. – 28 мая. – С. 5.

582. Социально-экономический потенциал как основа поступательного развития постперестроечной России… / Рос. Аккад. Наук, Урал. отд-ние [и др.] ; Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. – Москва : Экономика, 2015. – 1039 с. – (Близкая и такая неразгаданная экономика; т. III).

583. Социально-экономическое положение России в первом полугодии 1994 года // Вопросы статистики. – 1994. – № 1. – С. 53–67.

584. Стачки: история и современность / А.А. Галкин, К.М. Кантор; отв. ред. Р.Я. Евзеров ; Академия наук СССР, Институт международного рабочего движения. – М.: Издательство «Наука», 1978. – 344 с.

585. Султанов О. Реальность особого рода // Искра. 1998. 2 июля.

586. Сумароков В., Шахов В. Коми на переломе. 10 лет, которые потрясли республику. – Сыктывкар: ФСУ «Издательство «Трибуна», 2013. – 352 с.

587. Тамбовцев В.Л. Институциональные изменения в российской экономике // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 44–53.

588. Темницкий А.Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // Мир России. – 2006. – № 2. – С. 79–107.

589. Трофимов В. Уроки моего провала // Дуэль. – 1999. – 6 апреля.

590. Трудовая демократия. Выпуск 25. Ракитский Б.В. Самозащита трудящихся в обществе. – М.: Институт перспектив и проблем страны. Ноябрь 1999 г. – 40 с.

591. Трусов Н. Репрессии. Шахтёров власти обманывают. Активистов – преследуют // На-гора! – 1998. – № 17–18, сентябрь. – С. 3.

592. Трусов Н. Протесты или переговоры? // Горняцкая солидарность. – 1999. – 24 сентября.

593. Трушков В.В. Современный рабочий класс России в зеркале статистики // Социс. – 2002. – № 2. – С. 45–51.

594. Тулеев А.Г. Кузбасс. Сибирь. Россия... – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 379 с.

595. Тулеев А.Г. Преодоление. – 3-е изд., перераб. и доп. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – 583 с.

596. Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996. / К. А. Заболотская. – Кемерово: Книжное издательство, 1997. – 301 с.

597. Угольная промышленность: неплатежи растут, но реструктуризация отрасли продолжается // Человек и труд. – 1996. – № 5. – С. 65–68.

598. Угольная промышленность России на пути реформ // Уголь. – 1995. – № 1. – С. 4–5.

599. Угольный Кузбасс: страницы истории / Дьяков Ю.И. – Кемерово, 2005. – 428 с.

600. Упоров Д.А. Изменение качественного состава шахтёрских кадров юга Кузбасса в 1950–1980-е гг. // Актуальные проблемы отечественной истории XX века: Сборник научных трудов / отв. ред. К.А. Заболотская. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 137–141.

601. Урбан О.А. Формирование эффективного собственника в базовых отраслях промышленности Кузбасса. [Электронный ресурс]. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/02/04/1214885993/Urban_04.pdf (дата обращения: 06.10.2015 г.).

602. Филипов Д. Трагедия шахтеров Воркуты // Мир Севера. – 1998. – № 5–6. – С. 25–26.

603. Фридман Ю.А. Речко Г.Н. Кузбасс: структурный пасьянс // ЭКО. – 2011. – № 9. – С. 34–49.

604. Хроника трудового подвига. – Междуреченск: Контакт, 2005. – 427 с.

605. Чекалкин В.И. Кризис в России: участники, итоги и перспективы // Власть. 1998. – № 10–11. – С. 22–23.

606. Чекис А. Когда в товарищах согласья нет… // Профсоюзы и экономика. – 1992. – № 5. – С. 37–40.

607. Чувашова Н.И. Социально-политические конфликты в российском обществе. – Архангельск: Изд-во Арханг. гос. техн. ун-та, 2005. – 175 с.

608. Чуланов В.А., Бурьянов О.В. Реформы и социальная позиция шахтеров. – Шахты: Изд-во АО ф. «Принтер», 1996. – 46 с.

609. Чурашев В., Плешкова Л. Есть ли будущее у российского угля? // ЭКО. – 1997. – № 2. – С. 74–85.

610. Шадрин В. Гордиев узел шахтерских проблем // Искра. – 1998. – 31 октября.

611. Шашков Н.И. Приморье в конце двух веков. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – 114 с.

612. Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина Моск. Центр Карнеги. – М.: РОССПЭН, 1999. – 534 с.

613. Шепелева Н.А., Огнев С.П. Оптимизация численности персонала в условиях реструктуризации угольной промышленности России на основе модельного подхода // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 7. – С. 1052. [Электронный ресурс]. – URL: http://journals.creativeconomy.ru/index.php/rp/article/view/178/ (дата обращения: 30.01.2017 г.).

614. Шишков Ю.В. На пути к рыночной экономике (социальный аспект) // Социс. – 1992. – № 9. – С. 70–80.

615. Штанько М.А. Политический мир России: учебное пособие для студентов Гуманитарного факультета по специальности «Регионоведение» / сост. М.А. Штанько. – Томск: Издательство Томского политехнического университета. 2007. – 105 с.

616. Щадов В.М. Рост рентабельности угольного производства // Уголь. – 2005. – № 8. – С. 4–7.

617. Щадов В.М. Угольная промышленность России: стратегия и потенциал будущего // Уголь. – 2005. – № 3. – С. 3–5.

618. Экгардт В. Работать с федеральным правительством становится все сложнее // Регион. – 1998. – № 3. – С. 34.

619. Экгардт В.И., Рыбкин В.К., Смирнов М.И. Печорский угольный бассейн – проблемы и перспективы // Уголь. – 1999. – № 8. – С. 54–57.

620. Ядов В.А., Климова С.Г., Халий И.А., Климов И.А., Кинсбурский А.В., Топалов М.Н., Клеман К. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корреспондент РАН М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 85–101.

621. Яновский А.Б., Скрыль А.И. Реструктуризация угольной промышленности России: предпосылки, опыт, проблемы, перспективы // Уголь. – 1999. – № 7. – С. 14–18.

622. Ясин Е. Поражение или отступление? (российские реформы и финансовый кризис) // Вопросы экономики. – 1999. – № 2. – С. 4–28.

623. Bergbauproteste im Kuzbass. Das Jahr des Schienenkrieges in Fallstudien Petr Bizyukov / Inna Donova / Konstantin Burnyshev / Olga Vinokurova // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. – Köln, 1999. – № 36. – S. 5–31.

624. Harte S., Grävingholt J., Pleiners, H., Schröder H-H. Geschäfte mit der Macht. Edition Temmen. – 2003, Bremen. – 383 s.

625. Island close to blackout: BBC News Online [Electronic resource]. – URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/144708.stm (дата обращения: 14.04.2016 г.).

626. Kust T.S., Solovenko I.S., Rumyantsev P.P. Political causes and factors influencing protests of miners in Russia (1992–1999) [Electronic resource] // SHS Web of Conferences. – Les Ulis: EDP Sciences, 2016. – Vol. 28 : Research Paradigms

Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). – [01062, 5 p.]. – Title screen. – Свободный доступ из сети Интернет. – URL: http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20162801062 (дата обращения: 03.02.2017 г.).

627. Miners Block Trans-Siberian Railway: Encyclopedia.com. [Electronic resource]. – URL: http://www.encyclopedia.com/doc/1P2-678155.html (дата обращения: 23.12.2017 г.).

628. Pleines H. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien (Ed.): Die postsowjetische Strukturkrise der russischen Kohleindustrie. Köln, 1999 (Berichte / BIOst 19-1999). [Electronic resource]. – URN: http://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/4404 (дата обращения: 14.04.2016 г.).

629. Pleines H. Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine. Eine vergleichende Politikfeldanalyse. Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa, Bremen. – Nr. 80. 2006. – 57 p.

630. Russian Miners Protest Wage Promise [Electronic resource]. – URL: http://www.northstarcompass.org/nsc9806/miners.htm (дата обращения: 27.02.2017 г.).

631. Solovenko I.S., Kust T.S. Social Attitudes to Miners' Protests during the Transition to Market Relations (1992 – 1999) // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 166. – P. 660–665.

632. Solovenko I.S., Kust T.S., Rumyantsev P.P. Negative Phenomena in Social Sphere of Miners' Towns and Settlements during Transition to Market Economy (1992–1999) [Electronic resource] // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). – 2016. – Vol. 7 : Lifelong Wellbeing in the World (WELLSO 2015). – [P. 59–68]. – Title screen. – Доступ по договору с организацией-держателем ресурса. – URL: http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2016.02.9 (дата обращения: 03.02.2017 г.).

633. Striking miners force state of emergency in Kemerovo: BBC News [Electronic resource]. – URL: http://news.bbc.co.uk/2/low/europe/97296.stm (дата

обращения: 14.04.2016 г.).

Диссертации и авторефераты диссертаций

634. Бирюкова О.В. История реструктуризации угольной промышленности Кузбасса (середина 80-х гг. – начало XXI в.). Автореферат … канд. ист. наук. – Кемерово. 2005. – 26 с.

635. Жигунов Л.Э. Солидарное поведение как характеристика политической субъектности российских шахтёров. Дисс. … доктора политических наук. – Новочеркасск. – 2000. – 253 с.

636. Казьмин В.Н. Идейно-политическая ситуация в России в 1971–1991 гг.: центр и регионы Западной Сибири. Автореферат дис. ... докт. ист. наук. – Кемерово, 2010. – 45 с.

637. Калтырина Е.Л. Рабочий класс современной России: структурные и статусные изменения (на примере угледобывающих предприятий депрессивного региона). Дисс. … канд. социол. наук. – Новочеркасск, 1999. – 143 с.

638. Карпенко К.С. Исторический опыт социальных движений в России в конце 1980-х – начале 2000-х годов: на материалах шахтерского движения в Ростовской области. Дисс. … канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2017. – 192 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/disser_Karpenko.pdf (дата обращения: 05.04.2017 г.).

639. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России. Дисс. … канд. экон. наук. – М., 2003. – 198 с.

640. Никифоров О.А. Развитие малого предпринимательства в Западной Сибири (1990–1999 гг.). Дисс. … докт. ист. наук. – Красноярск, 2004. – 477 с.

641. Поздняков С.В. Политический протест. Дисс. … канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону. 2002. – 168 с.

642. Чекменёва Т.Г. Политический консенсус в трансформирующемся обществе: механизмы формирования и условия сохранения. Дисс. … канд. политических наук. – Воронеж, 2001. – 218 с.

643. Чураков Д.О. Рабочие России и становление советской государственности (причины, динамика и методы преодоления рабочего протеста). Конец 1917–1918 год. Автореферат дисс. … докт. ист. наук. – М., 2006. – 36 с.

644. Штурба Е.В. Формирование и реализация концепции национальной безопасности Российской Федерации в 1992–2004 гг. Автореферат … докт. ист. наук. – М., 2009. – 33 с.

645. Юрин Е.А. Социальная деконструкция профессиональных шахтёрских сообществ в процессе реструктуризации угольной отрасли. Дисс. … кандидата социологических наук. – Новочеркасск, 2005. – 129 с.